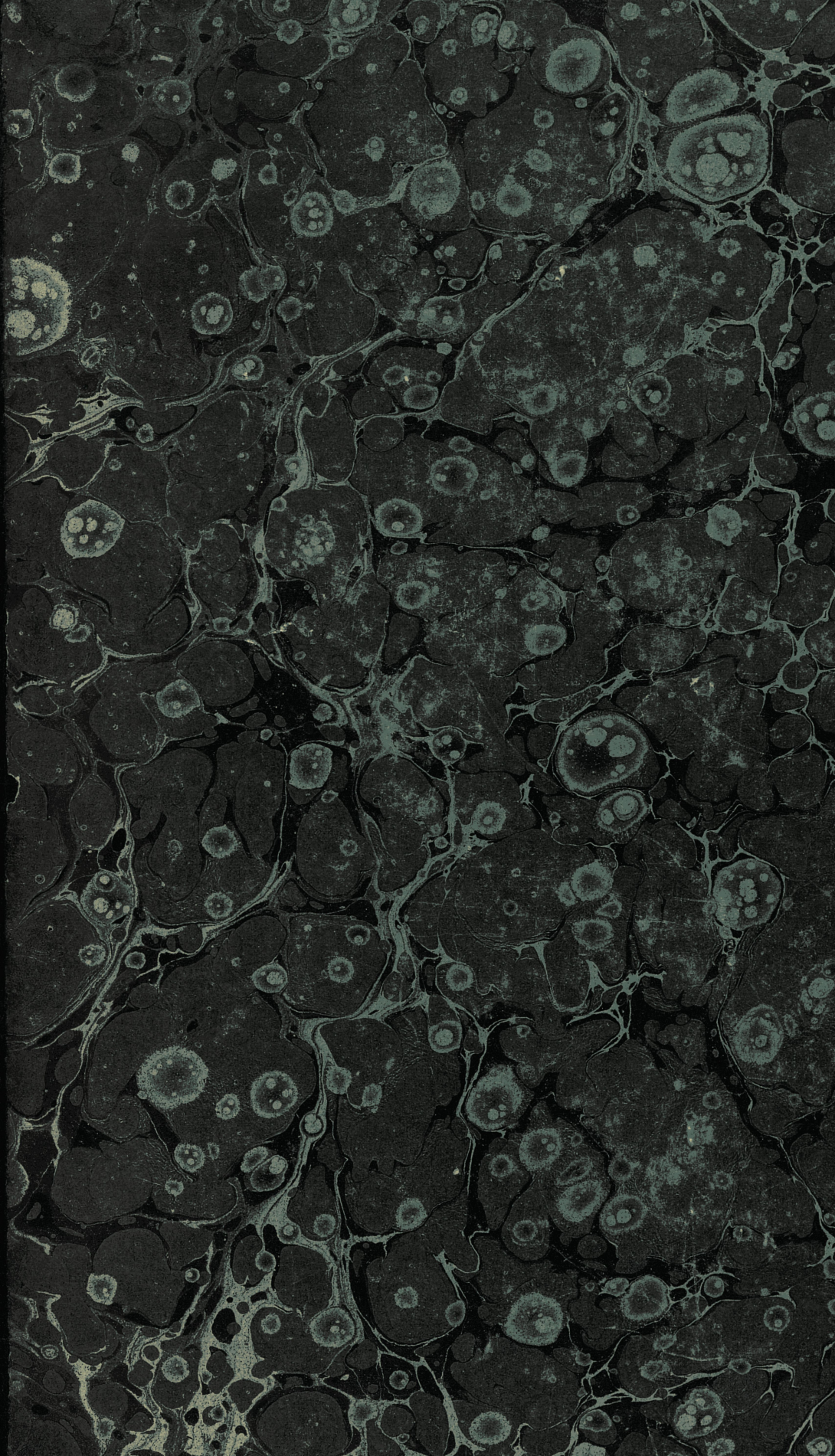

Сочиненіи
Достоевскаго

2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе.

Изданіе п собственность

Ф. СТЕДЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества, Коммиссіонера Придворной Пѣвческой Канеллы и Дирекціи Императорскихъ театровъ, и владѣтеля извѣстнаго торговаго дома И Пеца, существующаго съ 1785 года.

Въ Большой Морской, въ домъ Лауферта, № 27, въ С. Петербургъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1865.

Дозволено Ценсурою. С. Петербургъ, 24-го Іюля 1865 года.

ТОМЪ II.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Прошлаго года, двадцать втораго марта, вечеромъ, со мной случилось престранное происшествіе. Весь этотъ день я ходилъ по городу и искалъ себѣ квартиру. Старая была очень сыра, а я тогда уже начиналъ дурно кашлять. Еще съ осени хотѣлъ переѣхать, а дотянулъ до весны. Въ цѣлый день я ничего не могъ найти порядочнаго. Во-первыхъ, хотѣлось квартиру особенную, не отъ жильцовъ, а во-вторыхъ, хотъ одну комнату, но непременно большую, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ можно дешевую. Я замѣтилъ, что въ тѣсной квартирѣ даже и мыслить тѣсно. Я же, когда обдумывалъ свои будущія повѣсти, всегда любилъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Кстати: мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ и, право, это было не отъ лѣности. Отчего же?

Еще съ утра я чувствовалъ себя не здоровымъ, а къ закату солнца мнѣ стало даже и очень не хорошо: начиналось что-то въ родѣ лихорадки. Къ тому же я цѣлый день былъ на ногахъ и усталъ. Къ вечеру, передъ самыми сумерками, проходилъ я по Вознесенскому проспекту. Я люблю мартовское солнце въ Петербургѣ, особенно закатъ, разумѣется, въ ясный, морозный вечеръ. Вся улица вдругъ блеснетъ, облитая яркимъ свѣтомъ. Всѣ дома какъ-будто вдругъ засверкаютъ. Сѣрые, желтые и грязно-зеленые цвѣта ихъ потеряютъ на мигъ всю свою угрюмость; какъ будто на душѣ прояснѣетъ, какъ будто вздрогнешь, или кто-то подтолкнетъ тебя локтемъ. Новый взглядъ, новыя мысли... Удивительно, что можетъ сдѣлать одинъ лучъ солнца съ душой человѣка!

Но солнечный лучъ потухъ; морозъ крѣпчалъ и начиналъ пощипывать за носъ; сумерки густѣли; газъ блеснулъ изъ магазиновъ и лавокъ. Порав-

нявшись съ кондитерской Миллера, я вдругъ остановился какъ вкопанный и сталъ смотрѣть на ту сторону улицы, какъ будто предчувствуя, что вотъ сейчасъ со мной случится что-то необыкновенное; и въ это-то самое мгновеніе, на противоположной сторонѣ, я увидѣлъ старика и его собаку. Я очень хорошо помню, что сердце мое сжалось отъ какого-то непріятнѣйшаго ощущенія, и я самъ не могъ рѣшить, какого рода было это ощущеніе.

Я не мистикъ; въ предчувствія и гаданья почти не вѣрю; однако со мною, какъ можетъ быть и со всѣми, случилось въ жизни нѣсколько происшествій, довольно необъяснимыхъ. Напримѣръ, хотъ этотъ старикъ: почему при тогдашней моей встрѣчѣ съ нимъ, я тотчасъ почувствовалъ, что въ тотъ же вечеръ со мной случится что-то не совсѣмъ обыденное? Впрочемъ, я былъ боленъ; а болѣзненные ощущенія почти всегда бываютъ обманчивы.

Старикъ своимъ медленнымъ, слабымъ шагомъ, переставляя ноги, какъ будто палки, какъ будто не сгибая ихъ, сгорбившись и слегка ударяя тростью о плиты тротуара, приближался къ кондитерской. Въ жизнь мою не встрѣчалъ я такой странной, нелѣпой фигуры. И прежде, до этой встрѣчи, когда мы сходились съ нимъ у Миллера, онъ всегда болѣзненно поражалъ меня. Его высокій ростъ, сгорбленная спина, мертвенное восьмидесятилѣтнее лицо, старое пальто, разорванное по швамъ, изломанная, круглая, двадцатилѣтняя шляпа, прикрывавшая его обнаженную голову, на которой уцѣлѣлъ, на самомъ затылкѣ, клочекъ уже не сѣдыхъ, а бѣложелтыхъ волосъ; всѣ движенія его, дѣлавшіяся какъ-то бессмысленно, какъ-будто по заведенной пружинѣ,—все это невольно поражало всякаго, встрѣчавшаго его въ первый разъ. Дѣйствительно, какъ-то странно было видѣть такого отжившаго свой вѣкъ старика, одного, безъ присмотра, тѣмъ болѣе, что онъ былъ похожъ на

сумасшедшаго, убѣжавшаго отъ своихъ надзирательей. Поражала меня тоже его необыкновенная худоба: тѣла на немъ уже почти не было и какъ будто на кости его была наклеена только одна кожа. Большіе, но тусклые глаза его, вставленные въ какіе-то синіе круги, всегда глядѣли прямо передъ собою, никогда въ сторону и никогда ничего не видя, — я въ этомъ увѣренъ. Онъ хотъ и смотрѣлъ на васъ, но шелъ прямо на васъ же, какъ будто передъ нимъ пустое пространство. Я это нѣсколько разъ замѣчалъ. У Миллера онъ началъ являться недавно, неизвѣстно откуда и всегда вмѣстѣ съ своею собакой. Никто никогда не рѣшался съ нимъ говорить изъ посѣтителей кандитерской, и онъ самъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не заговаривалъ.

«И за чѣмъ онъ таскается къ Миллеру, и что ему тамъ дѣлать?» думалъ я, стоя по другую сторону улицы и непреодолимо къ нему приглядываясь. Какая-то досада, — слѣдствіе болѣзни и усталости, — закипала во мнѣ. — Объ чемъ онъ думаетъ? продолжалъ я про себя, что у него въ головѣ? Да и думаетъ ли еще онъ о чемъ нибудь? Лишь его до того умерло, что ужъ рѣшительно ничего не выражаетъ. И откуда онъ взялъ эту гадкую собаку, которая не отходитъ отъ него, какъ будто составляетъ съ нимъ что-то цѣлое, неразъединимое и которая такъ на него похожа?

Этой несчастной собакѣ, кажется, тоже было лѣтъ восемьдесятъ; да, это непременно должно было быть. Во-первыхъ, съ виду она была такъ стара, какъ не бываютъ никакія собаки, а во-вторыхъ, отчего же мнѣ, съ перваго раза, какъ я ее увидалъ, тотчасъ же пришло въ голову, что эта собака не можетъ быть такая, какъ всѣ собаки; что она — собака необыкновенная; что въ ней непременно должно быть что-то фантастическое, заколдованное; что это, можетъ быть, какой нибудь Мефистофель въ собачьемъ видѣ, и что судьба ея какими-то таинственными, невѣдомыми путями соединена съ судьбою ея хозяйни. Глядя на нее, вы бы тотчасъ же согласились, что навѣрно прошло уже лѣтъ двадцать, какъ она въ послѣдній разъ ѣла. Худа она была какъ скелетъ, или (чего же лучше?), какъ ея господинъ. Шерсть на ней почти вся вылѣзла, тоже и на хвостѣ, который висѣлъ какъ палка, всегда крѣпко поджатый. Длинноухая голова угрюмо свѣшивалась внизъ. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ такой противной собаки. Когда оба они шли по улицѣ, господинъ впереди, а собака за нимъ слѣдомъ, то ея носъ прямо касался полы его платья, какъ будто къ ней приклеенный. И походка ихъ и весь ихъ видъ чуть не проговаривали тогда съ каждымъ шагомъ:

«Стары-то мы стары, Господи, какъ мы стары!»

Помню, мнѣ еще пришло однажды въ голову, что старикъ и собака, какъ нибудь выкарабкались изъ какой нибудь страницы Гоффмана, иллюстрированнаго Гаварни, и разгуливаютъ по бѣлому

свѣту въ видѣ ходячихъ афишекъ къ изданью. — Я перешелъ черезъ улицу и вошелъ вслѣдъ за старикомъ въ кандитерскую.

Въ кандитерской старикъ аттестовалъ себя странно и Миллеръ, стоя за своимъ прилавкомъ, началъ уже, въ послѣднее время, дѣлать недовольную гримасу при входѣ незваннаго посѣтителя. Во-первыхъ, странный гость никогда ничего не спрашивалъ. Каждый разъ онъ прямо проходилъ въ уголокъ къ печкѣ и тамъ садился на стулъ. Если же его мѣсто у печки бывало занято, то онъ, постоявъ нѣсколько времени въ бессмысленномъ недоумѣніи противъ господина, занявшаго его мѣсто, уходилъ, какъ будто озадаченный, въ другой уголокъ къ окну. Тамъ выбиралъ какой-нибудь стулъ, медленно усаживался на немъ, снималъ шляпу, ставилъ ее подлѣ себя на полъ, трость клалъ возлѣ шляпы и затѣмъ, откинувшись на спинку стула, оставался неподвиженъ въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ. Никогда онъ не бралъ въ руки ни одной газеты, не произнесъ ни одного слова, ни одного звука; а только сидѣлъ, смотря передъ собою во всѣ глаза, но такимъ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, что можно было побиться объ закладъ, что онъ ничего не видитъ изъ всего окружающаго и ничего не слышитъ. Собака же, окружившись раза два или три на одномъ мѣстѣ, угрюмо укладывалась у ногъ его, втыкала свою морду между его сапогами, глубоко вздыхала и вытянувшись во всю свою длину на полу, тоже оставалась неподвижною на весь вечеръ, точно умирала на это время. Казалось, эти два существа цѣлый день лежатъ гдѣ нибудь мертвые и, какъ зайдетъ солнце, вдругъ оживаютъ единственно для того, чтобъ дойти до кандитерской Миллера и тѣмъ исполнить какую-то таинственную, никому неизвѣстную обязанность. Насидѣвшись часа три-четыре, старикъ наконецъ вставалъ, бралъ свою шляпу и отправлялся куда-то домой. Поднималась и собака и, опять поджавъ хвостъ и свѣсивъ голову, медленнымъ прежнимъ шагомъ, машинально слѣдовала за нимъ. Посѣтителю кандитерской наконецъ начали всячески обходить старика и даже не сажались съ нимъ рядомъ, какъ будто онъ внушалъ имъ омерзеніе. Онъ же ничего этого не замѣчалъ.

Посѣтителю этой кандитерской большею частію нѣмцы. Они собираются сюда со всего Вознесенскаго проспекта; — все хозяева различныхъ заведений: слесаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, сѣдельники, — все люди патріархальные въ нѣмецкомъ смыслѣ слова. У Миллера вообще наблюдалась патріархальность. Часто хозяинъ подходилъ къ знакомымъ гостямъ и садился вмѣстѣ съ ними за столъ, причемъ осушалось извѣстное количество пунша. Собаки и маленькія дѣти хозяйни тоже выходили иногда къ посѣтителямъ, и посѣтителю ласкали и дѣтей и собакъ. Всѣ были между собою знакомы и всѣ взаимно уважали другъ друга. И когда гости углублялись въ чтеніе нѣ-

мецких газетъ, за дверью, въ квартирѣ хозяина, трещалъ августинъ, наигрываемый на дребезжащихъ фортепіанахъ старшей хозяйской дочкой, бѣлокуренькой нѣмочкой въ локонахъ, очень похожей на бѣлую мышку. Вальсъ принимался съ удовольствіемъ.—Я ходилъ къ Миллеру въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца читать русскіе журналы, которые у него получались.

Войдя въ кандитерскую, я увидѣлъ, что старикъ уже сидитъ у окна, а собака лежитъ, какъ и прежде, растянувшись у ногъ его. Молча сѣлъ я въ уголъ и мысленно задалъ себѣ вопросъ: «зачѣмъ я вошелъ сюда, когда мнѣ тутъ рѣшительно нечего дѣлать, когда я боленъ и нужнѣе было бы спѣшить домой, выпить чаю и лечь въ постель? Неужели въ самомъ дѣлѣ я здѣсь только для того, чтобъ разглядывать этого старика?» Досада взяла меня. «Что мнѣ за дѣло до него», думалъ я, припоминая то странное, болѣзненное ощущеніе, съ которымъ я глядѣлъ на него еще на улицѣ. «И что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ скучныхъ нѣмцевъ? Къ чему это фантастическое настроеніе духа? Къ чему эта дешевая тревога изъ пустяковъ, которую я замѣчаю въ себѣ въ послѣднее время и которая мѣшаетъ жить и глядѣть ясно на жизнь, о чемъ уже замѣтилъ мнѣ одинъ глубокомысленный критикъ, съ негодованіемъ разбирая мою послѣднюю повѣсть?» Но раздумывая и сѣтуя, я все-таки оставался на мѣстѣ, а между тѣмъ болѣзнь одолевала меня все болѣе и болѣе, и мнѣ, наконецъ, стало жаль оставить теплую комнату. Я взялъ франкфуртскую газету, прочелъ двѣ строки и задремалъ. Нѣмцы мнѣ не мѣшали. Они читали, курили, и только изрѣдка, въ полчаса разъ, сообщали другъ другу, отрывочно и вполголоса, какуюнибудь новость изъ Франкфурта, да еще какойнибудь вицъ или шарфзинъ знаменитаго нѣмецкаго остроумца Сафира; послѣ чего, съ удвоенною національною гордостью, вновь погружались въ чтеніе.

Я дремалъ съ полчаса и очнулся отъ сильного озноба. Рѣшительно надо было идти домой. Но въ ту минуту одна нѣмая сцена, происходившая въ комнатѣ, еще разъ остановила меня. Я сказалъ уже, что старикъ, какъ только усаживался на своемъ стулѣ, тотчасъ же упирался куданибудь своимъ взглядомъ и уже не сводилъ его на другой предметъ во весь вечеръ. Случалось и мнѣ попадаться подъ этотъ взглядъ, бессмысленно упорный и ничего не различающій: ощущеніе было пренепріятное, даже невыносимое, и я обыкновенно какъ можно скорѣе перемѣнялъ мѣсто. Въ эту минуту жертвой старика былъ одинъ маленький, кругленькій и чрезвычайно опрятный нѣмчикъ, со стоячими, туго накрахмаленными воротничками и съ необыкновенно краснымъ лицомъ, пріѣзжій гость, купецъ изъ Риги, Адамъ Ивановичъ Шульцъ, какъ узналъ я послѣ, кроткій пріятель Миллеру, но не знавшій еще старика и многихъ изъ посѣтителей. Съ наслажденіемъ почитывая «Dorffbarbier» и по-

пивая свой пуншъ, онъ вдругъ, поднявъ голову, замѣтилъ надъ собой неподвижный взглядъ старика. Это его озадачило. Адамъ Ивановичъ былъ человѣкъ очень обидчивый и щекотливый, какъ и вообще всѣ «благородные» нѣмцы. Ему показалось страннымъ и обиднымъ, что его такъ пристально и безцеремонно разсматриваютъ. Съ подавленнымъ негодованіемъ отвелъ онъ глаза отъ неделикатнаго гостя, пробормоталъ себѣ что-то подносъ и молча закрылся газетой. Однако не потерпѣлъ, и минуты черезъ двѣ подозрительно взглянулъ изъ-за газеты: тотъ же упорный взглядъ, тоже бессмысленное разсматриваніе. Смолчалъ Адамъ Ивановичъ и въ этотъ разъ. Но когда тоже обстоятельство повторилось и въ третій, онъ вспыхнулъ и почелъ своею обязанностию защитить свое благородство и не уронить передъ благородной публикой прекрасный городъ Ригу, котораго, вѣроятно, считалъ себя представителемъ. Съ нетерпѣливымъ жестомъ бросилъ онъ газету на столъ, энергически стукнулъ палочкой, къ которой она была прикрѣплена, и пылая собственнымъ достоинствомъ, весь красный отъ пунша и отъ амбиціи, въ свою очередь уставился своими маленькими, воспаленными глазками на досаднаго старика. Казалось, оба они, и нѣмецъ и его противникъ, хотѣли пересилить другъ друга магнитическою силою своихъ взглядовъ и выжидали, кто раньше сконфузится и опуститъ глаза. Стукъ палочки и эксцентрическая позиція Адама Ивановича, обратили на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей. Всѣ тотчасъ же отложили свои занятія и съ важнымъ, безмолвнымъ любопытствомъ наблюдали обоихъ противниковъ. Сцена становилась очень комическою. Но магнетизмъ вызывающихъ глазокъ красненькаго Адама Ивановича, совершенно пропалъ даромъ. Старикъ, не работая ни о чемъ, продолжалъ прямо смотрѣть на взбѣсившагося г-на Шульца и рѣшительно не замѣчалъ, что сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, какъ будто голова его была на лунѣ, а не на землѣ. Терпѣніе Адама Ивановича наконецъ лопнуло и онъ разразился.

— Зачѣмъ вы на меня такъ внимательно смотрите? прокричалъ по-нѣмецки, рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ и съ угрожающимъ видомъ.

Но противникъ его продолжалъ молчать, какъ будто не понималъ и даже не слыхалъ вопроса. Адамъ Ивановичъ рѣшился заговорить по-русски.

— Я васъ спросить, зачѣмъ вы на мнѣ такъ прилежно взираете? прокричалъ онъ съ удвоенною яростію.—Я ко двору извѣстенъ, а вы неизвѣстенъ ко двору! прибавилъ онъ, вскочивъ со стула.

Но старикъ даже и не пошевелился. Между нѣмцами раздался ропотъ негодованія. Самъ Миллеръ, привлеченный шумомъ, вошелъ въ комнату. Вникнувъ въ дѣло, онъ подумалъ, что старикъ глухъ, и погнался къ самому его уху.

— Каспадинъ Шульцъ васъ просилъ прилежно не взирать на него, проговорилъ онъ какъ мож-

но громче, пристально всматриваясь въ непонятнаго посѣтителя.

Старикъ машинально взглянулъ на Миллера и, вдругъ, въ лицѣ его, доселѣ неподвижномъ, обнаружилъ признаки какой-то тревожной мысли, какого-то безпокойнаго волненія. Онъ засуетился, нагнулся кряхтя къ своей шляпѣ, торопливо схватилъ ее вмѣстѣ съ палкой, поднялся со стула и съ какой-то жалкой улыбкой, — униженной улыбкой бѣдняка, котораго гонять съ занятаго имъ по ошибкѣ мѣста, приготовился выйти изъ комнаты. Въ этой смиренной, покорной торопливости бѣднаго, дряхлаго старика было столько вызывающаго на жалость, столько такого, отчего иногда сердце точно перерывается въ груди, что вся публика, начиная съ Адама Ивановича, тотчасъ же перемѣнила свой взглядъ на дѣло. Было ясно, что старикъ не только не могъ кого нибудь обидѣть, но самъ каждую минуту понималъ, что его могутъ отсюда выгнать, какъ нищаго.

Миллеръ былъ человекъ добрый и сострадательный.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ онъ, ободрительно трепля старика по плечу, — сидитъ! Аберъ геръ Шульцъ очень просилъ васъ прилежно не взирая на него. Онъ у двора извѣстенъ.

Но бѣднякъ и тутъ не понималъ; онъ засуетился еще больше прежняго, нагнулся поднять свой платокъ, старый, дырявый, синій платокъ, вынавшій изъ шляпы, и сталъ кликать свою собаку, которая лежала не шевелясь на полу и, по видимому, вѣрно спала, заслонивъ свою морду обѣими лапами.

— Азорка, Азорка! прошамкалъ онъ дрожащимъ, старческимъ голосомъ, — Азорка!

Азорка не пошевелилась.

— Азорка, Азорка! тоскливо повторялъ старикъ и пошевелилъ собаку палкой, но та оставалась въ прежнемъ положеніи.

Палка выпала изъ рукъ его. Онъ нагнулся, сталъ на оба колѣна и обѣими руками приподнял морду Азорки. Бѣдный Азорка! онъ былъ мертвъ. Онъ умеръ неслышно, у ногъ своего господина, можетъ быть отъ старости, а можетъ-быть и отъ голода. Старикъ съ минуту глядѣлъ на него, какъ пораженный, какъ-будто не понимая, что Азорка уже умеръ; потомъ тихо склонился къ бывшему слугѣ и другу и прижалъ свое блѣдное лицо къ его мертвой мордѣ. Прошла минута молчанья. Всѣ мы были тронуты... Наконецъ бѣднякъ приподнялся. Онъ былъ очень блѣденъ и дрожалъ, какъ въ лихорадочномъ ознобѣ.

— Можно шушеля сдѣлать, заговорилъ сострадательный Миллеръ, желая хоть чѣмъ-нибудь утѣшить старика. (Шушеля означало чучелу). — Можно кароши сдѣлать шушеля; Ѳеодоръ Карловичъ Кригеръ отлично сдѣлаетъ шушеля; Ѳеодоръ Карловичъ Кригеръ великій майстеръ сдѣлать шушеля, твердилъ Миллеръ, поднявъ съ земли палку и подавая ее старику.

— Да, я отлично сдѣлаетъ шушеля, скромно подхватилъ самъ геръ Кригеръ, выступая на первый планъ. Это былъ длинный, худощавый и добродѣтельный нѣмецъ, съ рыжими, клочковатыми волосами и очками на горбатомъ носу.

— Ѳеодоръ Карловичъ Кригеръ имѣетъ великія таланты, чтобъ сдѣлать всякія превосходны шушеля, прибавилъ Миллеръ, начиная приходить въ восторгъ отъ своей идеи.

— Да, я имѣю великія таланты, чтобъ сдѣлать всякія превосходны шушеля, снова подтвердилъ геръ Кригеръ, — и я вамъ даромъ сдѣлаю изъ ваша собачка шушеля, прибавилъ онъ въ припадкѣ великодушнаго самоотверженія.

— Нѣтъ, я вамъ заплачу за то, что вы сдѣлаете шушеля? — нестолово вскричалъ Адамъ Ивановичъ Шульцъ, вдвое раскраснѣвшійся, въ свою очередь сгорая великодушіемъ и невинно считая себя причиною всѣхъ несчастій.

Старикъ слушалъ все это, видимо не понимая и по прежнему дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Погодите! выпейте одну рюмку кароши коньякъ! вскричалъ Миллеръ, видя, что загадочный гость порывается уйти.

Подали коньякъ. Старикъ машинально взялъ рюмку, но руки его тряслись и, прежде чѣмъ онъ донесъ ее къ губамъ, онъ расплескалъ половину и, не выпивъ ни капли, поставилъ ее обратно на поднось. За тѣмъ улыбувшись какой-то странной, совершенно не подходящей къ дѣлу улыбкой, ускореннымъ, перовнымъ шагомъ вышелъ изъ кандитерской, оставивъ на мѣстѣ Азорку. Всѣ стояли въ изумленіи; слышались восклицанія.

— Швернотъ! васъ-фюръ-эйнге-генихте! говорили нѣмцы, выпуча глаза другъ на друга.

А я бросился вслѣдъ за старикомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кандитерской, поворота отъ нея направо, есть переулокъ, узкій и темный, обставленный огромными домами. Что-то подтолкнуло меня, что старикъ непременно повернулъ сюда. Тутъ второй домъ на право строился и весь былъ обставленъ лѣсами. Заборъ, окружавшій домъ, выходилъ чуть не на средину переулка; къ забору была приложена деревянная настилка для проходящихъ. Въ темномъ углу, составленномъ заборомъ и домомъ, я нашелъ старика. Онъ сидѣлъ на приступкѣ деревяннаго тротуара и обѣими руками, опершись локтями на колѣна, поддерживалъ свою голову. Я сѣлъ подлѣ него.

— Послушайте, сказалъ я, почти не зная съ чего и начать, — не горюйте объ Азоркѣ. Пойдемте, я васъ отвезу домой. Успокойтесь. Я сейчасъ схожу за извозникомъ. Гдѣ вы живете?

Старикъ не отвѣчалъ. Я не зналъ на что рѣшиться. Прохожихъ не было. Вдругъ онъ началъ хватать меня за руку.

— Душно! проговорилъ онъ хриплымъ, едва слышимымъ голосомъ: — душно!

— Пойдемте къ вамъ домой! вскричалъ я, приподымаясь и насильно приподымая его: — вы вы-

пьете чаю и ляжете въ постель... Я сейчасъ приведу извозчика. Я позову доктора... мнѣ знакомъ одинъ докторъ...

Я не помню, что я еще говорилъ ему. Онъ было хотѣлъ приподняться, но поднявшись немного, опять упалъ на землю и опять началъ что-то бормотать, тѣмъ же хриплымъ, удушливымъ голосомъ. Я нагнулся къ нему еще ближе и слушалъ.

— На Васильевскомъ островѣ, хрипѣлъ старикъ,—въ шестой линіи... въ шестой линіи...

Онъ замолчалъ.

— Вы живете на Васильевскомъ? Но вы не туда пошли; это будетъ налѣво, а не направо. Я васъ сейчасъ доведу...

Старикъ не двигался. Я взялъ его за руку: рука упала, какъ мертвая. Я взглянулъ ему въ лицо, дотронулся до него,—онъ былъ уже мертвый. Мнѣ казалось, что все это происходитъ со мною во снѣ.

Это приключеніе стоило мнѣ большихъ хлопотъ, въ продолженіе которыхъ прошла сама собою моя лихорадка. Квартиру старика отыскали. Онъ однако же жилъ не на Васильевскомъ острову, а въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ умеръ, въ домѣ Клугена, подъ самою кровлею, въ пятомъ этажѣ, въ отдѣльной квартирѣ, состоящей изъ одной маленькой прихожей и одной большой, очень низкой комнаты, съ тремя щелями на подобіе оконъ. Жилъ онъ ужасно бѣдно. Мебели было всего столъ, два стула и старый-старый диванъ, твердый какъ камень и изъ котораго со всѣхъ сторонъ высывалась мочала; да и то оказалось хозяйское. Печь, повидимому, уже давно не топилась; свѣчей тоже не отыскалось. Я серьезно теперь думаю, что старикъ выдумалъ ходить къ Миллеру единственно для того, чтобы посидѣть при свѣчѣхъ и погрѣться. На столѣ стояла пустая глиняная кружка и лежала старая, черствая корка хлѣба. Денегъ не нашлось ни копѣйки. Даже не было другой переменной бѣлы, чтобы похоронить его; кто-то далъ ужъ свою рубашку. Ясно, что онъ не могъ жить такимъ образомъ, совершенно одинъ, и вѣрно кто-нибудь, хоть изрѣдка, навѣщалъ его. Въ столѣ отыскался его паспортъ. Покойникъ былъ изъ иностранцевъ, но русскій подданный, Іеремія Смптъ, машинистъ, семидесятивосьми лѣтъ отъ роду. На столѣ лежали двѣ книги: краткая географія и новый завѣтъ въ русскомъ переводѣ, исчерченный карандашомъ на поляхъ и съ отгѣтками ногтемъ. Книги эти я приобрѣлъ себѣ. Спрашивали жильцовъ, хозяина дома,—никто объ немъ почти ничего не зналъ. Жильцовъ въ этомъ домѣ множество, почти все мастеровые и пѣмки, содержательницы квартиръ со столомъ и прислугою. Управляющій домомъ, изъ благородныхъ, тоже немного могъ сказать о бывшемъ своемъ постояльцѣ, кромѣ развѣ того, что квартира ходила по шести рублей въ мѣсяцъ, что покойникъ жилъ въ ней четыре мѣсяца, но за два послѣднихъ мѣсяца не заплатилъ ни копѣйки, такъ

что приходилось его сгонять съ квартиры. Спрашивали: не ходилъ ли къ нему кто-нибудь? Но никто не могъ дать объ этомъ удовлетворительнаго отвѣта. Домъ большой: мало ли людей ходить въ такой ноевъ ковчегъ? всѣхъ не запомнишь. Дворникъ, служившій въ этомъ домѣ лѣтъ пять и, вѣроятно, могшій хоть что-нибудь разъяснить, ушелъ, двѣ недѣли передъ этимъ, къ себѣ на родину, на побывку, оставивъ вмѣсто себя своего племянника, молодого парня, еще не узнаваго лично и половины жильцовъ. Не знаю навѣрно, чѣмъ именно кончились тогда всѣ эти справки, но наконецъ старика похоронили. Въ эти дни, между другими хлопотами, я ходилъ на Васильевскій островъ, въ шестую линію, и только придя туда, усмѣхнулся самъ надъ собою: что могъ я увидеть въ шестой линіи, кромѣ ряда обыкновенныхъ домовъ? Но зачѣмъ же, думалъ я, старикъ, упрямя, говорилъ про шестую линію и про Васильевскій островъ? не въ бреду ли?

Я осмотрѣлъ опустѣвшую квартиру Смпта и мнѣ она понравилась. Я оставилъ ее за собою. Главное, была большая комната, хоть и очень низкая, такъ, что мнѣ въ первое время все казалось, что я задѣну потолокъ головою. Впрочемъ я скоро привыкъ. За шесть рублей въ мѣсяцъ и нельзя было достать лучше. Особнякъ соблазнялъ меня; оставалось только похлопотать на счетъ прислуги, такъ-какъ совершенно безъ прислуги нельзя было жить. Дворникъ на первое время общался приходилъ хоть по разу въ день, прислужить мнѣ въ какомъ-нибудь крайнемъ случаѣ. А кто знаетъ, думалъ я, можетъ быть кто-нибудь и навѣдается о старикѣ! Впрочемъ прошло уже пять дней, какъ онъ умеръ, а еще никто не приходилъ.

ГЛАВА II.

Въ то время, пменно годъ назадъ, я еще сотрудничалъ по журналамъ, писалъ статейки и твердо вѣрилъ, что мнѣ удастся написать какую-нибудь большую, хорошую вещь. Я сидѣлъ тогда за большимъ романомъ; но дѣло все-таки кончилось тѣмъ, что я—вотъ засѣлъ теперь въ больницѣ и, кажется, скоро умру. А коли скоро умру, то въ чему бы, кажется, и писать записки?

Вспоминается мнѣ невольно и непрерывно весь этотъ тяжелый, послѣдній годъ моей жизни. Хочу теперь все записать и еслибъ я не избрѣлъ себѣ этого занятія, мнѣ кажется, я бы умеръ съ тоски. Всѣ эти прошедшія впечатлѣнія волнуютъ иногда меня до боли, до муки. Подъ перомъ они примутъ характеръ болѣе успокоительный, болѣе стройный; менѣе будутъ походить на бредъ, на кошмаръ. Такъ мнѣ кажется. Одинъ механизмъ письма чего стоитъ: онъ успокоитъ, расхолодитъ, расшевелитъ во мнѣ прежнія авторскія привычки, обратитъ мои воспоминанія и большыя мечты въ дѣло, въ занятіе... Да, я хорошо выдумалъ. Къ тому жъ и наслѣд-

ство фельдшеру; хоть окна облѣпить моими записками, когда будетъ зимнія рамы вставлять.

Но впрочемъ я началъ мой разсказъ, неизвѣстно почему, изъ середины. Коли ужъ все записывать, то надо начинать сначала. Ну, и начнемъ сначала. Впрочемъ не велика будетъ моя автобіографія.

Родился я не здѣсь, а далеко отсюда, въ—ской губерніи. Должно полагать, что родители мои были хорошіе люди, но оставили меня сиротой еще въ дѣтствѣ, и выросъ я въ домѣ Николая Сергѣича Ихменева, мелкопомѣстнаго помѣщика, который принялъ меня изъ жалости. Дѣтей у него была одна только дочь, Наташа, ребенокъ тремя годами моложе меня. Мы росли съ ней какъ братья съ сестрой. О мое милое дѣтство! какъ глупо тосковать и жалѣть о тебѣ на двадцать-пятьмъ году жизни и, умирая, вспомнить только объ одномъ тебѣ съ восторгомъ и благодарностію! Тогда на небѣ было такое ясное, такое петербургское солнце и такъ рѣзко, весело бились наши маленькія сердца. Тогда кругомъ были поля и лѣса, а не груда мертвыхъ камней, какъ теперь. Что за чудный былъ садъ и паркъ въ Васильевскомъ, гдѣ Николай Сергѣичъ былъ управляющимъ; въ этотъ садъ мы съ Наташей ходили гулять, а за садомъ былъ большой, сырой лѣсъ, гдѣ мы, дѣти, оба разъ заблудились... Золотое, прекрасное время! Жизнь сказывалась впервые, таинственно и заманчиво, и такъ сладко было знакомиться съ нею. Тогда за каждымъ кустомъ, за каждымъ деревомъ какъ-будто еще кто то жилъ, для насъ таинственный и невѣдомый; сказочный міръ сливался съ дѣйствительнымъ; и когда бывало въ глубокихъ долинахъ густѣлъ вечерній паръ и сѣдыми, пѣзвистыми кочками цѣплялся за кустарники, лѣпившіеся по каменистымъ ребрамъ нашего большаго оврага, мы съ Наташей, на берегу, держась за руки, съ боязливымъ любопытствомъ заглядывали въ глубь и ждали, что вотъ-вотъ выйдетъ кто-нибудь къ намъ или откликнется изъ тумана, съ овражяго дна, и нянины сказки окажутся настоящей, законной правдой. Разъ, потомъ, уже долго спустя, я какъ-то напомнилъ Наташѣ, какъ достали намъ тогда однажды «Дѣтское Чтеніе», какъ мы тотчасъ же убѣжали въ садъ, къ пруду, гдѣ стояла подъ старымъ густымъ кленомъ наша любимая зеленая скамейка, усѣлись тамъ и начали читать «Альфонса и Даллиндю» — волшебную повѣсть. Еще и теперь я не могу вспомнить эту повѣсть безъ какого-то страннаго сердечнаго движенія, и когда я, годъ тому назадъ, припомнилъ Наташѣ двѣ первыя строчки: «Альфонсъ, герой моей повѣсти, родился въ Португаліи; Донъ-Рамиръ его отецъ» и т. д., я чуть не заплакалъ. Должно быть это вышло ужасно глупо, и потому то, вѣроятно, Наташа такъ странно улыбнулась тогда моему восторгу. Впрочемъ тотчасъ же спохватилась, (я помню это), и для моего утѣшенія сама принялась вспоминать про старое. Слово за словомъ и сама

разчувствовалась. Славный былъ этотъ вечеръ; мы все перебрали,—и то, когда меня отсылали въ губернскій городъ въ пансіонъ—Господи, какъ она тогда плакала!—и нашу послѣднюю разлуку, когда я уже навсегда разставался съ Васильевскимъ. Я уже кончилъ тогда съ моимъ пансіономъ и отправлялся въ Петербургъ готовиться въ университетъ. Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, ей пятнадцатый. Наташа говоритъ, что я былъ тогда такой нескладный, такой долговязый и что на меня безъ смѣху смотрѣть нельзя было. Въ минуту прощанья я отвелъ ее въ сторону, чтобъ сказать ей что-то ужасно важное; но языкъ мой какъ-то вдругъ онѣмѣлъ и завязъ. Она припоминаетъ, что я былъ въ большомъ волненіи. Разумѣется нашъ разговоръ не склеился. Я не зналъ, что сказать, а она, пожалуй, и не поняла бы меня. Я только горько заплакалъ, да такъ и уѣхалъ, ничего не сказавши. Мы свидѣлись уже долго спустя, въ Петербургѣ. Это было года два тому назадъ. Старикъ Ихменевъ пріѣхалъ сюда хлопотать по своей тяжбѣ, а я только-что выскочилъ тогда въ литераторы.

ГЛАВА III.

Николай Сергѣичъ Ихменевъ происходилъ изъ хорошей фамиліи, но давно уже обѣдѣвшей. Впрочемъ послѣ родителей ему досталось полтораста душъ хорошаго имѣнія. Лѣтъ двадцати отъ роду онъ распорядился поступить въ гусары. Все шло хорошо; но на шестомъ году его службы случилось ему, въ одинъ несчастный вечеръ, проиграть все свое состояніе. Онъ не спалъ всю ночь. На слѣдующій вечеръ онъ снова явился къ карточному столу и поставилъ на карту свою лошадь,— послѣднее, что у него осталось. Карта взяла, за ней другая, третья и черезъ полчаса онъ отыгралъ одну изъ деревень своихъ, сельцо Ихменевку, въ которомъ числилось пятьдесятъ душъ по послѣдней ревизіи. Онъ забастовалъ и на другой же день подалъ въ отставку. Сто душъ погибли безвозвратно. Черезъ два мѣсяца онъ былъ уволенъ поручикомъ и отправился въ свое сельцо. Никогда въ жизни онъ не говорилъ потомъ о своемъ проигрышѣ и, не смотря на извѣстное свое добродушіе, непременно бы разсорился съ тѣмъ, кто бы рѣшился ему объ этомъ напомнить. Въ деревнѣ онъ прилежно занялся хозяйствомъ и, тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, женился на бѣдной дворяночкѣ, Аннѣ Андреевнѣ Шумиловой, совершенной безприданницѣ, по получившей образованіе въ губернскомъ благородномъ пансіонѣ, у эмигрантки Монъ-Ревешъ, чѣмъ Анна Андреевна гордилась всю жизнь, хотя никто никогда не могъ догадаться: въ чемъ именно состояло это образованіе. Хозяиномъ сдѣлался Николай Сергѣичъ превосходнымъ. У него учились хозяйству сосѣдніе помѣщики. Прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ въ сосѣднее имѣніе, село Васильевское, въ кото-

ромъ считалось девятьсотъ душъ, прїѣхалъ изъ Петербурга помѣщикъ, князь Петръ Александровичъ Валковскій. Его прїѣздъ произвелъ во всемъ околоткѣ довольно сильное впечатлѣніе. Князь былъ еще молодой человѣкъ, хотя и не первой молодости, имѣлъ не малый чинъ, значительныя связи, былъ красивъ собою, имѣлъ состояніе и, наконецъ, былъ вдовецъ, что особенно было интересно для дамъ и дѣвицъ всего уѣзда. Рассказывали о блестящемъ пріемѣ, сдѣланномъ ему въ губернскомъ городѣ губернаторомъ, которому онъ приходился какъ-то сродни; о томъ, какъ всѣ губернскія дамы «сошли съума отъ его любезностей» и проч. и проч. Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ блестящихъ представителей высшаго петербургскаго общества, которые рѣдко появляются въ губерніяхъ, и, появляясь, производятъ чрезвычайный эффектъ. Князь однако же былъ не изъ любезныхъ, особенно съ тѣми, въ комъ не нуждался и кого считалъ хоть немного ниже себя. Съ своими сосѣдами по имѣнію онъ не заблагоразсудилъ познакомиться, чѣмъ тотчасъ же нажилъ себѣ много враговъ. И потому всѣ чрезвычайно удивились, когда вдругъ ему вздумалось сдѣлать визитъ къ Николаю Сергѣичу. Правда, что Николай Сергѣичъ былъ однимъ изъ самыхъ ближайшихъ его сосѣдей. Въ домѣ Ихменевыхъ Князь произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ же очаровалъ ихъ обоихъ; особенно въ восторгъ отъ него была Анна Андреевна. Немного спустя, онъ былъ уже у нихъ совершенно запросто, ѣздилъ каждый день, приглашалъ ихъ къ себѣ, острилъ, рассказывалъ анекдоты, игралъ на скверномъ ихъ фортепьяно, пѣлъ. Ихменевы не могли надивиться: какъ можно было про такого дорогаго, милѣйшаго человѣка говорить, что онъ гордый, спѣсивый, сухой эгоистъ, о чемъ въ одинъ голосъ кричали всѣ сосѣди? Надо было думать, что князю дѣйствительно понравился Николай Сергѣичъ, человѣкъ простой, прямой, безкорыстный, благородный. Впрочемъ, вскорѣ все объяснилось. Князь прїѣхалъ въ Васильевское, чтобъ прогнать своего управляющаго, одного блуднаго нѣмца, человѣка амбиціоннаго, агронома, одареннаго почтенной сѣдиной, очками и горбатымъ носомъ, но, при всѣхъ этихъ преимуществахъ, крившаго безъ стыда и цензуры и сверхъ того замучившаго нѣсколькихъ мужиковъ. Иванъ Карловичъ былъ наконецъ пойманъ и уличенъ на дѣлѣ, очень обидѣлся, много говорилъ про нѣмецкую честность; но, не смотря на все это, былъ прогнанъ и даже съ нѣкоторымъ безславіемъ. Князю нуженъ былъ управитель, и выборъ его палъ на Николая Сергѣича, отличнѣйшаго хозяина и честнѣйшаго человѣка, въ чемъ конечно не могло быть и малѣйшаго сомнѣнія. Кажется князю очень хотѣлось, чтобъ Николай Сергѣичъ самъ предложилъ себя въ управляющіе; но этого не случилось, и князь въ одно прекрасное утро сдѣлалъ предложеніе самъ, въ формѣ самой дружеской и покорнѣйшей просьбы. Ихменевъ сначала

отказывался; но значительное жалованье соблазнило Анну Андреевну, а удвоенныя любезности просителя разсѣяли и всѣ остальные недоумѣнія. Князь достигъ своей цѣли. Надо думать, что онъ былъ большимъ знаткомъ людей. Въ короткое время своего знакомства съ Ихменевымъ, онъ совершенно узналъ съ кѣмъ имѣть дѣло и понималъ, что Ихменева надобно очаровать дружескимъ, сердечнымъ образомъ, надобно привлечь къ себѣ его сердце, и что безъ этого деньги не много сдѣлаютъ. Ему же нуженъ былъ такой управляющій, которому онъ могъ бы слѣпо и навсегда довѣриться, чтобъ ужъ и не заѣзжать никогда въ Васильевское, какъ и дѣйствительно онъ рассчитывалъ. Очарованіе, которое онъ произвелъ въ Ихменевѣ, было такъ сильно, что тотъ искренно повѣрилъ въ его дружбу. Николай Сергѣичъ былъ одинъ изъ тѣхъ добрѣйшихъ и наивно-романтическихъ людей, которые такъ хороши у насъ на Руси, чтобы ни говорили о нихъ, и которые, если ужъ полюбятъ кого (иногда Богъ знаетъ за что), то отдаются ему всей душой, простирая иногда свою привязанность до комическаго.

Прошло много лѣтъ. Имѣніе князя процвѣтало. Сношенія между владѣтелемъ Васильевскаго и его управляющимъ совершались безъ малѣйшихъ непріятностей съ обѣихъ сторонъ и ограничивались сухой дѣловой перепиской. Князь, не вмѣшиваясь нисколько въ распоряженія Николая Сергѣича, давалъ ему иногда такіе совѣты, которые удивляли Ихменева своею необыкновенною практичностью и дѣловитостью. Видно было, что онъ не только не любилъ тратить лишняго, но даже умѣлъ наживать. Лѣтъ пять послѣ посѣщенія Васильевскаго, онъ прислалъ Николаю Сергѣичу довѣренность на покупку другаго, превосходнѣйшаго имѣнія въ чetyреста душъ, въ той же губерніи. Николай Сергѣичъ былъ въ восторгѣ; успѣхи князя, слухи объ его удачахъ, о его возвышеніи онъ принималъ къ сердцу, какъ-будто дѣло шло о родномъ его братѣ. Но восторгъ его дошелъ до послѣдней степени, когда князь дѣйствительно показалъ ему въ одномъ случаѣ свою чрезвычайную довѣренность. Вотъ какъ это произошло... Впрочемъ здѣсь я нахожу необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ особенныхъ подробностяхъ изъ жизни этого князя Валковскаго, отчасти одного изъ главнѣйшихъ лицъ моего разказа.

ГЛАВА IV.

Я упомянулъ уже прежде, что онъ былъ вдовъ. Женатъ былъ онъ еще въ первой молодости и женился на деньгахъ. Отъ родителей своихъ, окончательно разорившихся въ Москвѣ, онъ не получилъ почти ничего. Васильевское было заложено и перезаложено; долги на немъ лежали огромные. У двадцати-двухъ лѣтняго князя, принужденнаго тогда служить въ Москвѣ, въ какой-то канцеляріи, не оставалось ни копѣйки, и онъ вступалъ въ жизнь

какъ «голякъ-потомокъ отрасли старинной.» Бракъ на презрѣлой дочери какого-то купца-откупщика спасъ его. Откупщикъ конечно обманулъ его на приданомъ, но все-таки на деньги жены можно было выкупить родовое имѣнье и подняться на ноги. Купеческая дочка, доставшаяся князю, едва умѣла писать, не могла склеить двухъ словъ, была дурна лицомъ и имѣла только одно важное достоинство: была добра и безответна. Князь воспользовался этимъ достоинствомъ вполне: послѣ перваго года брака, онъ оставилъ жену свою, родившую ему въ это время сына, на рукахъ ея отца-откупщика въ Москвѣ, а самъ уѣхалъ служить въ —ю губернію, гдѣ выхлопоталъ, черезъ покровительство одного знатнаго петербургскаго родственника, довольно видное мѣсто. Душа его жаждала отличій, возвышеній, карьеры, и рассчитавъ, что съ своею женой онъ не можетъ жить ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, онъ рѣшился, въ ожиданіи лучшаго, начать свою карьеру съ провинціи. Говорятъ, что еще въ первый годъ своего сожителства съ женою, онъ чуть не замучилъ ее своимъ грубымъ съ ней обхожденіемъ. Этотъ слухъ всегда возмущалъ Николая Сергѣича, и онъ съ жаромъ стоялъ за князя, утверждая, что князь неспособенъ къ неблагородному поступку. Но лѣтъ черезъ семь умерла наконецъ княгиня, и овдовѣвшій супругъ ея немедленно переѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ произвелъ даже нѣкоторое впечатлѣніе. Еще молодой, красавецъ собою, съ состояніемъ, одаренный многими блестящими качествами, несомнѣннымъ остроуміемъ, вкусомъ, неистощимою веселостію, онъ явился не какъ искатель счастья и покровительства, а довольно самостоятельно. Разсказывали, что въ немъ дѣйствительно было что-то обаятельное, что-то покоряющее, что-то сильное. Онъ чрезвычайно правился женщинамъ, и связь съ одной изъ свѣтскихъ красавицъ доставила ему скандальную славу. Онъ сыпалъ деньгами, не жалѣя ихъ, не смотря на врожденную расчетливость, доходившую до скупости, проигрывалъ кому нужно въ карты и не морщился даже отъ огромныхъ проигрышей. Но не развлеченій онъ пріѣхалъ искать въ Петербургъ: ему надо было окончательно стать на дорогу и упрочить свою карьеру. Онъ достигъ этого. Графъ Наинскій, его знатный родственникъ, который не обратилъ бы и вниманія на него, еслибъ онъ явился обыкновеннымъ просителемъ, пораженный его усиліями въ обществѣ, нашелъ возможнымъ и приличнымъ обратить на него свое особенное вниманіе и даже удостоилъ взять въ свой домъ, на воспитаніе, его семилѣтняго сына. Къ этому-то времени относится и поѣздка князя въ Васильевское и знакомство его съ Ихменевымъ. Наконецъ, получивъ черезъ посредство графа значительное мѣсто при одномъ изъ важнѣйшихъ посольствъ, онъ отправился за границу. Далѣе слухи о немъ становились нѣсколько темными: говорили о какомъ-то непріятномъ происшествіи, случив-

шемся съ нимъ за границей, но никто не могъ объяснить, въ чемъ оно состояло. Извѣстно было только, что онъ успѣлъ прикупить четыреста душъ, о чемъ уже я упоминалъ. Воротился онъ изъ-за границы уже много лѣтъ спустя, въ важномъ чинѣ, и немедленно занялъ въ Петербургѣ весьма значительное мѣсто. Въ Ихменевкѣ носились слухи, что онъ вступаетъ во второй бракъ и родится съ какимъ-то знатнымъ, богатымъ и сильнымъ домомъ. «Смотрить въ вельможи!» говорилъ Николай Сергѣичъ, потирая руки отъ удовольствія. Я былъ тогда въ Петербургѣ, въ университетѣ, и помню, что Ихменевъ нарочно писалъ ко мнѣ и просилъ меня справиться: справедливы ли слухи о бракѣ? Онъ писалъ тоже князю, прося у него для меня покровительства; но князь оставилъ письмо его безъ отвѣта. Я зналъ только, что сынъ его, воспитывавшійся сначала у графа, а потомъ въ лицей, окончилъ тогда курсъ наукъ, девятнадцати лѣтъ отъ роду. Я написалъ объ этомъ къ Ихменевымъ, а также и о томъ, что князь очень любитъ своего сына, балуетъ его, рассчитываетъ уже и теперь его будущность. Все это я узналъ отъ товарищей студентовъ, знакомыхъ молодому князю. Въ это-то время Николай Сергѣичъ, въ одно прекрасное утро, получилъ отъ князя письмо, чрезвычайно его удивившее...

Князь, который до сихъ поръ, какъ уже упоминалъ я, ограничивался въ сношеніяхъ съ Николаемъ Сергѣичемъ одной сухой, дѣловой перепиской, писалъ къ нему теперь самымъ подробнымъ, откровеннымъ и дружескимъ образомъ о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ: онъ жаловался на своего сына, писалъ, что сынъ огорчаетъ его дурнымъ своимъ поведеніемъ; что конечно на шалости такого мальчика нельзя еще смотрѣть слишкомъ серьезно (онъ видимо старался оправдать его), но что онъ рѣшился наказать сына, поугатъ его, а именно: сослать его на нѣкоторое время въ деревню, подъ присмотръ Ихменева. Князь писалъ, что вполне полагается на «своего добрѣйшаго, благороднѣйшаго Николая Сергѣевича и въ особенности на Анну Андреевну,» просилъ ихъ обоихъ принять его вѣтрогона въ ихъ семейство, поучить въ удивленіи уму-разуму, полюбить его, если возможно, а главное исправить его легкомысленный характеръ и «внушить спасительныя и строгія правила, столь необходимыя въ человѣческой жизни.» Разумѣется, старикъ Ихменевъ съ восторгомъ принялся за дѣло. Явился и молодой князь; они приняли его какъ роднаго сына. Вскорѣ Николай Сергѣичъ горячо полюбилъ его, не менѣе чѣмъ свою Наташу; даже потомъ, уже послѣ окончательнаго разрыва между княземъ-отцомъ и Ихменевымъ, старикъ съ веселымъ духомъ вспоминалъ иногда о своемъ Алешѣ, — такъ привыкъ онъ называть князя Алексѣя Петровича. Въ самомъ дѣлѣ это былъ премилѣйшій мальчикъ: красавчикъ собою, слабый и нервный, какъ женщина, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселый и простодушный, съ душою отверзтою и способною къ

благороднѣйшимъ ощущеніемъ, съ сердцемъ любящимъ, правдивымъ и признательнымъ, онъ сдѣлался идоломъ въ домѣ Ихменевыхъ. Не смотря на свои девятнадцать лѣтъ, онъ былъ еще совершенный ребенокъ. Трудно было представить за что его могъ сослать отецъ, который, какъ говорили, очень любилъ его? Говорили, что молодой человекъ въ Петербургѣ жилъ праздно и вѣтренно, служить не хотѣлъ и огорчалъ этимъ отца. Николай Сергѣичъ не разспрашивалъ Алешу, потому что князь Петръ Александровичъ видимо умалчивалъ въ своемъ письмѣ о настоящей причинѣ изгнанія сына. Впрочемъ носились слухи про какую-то непростительную вѣтренность Алешы: про какую-то связь съ одной дамой, про какой-то вызовъ на дуэль; про какой-то певѣройтнй проигрышъ въ карты; доходили даже до какихъ-то чужихъ денегъ, имъ будто бы растраченныхъ. Былъ тоже слухъ, что князь рѣшился удалить сына вовсе не за вину, а вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ, эгоистическихъ соображеній. Николай Сергѣичъ съ негодованіемъ отвергалъ этотъ слухъ, тѣмъ болѣе, что Алеша чрезвычайно любилъ своего отца, котораго не зналъ продолженіе всего своего дѣтства и отрочества; онъ говорилъ объ немъ съ восторгомъ, съ увлеченіемъ; видно было, что онъ вполне подчинился его вліянію. Алеша болталъ тоже иногда про какую-то графиню, за которой влопались и онъ и отецъ вмѣстѣ, но что онъ, Алеша, одержалъ верхъ, а отецъ на него за это ужасно разсердился. Онъ всегда рассказывалъ эту исторію съ восторгомъ, съ дѣтскимъ простодушіемъ, съ звонкимъ, веселымъ смѣхомъ; но Николай Сергѣичъ тотчасъ же его останавливалъ. Алеша подтверждалъ тоже слухъ, что отецъ его хочетъ жениться.

Онъ выжилъ уже почти годъ въ изгнаніи, въ извѣстные сроки писалъ къ отцу почтительныя и благоразумныя письма, и наконецъ до того сжился съ Васильевскимъ, что когда князь на лѣто самъ пріѣхалъ въ деревню (о чемъ заранѣе уведомилъ Ихменевыхъ), то изгнанникъ самъ сталъ просить отца позволить ему какъ можно долѣе остаться въ Васильевскомъ, увѣряя, что сельская жизнь — настоящее его назначеніе. Всѣ рѣшенія и увлеченія Алешы происходили отъ его чрезвычайной, слабонервной воспримчивости, отъ горячаго сердца, отъ легкомыслія, доходившаго иногда до безсмыслицы; отъ чрезвычайной способности подчиняться всякому внѣшнему вліянію и отъ совершеннаго отсутствія воли. Но князь какъ-то подозрительно выслушалъ его просьбу... Вообще Николай Сергѣичъ съ трудомъ узнавалъ своего прежняго «друга»: князь Петръ Александровичъ чрезвычайно измѣнился. Онъ сдѣлался вдругъ особенно придирчивъ къ Николаю Сергѣичу; въ провѣркѣ счетовъ по имѣнію, выказалъ какую-то отвратительную жадность, скупость и непонятную мнительность. Все это ужасно огорчило добрѣйшаго Ихменева; онъ долго старался не вѣрить самому себѣ. Въ

этотъ разъ все дѣлалось обратно въ сравненіи съ первымъ посѣщеніемъ Васильевского, четырнадцать лѣтъ тому назадъ: въ этотъ разъ князь перезнакомился со всѣми сосѣдями, разумеется изъ важнѣйшихъ; къ Николаю же Сергѣичу онъ никогда не ѣздилъ и обращался съ нимъ какъ-будто съ своимъ подчиненнымъ. Вдругъ случилось непонятное происшествіе: безъ всякой видимой причины, послѣдовалъ ожесточенный разрывъ между княземъ и Николаемъ Сергѣичемъ. Подслушаны были горячія, обидныя слова, сказанныя съ обѣихъ сторонъ. Съ негодованіемъ удалились Ихменевы изъ Васильевского, но исторія еще этимъ не кончилась. По всему околodку вдругъ распространилась отвратительная сплетня. Увѣряли, что Николай Сергѣичъ, разгадавъ характеръ молодого князя, имѣлъ намѣреніе употребить всѣ недостатки его въ свою пользу; что дочь его Наташа (которой уже было тогда семнадцать лѣтъ) сумѣла влюбить въ себя двадцатилѣтняго юношу; что и отецъ и мать этой любви покровительствовали, хотя и дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ; что хитрая и «безпирравственная» Наташа околдовала наконецъ совершенно молодого человека, невиданнаго въ цѣлый годъ, ея стараніями, почти ни одной настоящей благородной дѣвицы, которыхъ такъ много зрѣетъ въ почтенныхъ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Увѣряли наконецъ, что между любовниками уже было условлено обвѣнчаться, въ пятнадцать верстахъ отъ Васильевского, въ селѣ Григорьевѣ, повидимому тихонько отъ родителей Наташи, но которые однако же знали все до малѣйшей подробности и руководили дочь гнусными своими совѣтами. Однимъ словомъ, въ цѣлой книгѣ не умѣстить всего, что уѣздные кумушки обоого пола успѣли насплетничать по поводу этой исторіи. Но удивительнѣе всего, что князь повѣрилъ всему этому совершенно и даже пріѣхалъ въ Васильевское единственно по этой причинѣ, вслѣдствіе какого-то анонимнаго доноса, присланнаго къ нему въ Петербургъ изъ провинціи. Конечно всякій, кто зналъ хоть сколько-нибудь Николая Сергѣича, не могъ бы, кажется, и одному слову повѣрить изъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій; а между тѣмъ, какъ водится, всѣ суетились, всѣ говорили, всѣ оговаривались, всѣ покачивали головами и... осуждали безвозвратно. Ихменевъ же былъ слишкомъ гордъ, чтобъ оправдывать дочь свєю предъ кумушками, и настрого запретилъ своей Аннѣ Андреевнѣ вступать въ какія бы то ни было объясненія съ сосѣдями. Сама же Наташа, такъ оклеветанная, даже еще цѣлый годъ спустя, не знала почти ни одного слова изъ всѣхъ этихъ наговоровъ и сплетней: отъ нея тщательно скрывали всю исторію и она была весела и пивинна, какъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ.

Тѣмъ временемъ ссора шла все дальше и дальше. Услужливые люди не дремали. Явились доносчики и свидѣтели и князя успѣли наконецъ увѣрить, что долготѣнее управленіе Николая Сер-

гбича Васильевскимъ далеко не отличалось образцовою честностью. Мало того: что три года тому назадъ, при продажѣ роши, Николай Сергѣичъ утаилъ въ свою пользу двѣнадцать тысячъ серебромъ, что на это можно представить самыя ясныя, законныя доказательства передъ судомъ, тѣмъ болѣе, что на продажу роши онъ не имѣлъ отъ князя никакой законной довѣренности, а дѣйствовалъ по собственному соображенію, убѣдивъ уже потомъ князя въ необходимости продажи и предъявивъ за рошу сумму несравненно меньше дѣйствительно полученной. Разумѣется, все это были однѣ клеветы, какъ и оказалось въ послѣдствіи, но князь повѣрилъ всему и при свидѣтеляхъ назвалъ Николая Сергѣича воромъ. Ихменевъ не стерпѣлъ и отвѣчалъ равносильнымъ оскорбленіемъ; произошла ужасная сцена. Немедленно начался процессъ. Николай Сергѣичъ, за неимѣніемъ кой-какихъ бумагъ, а главное, не имѣя ни покровителей, ни опытности въ хожденіи по такимъ дѣламъ, тотчасъ же сталъ проигрывать въ своей тяжбѣ. На имѣніе его было наложено запрещеніе. Раздраженный старикъ бросилъ все и рѣшился наконецъ переѣхать въ Петербургъ, чтобы лично хлопотать о своемъ дѣлѣ, а въ губерніи оставилъ за себя опытнаго повѣреннаго. Кажется князь скоро сталъ понимать, что онъ напрасно оскорбилъ Ихменева. Но оскорбленіе съ обѣихъ сторонъ было такъ сильно, что не оставалось и слова на миръ, и раздраженный князь употреблялъ всѣ успія, чтобы повернуть дѣло въ свою пользу, т. е. въ сущности отнять у бывшаго своего управляющаго послѣдній кусокъ хлѣба.

ГЛАВА V

И такъ Ихменевы переѣхали въ Петербургъ. Не стану описывать мою встрѣчу съ Наташей послѣ такой долгой разлуки. Во всѣ эти четыре года я не забывалъ ее никогда. Конечно я самъ не понималъ вполне того чувства, съ которымъ вспоминалъ о ней; но когда мы вновь свидѣлись, я скоро догадался, что она суждена мнѣ судьбою. Сначала, въ первые дни послѣ ихъ пріѣзда, мнѣ все казалось, что она какъ-то мало развилась въ эти годы, совсѣмъ какъ-будто не перемѣнилась и осталась такой же дѣвочкой, какъ и была до нашей разлуки. Но потомъ каждый день я угадывалъ въ ней что-нибудь новое, до тѣхъ поръ мнѣ совсѣмъ незнакомое, какъ-будто нарочно скрытое отъ меня, какъ-будто дѣвушка нарочно отъ меня пряталась, — и что за наслажденіе было это отгадываніе? Старикъ, переѣхавъ въ Петербургъ, первое время былъ раздраженъ и желченъ. Дѣла его шли худо; онъ негодовалъ, выходилъ изъ себя, возплся съ дѣловыми бумагами, и ему было не до насъ. Анна же Андреевна ходила какъ потерянная и сначала ничего сообразить не могла. Петербургъ ее пугалъ. Она вздыхала и трусилась, плакала о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, объ Ихменевѣ, о томъ, что Наташа

на возрастѣ, а объ ней и подумать некому, и пускалась со мной въ престранныя откровенности, за неимѣніемъ кого другаго, болѣе способнаго къ дружеской довѣренности.

Вотъ въ это-то время, не задолго до ихъ пріѣзда я кончилъ мой первый романъ, тотъ самый, съ котораго началась моя первая карьера и, какъ новичекъ, сначала не зналъ, куда его сунуть. У Ихменевыхъ я объ этомъ ничего не говорилъ; они-же чуть со мной не поссорились за то, что я живу праздно, т. е. не служу и не стараюсь пріискать себѣ мѣста. Старикъ горько и даже желчно укорялъ меня, разумѣется изъ отеческаго ко мнѣ участія. Я же просто стыдился сказать имъ чѣмъ занимаюсь. Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, объявить прямо, что не хочу служить а хочу сочинять романы? а потому до времени ихъ обманывалъ, говорилъ, что мѣста мнѣ не даютъ, а что я ищущу изъ всѣхъ силъ. Ему некогда было повѣрять меня. Помню, какъ однажды Наташа, наслушавшись нашихъ разговоровъ, таинственно отвела меня въ сторону и со слезами умоляла подумать о моей судьбѣ, допрашивала меня, выпытывала: что я именно дѣлаю? и когда я и передъ ней не открылся, взяла съ меня клятву, что я не сгублю себя какъ лѣнтяй и праздношатайка. Правда, я хоть не признался и ей, чѣмъ занимаюсь, но помню, что за одно одобрительное слово ея о трудѣ моемъ, о моемъ первомъ романѣ, я бы отдалъ всѣ самыя лестныя для меня отзывы критиковъ и цѣнителей, которые потомъ о себѣ слышалъ. И вотъ вышелъ наконецъ мой романъ. Еще за долго до появленія его поднялся шумъ и гамъ въ литературномъ мірѣ. Б. обрадовался какъ ребенокъ, прочитавъ мою рукопись. Нѣтъ! если я былъ счастливъ когда-нибудь, то это даже и не во время первыхъ упойтельныхъ минутъ моего успѣха, а тогда, когда еще я не читалъ и не показывалъ никому моей рукописи: въ тѣ долгія ночи, среди восторженныхъ надеждъ и мечтаній и страстной любви къ труду; когда я сжилъ съ моей фантазіей, съ лицами, которыхъ самъ создалъ, какъ съ родными, какъ-будто съ дѣйствительно существующими; любилъ ихъ, радовался и печалился съ ними, а подчасъ даже и плакалъ самыми искренними слезами надъ незатѣйливымъ героемъ моимъ, И описать не могу какъ обрадовались старики моему успѣху, хотя сперва ужасно удивились: такъ странно ихъ это поразило! Анна Андреевна, напримѣръ, никакъ не хотѣла повѣрить, что новый, прославляемый всѣми писатель, — тотъ самый Ваня, который и т. д. и т. д., и все качала головою. Старикъ долго не сдавался и сначала, при первыхъ слухахъ, даже испугался; сталъ говорить о потерянной служебной карьерѣ, о безпорядочномъ поведеніи всѣхъ вообще сочинителей. Но непрерывныя новыя слухи, объявленія въ журналахъ и наконецъ нѣсколько похвальныхъ словъ, услышанныхъ имъ обо мнѣ отъ такихъ лицъ, которымъ онъ съ благоговѣніемъ вѣрилъ, заставили его измѣнить свой взглядъ на дѣло.

Когда же онъ увидѣлъ, что я вдругъ очутился съ деньгами, и узналъ, какую плату можно получить за литературный трудъ, то и послѣднія сомнѣнія его разсѣялись. Быстрый въ переходахъ отъ сомнѣнія къ полной, восторженной вѣрѣ, радуясь какъ ребенокъ моему счастью, онъ вдругъ ударился въ самыя необузданныя надежды, въ самыя ослѣпительныя мечты о моей будущности. Каждый день создавалъ онъ для меня новыя карьеры и планы и чего-чего не было въ этихъ планахъ! Онъ началъ выказывать мнѣ какое-то особенное, до тѣхъ поръ небывалое ко мнѣ уваженіе. Но все-таки, помню, случалось, сомнѣнія вдругъ опять осаждали его, часто среди самаго восторженнаго фантазирования, и снова сбивали его съ толку.

«Сочинитель, поэтъ! какъ-то странно... Когда же поэты выходили въ люди, въ чины? Народъ-то все такой щелкопѣръ, ненадежный!»

Я замѣтилъ, что подобныя сомнѣнія и всѣ эти щекотливыя вопросы подходили къ нему всего чаще въ сумерки (такъ памятни мнѣ всѣ подробности и все то золотое время!). Въ сумерки нашъ старикъ всегда становился какъ-то особенно нервнѣе, впечатлителенъ и мнителенъ. Мы съ Наташей ужъ знали это и заранѣе посмѣивались. Помню, я ободрялъ его анекдотами про генеральство Сумарокова, про то, какъ Державину прислали табакерку съ червонцами, какъ сама императрица посѣтила Ломоносова; рассказывалъ про Пушкина, про Голая.

— Знаю, братецъ, все знаю, возражалъ старикъ, можетъ быть слышавшій въ первый разъ въ жизни всѣ эти исторіи. — Гм! Послушай, Ваня, а вѣдь я все-таки радъ, что твоя стряпня не стихами писана. Стихи, братецъ, вздоръ; ужъ ты не спорь, а мнѣ повѣрь старику; я добра желаю тебѣ; чистый вздоръ, праздное употребленіе времени! Стихи гимназистамъ писать; стихи до сумасшедшаго дома вашу братью молодежь доводить... Положимъ, что Пушкинъ великъ, кто объ этомъ! А все-таки стишки и ничего больше; такъ эфемерное что-то.. Я впрочемъ его и читалъ-то мало... Проза другое дѣло! тутъ сочинитель даже поучать можетъ, — ну тамъ о любви къ отечеству упомянуть, или такъ, вообще про добродѣтели... да! Я, братъ, только не умѣю выразиться, но ты меня понимаешь; любя говорю. А ну-ка, ну-ка прочти! заключилъ онъ съ нѣкоторымъ видомъ покровительства, когда я наконецъ принесъ книгу и всѣ мы послѣ чаю, усѣлись за круглый столъ: — прочти-ка, что ты тамъ настроилъ; много кричатъ о тебѣ! посмотримъ, посмотримъ!

Я развернулъ книгу и приготовился читать. Въ тотъ вечеръ только что вышелъ мой романъ изъ печати, и я, доставъ наконецъ экземпляръ, приобѣжалъ къ Ихменевымъ читать свое сочиненіе.

Какъ я горевалъ и досадовалъ, что не могъ имъ прочесть его ранѣе, по рукописи, которая была въ рукахъ у издателя! Наташа даже плакала съ досады, ссорилась со мной, попрекала меня, что чу-

жіе прочтутъ мой романъ раньше, чѣмъ она... Но вотъ, наконецъ мы сидимъ за столомъ. Старикъ строилъ фizioномію необыкновенно серьезную и критическую. Онъ хотѣлъ строго, строго судить, «самъ увѣриться». Старушка тоже смотрѣла необыкновенно торжественно; чуть ли она не надѣла къ чтенію новаго чепчика. Она давно уже примѣтила, что я смотрю съ безконечной любовью на ея безцѣнную Наташу; что у меня духъ занимается и темнѣетъ въ глазахъ, когда я съ ней заговариваю и что и Наташа тоже какъ-то яснѣе, чѣмъ прежде, на меня поглядываетъ. Да! пришло наконецъ это время, пришло въ минуту удачъ, золотыхъ надеждъ и самаго полнаго счастья, все вмѣстѣ, все разомъ пришло! Примѣтила тоже старушка, что и старикъ ея какъ-то ужъ слишкомъ началъ хвалить меня и какъ-то особенно взглядываетъ на меня и на дочь... и вдругъ испугалась: все же я былъ не графъ, не князь, не владѣтельный принцъ, или по крайней мѣрѣ, коллежскій совѣтникъ изъ правовѣдovъ, молодой, въ орденахъ и красивый собою! Анна Андревна не любила желать вполонину.

«Хвалить человѣка», думала она обо мнѣ, «а за что непзвѣстно. Сочинитель, поэтъ... Да вѣдь чтожъ такое сочинитель?»

ГЛАВА VI.

Я прочелъ имъ мой романъ въ одинъ присѣсть. Мы начали сейчасъ послѣ чаю, а просидѣли до двухъ часовъ пополудни. Старикъ сначала нахмурился. Онъ ожидалъ чего-то непостижимо высокаго, такого, чего бы онъ пожалуй и самъ не могъ понять, но только непремѣнно высокаго; а вмѣсто того, вдругъ такія будни и все такое извѣстное, — вотъ точъ-въ-точъ какъ то самое, что обыкновенно кругомъ совершается. И добро бы большой или интересный человѣкъ былъ герой, или изъ историческаго что-нибудь, въ родѣ Рославлева или Юрія Милославскаго; а то выставленъ какой-то маленький, забитый и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на вицмундирѣ обсыпались; и все это такимъ простымъ слогомъ описано, ни дать ни взять какъ мы сами говоримъ... Странно! Старушка вопросительно взглядывала на Николая Сергѣича и даже немного надулась, точно чѣмъ-то обидѣлась: «Ну стоитъ, право, такой вздоръ печатать и слушать, да еще и деньги за это даютъ», написано было на лицѣ ея. Наташа была вся вниманіе, съ жадностію слушала, не сводила съ меня глазъ, всматриваясь въ мои губы, какъ я произношу каждое слово, и сама шевелила своими хорошенькими губками. И чтожъ? прежде чѣмъ я дочелъ до половины, у всѣхъ моихъ слушателей текли изъ глазъ слезы. Анна Андревна искренно плакала, отъ всей души сожалѣя моего героя и пренаивно желая хоть чѣмъ нибудь помочь ему въ его несчастіяхъ, что понималъ я изъ ея восклицаній. Старикъ уже отбросилъ всѣ мечты о высокомъ:

«Съ перваго шага видно, что далеко кулику до Петрова дня; такъ себѣ, просто расскажецъ; за-то сердце захватываетъ, говорилъ онъ: — за-то становится понятно и памятно, что кругомъ происходитъ; за-то познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой!» — Наташа слушала, плакала и подъ столомъ, украдкой, крѣпко пожимала мою руку. Кончилось чтеніе. Она встала; щеки ея горѣли, слезинка стояла въ глазахъ; вдругъ она схватила мою руку, поцѣловала ее и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Отецъ и мать переглянулись между собою.

— Гм! вотъ она какая восторженная, проговорилъ старикъ, пораженный поступкомъ дочери: — это ничего впрочемъ, это хорошо, хорошо, благородный порывъ! Она добрая дѣвушка... бормоталъ онъ, смотря вскользь на жену, какъ-будто желая оправдать Наташу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то, желая оправдать и меня.

Но Анна Андревна, не смотря на то, что во время чтенія сама была въ нѣкоторомъ волненіи и тронута, смотрѣла теперь такъ, какъ-будто хотѣла выговорить:

«(Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?» и т. д.

Наташа воротилась скоро, веселая и счастливая, и проходя мимо, потихоньку ущипнула меня. Старикъ принялся было опять «серьезно» оцѣнивать мою повѣсть, но отъ радости не выдержалъ характера и увлекся:

— Ну, братъ Ваня, хорошо, хорошо! утѣшил! такъ утѣшилъ, что я даже и не ожидалъ. Не высокое, не великое, это видно... Вонъ у меня тамъ «Освобожденіе Москвы» лежитъ, въ Москвѣ же и сочинили, — ну такъ оно съ первой строки, братецъ, видно, что, такъ-сказать, орломъ воспарилъ человѣкъ... Но знаешь ли, Ваня, у тебя оно какъ-то проще, понятнѣе. Вотъ именно за-то я люблю, что понятнѣе! Роднѣе какъ-то оно; какъ-будто со мной самимъ все это случилось. А то что высокое-то? И самъ бы не понималъ. Слогъ бы я выправилъ: я вѣдь хвалю, а что ни говори, все-таки мало возвышеннаго... Ну да ужъ теперь поздно: напечатано. Развѣ во второмъ изданіи? А что, братъ, вѣдь и второе изданіе чай будетъ? Тогда опять деньги... Гм!

— И неужели вы столько денегъ получили, Иванъ Петровичъ? замѣтила Анна Андревна. — Гляжу на васъ и все какъ-то не вѣрится. Ахъ ты, Господи, вотъ вѣдь за что теперь деньги стали давать!

— Знаешь, Ваня? продолжалъ старикъ, увлекаясь все болѣе и болѣе: — это хоть не служба, за то все-таки карьера. Прочтутъ и высокія лица. Вотъ, ты говорилъ, Гоголь вспоможеніе ежегодное получаетъ и за границу посланъ. А что еслибъ и ты? а? или еще рано? Надо еще что-нибудь сочинить? Такъ сочиняй, братъ, сочиняй поскорѣе! Не засыпай на лаврахъ. Чего глядѣть-то!

И онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденнымъ

видомъ, съ такимъ добродушіемъ, что недоставало рѣшимости остановить и расхолодить его фантазію.

— Или вотъ, напримѣръ, табакерку дадутъ... Чтожъ? На милость вѣдь нѣтъ образца. Поощрить захотятъ. А кто знаетъ, можетъ и ко двору попадешь, прибавилъ онъ полушопотомъ и съ значительнымъ видомъ, прищуривъ свой лѣвый глазъ: — или нѣтъ? или еще рано ко двору-то?

— Ну, ужъ и ко двору! сказала Анна Андревна, какъ-будто обидѣвшись.

— Еще немного, и вы произведете меня въ генералы, отвѣчалъ я, смѣясь отъ души. Старикъ тоже засмѣялся. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ.

— Ваше превосходительство, не хотите ли кушать? закричала рѣзвая Наташа, которая тѣмъ временемъ собрала намъ поужинать.

Она захохотала, подбѣжала къ отцу и крѣпко обняла его своими горячими ручками:

— Добрый, добрый папаша!

Старикъ разчувствовался.

— Ну, ну, хорошо, хорошо! Я вѣдь такъ, просто говорю. Генераль не генераль, а пойдемте-ка ужинать. Ахъ ты чувствительная! прибавилъ онъ, потрепавъ свою Наташу по раскраснѣвшей щечкѣ, что любилъ дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ: — я, вотъ видишь ли, Ваня, любя говорилъ. Ну, хоть и не генераль (далеко до генерала!), а все-таки извѣстное лицо, сочинитель!

— Нынче, папаша, говорятъ: писатель.

— А не сочинитель? Не зналъ я. Ну, положимъ хоть и писатель; а я вотъ что хотѣлъ сказать; камергеромъ, конечно, не сдѣлаютъ за то, что романъ сочинилъ: объ этомъ и думать нечего; а все-таки можно въ люди пройти; ну, сдѣлаться какимъ-нибудь тамъ аташе. За границу могутъ послать, въ Италію, для поправленія здоровья, или тамъ для усовершенствованія въ наукахъ что ли; деньгами помогутъ. Разумѣется надо, чтобы все это и съ твоей стороны было благородно; чтобы за дѣло, за настоящее дѣло деньги и почести брать, а не такъ чтобы какъ-нибудь тамъ, по протекціи...

— Да ты не загордись тогда, Иванъ Петровичъ, прибавила смѣясь Анна Андревна.

— Да ужъ поскорѣй ему звѣзду, папаша, а то что, въ самомъ дѣлѣ, аташе да аташе!

И она опять ущипнула меня за руку.

— А эта все надо мной подсмѣивается! вскричалъ старикъ, съ восторгомъ смотря на Наташу, у которой разгорѣлись щеки, а глазки весело сіяли, какъ звѣздочки. — Я, дѣтки, кажется, и вправду далеко зашелъ, въ Альнаскары записался; и всегда-то я былъ такой... а только знаешь, Ваня, смотрю я на тебя: какой-то ты у насъ совсѣмъ простой...

— Ахъ, Боже мой! Да какому же ему быть, папочка?

— Ну, нѣтъ, я не то. А только все-таки, Ваня, у тебя какое-то этакъ лицо... то есть совсѣмъ какъ-будто не поэтическое... Этакъ, знаешь, блѣдные

они, говорятъ, бываютъ поэты-то, ну и съ волосами такими, и въ глазахъ, этакъ, что-то... Знаешь, тамъ Гёте какойнибудь или проч... я это въ Аббадонѣ читалъ... а что? Опять совралъ чтонибудь? Ишь, шалунья, такъ и заливаются надо мной! Я, друзья, моп, не учений, только чувствовать могу. Ну, лицо не лицо, — это вѣдь еще не велика бѣда лицо-то; для меня и твое хорошо, и очень нравится... Я вѣдь не къ тому говорилъ... А только будь честенъ, Ваня, будь честенъ, это главное; живи честно, не возмечтай! Передъ тобой дорога широкая. Служи честно своему дѣлу; вотъ что я хотѣлъ сказать, вотъ именно это-то я и хотѣлъ сказать!

Чудное было время! Всѣ свободные часы, всѣ вечера проводилъ я у нихъ. Старикъ приносилъ вѣсти о литературномъ мѣрѣ, о литераторахъ, которыми онъ вдругъ, неизвестно почему, началъ чрезвычайно интересоваться; даже началъ читать критическія статьи Б., про котораго я много наговаривалъ ему и котораго онъ почти не понималъ, но хвалилъ до восторга и горько жаловался на враговъ его, писавшихъ въ «Сѣверномъ Трутнѣ». Старушка зорко слѣдила за мной и Наташей; но не услѣдила она за нами! Между нами уже было сказано одно словечко, и я услышалъ наконецъ, какъ Наташа, потупивъ головку и полураскрывъ свои губки, почти шопотомъ сказала мнѣ: да. Но узнали и старики; погадали, подумали; Анна Андреевна долго качала головою. Странно и жутко ей было. Не вѣрила она мнѣ.

— Вѣдь вотъ хорошо удача, Иванъ Петровичъ, говорила она: — а вдругъ не будетъ удачи, или тамъ чтонибудь; что тогда? хотъ бы служили вы гдѣ!

— А вотъ что я скажу тебѣ, Ваня, рѣшилъ старикъ, надумавшись: — я и самъ это видѣлъ, замѣтилъ и, признаюсь, даже обрадовался, что ты и Наташа... ну, да чего тутъ! Видишь, Ваня: оба вы еще очень молоды и моя Анна Андреевна права. Подождемъ. Ты, положимъ, талантъ, даже замѣчательный талантъ... ну, не гений, какъ объ тебѣ тамъ сперва прокричали, а такъ, просто талантъ (я еще вотъ сегодня читалъ на тебя эту критику въ «Трутнѣ»; слишкомъ ужъ тамъ тебя худо третируютъ; ну да вѣдь это чтожъ за газета!). Да! такъ видишь: вѣдь это еще не деньги въ ломбардѣ, таланты-то; а вы оба бѣдные. Подождемъ годика, этакъ, полтора или хоть годъ: пойдемъ хорошо утвердись крѣпко на своей дорогѣ, — твоя Наташа; не удастся тебѣ, — самъ разсуди!.. Ты человекъ честный; подумай!..

На этомъ и остановились. А черезъ годъ вотъ что было:

Да, это было почти ровно черезъ годъ! Въ ясный сентябрьскій день, передъ вечеромъ, вошелъ я къ моимъ старикамъ больной, съ зампираніемъ въ душѣ и упалъ на стулъ чуть не въ обморокъ, такъ что даже они перепугались на меня глядя. Но не оттого закружилась у меня тогда голова и тосковало

сердце такъ, что я десять разъ подходилъ къ ихъ дверямъ и десять разъ возвращался назадъ, прежде чѣмъ вошелъ, — не оттого, что не удалась мнѣ моя карьера и что не было у меня еще ни славы, ни денегъ; не оттого, что я еще ни какойнибудь, «аташе» и далеко было до того, чтобъ меня послали для поправленія здоровья въ Италію; а оттого, что можно прожить десять лѣтъ въ одинъ годъ, и прожила въ этотъ годъ десять лѣтъ и моя Наташа. Безконечность легла между нами... И вотъ, помню, сидѣлъ я передъ старикомъ, молчалъ и доламывалъ разсѣянной рукой и безъ того уже обломанные поля моей шляпы; сидѣлъ и ждалъ, неизвестно зачѣмъ, когда выйдетъ Наташа. Костюмъ мой былъ жалокъ и худо на мнѣ сидѣлъ; лицомъ я осунулся, похудѣлъ, пожелтѣлъ, — а все-таки далеко не похожъ былъ я на поэта, и въ глазахъ моихъ все-таки не было ничего великаго, о чемъ такъ хлопоталъ когда-то добрый Николай Сергѣичъ. Старушка смотрѣла на меня съ непритворнымъ и ужъ слишкомъ торопливымъ сожалѣніемъ, а сама про себя думала:

«Вѣдь вотъ этакое-то чуть не сталъ женихомъ Наташи, Господи помилуй и сохрани!»

— Что, Иванъ Петровичъ, не хотите ли чаю? (самоваръ впѣлъ на столѣ) — да каково, батюшка, поживаете? больные вы какіе-то вовсе, спросила она меня жалобнымъ голосомъ, какъ теперь ее слышу.

И какъ теперь вижу: говоритъ она мнѣ, а въ глазахъ ея видна и другая забота, таже самая забота, отъ которой затуманился и ея старикъ и съ которой онъ сидѣлъ теперь надъ простывающей чашкой и думалъ свою думу. Я зналъ, что ихъ очень озабочиваетъ въ эту минуту процессъ съ княземъ Валковскимъ, повернувшійся для нихъ не совсѣмъ хорошо, и что у нихъ случились еще новыя непріятности, разстроившія Николая Сергѣича до болѣзни. Молодой князь, изъ-за котораго началась вся исторія этого процесса, мѣсяцевъ пять тому назадъ, нашелъ случай побывать у Ихменевыхъ. Старикъ, любившій своего милаго Алешу, какъ роднаго сына, почти каждый день вспоминавшій о немъ, принялъ его съ радостію. Анна Андреевна вспомнила про Васильевское и расплакалась. Алеша сталъ ходить къ нимъ чаще и чаще, потихоньку отъ отца; Николай Сергѣичъ, честный, открытый, прямодушный, съ негодованіемъ отвергъ всѣ предосторожности. Изъ благородной гордости онъ не хотѣлъ и думать: что скажетъ князь, если узнаетъ, что его сынъ опять принять въ домъ Ихменевыхъ, и мысленно презиралъ всѣ его нелѣпыя подозрѣнія. Но старикъ не зналъ достанетъ ли у него силъ вынести новыя оскорбленія. Молодой князь началъ бывать у нихъ почти каждый день. Весело было съ нимъ старикамъ. Цѣлые вечера и далеко за полночь просиживалъ онъ у нихъ. Разумѣется, отецъ узналъ наконецъ обо всемъ. Вышла гнуснѣйшая сплетня. Онъ оскорбилъ Николая Сергѣича ужаснымъ письмомъ, все

на ту же тему, какъ и прежде, а сыну положительно запретилъ посѣщать Ихменевыхъ. Это случилось за двѣ недѣли до моего къ нимъ прихода. Старикъ загрузилъ ужасно. Какъ! его Наташу, невинную, благородную, замѣшивавъ опять въ эту грязную клевету, въ эту низость! Ея имя было оскорбительно произнесено уже и прежде обидѣвшимъ его человѣкомъ... И оставить все это безъ удовлетворенія! Въ первые дни онъ слегъ въ постель отъ отчаянія. Все это я зналъ. Вся исторія дошла до меня въ подробности, хотя я, больной и убитый, все это послѣднее время, недѣли три, у нихъ не показывался и лежалъ у себя на квартирѣ. Но я зналъ еще... нѣтъ! я тогда еще только предчувствовалъ, зналъ да не вѣрилъ, — что кромѣ этой исторіи, есть у нихъ теперь что-то, что должно беспокоить ихъ больше всего на свѣтѣ, и съ мучительной тоской къ нимъ приглядывался. Да, я мучился; я боялся угадать, боялся вѣрить и всѣми силами желалъ удалить роковую минуту. А между тѣмъ и пришелъ для нея. Меня точно тянуло къ нимъ въ этотъ вечеръ!

— Да, Ваня, спросилъ вдругъ старикъ, какъ будто опомнившись, — ужъ не былъ ли больнѣ? что долго не ходилъ? Я виноватъ передъ тобой: давно хотѣлъ тебя навѣстить, да все какъ-то того... — И онъ опять задумался.

— Я былъ нездоровъ, отвѣчалъ я.

— Гм! нездоровъ повторилъ онъ пять минутъ спустя. — То-то нездоровъ! Говорилъ я тогда, предостерегалъ, — не послушался! Гм! Нѣтъ, братъ Ваня: муза видно испоконъ вѣку сидѣла на чердакѣ голодная, да и будетъ сидѣть. Такъ-то!

Да, не въ духѣ былъ старикъ. Не былобъ у него своей раны на сердцѣ, не заговорилъ бы онъ со мной о голодной музѣ. Я всматривался въ его лицо: оно пожелтѣло, въ глазахъ его выражалось какое-то недоумѣніе, какая-то мысль, въ формѣ вопроса, котораго онъ не въ силахъ былъ разрѣшить. Былъ онъ какъ-то порывистъ и непривычно жолченъ. Жена взглядывала на него съ безпокойствомъ и покачивала головою. Когда онъ, разъ, отвернулся, она кивнула мнѣ на него украдкой.

— Какъ здоровье Натальи Николаевны? она дома? спросилъ я озабоченную Анну Андреевну.

— Дома, батюшка, дома, отвѣчала она, какъ будто затрудняясь моимъ вопросомъ. — Сейчасъ сама выйдетъ на васъ поглядѣть. Шутка ли! три недѣли не видать! Да чтой-то она у насъ кака-то стала такая, — не сообразилъ съ ней никакъ: здоровая ли, больная ли, Богъ съ ней!

И она робко посмотрѣла на мужа.

— А что? ничего съ ней, отозвался Николай Сергѣичъ неохотно и отрывисто: — здорова. Такъ, въ лѣта входитъ дѣвица, перестала младенцемъ быть, вотъ и все. Кто ихъ разберетъ, эти дѣвичьи печали да капризы?

— Ну, ужъ и капризы! подхватила Анна Андреевна обидчивымъ голосомъ.

Старикъ смолчалъ и забарабанилъ пальцами по столу. «Боже, неужели ужъ было что нибудь между ними?» подумалъ я въ страхѣ.

— Ну, а что, какъ тамъ у васъ? началъ онъ снова. — Что Б. все еще критику пишетъ?

— Да, пишетъ, отвѣчалъ я.

— Эхъ, Ваня, Ваня! заключилъ онъ, махнувъ рукой. — Что ужъ тутъ критика!

Дверь отворилась и вошла Наташа.

ГЛАВА VII.

Она несла въ рукахъ свою шляпку и войдя положила ее на фортепiano; потомъ подошла ко мнѣ и молча протянула мнѣ руку. Губы ея слегка пошевелились; она какъ будто хотѣла мнѣ что-то сказать, какое-то привѣтствіе, но ничего не сказала.

Три недѣли, какъ мы не видались. Я глядѣлъ на нее съ недоумѣніемъ и страхомъ. Какъ перемѣнилась она въ эти три недѣли! Сердце мое защемило тоской, когда я разглядѣлъ эти впадины блѣдныя щеки, губы запекшіяся какъ въ лихорадкѣ, и глаза, сверкавшіе изъ-подъ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ горячечнымъ огнемъ и какой-то страстной рѣшимостью.

Но Боже, какъ она была прекрасна! Никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ я ее такою, какъ въ этотъ роковой день. Та ли, та ли это Наташа, та ли это дѣвочка, которая, еще только годъ тому назадъ, не спускала съ меня глазъ и шевеля за мною губами, слушала мой романъ и которая такъ весело, такъ безпечно хохотала и шутила въ тотъ вечеръ съ отцемъ и со мною за ужиномъ? Та ли это Наташа, которая тамъ, въ той комнатѣ, наклонивъ голову и вся загорѣвшись румянцемъ, сказала мнѣ: да.

Раздался густой звукъ колокола, призывавшаго къ вечерни. Она вздрогнула; старушка перекрестилась.

— Ты къ вечерни собиралась Наташа, а вотъ ужъ и благовѣстятъ, сказала она. — Сходи Натальенька, сходи, помолись, благо близко! Да и прошлась бы за одно. Что взаперти-то сидѣть? Смотри, какая ты блѣдная; ровно сглазили.

— Я... можетъ быть... не пойду сегодня, проговорила Наташа медленно и тихо, почти шопотомъ. — Я... нездорова, прибавила она и поблѣднѣла какъ полотно.

— Лучше бы пойдти, Наташа; вѣдь ты же хотѣла давеча и шляпку вотъ принесла. Помолись, Натальенька, помолись, чтобъ тебѣ Богъ здоровья послалъ, уговаривала Анна Андреевна, робко смотря на дочь, какъ будто боялась ея.

— Ну, да; сходи; а къ тому жъ и пройденъ, прибавилъ старикъ, тоже съ безпокойствомъ всматриваясь въ лицо дочери: — мать правду говоритъ. Вотъ Ваня тебя и проводитъ.

Мнѣ показалось, что горькая усмѣшка промель-

кнула на губахъ Наташи. Она подошла къ фортепиано, взяла шляпку и надѣла ее; руки ея дрожали. Всѣ движенія ея были какъ-будто безсознательны, — точно она не понимала, что дѣлала. Отецъ и мать пристально въ нее всматривались.

— Прощайте! чуть слышно проговорила она.

— И, ангелъ мой, что прощаться, далекий ли путь! На тебя хоть вѣтеръ подуетъ; смотри, какая ты блѣдненькая. Ахъ! да вѣдь я и забыла (все-то я забываю!) — ладонку я тебѣ кончила; молитву зашила въ нес, ангелъ мой; монашенка изъ Кіева научила прошлаго года; пригодная молитва; еще давеча зашила. Надѣнь, Наташа. Авось Господь Богъ тебѣ здоровья пошлетъ. Одна ты у насъ.

И старушка высула изъ рабочаго ящика патѣльный золотой крестикъ Наташи; на той же ленточкѣ была привѣшена только что сшитая ладонка.

— Носи на здоровье! прибавила она, надѣвая крестъ и крестя дочь! — когда-то я тебя каждую ночь такъ крестила, на сонъ грядущій, молитву читала, а ты за мной причитывала. А теперь ты не та стала, и не дастъ тебѣ Господь спокойнаго духа. Ахъ, Наташа, Наташа! Не помогаютъ тебѣ и молитвы мои материнскія! — И старушка заплакала.

Наташа молча подаловала ея руку и ступила шагъ къ дверямъ; но, вдругъ быстро воротилась назадъ и подошла къ отцу. Грудь ея глубоко волновалась.

— Папенька! перекрестите и вы... свою дочь, проговорила она задыхающимся голосомъ и опустилась передъ нимъ на колѣни.

Мы всѣ стояли въ смущеніи отъ неожиданнаго, слишкомъ торжественнаго ея поступка. Нѣсколько мгновений отецъ смотрѣлъ на нее, совѣмъ потерявшись.

— Наташенька, дѣточка моя, дочка моя, милочка, что съ тобою! вскричалъ онъ наконецъ, и слезы градомъ хлынули изъ глазъ его. — Отчего ты тоскуешь? Отчего плачешь и день и ночь? Вѣдь я все вижу; я ночей не сплю, встаю и слушаю у твоей комнаты!.. Скажи мнѣ все, Наташа, откройся мнѣ во всемъ старику, и мы...

Онъ не договорилъ, поднялъ ее и крѣпко обнялъ. Она судорожно прижалась къ его груди и скрыла на его плечѣ свою голову.

— Ничего, ничего, это такъ... я нездорова... твердила она, задыхаясь отъ внутреннихъ, подавленныхъ слезъ.

— Да благословить же тебя Богъ, какъ я благословляю тебя, дитя мое милое, безцѣнное дитя! сказалъ отецъ. — Да пошлетъ Онъ тебѣ навсегда миръ души и оградить тебя отъ всякаго горя. Помолись Богу, другъ мой, чтобъ грѣшная молитва моя дошла до Него.

— И мое, и мое благословеніе надъ тобою! прибавила старушка, заливаясь слезами.

— Прощайте! прошептала Наташа.

У дверей она остановилась, еще разъ взглянула на нихъ, хотѣла было еще что-то сказать, но не могла и быстро вышла изъ комнаты. Я бросился вслѣдъ за нею, предчувствуя недоброе.

ГЛАВА VIII.

Она шла молча, скоро, потупивъ голову и не смотря на меня. Но пройдя улицу и ступивъ на набережную, вдругъ остановилась и схватила меня за руку.

— Душно! прошептала она:—сердце тѣснить... душно!

— Воротись, Наташа! вскричалъ я въ испугѣ.

— Неужели жъ ты не видишь, Ваня, что я вышла *совсѣмъ*, ушла отъ нихъ и никогда не возвращусь назадъ? сказала она, съ не выразимой тоской смотря на меня.

Сердце упало во мнѣ. Все это я предчувствовалъ, еще идя къ нимъ; все это уже представлялось мнѣ, какъ въ туманѣ, еще можетъ быть задолго до этого дня, но теперь слова ея поразили меня какъ громомъ.

Мы печально шли по набережной. Я не могъ говорить; я соображалъ, размышлялъ и потерялся совершенно. Голова у меня закружилась. Мнѣ казалось это такъ безобразно, такъ невозможно!

— Ты винишь меня, Ваня? сказала она наконецъ.

— Нѣтъ, но... но я не вѣрю; этого быть не можетъ!.. отвѣчалъ я, не помня, что говорю.

— Нѣтъ, Ваня, это ужъ есть! Я ушла отъ нихъ и не знаю, что съ ними будетъ... не знаю, что будетъ и со мною!

— Ты къ *нему*, Наташа? да?

— Да! отвѣчала она.

— Но это невозможно! вскричалъ я въ изступленіи:—знаешь ли, что это невозможно, Наташа, бѣдная ты моя! вѣдь это безуміе. Вѣдь ты ихъ убьешь и себя погубишь! Знаешь ли ты это, Наташа?

— Знаю, по что же мнѣ дѣлать, не моя воля, сказала она, и въ словахъ ея слышалось столько отчаянья, какъ-будто она шла на смертную казнь.

— Воротись, воротись, пока не поздно, умолялъ я ее, и тѣмъ горячѣе, тѣмъ настойчивѣе умолялъ, чѣмъ больше самъ сознавалъ всю бесполезность моихъ увѣщаній и всю нелѣпость ихъ въ настоящую минуту.—Понимаешь ли ты, Наташа, что ты сдѣлаешь съ отцомъ? Обдумала ль ты это? Вѣдь *его* отецъ врагъ твоему; вѣдь князь оскорбилъ твоего отца, заподозрилъ его въ грабежѣ денегъ; вѣдь онъ его воромъ называлъ. Вѣдь они тягуются... Да что! это еще послѣднее дѣло, а знаешь ли ты Наташа... (о Боже, да вѣдь ты все это знаешь!)—знаешь ли, что князь заподозрилъ твоего отца и мать, что они сами, нарочно, сводили тебя съ Алешей, когда Алеша гостилъ у васъ въ деревнѣ? Подумай, представь себѣ только, каково страдалъ

тогда твой отецъ отъ этой клеветы. Вѣдь онъ весь посѣдѣлъ въ эти два года, — взгляни на него! А главное: ты вѣдь это все знаешь, Наташа, Господи Боже мой! Вѣдь ужъ я не говорю, чего стоитъ имъ обоимъ тебя потерять на вѣки! Вѣдь ты ихъ сокровище, все, что у нихъ осталось на старости. Я ужъ и говорить объ этомъ не хочу: сама должна знать; припомни, что отецъ считаетъ тебя напрасно оклеветанною, обиженною этими гордецами, неомощенною! Теперь же, именно теперь все это вновь разгорѣлось, усилилась вся эта старая, наболѣвшая вражда изъ-за того, что вы принимали къ себѣ Алешу. Князь опять оскорбилъ твоего отца, въ старикѣ еще злоба кипитъ отъ этой новой обиды, и вдругъ, все, все это, всѣ эти обвиненія окажутся теперь справедливыми! Всѣ, кому дѣло извѣстно, оправдаютъ теперь князя и обвинятъ тебя и твоего отца. Ну, что теперь будетъ съ нимъ? Вѣдь это убьетъ его сразу! Стыдъ, позоръ и отъ кого же? черезъ тебя, его дочь, его единственное, безцѣнное дитя! А мать? да вѣдь она не переживетъ старика... Наташа, Наташа! что ты дѣлаешь? воротись! опомнись!

Она молчала; наконецъ взглянула на меня, какъ будто съ упрекомъ, и столько пронзительной боли, столько страданія было въ ея взглядѣ, что я понималъ, какую кровью и безъ моихъ словъ обливается теперь сѣ раненное сердце. Я понималъ, чего стоило ей ея рѣшеніе и какъ я мучилъ, рѣзалъ ее моими бесполезными, поздними словами; я все это понималъ и все-таки не могъ удержать себя и продолжалъ говорить:

— Да вѣдь ты же сама говорила сейчасъ Аннѣ Андреевнѣ, что, *можетъ быть*, не пойдешь изъ дому... ко всенощной. Стало-быть ты хотѣла и остаться; стало-быть не рѣшилась еще совершенно?

Она только горько улыбнулась въ отвѣтъ. И къ чему я это спросилъ? вѣдь я могъ понять, что все уже было рѣшено невозвратно. Но я тоже былъ внѣ себя.

— Неужели жъ ты такъ его полюбила? вскричалъ я, съ замираніемъ сердца смотря на нее и почти самъ не понимая, что спрашиваю.

— Что мнѣ отвѣчать тебѣ, Ваня? ты видишь! онъ велѣлъ мнѣ придти, и я здѣсь, жду его, проговорила она съ той же горькой улыбкой.

— Но послушай, послушай только, началъ я опять умолять ее, хватаясь за соломенку: — все это еще можно поправить, еще можно обдѣлать другимъ образомъ, совершенно другимъ какимъ-нибудь образомъ! Можно и не уходить изъ дому. Я тебя научу какъ сдѣлать, Наташечка. Я беру съ васъ все устроить, все, и свиданія и все... Только изъ дому-то не выходи! Я буду переносить ваши письма; отчего же не переносить? Это лучше, чѣмъ теперешнее. Я съумѣю это сдѣлать; я вамъ угрожу обоимъ; вотъ увидите, что угрожу... И ты не погубишь себя, Наташечка, какъ теперь... А то вѣдь ты совсѣмъ себя теперь губишь, совсѣмъ! Согласись, Наташа: все пойдетъ и прекрасно и счаст-

ливо, и любить вы будете другъ друга, сколько захотите. А когда отцы перестанутъ ссориться (потому что они непременно перестанутъ ссориться) — тогда...

— Полно, Ваня, оставь, прервала она, крѣпко сжавъ мою руку и улыбнувшись сквозь слезы. — Добрый, добрый Ваня! добрый, честный ты человекъ! И ни слова-то о себѣ! Я же тебя оставила первая, а ты все простишь, только объ моемъ счастье и думаешь. Письма намъ переносить хочешь...

Она заплакала.

— Я вѣдь знаю, Ваня, какъ ты любилъ меня, какъ до сихъ поръ еще любишь, и ни однимъ-то упрекомъ, ни однимъ горькимъ словомъ ты не упрекнулъ меня во все это время! А я, я... Боже мой, какъ я передъ тобой виновата! Помнишь, Ваня, помнишь и наше время съ тобою? Охъ, лучше бъ я не знала, не встрѣчала бъ *его* никогда!.. Жила бъ я съ тобою, Ваня, съ тобою, добренькій ты мой, голубчикъ ты мой!... Нѣтъ, я тебя не стою! Видишь, я какая: въ такую минуту, тебѣ же напоминаю о нашемъ прошломъ счастьи, а ты и безъ того страдаешь! Вотъ ты три недѣли не приходилъ: князю же тебѣ, Ваня, ни одного разу не приходила мнѣ въ голову мысль, что ты меня проклялъ и ненавидишь. Я знала, отчего ты ушелъ: ты не хотѣлъ намъ мѣшать и быть намъ живымъ укоромъ. А самому тебѣ развѣ не было тяжело на насъ смотрѣть? А какъ я ждала тебя, Ваня, ужъ какъ ждала! Ваня, послушай, если я и люблю Алешу какъ безумная, какъ сумасшедшая, то тебя, можетъ быть, еще больше, какъ друга моего, люблю. Я ужъ слышу, знаю, что безъ тебя я не проживу; ты мнѣ надобенъ, мнѣ твое сердце надобно, твоя душа золотая... Охъ, Ваня! какое горькое, какое тяжелое время наступаетъ!

Она залилась слезами. Да, тяжело ей было!

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть! продолжала она, подавивъ свои слезы. — Какъ ты похудѣлъ, какой ты больной, блѣдный; ты въ самомъ дѣлѣ былъ нездоровъ, Ваня? Чтожъ я, и не спрошу! все о себѣ говорю: ну какъ же теперь твои дѣла съ журналистами? Что твой новый романъ, подвигается ли?

— До романовъ ли, до меня ли теперь, Наташа! Да и что мои дѣла! ничего; такъ себѣ, да и Богъ съ ними! А вотъ что, Наташа: это онъ самъ потребовалъ, чтобъ ты шла къ нему?

— Нѣтъ, не онъ одинъ, больше я. Онъ, правда, говорилъ, да я и сама... Видишь, голубчикъ, я тебѣ все расскажу: ему сватаютъ невѣсту, богатую и очень знатную; очень знатымъ людямъ родня. Отецъ непременно хочетъ, чтобъ онъ женился на ней, а отецъ, вѣдь ты знаешь, — ужасный интригантъ; онъ всѣ пружины въ ходъ пустил: и въ десять лѣтъ такого случая не нажить. Связи, деньги... А она говорятъ, очень хороша собою; да и образованіемъ и сердцемъ, — всѣмъ хороша; ужъ Алеша увлекается ею. Да къ тому же отецъ и самъ

его хочет поскорѣй съ плечъ долой сбить, чтобы самому жениться, а потому, непременно и во что бы то ни стало, положилъ расторгнуть нашу связь. Онъ боится меня и моего вліянія на Алешу...

— Да развѣ князь, прервалъ я ее съ удивленіемъ, про вашу любовь знаетъ? Вѣдь онъ только подо-зрѣвалъ, да и то не навѣрно.

— Знаетъ, все знаетъ.

— Да ему кто сказалъ?

— Алеша же все и рассказалъ, недавно. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что все это рассказалъ отцу.

— Господи! чтожь это у васъ происходитъ! Самъ же все и рассказалъ, да еще въ такое время?..

— Не вини его, Ваня, перебила Наташа, — не смѣйся надъ нимъ! Его судить нельзя какъ всѣхъ другихъ. Будь справедливъ. Вѣдь онъ не таковъ, какъ вотъ мы съ тобой. Онъ ребенокъ; его и воспитали не такъ. Развѣ онъ понимаетъ, чтъ дѣлаетъ? Первое впечатлѣніе, первое чужое вліяніе способно его отвлечь отъ всего, чему онъ за минуту передъ тѣмъ отдавался съ клятвою. У него нѣтъ характера. Онъ вотъ поклянется тебѣ, да въ тотъ же день, также правдиво и искренно, другому отдается; да еще самъ первый къ тебѣ придетъ рассказать объ этомъ. Онъ и дурной поступокъ, пожалуй, сдѣлаетъ; да обвинить-то его за этотъ дурной поступокъ нельзя будетъ, а развѣ что пожалѣть. Онъ и на самопожертвованіе способенъ и даже знаешь на какое! да только до какого-нибудь новаго впечатлѣнія: тутъ ужъ онъ опять все забудетъ. *Такъ и меня забудетъ, если я не буду постоянно при немъ.* Вотъ онъ какой!

— Ахъ, Наташа, да можетъ быть это все неправда, только слухи одни. Ну гдѣ ему, такому еще мальчику, жениться!

— Соображенія какія-то у отца особенныя, говорю тебѣ.

— А почемужь ты знаешь, что невѣста его такъ хороша и что онъ и ею ужъ увлекается?

— Да вѣдь онъ мнѣ самъ говорилъ.

— Какъ! самъ же и сказалъ тебѣ, что можетъ другую любить, а отъ тебя потребовалъ теперь такой жертвы?

— Нѣтъ, Ваня, нѣтъ! Ты не знаешь его, ты мало съ нимъ былъ; его надо короче узнать и ужъ потомъ судить. Нѣтъ сердца на свѣтѣ правдивѣе и чище его сердца! Чтожь? лучше чтоль, еслибъ онъ лгалъ? А что онъ увлекся, такъ вѣдь стоитъ только мнѣ недѣлю съ нимъ не видаться, онъ и забудетъ меня и полюбитъ другую, а потомъ какъ увидитъ меня, то и опять у ногъ моихъ будетъ. Нѣтъ! это еще и хорошо, что я знаю, что не скрыто отъ меня это; а то бы я умерла отъ подозрѣній. Да, Ваня! я ужъ рѣшилась: *если я не буду при немъ всегда, постоянно, каждое мгновеніе, онъ разлюбитъ меня, забудетъ и броситъ.* Ужъ онъ такой: его всякая другая за собой увлечь можетъ. А что же я тогда буду дѣлать? я тогда умру... да что умереть! я бы и рада теперь умереть! А вотъ каково жить-то мнѣ безъ него? вотъ что хуже самой смерти, хуже всѣхъ

мукъ! О Ваня, Ваня! Вѣдь есть же что-нибудь, что я вотъ бросила теперь для него и мать и отца! Не уговаривай меня: все рѣшено! Онъ долженъ быть подлѣ меня каждый часъ, каждое мгновеніе; я не могу воротиться. Я знаю, что погибла и другихъ погубила... Ахъ, Ваня! вскричала, она вдругъ и вся задрожала: — что если онъ въ самомъ дѣлѣ ужъ не любитъ меня! Что если ты правду про него сейчасъ говорилъ (я никогда этого не говорилъ), что онъ только обманываетъ меня и только кажется такимъ правдивымъ и искреннимъ, а самъ злой и тщеславный! Я вотъ теперь защищаю его передъ тобой; а онъ, можетъ быть, въ эту же минуту съ другою, и смѣется про себя... а я, я, низкая, бросила все и хожу по улицамъ, ищу его... Охъ, Ваня!

Этотъ стонъ съ такою болью вырвался изъ ея сердца, что вся душа моя заняла въ тоскѣ. Я понималъ, что Наташа потеряла уже всякую власть надъ собой. Только слѣпая, безумная ревность въ послѣдней степени могла довести ее до такого сумасброднаго рѣшенія. Но во мнѣ самомъ разгорѣлась ревность и прорвалась изъ сердца. Я не выдержалъ: гадкое чувство увлекло меня.

— Наташа, сказала я, — одного только я не понимаю: какъ ты можешь любить его послѣ того, что сама про него сейчасъ говорила? Не уважаешь его, не вѣришь даже въ любовь его, и идешь къ нему безъ возврата, и всѣхъ для него губишь? Чтожь это такое? Измучаетъ онъ тебя на всю жизнь, да и ты его тоже. Слишкомъ ужъ любишь ты его, Наташа, слишкомъ! Не понимаю я такой любви.

— Да, люблю, какъ сумасшедшая, отвѣчала она, поблѣднѣвъ какъ-будто отъ боли. — Я тебя никогда такъ не любила, Ваня. Я вѣдь и сама знаю, что съ ума сошла и не такъ люблю какъ надо. Не хорошо я люблю его... Слушай, Ваня: я вѣдь и прежде знала и даже въ самыя счастливыя минуты наши предчувствовала, что онъ дастъ мнѣ однѣ только муки. Но что же дѣлать, если мнѣ теперь даже муки отъ него — счастье? Я развѣ на радость иду къ нему? Развѣ я не знаю впередъ, что меня у него ожидаетъ и что я перенесу отъ него? Вѣдь вотъ онъ клялся мнѣ любить меня, всѣ обѣщанія давалъ; а вѣдь я ничему не вѣрю изъ его обѣщаній, ни во что ихъ не ставлю и прежде не ставила, хоть и знала, что онъ мнѣ не лгалъ, да и солгать не можетъ. Я сама ему сказала, сама, что не хочу его ничѣмъ связывать. Съ нимъ это лучше: привязи никто не любитъ, я первая. А все-таки я рада быть его рабой, добровольной рабой; переносятъ отъ него все, все, только бы онъ былъ со мной, толькобъ я глядѣла на него! Кажется, пусть бы онъ и другую любилъ, только бы при мнѣ это было, чтобы и я тутъ подлѣ была... Экая низость, Ваня? спросила она вдругъ, смотря на меня какимъ-то горячимъ, воспаленнымъ взглядомъ. Одно мгновеніе мнѣ казалось, будто она въ бреду: — вѣдь это низость, такія желанія?

Чтожъ? сама говорю, что низость, а если онъ бросить меня, я побѣгу за нимъ на край свѣта, хоть и отталкивать, хоть и прогонять меня будетъ. Вотъ ты уговариваешь теперь меня воротиться;— а что будетъ изъ этого? Ворочусь, а завтра же опять уйду, прикажетъ и уйду; свиснетъ, кликнетъ меня, какъ собачку, я и побѣгу за нимъ... Муки! не боюсь я отъ него никакихъ мукъ! я буду знать, что *отъ него* страдаю... Охъ, да вѣдь этого не расскажешь, Ваня!

«А отецъ, а мать?» подумалъ я. Она какъ-будто ужъ и забыла про нихъ.

— Такъ онъ и не женится на тебѣ, Наташа?

— Общалъ, все общалъ. Онъ вѣдь для того меня и зоветъ теперь, чтобъ завтра же обвиняться потихоньку, за городомъ; да вѣдь онъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ, можетъ быть, какъ и вѣнчаются-то не знаетъ. И какой онъ мужъ? Смѣшно, право. А женится, такъ несчастливъ будетъ, попрекать начнетъ... Не хочу я, чтобъ онъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь попрекнулъ меня. Все ему отдамъ, а онъ мнѣ пускай ничего. Чтожъ, коль онъ несчастливъ будетъ отъ женитьбы, зачѣмъ же его несчастливъ дѣлать?

— Нѣтъ, это какой-то чадъ, Наташа, сказалъ я.— Чтожъ, ты теперь прямо къ нему?

— Нѣтъ, онъ общался сюда придти, взять меня; мы условились...

И она жадно посмотрѣла вдаль, но никого еще не было.

— И его еще нѣтъ! И ты *первая* пришла! вскричалъ я съ негодованіемъ. Наташа какъ-будто пошатнулась отъ удара. Лицо ея болѣзненно искажилось.

— Онъ, можетъ быть, и совсѣмъ не придетъ, проговорила она съ горькой усмѣшкой.— Третьяго дня онъ писалъ, что если я не дамъ ему слова придти, то онъ поневолѣ долженъ отложить свое рѣшеніе— ѣхать и обвиняться со мною; а отецъ увезетъ его къ невѣстѣ. И такъ просто, такъ натурально написалъ, какъ-будто это и совсѣмъ ничего... Что, если онъ и вправду поѣхалъ къ ней, Ваня?

Я не отвѣчалъ. Она крѣпко стиснула мнѣ руку— и глаза ея засверкали.

— Онъ у ней, проговорила она чуть слышно.— Онъ надѣялся, что я не приду сюда, чтобъ поѣхать къ ней, а потомъ сказать, что онъ правъ, что онъ заранѣ увѣдомлялъ, а я сама не пришла. Я ему надоѣла, вотъ онъ и отстаетъ... Охъ, Боже! сумасшедшая я! Да вѣдь онъ мнѣ самъ въ послѣдній разъ сказалъ, что я ему надоѣла... Чегожъ я жду!

— Вотъ онъ! закричалъ я, вдругъ завидѣвъ его вдали на набережной.

Наташа вздрогнула, вскрикнула, взглянула въ приближавшагося Алешу, и вдругъ, бросивъ мою руку, пустилась къ нему. Онъ тоже ускорилъ шаги и черезъ минуту она была уже въ его объятіяхъ. На улицѣ, кромѣ насъ, никого почти не было. Они

цаловались, смѣялись; Наташа смѣялась и плакала, все вмѣстѣ, точно они встрѣтились послѣ безконечной разлуки. Краска залпла ея блѣдыя щеки; она была какъ иступленная... Алеша замѣтилъ меня и тотчасъ же ко мнѣ подошелъ.

ГЛАВА IX.

Я жадно въ него всматривался, хоть и впдѣлъ его много разъ до этой минуты; я смотрѣлъ въ его глаза, какъ-будто его взглядъ могъ разрѣшить всѣ мои недоумѣнія, могъ разъяснить мнѣ: чѣмъ, какъ этотъ ребенокъ могъ очаровать ее, могъ зародить въ ней такую безумную любовь,— любовь до забвенія самого перваго долга, до безразсудной жертвы всѣмъ, что было для Наташи, до сихъ поръ, самой полной святыней? Князь взялъ меня за обѣ руки, крѣпко пожалъ ихъ, и его взглядъ, кроткій и ясный, проникъ въ мое сердце.

Я почувствовалъ, что могъ ошибаться въ заключеніяхъ моихъ на его счетъ ужъ потому одному, что онъ былъ врагъ мой. Да, я не любилъ его и, каюсь, и никогда не могъ его полюбить,— только одинъ я, можетъ быть, изъ всѣхъ его знавшихъ. Многое въ немъ мнѣ упорно не нравилось, даже изящная его наружность и, можетъ быть, именно потому, что она была какъ-то ужъ слишкомъ изящна. Впослѣдствіи я понялъ, что и въ этомъ судилъ пристрастно. Онъ былъ высокъ, строенъ, тонокъ; лицо его было продолговатое, всегда блѣдное; бѣлокурые волосы, большіе голубые глаза, кроткіе и задумчивые, въ которыхъ вдругъ, порывами, блистала иногда самая простодушная, самая дѣтская веселость. Полныя небольшія пунцовыя губы его, превосходно обрисованныя, почти всегда имѣли какую-то серьезную складку; тѣмъ нежиданнѣе и тѣмъ очаровательнѣе была вдругъ появлявшаяся на нихъ улыбка, до того наивная и простодушная, что вы сами, вслѣдъ за нимъ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, ощущали немедленную потребность, въ отвѣтъ ему, точно также какъ и онъ, улыбнуться. Одѣвался онъ неизысканно, но всегда изящно; видно было, что ему не стоило ни малѣйшаго труда это изящество во всемъ, что оно ему прирожденно. Правда, и въ немъ было нѣсколько нехорошихъ замашекъ, нѣсколько дурныхъ привычекъ хорошаго тона: легкомысліе, самодовольство, вѣжливая дерзость. Но онъ былъ слишкомъ ясенъ и простъ душою и самъ, первый, обличалъ въ себѣ эти привычки, каялся въ нихъ и смѣялся надъ ними. Мнѣ кажется, этотъ ребенокъ никогда, даже и въ шутку, не могъ бы солгать, а еслибъ и солгалъ, то, право, не подозрѣвая въ этомъ дурнаго. Даже самый эгоизмъ былъ въ немъ какъ-то привлекателенъ, именно потому, можетъ быть, что былъ откровененъ, а не скрытъ. Въ немъ ничего не было скрытнаго. Онъ былъ слабъ, довѣрчивъ и робокъ сердцемъ; воли у него не было никакой. Обидѣтъ, обмануть его

было бы и грѣшно и жалко, также какъ грѣшно обмануть и обидѣть ребенка. Онъ былъ не по лѣтамъ наивенъ и почти ничего не понималъ въ дѣйствительной жизни; впрочемъ и въ сорокъ лѣтъ ничего бы, кажется, въ ней не узналъ. Такіе люди какъ бы осуждены на вѣчное несовершеннѣе. Миѣ кажется, не было человѣка, который бы могъ не полюбить его; онъ заласкался бы къ вамъ, какъ дитя. Наташа сказала правду: онъ могъ бы сдѣлать и дурной поступокъ, принужденный къ тому чѣмъ-нибудь сильнымъ вліяніемъ; но, сознавъ послѣдствія такого поступка, я думаю, онъ бы умеръ отъ раскаянія. Наташа инстинктивно чувствовала, что будетъ его госпожей, владычицей; что онъ будетъ даже жертвой ея. Она предвкушала наслажденіе любить безъ памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно за то что любишь, и потому-то, можетъ быть, и поспѣшила отдаться ему въ жертву первая. — Но и въ его глазахъ сіяла любовь, и онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Она съ торжествомъ взглянула на меня. Она была въ это мгновеніе все — и родителей, и прощавъ, и подозрѣнія... Она была счастлива.

— Ваня! вскричала она, — я виновата передъ нимъ и не стою его! Я думала, что ты ужъ и не придешь, Алеша. Забудь мои дурныя мысли, Ваня. Я заглажу это! прибавила она, съ безконечною любовью смотря на него. Онъ улыбнулся, поцаловалъ у ней руку и не выпуская ея руки сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не вините и меня. Какъ давно хотѣлъ я васъ обнять, какъ роднаго брата; какъ много она мнѣ про васъ говорила! Мы съ вами до сихъ поръ едва познакомились и какъ-то не сошлись. Будемъ друзьями и... простите насъ, прибавилъ онъ вполголоса и немного покраснѣвъ, но съ такой прекрасной улыбкой, что я не могъ не отозваться всѣмъ моимъ сердцемъ на его привѣтствіе.

— Да, да, Алеша, подхватила Наташа, — онъ нашъ, онъ нашъ братъ, онъ уже простилъ насъ и безъ него мы не будемъ счастливы. Я уже тебѣ говорила... Охъ жестокія мы дѣти, Алеша! Но мы будемъ жить втроемъ... Ваня! продолжала она, и губы ея задрожали: — вотъ ты воротись теперь къ намъ, домой; у тебя такое золотое сердце, что хоть они и не простятъ меня, но видя, что и ты простилъ, можетъ быть, хоть немного смягчатся надо мной. Расскажи имъ все, все, своими словами изъ сердца; найди такія слова... Защити меня, спаси; передай имъ всѣ причины, все какъ самъ понялъ. Знаешь ли, Ваня, что я бы, можетъ быть, и не рѣшилась на это, еслибъ тебя не случилось сегодня со мною! Ты спасеніе мое: я тотчасъ же на тебя понадеялась, что ты съумѣешь имъ такъ передать, что по крайней мѣрѣ этотъ первый-то ужасъ смягчишь для нихъ. О Боже мой, Боже!.. Скажи имъ отъ меня, Ваня, что я знаю, простить меня ужъ нельзя теперь: они простятъ, Богъ не проститъ; но что если они и проклянутъ меня, то я все-таки буду благословлять ихъ и молиться за

нихъ всю мою жизнь. — Все мое сердце у нихъ! Ахъ, зачѣмъ мы не всѣ счастливы! Зачѣмъ, зачѣмъ!.. Боже! что это я такое сдѣлала! вскричала она вдругъ, точно опомнившись и, вся задрожавъ отъ ужаса, закрыла лицо руками. Алеша обнялъ ее и молчалъ крѣпко прижалъ къ себѣ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— И вы могли потребовать такой жертвы! сказала я, съ упрекомъ смотря на него.

— Не вините меня! повторилъ онъ, — увѣряю васъ, что теперь всѣ эти несчастія, хоть они и очень сильны, — только на одну минуту. Я въ этомъ совершенно увѣренъ. Нужна только твердость, чтобъ перенести эту минуту; тоже самое и она мнѣ говорила. Вы знаете: всему причиной эта семейная гордость, эти совершенно ненужныя ссоры, какія-то тамъ еще тяжбы!.. Но... (я объ этомъ долго размышлялъ, увѣряю васъ)... все это должно прекратиться. Мы всѣ соединимся опять и тогда уже будемъ совершенно счастливы, такъ что даже и старики помирятся, на насъ глядя. Почему знать, можетъ быть, именно нашъ бракъ послужитъ началомъ къ ихъ примиренію! Я думаю, что даже и не можетъ быть иначе. Какъ вы думаете?

— Вы говорите: бракъ. Какъ же вы обвиняетесь? спросилъ я, взглянувъ на Наташу.

— Завтра или послѣ завтра; по крайней мѣрѣ послѣ завтра — навѣрно. Вотъ видите, я и самъ еще нехорошо знаю и, по правдѣ, ничего еще тамъ не устроилъ. Я думалъ, что Наташа, можетъ быть, еще и не придетъ сегодня. Къ тому же отецъ непремѣнно хотѣлъ меня везти сегодня къ невѣстѣ (вѣдь мнѣ сватаютъ невѣстку; Наташа вамъ сказывала? да я не хочу). Ну, такъ я еще и не могъ рассчитать всего навѣрное. Но все-таки мы навѣрно обвиняемся послѣ завтра. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется, потому что вѣдь нельзя же иначе. Завтра же мы выѣзжаемъ по исковской дорогѣ. Тутъ у меня недалеко; въ деревнѣ, есть товарищъ, лицейскій, очень хорошій человѣкъ; я васъ, можетъ быть, познакомлю. Тамъ въ селѣ есть и священникъ, а впрочемъ навѣрно не знаю, есть или нѣтъ. Надо было заранѣе справиться, да я не успѣлъ... А впрочемъ, по настоящему все это мелочи. Было бы главное-то въ виду. Можно вѣдь изъ сосѣдняго какого-нибудь села пригласить священника; какъ вы думаете? — Вѣдь есть же тамъ сосѣднія села! Одно жалъ: что я до сихъ поръ не успѣлъ ни строчки написать туда; предупредить бы надо. Пожалуй моего пріятеля нѣтъ теперь и дома... Но — это послѣдняя вещь! Была бы рѣшимость, а тамъ все само собою устроится, не правда ли? А пока-мѣстъ, до завтра или хоть до послѣ завтра, она пробудетъ здѣсь у меня. Я нанялъ особую квартиру, въ которой мы и воротясь будемъ жить. Я ужъ не пойду жить къ отцу, — неправда ли? Вы къ намъ придете; я премило устроился. Ко мнѣ будутъ ходить наши лицейскіе; я заведу вечера...

Я съ недоумѣніемъ и тоскою смотрѣлъ на него. Наташа умоляла меня взглядомъ не судить его

строго и быть снисходительнѣе. Она слушала его рассказы съ какою-то грустною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто и любовалась имъ, также какъ любятъ милымъ, веселымъ ребенкомъ, слушая его неразумную, но милую болтовню. Я съ упрямомъ поглядѣлъ на нее. Мнѣ стало невыносимо тяжело.

— Но вашъ отецъ? спросилъ я,—твердо-ли вы увѣрены, что онъ васъ проститъ?

— Непремѣнно; чтожъ ему останется дѣлать? То есть онъ, разумѣется, проклянетъ меня сначала; я даже въ этомъ увѣренъ. Онъ ужъ такой; и такой со мной строгій. Пожалуй еще будетъ кому-нибудь жаловаться, употребить, однимъ словомъ, отцовскую власть... Но вѣдь все это не серьезно. Онъ меня любитъ безъ памяти; посердится и проститъ. Тогда всѣ помирятся и всѣ мы будемъ счастливы. Ея отецъ тоже.

— А если не проститъ? подумали ль вы объ этомъ?

— Непремѣнно проститъ, только можетъ быть не такъ скоро. Ну чтожъ? Я докажу ему, что и у меня есть характеръ. Онъ все бранитъ меня, что у меня нѣтъ характера, что я легкомысленный. Вотъ и увидитъ теперь, легкомысленъ ли я или нѣтъ? Вѣдь сдѣлаться семейнымъ человѣкомъ не шутка; тогда ужъ я буду не мальчикъ... то есть я хотѣлъ сказать, что я буду такой же, какъ и другіе... ну, тамъ семейные люди. Я буду жить своими трудами. Наташа говоритъ, что это гораздо лучше, чѣмъ жить на чужой счетъ, какъ мы всѣ живемъ. Еслибъ вы только знали, сколько она мнѣ говоритъ хорошаго! Я бы самъ этого никогда не выдумалъ; — не такъ я росъ, не такъ меня воспитали. Правда, я и самъ знаю, что я легкомысленъ и почти ни къ чему не способенъ; но знаете ли, у меня третьяго дня явилась удивительная мысль. Теперь хоть и не время но я вамъ расскажу, потому что надо же и Наташѣ услышать, а вы намъ дадите совѣтъ. Вотъ видите: я хочу писать повѣсти и продавать въ журналы, также какъ и вы. Вы мнѣ поможете съ журналами, не правда? Я рассчитывалъ на васъ и вчера всю ночь обдумывалъ одинъ романъ, такъ, для пробы, и знаете ли: могла бы выйти премиленькая вещица. Сюжетъ я взялъ изъ одной комедіи Скриба... Но я вамъ потомъ расскажу. Главное, за него дадутъ денегъ... вѣдь вамъ же платять? Я не могъ не усмѣхнуться.

— Вы смѣетесь, сказалъ онъ, улыбаясь вслѣдъ за мною.—Нѣтъ послушайте, прибавилъ онъ съ непостижимымъ простодушіемъ: — вы не смотрите на меня, что я такой кажусь; право, у меня чрезвычайно много наблюдательности; вотъ вы увидите сами. Почемужъ не попробовать? Можетъ и выйдетъ что-нибудь... А впрочемъ вы, кажется, и правы: я вѣдь ничего не знаю въ дѣйствительной жизни; такъ мнѣ и Наташа говоритъ; это впрочемъ мнѣ и всѣ говорятъ; какой же я буду писатель? Смѣйтесь, смѣйтесь, поправляйте меня; вѣдь это

для нея же вы сдѣлаете, а вы ее любите. Я вамъ правду скажу: я не стою ея; я это чувствую; мнѣ это очень тяжело и я не знаю, за что это она меня такъ полюбила? А я бы, кажется, всю жизнь за нее отдалъ! Право, я до этой минуты ничего не боялся, а теперь боюсь: что это мы затѣваемъ! Господи! неужелижъ въ человѣкѣ, когда онъ исполнилъ преданъ своему долгу, какъ нарочно не останется умѣнья и твердости исполнить свой долгъ? Помогайте намъ хоть вы, другъ нашъ! вы одинъ только другъ у насъ и остались. А вѣдь я что понимаю одинъ-то! Простите, что я на васъ такъ рассчитываю; я васъ считаю слишкомъ благороднымъ человѣкомъ и гораздо лучше меня. Но я исправлюсь, будьте увѣрены, и буду достоинъ васъ обоихъ.

Тутъ онъ опять пожалъ мнѣ руку и въ прекрасныхъ глазахъ его просіяло доброе, прекрасное чувство. Онъ такъ довѣрчиво протягивалъ мнѣ руку, такъ вѣрилъ, что я ему другъ!

— Она мнѣ поможетъ исправиться, продолжалъ онъ.—Вы впрочемъ не думайте чегонибудь очень худаго, не сокрушайтесь слишкомъ объ насъ. У меня все-таки много надеждъ, а въ матеріальномъ отношеніи мы будемъ совершенно обезпечены. Я, напримѣръ, если не удастся романъ (я, по правдѣ, еще и давеча подумалъ, что романъ глупость, а теперь только такъ про него рассказалъ, чтобъ выслушать ваше рѣшеніе), — если не удастся романъ, то я вѣдь въ крайнемъ случаѣ могу давать уроки музыки. Вы не знали, что я знаю музыку? Я не стыжусь жить и такимъ трудомъ. Я совершенно новыхъ идей въ этомъ случаѣ. Да кромѣ того у меня есть много дорогихъ бездѣлушекъ, туалетныхъ вещицъ; къ чему онѣ? Я продамъ ихъ и мы знаете сколько времени проживемъ на это! Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ я, можетъ быть, дѣйствительно займусь службой. Отецъ даже будетъ радъ; онъ все гонитъ меня служить, а я все отговариваюсь нездоровьемъ. (Я, впрочемъ, куда-то ужъ записанъ). А вотъ какъ онъ увидитъ, что женитьба принесла мнѣ пользу, остепенила меня, и что я дѣйствительно началъ служить,—обрадуется и проститъ меня...

— Но Алексѣй Петровичъ, подумали-ль вы, какая исторія выйдетъ теперь между вашимъ и ея отцомъ? Какъ вы думаете, что сегодня будетъ вечеромъ у нихъ въ домѣ?

И я указалъ ему на помертвѣвшую отъ моихъ словъ Наташу. Я былъ безжалостенъ.

— Да, да, вы правы, это ужасно! отвѣчалъ онъ, — я уже думалъ объ этомъ и душевно страдалъ... Но что же дѣлать? Вы правы: хотя только бы ея родители насъ простили? А какъ я ихъ люблю обоихъ, еслибъ вы знали! вѣдь они мнѣ все равно, что родные, и вотъ чѣмъ я имъ плачу!.. Охъ, ужъ эти ссоры, эти процессы! Вы не повѣрите, какъ это намъ теперь непріятно! И за что они ссорятся! Всѣ мы такъ другъ друга любимъ, а ссоримся! Помирились бы, да и дѣло съ концомъ! Право, я

бы такъ поступилъ на ихъ мѣстѣ... Страшно мнѣ отъ вашихъ словъ. Наташа, это ужасъ что мы съ тобой затѣваемъ! Я это и прежде говорилъ... Ты сама настаиваешь... Но послушайте, Иванъ Петровичъ, можетъ быть все это уладится къ лучшему; какъ вы думаете? Вѣдь помирятся же они наконецъ! Мы ихъ помиримъ. Это такъ, это непременно; они не устоятъ противъ нашей любви... Пусть они насъ проклинаятъ, а мы ихъ все-таки будемъ любить; они и не устоятъ. Вы не повѣрите, какое иногда бываетъ доброе сердце у моего старика! Онъ вѣдь это такъ только смотритъ изподлѣя, а вѣдь въ другихъ случаяхъ онъ прерасудительный. Еслибъ вы знали, какъ онъ мягко со мной говорилъ сегодня, убѣждалъ меня! А я вотъ сегодня же противъ него иду; это мнѣ очень грустно. А все изъ-за этихъ негодныхъ предразсудковъ! просто—сумасшествіе! Ну что, еслибъ онъ на нее посмотрѣлъ хорошенько и побылъ съ нею хоть полчаса? вѣдь онъ тотчасъ же все бы намъ позволилъ.—Говоря это, Алеша нѣжно и страстно взглянулъ на Наташу.

— Я тысячу разъ съ наслажденіемъ воображалъ себѣ, продолжалъ онъ свою болтовню:—какъ онъ полюбитъ ее, когда узнаетъ, и какъ она ихъ всѣхъ изумитъ. Вѣдь онъ всѣ и не видывалъ никогда такой дѣвушки! Отецъ убѣжденъ, что она просто какая-то интригантка. Моя обязанность возстановить ея честь, и я это сдѣлаю! Ахъ, Наташа! тебя всѣ полюбятъ, всѣ; нѣтъ такого человѣка, который бы могъ тебя не любить, прибавилъ онъ въ восторгѣ.—Хоть я не стою тебя совсѣмъ, но ты люби меня, Наташа, а ужъ я... ты вѣдь знаешь меня! Да и много-ль нужно намъ для нашего счастья! Нѣтъ, я вѣрю, вѣрю, что этотъ вечеръ долженъ принесть намъ всѣмъ и счастье, и миръ и согласіе! Будь благословенъ этотъ вечеръ! Такъ ли, Наташа? Но что съ тобой? Боже мой, что съ тобой?

Она была блѣдна, какъ мертвая. Все время, какъ разглагольствовалъ Алеша, она пристально смотрѣла на него; но взглядъ ея становился все мутнѣе и неподвижнѣе, лицо все блѣднѣе и блѣднѣе. Мнѣ казалось, что она наконецъ ужъ и не слушала, а была въ какомъ-то забытіи. Восклицаніе Алеши какъ будто вдругъ разбудило ее. Она очнулась, осмотрѣлась и вдругъ—бросилась ко мнѣ. Наскоро, точно торопясь и какъ будто прячась отъ Алеши, она вынула изъ кармана письмо и подала его мнѣ. Письмо было къ старикамъ и еще наканунѣ писано. Отдавая мнѣ его, она пристально смотрѣла на меня, точно приковалась ко мнѣ своимъ взглядомъ. Во взглядѣ этомъ было отчаяніе; я никогда не забуду этого страшнаго взгляда. Страхъ охватилъ и меня; я видѣлъ, что она теперь только вполнѣ почувствовала весь ужасъ своего поступка. Она силилась мнѣ что-то сказать; даже начала говорить и вдругъ упала въ обморокъ. Я успѣлъ поддержать ее. Алеша поблѣднѣлъ отъ испуга; онъ теръ ей виски, цаловалъ ру-

ки, губы. Минуты черезъ двѣ она очнулась. Невдлѣкѣ стояла извозничья карета, въ которой пріѣхалъ Алеша; онъ подозвалъ ее. Садясь въ карету, Наташа, какъ безумная, схватила мою руку, и горячая слезинка обожгла мои пальцы. Карета тронулась. Я еще долго стоялъ на мѣстѣ, провожая ее глазами. Все мое счастье погибло въ эту минуту и жизнь переломилась надвое. Я больно это почувствовалъ... Медленно пошелъ я назадъ, прежней дорогой, къ старикамъ. Я не зналъ, что скажу имъ, какъ войду къ нимъ? Мысли мои мертвели, ноги подкашивались.

И вотъ вся исторія моего счастья; такъ кончилась и разрѣшилась моя любовь. Буду теперь продолжать прерванный разсказъ.

ГЛАВА X.

Дней черезъ пять послѣ смерти Смита я переѣхалъ на его квартиру. Весь тотъ день мнѣ было невыносимо грустно. Погода была ненастная и холодная; шелъ мокрый снѣгъ, пополамъ съ дождемъ. Только къ вечеру, на одно мгновеніе, проглянуло солнце и какой-то заблудшій лучъ, вѣрно изъ любопытства, заглянулъ и въ мою комнату. Я сталъ раскаиваться, что переѣхалъ сюда. Комната впрочемъ была большая, но такая низкая, закопченная, затхлая и такъ непріятно пустая, не смотря на кой-какую мебель. Тогда же подумалъ я, что непременно сгублю въ этой квартирѣ и послѣднее здоровье свое. Такъ оно и случилось.

Все это утро я возился съ своими бумагами, разбирая ихъ и приводя въ порядокъ. За неимѣніемъ портфеля я перевезъ ихъ въ подушечной наволочкѣ; все это скомкалось и перемѣшалось. Повомъ я засѣлъ писать. Я все еще писалъ тогда мой большой романъ; но дѣло опять повалилось изъ рукъ; не тѣмъ была полна голова...

Я бросилъ перо и сѣлъ у окна. Смеркалось, а мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе. Разныя тяжелыя мысли осаждали меня. Все казалось мнѣ, что въ Петербургѣ я наконецъ погибну. Приближалась весна; такъ бы и пожилъ кажется, думалъ я, вырвавшись изъ этой скорлупы на свѣтъ Божій, дохнувъ запахомъ свѣжихъ полей и лѣсовъ; а я такъ давно не впдалъ ихъ!..—Помню, пришло мнѣ тоже на мысль, какъ бы хорошо было, еслибъ какимъ нибудь волшебствомъ или чудомъ совершенно забыть все, что было, что прожилося въ послѣдніе годы; все забыть, освѣжить голову и опять начать съ новыми силами. Тогда еще я мечталъ объ этомъ и надѣялся на воскресеніе.—«Хоть бы въ сумасшедшій домъ поступить, что ли» рѣшилъ я наконецъ, «чтобъ перевернулся какъ нибудь весь мозгъ въ головѣ и расположился по новому, а потомъ опять вылечиться». Была же жажда жизни и вѣра въ нее!.. Но, помню, я тогда же засмѣялся. «Что же бы дѣлать пришлось послѣ сумасшедшаго-то дома? Неужели опять рочаны писать?..»

Такъ я мечталъ и горевалъ, а между тѣмъ время уходило. Наступала ночь. Въ этотъ вечеръ у меня было условлено свиданіе съ Наташей; она убѣдительно звала меня къ себѣ запиской еще наканунѣ. Я вскочилъ и сталъ собираться. Мнѣ и безъ того хотѣлось вырваться поскорѣй изъ квартиры хоть куда нибудь, хоть на дождь, на слякоть.

По мѣрѣ того, какъ наступала темнота, комната моя становилась какъ-будто просторнѣе, какъ-будто она все болѣе и болѣе расширялась. Мнѣ вообразилось, что я каждую ночь въ каждомъ углу буду видѣть Смита: онъ будетъ сидѣть и неподвижно глядѣть на меня, какъ въ кондитерской на Адама Ивановича, а у ногъ его будетъ Азорка. И вотъ въ это-то мгновеніе случилось со мной происшествіе, которое сильно поразило меня.

Впрочемъ надо сознаться во всемъ откровенно: отъ разстройства ли нервъ, отъ новыхъ ли впечатлѣній въ новой квартирѣ, отъ недавней ли хандры, но я мало по малу и постепенно, съ самаго наступленія сумерекъ, сталъ впадать въ то состояніе души, которое такъ часто приходитъ ко мнѣ теперь, въ моей болѣзни, по ночамъ, и которое я называю *мистическимъ ужасомъ*. Это—самая тяжелая, мучительная боязнь чего-то, чего я самъ опредѣлить не могу, чего-то непостижимаго и несуществующаго въ порядкѣ вещей, но что непремѣнно, можетъ быть сію же минуту осуществится, какъ бы въ насмѣшку всѣмъ доводамъ разума, придетъ ко мнѣ и станетъ передо мною, какъ неотразимый фактъ, ужасный, безобразный и неумолимый. Боязнь эта возрастаетъ обыкновенно все сильнѣе и сильнѣе, несмотря ни на какіе доводы разсудка, такъ что наконецъ умъ, несмотря на то, что пріобрѣтаетъ въ эти минуты, можетъ быть, еще большую ясность, тѣмъ не менѣе лишается всякой возможности противодѣйствовать ощущеніямъ. Его не слушаются, онъ становится безполезенъ, и это раздвоеніе еще больше усиливаетъ пугливую тоску ожиданія. Мнѣ кажется, такова отчасти тоска людей, боящихся мертвецовъ. Но въ моей тоскѣ неопредѣленность опасности еще болѣе усиливаетъ мученія.

Помню, я стоялъ спиной къ дверямъ и бралъ со стола шляпу, и вдругъ въ это самое мгновеніе мнѣ пришло на мысль, что когда я обернусь назадъ, то непременно увижу Смита: сначала онъ тихо растворитъ дверь, станетъ на порогѣ и оглядитъ комнату; потомъ тихо, склонивъ голову, войдетъ, станетъ передо мной, уставится на меня своими мутными глазами и вдругъ засмѣется мнѣ прямо въ глаза долгимъ, беззубымъ и неслышнымъ смѣхомъ, и все тѣло его заколышется и долго будетъ колыхаться отъ этого смѣха. Все это привидѣніе чрезвычайно ярко и отчетливо нарисовалось внезапно въ моемъ воображеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ установилась во мнѣ самая полная, самая неотразимая увѣренность, что все это непременно, неминуемо случится, что это ужъ и случилось, но

только я не вижу, потому что стою задомъ къ дверп, и что пменно въ это самое мгновеніе, можетъ быть, уже отворяется дверь. Я быстро оглянулся, и что же? — дверь дѣйствительно отворялась, тихо, неслышно, точно такъ, какъ мнѣ представлялось минутою назадъ. Я вскрикнулъ. Долго никто не показывался, какъ будто дверь отворялась сама собою; вдругъ на порогѣ явилось какое-то странное существо; чьи-то глаза, сколько я могъ различить въ темнотѣ, разглядывали меня пристально и упорно. Холодъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ. Къ величайшему моему ужасу, я увидѣлъ, что это ребенокъ, дѣвочка, и еслибъ это былъ даже самъ Смитъ, то и онъ бы, можетъ быть, не такъ испугалъ меня, какъ это странное, неожиданное появленіе незнакомаго ребенка въ моей комнатѣ въ такой часъ и въ такое время.

Я уже сказалъ, что дверь она отворяла такъ неслышно и медленно, какъ-будто боялась войти. Появившись, она стала на порогѣ и долго смотрѣла на меня съ изумленіемъ, доходившимъ до столбняка; наконецъ тихо, медленно ступила два шага впередъ и остановилась передо мною, все еще не говоря ни слова. Я разглядѣлъ ее ближе. Это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, маленькаго роста, худая, блѣдная, какъ-будто только-что встала отъ жестокой болѣзни. Тѣмъ ярче сверкали ея большіе, черные глаза. Лѣвой рукой она придерживала у груди старый, дырявый платокъ, которымъ прикрывала свою, еще дрожащую отъ вечерняго холода, грудь. Одежду на ней можно было вполнѣ назвать рубищемъ; густые черные волосы были неприглажены и включены. Мы стояли такъ минуты двѣ, упорно разсматривая другъ друга.

— Гдѣ дѣдушка? спросила она наконецъ едва слышнымъ и хриплымъ голосомъ, какъ-будто у ней болѣла грудь или горло.

Весь мой мистическій ужасъ соскочилъ съ меня при этомъ вопросѣ. Спрашивали Смита; неожиданно проявлялись слѣды его.

— Твой дѣдушка? да вѣдь онъ уже умеръ! сказалъ я вдругъ, совершенно не приготовившись отвѣчать на ея вопросъ, и тотчасъ раскаялся. Съ минутою стояла она въ прежнемъ положеніи и вдругъ вся задрожала, но такъ сильно, какъ-будто въ ней приготовлялся какой-нибудь опасный нервическій припадокъ. Я схватился было поддержать ее, чтобъ она не упала. Черезъ нѣсколько минутъ ей стало лучше, и я ясно видѣлъ, что она употребляетъ надъ собою неестественныя усилія, скрывая передо мною свое волненіе.

— Прости, прости меня, дѣвочка! прости, дитя мое! говорилъ я: — я такъ вдругъ объявилъ тебѣ, а можетъ быть, это еще и не то... бѣдненькая!.. Кого ты ищешь? старика, который тутъ жилъ?

— Да, прошептала она съ усиленіемъ, и съ безпокойствомъ смотря на меня.

— Его фамилія была Смитъ? да?

— Д-да!

— Такъ онъ... ну да, такъ это онъ и умеръ... Только ты не печалься, голубчикъ мой. Чтожъ ты не приходила? ты теперь откуда? Его похоронили вчера; онъ умеръ вдругъ, скоростижно... Такъ ты его внучка?

Дѣвочка не отвѣчала на мои скорые и безпорядочные вопросы. Молча отвернувшись она и тихо пошла изъ комнаты. Я былъ такъ пораженъ, что ужъ и не удерживалъ и не спрашивалъ ее болѣе. Она остановилась еще разъ на порогѣ и, полуоборотившись ко мнѣ, спросила:

— Азорка тоже умеръ?

— Да, и Азорка тоже умеръ, отвѣчалъ я, и мнѣ показался страннымъ ея вопросъ: точно и она была увѣрена, что Азорка непременно долженъ былъ умереть вмѣстѣ съ старикомъ. Выслушавъ мой отвѣтъ, дѣвочка неслышно вышла изъ комнаты, осторожно притворивъ за собою дверь.

Черезъ минуту я выбѣжалъ за ней въ погоню, ужасно досадуя, что далъ ей уйти! Она такъ тихо вышла, что я не слыхалъ, какъ отворила она другую дверь на лѣстницу. Съ лѣстницы она еще не успѣла сойти, думалъ я и остановился въ сѣняхъ прислушаться. Но все было тихо и не слышно было ничьихъ шаговъ. Только хлопнула гдѣ-то дверь въ нижнемъ этажѣ и опять все стало тихо.

Я сталъ поспѣшно сходить внизъ. Лѣстница прямо отъ моей квартиры, съ пятого этажа до четвертаго, шла винтомъ; съ четвертаго же начиналась прямая. Это была грязная, черная и всегда темная лѣстница, изъ тѣхъ, какія обыкновенно бываютъ въ капитальныхъ домахъ съ мелкими квартирами. Въ ту минуту на ней уже было совершенно темно. Ощупью сойдя въ четвертый этажъ, я остановился, и вдругъ меня какъ-будто подтолкнуло, что здѣсь, въ сѣняхъ, кто-то былъ и прятался отъ меня. Я сталъ ощупывать руками; дѣвочка была тутъ въ самомъ углу и, оборотившись къ стѣнѣ лицомъ, тихо и неслышно плакала.

— Послушай, чегожъ ты боишься? началъ я. — Я такъ испугалъ тебя; я виноватъ. Дѣдушка, когда умиралъ, говорилъ о тебѣ; это были послѣднія его слова... У меня и книги остались; вѣрно твои. Какъ тебя зовутъ? гдѣ ты живешь? Онъ говорилъ что въ шестой линіи...

Но я не докончилъ. Она вскрикнула въ испугъ, какъ-будто оттого, что я знаю, гдѣ она живетъ, оттолкнула меня своей худенькой, костлявой рукой и бросилась внизъ по лѣстницѣ. Я за ней; ея шаги еще слышались мнѣ внизу. Вдругъ они прекратились... Когда я выскочилъ на улицу, ея уже не было. Пробѣжавъ вплоть до Вознесенскаго проспекта, я увидѣлъ, что всѣ мои поиски тщетны: она исчезла. Вѣроятно гдѣ-нибудь спряталась отъ меня, подумалъ я, когда еще сходила съ лѣстницы.

Но только-что я ступилъ на грязный, мокрый тротуаръ проспекта, какъ вдругъ столкнулся съ однимъ прохожимъ, который шелъ, повидимому, въ глубокой задумчивости, наклонивъ голову, скоро и куда-то торопясь. Къ величайшему моему изумленію, я узналъ старика Ихменева. Это былъ для меня вечеръ неожиданныхъ встрѣчъ. Я зналъ, что старикъ, дня три тому назадъ, крѣпко прихворнулъ, и вдругъ я встрѣчаю его въ такую сырость на улицѣ. Къ тому же онъ и прежде почти никогда не выходилъ въ вечернее время, а съ тѣхъ поръ какъ ушла Наташа, то есть почти уже съ полгода, сдѣлался настоящимъ домохозяиномъ. Онъ какъ-то не по обыкновенному мнѣ обрадовался, какъ человѣкъ, нашедшій наконецъ друга, съ которымъ онъ можетъ раздѣлить свои мысли, схватилъ меня за руку, крѣпко сжалъ ее и, не спросивъ куда я иду, потащилъ меня за собою. Былъ онъ чѣмъ-то встревоженъ, торопливъ, порывистъ. «Куда же это онъ ходилъ?» подумалъ я про себя. Спрашивать его было излишне; онъ сдѣлался страшно мнителенъ и иногда въ самомъ простомъ вопросѣ или замѣчаніи видѣлъ обидный намекъ, оскорбленіе.

Я оглядѣлъ его искоса: лицо у него было больное; въ послѣднее время онъ очень похудѣлъ; борода его была съ недѣлю небритая. Волосы, со всѣмъ посѣдѣвшіе, въ безпорядкѣ выбивались изъ-подъ скомканной шляпы и длинными космами лежали на воротникѣ его стараго, изношеннаго пальто. Я еще прежде замѣтилъ, что въ инныя минуты онъ какъ будто забывался; забывалъ напирѣвъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ, разговаривалъ самъ съ собою, жестикулировалъ руками. Тяжело было смотрѣть на него.

— Ну что, Ваня, что? заговорилъ онъ, — куда шелъ? А я вотъ, братъ, вышелъ; дѣла. Здоровъ ли?

— Вы-то здоровы ли? отвѣчалъ я, — такъ еще недавно были больны, а выходите.

Старикъ не отвѣчалъ, какъ будто не разслушалъ меня.

— Какъ здоровье Анны Андреевны?

— Здорова, здорова... Немножко впрочемъ и она хвораетъ. Загрустила она у меня что-то... о тебѣ поминала: зачѣмъ не приходишь. Да ты вѣдь теперь-то къ намъ, Ваня? аль нѣтъ? Я, можетъ, тебѣ помѣшалъ, отвлекая тебя отъ чего нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ-то недовѣрчиво и подозрительно въ меня всматриваясь. Мнительный старикъ сталъ до того чутокъ и раздражителенъ, что отвѣчай я ему теперь, что шелъ не къ нимъ, онъ бы непременно обидѣлся и холодно разстался со мной. Я поспѣшилъ отвѣчать утвердительно, что я именно шелъ провѣдать Анну Андреевну, хоть и зналъ, что опоздаю, а можетъ, и совсѣмъ не успѣю понасть къ Наташѣ.

— Ну вотъ и хорошо, сказалъ старикъ, совер-

шенно успокоенный моимъ отвѣтомъ, — это хорошо... и вдругъ замолчалъ и задумался, какъ будто чего-то не договаривая.

— Да, это хорошо! машинально повторилъ онъ, минутъ черезъ пять, какъ бы очнувшись послѣ глубокой задумчивости. — Гм... видишь, Ваня, ты для насъ былъ всегда какъ бы роднымъ сыномъ; Богъ не благословилъ насъ съ Анной Андреевной... сыномъ... и послалъ намъ тебя; я такъ всегда думалъ. Старуха тоже... да! и ты всегда велъ себя съ нами почтительно, нѣжно, какъ родной, благодарный сынъ. Да благослови тебѣ Богъ за это, Ваня, какъ и мы оба, старики, благословляемъ и любимъ тебя.. да!

Голосъ его задрожалъ; онъ переждалъ съ минуту.

— Да... ну, а что? не хворалъ ли? Что же долго у насъ не былъ?

Я рассказалъ ему всю исторію съ Смитомъ, извиняясь, что смитовское дѣло меня задержало, что кромѣ того я чуть не заболѣлъ и что за всѣми этими хлопотами къ нимъ, на Васильевскій (они жили тогда на Васильевскомъ) было далеко идти. Я чуть было не проговорился, что все-таки нашелъ случай быть у Наташи и въ это время, но во время замолчалъ.

Исторія Смита очень заинтересовала старика. Онъ сдѣлался внимательнѣе. Узнавъ, что новая моя квартира сыра и, можетъ быть, еще хуже прежней, а стоить шесть рублей въ мѣсяцъ, онъ даже разгорячился. Вообще онъ сдѣлался чрезвычайно порывистъ и нетерпѣливъ. Только Анна Андреевна умѣла еще ладить съ нимъ въ такіе минуты, да и то не всегда.

— Гм... это все твоя литература, Ваня! вскричалъ онъ почти со злобою: — довела до чердака, доведетъ и до кладбища! говорилъ я тебѣ тогда, предрекалъ!... а что Б. все еще критику пишетъ?

— Да вѣдь онъ уже умеръ, въ чахоткѣ. Я вамъ, кажется, ужъ и говорилъ объ этомъ.

— Умеръ, гм... умеръ! да такъ и слѣдовало. Чтожъ, оставилъ что нибудь женѣ и дѣтямъ? вѣдь ты говорилъ, что у него тамъ жена, чтоль, была... И на что эти люди женятся!

— Нѣтъ, ничего не оставилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ онъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто это дѣло близко, родственно до него касалось и какъ будто умершій Б. былъ его братъ родной. — Ничего! то-то ничего! а знаешь, Ваня, я вѣдь это заранѣе предчувствовалъ, что такъ съ нимъ кончится, еще тогда, когда, помнишь, ты мнѣ его все расхваливалъ. Легко сказать: ничего не оставилъ! Гм... славу заслужилъ. Положимъ, можетъ быть, и бессмертную славу, но вѣдь слава не накормитъ. Я, братъ, и о тебѣ тогда же все предугадалъ, Ваня; хвалилъ тебя, а про себя все предугадалъ. Такъ умеръ Б.? Да и какъ не умереть! И житье хорошо и... мѣсто хорошее, смотри!

И онъ быстрымъ, невольнымъ жестомъ руки указалъ мнѣ на туманную перспективу улицы, освѣщенную слабо мерцающими въ сырной мглѣ фонарями, на грязные дома, на сверкающія отъ сырости плиты тротуаровъ, на угрюмыхъ, сердитыхъ и промокшихъ прохожихъ, на всю эту картину, которую обхватывалъ черный, какъ будто залитый тушью куполъ петербургскаго неба. Мы выходили ужъ на площадь; передъ нами во мракѣ вставалъ памятникъ, освѣщенный снизу газовыми рожками и еще далѣе подымалась темная, огромная масса Исакія, неясно отдѣлявшаяся отъ мрачнаго колорита неба.

— Ты вѣдь говорилъ, Ваня, что онъ былъ человѣкъ хорошій, великодушный, симпатичный, съ чувствомъ, съ сердцемъ. Ну, такъ вотъ они всѣ таковы, люди-то съ сердцемъ, симпатичные-то твои! Только и умѣютъ, что сиротъ размножать! Гм... да и умирать-то я думаю ему было весело!.. Э-э-эхъ! Уѣхалъ бы куда небудь отсюда, хоть въ Сибирь!.. Что ты, дѣвочка? спросилъ онъ вдругъ, увидѣвъ на тротуарѣ ребенка, просившаго милостыню.

Это была маленькая, худенькая дѣвочка, лѣтъ семи-восьми не больше, одѣтая въ грязныя отребья; маленькія ножки ея были обуты, на босу-ногу, въ дырявыя башмаки. Она силилась прикрыть свое дрожащее отъ холоду тѣльце какимъ-то вѣтхимъ подобіемъ крошечнаго капота, изъ котораго она давно уже успѣла вырасти. Тощее, блѣдное и больное ея личико было обращено къ намъ и съ какимъ-то покорнымъ страхомъ отказа протягивала намъ свою дрожащую рученку. Старикъ такъ и задрожалъ весь, увидя ее, и такъ быстро къ ней оборотился, что даже ее испугалъ. Она вздохнула и отшатнулась отъ него.

— Что, что тебѣ дѣвочка? вскричалъ онъ. — Что? просишь? да? вотъ, вотъ тебѣ... возьми, вотъ?

И онъ, суетясь и дрожа отъ волненія, сталъ искать у себя въ карманѣ и вынулъ двѣ или три серебряныя монетки. Но ему показалось мало; онъ досталъ портмоне и, вынувъ изъ него рублевую бумажку, — все, что тамъ было, — положилъ деньги въ руку маленькой нищей.

— Христосъ тебя да сохранить, маленькая... дитя ты мое! ангелъ Божій да будетъ съ тобою!

И онъ нѣсколько разъ дрожащею рукою перекрестилъ бѣдняжку; но вдругъ, увидавъ, что и я тутъ и смотрю на него, нахмурился и скорыми шагами пошелъ далѣе.

— Это я, видишь, Ваня, смотрѣть не могу, началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго сдвѣтаго молчанія, — какъ эти маленькія, невинныя созданія дрогнуть отъ холоду на улицѣ... изъ-за проклятыхъ матерей и отцовъ. А впрочемъ, какая же мать и вышлетъ такого ребенка на такой ужасъ, если ужъ не самая несчастная!... Должно быть, тамъ въ углу у ней еще сидятъ сироты, а это старшая; сама больна, старуха-то; и... гм! не

княжескія дѣти! Много, Ваня, на свѣтѣ... не княжескихъ дѣтей! гм!

Онъ помолчалъ съ минуту, какъ бы затрудняясь чѣмъ-то.

— И, видишь, Ваня, общалъ Аннѣ Андреевнѣ, началъ онъ, немного путаясь и сбиваясь: — общалъ ей... т. е. мы согласились вмѣстѣ съ Анной Андреевной сиротку какую нибудь на воспитаніе взять... такъ, какую-нибудь; бѣдную, то-есть, и маленькую, въ домъ, совсѣмъ; понимаешь? А то скучно намъ, старикамъ, однимъ-то, гм... только, видишь: Анна Андреевна что-то противъ этого возставать стала. Такъ ты поговори съ ней, этакъ, знаешь, не отъ меня, а какъ бы съ своей стороны... урезонь ее... понимаешь? Я давно тебя собирался объ этомъ просить... чтобъ ты уговорилъ ее согласиться, а мнѣ какъ-то неловко, очень-то просить самому... ну, да что о пустякахъ толковать! мнѣ что дѣвочка? и не нужна; такъ, для утѣхи... чтобъ голосъ чей нибудь дѣтскій слышать... а впрочемъ, по правдѣ, я вѣдь для старухи это дѣлаю; ей же веселѣе будетъ, чѣмъ съ однимъ со мной. Но все это вздоръ! Знаешь, Ваня, этакъ мы долго не дойдемъ: возьмемъ-ка извожика; пѣти далеко, а Анна Андреевна насъ заждалась...

Было половина восьмого, когда мы пріѣхали къ Аннѣ Андреевнѣ.

ГЛАВА XII.

Старикъ очень любилъ другъ друга. И любовь, и долговременная свычка связали ихъ неразрывно. Но Николай Сергѣичъ, не только теперь, но даже и прежде, въ самыя счастливыя времена, былъ какъ-то несообщителенъ съ своей Анной Андреевной, даже иногда суровъ, особливо при людяхъ. Въ иныхъ натурахъ, нѣжно и тонко чувствующихъ, бываетъ иногда какое-то упорство, какое-то цѣломудренное нежеланіе высказываться и выказывать даже милому себѣ существу свою нѣжность, не только при людяхъ, но даже и наединѣ; на единѣ еще больше; только нрѣдка прорывается въ нихъ ласка, и прорывается тѣмъ горячѣе, тѣмъ порывистѣе, чѣмъ дольше она была сдержана. Таковъ отчасти былъ и старикъ Ихменевъ съ своей Анной Андреевной, даже съ молодю. Онъ уважалъ ее и любилъ безпредѣльно, не смотря на то, что это была женщина только добрая и ничего больше не умѣвшая, какъ только любить его, и ужасно досадовалъ на то, что она въ свою очередь была съ нимъ, по простотѣ своей, даже иногда слишкомъ и неосторожно наружу. Но послѣ ухода Наташи, они какъ-то нѣжныѣ стали другъ къ другу; они болѣзненно почувствовали, что остались одни на свѣтѣ. И хотя Николай Сергѣичъ становился иногда чрезвычайно угрюмъ, тѣмъ не менѣе оба они, даже на два часа не могли разстаться другъ съ другомъ, безъ тоски и безъ боли. О Ната-

шѣ они какъ-то безмолвно условились не говорить ни слова, какъ-будто ея и на свѣтѣ не было. Анна Андреевна не осмѣливалась даже намекать о ней ясно при мужѣ, хотя то было для нея очень тяжело: Она давно уже простила Наташу въ сердцѣ своемъ. Между нами какъ-то установилось, чтобъ съ каждымъ приходомъ моимъ, я приносилъ ей извѣстія о ея миломъ, незабвенномъ дитяти.

Старушка становилась больна, если долго не получала извѣстій, а когда я приходилъ съ ними, интересовалась самою малѣйшею подробностію, спрашивала съ судорожнымъ любопытствомъ, «отводила душу» на моихъ разсказахъ и чуть не умерла отъ страха, когда Наташа однажды заболѣла, даже чуть было не пошла къ ней сама. Но это былъ крайній случай. Сначала она даже и при мнѣ не рѣшалась выражать желаніе увидѣться съ дочерью и почти всегда послѣ нашихъ разговоровъ, когда бывало уже все у меня выспросить, считала необходимою какъ-то сжаться передо мною и непременно подтвердить, что хоть она и интересуется судьбою дочери, но все-таки Наташа такая преступница, которую и простить нельзя.—Но все это было напускное. Бывали случаи, когда Анна Андреевна тосковала до изнеможенія, плакала, называла при мнѣ Наташу самыми милыми именами, горько жаловалась на Николая Сергѣича, а при немъ начинала *намекать*, хоть и съ большою осторожностію, на людскую гордость, на жестокосердіе, на то, что не умѣемъ прощать обидъ и что и Богъ не проститъ не прощающихъ, но дальше этого при немъ не высказывалась. Въ такія минуты старикъ тотчасъ же черствѣлъ и угрюмѣлъ, молчалъ нахмурившись, или вдругъ, обыкновенно чрезвычайно неловко и громко, заговаривалъ о другомъ, или наконецъ уходилъ *къ себѣ*, оставляя насъ однихъ и давая такимъ образомъ Аннѣ Андреевнѣ возможность вполне излить передо мной свое горе въ слезахъ и сѣтованіяхъ. Точно также онъ уходилъ къ себѣ всегда при моихъ посѣщеніяхъ, бывало только что успѣть со мною поздороваться, чтобъ дать мнѣ время сообщить Аннѣ Андреевнѣ всѣ послѣднія новости о Наташѣ. Такъ сдѣлалъ онъ и теперь.

— Я промокъ, сказалъ онъ ей, только что ступивъ въ комнату,—пойду-ка къ себѣ, а ты, Ваня, тутъ посиди. Вотъ съ нимъ исторія случилась, съ квартирой; расскажи-ка ей. А я сейчасъ и ворочусь...

И онъ поспѣшилъ уйдти, стараясь даже и не глядѣть на насъ, какъ-будто совѣстясь, что самъ же насъ сводилъ вмѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ, и особенно когда возвращался къ намъ, онъ становился всегда суровъ и жолченъ и со мной и съ Анной Андреевной, даже придирчивъ, точно самъ на себя злился и досадовалъ за свою мягкость и уступчивость.

— Вотъ онъ какой, сказала старушка, оставившая со мною въ послѣднее время всю чопорность и всѣ свои заднія мысли:—всегда-то онъ такой со

мной; а вѣдь знаетъ, что мы всѣ его хитрости понимаемъ. Чегожь бы передо мной видѣ-то на себя напускать! Чужая я ему, что ли? Такъ онъ и съ дочерью. Вѣдь простить-то могъ бы, даже, можетъ быть, и желаетъ простить, Господь его знаетъ. По ночамъ плачетъ, сама слышала! А наружу крѣпится. Гордость его обуяла... Батюшка, Иванъ Петровичъ, рассказывай поскорѣе: куда онъ ходилъ?

— Николай Сергѣичъ? Не знаю; я у васъ хотѣлъ спросить.

— А я такъ и обмерла, какъ онъ вышелъ. Больной вѣдь онъ, въ такую погоду, на ночь глядя; ну, думаю, вѣрно зачѣмъ-нибудь важнымъ; а чемужь и быть-то важнѣе извѣстнаго вамъ дѣла? думаю я это про себя, а спросить-то и не смѣю. Вѣдь я теперь его ни о чемъ не смѣю спрашивать. Господи Боже, вѣдь такъ и обомлѣла и за него и за нее. Ну какъ, думаю, къ ней пошелъ; ужъ не простить ли рѣшился? Вѣдь онъ все узналъ, всѣ послѣднія извѣстія объ ней знаетъ; я навѣрное полагаю, что знаетъ, а откуда ему вѣсти приходятъ, не придумаю. Больно ужъ тосковалъ онъ вчера, да и сегодня тоже. Да что же вы молчите! Говорите, батюшка, что тамъ еще случилось? Какъ ангела Божія ждала васъ, всѣ глаза высмотрѣла. — Ну, что же, оставляетъ злодѣй-то Наташу?

Я тотчасъ же рассказалъ Аннѣ Андреевнѣ все, что самъ зналъ. Съ ней я былъ всегда и вполнѣ откровененъ. Я сообщилъ ей, что у Наташи съ Алешей дѣйствительно какъ-будто идетъ на разрывъ и что это серьезнѣе, чѣмъ прежнія ихъ несогласія; что Наташа прислала мнѣ вчера записку, въ которой умоляла меня придти къ ней сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, а потому я даже и не предполагалъ сегодня заходить къ нимъ; завелъ же меня самъ Николай Сергѣичъ. Рассказалъ и объяснилъ ей подробно, что положеніе теперь вообще критическое; что отецъ Алеша, который недѣли двѣ какъ воротился изъ отъѣзда, и слышать ничего не хочетъ, строго взялся за Алешу; но важнѣе всего, что Алеша, кажется, и самъ не прочь отъ невѣсты и слышно, что даже влюбился въ нее. Прибавилъ я еще, что записка Наташи, сколько можно угадывать, написана ею въ больномъ волненіи; пишетъ она, что сегодня вечеромъ все рѣшится, а что? — неизвѣстно; странно тоже, что пишетъ отъ вчерашняго дня, а назначаетъ придти сегодня, и часъ опредѣлила: девять часовъ. А потому я непременно долженъ идти, да и поскорѣе.

— Иди, иди, батюшка, непременно иди, захлопотала старушка: — вотъ только онъ выйдетъ, ты чайку выпей... Ахъ, самоваръ-то не несутъ! Матрена! тчоуж ты самоваръ? разбойница, а не дѣвка?.. Ну, такъ чайку-то выпьешь, найди предлогъ благовидный, да и ступай. А завтра непременно ко мнѣ и все расскажи; да пораньше забѣги. Господи! ужъ не вышло ли еще какой бѣды! ужъ чего бы, кажется, хуже теперешняго! Вѣдь Николай-то Сергѣичъ все ужъ узналъ, сердце мнѣ говорить,

что узналъ. Я-то вотъ черезъ Матрену много узнаю, а та черезъ Агашу, а Агаша-то крестница Марьи Васильевны, что у князя въ домѣ проживаетъ... ну, да вѣдь ты самъ знаешь. Сердить былъ сегодня ужасно мой, Николай-то. Я было то да се, а онъ чуть было не закричать на меня, а потомъ словно жалко ему стало, говоритъ: денегъ мало. Точно бы онъ изъ-за денегъ кричалъ. Ну, да вѣдь ты наши обстоятельства знаешь. Послѣ обѣда пошелъ было спать. Я заглянула къ нему въ щелочку (щелочка такая есть въ дверяхъ; онъ и не знаетъ про нее), а онъ-то, голубчикъ, на колѣняхъ передъ кіотомъ Богу молится. Какъ увидѣла я это, у меня и ноги подкосились. И чаю не пилъ и не спалъ, взялъ шапку и пошелъ. Въ пятомъ вышелъ. Я и спросить не посмѣла: закричалъ бы онъ на меня. Часто онъ кричать началъ, все больше на Матрену, а то и на меня; а какъ закричитъ у меня тотчасъ ноги мертвѣютъ и отъ сердца отрывается. Вѣдь только блажить, знаю, что блажить, а все страшно. Богу цѣлый часъ молилась, какъ онъ ушелъ, чтобъ на благую мысль его навелъ. — Гдѣ же записка-то ея, покажи-ка!

Я показала. Я зналъ, что у Анны Андреевны была одна любимая, завѣтная мысль, что Алеша, котораго она звала то злодѣемъ, то безчувственнымъ, глупымъ мальчишкой, женится наконецъ на Наташѣ и что отецъ его, князь Петръ Александровичъ, ему это позволитъ. Она даже и проговаривалась передо мной, хотя въ другіе разы раскаявалась и отпиралась отъ словъ своихъ. Но ни за что не посмѣла бы она высказать свои надежды при Николаѣ Сергѣичѣ, хотя и знала, что старикъ ихъ подозрѣваетъ въ ней и даже не разъ попрекалъ ее косвеннымъ образомъ. Я думаю, онъ окончателно бы проклялъ Наташу и вырвалъ ее изъ своего сердца на вѣки, еслибъ узналъ про возможность этого брака.

Всѣ мы такъ тогда думали. Онъ ждалъ дочь всѣми желаніями своего сердца, но онъ ждалъ ее одну, раскаявшуюся, вырвавшую изъ своего сердца даже воспоминаніе о своемъ Алешѣ. Это было единственнымъ условіемъ прощенія, коть не высказаннымъ, но, глядя на него, понятнымъ и несомнѣннымъ.

— Безхарактерный онъ, безхарактерный мальчишка, безхарактерный и жестокосердый, я всегда это говорила, начала опять Анна Андреевна. — И воспитывать его не умѣли, такъ, вѣтрогонъ какой-то вышелъ; бросаетъ ее за такую любовь, Господи Боже мой! что съ ней будетъ, съ бѣдняжкой! И что онъ въ новой-то нашелъ, удивляюсь!

— Я слышалъ, Анна Андреевна, возразилъ я, — что эта невѣста очаровательная дѣвушка, да и Наталья Николаевна про нее тоже говорила...

— А ты не вѣрь! перебила старушка. — Что за очаровательная! для васъ щелкопѣровъ всякая очаровательна, только бы юбка болталась. А что Наташа ее хвалитъ, такъ это она по благородству души дѣлаетъ. Не умѣетъ она удержатъ его; все

ему прощаетъ, а сама страдаетъ. Сколько ужъ разъ онъ не измѣнялъ! Злодѣи жестокосердые! А на меня, Иванъ Петровичъ, просто ужасъ паходить. Гордость всѣхъ обуяла. Смирить бы хоть мой то себя, простилъ бы ее, мою голубку, да и привелъ бы сюда. Обняла бъ ее, посмотрѣла бъ на нее! Похудѣла она?

— Похудѣла, Анна Андреевна.

— Голубчикъ мой! А у меня, Иванъ Петровичъ, бѣда! Вся ночь, да весь день сего дня проплакала... да что! послѣ расскажу!—Сколько разъ я заикалась говорить ему издалика, чтобъ простилъ-то; прямо-то не смѣю, такъ издалика, ловкимъ этакимъ манеромъ заговаривала. А у самой сердце такъ и замираетъ: разсердится, думаю, да и проклянетъ ее совсѣмъ! Проклятiя-то я еще отъ него не слыхала... такъ вотъ и боюсь, чтобъ проклятiя не наложилъ. Тогда вѣдь что будетъ? Отецъ проклялъ, и Богъ покараетъ. Такъ и живу, каждый день дрожу отъ ужаса. Да и тебѣ, Иванъ Петровичъ, стыдно; кажется, въ нашемъ домѣ взростъ и отеческія ласки отъ всѣхъ у насъ видѣлъ: тоже выдумалъ, очаровательная? Да тебѣ-то что? какая очаровательная! А вотъ Марья Васильевна ихняя лучше говоритъ. (Я вѣдь согрѣшила, да ее разъ на кофей и позвала, когда мой на все утро по дѣламъ уѣзжалъ). Она мнѣ всю подноготную объяснила. Князь-то, отецъ-то Алешинъ, съ графиней-то въ непозволительной связи находился. Графиня давно, говорятъ, попрекала его: что онъ на ней не женится, а тотъ все отлынивалъ. А графиня-то эта, когда еще мужъ ея былъ живъ, зазорнымъ поведеніемъ отличалась. Умеръ мужъ-то, — она за границу: все итальянцы, да французы пошли, бароновъ какихъ-то у себя завела; тамъ и князя Петра Александровича поддѣпила. А падчерица ея, перваго ея мужа, откупщика дочь, межъ тѣмъ росла, да росла. Графиня-то, мачиха-то, все прожила, а Катерина Ѳедоровна межъ тѣмъ подросла, да и два милліона, что ей отецъ-откупщикъ въ ломбардѣ оставилъ, подросли. Теперь, говорятъ, у ней три милліона; князь-то и смекнулъ: вотъ бы Алешу женить! (не промахъ! своего не пропустить). Графъ-то, придворный-то, знатный-то, помнишь, родственникъ-то ихній, тоже согласенъ; три милліона не шутка. Хорошо, говоритъ, поговорите съ этой графиней. Князь и сообщаетъ графинѣ свое желаніе. Та и руками и ногами: безъ правилъ, говорятъ, женщина, буянка такая! Ее ужъ здѣсь не всѣ, говорятъ, принимаютъ; не то, что за границей. Нѣтъ, говоритъ, ты, князь, самъ на мнѣ женись, а не бывать моей падчерицѣ за Алешей. А дѣвица-то, падчерица-то, души, говорятъ, въ своей мачихѣ не слышитъ; чуть на нее не молится и во всемъ ей послушна. Кроткая, говорятъ, такая, ангельская душа! Князь-то видитъ, въ чемъ дѣло, да и говоритъ: ты, графиня, не безпокойся. Имѣнье-то свое прожила и долги на тебѣ неоплатные. А какъ твоя падчерица выйдетъ за Алешу, такъ ихъ будетъ пара: и твоя невинная, и Алеша

мой дурачокъ; мы ихъ и возьмемъ подъ начало и будемъ сообща опекать; тогда и у тебя деньги будутъ. А то что, говорятъ, за меня замужъ тебѣ идти? Хитрый человекъ! масонъ! Такъ полгода тому назадъ было, графиня не рѣшалась, а теперь, говорятъ, въ Варшаву ѣздили, такъ и согласились. Вотъ какъ я слыхала. Все это Марья Васильевна мнѣ рассказала, всю подноготную, отъ вѣрнаго человека сама она слыхала. Ну, такъ вотъ что тутъ: денежки, милліоны, а то что — очаровательная!

Рассказъ Анны Андреевны меня поразилъ. Онъ совершенно согласовался со всѣмъ тѣмъ, что я самъ недавно слышалъ отъ самаго Алешки. Рассказывая, онъ храбрился, что ни за что не женится на деньгахъ. Но Катерина Ѳедоровна поразила и увлекла его. Я слышалъ тоже отъ Алешки, что отецъ его самъ, можетъ быть, женится, хоть и отвергаетъ эти слухи, чтобъ не раздражить до времени графини. Я сказалъ уже, что Алеша очень любилъ отца, любовался и хвалился имъ и вѣрилъ въ него, какъ въ оракула.

— Вѣдь не графскаго же рода и она, твоя очаровательная-то! продолжала Анна Андреевна, крайне раздраженная моею похвалой будущей невѣстѣ молодого князя.—А Наташа ему еще лучше бъ была партія. Та откупщица, а Наташа-то изъ стариннаго дворянскаго дома, высокоблагородная дѣвица. Старикъ-то мой вчера (я забыла вамъ рассказать), сундучокъ свой отперъ, кованный,—знаете? да цѣлый вечеръ противъ меня сидѣлъ, да старыя грамоты наши разбиралъ. Да серьезный такой сидитъ. Я чулокъ вяжу, да и не гляжу на него, боюсь. Такъ онъ видитъ, что я молчу, разсердился, да самъ и окликнулъ меня и цѣлый-то вечеръ мнѣ нашу родословную толковалъ. Такъ вотъ и выходитъ, что мы-то, Ихменевы-то, еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ дворянами были, а что мой родъ, Шумиловыхъ, еще при Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстенъ былъ, и документы есть у насъ, и въ исторіи Карамзина упомянуто. Такъ вотъ какъ, батюшка, мы видно тоже не хуже другихъ съ этой черты. Какъ началъ мнѣ старикъ толковать, я и поняла, что у него на умѣ. Знать и ему обидно, что Наташей пренебрегаютъ. Богатствомъ только и взяли передъ нами. Ну, да пусть тотъ, разбойникъ-то, Петръ-то Александровичъ, о богатствѣ хлопочетъ: всѣмъ извѣстно: жестокосердая, жадная душа. Въ іезуиты, говорятъ, тайно въ Варшавѣ записался правда ли это?

— Глухой слухъ, отвѣчалъ я, невольно заинтересованный устойчивостью этого слуха. Но извѣстіе о Николаѣ Сергѣичѣ, разбравшемъ свои грамоты, было любопытно. Прежде онъ никогда не хвалился своею родословною.

— Все злодѣи жестокосердые! продолжала Анна Андреевна:—ну, что же она, мой голубчикъ, горюетъ, плачетъ? Ахъ, пора тебѣ идти къ ней!

Матрена, Матрена! разбойникъ, а не дѣвка!.. Не оскорбляли ее? говори же, Ваня!

Что было ей отвѣчать? Старушка заплакала. Я спросилъ, какая у ней еще случилась бѣда, про которую она мнѣ давеча собиралась рассказать?

— Ахъ, батюшка, мало было одиѣхъ бѣдъ такъ видно еще не вся чаша выпита! Помнишь! голубчикъ, или не помнишь? былъ у меня медальончикъ, въ золото оправленный, такъ для сувенира сдѣлано, а въ немъ портретъ Наташечки, въ дѣтскихъ лѣтахъ; восьми лѣтъ она тогда была, ангелчикъ мой. Еще тогда мы съ Николаемъ Сергѣичемъ его проѣзжему живописцу заказывали, да ты забылъ, видно, батюшка! Хорошій былъ живописецъ, купидономъ ее изобразилъ: волосики свѣтленькіе такіе у ней тогда были, взбитые: въ рубашечкѣ кисейной представилъ ее, такъ что и тѣлце просвѣчиваетъ и такая она вышла хорошенькая, что и наглядѣться нельзя. Просила я живописца, чтобъ крылышки ей подрисовалъ, да не согласился живописецъ. Такъ вотъ, батюшка, я, постѣ ужасовъ-то нашихъ тогдашнихъ, медальончикъ изъ шкапулки и вынула, да на грудь себѣ и повѣсила на шнуркѣ, такъ и носила возлѣ креста, а сама-то боюсь, чтобъ мой не увидалъ. Вѣдь онъ тогда же всѣ ея вещи приказалъ изъ дому выкинуть или сжечь, чтобъ ничто и не напоминало про нее у насъ. А мнѣ-то хоть бы на портретъ ея поглядѣть; иной разъ поплачу на него глядя,—все легче станеть, а въ другой разъ, когда одна остаюсь, не нацалуюсь, какъ-будто ее самое цалую; имена нѣжныя ей прибираю, да и на почъ-то каждый разъ перекрещу. Говорю съ ней вслухъ, когда одна остаюсь, спрошу что-нибудь и представляю, какъ-будто она мнѣ отвѣтила, и еще спрошу. Охъ, голубчикъ Ваня, тяжело и рассказывать-то! Ну, вотъ я и рада, что хоть про медальонъ-то онъ не знаетъ и не замѣтилъ; только хватъ вчера утромъ, а медальона и нѣтъ, только шнурочикъ болтается, перетерся, должно быть, а я и обронила. Такъ и замерла. Искать; искала-искала, искала-искала, — нѣтъ! сгинулъ да пропалъ! И куда ему сгинуть? Навѣрно, думаю, въ постели обронила; все перерыла, — нѣтъ! Коли сорвался, да упалъ куда-нибудь, такъ можетъ, кто и нашелъ его, а кому найти, кромѣ *него* али Матрены? Ну, на Матрену и думать нельзя; она мнѣ всей душой предана... (Матрена, да ты скоро ли самоваръ-то?) Ну, думаю, если онъ найдетъ, что тогда будетъ? Сижу себѣ, грущу, да и плачу-плачу, слезъ удержатъ не могу. А Николай Сергѣичъ все ласковѣй, да ласковѣй со мной; на меня глядя груститъ, какъ-будто и онъ знаетъ, о чемъ я плачу, и жалѣетъ меня. Вотъ и думаю про себя: почему онъ можетъ знать? Не сыскалъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ медальонъ, да и выбросилъ въ форточку. Вѣдь въ сердцахъ онъ на это способенъ; выбросилъ, а самъ теперь и груститъ,—жалѣетъ, что выбросилъ. Ужъ я и подъ окошко, подъ форточкой искать ходила съ Матреной, — ничего не

нашла. Какъ въ воду кануло. Всю ночь проплакала. Первый разъ я ее на ночь не перекрестила. Охъ, къ худу это, къ худу, Иванъ Петровичъ, не предвѣщаетъ добра; другой день, глазъ не осушая, плачу. Васъ-то ждала, голубчика, какъ ангела Божія, хотъ душу отвести...

И старушка горько заплакала.

— Ахъ, да, и забыла вамъ сообщить! заговорила она вдругъ, обрадовавшись, что вспомнила: — слышали вы отъ него что-нибудь про сиротку?

— Слышалъ, Анна Андреевна, говорилъ онъ мнѣ, что будто вы оба надумались и согласились взять бѣдную дѣвочку, сиротку, на воспитаніе. Правда ли это?

— И не думала, батюшка, и не думала! И никакой сиротки не хочу! Напоминать она мнѣ будетъ горькую долю нашу, наше несчастье. Кромѣ Наташи, никого не хочу. Одна была дочь, одна и останется. А только чтожъ это значить, батюшка, что онъ сиротку-то выдумалъ? Какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ? Мнѣ въ утѣшеніе, чтоль, на мои слезы глядя, аль чтобъ родную дочь даже совсѣмъ изъ воспоминанія изгнать, да къ другому дѣтищу привязаться? Что онъ обо мнѣ дорогой говорилъ съ вами? Каковъ онъ вамъ казался, — суровый, сердитый? Тс! идетъ! постѣ, батюшка, доскажете, послѣ!.. Завтра-то придти не забудь...

ГЛАВА XIII.

Вошелъ старикъ. Онъ съ любопытствомъ и какъ будто чего-то стыдась оглядѣлъ насъ, нахмурился и подошелъ къ столу.

— Чтожъ самоваръ, спросилъ онъ, — неужели до сихъ поръ не могли подать?

— Несутъ, батюшка, несутъ; ну, вотъ и принесли, захопотала Анна Андреевна.

Матрена, тотчасъ же какъ увидала Николая Сергѣича, и явилась съ самоваромъ, точно ждала его выхода, чтобъ подать. Это была старая, испытанная и преданная служанка, но самая своенравная ворчунья изъ всѣхъ служанокъ въ мірѣ, съ настойчивымъ и упрямымъ характеромъ. Николая Сергѣича она боялась и при немъ всегда прикусывала языкъ. За то вполнѣ вознаграждала себя передъ Анной Андреевной, грубила ей на каждомъ шагу и показывала явную претензію господствовать надъ своей госпожой, хотя въ то же время душевно и искренно любила ее и Наташу. Эту Матрену я зналъ еще въ Ихменевкѣ.

— Гм... вѣдь непріятно, когда промокнешь; а тутъ тебѣ и чаю не *хотятъ* приготовить, ворчалъ въ полголоса старикъ.

Анна Андреевна тотчасъ же подмигнула мнѣ на него. Онъ терпѣть не могъ этихъ таинственныхъ подмигиваній и хотъ въ эту минуту и старался не смотрѣть на насъ, но по лицу его можно было замѣтить, что Анна Андреевна именно теперь мнѣ на него подмигнула и что онъ вполнѣ это знаетъ.

— По дѣламъ ходилъ, Ваня, заговорилъ онъ вдругъ.— Дрянъ такая завелась. Говорить я тебѣ? меня совсѣмъ осуждаютъ. Доказательствъ, вишь, нѣтъ; бумагъ пужныхъ нѣтъ; справки невѣрны выходятъ... Гм...

Онъ говорилъ про свой процессъ съ княземъ; этотъ процессъ все еще тянулся, но принималъ самое худое направленіе для Николая Сергѣича. Я молчалъ, не зная, что ему отвѣчать. Онъ подозрительно взглянулъ на меня.

— А чтожъ! подхватилъ онъ вдругъ, какъ будто раздраженный нашимъ молчаніемъ:— чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Подлецомъ меня не сдѣлаютъ, хоть и рѣшатъ, что я долженъ заплатить. Со мной мои совѣсти, и пусть рѣшаютъ. По крайней мѣрѣ, дѣло кончено; развяжутъ, раззорятъ... Брошу все и уѣду въ Сибирь.

— Господи, куда ѣхать! да зачѣмъ бы это въ такую даль! не утерпѣла не сказать Анна Андреевна.

— А здѣсь отъ чего близко? грубо спросилъ онъ, какъ бы обрадовавшись возраженію.

— Ну, все-таки... отъ людей... проговорила было Анна Андреевна, и съ тоскою взглянула на меня.

— Отъ какихъ людей? вскричалъ онъ, переводя горячій взглядъ отъ меня на нее и обратно,— отъ какихъ людей? отъ грабителей, отъ клеветниковъ, отъ предателей? Такихъ вездѣ много; не безпокойся и въ Сибири найдемъ. А не хочешь со мной ѣхать такъ пожалуй и оставайся; я не на-силую.

— Батюшка, Николай Сергѣичъ! да на кого жъ я безъ тебя останусь! закричала бѣдная Анна Андреевна. — Вѣдь у меня, кромѣ тебя, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ник...

Она запнулась, замолчала и обратила ко мнѣ испуганный взглядъ, какъ бы прося заступленія и помощи. Старикъ былъ раздраженъ, ко всему придирался; противорѣчить ему было нельзя.

— Полноте, Анна Андреевна, сказалъ я, — въ Сибири совсѣмъ не такъ дурно, какъ кажется. Если случится несчастье, и вамъ надо будетъ продать Ихменевку, то намѣреніе Николая Сергѣича даже и очень хорошо. Въ Сибири можно найти порядочное частное мѣсто, и тогда...

— Ну, вотъ по крайней мѣрѣ, хоть ты, Иванъ, дѣло говоришь. Я такъ и думалъ. Брошу все и уѣду.

— Ну, вотъ ужъ и не ожидала! вскрикнула Анна Андреевна, всплеснувъ руками:— и ты, Ваня туда же! Ужъ отъ тебя-то, Иванъ Петровичъ, не ожидала... Кажется, кромѣ ласки вы отъ насъ ничего не видали, а теперь...

— Ха ха-ха! А ты чего ожидала! Да чѣмъ же мы жить-то здѣсь будемъ, подумай! Деньги прожиты, послѣднюю копѣйку добиваемъ! Ужъ не прикажешь ли къ князю Петру Александровичу пойти, да прощенія просить?

Услышавъ про князя, старушка такъ и задрожала отъ страха. Чайная ложечка въ ея рукѣ звонко задребезжала о блюдечко.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Ихменевъ, разгорая самъ себя съ злобною, упорною радостію:— какъ ты думаешь, Ваня, вѣдь право пойдти! На что въ Сибирь ѣхать! А лучше я вотъ завтра разодѣнусь, причешусь, да пригложусь; Анна Андреевна маншку новую приготовить (къ такому лицу ужъ нельзя иначе!), перчатки для поднаго бонтону купить, да и пойдти къ его сіятельству: батюшка, ваше сіятельство, кормилецъ, отецъ родной! прости и помилуй, дай кусокъ хлѣба,— жена, дѣти маленькія!.. Такъ ли Анна Андреевна? этого ли хочешь?

— Батюшка.. я ничего не хочу! такъ, съ дуру сказала; прости, коли въ чемъ досадила, да только не кричи, проговорила она, все больше и больше дрожа отъ страха.

Я увѣренъ, что въ душѣ его все шло и перевертывалось въ эту минуту, глядя на слезы и страхъ своей бѣдной подруги; я увѣренъ, что ему было гораздо больнѣе, чѣмъ ей; но онъ не могъ удержаться. Такъ бываесть иногда съ добрыѣшими, но слабонервными людьми, которые, не смотря на всю свою доброту, увлекаются до самонаслажденія собственнымъ горемъ и гнѣвомъ, нища высказаться во что бы то ни стало, даже до обиды другому, невиноватому и преимущественно всегда самому ближнему къ себѣ человѣку. У женщины напри- мѣръ бываесть иногда потребность чувствовать себя несчастною, обиженною, хоть бы не было ни обидъ, ни несчастій. Есть много мужчинъ, похожихъ въ этомъ случаѣ на женщинъ и даже мужчинъ не слабыхъ, въ которыхъ вовсе не такъ много женственнаго. Старикъ чувствовалъ потребность ссоры, хотя самъ страдалъ отъ этой потребности.

Помню, у меня тутъ же мелькнула мысль: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать ли онъ передъ этимъ какой нибудь выходки, въ родѣ предположеній Анны Андреевны! Чего добраго, не надоумилъ ли его Господь и не ходилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ къ Наташѣ, да одумался дорогой, или что нибудь не удалось, сорвалось въ его намѣреніи,— какъ и должно было случиться,—и вотъ онъ воротился домой, разсерженный и уничтоженный, стыдясь своихъ недавнихъ желаній и чувствъ, нища на комъ сорвать сердце за свою же *слабость* и выбирая именно тѣхъ, кого наиболѣе подозрѣвалъ въ такихъ же желаніяхъ и чувствахъ. Можетъ быть желая простить дочь, онъ именно воображалъ себѣ восторгъ и радость своей бѣдной Анны Андреевны и, при неудачѣ, *разумѣется* ей же первой и досталось за это.

Но убитый видъ ея, дрожавшей передъ нимъ отъ страха, тронулъ его. Онъ какъ будто устыдился своего гнѣва и на минуту сдержалъ себя. Мы всѣ молчали: я старался не глядѣть на него. Но добрая минута тянулась не долго. Во что бы ни ста-

ло надо было высказаться, хотя бы взрывомъ, хотя бы проклятіемъ.

— Видишь, Ваня, сказалъ онъ вдругъ: — мнѣ жаль, мнѣ не хотѣлось бы говорить, но пришло такое время, и я долженъ объясниться откровенно, безъ закорючекъ, какъ слѣдуетъ всякому прямому человѣку... понимаешь, Ваня? Я радъ, что ты пришелъ, и потому хочу громко сказать при тебѣ же, такъ чтобъ и *другіе* слышали, что весь этотъ вздоръ, всѣ эти слезы, вздохи, несчастья мнѣ наконецъ надѣли. То, что я вырвалъ изъ сердца моего, можетъ быть, съ кровью и болью, никогда опять не воротится въ мое сердце. Да! я сказалъ и сдѣлаю. Я говорю про то, что было полгода назадъ, понимаешь, Ваня!—и говорю про это такъ откровенно, такъ прямо именно для того чтобъ ты никакъ не могъ ошибиться въ словахъ моихъ, прибавилъ онъ, воспаленными глазами смотря на меня и видимо избѣгая испуганныхъ взглядовъ жены.—Повторяю: это вздоръ; я не желаю!.. Меня именно бѣситъ, что меня, какъ дурака, какъ самаго низкаго подлеца *все* считаютъ способнымъ имѣть такія низкія, такія слабыя чувства... думаютъ, что я съ ума схожу отъ горя... Вздоръ! я отбросилъ, я забылъ старія чувства! для меня нѣтъ воспоминаній... да! да! да! и да!..

Онъ вскочилъ со стула и ударилъ кулакомъ по столу такъ, что чашки зазвенѣли.

— Николай Сергѣичъ! неужели вамъ не жаль Анну Андреевну? посмотрите, что вы надъ нею дѣлаете, сказалъ я, не въ силахъ удержаться и почти съ негодованіемъ смотря на него. Но я только къ огню подлилъ масла.

— Не жаль! закричалъ онъ, задрожавъ и поблѣднѣвъ: — не жаль, потому что и меня не жалѣютъ! Не жаль, потому что въ моемъ же домѣ составляются заговоры противъ поруганной моей головы, за развратную дочь, достойную проклятія и всѣхъ наказаній!..

— Батюшка! Николай Сергѣичъ, не проклинай!.. все, что хочешь, только дочь не проклинай! вскричала Анна Андреевна.

— Проклянута! кричалъ старикъ вдвое громче, чѣмъ прежде:—потому что отъ меня же, обиженного, поруганнаго, требуютъ, чтобъ я шелъ къ этой проклятой и у ней же просилъ прощенья! Да, да, это такъ! Этимъ мучать меня каждодневно, дено и ночью, у меня же въ домѣ, слезами, вздохами, глупыми намеками! хотятъ меня разжалобить... Смотри, смотри, Ваня, прибавилъ онъ, поспѣшно вынимая дрожащими руками, изъ бокового своего кармана бумаги: — вотъ тутъ выписки изъ нашего дѣла! по этому дѣлу выходятъ теперь, что я воръ, что я обманщикъ, что я обокралъ моего благодѣтеля!... я ошельмованъ, опозоренъ изъ-за нея! вотъ, вотъ, смотри, смотри!..

И онъ началъ выбрасывать изъ бокового кармана своего сюртука разныя бумаги, одну за другою, на столъ, нетерпѣливо отыскивая между ними ту, которую хотѣлъ мнѣ показать; но нужная бу-

мага, какъ нарочно не отыскивалась. Въ нетерпѣніи онъ рванулъ изъ кармана все, что захватилъ въ немъ рукой, и вдругъ—что-то звонко и тяжело упало на столъ... Анна Андреевна вскрикнула. Это былъ потерянный медальонъ.

Я едва вѣрнулъ глазамъ своимъ. Кровь бросилась въ голову старика и залила его щеки; онъ вздрогнулъ. Анна Андреевна стояла, сложивъ руки, и съ мольбою смотрѣла на него. Лицо ея просіяло свѣтлою, радостною надеждою. Эта краска въ лицѣ, это смущеніе старика передъ нами.. да, она не ошиблась, она понимала теперь, какъ пропала ея медальонъ!

Она поняла, что онъ нашелъ его, обрадовался своей находкѣ и, можетъ быть, дрожа отъ восторга, ревниво спряталъ его у себя отъ всѣхъ глазъ; что гдѣ нибудь одинъ, тихонько отъ всѣхъ, онъ съ безпредѣльною любовью смотрѣлъ на личико своего возлюбленнаго дитяти, — смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться; что, можетъ быть, онъ также, какъ и бѣдная мать, запирался одинъ отъ всѣхъ разговаривать съ своей безцѣпной Наташей, думать ея отвѣты, отвѣчать на нихъ самому; а ночью, въ мучительной тоскѣ, съ подавленными въ груди рыданіями, ласкалъ и цаловалъ милый образъ и, вмѣсто проклятія, призывалъ прощенье и благословеніе на ту, которую не хотѣлъ видѣть и проклиналъ передъ всѣми.

— Голубчикъ мой, такъ ты ее еще любишь! вскричала Анна Андреевна, не удерживаясь болѣе передъ суровымъ отцомъ, за минуту проклинавшимъ ея Наташу.

Но лишь только онъ услышалъ ся крикъ, безумная ярость сверкнула въ глазахъ его. Онъ схватилъ медальонъ, съ силою бросилъ его на полъ и съ бѣшенствомъ началъ топтать ногою.

— Навѣки, навѣки будь проклята мною! кричалъ онъ, задыхаясь: — Навѣки, навѣки!

— Господи! закричала старушка: — ее, ее! мою Наташу! ея личико... топчетъ ногами! ногами!.. тпранъ! безчувственный, жестокосердый гордецъ!

Услышавъ вопль жены, безумный старикъ остановился, въ ужасѣ отъ того, что сдѣлалось. Вдругъ онъ схватилъ съ полу медальонъ и бросился вонъ изъ комнаты, но сдѣлавъ два шага, упалъ на колѣна, уперся руками на стоявшій передъ нимъ диванъ и, въ изнеможеніи склонилъ свою голову.

Онъ рыдалъ какъ дитя, какъ женщина. Рыданья тѣснили грудь его, какъ-будто хотѣли ее разорвать. Грозный старикъ въ одну минуту сталъ слабѣе ребенка. О, теперь ужъ онъ не могъ проклинать; онъ уже не стыдился никого изъ насъ и, въ судорожномъ порывѣ любви, опять покрывалъ, при насъ, безчисленными поцалуйми портретъ, который за минуту назадъ топталъ ногами. Казалось вся нѣжность, вся любовь его къ дочерп, такъ долго въ немъ сдержанная, стремилась теперь вырваться наружу съ неудержимою силою, и силою порыва разбивала все существо его.

— Прости, прости ее! восклицала, рыдая, Анна

Андревна, склонившись надъ нимъ и обнимая его. — Вороти ея въ родительскій домъ, голубчикъ, и самъ Богъ на страшномъ судѣ своемъ, зачтетъ тебѣ твое смиреніе и милосердіе!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что, никогда! восклицалъ онъ хриплымъ, задыхающимся голосомъ: — Никогда! Никогда!

ГЛАВА XIV.

Я пришелъ къ Наташѣ уже поздно, въ десять часовъ. Она жила тогда на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ грязномъ «капитальномъ» домѣ купца Колотушкина, въ четвертомъ этажѣ. Въ первое время послѣ ухода изъ дому, она и Алеша жили въ прекрасной квартирѣ, небольшой, но красивой и удобной, въ третьемъ этажѣ, на Литейной. Но скоро ресурсы молодого князя истощились. Учителемъ музыки онъ не сдѣлался, но началъ занимать и вошелъ въ огромные для него долги. Деньги онъ употреблялъ на украшеніе квартиры, на подарки Наташѣ, которая возставала противъ его мотовства, журила его, иногда даже плакала. Чувствительный и прощательный сердцемъ, Алеша, иногда цѣлую недѣлю обдумывавшій съ наслажденіемъ какъ-бы ей что подарить и какъ-то она приметъ подарокъ, дѣлавшій изъ этого для себя настоящіе праздники, съ восторгомъ сообщавшій мнѣ заранѣе свои ожиданія и мечты, впадалъ въ уныніе отъ ея журьбы и слезъ, такъ что его становилось жалко, а впоследствии между ними бывали изъ-за подарковъ упреки, огорченія и ссоры. Кромѣ того Алеша много проживалъ денегъ тихонько отъ Наташи; увлекался за товарищами, измѣнялъ ей; ѣздилъ къ разнымъ Жозефинамъ и Миннамъ; а между-тѣмъ онъ все-таки очень любилъ ее. Онъ любилъ ее какъ-то съ мученіемъ; часто онъ приходилъ ко мнѣ разстроенный и грустный, говоря, что не стоитъ мизинчика своей Наташи; что онъ грубъ и золъ, не въ состояніи понимать ее и недостойнъ ея любви. Онъ былъ отчасти правъ; между ними было совершенное неравенство; онъ чувствовалъ себя передъ нею ребенкомъ, да и она всегда считала его за ребенка. Со слезами каялся онъ мнѣ въ знакомствѣ съ Жозефиной, въ тоже время умоляя не говорить объ этомъ Наташѣ; и когда, робкій и трепещущій, онъ отправлялся, бывало, послѣ всѣхъ этихъ откровенностей, со мною къ ней (непремѣнно со мною, увѣряя, что боится взглянуть на нее послѣ своего преступленія и что я одинъ могу поддержать его); то Наташа съ перваго же взгляда на него уже знала, въ чемъ дѣло. Она была очень ревнива и, не понимая, какимъ образомъ, всегда прощала ему всѣ его вѣтренности. Обыкновенно такъ случалось: Алеша войдетъ со мною, робко заговорить съ ней, съ робкою нѣжностію смотреть ей въ глаза. Она тотчасъ же угадаетъ, что онъ виноватъ, но не покажетъ и вида, никогда не заговоритъ объ этомъ первая, ничего не выпытываетъ, напротивъ тот-

часть же удвоить къ нему свои ласки, станетъ нѣжнѣе, веселѣе, — и это не была какая-нибудь игра или обдуманная хитрость съ ея стороны. Нѣтъ; для этого прекраснаго созданія было какое-то безконечное наслажденіе прощать и мловать; какъ-будто въ самомъ процессѣ прощенія Алеша она находила какую-то особенную, утонченную прелесть. Правда, тогда еще дѣло касалось однѣхъ Жозефинъ. Видя ее кроткую и прощающую, Алеша уже не могъ утерпѣть и тотчасъ же самъ во всемъ каялся, безъ всякаго спроса, — чтобы облегчить сердце и «быть по прежнему,» говорилъ онъ. Получивъ прощеніе, онъ приходилъ въ восторгъ, иногда даже плакалъ отъ радости и умиленія, цаловалъ, обнималъ ее. Потомъ тотчасъ же развешивался и начиналъ съ ребяческою откровенностью рассказывать всѣ подробности своихъ похожденій съ Жозефиной, смѣялся, хохоталъ, благословлялъ и восхвалялъ Наташу, и вечеръ кончался счастливо и весело. Когда прекратились у него всѣ деньги, онъ началъ продавать вещи. По настоянію Наташи, отыскана была маленькая, но дешевая квартира на Фонтанкѣ. Вещи продолжали продаваться; Наташа продала даже свои платья и стала искать работы; когда Алеша узналъ объ этомъ, отчаянію его не было предѣловъ: онъ проклиналъ себя, кричалъ, что самъ себя презираетъ, а между-тѣмъ ничѣмъ не поправилъ дѣла. Въ настоящее время прекратились даже и эти послѣдніе ресурсы; оставалась только одна работа, но плата за нее была самая ничтожная.

Съ самаго начала, когда они еще жили вмѣстѣ, Алеша сильно поссорился за это съ отцомъ. Тогдашнія намѣренія князя женить сына на Катеринѣ Ѳедоровнѣ Филимоновой, падчерицѣ графини, были еще только въ проэктѣ, но онъ сильно настаивалъ на этомъ проэктѣ; онъ возилъ Алешу къ будущей невѣстѣ, уговаривалъ его стараться ей понравиться, убѣждалъ его п строгостями и резонами; но дѣло разстроилось изъ-за графини. Тогда и отецъ сталъ смотрѣть на связь сына съ Наташей сквозь пальцы, предоставляя все времени, и надѣялся, зная вѣтренность и легкомысліе Алешы, что любовь его скоро пройдетъ. О томъ же, что онъ можетъ жениться на Наташѣ, князь, до самаго послѣдняго времени, почти пересталъ заботиться. Что же касается до любовниковъ, то у нихъ дѣло отлагалось до формальнаго примиренія съ отцомъ и вообще до перемѣны обстоятельствъ. Впрочемъ Наташа видимо не хотѣла заводить объ этомъ разговоровъ. Алеша проговорился мнѣ тайкомъ, что отецъ какъ-будто немножко и радъ былъ всей этой исторіи: ему правилось во всемъ этомъ дѣлѣ униженіе Ихменева. Для формы же онъ продолжалъ изъяслять свое неудовольствіе сыну: уменьшилъ и безъ того небогатое содержаніе его (онъ былъ чрезвычайно съ нимъ скупъ), грозилъ отнять все; но вскорѣ уѣхалъ въ Польшу, за графиней, у которой были тамъ дѣла, все еще безъ устали преслѣдуя свой проэктъ сватовства. Правда, Алеша

былъ еще слишкомъ молодъ для женитьбы; но не-
вѣста была слишкомъ богата и упустить такой
случай было невозможно. Князь добился наконецъ
цѣли. До насъ дошли слухи, что дѣло о сватов-
ствѣ пошло наконецъ на ладъ. Въ то время, ко-
торое я описываю, князь только-что воротился
въ Петербургъ. Сына онъ встрѣтилъ ласково, но
упорность его связи съ Наташей непріятно изу-
мила его. Онъ сталъ сомнѣваться, трусить. Строго
и настоятельно потребовалъ онъ разрыва; но скоро
догадался употребить гораздо лучшее средство и
повезъ Алешу къ графинѣ. Ея падчерца была
почти красавица, почти еще дѣвочка, но съ рѣд-
кимъ сердцемъ, съ ясной, непорочной душой, ве-
села, умна, нѣжна. Князь рассчиталъ, что все-таки
полгода должны были взять свое, что Наташа уже
не имѣла для его сына прелести новизны и что
теперь онъ уже не такими глазами будетъ смо-
трѣть на будущую свою невесту, какъ полгода
назадъ. Онъ угадалъ только отчасти... Алеша дѣй-
ствительно увлекся. Прибавлю еще, что отецъ
вдругъ сталъ необыкновенно ласковъ къ сыну
(хотя все-таки не давалъ ему денегъ). Алеша чув-
ствовалъ, что подъ этой лаской скрывается непре-
клонное, неизмѣнное рѣшеніе, и тосковалъ, — не
такъ впрочемъ какъ-бы онъ тосковалъ, еслибы не
выдалъ ежедневно Катерины Ѳедоровны. Я зналъ,
что онъ уже пятый день не показывался къ На-
ташѣ. Идя къ ней отъ Ихменевыхъ, я тревожно
угадывалъ, чтобы такое она хотѣла сказать мнѣ?
Еще издали я различилъ свѣтъ въ ея окнѣ. Между
нами уже давно было условлено, чтобы она ста-
вила свѣчку на окно, если ей очень и непременно
надо меня видѣть, такъ что если мнѣ случалось
проходить близко (а это случалось почти каждый
вечеръ), то я все-таки, по необыкновенному свѣту
въ окнѣ, могъ догадаться, что меня ждутъ и что
я ей нуженъ. Въ послѣднее время она часто вы-
ставляла свѣчу...

ГЛАВА XV.

Я засталъ Наташу одну. Она тихо ходила взадъ
и впередъ по комнатѣ, сложа руки на груди,
въ глубокой задумчивости. Потухавшій самоваръ
стоялъ на столѣ и уже давно ожидалъ меня. Молча
и съ улыбкою протянула она мнѣ руку. Лицо ея
было блѣдно, съ болѣзненнымъ выраженіемъ. Въ
улыбкѣ ея было что-то страдальческое, нѣжное,
терпѣливое. Голубые, ясные глаза ея стали какъ-
будто больше чѣмъ прежде, волосы какъ-будто
гуще, — все это такъ казалось отъ худобы и бо-
лѣзни.

— А я думала, ты ужъ не придешь, сказала она,
подавая мнѣ руку: — хотѣла даже Мавру послать
къ тебѣ узнать; думала, не заболѣлъ ли опять?

— Нѣтъ, не заболѣлъ, меня задержали, сейчасъ
расскажу. Но что съ тобой, Наташа? что случи-
лось?

— Ничего не случилось, отвѣчала она какъ бы
удивленная. — А что?

— Да ты писала... вчера написала, чтобы при-
шлель, да еще назначила часъ, чтобы не раньше,
не позже; это какъ-то не по обыкновенному.

— Ахъ, да! Это и *ею* вчера ждала.

— Чтожъ онъ, все еще не былъ?

— Нѣтъ. Я и думала: если не придетъ, такъ
съ тобой надо будетъ переговорить, прибавила она,
помолчавъ.

— А сегодня вечеромъ ожидала его?

— Нѣтъ, не ждала; онъ вечеромъ *тамъ*.

— Что же ты думаешь, Наташа, онъ ужъ со-
всѣмъ никогда не придетъ?

— Разумѣется придетъ, отвѣчала она, какъ-то
особенно серьезно взглянувъ на меня.

Ей не нравилась скорость моихъ вопросовъ. Мы
замолчали, продолжая ходить по комнатѣ.

— Я все тебя ждала, Ваня, начала она вновь
съ улыбкой: — и знаешь, что дѣлала? Ходила здѣсь
взадъ и впередъ и стихи наизусть читала; пом-
нишь, — колокольчикъ, зимняя дорога: «Самоваръ
мой кипитъ на дубовомъ столѣ»... мы еще вмѣстѣ
читали:

Улеглася метелица; путь озаренъ,

Ночь гладить милліонами тусклыхъ очей...

— И потомъ:

То вдругъ слышится мнѣ — страстный голосъ поетъ,

Съ колокольчикомъ дружно звеня:

«Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ,

«Отдохнуть на груди у меня!

«У меня ли не жизнь! чуть заря на стеклѣ

«Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,

«Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,

«И трещать моя печь, озаряя въ углѣ

«За цвѣтной занавѣской кровать...

— Какъ это хорошо! Какіе это мучительные
стихи, Ваня! и какая фантастическая, раздающаяся
картина. Канва одна и только намѣченъ узоръ, —
вышивай что хочешь. Два ощущенія: прежнее и
послѣднее. Этотъ самоваръ, этотъ ситцевый занавѣсъ,
— такъ это все родное... Это какъ въ мѣ-
щанскихъ домикахъ въ уѣздномъ нашемъ городкѣ;
я и домъ этотъ какъ-будто вижу: новый, изъ бре-
венъ, еще досками не обшитый... А потомъ другая
картина:

То вдругъ слышится мнѣ — тотъ же голосъ поетъ,

Съ колокольчикомъ грустно звеня:

«Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь, онъ войдетъ

«И, ласкаясь, обниметъ меня!

«Что за жизнь у меня! — И тѣсна, и темна,

«И скучна моя горница; дугъ въ окно...

«За окошкомъ растеть только вишня одна,

«Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна,

«И, быть можетъ, погибла давно.

«Что за жизнь! Поилилъ пестрый полога цвѣтъ;

«Я больная брожу и не їду къ роднымъ,

«Побранить меня не-кому — милого нѣтъ...

«Лишь старуха ворчать... — — —

— «Я больная брожу»... эта «больная», как тутъ хорошо поставлено! «*Побранить меня нѣкому*», — сколько нѣжности, нѣги въ этомъ стпхѣ и мученій отъ воспоминаній, да еще мученій, которыя самъ вызвалъ, да и любуешься имп... Господи, какъ это хорошо! Какъ это бываетъ!

Она замолчала, какъ-будто подавляя начинавшуюся горловую спазму.

— Голубчикъ мой, Ваня! сказала она мнѣ черезъ минуту, и вдругъ опять замолчала, какъ-будто сама забыла, что хотѣла сказать, или сказала такъ, безъ мысли, отъ какого-то внезапнаго ошущенія.

Между тѣмъ мы все прохаживались по комнатѣ. Передъ образомъ горѣла лампадка. Въ послѣднее время Наташа становилась все набожнѣе и набожнѣе и не любила, когда объ этомъ съ ней заговаривали.

— Что, завтра праздникъ? спросилъ я: — у тебя лампадка горитъ.

— Нѣтъ, не праздникъ... да чтожъ, Ваня, сидишь! должно быть усталъ. Хочешь чаю? вѣдь ты еще не пилъ?

— Сядемъ, Наташа. Чай я пилъ.

— Да ты откуда теперь?

— Отъ *нихъ*. — Мы съ ней всегда такъ называли родной домъ.

— Отъ *нихъ*? Какъ ты успѣлъ? Самъ зашелъ? Звали?..

Она засыпала меня вопросами. Лицо ея сдѣлалось еще блѣднѣе отъ волненія. Я разсказалъ ей подробно мою встрѣчу съ старикомъ, разговоръ съ матерью, сцену съ медальономъ, — разсказалъ подробно и со всѣми оттѣнками. Я никогда ничего не скрывалъ отъ нея. Она слушала жадно, ловя каждое мое слово. Слезы блеснули на ея глазахъ. Сцена съ медальономъ сильно ее взволновала.

— Постой, постой, Ваня, говорила она, часто прерывая мой разсказъ: — говори подробнѣе, все, все, какъ можно подробнѣе, ты не такъ подробно разсказываешь!..

Я повторилъ второй и третій разъ, поминутно отвѣчая на ея безпрерывные вопросы о подробностяхъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ ходилъ ко мнѣ?

— Не знаю, Наташа, и мнѣнія даже составить не могу. Что онъ груститъ о тебѣ и любитъ тебя, это ясно; но что онъ ходилъ къ тебѣ, это... это...

— И онъ цаловалъ медальонъ? перебила она: — что онъ говорилъ, когда цаловалъ?

— Безсвязно, одни восклицанія; называлъ тебя самыми нѣжными именами, звалъ тебя...

— Звалъ?

— Да.

Она тихо заплакала.

— Бѣдныя! сказала она. — А если онъ все знаетъ, прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія: — такъ это не мудро. Онъ и объ отцѣ Алеши имѣетъ большія извѣстія.

— Наташа, сказалъ я робко: — пойдѣмъ къ нимъ...

— Когда? спросила она, поблѣднѣвъ и чуть-чуть приставъ съ кресель. Она думала, что я зову ее сейчасъ.

— Нѣтъ, Ваня, прибавила она, положивъ мнѣ обѣ руки на плечи и грустно улыбаясь: — нѣтъ, голубчикъ; это всегдашній твой разговоръ, но... не говори лучше объ этомъ.

— Такъ неужели жъ нпкогда, никогда не кончатся этотъ ужасный раздоръ! вскричалъ я грустно. — Неужели жъ ты до того горда, что не хочешь сдѣлать первый шагъ! Онъ за тобою; ты должна его первая сдѣлать. Можетъ-быть, отецъ только того и ждетъ, чтобъ простить тебя... Онъ отецъ; онъ обиженъ тобою! Уважь его гордость; она законна, она естественна! Ты должна это сдѣлать. Попробуй, и онъ проститъ тебя безъ всякихъ условій.

— Безъ условій! это невозможно; и не упрекай меня, Ваня, напрасно. Я объ этомъ дни и ночи думала и думаю. Послѣ того, какъ я ихъ покинула, можетъ быть, не было дня, чтобъ я объ этомъ не думала. Да и сколько разъ мы съ тобой же объ этомъ говорили! Вѣдь ты знаешь самъ, что это невозможно!

— Попробуй!

— Нѣтъ, другъ мой, нельзя. Если и попробую, то еще больше ожесточу его противъ себя. Безвозвратнаго не воротить, и знаешь, чего именно тутъ воротить нельзя? Не воротить этихъ дѣтскихъ, счастливыхъ дней, которые я прожила вмѣстѣ съ ними. Еслибъ отецъ и простилъ, то все-таки онъ бы не узналъ меня теперь. Онъ любилъ еще дѣвочку, большаго ребенка. Онъ любовался моимъ дѣтскимъ простодушіемъ; лаская, онъ еще гладилъ меня по головкѣ, также какъ когда я была еще семилѣтней дѣвочкой и, сидя у него на колѣняхъ, пѣла ему мои дѣтскія пѣсенки. Съ перваго дѣтства моего до самаго послѣдняго дня, онъ приходилъ къ моей кровати и крестилъ меня на ночь. За мѣсяцъ до нашего несчастія онъ купилъ мнѣ серьги, тихонько отъ меня (а я все узнала), и радовался какъ ребенокъ, восбражая, какъ я буду рада подарку, и ужасно разсердился на всѣхъ и на меня первую, когда узналъ отъ меня же, что мнѣ давно уже извѣстно о покупкѣ серегъ. За три дня до моего ухода, онъ примѣтилъ, что я грустна, тотчасъ же и самъ загрустилъ до болѣзни и, — какъ ты думаешь? — чтобъ развеселить меня, онъ придумалъ взять билетъ въ театръ!.. ей Богу, онъ хотѣлъ этимъ излечить меня! Повторяю тебѣ, онъ зналъ и любилъ дѣвочку и не хотѣлъ и думать о томъ, что я когда-нибудь тоже стану женщиной... Ему это и въ голову не приходило. Теперь же, еслибъ я воротилась домой, онъ бы меня и не узналъ. Если онъ и проститъ, то кого же встрѣтитъ теперь? Я ужъ не та, ужъ не ребенокъ, я много прожгла. Если я и угожу ему, — онъ все-таки будетъ вздыхать о прошедшемъ счастьи, тосковать, что я совсѣмъ не та, какъ прежде, когда еще онъ любилъ меня ребенкомъ; а старое

всегда лучше кажется! съ мученіями вспоминается! О, какъ хорошо прошедшее, Ваня! вскричала она, сама увлекаясь и прерывая себя этимъ восклицаніемъ, съ болью вырвавшимся изъ ея сердца.

— Это все правда, сказалъ я:—что ты говоришь, Наташа. Значить ему надо теперь узнать и полюбить тебя вновь. А главное: узнать. Чтожъ? онъ и полюбить тебя. Неужели жъ ты думаешь, что онъ не въ состояніи узнать и понять тебя, онъ, онъ, такое сердце!

— Охъ, Ваня, не будь несправедливъ! И что особенно во мнѣ понимать? Я не про то говорила. Видишь, что еще: отеческая любовь тоже ревнива. Ему обидно, что безъ него все это началось и разрѣшилось съ Алешей, а онъ не зналъ, проглядѣлъ. Онъ знаетъ, что и не предчувствовалъ этого, и несчастныя послѣдствія нашей любви, мой побѣгъ, приписывается именно моей «неблагодарной» скрытности. Я не пришла къ нему съ самаго начала, я не каялась потомъ передъ нимъ въ каждомъ движеніи моего сердца, съ самаго начала моей любви; напротивъ, я затаила все въ себѣ, я пряталась отъ него и, увѣрю тебя, Ваня, втайнѣ ему это обиднѣе, оскорбительнѣе, чѣмъ самая послѣдствія любви, — то, что я ушла отъ нихъ и вся отдалась моему любовнику. Положимъ, онъ встрѣтилъ бы меня теперь какъ отецъ, горячо и ласково, но сѣмя вражды останется. На второй, на третій день начнутся огорченія, недоумѣнія, попреки. Къ тому же онъ не проститъ безъ условій. Я, положимъ, скажу и скажу правду, изъ глубины сердца, что понимаю, какъ его оскорбила, до какой степени передъ нимъ виновата. И хотъ мнѣ и больно будетъ, если онъ не захочетъ понять, чего мнѣ самой стоило все это счастье съ Алешей, какія я сама страданія перенесла, но я подавлю свою боль, все перенесу,—но ему и этого будетъ мало. Онъ потребуетъ отъ меня невозможнаго вознагражденія: онъ потребуетъ, чтобъ я прокляла мое прошедшее, прокляла Алешу и раскаялась въ моей любви къ нему. Онъ захочетъ невозможнаго,—воротить прошедшее и вычеркнуть изъ нашей жизни послѣдніе полгода. Но я не проклянѣ никого, я не могу раскаяться... Ужъ такъ оно пришлось, такъ случилось... Нѣтъ, Ваня, теперь нельзя. Время еще не пришло.

— Когда же придетъ время?

— Не знаю... Надо какъ-нибудь выстрадать, вновь наше будущее счастье; купить его какими-нибудь новыми муками, страданіемъ все очищается... Охъ, Ваня, сколько въ жизни боли!

Я замолчалъ и задумчиво смотрѣлъ на нее.

— Что ты такъ смотришь на меня, Алеша, то бишь — Ваня? проговорила она ошибаясь и улынувшись своей ошибкѣ.

— Я смотрю теперь на твою улыбку, Наташа. Гдѣ ты взяла ее? у тебя прежде не было такой.

— А что же въ моей улыбкѣ?

— Прѣжнее дѣтское простодушіе, правда, въ ней еще есть... Но когда ты улыбаешься, точно

въ тоже время у тебя какъ нибудь сильно заболитъ на сердцѣ. — Вотъ ты похудѣла, Наташа, а волосы твои стали какъ-будто гуще... Что это у тебя за платье? Это еще у нихъ было сдѣлано?

— Какъ ты меня любишь, Ваня! отвѣчала она, ласково взглянувъ на меня. — Ну, а ты, что ты теперь дѣлаешь? Какъ твои-то дѣла?

— Не измѣнились; все романъ пишу; да тяжело, не дается. Вдохновеніе выдохлось. Съ плеча-то и можно бы написать, пожалуй и занимательно бы вышло; да хорошую идею жаль портить. Эта изъ любимыхъ. А къ сроку непременно надо въ журналъ. Я даже думаю бросить романъ и придумать повѣсть поскорѣе, такъ, что-нибудь легонькое и граціозное и отнюдь безъ мрачнаго направленія... Это ужъ отнюдь... Всѣ должны веселиться и радоваться!..

— Бѣдный ты труженикъ? А что Смитъ?

— Да Смитъ умеръ.

— Не приходилъ къ тебѣ? Я серьезно говорю тебѣ, Ваня: ты боленъ, у тебя нервы разстроены, такія все мечты. Когда ты мнѣ рассказывалъ про наемъ этой квартиры, я все это въ тебѣ замѣтила. Что квартира сыра, нехороша?

— Да! У меня еще случилась исторія, сегодня вечеромъ... Впрочемъ я потомъ расскажу.

Она меня уже не слушала и сидѣла въ глубокой задумчивости.

— Не понимаю, какъ я могла уйдти тогда отъ *нихъ*; я въ горячкѣ была, проговорила она наконецъ, смотря на меня такимъ взглядомъ, которымъ не ждала отвѣта.

Заговори я съ ней въ эту минуту, она бы и не слыхала меня.

— Ваня, сказала она чуть слышнымъ голосомъ:— я просила тебя за дѣломъ.

— Что такое?

— Я расстаюсь съ нимъ.

— Разсталась или расстаешься?

— Надо кончить съ этою жизнью. Я и звала тебя, чтобъ выразить все, все, что накопилось теперь и что я скрывала отъ тебя до сихъ поръ.— Она всегда такъ начинала со мной, повѣряя мнѣ свои тайныя намѣренія и всегда почти выходило, что всѣ эти тайны я зналъ отъ нея же.

— Ахъ, Наташа, я тысячу разъ это отъ тебя слышалъ! Конечно вамъ жить вмѣстѣ пельзя; ваша связь какая-то странная; между вами нѣтъ ничего общаго. Но... достанетъ ли силъ у тебя?

— Прѣжде были только намѣренія, Ваня; теперь же я рѣшилась совсѣмъ. Я люблю его безконечно, а между тѣмъ выходить, что я ему первый врагъ; я гублю его будущность. Надо освободить его. Жениться онъ на мнѣ не можетъ; онъ не въ силахъ пойти противъ отца. Я тоже не хочу его связывать. И потому я даже рада, что онъ влюбился въ невѣсту, которую ему сватаютъ. Ему легче будетъ разстаться со мной. Я это должна! Это долгъ... Если я люблю его, то должна всѣмъ для

него пожертвовать, должна доказать ему любовь мою, это долг! Не правда ли?

— Но вѣдь ты не уговоришь его.

— Я и не буду уговаривать. Я буду съ нимъ попрежнему, войди онъ хоть сейчасъ. Но я должна прискать средство, чтобъ ему было легко оставить меня безъ угрызений совѣсти. — Вотъ что меня мучитъ, Ваня; помоги. Не присовѣтуешь ли чего-нибудь?

— Такое средство одно, сказалъ я: — разлюбить его совсѣмъ и полюбить другаго. Но врядъ ли это будетъ средствомъ. Вѣдь ты знаешь его характеръ? Вотъ онъ къ тебѣ пять дней не ѣздитъ. Предположи, что онъ совсѣмъ оставилъ тебя; тебѣ стоитъ только написать ему, что ты сама его оставляешь, и онъ тотчасъ же прибѣжитъ къ тебѣ.

— За что ты его не любишь, Ваня?

— Я!

— Да, ты, ты! Ты ему врагъ, тайный и явный! Ты не можешь говорить объ немъ безъ мщенія. Я тысячу разъ замѣчала, что тебѣ первое удовольствіе унижать и чернить его! Именно чернить, я правду говорю!

— И тысячу разъ уже говорила мнѣ это. Довольно, Наташа; оставимъ этотъ разговоръ.

— Я бы хотѣла переѣхать на другую квартиру, заговорила она опять, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да ты не сердись, Ваня...

— Чтожь, онъ придетъ и на другую квартиру, а я ей Богу не сержусь.

— Любовь сильна; новая любовь можетъ удержать его. Если и воротится ко мнѣ, такъ только развѣ на минуту, какъ ты думаешь?

— Не знаю, Наташа, въ немъ все въ высшей степени ни съ чѣмъ несообразно, онъ хочетъ и на той жениться и тебя любить. Онъ какъ-то можетъ все это вмѣстѣ дѣлать.

— Еслибъ я знала навѣрно, что онъ любитъ ее, я бы рѣшилась... Ваня! Не такъ отъ меня ничего! Знаешь ты что-нибудь, чего мнѣ не хочешь сказать, или нѣтъ?

Она смотрѣла на меня безпокойнымъ, испытывающимъ взглядомъ.

— Ничего незнаю, другъ мой, даю тебѣ честное слово; съ тобой я былъ всегда откровененъ. Впрочемъ я вотъ что еще думаю: можетъ-быть, онъ вовсе не влюбленъ въ падчерицу графини такъ сильно, какъ мы думаемъ. Такъ, увлеченіе...

— Ты думаешь, Ваня? Боже, еслибъ я это знала навѣрно! О, какъ бы я желала его видѣть въ эту минуту, только взглянуть на него. Я бы по лицу его все узнала! И нѣтъ его! нѣтъ его!

— Да развѣ ты ждешь его, Наташа?

— Нѣтъ, онъ у ней; я знаю; я посылала узнавать. Какъ бы я желала взглянуть и на нее... Послушай, Ваня, я скажу вздоръ, но неужели жъ мнѣ никакъ нельзя ее увидѣть, нигдѣ нельзя съ нею встрѣтиться? Какъ ты думаешь?

Она съ безпокойствомъ ожидала что я скажу.

— Увидать еще можно. Но вѣдь только увидать,—мало.

— Довольно бы того хоть увидать, а тамъ я бы и сама угадала. Послушай: я вѣдь такъ глупа стала; кожу-кожу здѣсь, все одна, все одна,—все думаю; мысли какъ какой-то вихрь; такъ тяжело! Я и выдумала, Ваня, нельзя ли тебѣ съ ней познакомиться? Вѣдь графиня (тогда ты самъ рассказывалъ) — хвалила твой романъ; ты вѣдь ходишь иногда на вечера къ князю Р***; она тамъ бываетъ. Сдѣлай, чтобъ тебя ей тамъ представили. А то, пожалуй, и Алеша могъ бы тебя съ ней познакомить. Вотъ ты бы мнѣ все и рассказалъ про нее.

— Наташа, другъ мой, объ этомъ послѣ. А вотъ что: неужели ты серьезно думаешь, что у тебя достанетъ силъ на разлуку? Посмотри теперь на себя: неужели ты покойна?

— Дост-та-нетъ! отвѣчала она чуть слышно.— Все для него! Вся жизнь моя для него. Но знаешь, Ваня, не могу я перенести, что онъ теперь у нея, обо мнѣ позабылъ, сидитъ возлѣ нея, рассказываетъ, смѣется, помнишь, какъ здѣсь бывало сидѣлъ... Смотритъ ей прямо въ глаза; онъ всегда такъ смотритъ;—и въ мысль ему не приходитъ теперь, что я вотъ здѣсь... съ тобой.

Она не dokonчила и съ отчаяніемъ взглянула на меня.

— Какъ же ты, Наташа, еще сейчасъ, только сейчасъ говорила...

— Пусть мы вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ разстанемся? перебила она съ сверкающимъ взглядомъ.—Я сама его благословляю на это. Но тяжело, Ваня, когда онъ самъ, первый, забудетъ меня? Ахъ, Ваня, какая это мука! Я сама не понимаю себя: умою выходить такъ, а на дѣлѣ не такъ! Что со мною будетъ!

— Полно, полно, Наташа, успокойся!..

— И вотъ уже пять дней, каждый часъ, каждую минуту... во снѣ ли, силу ли, — все объ немъ, объ немъ! Знаешь, Ваня: пойдемъ туда, проводи меня!

— Полно, Наташа.

— Нѣтъ, пойдемъ! Я тебя только ждала, Ваня! Я уже три дня объ этомъ думаю. Объ этомъ-то дѣлѣ я и писала къ тебѣ... Ты меня долженъ проводить; ты не долженъ отказать мнѣ въ этомъ... Я тебя ждала... три дня... Тамъ сегодня вечеръ... онъ тамъ... пойдемъ!

Она была какъ въ бреду. Въ прихожей раздался шумъ; Мавра какъ-будто спорила съ кѣмъ-то.

— Стой, Наташа, кто это? спросилъ я: — слушай!

Она прислушалась съ недовѣрчивою улыбкою и вдругъ страшно поблѣднѣла.

— Боже мой! Кто тамъ? проговорила она чуть слышнымъ голосомъ.

Она хотѣла было удержать меня, но я вышелъ въ прихожую къ Маврѣ. Такъ и есть! Это былъ

Алеша. Онъ объ чемъ-то разспрашивалъ Мавру; та сначала не пускала его.

— Откудава такой явился? говорила она, какъ власть имѣющая. — Что? гдѣ рыскалъ? Ну ужь иди, иди! А меня тебѣ не подмаслить! Ступай-на; что-то отвѣтишь?

— Я никого небоюсь! Я войду! говорилъ Алеша, не много, впрочемъ сконфузившись.

— Ну, ступай!—притокъ ты больно!

— И пойду! А! и вы здѣсь! сказалъ онъ, увидѣвъ меня: — какъ это хорошо, что и вы здѣсь! Ну вотъ и я; видите; какъ же мнѣ теперь...

— Да просто войдите, отвѣчалъ я: — чего вы боитесь?

— Я ничего не боюсь, увѣраю васъ; потому что я ей Богу, невиноватъ. Вы думаете, я виноватъ? Вотъ увидите, я сейчасъ оправдаюсь. Наташа, можно къ тебѣ! вскрикнулъ онъ съ какой-то выдѣланною смѣлостію, остановясь передъ затворенною дверью.

Никто не отвѣчалъ.

— Что жь это? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, она сейчасъ тамъ была, отвѣчалъ я;—развѣ что нибудь...

Алеша осторожно отворилъ дверь и робко окинулъ глазами комнату. Никого не было.

Вдругъ онъ увидалъ ее въ углу, между шкапомъ и окномъ. Она стояла тамъ, какъ-будто спрятавшись, ни жива, ни мертва. Какъ вспомню объ этомъ, до сихъ поръ не могу не улыбнуться. Алеша тихо и осторожно подошелъ къ ней.

— Наташа, что ты? Здравствуй, Наташа, робко проговорилъ онъ, съ какимъ-то испугомъ смотря на нее.

— Ну, чтожь, ну... ничего!.. отвѣчала она въ ужасномъ смущеніи, какъ-будто она же и была виновата. — Ты... хочешь чаю?

— Наташа, послушай... говорилъ Алеша совершенно потерявшись. — Ты, можетъ быть, увѣрена, что я виноватъ... Но я не виноватъ; я присколько не виноватъ! Вотъ видишь ли, я тебѣ сейчасъ расскажу.

— Да зачѣмъ же это? прошептала Наташа:—

нѣтъ, нѣтъ не надо... лучше дай руку и... конечно... какъ всегда... И она вышла изъ угла; рукавицею сталъ показываться на щекахъ ея.

Она смотрѣла внизъ, какъ-будто боясь взглянуть на Алешу.

— О Боже мой! вскрикнулъ онъ въ восторгѣ:— еслибъ только былъ виноватъ, я бы не смѣлъ, какъ жется, и взглянуть на нее послѣ этого! Посмотрите, посмотрите! кричалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — вотъ: она считаетъ меня виноватымъ; все противъ меня, все видимости противъ меня! а пять дней не ѣзжу! Есть слухи, что я у невѣсты— и чтожь? она ужь прощаетъ меня! она ужь говоритъ: «дай руку и конечно!» Наташа, голубчикъ мой, ангелъ мой! Я не виноватъ, и ты знай это! Я не виноватъ ни на столечко! напротивъ! напротивъ!

— Но... но вѣдь ты теперь тамъ... тебя теперь туда звали... какъ же ты здѣсь? ко... который часъ?..

— Половина одиннадцатаго! Я и былъ тамъ... Но я сказался больнымъ и уѣхалъ и—это первый, первый разъ въ эти пять дней, что я свободенъ, что я былъ въ состояніи урваться отъ нихъ, и пріѣхалъ къ тебѣ, Наташа. То-есть я могъ и прежде пріѣхать, но я нарочно не ѣхалъ! А почему? ты сейчасъ узнаешь, объясню: я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ объяснить; только ей Богу въ этотъ разъ я ни въ чемъ передъ тобой не виноватъ, ни въ чемъ! ни въ чемъ!

Наташа подняла голову и взглянула на него... Но отвѣтный взглядъ его сіялъ такою правдивостію, лицо его было такъ радостно, такъ честно, такъ весело, что не было возможности ему не повѣрить. Я думалъ, они вскрикнутъ и бросятся другъ другу въ объятія, какъ это уже нѣсколько разъ прежде бывало при подобныхъ же примиреніяхъ. Но Наташа, какъ-будто подавленная счастьемъ, опустила на грудь голову и вдругъ... тихо заплакала. Тутъ ужь Алеша не могъ выдержать. Онъ бросился къ ногамъ ея. — Онъ цаловалъ ея руки, ноги; онъ былъ какъ въ изступленіи. Я придвинулъ ей кресла. Она сѣла. Ноги ея подкашивались.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Черезъ минуту мы всѣ смѣялись, какъ полумные.

— Да дайте же, дайте мнѣ рассказать, покрывалъ насъ всѣхъ Алеша своимъ звонкимъ голосомъ.— Они думаютъ, что все это какъ и прежде... что я съ пустяками пріѣхалъ... Я вамъ говорю, что у меня самое интересное дѣло. Да замолчите ли вы когда-нибудь!

Ему чрезвычайно хотѣлось рассказать. По виду его можно было судить, что у него важныя новости. Но его приготовленная важность отъ наивной гордости владѣть такими новостями тотчасъ же размѣшила Наташу. Я нисколько засмѣялся, вслѣдъ за ней. И чѣмъ больше онъ сердился на насъ, тѣмъ больше мы смѣялись. Досада и потомъ дѣтское отчаяніе Алешы довели наконецъ насъ до той степени, когда стоитъ только показать пальчикъ, какъ гоголевскому мичману, чтобъ тотчасъ же и покатиться со смѣху. Мавра, вышедшая изъ кухни, стояла въ дверяхъ и съ серьезнымъ недоуманіемъ смотрѣла на насъ, досадуя, что не досталось Алешѣ хорошей головомойки отъ Наташи, какъ ожидала она съ наслажденіемъ всѣ эти пять дней, и что вмѣсто того всѣ такъ веселы.

Наконецъ Наташа, видя, что нашъ смѣхъ обижаетъ Алешу, перестала смѣяться.

— Что же ты хочешь рассказывать? спросила она.

— А что поставить чтоль самоваръ? спросила Мавра, безъ малѣйшаго уваженія перебивая Алешу.

— Ступай, Мавра, ступай, отвѣчалъ онъ, махая на нее руками и торопясь прогнать ее.— Я буду рассказывать все что было, все что есть и все что будетъ, потому что я все это знаю. Вижу, друзья мои, вы хотите знать, гдѣ я былъ эти пять дней,— это-то я и хочу рассказать; а вы мнѣ не даете. Ну,

и впервыхъ, я тебя все время обманывалъ, Наташа, все это время, давнымъ давно ужъ обманывалъ, и это-то и есть самое главное.

— Обманывалъ?

— Да, обманывалъ, уже цѣлый мѣсяцъ; еще до пріѣзда отца началъ; теперь пришло время полной откровенности. Мѣсяцъ тому назадъ, когда еще отецъ не пріѣзжалъ, я вдругъ получилъ отъ него огромнѣйшее письмо и скрылъ это отъ васъ обоихъ. Въ письмѣ онъ прямо и просто,—и замѣтьте себѣ, такимъ серьезнымъ тономъ, что я даже испугался,—объявлялъ мнѣ, что дѣло о моемъ сватовствѣ уже кончилось, что невѣста моя совершенно; что я разумѣется ее не стою, но что все-таки непременно долженъ на ней жениться. И потому, чтобъ приготовлялся, чтобъ выбилъ изъ головы всѣ мои вздоры и такъ далѣе, и такъ далѣе,—ну, ужъ извѣстно, какіе это вздоры. Вотъ это-то письмо я отъ васъ и утаилъ...

— Совсѣмъ не утаилъ! перебила Наташа:— вотъ чѣмъ хвалится! А выходить, что все тотчасъ же намъ рассказаль. Я еще помню, какъ ты вдругъ сдѣлался такой послушный, такой пѣжный, и не отходилъ отъ меня, точно провинился въ чемъ-нибудь, и все письмо намъ по отрывкамъ и рассказаль.

— Не можетъ быть, главного навѣрно не рассказаль. Можетъ быть вы оба угадали что-нибудь, это ужъ ваше дѣло, а я не рассказывалъ. Я скрылъ и ужасно страдалъ.

— Я помню, Алеша, вы со мной тогда минутно совѣтовались и все мнѣ рассказали, отрывками разумѣется, въ видѣ предположеній, прибавилъ я, смотря на Наташу.

— Все рассказаль! ужъ не хвастайся пожалуйста, подхватила она.— Ну, что ты можешь скрыть? ну, тебѣ ли быть обманщикомъ? Даже Мавра все узнала. Знала ты, Мавра?

— Ну, какъ не знаты! отозвалась Мавра, про-
сунувъ къ намъ свою голову: — все въ три же
первые дня разсказалъ. Не тебѣ бы хитрить!

— Фу, какая досада съ вами разговаривать! Ты
все это изъ злости дѣлаешь, Наташа! А ты, Мавра,
тоже ошибаешься. Я, помню, былъ тогда какъ
сумасшедшій; помнишь, Мавра?

— Какъ не помнить. Ты и теперь какъ сума-
сшедшій.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не про то говорю. Помнишь!
тогда еще у насъ денегъ не было и ты ходила мою
сигарочницу серебряную закладывать; а главное,
позволь тебѣ замѣтить, Мавра, ты ужасно передо
мною забываешься. Это все тебя Наташа приучила.
Ну, положимъ я дѣйствительно все вамъ разска-
залъ тогда же, отрывками (я это теперь припомни-
наю). Но тона, тона письма вы не знаете, а вѣдь
въ письмѣ главное тонъ. Про это я и говорю.

— Ну, а какой же тонъ? спросила Наташа.

— Послушай. Наташа, ты спрашиваешь — точ-
но шутишь. Не шути. Увѣряю тебя, это очень
важно. Такой тонъ, что я и руки опустилъ. Ни-
когда отецъ такъ со мной не говорилъ. То есть
скорѣе Лиссабонъ провалится, чѣмъ не сбудется
по его желанію; вотъ какой тонъ!

— Ну-ну, рассказывай; зачѣмъ же тебѣ надо
было скрывать отъ меня?

— Ахъ, Боже мой! да чтобъ тебя не испугать.
Я надѣялся все самъ уладить. Ну, такъ вотъ,
послѣ этого письма. какъ только отецъ пріѣхалъ,
пошли мои муки. Я приготовился ему отвѣчать
твердо, ясно, серьезно, да все какъ-то не удава-
лось. А онъ даже и не разспрашивалъ; хитрецъ!
напротивъ, показывалъ такой видъ, какъ-будто
уже все дѣло рѣшено и между нами уже не можетъ
быть никакого спора и недоумѣнія. Слышишь, *не
можетъ быть* даже; такая самонадѣянность! Со
мной же сталъ такой ласковый, такой милый. Я
просто удивлялся. Какъ онъ уменъ, Иванъ Петро-
вичъ, еслибъ вы знали! Онъ все читалъ, все
знаетъ; вы на него только одинъ разъ посмотрите,
а ужъ онъ всѣ ваши мысли какъ свои знаетъ. Вотъ
за это-то вѣрно и прозвали его иезуитомъ. Наташа
не любить, когда я его хвалю. Ты не сердись, На-
таша. Ну, такъ вотъ... а кстати! Онъ мнѣ денегъ
сначала не давалъ, а теперь далъ, вчера. Наташа!
ангелъ мой! кончилась теперь наша бѣдность!
вотъ, смотри! Все, что уменьшили мнѣ въ нака-
заніе, за всѣ эти полгода, все вчера додалъ; смо-
трите сколько; я еще не сосчиталъ.—Мавра, смо-
три, сколько денегъ! Теперь ужъ не будемъ ложки
да запонки закладывать!

Онъ вынулъ изъ кармана довольно толстую пачку
денегъ, тысячъ полторы серебромъ, и положилъ
на столъ. Мавра съ удовольствіемъ на нее по-
смотрѣла и похвалила Алешу. Наташа сильно то-
ропила его.

— Ну, такъ вотъ — что мнѣ дѣлать, думаю?
продолжалъ Алеша: — ну какъ противъ него пой-

ти? То есть клянусь вамъ обоимъ, будь онъ
золъ со мной, а не такой добрый, я бы и не думалъ
ни о чемъ. Я прямо бы сказалъ ему, что не хочу,
что я ужъ самъ выросъ и сталъ человѣкомъ и
теперь — кончено! и повѣрьте, настоялъ бы на
своемъ. А тутъ—что я ему скажу? Но не вините
и меня. Я вижу, ты какъ-будто недовольна, На-
таша. Чего вы оба переглядываетесь? Навѣрно
думаете: вотъ ужъ его сейчасъ и оплели и ни
капли въ немъ твердости нѣтъ. Есть твердость,
есть, и еще больше, чѣмъ вы думаете! А доказа-
тельство, что не смотря на мое положеніе, я тотъ-
часъ же сказалъ себѣ: это мой долгъ; я долженъ
все, все высказать отцу, и сталъ говорить, и вы-
сказалъ, и онъ меня выслушалъ.

— Да что же, что именно ты высказалъ? съ
беспокойствомъ спросила Наташа.

— А то, что я не хочу никакой другой невѣсты,
а что у меня есть своя,—это ты. То есть, я прямо
этого еще до сихъ поръ не высказалъ, но я его
приготовилъ къ этому, а завтра скажу; такъ ужъ я
рѣшилъ. Сначала я сталъ говорить о томъ, что
жениться на деньгахъ стыдно и не благородно, и
что намъ считать себя какими-то аристократами—
просто глупо (я вѣдь съ нимъ совершенно откро-
венно, какъ братъ съ братомъ). Потомъ объяснилъ
ему тутъ же, что я tiers-état и что tiers-état c'est
l'essentiel; что я горжусь тѣмъ, что похожъ на
всѣхъ, и не хочу ни отъ кого отличаться... однимъ
словомъ, изложилъ ему всѣ эти здравыя идеи... Я
говорилъ горячо, увлекательно. Я самъ себѣ уди-
влялся. Я доказалъ ему наконецъ и съ его точки
зрѣнія... я прямо сказалъ: какіе мы князья? только
по роду; а въ сущности, что въ насъ княжескаго?
Особеннаго богатства, во-первыхъ, нѣтъ, а бо-
гатство—главное. Нынче самый главный князь—
Ротшильдъ. Во-вторыхъ—въ настоящемъ-то боль-
шомъ свѣтѣ объ насъ ужъ давно не слыхивали.
Послѣдній былъ дядя. Семенъ Валковский, да и
тотъ только въ Москвѣ былъ извѣстенъ, да и то
тѣмъ, что послѣднія триста душъ прожилъ, и
еслибъ отецъ не нажилъ самъ денегъ, то его внуки
могутъ быть сами бы землю пахали, какъ и есть
такіе князья. Такъ нечего и намъ заноситься. Од-
нимъ словомъ, я все высказалъ, что у меня накоп-
лѣло,—все, горячо и откровенно, даже еще при-
бавилъ кой-что. Онъ даже и не возражалъ, а
просто началъ меня упрекать, что я бросаю домъ
графа Наинскаго, а потомъ сказалъ, что надо под-
мазаться къ княгинѣ К., моей крестной матери, и
что если княгиня К. меня хорошо приметъ, такъ
значить и вездѣ примутъ и карьера сдѣлана, и по-
шелеъ, и пошелъ расписывать! Это все намеки на
то, что я, какъ சொлся съ тобой. Наташа, то
всѣхъ ихъ бросилъ; что это стало быть твое вліяніе.
Но прямо онъ до сихъ поръ не говорилъ про тебя,
даже видимо избѣгаетъ. Мы оба хитримъ, выжи-
даемъ, ловимъ другъ друга, и будь увѣрена, что
и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

— Да хорошо ужъ; чѣмъ же кончилось, какъ

онъ-то рѣшилъ? вотъ что главное. И какой ты болтунъ, Алеша...

— А Господь его знаетъ, совсѣмъ и не разберешь, какъ онъ рѣшилъ; а я вовсе не болтунъ, я дѣло говорю: онъ даже и не рѣшалъ, а только на всѣ мои разсужденія улыбался, но такой улыбкой, какъ будто ему жалко меня. Я вѣдь понимаю, что это унижительно, да я не стыжусь. Я, говорить, совершенно съ тобой согласенъ, а вотъ поѣдемъ-ка къ графу Наянскому, да смотри, тамъ этого ничего не говори. Я-то тебя понимаю, да они-то тебя не поймутъ. Кажется и его самого они всѣ не совсѣмъ хорошо принимаютъ; за что-то сердятся. Вообще въ свѣтѣ отца теперь что-то не любятъ. Графъ сначала принималъ меня чрезвычайно величаво, совсѣмъ свысока, даже совсѣмъ какъ будто забылъ, что я выросъ въ его домѣ, припоминать началъ, ей Богу! Онъ просто сердится на меня за неблагодарность, а право, тутъ не было никакой отъ меня неблагодарности; въ его домѣ ужасно скучно,—ну, я и не ѣздилъ. Онъ и отца принялъ ужасно небрежно; такъ небрежно, такъ небрежно, что я даже не понимаю, какъ онъ туда ѣздитъ. Все это меня возмутило. Бѣдный отецъ долженъ передъ нимъ чуть не спину гнуть; я понимаю, что все это для меня, да мнѣ-то ничего не нужно. Я было хотѣлъ потомъ высказать отцу всѣ мои чувства, да удержался. Да и зачѣмъ! убѣжденій его я не перемѣню, а только его раздосажую; а ему и безъ того тяжело. Ну, думаю, пушусь на хитрости, перехитрю ихъ всѣхъ, заставлю графа уважать себя; — и чтожъ? тотчасъ же всего достигъ, въ какой нибудь одинъ день все перемѣнилось! Графъ Наянскій не знаетъ теперь куда меня посадить. И все это я сдѣлалъ. одинъ я, черезъ свою собственную хитрость, такъ что отецъ только руки разставилъ!...

— Послушай, Алеша, ты бы лучше рассказывалъ о дѣлѣ! вскричала нетерпѣливая Наташа: — я думала, ты что нибудь про наше расскажешь, а тебѣ только хочется разсказать, какъ ты тамъ отличился у графа Наянскаго. Какое мнѣ дѣло до твоего графа!

— Какое дѣло! слышите, Иванъ Петровичъ, какое дѣло? да въ этомъ-то и самое главное дѣло. Вотъ ты увидишь сама; все подъ конецъ объяснится. Только дайте мнѣ разсказать... А наконецъ (почему же не сказать откровенно!) вотъ что Наташа, да и вы тоже, Иванъ Петровичъ, я можетъ быть дѣйствительно иногда очень, очень неразсудителенъ; ну, да положимъ даже (вѣдь иногда и это бывало) просто глупъ. Но тутъ, увѣрю васъ, я выказалъ много хитрости... ну... и наконецъ даже ума; такъ что я думалъ, вы сами будете рады, что я не всегда же... неуменъ...

— Ахъ, что ты, Алеша, полно! голубчикъ ты мой!..

Наташа сносить не могла, когда Алешу считали неумнымъ. Сколько разъ, бывало, она дулась на меня, не высказывая на словахъ, если я не слыш-

комъ церемонясь доказывалъ Алешѣ, что онъ сдѣлалъ какую нибудь глупость; это было большое мѣсто въ ея сердцѣ. Она не могла снести униженія Алеши и, вѣроятно, тѣмъ болѣе, что про себя сознавалась въ его ограниченности. Но своего мнѣнія отнюдь ему не высказывала и боялась этого, чтобъ не оскорбить его самолюбія. Онъ же въ этихъ случаяхъ былъ какъ-то особенно проницателенъ и всегда угадывалъ ея тайныя чувства. Наташа это видѣла и очень печалилась, тотчасъ же лстала ему, ласкала его. Вотъ почему теперь слова его больно отзывались въ ея сердцѣ...

— Полно, Алеша, ты только легкомысленъ, а ты вовсе не такой, прибавила она: — съ чего ты себя унижаешь?

— Ну, и хорошо; ну, такъ вотъ и дайте мнѣ досказать. Послѣ приѣма у графа отецъ даже разозлился на меня. Думаю, стой! Мы тогда ѣхали къ княгинѣ; я давно уже слышалъ, что она отъ старости почти изъ ума выжила и въ добавокъ глухая, и ужасно любитъ собачонокъ. У ней цѣлая стая и она души въ нихъ не слышитъ. Не смотря на все это, она съ огромнымъ вліяніемъ въ свѣтѣ, такъ что даже самъ графъ Наянскій, le superbe, у ней antichambre дѣлаетъ. Вотъ я дорогою и основалъ планъ всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и какъ вы думаете, на чемъ основалъ? На томъ, что меня всѣ собаки любятъ, ей Богу! я это замѣтилъ. Или во мнѣ магнетизмъ какой нибудь сидитъ, или потому, что я самъ очень люблю всѣхъ животныхъ, ужъ не знаю; только любятъ собаки, да и только! Кстати о магнетизмѣ, я тебѣ еще не рассказывалъ; Наташа, мы на дняхъ духовъ вызывали, я былъ у одного вызывателя; это ужасно любопытно, Иванъ Петровичъ; даже поразило меня. Я Юлія Цезаря вызывалъ...

— Ахъ, Боже мой! Ну, зачѣмъ тебѣ Юлія Цезаря? вскричала Наташа, заливаясь смѣхомъ. — Этого не доставало!

— Да почему же... точно я какой нибудь... Почему жъ я не имѣю права вызвать Юлія Цезаря? Что ему сдѣлается? Вотъ, смѣется!

— Да ничего, конечно, не сдѣлается... ахъ, голубчикъ ты мой! ну, чтожъ тебѣ сказалъ Юлій Цезарь?

— Да ничего не сказалъ. Я только держалъ карандашъ, а карандашъ самъ ходилъ по бумагѣ и писалъ. Это, говорятъ, Юлій Цезарь пишетъ. Я этому не вѣрю.

— Да чтожъ написалъ-то?

— Да написалъ что-то въ родѣ «обмокни», какъ у Гоголя... да полно смѣяться!

— Да рассказывай про княгиню-то!

— Ну, да, вотъ вы все меня перебиваете. Приѣхали мы къ княгинѣ и я началъ съ того, что сталъ куртизанить съ Мими. Эта Мими — старая, гадкая, самая мерзкая собачонка, къ тому же упрямая и кусака. Княгиня безъ ума отъ нея, не надѣшится; она кажется ей ровесница. Я началъ съ того, что сталъ Мими конфетками прикармливать

и въ какія нибудь десять минутъ выучилъ, подавать лапку, чему во всю жизнь не могли ее выучить. Княгиня пришла просто въ восторгъ; чуть не плачетъ отъ радости: «Мими! Мими! Мими лапку даетъ!» Приѣхалъ кто-то: «Мими лапку даетъ! вотъ выучилъ крестникъ!» Графъ Наннскій вошелъ: «Мими лапку даетъ!» На меня смотритъ чуть не со слезами умиленія. Предобрѣйшая старушка; даже жалко ее. Я не промахъ, тутъ опять ей польстилъ: у ней на табакеркѣ ея собственный портретъ, когда еще она невѣстой была, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Вотъ и урони она табакерку. Я поднимаю, да и говорю, точно не знаю: *Quelle charmante peinture!* это идеальная красота! Ну, тутъ она ужъ совсѣмъ растаяла; со мной и о томъ и о семъ, и гдѣ я учился, и у кого бываю, и какіе у меня славные волосы, и пошла, и пошла. Я тоже: разсмѣшилъ ее, исторію скандальную ей рассказалъ. Она это любитъ; только пальцемъ мнѣ погрозила, а впрочемъ очень смѣялась. Отпускаетъ меня, — цѣлуетъ и креститъ, требуетъ, чтобъ каждый день я приѣзжалъ ее развлекать. Графъ мнѣ руку жметъ, глаза у него стали масляные; а отецъ, хоть онъ и добрейшій, и честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ; но вѣрьте или не вѣрьте, а чуть не плакалъ отъ радости, когда мы вдвоемъ домой приѣхали; обнималъ меня, въ откровенности пустился, въ какія-то таинственныя откровенности, на счетъ карьеры, связей, денегъ, браковъ, такъ что я многого и не понималъ. Тутъ-то онъ и денегъ мнѣ далъ. Это вчера было. Завтра я опять къ княгинѣ, но отецъ все-таки благороднѣйшій человекъ — не думайте чего нибудь, и хоть отдаляетъ меня отъ тебя, Наташа, но это потому, что онъ ослѣпленъ, потому что ему миллионъ Катиныхъ хочется, а у тебя ихъ нѣтъ; и хочетъ онъ ихъ для одного меня, и только по незнанію несправедливъ къ тебѣ. А какой отецъ не хочетъ счастья своему сыну? Вѣдь онъ не виноватъ, что привыкъ считать въ миллионахъ счастье. Такъ ужъ они всѣ. Вѣдь смотрѣть на него нужно только съ этой точки, не иначе, — вотъ онъ тотчасъ же и выйдетъ правъ. Я нарочно спѣшилъ къ тебѣ, Наташа, увѣрить тебя въ этомъ, потому, я знаю, ты предубѣждена противъ него и, разумеется, въ этомъ невиновата. Я тебя не виню...

— Такъ только-то и случилось съ тобой, что ты карьеру у княгини сдѣлалъ? въ этомъ и вся хитрость? спросила Наташа.

— Какое! что ты! Это только начало... я потому рассказалъ про княгиню, что, понимаешь, я черезъ нее отца въ руки возьму, а главная моя исторія еще и не начиналась.

— Ну, такъ рассказывай же!

— Со мной сегодня случилось еще происшествіе и даже очень странное, и я до сихъ поръ еще пораженъ, продолжалъ Алеша. — Надо вамъ замѣтить, что хоть у отца съ графиней и порѣшено наше сватовство, но официально еще до сихъ поръ рѣшено ничего не было, такъ что мы хотъ сейчасъ

разойдемся и никакого скандала; одинъ только графъ Наннскій знаетъ, по вѣдь это считается родственникъ и покровитель. Мало того, хотъ я въ эти двѣ недѣли и очень сошелся съ Катей, но до самаго сегодняшняго вечера мы ни слова не говорили съ ней о будущемъ, то есть о бракѣ и... ну, и о любви. Кромѣ того положено сначала испросить согласіе княгини К., отъ которыхъ ждутъ у насъ всевозможнаго покровительства и золотыхъ дождей. Что скажетъ она, то скажетъ и свѣтъ; у ней такія связи... А меня непременно хотятъ вывести въ свѣтъ и въ люди. Но особенно на вѣсть этихъ распоряженій настаиваетъ графиня, мачиха Кати. Дѣло въ томъ, что княгиня, за всѣ ея заграничныя штуки, пожалуй еще ее и не приметъ, а княгиня не приметъ, такъ и другіе пожалуй не примутъ; такъ вотъ и удобный случай — сватовство мое съ Катей. И потому графиня, которая прежде была противъ сватовства, страшно обрадовалась сегодня моему успѣху у княгини, но это въ сторону, а вотъ что главное: Катерину Федоровну я зналъ еще съ прошлаго года; по вѣдь я былъ тогда еще мальчикъ и ничего не могъ понимать, а потому ничего и не разглядѣлъ тогда въ ней...

— Просто, ты тогда любилъ меня больше, прервала Наташа: — оттого и не разглядѣлъ, а теперь...

— Ни слова. Наташа, вскричалъ съ жаромъ Алеша: — ты совершенно ошибаешься и меня оскорбляешь!.. Я даже не возражаю тебѣ; выслушай дальше и ты все увидишь... Охъ, еслибъ ты знала Катю! Еслибъ ты знала, что это за нѣжная, ясная, голубиная душа! Но ты узнаешь; только дослушай до конца! Двѣ недѣли тому назадъ, когда по приѣздѣ ихъ, отецъ повезъ меня къ Катѣ, я сталъ въ нее пристально вглядываться. Я замѣтилъ, что и она въ меня вглядывается. Это завлекло мое любопытство вполне; ужъ я не говорю про то, что у меня было свое особенное намѣреніе узнать ее поближе, — намѣреніе, еще съ того самаго письма отъ отца, которое меня такъ поразило. Не буду ничего говорить, не буду хвалить ее, скажу только одно: она яркое исключеніе изъ всего круга. Это такая своеобразная натура, такая сильная и правдивая душа, сильная именно своей чистотой и правдивостью, что я передъ ней просто мальчикъ, младшій братъ ея, не смотря на то, что ей всего только семнадцать лѣтъ. Одно еще я замѣтилъ: въ ней много грусти, точно тайны какой-то; она неговорлива; въ домѣ почти всегда молчитъ; точно запугана... Она какъ-будто что-то обдумываетъ. Отца моего какъ-будто боплетъ. Мачиху не любить, — я догадался объ этомъ; это сама графиня распускаетъ, для какихъ-то цѣлей, что падчерица ее ужасно любитъ; все это неправда: Катя только слушается ее безпреслововно и какъ-будто уговорилась съ ней въ этомъ; Четыре дня тому назадъ, послѣ всѣхъ моихъ наблюденій, я рѣшился исполнить мое намѣреніе и сегодня вечеромъ исполнилъ его. Это: рассказать

все Катѣ, признаться ей во всемъ, склонить ее на нашу сторону и тогда разомъ покончить дѣло...

— Какъ! что рассказать, въ чемъ признаться? спросила съ безпокойствомъ Наташа.

— Все, рѣшительно все, отвѣчалъ Алеша: — и благодарю Бога, который внушилъ мнѣ эту мысль: по слушайте, слушайте! Четыре дня тому назадъ я рѣшилъ такъ: удалиться отъ васъ и кончить все самому. Еслибъ я былъ съ вами, я бы все колебался, я бы слушалъ васъ и никогда бы не рѣшился. Одинъ же, поставивъ именно себя въ такое положеніе, что каждую минуту долженъ былъ твердить себѣ, что надо кончить и что я *долженъ* кончить, я собрался съ духомъ и—кончилъ! Я положилъ воротиться къ вамъ съ рѣшеніемъ и воротился съ рѣшеніемъ!

— Что же, что же? какъ было дѣло? рассказывай поскорѣе!

— Очень просто! Я подошелъ къ ней прямо, честно и смѣло... Но во-первыхъ я долженъ вамъ рассказать одинъ случай передъ этимъ, который ужасно поразилъ меня. Передъ тѣмъ, какъ намъ ѣхать, отецъ получилъ какое-то письмо. Я въ это время входилъ въ его кабинетъ и остановился у двери. Онъ не видалъ меня. Онъ до того былъ пораженъ этимъ письмомъ, что говорилъ самъ съ собою, восклицалъ что-то, виѣ себя ходилъ по комнатѣ и наконецъ вдругъ захохоталъ, а въ рукахъ письмо держать. Я даже побоялся войти, переждалъ еще и потомъ вошелъ. Отецъ былъ такъ радъ чему-то, такъ радъ; заговорилъ со мной какъ-то странно; потомъ вдругъ прервалъ и велѣлъ мнѣ тотчасъ же собираться ѣхать, хотя еще было очень рано. У нихъ сегодня никого не было; только мы одни, и ты напрасно думала, Наташа, что тамъ былъ званный вечеръ. Тебѣ не такъ передали...

— Ахъ, не отвлекайся, Алеша, пожалуйста; говори, какъ ты рассказывалъ все Катѣ!

— Счастье въ томъ, что мы съ ней цѣлыхъ два часа оставались одни. Я просто объявилъ ей, что хоть насъ и хотятъ сосватать, но бракъ нашъ невозможенъ; что въ сердцѣ моемъ всѣ симпатіи къ ней и что она одна можетъ спасти меня. Тутъ я открылъ ей все. Представь себѣ, она ничего не знала изъ нашей исторіи, про насъ съ тобой, Наташа! Еслибъ ты могла видѣть, какъ она была тронута; сначала даже испугалась. Поблѣднѣла вся! Я рассказалъ ей всю нашу исторію: какъ ты бросила для меня свой домъ, какъ мы жили одни, какъ мы теперь мучаемся, боимся всего; и что теперь мы прибѣгаемъ къ ней (я и отъ твоего имени говорилъ, Наташа), чтобъ она сама взяла нашу сторону и прямо сказала бы маичѣ, что не хочетъ идти за меня; что въ этомъ все наше спасеніе и что намъ болѣе нечего ждать ни откуда. Она съ такимъ любопытствомъ слушала, съ такой симпатіей. Какіе у ней были глаза въ ту минуту! Кажется вся душа ея перешла въ ея взглядъ. У ней совсѣмъ голубые глаза. Она благодарила меня, что я не усомнился въ ней, и дала слово помогать намъ всѣми силами. Потомъ о тебѣ стала спраши-

вать, говорила, что очень хочетъ познакомиться съ тобой, просила передать, что уже любитъ тебя, какъ сестру, и чтобъ и ты ее любила, какъ сестру; а когда узнала, что я уже пятый день тебя не видалъ, тотчасъ же стала гнать меня къ тебѣ...

Наташа была тронута.

— И ты прежде этого могъ рассказывать о своихъ подвигахъ у какой-то глухой княгини! Ахъ, Алеша, Алеша! вскрикнула она, съ упрекомъ на него глядя. — Ну чтожъ Катя? была рада, весела; когда отпустила тебя?

— Да, она была рада, что удалось ей сдѣлать благородное дѣло, а сама плакала. Потому что она вѣдь тоже любитъ меня, Наташа! Она призналась, что начинала уже любить меня; что она людей не видитъ и что я понравился ей уже давно; она отпихнула меня особенно потому, что кругомъ все хитрость и ложь, а я показался ей человѣкомъ искреннимъ и честнымъ. Она встала и сказала: Ну, Богъ съ вами, Алексѣй Петровичъ; а я думала... Не договорила, заплакала и ушла. Мы рѣшили, что завтра же она и скажетъ маичѣ, что не хочетъ за меня, и что завтра же я долженъ все сказать отцу и высказать твердо и смѣло. Она упрекала меня, зачѣмъ я раньше ему не сказалъ: «честный человѣкъ ничего не долженъ бояться!» Она такая благородная. Отца моего она тоже не любитъ; говорить, что онъ хитрый и ищетъ денегъ. Я защищалъ его; она мнѣ не повѣрила. Если же не удастся завтра у отца (а она навѣрное думаетъ что не удастся), тогда и она соглашается, чтобъ я прибѣгнулъ къ покровительству княгини К. Тогда уже никто изъ нихъ не осмѣлится идти противъ. Мы съ ней дали другъ другу слово быть какъ братъ съ сестрой. О, еслибъ ты знала и ея исторію, какъ онъ несчастна, съ какимъ отвращеніемъ смотритъ на свою жизнь у маичихи, на всю эту обстановку... Она прямо не говорила, точно и меня боялась, но я по нѣкоторымъ словамъ угадалъ. Наташа, голубчикъ мой! Какъ бы залюбовалась она на тебя, еслибъ увидала! И какое у ней сердце доброе! Съ ней такъ легко! Вы обѣ созданы быть одна другой сестрами и должны любить другъ друга. Я все объ этомъ думалъ. И право: я бы свелъ васъ обоихъ вмѣстѣ, а самъ бы стоялъ возлѣ, да любовался на васъ. Не думай же чего-нибудь, Наташечка, и позволь мнѣ про нее говорить. Мнѣ именно съ тобой хочется про нее говорить, а съ ней про тебя. Ты вѣдь знаешь, что я тебя больше всѣхъ люблю, больше ея.. Ты мое все!

Наташа молча смотрѣла на него, ласково и какъ-то грустно. Его слова какъ-будто ласкали и какъ-будто чѣмъ-то мучили ее.

— И давно, еще двѣ недѣли назадъ, я оцѣнилъ Катю, продолжалъ онъ.—Я вѣдь каждый вечеръ къ нимъ ѣздилъ. Ворочусь бывало домой и все думаю, все думаю о васъ обоихъ, все сравниваю васъ между собою.

— Которая же изъ насъ выходила лучше? спросила, улыбаясь, Наташа.

— Иной разъ ты, другой она. Но ты всегда лучше оставалась. Когда же я говорю съ ней, я всегда чувствую, что самъ лучше становлюсь, умѣе, благороднѣе какъ-то. Но завтра, завтра все рѣшится!

— И не жаль ее тебѣ? Вѣдь она любитъ тебя; ты говоришь, что самъ это замѣтилъ?

— Жаль, Наташа! Но мы будемъ всѣ трое любить другъ друга, и тогда...

— А тогда и прощай! проговорила тихо Наташа, какъ-будто про себя. Алеша съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

Но разговоръ нашъ вдругъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ кухнѣ, которая въ тоже время была и переднею, послышался легкій шумъ, какъ-будто кто-то вошелъ. Черезъ минуту Мавра отворила дверь и украдкой стала кивать Алешѣ, вызывая его. Всѣ мы оборотились къ ней.

— Тамъ вотъ спрашиваютъ тебя, пожалуй-ка, сказала она какимъ-то таинственнымъ голосомъ.

— Кто меня можетъ теперь спрашивать? проговорилъ Алеша, съ недоумѣніемъ глядя на насъ. — Пойду!

Въ кухнѣ стоялъ ливрейный лакей князя, его отца. Оказалось, что князь, возвращаясь домой, остановилъ свою карету у квартиры Наташи и послалъ узнать, у ней ли Алеша? Объявивъ это, лакей тотчасъ же вышелъ.

— Странно! этого еще никогда не было, говорилъ Алеша, въ смущеніи насъ оглядывая: — что это?

Наташа съ безпокойствомъ смотрѣла на него. Вдругъ Мавра опять отворила къ намъ дверь.

— Самъ идетъ, князь! сказала она ускореннымъ шопотомъ, и тотчасъ же спряталась.

Наташа поблѣднѣла и встала съ мѣста. Вдругъ глаза ея загорѣлись. Она стала слегка опершись на столъ и въ волненіи смотрѣла на дверь, въ которую долженъ былъ войти незваный гость.

— Наташа, не бойся, ты со мной! Я не позволю обидѣть тебя, прошепталъ смущенный, но не потерявшійся Алеша.

Дверь отворилась и на порогѣ явился самъ князь Валковский, своею собственною особою.

ГЛАВА II

Онъ окинулъ насъ быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ. По этому взгляду еще нельзя было угадать: явился онъ врагомъ, или другомъ? Но онъ подробно его наружность. Въ этотъ вечеръ онъ особенно поразилъ меня.

Я видалъ его и прежде. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, не больше, съ правильными и чрезвычайно красивыми чертами лица, котораго выраженіе измѣнялось, судя по обстоятельствамъ; но измѣнялось рѣзко, вполне, съ необыкновенною быстротою, переходя отъ самаго пріятнаго до са-

мага угрюмага или недовольнаго, какъ-будто внезапно была перевернута какая-то пружинка. Правильный овалъ лица нѣсколько смуглаго, превосходные зубы, маленькія и довольно тонкія губы, красиво обрисованныя, прямой нѣсколько продолговатый носъ, высокій лобъ, на которомъ еще не видно было ни малѣйшей морщинки, сѣрые, довольно большіе глаза,—все это составляло почти красавца, а между тѣмъ лицо его не производило пріятнаго впечатлѣнія. Это лицо именно отвращало отъ себя тѣмъ, что выраженіе его было какъ-будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слѣпое уоѣжденіе зарождалось въ васъ, что вы никогда и не добьетесь до настоящаго его выраженія. Вглядываясь пристальнѣе, вы начинали подозрѣвать подъ всегдашней маской что-то злое, хитрое и въ высочайшей степени эгоистическое. Особенно оставалывали ваше вниманіе его прекрасные съ виду глаза, сѣрые, открытые. Они одни какъ-будто не могли вполне подчиниться его волѣ. Онъ бы и хотѣлъ смотрѣть мягко и ласково, но лучи его взглядовъ какъ-будто раздваивались и между мягкими, ласковыми лучами, мелькали жесткіе, недовѣрчивые, пытливые, злые... Онъ былъ довольно высокаго роста, сложенъ изящно, нѣсколько худощаво и казался несравненно моложе своихъ лѣтъ. Темнорусые и мягкіе волосы его почти еще и не начинали сѣдѣть. Уши, руки, оконечности ногъ его были удивительно хороши. Это была вполне породистая красавица. Одѣтъ онъ былъ съ утонченною изящностію и свѣжестію, но съ нѣкоторыми замашками молодаго человѣка, что впрочемъ къ нему шло. Онъ казался старшимъ братомъ Алешы. По крайней мѣрѣ его никакъ нельзя было принять за отца такого взроста сына.

Онъ подошелъ прямо къ Наташѣ и сказалъ ей, твердо смотря на нее.

— Мой приходъ къ вамъ въ такой часъ и безъ доклада—страненъ и внѣ принятыхъ правилъ; но я надѣюсь, вы повѣрите, что по крайней мѣрѣ я въ состояніи сознать всю экцентричность моего поступка. Я знаю тоже, съ кѣмъ имѣю дѣло; знаю, что вы проникательны и великодушны. Подарите мнѣ только десять минутъ, и я надѣюсь, вы сами меня поймете и оправдаете.

Онъ выговорилъ все это вѣжливо, но съ силой и съ какой-то настойчивостію.

— Садитесь, сказала Наташа, еще не освободившаяся отъ перваго смущенія и нѣ котораго испуга. Онъ слегка поклонился и сѣлъ.

— Прежде всего позвольте мнѣ сказать два слова ему, началъ онъ, указывая на сына. — Алеша, только что ты уѣхалъ, не дождавшись меня и даже не простясь съ нами, графинѣ доложили, что съ Катериной Ѳедоровной дурно. Она бросилась было къ ней, но Катерина Ѳедоровна вдругъ вошла къ намъ сама, разстроенная и въ сильномъ волненіи. Она сказала намъ прямо, что не можетъ быть твоей женой. Она сказала еще, что пойдетъ въ

монастырь, что ты просилъ ея помощи и самъ признался ей, что любишь Наталью Николаевну... Такое невѣроятное признаніе отъ Катерины Ѳедоровны и наконецъ въ такую минуту, разумѣется, было вызвано чрезвычайною странностію твоего объясненія съ нею. Она была почти внѣ себя. Ты понимаешь, какъ я былъ пораженъ и испуганъ. Проѣзжая теперь мимо, я замѣтилъ въ вашихъ окнахъ огонь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ. — Тогда мысль, которая преслѣдовала меня уже давно, до того вполне овладѣла мною, что я не въ состояніи былъ противиться первому влеченію и вошелъ къ вамъ. Зачѣмъ? скажу сейчасъ, но прошу напередъ, не удивляйтесь нѣкоторой рѣзкости моего объясненія. Все это такъ внезапно...

— Я надѣюсь, что пойму и какъ должно... оцѣню то, что вы скажете, проговорила запинаясь Наташа.

Князь пристально въ нее всматривался, какъ-будто спѣшилъ *разучить* ее вполне въ одну какую-нибудь минуту.

— Я и надѣюсь на вашу проникающую, продолжалъ онъ: — и если позволилъ себѣ придти къ вамъ теперь, то именно потому, что зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Я давно уже знаю васъ, не смотря на то, что когда-то былъ такъ несправедливъ и виноватъ передъ вами. Выслушайте: вы знаете, между мной и отцомъ вашимъ—давнишнія непріятности. Не оправдываю себя; можетъ быть я болѣе виноватъ передъ нимъ, чѣмъ сколько полагалъ до сихъ поръ. Но если такъ, то я самъ былъ обманутъ. Я мнителенъ и сознаюсь въ томъ. Я склоненъ подозрѣвать дурное прежде хорошаго—черта несчастная, свойственная сухому сердцу. Но я не имѣю привычки скрывать свои недостатки. Я повѣрилъ всѣмъ наговорамъ, и когда вы оставили вашихъ родителей, я ужаснулся за Алешу. Но я васъ еще не зналъ. Справки, сдѣланныя мною мало по малу, ободрили меня совершенно. Я наблюдалъ, изучалъ и наконецъ убѣдился, что подозрѣнія мои неосновательны. Я узналъ, что вы рассорились съ вашимъ семействомъ, знаю тоже, что вашъ отецъ всѣми силами противъ вашего брака съ моимъ сыномъ. И ужъ одно то, что вы, имѣя такое вліяніе, такую можно сказать, власть надъ Алешей, не воспользовались до сихъ поръ этою властью и не заставили его жениться на себѣ, ужъ одно это выказываетъ васъ со стороны слишкомъ хорошей. И все-таки, сознаюсь передъ вами вполне, я всѣми силами рѣшился тогда препятствовать всякой возможности вашего брака съ моимъ сыномъ. Я знаю, я выражаюсь слишкомъ откровенно, но въ эту минуту откровенность съ моей стороны нужнѣе всего; вы сами согласитесь съ этимъ, когда меня дослушаете. Скоро послѣ того какъ вы оставили вашъ домъ, я уѣхалъ изъ Петербурга; но уѣзжая, я уже не боялся за Алешу. Я надѣялся на благородную гордость вашу. Я понималъ, что вы сами не хотѣли брака прежде окон-

чанія нашихъ фамиліальныхъ непріятностей; не хотѣли нарушать согласія между Алешей и мною, потому-что я никогда бы не простилъ ему его брака съ вами; не хотѣли тоже, чтобъ сказали про васъ, что вы искали жениха-князя и связей съ нашимъ домомъ. Напротивъ, вы даже показали пренебреженіе къ намъ и можетъ быть ждали той минуты, когда я самъ приду просить васъ, сдѣлать намъ честь, отдать вашу руку моему сыну. Но все-таки я упорно оставался вашимъ недоброжелателемъ. Оправдывать себя не стану, но причинъ моихъ отъ васъ не скрою. Вотъ онѣ: вы не знатны и не богаты. Я хоть и имѣю состояніе, но намъ надо больше. Наша фамилія въ упадкѣ. Намъ нужно связей и денегъ. Падчерница графини Зинаиды Ѳедоровны хоть и безъ связей, но очень богата. Промедлить немного, и явились бы искатели и отбили бы у насъ невѣсту; а нельзя было терять такой случай, и не смотря на то, что Алеша еще слишкомъ молодъ, я рѣшился его сватать. Видите, я не скрываю ничего. Вы можете съ презрѣніемъ смотрѣть на отца, который самъ сознается въ томъ, что наводилъ сына, изъ корысти и изъ предразсудковъ, на дурной поступокъ; потому-что бросить великодушную дѣвушку, пожертвовавшую ему всѣмъ и передъ которой онъ такъ виноватъ—это дурной поступокъ. Но не оправдываю себя. Вторая причина предполагавшагося брака моего сына съ падчерницею графини Зинаиды Ѳедоровны та, что эта дѣвушка въ высшей степени достойна любви и уваженія. Она хороша собой, прекрасно воспитана, съ превосходнымъ характеромъ и очень умна, хотя во многомъ еще ребенокъ. Алеша безъ характера, легкомысленъ, чрезвычайно неразсудителенъ, въ двадцать-два года еще совершенно ребенокъ и развѣ только съ однимъ достоинствомъ, съ добрымъ сердцемъ,—качество даже опасное при другихъ недостаткахъ. Уже давно я замѣтилъ, что мое вліяніе на него начинаетъ уменьшаться: пылкость, юношескія увлеченія берутъ свое и даже берутъ верхъ надъ нѣкоторыми настоящими обязанностями. Я его можетъ быть слишкомъ горячо люблю, но убѣждаюсь, что ему уже мало одного меня руководителемъ. А между тѣмъ онъ непременно долженъ быть подъ чѣмъ-нибудь постояннымъ, благотворнымъ вліяніемъ. Его натура подчиняющаяся, слабая, любящая, предпочитающая любить и повиноваться, чѣмъ повелѣвать. Такъ онъ и останется на всю свою жизнь. Можете себѣ представить, какъ я обрадовался, встрѣтивъ въ Катеринѣ Ѳедоровнѣ идеалъ дѣвушки, которую бы я желалъ въ жены своему сыну. Но я обрадовался поздно; надъ нимъ уже неразрушимо царитъ другое вліяніе—ваше. Я зорко наблюдалъ его, воротясь мѣсяцъ тому назадъ въ Петербургъ, и съ удивленіемъ замѣтилъ въ немъ значительную перемену къ лучшему. Легкомысліе, дѣтскость—въ немъ почти еще тѣ же, но въ немъ укрѣпились нѣкоторыя благородныя внушенія; онъ начинаетъ интересоваться не од-

нѣми игрушками, а тѣмъ, что возвышенно, благородно, честно. Идеи его странны, неустойчивы, иногда нелѣпы; но желанія, влеченія, но сердце — лучшее, а это фундаментъ для всего; и все это лучшее въ немъ — безспорно отъ васъ. Вы перевоспитали его. Признаюсь вамъ, у меня тогда же промелькнула мысль, что вы, болѣе чѣмъ кто-нибудь, могли бы составить его счастье. Но я прогналъ эту мысль, я не хотѣлъ этихъ мыслей. Мнѣ надо было отвлечь его отъ васъ во что бы то ни стало: я сталъ дѣйствовать и думалъ, что достигъ своей цѣли. Еще часъ тому назадъ я думалъ, что побѣда на моей сторонѣ. Но происшествіе въ домѣ графини разомъ перевернуло всѣ мои предположенія и прежде всего меня поразилъ неожиданный фактъ: странная въ Алешѣ серьезность, строгость привязанности къ вамъ, упорство, живучесть этой привязанности. Повторяю вамъ: вы перевоспитали его окончательно. Я вдругъ увидѣлъ, что перемѣна въ немъ идетъ еще дальше, чѣмъ даже я полагалъ. Сегодня онъ вдругъ выказалъ передо мною признакъ ума, котораго я отнюдь не подозревалъ въ немъ, и въ тоже время необыкновенную тонкость, догадливость сердца. Онъ выбралъ самую вѣрную дорогу, чтобъ выйти изъ положенія, которое считалъ затруднительнымъ. Онъ затронулъ и возбудилъ самую благороднѣйшую способность человѣческаго сердца; именно — способность прощать и отплачивать за зло великодушіемъ. Онъ отдался во власть обиженнаго имъ существа и пріобѣгъ къ нему же съ просьбою объ участіи и помощи. Онъ затронулъ всю гордость женщины, уже любившей его, прямо признавшись ей, что у нее есть соперница, и въ тоже время возбудилъ въ ней симпатію къ ея соперницѣ, а для себя прощенье и обѣщаніе безкорыстной братской дружбы. Идти на такое объясненіе и въ тоже время не оскорбить, не обидѣть — на это иногда неспособны даже самые ловкіе мудрецы, а способны именно сердца свѣжія, чистыя и хорошо направленные, какъ у него. Я увѣренъ, что вы, Наталья Николаевна, не участвовали въ его сегодняшнемъ поступкѣ ни словомъ, ни совѣтомъ. Вы можете быть только сейчасъ узнали обо всемъ отъ него же. Я не ошибаюсь? не правда ли?

— Вы не ошибаетесь, повторила Наташа, у которой пылало все лицо и глаза сіяли какимъ-то страннымъ блескомъ, точно вдохновеніемъ. Діалектика квяза начинала производить свое дѣйствіе. — Я пять дней не видала Алешу, прибавила она. — Все это онъ самъ выдумалъ, самъ и исполнилъ.

— Непремѣнно такъ, подтвердилъ князь: — но не смотря на то, вся эта неожиданная его прозорливость, вся эта рѣшимость, сознаніе долга, наконецъ вся эта благородная твердость, — все это въ слѣдствіе вашего вліянія надъ нимъ. Все это я окончательно сообразилъ и обдумалъ сейчасъ, ѣдучи домой, а обдумавъ, вдругъ ощутилъ въ себѣ силу рѣшиться. Сватовство наше съ домомъ графини разрушено и возстановиться не можетъ; но еслибъ

и могло, — ему не бывать уже болѣе. Чтожъ, если я самъ убѣдился, что вы одна только можете составить его счастье, что вы — настоящій руководитель его, что вы уже положили начало его будущему счастью! Я не скрылъ отъ васъ ничего, не скрываю и теперь: я очень люблю карьеры, деньги, знатность, даже чины; сознательно считаю многое изъ этого предразсудкомъ, но люблю эти предразсудки и рѣшительно не хочу попираить ихъ. Но есть обстоятельства, когда надо допустить и другія соображенія, когда нельзя все мѣрить на одну мѣрку... Кромѣ того я люблю моего сына горячо. Однимъ словомъ, я пришелъ къ заключенію, что Алеша не долженъ разлучаться съ вами, потому-что безъ васъ погибнетъ. И признаться ли? Я можетъ быть цѣлый мѣсяцъ какъ рѣшилъ это и только теперь самъ узналъ, что я рѣшилъ спрavedливо. Конечно, чтобъ высказать вамъ все это, я бы могъ посѣтить васъ и завтра, а не беспокоить васъ почти въ полночь. Но теперешняя посѣщенность моя можетъ быть покажетъ вамъ, какъ горячо, и главное, какъ искренно я берусь за это дѣло. Я не мальчикъ; я не могъ бы, въ мои лѣта, рѣшиться на шагъ необдуманный. Когда я входилъ сюда, уже все было рѣшено и обдумано. Но я чувствую, что мнѣ еще долго надо будетъ ждать, чтобъ убѣдить васъ исполнѣ въ моей искренности... Но къ дѣлу! Объяснять ли мнѣ теперь вамъ, зачѣмъ я пришелъ сюда! Я пришелъ, чтобъ исполнить мой долгъ передъ вами и — торжественно, со всѣмъ безпредѣльнымъ моимъ къ вамъ уваженіемъ, прошу васъ ссчастливить моего сына и отдать ему вашу руку. О, не считайте, что я явился какъ грозный отецъ, рѣшившійся наконецъ простить моихъ дѣтей и милостиво согласиться на ихъ счастье. Нѣтъ! нѣтъ! вы унижите меня, предположивъ во мнѣ такія мысли. Не считите тоже, что я былъ заранѣе увѣренъ въ вашемъ согласіи, основываясь на томъ, чѣмъ вы пожертвовали для моего сына; опять нѣтъ! Я первый скажу вслухъ, что онъ васъ не стоитъ и... (онъ добръ и чистосердеченъ), — онъ самъ подтвердитъ это. Но этого мало. Меня влекло сюда, въ такой часъ, не одно это... я пришелъ сюда... (и онъ почтительно и съ нѣкоторою торжественностью приподнялся съ своего мѣста) я пришелъ сюда для того, чтобъ стать вашимъ другомъ! Я знаю; я не имѣю на это ни малѣйшаго права, напротивъ! Но — позвольте мнѣ заслужить это право! Позвольте мнѣ надѣяться!..

Почтительно наклонясь передъ Наташей, онъ ждалъ ея отвѣта. Все время, какъ онъ говорилъ, я пристально наблюдалъ его. Онъ замѣтилъ это.

Проговорилъ онъ свою рѣчь холодно, съ нѣкоторыми притязаніями на діалектику, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ нѣкоторою небрежностью. Тонъ всей его рѣчи даже иногда не соответствовалъ порыву, привлекавшему его къ намъ въ такой неурочный часъ для перваго посѣщенія и особенно при такихъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя выраженія его были примѣтно выдѣланы, а въ иныхъ мѣ-

стахъ его длинной и странной своею длиннотою рѣчи, онъ какъ бы искусственно напускалъ на себя видъ чудака, силищагося скрыть пробивающееся чувство подъ видомъ юмора, небрежности и шутки. Но все это я сообразилъ потомъ; тогда же было другое дѣло. Послѣднія слова онъ проговорилъ такъ одушевленно, съ такимъ чувствомъ, съ такимъ видомъ самаго искренняго уваженія къ Наташѣ, что побѣдилъ насъ всѣхъ. Даже что-то въ родѣ слезы промелькнуло на его рѣсницахъ. Благодарное сердце Наташи было побѣждено совершенно. Она, вслѣдъ за нимъ, приподнялась съ своего мѣста и молча въ глубокомъ волненіи протянула ему свою руку. Онъ взялъ ее и нѣжно, съ чувствомъ поцѣловалъ. Алеша былъ виѣ себя отъ восторга.

— Что я говорилъ тебѣ, Наташа! вскричалъ онъ. — Ты не вѣрила мнѣ! Ты не вѣрила, что это благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Видишь, видишь сама!..

Онъ бросился къ отцу и горячо обнялъ его. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же, но успѣшилъ сократить чувствительную сцену, какъ бы стыдась показать свои чувства.

— Довольно, сказалъ онъ и взялъ свою шляпу: — я ѣду. Я просилъ у васъ только десять минутъ, а просидѣлъ цѣлый часъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь. — Но я уйду въ самомъ горячемъ нетерпѣніи свидѣться съ вами опять какъ можно скорѣе. Позвольте мнѣ посѣщать васъ какъ можно чаще?

— Да, да! отвѣчала Наташа: — какъ можно чаще! Я хочу поскорѣй... полюбить васъ... прибавила она въ замѣшательствѣ.

— Какъ вы искренни, какъ вы честны! сказалъ князь, улыбаясь словамъ ея. — Вы даже не хотите скитрить, чтобъ сказать простую вѣжливость. Но ваша искренность дороже всѣхъ этихъ поддѣльных вѣжливостей. Да! я сознаю, что я долго, долго еще долженъ заслуживать любовь вашу!

— Полноте, не хвалите меня... довольно! шептала въ смущеніи Наташа. Какъ хороша она была въ эту минуту!

— Пусть такъ! рѣшилъ князь: — но еще два слова о дѣлѣ. Можете ли вы представить, какъ я несчастливъ! Вѣдь завтра я не могу быть у васъ; ни завтра, ни послѣ завтра. Сегодня вечеромъ я получилъ письмо, до того для меня важное (требуемое немедленнаго моего участія въ одномъ дѣлѣ), что никакимъ образомъ я не могу избѣжать его. Завтра утромъ я уѣзжаю изъ Петербурга. Пожалуйста не подумайте, что я зашелъ къ вамъ такъ поздно именно потому, что завтра было бы некогда, ни завтра, ни послѣ завтра. Вы разумѣетесь этого не подумаете, но вотъ вамъ образчикъ моей мнительности! Почему мнѣ показалось, что вы непременно должны были это подумать? Да, много помѣшала мнѣ эта мнительность въ моей жизни, и весь раздоръ мой съ семейст-

вомъ вашимъ можетъ быть только послѣдствіемъ моего жалкаго характера!.. Сегодня у насъ вторникъ. Въ среду, въ четвергъ, въ пятницу меня не будетъ въ Петербургѣ. Въ субботу же я непременно надѣюсь воротиться и въ тотъ же день буду у васъ. Скажите, я могу придти къ вамъ на цѣлый вечеръ?

— Непремѣнно, непременно! вскричала Наташа: — въ субботу вечеромъ я васъ жду! съ нетерпѣніемъ жду!

— А какъ я-то счастливъ! Я болѣе и болѣе буду узнавать васъ! но... пду! И все-таки я не могу уйти, чтобъ не пожать вашу руку. продолжалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ: — Извините! мы всѣ теперь говоримъ такъ безсвязно... Я имѣлъ уже нѣсколько разъ удовольствіе встрѣчаться съ вами и даже разъ мы были представлены другъ другу. Не могу выйти отсюда, не выразивъ, какъ бы мнѣ пріятно было возобновить съ вами знакомство.

— Мы съ вами встрѣчались, это правда, отвѣчалъ я, принимая его руку: — но виноватъ, не помню, чтобъ мы съ вами познакомились.

— У князя Р. прошлаго года.

— Виноватъ, забылъ. Но увѣряю васъ, въ этотъ разъ не забуду. Этотъ вечеръ для меня особенно памятенъ.

— Да, вы правы, мнѣ тоже. И давно знаю, что вы настоящій, искренній другъ Наташи Николаевны и моего сына. Я надѣюсь быть между вами троими четвертымъ. Не такъ ли? прибавилъ онъ, обращаясь къ Наташѣ.

— Да, онъ нашъ искренній другъ! и мы должны быть всѣ вмѣстѣ! отвѣчала съ глубокимъ чувствомъ Наташа. Бѣдненькая! она такъ и засіяла отъ радости, когда увидѣла, что князь не забылъ подойти ко мнѣ. Какъ она любила меня!

— Я встрѣчалъ много поклонниковъ вашего таланта, продолжалъ князь: — и знаю двухъ самыхъ искреннихъ вашихъ почитателей. Имъ такъ пріятно будетъ узнать васъ лично. Это графиня, мой лучшій другъ, и ея падчерица, Катерина Ѳедоровна Филимонова. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи представить васъ этимъ дамамъ.

— Мнѣ очень лестно, хотя теперь я мало имѣю знакомствъ...

— Но мнѣ вы дадите вашъ адресъ! Гдѣ вы живете? Я буду имѣть удовольствіе...

— Я не принимаю у себя, князь, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— Но я, хоть и не заслужилъ исключенія... но...

— Извольте, если вы требуете, и мнѣ очень пріятно. Я живу въ —мъ переулкѣ, въ домѣ Клугена.

— Въ домѣ Клугена! вскричалъ онъ какъ будто чѣмъ-то пораженный. — Какъ! вы... давно тамъ живете?

— Нѣтъ, недавно, отвѣчалъ я, невольно въ не-

го всматриваясь. — Моя квартира сорокъ четвертый номеръ.

— Въ сорокъ четвертомъ? Вы живете... одинъ?

— Совершенно одинъ.

— Да! Я потому... что кажется знаю этотъ домъ. Тѣмъ лучше... Я непремѣнно буду у васъ, непремѣнно! Мнѣ о многомъ нужно переговорить съ вами, и я многого ожидаю отъ васъ. Вы во многомъ можете обязать меня. Видите, я прямо начинаю съ просьбы. Но до свиданія! еще разъ вашу руку!

Онъ пожалъ руку мнѣ и Алешѣ, еще разъ поцѣловалъ ручку Наташи и вышелъ, не пригласивъ Алешу слѣдовать за собою.

Мы трое остались въ большомъ смущеніи. Все это случилось такъ неожиданно, такъ нечаянно. Всѣ мы чувствовали, что въ одинъ мигъ все измѣнилось и начинается что-то новое, невѣдомое. Алеша молча присѣлъ возлѣ Наташи и тихо цѣловалъ ея руку. Изрѣдка онъ заглядывалъ ей въ лицо, какъ бы ожидая, что она скажетъ?

— Голубчикъ Алеша, поѣзжай завтра же къ Катеринѣ Оедоровнѣ, проговорила наконецъ она.

— Я самъ это думалъ, отвѣчалъ онъ: — непремѣнно поѣду.

— А можетъ быть ей и тяжело будетъ тебя видѣть... какъ сдѣлать?

— Не знаю, другъ мой. И про это я тоже думалъ. Я посмотрю... увижу... такъ и рѣшу. А что, Наташа, вѣдь у насъ все теперь перемѣнилось, не утерпѣлъ не заговорить Алеша.

Она улыбнулась и посмотрѣла на него долгимъ и нѣжнымъ взглядомъ.

— И какой онъ деликатный. Видѣлъ, какая у тебя бѣдная квартира и ни слова...

— О чемъ?

— Ну... чтобы переѣхать на другую.. или чтонибудь, прибавилъ онъ, покраснѣвши.

— Полно, Алеша, съ какой же бы стати!

— То-то я и говорю, что онъ такой деликатный. А какъ хвалилъ тебя! Я вѣдь говорилъ тебѣ... говорилъ! Нѣтъ, онъ можетъ все понимать и чувствовать! А про меня, какъ про ребенка говорилъ; всѣ-то они меня такъ почитаютъ? Да чтожь, я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такой.

— Ты ребенокъ, да проникательнѣе насъ всѣхъ. Добрый ты, Алеша!

— А онъ сказалъ, что мое доброе сердце вредитъ мнѣ. Какъ это? Не понимаю. А знаешь что, Наташа. Не поѣхать ли мнѣ поскорѣй къ нему? Завтра чѣмъ свѣтъ у тебя буду.

— Поѣзжай, поѣзжай, голубчикъ. Это ты хорошо придумалъ. И непремѣнно покажись ему, слышишь? А завтра пріѣзжай какъ можно ранъше. Теперь ужъ не будемъ отъ меня по пяти дней бѣгать? лукаво прибавила она, лаская его взглядомъ. Всѣ мы были въ какой-то тихой, въ какой-то полной радости.

— Со мной, Ваня? крикнулъ Алеша, выходя изъ комнаты.

— Нѣтъ, онъ останется; мы еще поговоримъ съ тобой, Ваня. Смотри же, завтра чѣмъ свѣтъ!

— Чѣмъ свѣтъ! Прощай, Мавра!

Мавра была въ сильномъ волненіи. Она все слышала, что говорилъ князь, все подслушала, но многого не поняла. Ей бы хотѣлось угадать и разспросить. А покамѣстъ она смотрѣла такъ серьезно, даже гордо. Она тоже догадывалась, что многое измѣнилось.

Мы остались одни. Наташа взяла меня за руку и нѣсколько времени молчала, какъ будто ища, что сказать.

— Устала я! проговорила она наконецъ слабымъ голосомъ. Слушай: вѣдь ты пойдешь завтра къ нашимъ?

— Непремѣнно.

— Маленькѣ скажи, а *ему* не говори.

— Да я вѣдь и безъ того никогда объ тебѣ съ нимъ не говорю.

— То-то; онъ и безъ того узнаетъ. А ты замѣчай, что онъ скажетъ? Какъ приметъ? Господи, Ваня! Что, неужели жъ онъ въ самомъ дѣлѣ проклянетъ меня за этотъ бракъ? Нѣтъ, не можетъ быть!

— Все долженъ уладить князь, подхватилъ я поспѣшно. — Онъ долженъ непремѣнно съ нимъ помириться, а тогда и все уладится.

— О, Боже мой! Еслибъ! Еслибъ! съ мольбою вскричала она.

— Не безпокойся, Наташа, все уладится. На то идетъ.

Она пристально поглядѣла на меня.

— Ваня! что ты думаешь о князѣ?

— Если онъ говорилъ искренно, то по моему онъ человѣкъ вполне благородный.

— Если онъ говорилъ искренно? Что это значитъ? Да развѣ онъ могъ говорить неискренно?

— И мнѣ тоже кажется, отвѣчалъ я. — Стало быть у ней мелькаетъ какая-то мысль, подумалъ я про себя. — Странно!

— Ты все смотрѣлъ на него... такъ пристально-но...

— Да онъ немного страненъ; мнѣ показалось.

— И мнѣ тоже. Онъ какъ-то все такъ говорить... Устала я, голубчикъ. Знаешь что? Ступай и ты домой. А завтра приходи ко мнѣ какъ можно пораньше отъ нихъ. Да слушай еще: это не обидно было, когда я сказала ему, что хочу поскорѣе полюбить его.

— Нѣтъ... почему жъ обидно?

— И... не глупо? То есть вѣдь это значило, что покамѣстъ я еще не люблю его.

— Напротивъ, это было прекрасно, наивно, быстро. Ты такъ хороша была въ эту минуту! Глупъ будетъ онъ, если не пойметъ этого съ своей великосвѣтскостью.

— Ты какъ будто на него серднишься, Ваня? А какая однакожь я дурная, мнительная и какая тщеславная! Не смѣйся; я вѣдь передъ тобой ничего не скрываю. Ахъ, Ваня, другъ ты мой доро-

гой! Вотъ если я буду опять несчастна, если опять горе придетъ, вѣдь ужъ ты вѣрно будешь здѣсь подлѣ меня; одинъ можетъ быть и будешь! чѣмъ заслужу я тебѣ за все! Не проклинай меня никогда, Ваня!..

Воротаясь домой, я тотчасъ же раздѣлся и легъ спать. Въ комнатѣ у меня было сыро и темно какъ въ погребѣ. Много странныхъ мыслей и ощущеній бродило во мнѣ, и я еще долго не могъ заснуть.

Но какъ должно было смѣяться въ эту минуту одинъ человѣкъ, засыпая въ комфортной своей постелѣ, — если впрочемъ онъ еще удостоилъ усмѣхнуться надъ нами! Должно быть не удостоилъ!

ГЛАВА III.

На другое утро часовъ въ десять, когда я выходилъ изъ квартиры, торопясь на Васильевскій островъ къ Ихменевымъ, чтобъ пройти отъ нихъ поскорѣе къ Наташѣ, я вдругъ столкнулся въ дверяхъ со вчерашней посѣтительницей моей, внучкой Смита. Она входила ко мнѣ. Не знаю почему, но помню, я ей очень обрадовался. Вчера я еще и разглядѣть не успѣлъ ее, и днемъ она еще болѣе удивила меня. Да и трудно было встрѣтить болѣе странное, болѣе оригинальное существо, по крайней мѣрѣ по наружности. Маленькая, съ сверкающими, черными, какими-то нерусскими глазами, съ густѣйшими черными вклоченными волосами и съ загадочнымъ, нѣмымъ и упорнымъ взглядомъ, она могла остановить вниманіе даже всякаго прохожаго на улицѣ. Особенно поражалъ ея взглядъ: въ немъ сверкалъ умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какая-то никвизиторская недоувѣрчивость и даже подозрительность. Вѣтхое и грязное ея платье при дневномъ свѣтѣ еще больше вчерашняго походило на рубище: Мнѣ казалось, что она больна въ какойнибудь медленной, упорной и постоянной болѣзни, постепенно, но неумолимо разрушающей ея организмъ. Блѣдное и худое ея лицо имѣло какой-то не натуральный смугложелтый; желчный отбѣнокъ. Но вообще, не смотря на все безобразіе нищеты и болѣзни, она была даже не дурна собою. Брови ея были рѣзкія, тонкія и красивыя: особенно былъ хорошъ ея широкій лобъ, немного низкій, и губы, прекрасно обрисованныя, съ какой-то гордой, смѣлой складкой, но блѣдныя чуть-чуть только окрашенныя.

— Ахъ, ты опять! вскричалъ я:— ну, я такъ и думалъ, что ты придешь. Войди же!

Она вошла, медленно переступивъ черезъ порогъ, какъ и вчера, и недоувѣрчиво озираясь кругомъ. Она внимательно осмотрѣла комнату, въ которой жилъ ея дѣдушка, какъ будто отмѣчая, на сколько измѣнилась комната отъ другаго жильца. Ну, каковъ дѣдушка, такова и внучка, подумалъ я. Ужъ не сумасшедшая ли она? Она все еще молчала; я ждалъ.

— За книжками! прошптала она наконецъ опустивъ глаза въ землю.

— Ахъ, да! твои книжки; вотъ онѣ, возьми! я нарочно ихъ сберегъ для тебя.

Она съ любопытствомъ на меня посмотрѣла и какъ-то странно искривила ротъ, какъ будто хотѣла недоувѣрчиво улыбнуться. Но позывъ улыбки прошелъ и смѣнился тотчасъ же прежнимъ суровымъ и загадочнымъ выраженіемъ.

— А развѣ дѣдушка вамъ говорилъ про меня? спросила она, проницески оглядывая меня съ ногъ до головы.

— Нѣтъ, про тебя онъ не говорилъ, но онъ...

— А почему жъ вы знали, что я приду? кто вамъ сказалъ? спросила она, быстро перебивая меня.

— Потому, мнѣ казалось, твой дѣдушка не могъ жить одинъ, всѣми оставленный. Онъ былъ такой старый, слабый; вотъ я и думалъ, что кто нибудь ходилъ къ нему. Возьми, вотъ твои книги. Ты по нимъ учишься?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же онѣ тебѣ?

— Меня училъ дѣдушка, когда я ходила къ нему.

— А развѣ потомъ не ходила?

— Потомъ не ходила... я больна сдѣлалась, прибавила она, какъ бы оправдываясь.

— Чтожъ у тебя, семья, мать, отецъ!

Она вдругъ нахмурила свои брови и даже съ какимъ-то испугомъ взглянула на меня. Потомъ потупилась, молча повернулась и тихо пошла изъ комнаты, не удостоивъ меня отвѣтомъ, совершенно какъ вчера. Я съ изумленіемъ провожалъ ее глазами. Но она остановилась на порогѣ.

— Отчего онъ умеръ? отрывисто спросила она, чуть-чуть оборотясь ко мнѣ, совершенно съ тѣмъ же жестомъ и движеніемъ какъ и вчера, когда то же выходя и стоя лицомъ къ дверямъ, спросила объ Азоркѣ.

Я подошелъ къ ней и началъ ей на скоро рассказывать. Она молча и пытливо слушала, потупивъ голову и стоя ко мнѣ спиной. Я рассказывалъ ей тоже, какъ старикъ, умирая, говорилъ про шестую линію. «Я и догадался, прибавилъ я, что тамъ вѣрно кто нибудь живетъ изъ дорогихъ ему, оттого и ждалъ, что придутъ о немъ навѣдаться. Вѣрно онъ тебя любилъ, когда въ послѣднюю минуту о тебѣ поминалъ.

— Нѣтъ, прошптала она какъ бы невольно:— не любилъ.

— Она была сильно взволнована. Рассказывая, я нагибался къ ней и заглядывалъ въ ея лицо. Я замѣтилъ, что она унотребляла ужасныя усилія подавить свое волненіе, точно изъ гордости передо мной. Она все больше и больше блѣднѣла и крѣпко закусилась свою нижнюю губу. Но особенно поразила меня странный стукъ ея сердца. Оно стучало все сильнѣе и сильнѣе, такъ что наконецъ можно было слышать его за два, за три шага, какъ

въ аневризмѣ. Я думалъ, что она вдругъ разразится слезами какъ и вчера; но она преодолѣла себя.

— А гдѣ заборъ?

— Какой заборъ!

— Подъ которымъ онъ умеръ.

— Я тебѣ покажу его... когда выйдемъ. Да послушай, какъ тебя зовутъ?

— Ненадо...

— Чего не надо?

— Ненадо; ничего... никакъ не зовутъ; отрывисто и какъ будто съ досадой проговорила она и сдѣлала движеніе уйти. Я остановилъ ее.

— Подожди, странная ты дѣвочка! Вѣдь я тебѣ добра желаю; мнѣ тебя жаль, со вчерашняго дня, когда ты тамъ въ углу на лѣстницѣ плакала. Я вспомнить объ этомъ не могу... Ктому же твой дѣдушка у меня на рукахъ умеръ и вѣрно онъ объ тебѣ вспоминалъ, когда про шестую линію говорилъ, значить какъ будто тебя мнѣ на руки оставлялъ. Онъ мнѣ во снѣ снится... Вотъ и книжки я тебѣ сберегъ, а ты такая дикая, точно боишься меня. Ты вѣрно очень бѣдна и сиротка, можешь быть на чужихъ рукахъ; такъ или нѣтъ?

Я убѣждалъ ее горячо и самъ не знаю, чѣмъ влекла она меня такъ къ себѣ. Въ чувствѣ моемъ было еще что-то другое, кромѣ одной жалости. Таинственность ли всей обстановки, впечатлѣніе ли произведенное Смитомъ, фантастичность ли моего собственнаго настроенія,—не знаю, но что-то непреодолимо влекло меня къ ней. Мои слова, казалось, ее тронули; она какъ-то странно поглядѣла на меня, но ужъ не сурово, а мягко и долго; потомъ опять потупилась какъ бы въ раздумьи.

— Елена, вдругъ прошептала она, неожиданно и чрезвычайно тихо.

— Это тебя зовутъ Елена?

— Да...

— Что же, ты будешь приходить ко мнѣ?

— Нельзя... не знаю... приду, прошептала она, какъ бы въ борьбѣ и раздумьи. Въ эту минуту вдругъ гдѣ-то ударили стѣнные часы. Она вздрогнула и съ невыразимой болѣзненной тоскою смотрѣла на меня, прошептала:—Это который часъ?

— Должно быть половина одиннадцатаго.

Она вскрикнула отъ испуга.

— Господи! проговорила она и вдругъ бросилась бѣжать. Но я остановилъ ее еще разъ въ сѣняхъ.

— Я тебя такъ не пущу, сказалъ я.—Чего ты боишься? Ты опоздала?

— Да, да, я тихонько ушла! Пустите! Она будетъ бить меня! закричала она, видимо проговорившись и вырываясь изъ моихъ рукъ.

— Слушай же и не рвись; тебѣ на Васильевскій и я туда же, въ тринадцатую линію. Я тоже опоздалъ и хочу взять извозчика. Хочешь со мной? Я доведу. Скорѣе, чѣмъ пѣшкомъ-то...

— Ко мнѣ нельзя, нельзя, вскричала она еще въ сильнѣйшемъ испугѣ. Даже черты ея искази-

лись отъ какого-то ужаса при одной мысли, что я могу придти туда, гдѣ она живетъ.

— Да говорю тебѣ, что я въ тринадцатую линію, по своему дѣлу, а не къ тебѣ! Не пойду я за тобою. На извозникѣ скоро доѣдемъ. Пойдемъ!

Мы поспѣшно сбѣжали внизъ. Я взялъ перваго попавшагося ваньку, на скверной гитарѣ. Видно Елена очень торопилась, коли согласилась сѣсть со мною. Всего загадочнѣе было то, что я даже и не спрашивать ее не смѣлъ. Она такъ и замахала руками и чуть не соскочила съ дрожекъ, когда я спросилъ, кого она дома такъ боится? Что за таинственность? подумалъ я.

На дрожкахъ ей было очень неловко сидѣть. При каждомъ толчкѣ она, чтобъ удержаться, схватывалась за мое пальто лѣвой рукой, грязной, маленькой, въ какихъ-то сыпкахъ. Въ другой рукѣ она крѣпко держала свои книжки; видно было по всему, что книги эти ей очень дороги. Поправляясь, она вдругъ обнажила свою ногу и, къ величайшему удивленію моему, я увидѣлъ, что она была въ однихъ дырявыхъ башмакахъ, безъ чулокъ. Хотя я и рѣшился было ни о чемъ ее не спрашивать, но тутъ опять не могъ утерпѣть.

— Не ужели жъ у тебя нѣтъ чулокъ? спросилъ я. — Какъ можно ходить на босу-ногу въ такую сырость и въ такой холодъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она отрывисто.

— Ахъ Боже мой, да вѣдь ты живешь же у кого-нибудь! Ты бы попросила у другихъ чулки, коли надо было выйдти.

— Я такъ сама хочу.

— Да ты заболѣешь, умрешь.

— Пускай умру.

Она видимо не хотѣла отвѣчать и сердилась на мои вопросы.

— Вотъ здѣсь онъ и умеръ, сказалъ я, указывая ей на домъ, у котораго умеръ старикъ.

Она пристально посмотрѣла и вдругъ съ мольбою обратившись ко мнѣ, сказала:

— Ради Бога не ходите за мной. А я приду, приду! Какъ только можно будетъ, такъ и приду!

— Хорошо, я сказалъ уже, что не пойду къ тебѣ. Но чего ты боишься! Ты вѣрно какая-то несчастная. Мнѣ больно смотрѣть на тебя...

— Я никого не боюсь, отвѣчала она съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосѣ.

— Но ты давеча сказала: «она прибѣтъ меня!»

— Пусть бьетъ! отвѣчала она и глаза ея засверкали.—Пусть бьетъ! пусть бьетъ! горько повторила она и верхняя губка ея какъ-то презрительно приподнялась и задрожала,

Наконецъ мы пріѣхали на Васильевскій. Она остановила извозчика въ началѣ шестой линіи и прыгнула съ дрожекъ, съ безпокойствомъ озираясь кругомъ.

— Поѣзжайте прочь; я приду, приду! Повторяла она въ страшномъ безпокойствѣ, умоляя меня не ходить за ней. Ступайте же скорѣе, скорѣе!

Я поѣхалъ. Но проѣхавъ по набережной нѣсколько

шаговъ, отпустилъ извощика и, воротившись назадъ въ шестую линію, быстро перебѣжалъ на другую сторону улицы. Я увидѣлъ ее; она не успѣла еще много отойти, хотя шла очень скоро и все оглядывалась; даже остановилась было на минутку, чтобъ лучше высмотрѣть: иду ли я за ней, или нѣтъ? Но я притаился въ попавшихся мнѣ воротахъ и она меня не замѣтила. Она пошла далѣе, я за ней, все по другой сторонѣ улицы.

Любопытство мое было возбуждено въ послѣдней степени. Я хотѣ и рѣшилъ не входить за ней, но непремѣнно хотѣлъ узнать тотъ домъ, въ который она выйдетъ, на всякій случай. Я былъ подъ вліяніемъ тяжелаго и страшнаго впечатлѣнія, похожаго на то, которое произвелъ во мнѣ, въ кандитерской, ея дѣдушка, когда умеръ Азорка...

ГЛАВА IV.

Мы шли долго, до самаго Малаго проспекта. Она чуть не бѣжала; наконецъ вошла въ лавочку. Я остановился подождать ее. Вѣдь не живетъ же она въ лавочкѣ, подумалъ я.

Дѣйствительно черезъ минуту она вышла, но уже книгъ съ ней не было. вмѣсто книгъ въ ея рукахъ была какая-то глиняная чашка. Пройдя немного, она вошла въ ворота одного невзрачнаго дома. Домъ былъ небольшой, но каменный, старый, двухъ-этажный, окрашенный грязно-желтою краской. Въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, которыхъ было всего три, торчалъ маленькій красный гробикъ, — вывѣска незначительнаго гробовщика. Окна верхняго этажа были чрезвычайно малыя и совершенно квадратныя, съ тусклыми, зелеными и надтреснувшими стеклами, сквозь которыя просвѣчивали розовыя коленкоровыя занавѣски. Я перешелъ черезъ улицу, подошелъ къ дому и прочелъ на желѣзномъ листѣ, надъ воротами дома: домъ мѣщанки Бубновой.

Но только что я успѣлъ разобрать надпись, какъ вдругъ на дворѣ у Бубновой раздался пронзительный женскій визгъ и затѣмъ ругательства. Я заглянулъ въ калитку; на ступенькѣ деревяннаго крыльца стояла толстая баба, одѣтая какъ мѣщанка, въ головкѣ и въ зеленой шали. Лицо ея было отвратительно-багроваго цвѣта; маленькіе, заплывшіе и налитые кровью глаза сверкали отъ злости. Видно было, что она не трезвая, не смотря на до-обѣденное время. Она визжала на бѣдную Елену, стоящую передъ ней въ какомъ-то оцѣпенѣніи съ чашкой въ рукахъ. Съ лѣстницы изъ-за спины багрово-й бабы, выглядывало полурастрепанное, набѣленное и нарумяненное женское существо. Немного погодя отворилась дверь съ подвальной лѣстницы въ нижній этажъ и на ступенькахъ ея показалась, вѣроятно привлеченная крикомъ, бѣдно-одѣтая среднихъ лѣтъ женщина, благообразной и скромной наружности. Изъ полуотворенной же двери выглядывали и другіе жильцы нижняго этажа, драх-

лый старикъ и дѣвушка. Рослый и дюжій мужикъ, вѣроятно дворникъ, стоялъ посреди двора, съ метлой въ рукѣ, и лѣниво посматривалъ на всю сцену.

— Ахъ ты проклятая, ахъ, ты кровопивица, гнида ты этакая! визжала баба, залпомъ выпуская изъ себя всѣ накопившіяся ругательства, большею частью безъ запятыхъ и безъ точекъ, но съ какимъ-то захлебываньемъ: — такъ-то ты за мое печенье воздаешь, лохматая! За огурцами только послали ее, а она ужъ и улизнала! Сердце мое чувствовало, что улизнаетъ, когда посылала. Ныло сердце мое, ныло! Вчера ввечеру всѣ вихры ей за это же оттащали, а она и сегодня бѣжать! Да куда тебѣ ходить, распутница, куда ходитъ! Къ кому ты ходишь, идолъ проклятый, лупоглазая гадина, ядъ, къ кому! Говори, гниль болотная, или тутъ же тебя задушут!

И разъяренная баба бросилась на бѣдную дѣвочку; но увидавъ смотрѣвшую съ крыльца женщину, жилицу нижняго этажа, вдругъ остановилась и, обращаясь къ ней, завопила еще визгливѣе прежняго, размахивая руками, какъ-будто беря ее въ свидѣтельница чудовищнаго преступленія ея бѣдной жертвы.

— Мать вздохла у ней! Сами знаете, добрые люди: одна вѣдь осталась, какъ шпшъ на свѣтѣ. Вижу у васъ, бѣдныхъ людей, на рукахъ, самимъ ѣсть нечего; дай, думаю, хоть для Николая-то угодника потружусь, приму спроту. Приняла. Чтожь бы вы думали? Вотъ ужъ два мѣсяца содержу, — кровь она у меня въ эти два мѣсяца выпила, бѣлое тѣло мое поѣла! Піявка! Змѣй гремучій! Упорная сатана! Молчитъ, хоть бей, хоть брось, все молчитъ; словно себѣ воды въ ротъ наберетъ, — все молчитъ! Сердце мое надрываетъ — молчитъ! Да за кого ты себя считаешь, фря ты этакая, обливъяна зеленая? Да безъ меня ты бы на улицѣ съ голоду померла. Ноги мои должна мыть, да воду эту пить, извергъ, черная ты шпага французская. Околѣла бы безъ меня!

— Да что вы, Анна Трифоновна, такъ себя насаждаете? чѣмъ она вамъ опять досадила? почтительно спросила женщина, къ которой обращалась разъяренная мегера.

— Какъ чѣмъ, добрая ты женщина, какъ чѣмъ? Не хочу, чтобъ противъ меня шли! Не дѣлай своего хорошаго, а дѣлай мое дурное, — вотъ я какова! Да она меня чуть въ гробъ сегодня не уходила! За огурцами въ лавочку ее послала, а она черезъ три часа воротилась! Сердце мое предчувствовало, когда посылала; ныло оно, ныло; ныло! Гдѣ была? куда ходила? какихъ себѣ покровителей нашла? Я-ль ей не благодѣтельствовала! Да я ея поганкѣ-матери четырнадцать цѣлковыхъ долгу простила, на свой счетъ похоронила, чертенка ея на воспитаніе взяла, милая ты женщина, знаешь, сама знаешь! Чтожь, не въ правѣ я надъ ней послѣ этого. Она бы чувствовала, а вмѣсто чувствія она супротивъ идетъ! Я ей счастья хо-

тѣла. Я ее, поганку, въ кисейныхъ платьяхъ волить хотѣла, въ Гостинномъ ботинки купила, какъ паву нарядила,—душа у праздника! Чтожъ бы вы думали, добрые люди! Въ два дня все платье изорвала, въ кусочки изорвала, да въ клочочки, да такъ и ходитъ, такъ и ходитъ! Да вѣдь что вы думаете, нарочно изорвала, — не хочу лгать, сама подглядѣла; хочу, дескать, въ затрапезномъ ходить, не хочу въ кисейномъ! Ну, отвела тогда душу надъ ней, исколотила ее, такъ вѣдь я лекаря потомъ призывала, ему деньги платила. А вѣдь задавить тебя, гнида ты этакая, такъ только недѣлю молока не пить, — всего-то наказанья за тебя только положено! За наказаніе полы мыть ее заставила; чтожъ бы вы думали: моетъ! моетъ, стерва, моетъ! горячитъ мое сердце,—моетъ! Ну, думаю: бѣжить она отъ меня! да только подумала, глядь—она и бѣжала вчера! Сами слышали, добрые люди, какъ я вчера ее за это била, руки обколотила всѣ объ все, чулки, башмаки отняла,—не уйдетъ на босу ногу, думаю; а она и сегодня туда жъ! Гдѣ была? говори! Кому, сѣмя крапивное, жаловалась, кому на меня доносила? Говори, цыганка, маска привозная, говори!

И въ изступленіи она бросилась на обѣзумѣвшую отъ страха дѣвочку, вцѣпилась ей въ волосы и грянула ее о-земь. Чашка съ огурцами полетѣла въ сторону и разбилась; это еще болѣе усилило бѣшенство пьяной мегеры. Она была свою жертву по лицу, по головѣ; но Елена упорно молчала и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже и подъ побоями. Я бросился на дворъ, почти не помня себя отъ негодованія, прямо къ пьяной бабѣ.

— Что вы дѣлаете? какъ смѣете вы такъ обращаться съ бѣдной сиротой! вскричалъ я, хватая эту фурію за руку.

— Это что? Да ты кто такой? завизжала она, бросивъ Елену и подпершись руками въ боки. — Вамъ что въ моемъ домѣ угодно?

— То угодно, что вы безжалостная! кричалъ я.—Какъ вы смѣете такъ тиранить бѣднаго ребенка? Она не ваша; я самъ слышалъ, что она только вашъ пріемышъ, бѣдная сирота...

— Господи Иисусе! завопила фурія:—да ты кто таковъ навязался! Ты съ ней пришелъ, что ли? Да я сейчасъ къ частному приставу! да меня самъ Андронъ Тимофейчъ какъ благородную почитаетъ! Что она, къ тебѣ что ли ходитъ? Кто такой? Въ чужой домъ буянить пришелъ. Караулъ!

И она бросилась на меня съ кулаками. Но въ эту минуту вдругъ раздался пронзительный, нечеловѣческій крикъ. Я взглянулъ,—Елена, стоявшая какъ безъ чувствъ, вдругъ, съ страшнымъ, неестественнымъ крикомъ ударила о земь и билась въ страшныхъ судорогахъ. Лицо ея исказилось. Съ ней былъ припадокъ падучей болѣзни. Растрепанная дѣвка и женщина снизу подбѣжали, подняли ее и поспѣшно понесли на верхъ.

— А хоть издохни проклятая! завизжала баба

вслѣдъ за ней. — Въ мѣсяцъ ужъ третій припадокъ... Вонъ, маклакъ! и она снова бросилась на меня.

— Чего, дворникъ, стоишь? за что жалованье получаешь?

— Пошелъ! пошелъ! Хочешь, чтобъ шею нагладилъ, лѣнливо пробасилъ дворникъ, какъ бы для одной только проформы.—Двоимъ любо, третій не суйся. Поклонъ да и вонъ!

Печего дѣлать, я вышелъ за ворота, убѣдившись, что выхода моя была совершенно бесполезна. Но негодованіе кипѣло во мнѣ. Я сталъ на тротуарѣ, противъ воротъ и глядѣлъ на калитку. Только что я вышелъ, баба бросилась на верхъ, а дворникъ сдѣлавъ свое дѣло, тоже куда-то скрылся. Черезъ минуту женщина, помогавшая свести Елену, сошла съ крыльца, спѣша къ себѣ внизъ. Увидѣвъ меня, она остановилась и съ любопытствомъ на меня поглядѣла. Ея доброе и смиренное лицо ободрило меня. Я снова ступилъ на дворъ и прямо подошелъ къ ней.

— Позвольте спросить, началъ я: — что такое здѣсь эта дѣвочка и что дѣлаетъ съ ней эта гадкая баба? Не думайте пожадуйста, что я изъ простаго любопытства разспрашиваю. Эту дѣвочку я встрѣчалъ и по одному обстоятельству очень ею интересуюсь.

— А коль интересуетесь, такъ вы бы лучше ее къ себѣ взяли, али мѣсто какое ей нашли, чѣмъ ей тутъ пропадать, проговорила какъ бы нехотя женщина, дѣлая движеніе уйдти отъ меня.

— Но если вы меня не научите, чтожъ я сдѣлаю? Говорю вамъ, я ничего не знаю. Это вѣрно сама Бубнова, хозяйка дома?

— Сама хозяйка.

— Такъ какъ же дѣвочка-то къ ней подалась? у ней здѣсь мать умерла?

— А такъ и подалась... Не наше дѣло. И она опять хотѣла уйдти.

— Да сдѣлайте же одолженіе; говорю вамъ, меня это очень интересуетъ. Я можетъ быть чтонибудь и въ состояніи сдѣлать. Ктожъ эта дѣвочка? Кто была ея мать,—вы знаете?

— А словно изъ иностранокъ какихъ-то, пріѣзжая; у насъ внизу и жила: да больная такая; въ чахоткѣ и померла.

— Стало бытъ была очень бѣдная, коли въ углу въ подвалѣ жила?

— Ухъ бѣдная! Все сердце на нее изныло. Мы ужъ нашто перебиваемся, а и намъ шесть рублей въ пять мѣсяцевъ, что у насъ прожила, задолжала. Мы и похоронили; мужъ и гробъ дѣлалъ.

— А какъ же Бубнова говорить, что она похоронила?

— Какое похоронила!

— А какъ была ея фамилія?

— А и не выговарю, батюшка; мудрено; нѣмецкая должно бытъ.

— Смитъ?

— Нѣтъ, что-то не такъ. А Авна Трифоновна

сироту-то къ себѣ и забрала; на воспитаніе, говорить. Да не хорошо оно вовсе...

— Вѣрно для цѣлей какихъ нибудь забрала?

— Не хорошія за ней дѣла, отвѣчала женщина, какъ бы въ раздумьи и колеблясь: говорить или нѣтъ?—Намъ что; мы посторонніе...

— А ты бы лучше языкъ-то на привязи подержала? раздался сзади насъ мужской голосъ. Это былъ пожилыхъ лѣтъ человѣкъ въ халатѣ и въ кафтанѣ сверхъ халата, съ виду мѣщанинъ—мастеровой, мужъ моей собесѣдницы.

— Ей, батюшка, съ вами нечего разговаривать; не наше это дѣло... промолвилъ онъ, искоса оглядѣвъ меня. — А ты пошла! Прощайте сударь; мы гробовщики. Коли что по мастерству надо-тъ, съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ... А окромя того нечего намъ съ вами происходить...

Я вышелъ изъ этого дома въ раздумьи и въ глубокое волненіе. Сдѣлать я ничего не могъ, но чувствовалъ, что мнѣ тяжело оставить все это такъ. Нѣкоторые слова гробовщицы особенно меня возмутили. Тутъ скрывалось какое-то нехорошее дѣло: я это предчувствовалъ.

Я шелъ, потупивъ голову и размышляя, какъ вдругъ рѣзкій голосъ окликнулъ меня по фамиліи. Гляжу—передо мной стоятъ хмѣльной человѣкъ, чуть не покачиваясь, одѣтый довольно чисто, но въ скверной шинели и въ засаленномъ картузѣ. Лицо очень знакомое. Я сталъ всматриваться. Онъ подмигнулъ мнѣ и иронически улыбнулся.

— Не узнаешь?

ГЛАВА V.

— А! да это ты, Маслобоевъ! вскричалъ я, вдругъ узнавъ въ немъ прежняго школьнаго товарища, еще по губернской гимназіи:—ну, встрѣча!

— Да, встрѣча! Лѣтъ шесть не встрѣчались. То есть и встрѣчались, да ваше превосходительство не удостоивали взглядомъ-съ. Вѣдь вы генералы-съ, литературные то есть-съ!.. Говоря, это онъ насмѣшливо улыбался.

— Ну, братъ Маслобоевъ, это ты врешь, прервалъ я его. — Во-первыхъ, генералы, хоть бы и литературные, и съ виду не такіе бываютъ какъ я, а второе, позволь тебѣ сказать, я дѣйствительно припоминаю, что раза два тебя на улицѣ встрѣтилъ, да ты самъ видимо избѣгалъ меня, а мнѣ чтожъ подходить, коли вижу, человѣкъ избѣгаетъ. И знаешь, что я думаю? Небудь ты теперь хмѣленъ, ты бы и теперь меня не окликнулъ. Не правда ли? Ну, здравствуй! Я, братъ, очень, очень радъ, что тебя встрѣтилъ.

— Право! А не компрометирую я тебя монмъ.... не тѣмъ видомъ? Ну, да нечего объ этомъ спрашивать; не суть важное; я, братъ Ваня, всегда помню какой ты былъ славный мальчуган. А помнишь, тебя за меня высѣкли? Ты смолчалъ, а меня не выдалъ, а я, вмѣсто благодарности, надъ

тобой же недѣлю трунилъ. Безгрѣшная ты душа! Здравствуй, душа моя, здравствуй! (Мы подѣловались). Вѣдь я ужъ сколько лѣтъ одинъ маюсь,—день да ночь — сутки прочъ, а стараго не забылъ. Не забывается! А ты-то, ты-то?

— Да что я-то, и я одинъ маюсь...

Онъ долго глядѣлъ на меня съ сильнымъ чувствомъ разслабленнаго отъ вина человѣка. Впрочемъ онъ и безъ того былъ чрезвычайно добрый человѣкъ.

— Нѣтъ, Ваня, ты не то что я! проговорилъ онъ наконецъ трагическимъ тономъ. — Я вѣдь читалъ; читалъ, Ваня, читалъ!.. Да послушай: поговоришь по душѣ! Спѣшишь?

— Спѣшу; и признаюсь тебѣ, ужасно разстроенъ однимъ дѣломъ. А вотъ что лучше: гдѣ ты живешь?

— Скажу. Но это не лучше; а сказать ли что лучше?

— Ну, что?

— А вотъ что? видишь? — И онъ указалъ мнѣ на вывѣску, въ десяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли: — видишь: кондитерская и ресторанъ, то есть по-просту ресторація, но мѣсто хорошее. Предупрежу, помѣщеніе приличное, а водка, и не говори! Изъ Кіева пѣшкомъ пришла! Пилъ, многократно пилъ, знаю; а мнѣ худаго здѣсь и не смѣютъ подать. Знаютъ Филиппа Филиппыча. Я вѣдь Филиппъ Филиппычъ. Что? гримасничаешь? Нѣтъ, ты дай мнѣ договорить. Теперь четверть двѣнадцатаго, сейчасъ смотрѣлъ; ну, такъ ровно въ тридцать пять минутъ двѣнадцатаго я тебя и отпущу. А тѣмъ временемъ муху задавимъ. Двадцать минутъ на стараго друга,—идеть?

— Если только двадцать минутъ, то идетъ; потому, душа моя, ей Богу дѣло...

— А идетъ, такъ идетъ. Только вотъ что, два слова прежде всего: лицо у тебя нехорошее, точно сейчасъ тебѣ чѣмъ надосадили, правда?

— Правда.

— То-то я и угадалъ. Я, братъ, теперь въ физиономистику пустился, тоже занятіе! Ну, такъ пойдемъ, поговоримъ. Въ двадцать минутъ я, во-первыхъ, успѣю вздуть адмирала Чанскаго и пропущу березовки, потомъ зорной, потомъ померанцовой, потомъ parfait-amour, а потомъ еще что нибудь изобрѣту. Пью, братъ! Только по праздникамъ передъ обѣдней и хорошъ. А ты хоть и не пей. Мнѣ просто тебя одного надо. А выпьешь, особенное благородство души докажешь. Пойдемъ! Сболтнемъ слова два, да и опять лѣтъ на десять врозь. Я братъ тебѣ, Ваня, не пара!

— Ну, да ты не болтай, а поскорѣй пойдемъ. Двадцать минутъ твои, а тамъ и пусти.

Въ ресторацію надо было попасть, поднявшись по деревянной двухколѣнчатой лѣстницѣ съ крылечкомъ, во второй этажъ. Но на лѣстницѣ мы вдругъ столкнулись съ двумя, сильно выпившими господами. Увидя насъ, они покачиваясь посторо- нились.

Одинъ изъ нихъ былъ очень молодой и молодой парень, еще безбородый, съ едва пробивающимися усиками и съ усиленно-глуповатымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ онъ былъ франтомъ, но какъ-то смѣшно; точно онъ былъ въ чужомъ платьѣ, съ дорогими перстнями на пальцахъ, съ дорогой булавкой въ галстукъ и чрезвычайно глупо причесанный, съ какимъ-то кокомъ. Онъ все улыбался и хихикалъ. Товарищъ его былъ уже лѣтъ пятидесяти, толстый, пузатый, одѣтый довольно небрежно, тоже съ большой булавкой въ галстукъ, лысый и плѣшивый, съ обрюзглымъ, пьянымъ и рыбьимъ лицомъ и въ очкахъ на носу, похожемъ на пуговку. Выраженіе этого лица было злое и чувственное. Скверные, злые и подозрительные глаза запыли жиромъ и глядѣли какъ изъ щелочекъ. Повидимому они оба знали Маслобоева, но пузанъ, при встрѣчѣ съ нами, скорчилъ досадную, хоть и мгновенную гримасу, а молодой такъ и ушелъ въ какую-то подобострастно-сладкую улыбку. Онъ даже снялъ картузь. Онъ былъ въ картузѣ.

— Простите, Филиппъ Филиппычъ, пробормоталъ онъ, улыбаясь смотря на него.

— А что?

— Виновать-съ... того-съ... (онъ щелкнулъ по воротнику). Тамъ Митрошка сидитъ-съ. Такъ онъ выходитъ, Филиппъ Филиппычъ-съ, подлець-съ.

— Да что такое?

— Да ужъ такъ-съ... А ему вотъ (онъ кивнулъ на товарища), на прошлой недѣлѣ, черезъ того самого Митрошку-съ, въ неприличномъ мѣстѣ рожу въ сметахъ вымазали-съ... кхи!

Товарищъ съ досадой подтолкнулъ его локтемъ.

— А вы бы съ нами, Филиппъ Филиппычъ, подоживки роспили-съ, прикажете надѣяться-съ?

— Нѣтъ, батюшка, теперь нельзя, отвѣчалъ Маслобоевъ.—Дѣло есть.

— Кхи! П у меня дѣльцо есть-съ, до васъ... Товарищъ опять подтолкнулъ его локтемъ.

— Послѣ, послѣ!

Маслобоевъ какъ-то видимо старался не смотрѣть на нихъ. Но только что мы вошли въ первую комнату, черезъ которую, по всей длинѣ ея, тянулся довольно опрятный прилавокъ, весь уставленный закусками, подовыми пирогами, растегаями и графинами съ настойками разныхъ цвѣтовъ, какъ Маслобоевъ быстро отвелъ меня въ уголъ и сказалъ:

— Молодой, — это купеческій сынъ Сизобрюховъ, сынъ извѣстнаго лабазника, получилъ полмилліона послѣ отца и теперь кутитъ. Въ Парижѣ ѣздилъ, денегъ видимо невидимо тамъ убилъ, тамъ бы можетъ и все просадила, да послѣ дяди еще наследство получилъ и вернулся изъ Парижа; такъ здѣсь ужъ и добываетъ остальное. Черезъ годъ-то онъ разумѣется пойдетъ по міру. Глупъ, какъ гусь,—и по первымъ ресторанамъ, и въ подвалахъ и кабакахъ, и по актрисамъ, и въ гусары

просился,—просьбу недавно подавалъ. Другой, пожилой, — Архиповъ, тоже что-то въ родѣ купца или управляющаго, шляется и по откупамъ; бестія, шельма и теперешній товарищъ Сизобрюхова, Гуда и Фальстафъ, все вмѣстѣ, двукратный банкротъ и отвратительно чувственная тварь, съ разными вычурами. Въ этомъ родѣ я знаю за нимъ, одно уголовное дѣло; вывернулся. По одному случаю я очень теперь радъ, что его здѣсь встрѣтилъ; я его ждалъ... Архиповъ, разумѣется, обираетъ Сизобрюхова. Много разныхъ закоулковъ знаетъ, тѣмъ и драгощинею для этакихъ व्यюношей. Я, братъ, на него уже давно зубы точу. Точить на него зубы и Митрошка, вотъ тотъ молодцоватый парень, въ богатой поддевкѣ—тамъ у окна стоитъ, цыганское лицо. Онъ лошадьми барышничаетъ и со всѣми здѣшними гусарами знакомъ. Я тебѣ скажу, такой паутъ, что въ глазахъ у тебя будетъ фальшивую бумажку дѣлать, а ты хоть и видѣлъ, а все-таки ему ее размѣняешь. Онъ въ поддевкѣ, правда, въ бархатной и похожъ на славянофила (да это по моему къ нему и идетъ), а нарядъ его сейчасъ въ великолѣпнѣйшій фракъ и тому подобное, отведи его въ англійскій клубъ, да скажи тамъ: такой-то дескать, владѣтельный графъ Барабановъ, такъ тамъ его два часа за графа почитать будутъ,—и въ вистъ сыграетъ и говорить по-графски будетъ, и не догадаются; надуетъ. Онъ плохо кончитъ. Такъ вотъ этотъ Митрошка на пузана крѣпко зубы точить, потому у Митрошки теперь тонко, а пузанъ у него Сизобрюхова отбилъ, прежняго пріятеля, съ котораго онъ не успѣлъ еще шорсточку обстричь. Если они сошлись теперь въ рестораціи, такъ тутъ вѣрно какая нибудь штука была. Я даже знаю какая и предугадываю, что Митрошка, а не кто другой, извѣстилъ меня, что Архиповъ съ Сизобрюховымъ будутъ здѣсь и ныряютъ по этимъ мѣстамъ за какимъ-то сквернымъ дѣломъ. Ненавидитъ Митрошки къ Архипову я хочу воспользоваться, потому что имѣю свои причины; да и явился я здѣсь почти по этой причинѣ. Вижу же Митрошкѣ не хочу показывать, да и ты на него не засматривайся. А когда будемъ выходить отсюда, то онъ навѣрно самъ ко мнѣ подойдетъ и скажетъ то, что мнѣ надо... А теперь поидемъ, Ваня, вонъ въ ту комнату, видишь? Ну, Степанъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ половому:—понимаешь чего мнѣ надо?

— Понимаю-съ.

— И удовлетворишь?

— Удовлетворю-съ.

— удовлетвори. Садись. Ваня. Ну, что ты такъ на меня смотришь? Я вижу вѣдь, ты на меня смотришь. Удивляешься? Не удивляйся. Все можетъ съ человѣкомъ случиться, что даже и не снилось ему никогда, и ужъ особенно тогда... ну, да хоть тогда, когда мы съ тобой зубрили Корнелія Непота! Вотъ что, Ваня, вѣрь одному: Маслобоевъ хоть и сбился съ дороги, но сердце въ немъ тоже осталось, а обстоятельства только перемѣнились. Я хоть

и въ сажѣ, да никого не гаже. И въ доктора посту-
палъ, и въ учителя отечественной словесности гото-
вился. и объ Гоголѣ статью написалъ, и въ золото-
промышленники хотѣлъ, и жениться собирался, —
жива-душа калачика хочеть, и она соглашалась, хо-
ти въ домѣ такая благодать, что печѣмъ кошки изъ
избы было выманить. Я было ужъ къ свадебной це-
ремоніи и салоги крѣпкія занимать хотѣлъ, потому
у самаго были ужъ полтора года въ дырьяхъ... Да
и не женился. Она за учителя вышла а я сталъ въ
конторѣ служить, то есть не въ коммерческой кон-
торѣ, а такъ просто въ конторѣ. Ну, тутъ пошла
музыка не та. Протекли годы, и я теперь хоть и не
служу, но денежки наживаю удобно: взятки беру
и за правду стою; молодецъ противъ овецъ, а про-
тивъ молодца и самъ овца. Правила имѣю: знаю
напримѣръ, что одинъ въ полѣ не вопить, и—дѣло
дѣлаю. Дѣло же мое больше по подноготной части...
понимаешь?

— Да ты ужъ не сыщикъ ли какой-нибудь?

— Нѣтъ, не то, чтобы сыщикъ, а дѣлами нѣкото-
рыми занимаюсь, отчасти и официально, отчасти и
по собственному призванію. Вотъ что Ваня: водку
пью. А такъ какъ ума я никогда не пропивалъ, то
знаю и мою будущность. Время мое прошло, чер-
наго кобеля не отмоешь до бѣла. Одно скажу:
еслибъ во мнѣ не откликнулся еще человекъ, не по-
дошелъ бы я сегодня къ тебѣ, Ваня. Правда твоя,
встрѣчалъ я тебя, видалъ и прежде много разъ
хотѣлъ подойти, да все не смѣлъ, все отклады-
валъ. Не стою я тебя. И правду ты сказалъ. Ваня,
что если и подошелъ, такъ только потому, что
хмѣльной. И хоть все это сильнѣйшая ерунда, но
мы обо мнѣ покончимъ. Давай лучше о тебѣ гово-
рить. Ну душа: читалъ! Читалъ вѣдь и я про-
челъ! Я, дружище, про твоего первенца говорю.
Какъ прочелъ—я, братъ, чуть порядочнымъ чело-
вѣкомъ не сдѣлался! Чуть было; да только пораз-
думалъ и предпочелъ лучше остаться непорядоч-
нымъ человѣкомъ. Такъ-то...

И много еще онъ мнѣ говорилъ. Онъ хмѣлѣлъ
все больше и больше и началъ крѣпко умиляться,
чуть не до слезъ. Маслобоевъ былъ всегда славный
малый, но всегда себѣ на умѣ и развить какъ-то не
по силамъ; хитрый, пронырливый, пролазъ и крю-
чекъ еще съ самой школы, но въ сущности человекъ
не безъ сердца; погибшій человекъ. Такихъ людей
между русскими людьми много. Бываютъ они часто
съ большими способностями; но все это въ нихъ
какъ-то перепутывается, да сверхъ того они въ со-
стояніи сознательно идти противъ своей совѣсти изъ
слабости на извѣстныхъ пунктахъ, и не только
всегда погибаютъ, но и сами заранѣе знаютъ, что
идутъ къ гибели. Маслобоевъ, между прочимъ,
потонулъ въ винѣ.

— Теперь, другъ, еще одно слово, продолжалъ
онъ.—Слышалъ я, какъ твоя слава сперва прогрѣ-
мѣла; читалъ потомъ на тебя разныя критики (право
читалъ; ты думаешь, я ужъ ничего не читаю);
встрѣчалъ тебя потомъ въ худыхъ сапогахъ, въ

грязи безъ калошъ, въ обломанной шляпѣ и кой
о чемъ догадался. По журналпстамъ теперь про-
мышляешь?

— Да, Маслобоевъ.

— Значить въ почтовые ящики записался?

— Похоже на то.

— Ну, такъ на это я, братъ, вотъ что скажу:
пить лучше! Я вотъ напьюсь, лягу себѣ на диванъ
(а у меня диванъ славный, съ пружинами). и думаю,
что вотъ я напримѣръ какой-нибудь Гомеръ или
Дантъ. или какой-нибудь Фридрихъ Барбаруса, —
вѣдь все можно себѣ представить. Ну, а тебѣ нельзя
представлять себѣ, что ты Дантъ или Фридрихъ
Барбаруса, во-первыхъ потому, что ты хочешь быть
самъ по себѣ, а во-вторыхъ потому что тебѣ всякое
хотѣніе запрещено; ибо ты почтовая кляча. У меня
воображеніе, а у тебя дѣйствительность. Послушай
же, откровенно и прямо, по братски (не то на де-
сять лѣтъ обидишь и унизишь меня),—не надо-ли
денегъ? Есть. Да ты не гримасничай. Деньги возь-
ми, расплатись съ антрепренерами, купи хомутъ,
потомъ обезпечь себѣ цѣлый годъ жизни и сидишь
за любимую мысль, пиши великое произведеніе! а?
что скажешь?

— Слушай, Маслобоевъ! Братское твое предло-
женіе цѣню, но ничего не могу теперь отвѣчать,—
а почему? долго рассказывать. Есть обстоятельства.
Впрочемъ общаюсь: все расскажу тебѣ потомъ,
по-братски. За предложеніе благодарю: общаюсь,
что приду къ тебѣ и приду много разъ. Но вотъ
въ чемъ дѣло: ты со мной откровененъ, а потому
и я рѣшаюсь спросить у тебя совѣта, тѣмъ болѣе,
что ты кажется въ этихъ дѣлахъ мастакъ.

И я рассказалъ ему свою исторію Смита и его
внучки, начиная съ самой кандидатерской. Странное
дѣло: когда я рассказывалъ, мнѣ по глазамъ его
показалось что онъ кой-что знаетъ изъ этой исто-
рин. Я спросилъ его объ этомъ.

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ такъ
кой-что о Смитѣ я слышалъ, что умеръ какой-то
старикъ въ кандидатерской. А объ мадамъ Бубиной
я дѣйствительно кой-что знаю. Съ этой дамы я ужъ
взялъ два мѣсяца тому назадъ взяку. Je prends mon
bien, où je le trouve и только въ этомъ смыслѣ по-
хожъ на Мольера. Но хотя я и содралъ съ нея сто
рублей, все-таки я тогда же далъ себѣ слово скру-
тить ее уже не на сто, а на пятьсотъ рублей. Сквер-
ная баба! Непозволительнымъ дѣлами занимается.
Оно бы и ничего, да иногда ужъ слишкомъ до ху-
даго доходитъ. Ты не считай меня пожалуйста донъ-
Кихотомъ. Дѣло все въ томъ что можетъ крѣпко
мнѣ перенести и когда я, полчаса тому назадъ, Сизо-
брюхова встрѣтилъ, то очень обрадовался. Сизобрю-
хова очевидно сюда привели и привелъ его пузатъ,
а такъ какъ я знаю, по какому рода дѣламъ пузатъ
особенно промышленетъ, то и заключаю... Ну, да
ужъ я его накрою! Я очень радъ, что отъ тебя про
эту дѣвочку услышалъ; теперь я на другой сѣдъ
попалъ. Я вѣдь, братъ, разными частными коми-
сиями занимаюсь, да еще съ какими людьми зна-

комъ! Разыскивалъ я недавно одно дѣльцо для одного князя, такъ я тебѣ скажу — такое дѣльцо, что отъ этого князя и ожидать нельзя было. А то хочешь, другую исторію про мужнюю жену расскажу? Ты братъ ко мнѣ ходи, я тебѣ такихъ сюжетовъ наготовилъ, что опиши ихъ, такъ не повѣрять тебѣ...

— А какъ фамилія того князя? перебилъ я его, предчувствуя что-то.

— А тебѣ на что? Изволь: Валковскій.

— Петръ?

— Онъ. Ты знакомъ?

— Знакомъ, да не очень. Ну, Маслобоевъ, я объ этомъ господинѣ къ тебѣ не разъ понавѣдаюсь, сказалъ я вставая:—ты меня ужасно заинтересовалъ.

— Вотъ видишь, старый пріятель, навѣдывайся сколько хочешь. Сказки я умѣю рассказывать, но вѣдь до извѣстныхъ предѣловъ,—понимаешь? Не то кредитъ и честь потеряешь, дѣловую то есть, ну и такъ далѣе.

— Ну, на сколько честь позволить.

Я былъ даже въ волненіи. Онъ это замѣтилъ.

— Ну, чтожъ теперь скажешь мнѣ про ту исторію, которую я сейчасъ тебѣ рассказалъ. Придумалъ ты что, или нѣтъ?

— Про твою исторію? А вотъ подожди меня двѣ минутки; я расплачусь.

Онъ пошелъ къ буфету и тамъ, какъ бы нечаянно, вдругъ очутился вмѣстѣ съ тѣмъ парнемъ въ поддевкѣ, котораго такъ безцеремонно звали Митрошкой. Мнѣ показалось, что Маслобоевъ зналъ его нѣсколько ближе, чѣмъ самъ признавался мнѣ. По крайней мѣрѣ видно было, что сошлись они теперь не въ первый разъ. Митрошка былъ съ виду парень довольно оригинальный. Въ своей поддевкѣ, въ шолковой красной рубашкѣ, съ рѣзкими, но благообразными чертами лица, еще довольно моложавый, смуглый, съ смѣлымъ сверкающимъ взглядомъ, онъ производилъ и любопытное и не отталкивающее впечатлѣніе. Жестъ его былъ какъ-то выдѣланно-удалой, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящую минуту онъ видимо сдерживалъ себя, всего болѣе желая себѣ придать видъ чрезвычайной дѣловитости и солидности.

— Вотъ что, Ваня сказалъ Маслобоевъ, воротясь ко мнѣ: — навѣдайся-ка ты сегодня ко мнѣ, въ семь часовъ, такъ я можетъ кой-что и скажу тебѣ. Одинъ-то я, видишь ли, вичего не значу; прежде значилъ, а теперь только пьяница и удалился отъ дѣла. Но у меня остались прежнія сношенія; могу кой о чемъ развѣдать, съ разными тонкими людьми перенюхаться; этимъ и беру; правда, въ свободное, то есть трезвое время и самъ кой-что дѣлаю, тоже черезъ знакомыхъ... больше по развѣдкамъ... Ну, да что тутъ! довольно... Вотъ и адресъ мой: въ Шестилавочной. А теперь, братъ, я ужъ слишкомъ пропился. Пропущу еще золотую, да и домой. Полежу. Придешь, — съ Александрой

Семеновной познакомя, а будетъ время о поэзій поговоримъ.

— Ну, а о томъ-то!

— Ну, и о томъ можетъ быть.

— Пожалуй приду, навѣрно приду...

ГЛАВА VI.

Анна Андреевна уже давно дождалась меня. То, что я вчера сказалъ ей о запискѣ Наташи, сильно завлекло ея любопытство, и она ждала меня гораздо раньше, утромъ, по крайней мѣрѣ часовъ въ десять. Когда же я явился къ ней, во второмъ часу пополудни, то муки ожиданія достигли въ бѣдной старушкѣ послѣдней степени своей силы. Кромѣ того ей очень хотѣлось объявить мнѣ о своихъ новыхъ надеждахъ, возродившихся въ ней со вчерашняго дня, и объ Николаѣ Сергѣичѣ, который со вчерашняго дня прихворнулъ, сталъ угрюмъ, а между тѣмъ и какъ-то особенно съ нею нѣженъ. Когда я появился, она приняла было меня съ недовольной и холодной складкой въ лицѣ, едва цѣдила сквозь зубы и не показывала ни малѣйшаго любопытства, какъ будто чуть не проговорила: «Зачѣмъ пришелъ? охота тебѣ, батюшка, каждый день шляться». Она сердилась за поздній приходъ. Но я сиѣшилъ, и потому безъ дальнѣйшихъ проволочекъ рассказалъ ей всю вчерашнюю сцену у Наташи. Какъ только старушка услышала о посѣщеніи старшаго князя и о торжественномъ его предложеніи, какъ тотчасъ же соскочила съ нея вся напускная хандра. Не достаетъ у меня словъ описать, какъ она обрадовалась, даже какъ-то потерялась, крестилась, плакала, клала передъ образомъ земные поклоны, обнимала меня и хотѣла тотчасъ же бѣжать къ Николаю Сергѣичу и объявить ему всю радость.

— Помилуй, батюшка, вѣдь это онъ все отъ разныхъ униженій и оскорбленій хандрить, а вотъ теперь узнаетъ, что Наташѣ полное удовлетвореніе сдѣлано, такъ мигомъ все позабудетъ.

На силу я отговорилъ ее. Добрая старушка, не смотря на то, что двадцать-пять лѣтъ прожила съ мужемъ, еще плохо знала его. Ей ужасно тоже захотѣлось тотчасъ же поѣхать со мной къ Наташѣ. Я представилъ ей, что Николай Сергѣичъ не только можетъ быть не одобрить ея поступка, но еще мы этимъ повредимъ всему дѣлу. Насилу-то она одумалась, но продержала меня еще полчаса лишнихъ и все время говорила только сама. «Съ кѣмъ же я-то теперь останусь, говорила она, съ такой радостью, да сидя одна въ четырехъ стѣнахъ?» Наконецъ я убѣдилъ ее отпустить меня, представивъ ей, что Наташа теперь ждетъ меня не дожидется. Старушка перекрестила меня нѣсколько разъ на дорогу, послала особое благословеніе Наташѣ и чуть не заплакала, когда я рѣшительно отказался придти въ тотъ же день еще разъ, вечеромъ, если

съ Наташей не случится чего особеннаго. Николая Сергѣича въ этотъ разъ я не видалъ: онъ не спалъ всю ночь, жаловался на головную боль, на ознобъ и теперь спалъ въ своемъ кабинетѣ.

Тоже и Наташа прождала меня все утро. Когда я вошелъ, она по обыкновенію своему ходила по комнатѣ, сложа руки и о чемъ-то раздумывая. Даже и теперь, когда вспоминаю о ней, я не иначе представляю ее, какъ всегда одну въ бѣдной комнатѣ, задумчивую, оставленную, ожидающую, съ сложенными руками, съ опущенными внизъ глазами расхаживающую безцѣльно взадъ и впередъ.

Она тихо все еще продолжала ходить, спросила, почему я такъ поздно? Я разсказалъ ей вкратцѣ всѣ мои походы, но она меня почти и не слушала. Замѣтно было, что она чѣмъ-то очень озабочена. — Что новаго? спросилъ я. — Новаго ничего, отвѣчала она, но съ такимъ видомъ, по которому я тотчасъ догадался, что новое у ней есть и что она для того и ждала меня, чтобъ разсказать это новое, но по обыкновенію своему разскажетъ не сейчасъ, а когда я буду уходить. Такъ всегда у насъ было. Я ужъ примѣнился къ ней и ждалъ.

Мы разумѣется начали разговоръ о вчерашнемъ. Меня особенно поразило то, что мы совершенно сходимся съ ней въ впечатлѣніи нашемъ о старомъ князѣ: ей онъ рѣшительно не нравился, гораздо больше не нравился, чѣмъ вчера. И когда мы перебрали по черточкамъ весь его вчерашній визитъ, Наташа вдругъ сказала:

— Послушай, Ваня, а вѣдь такъ всегда бываетъ, что вотъ если сначала человекъ не понравится, то ужъ это почти признакъ, что онъ непременно понравится потомъ. По крайней мѣрѣ такъ всегда бывало со мною.

— Дай Богъ такъ, Наташа. Къ тому же вотъ мое мнѣніе и окончательное: я все перебралъ и вывелъ, что хоть князь, можетъ быть, и изушничаетъ, но соглашается онъ на вашъ бракъ вправду и серьезно.

Наташа остановилась среди комнаты и сурово взглянула на меня. Все лицо ея измѣнилось; даже губы слегка вздрогнули.

— Да какъ же бы онъ могъ въ такомъ случаѣ начать хитрить и... лгать? спросила она съ надменнымъ недоумѣніемъ.

— То-то, то-то! поддакнулъ я скорѣе.

— Разумѣется не лгалъ. Мнѣ кажется и думать объ этомъ нечего. Нельзя даже предлога приискать къ какой нибудь хитрости. И наконецъ чтожъ я такое въ глазахъ его, чтобъ до такой степени смѣяться надо мной? Неужели человекъ можетъ быть способенъ на такую обиду!

— Конечно, конечно! подтверждалъ я, а про себя подумалъ: «ты вѣрно объ этомъ только и думаешь теперь, ходя по комнатѣ, моя бѣдняжка, и можетъ еще больше сомнѣваешься, чѣмъ я.»

— Ахъ, какъ бы я желала, чтобъ онъ поскорѣе воротился! сказала она. — Цѣлый вечеръ хотѣлъ

просидѣть у меня и тогда... Должно быть важныя дѣла, коль все бросилъ да уѣхалъ. Не знаешь ли какія, Ваня? Не слыхалъ ли чего-нибудь?

— А Господь его знаетъ. Вѣдь онъ все деньги наживаетъ. Я слышалъ, участокъ въ какомъ-то подрядѣ здѣсь въ Петербургѣ беретъ. Мы, Наташа, въ дѣлахъ ничего не смыслимъ.

— Разумѣется не смыслимъ. Алеша говорилъ про какое-то письмо вчера...

— Извѣстіе какое-нибудь. А былъ Алеша?

— Былъ.

— Рапо?

— Въ двѣнадцать часовъ; да вѣдь онъ долго спитъ. Посидѣлъ. Я прогнала его къ Катеринѣ Федоровнѣ; нельзя же, Ваня.

— А развѣ самъ онъ не собирался туда?

— Нѣтъ, и самъ собирался...

Она хотѣла что-то еще прибавить и замолчала. Я глядѣлъ на нее и выжидалъ. Лицо у ней было грустное. Я бы и спросилъ ее, да она очень пногда не любила разспросовъ.

— Странный этотъ мальчикъ, сказала она наконецъ, слегка искрививъ ротъ и какъ-будто стараясь не глядѣть на меня.

— А что! Вѣрно что-нибудь у васъ было?

— Нѣтъ, ничего; такъ... Онъ былъ впрочемъ и милый... Только ужъ...

— Вотъ теперь всѣ его горести и заботы кончились, сказалъ я.

Наташа пристально и пытливо взглянула на меня. Ей можетъ быть самой хотѣлось бы отвѣтить мнѣ: «Немного-то было у него горестей и заботъ и прежде;» но ей показалось, что въ моихъ словахъ таже мысль. Она и надулась.

Впрочемъ тотчасъ же опять стала и привѣтлива и любезна. Въ этотъ разъ она была чрезвычайно кротка. Я просидѣлъ у ней болѣе часу. Она очень безпокоилась. Князь пугалъ ее. Я замѣтилъ по нѣкоторымъ ея вопросамъ, что ей очень бы хотѣлось узнать навѣрно, какое именно произвела она на него вчера впечатлѣніе? Такъ ли она себя держала? Не слишкомъ ли она выразила передъ нимъ свою радость? Не была ли слишкомъ обидчива? Или наоборотъ, ужъ слишкомъ снисходительна? Не подумалъ бы онъ чего-нибудь? Не просмѣялъ бы? Не почувствовалъ бы презрѣнія къ ней?.. Отъ этой мысли щеки ея вспыхнули, какъ огонь.

— Неужели можно такъ волноваться изъ-за того только, что дурной человекъ что-нибудь подумаетъ? Да пусть его думаетъ! сказалъ я.

— Почему же онъ дурной? спросила она.

Наташа была мнительна, но чиста сердцемъ и прямодушна. Мнительность ея происходила изъ чистаго источника. Она была горда и благородно-горда и не могла перенести, если то, что считала выше всего, предалось бы на посмѣяніе въ ея же глазахъ. На презрѣніе человека низкаго она конечно отвѣчала бы только презрѣніемъ, но все-таки болѣла бы сердцемъ за насмѣшку надъ тѣмъ, что считала святынею, кто бы ни смѣялся. Не отъ

недостатка твердости происходило это. Происходило отчасти и от слишком малаго знанія свѣта, от непривычки къ людямъ, отъ замкнутости въ своемъ углѣ. Она всю жизнь прожила въ своемъ углѣ, почти не выходя изъ него. И наконецъ свойство самыхъ добродушныхъ людей, можетъ быть перешедшее къ ней отъ отца, — захвалить человека, упорно считать его лучше, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ, сгоряча преувеличивать въ немъ все доброе, — было въ ней развито въ сильной степени. Тяжело такимъ людямъ потомъ разочаровываться; еще тяжелѣе, когда чувствуешь, что самъ виноватъ. За чѣмъ ожидалъ болѣе, чѣмъ могутъ дать? А такихъ людей поминутно ждетъ такое разочарованіе. Всего лучше, если они спокойно сидятъ въ своихъ углахъ и не выходятъ на свѣтъ; я даже замѣтилъ, что они дѣйствительно любятъ свои углы до того, что даже дичають въ нихъ. Впрочемъ Наташа перенесла много несчастій, много оскорбленій. Это было уже большое существо, п е е нельзя винить, если только въ моихъ словахъ есть обвиненіе.

Но я сидѣлъ и всталъ уходить. Она изумилась и чуть не заплакала, что я ухожу, хотя все время, какъ я сидѣлъ, не показывала мнѣ никакой особенной нѣжности, напротивъ даже была со мной какъ-будто холоднѣе обыкновеннаго. Она горячо поцѣловала меня и какъ-то долго посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Послушай, сказала она: — Алеша былъ пресмѣшной сегодня и даже удивилъ меня. Онъ былъ очень милъ, очень счастливъ съ виду, по влетѣлъ такимъ мотылькомъ, такимъ фатомъ, все передъ зеркаломъ вертѣлся. Уже онъ слишкомъ какъ-то безъ церемоній теперь... да и сидѣлъ-то не долго. Представь: мнѣ конфетъ привезъ.

— Конфетъ? чтожъ, это очень мило и просто-душно. Ахъ, какіе вы оба! Вотъ ужъ и пошли теперь наблюдать другъ за другомъ, шпионить, лица другъ у друга изучать, тайныя мысли на нихъ читать (а ничего-то вы въ нихъ и не понимаете!) Еще онъ ничего. Онъ веселый и школьникъ по-прежнему. А ты-то, ты-то!

И всегда, когда Наташа перемѣняла тонъ и подходила бывало ко мнѣ, или съ жалобой на Алешу, или для разрѣшенія какихъ-нибудь щекотливыхъ недоумѣній, или съ какимъ-нибудь секретомъ и съ желаніемъ, чтобъ я понялъ его въ полслова: то, помню, она всегда смотрѣла на меня оскла зыбки и какъ-будто вымаливая, чтобъ я непременно рѣшилъ какъ-нибудь такъ, чтобъ ей тотчасъ же стало легче на сердцѣ. Но помню тоже, я въ такихъ случаяхъ всегда какъ-то принималъ суровый и рѣзкій тонъ, точно распекая кого-то, и дѣлалось это у меня совершенно нечаянно, но всегда *удавалось*. Суровость и важность моя были кстаті, казались авторитетнѣе, а вѣдь иногда человекъ чувствуетъ непродолимую потребность, чтобъ его кто-нибудь пораспекъ. Но крайней мѣрѣ Наташа уходила отъ меня иногда совершенно утѣшенная.

— Нѣтъ, видишь Ваня, продолжала она, держа одну свою ручку на моемъ плечѣ, другою сжимая мнѣ руку, а глазками заискивая въ моихъ глазахъ: — мнѣ показалось, что онъ былъ какъ-то мало проникнуть... онъ казался мнѣ такимъ ужъ тагіц — знаешь, какъ-будто десять лѣтъ женатъ, но все еще любезный съ женой человекъ. Не рано ли ужъ очень?.. Смѣялся, вертѣлся, но какъ-будто это все ко мнѣ только такъ, только ужъ отчасти относится, а не такъ какъ прежде... Очень торопился къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ... Я ему говорю, а онъ не слушаетъ или объ другомъ заговариваетъ, знаешь эта скверная, великосвѣтская привычка, отъ которой мы оба его такъ отучали. Однимъ словомъ былъ такой. даже какъ-будто равнодушный... Но что я! Вотъ и пошла, вотъ и начала! Ахъ, какіе мы всѣ требовательные, Ваня, какіе капризные деспоты! Только теперь вижу! Пустой перемѣны въ лицѣ человеку не простимъ, а у него еще Богъ знаетъ отчего перемѣнилось лицо! Ты правъ, Ваня, что сейчасъ укорялъ меня! Это я одна во всемъ виновата! Сами себѣ горести создаемъ, да еще жалуемся... Спасибо, Ваня, ты меня совершенно утѣшилъ. Ахъ, кабы онъ сегодня пріѣхалъ! Да чего! пожалуй еще разсердится за давишее.

— Да неужели вы ужъ поссорились! вскричалъ я съ удивленіемъ.

— И виду не подала! Только я была немного грустна, а онъ изъ веселаго сталъ вдругъ задумчивымъ и, мнѣ показалось, сухо со мной простился. Да я пошлю за нимъ... Приходи и ты, Ваня, сегодня.

— Непремѣнно, если только не задержитъ одно дѣло.

— Ну вотъ, какое тамъ дѣло?

— Да навязалъ себѣ! А впрочемъ кажется не-премѣнно приду.

ГЛАВА VII.

Ровно въ семь часовъ я былъ у Маслобоева. Онъ жилъ въ Шестилаводной, въ небольшомъ домѣ, во флигелѣ, въ довольно неопрятной квартирѣ от трехъ комнатъ, впрочемъ не бѣдно меблированныхъ. Видѣлъ былъ даже нѣкоторый достатокъ и въ тоже время чрезвычайная нехозяйственность. Мнѣ отворила прехорошенькая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, очень просто, но очень мило одѣтая, очень чистенькая и съ предобрými, веселыми глазами. Я тотчасъ догадался, что это и есть та самая Александра Семеновна, о которой онъ упомянулъ вскользь давеча, подманивая меня съ ней познакомиться. Она спросила: кто я, и услышавъ фамилію, сказала что онъ ждетъ меня, но что теперь спитъ въ своей комнатѣ, куда меня и повела. Маслобоевъ спалъ на прекрасномъ, мягкомъ диванѣ, накрытый своею грязною шинелью, съ кожаной истертой подушкой въ головахъ. Сонъ у

него былъ очень чуткій; только что мы вошли, онъ тотчасъ же окликнулъ меня по имени.

— А! это ты? жду. Сейчасъ во снѣ видѣлъ, что ты пришелъ и меня будишь. Значитъ пора. Ыдемъ.

— Куда ѣдемъ?

— Къ дамѣ.

— Къ какой? Зачѣмъ?

— Къ мадамъ Бубновой, затѣмъ чтобъ ее раскрасивать. — А какая красotka-то! протянулъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Семеновнѣ, и даже поцѣловалъ кончики пальцевъ при воспоминаніи о мадамъ Бубновой.

— Ну ужъ пошелъ, выдумалъ! проговорила Александра Семеновна, считая непремѣннымъ долгомъ немного разсердиться.

— Незнакомъ? Познакомься, братъ: вотъ, Александра Семеновна, рекомендую тебѣ, это литературный генералъ; ихъ только разъ въ годъ даромъ осматриваютъ, а въ прочее время за деньги.

— Ну, вотъ дуру нашелъ. Вы его пожалуйста не слушайте, все смѣется надо мной. Какіе они генералы?

— Я про то вамъ и говорю, что особенные. А ты, ваше превосходительство, не думай, что мы глупы; мы гораздо умнѣе, чѣмъ съ перваго взгляда кажемся.

— Да не слушайте его! вѣчно-то застыдить при хорошихъ людяхъ, безстыдникъ! хоть бы въ театръ когда свезъ!

— Любите, Александра Семеновна, домашніе свои... А не забыли, что любить-то надо? Словечко-то не забыли? Вотъ которому я васъ училъ?

— Конечно не забыла. Вздоръ какой-нибудь значить.

— Ну, да какое жъ словечко-то?

— Вотъ стану я страмиться при гостѣ. Оно можетъ-быть страмъ какой значить. Языкъ отсохни, коли скажу.

— Значить забыли-съ?

— А вотъ и не забыла: пенаты! Любите свои пенаты... вѣдь вотъ что выдумаетъ! можетъ никакихъ пенатовъ и не было; и за что ихъ любить-то? Все вреть!

— За то у мадамъ Бубновой...

— Тыфу ты съ своей Бубновой! и Александра Семеновна выбѣжала въ величайшемъ негодованіи.

— Пора! идемъ! прощайте, Александра Семеновна!

Мы вышли. — Видишь, Ваня, во-первыхъ сядемъ на этого извозчика. Такъ. А во-вторыхъ, я давеча какъ съ тобою простился, кой-что еще узналъ и узналъ ужъ не по догадкамъ, а въ точности. Я еще на Васильевскомъ цѣлый часъ оставался. Этого пузанъ — страшная каналья, грязный, гадкій, съ вычурами и съ разными подлыми вкусами. Эта Бубнова давно ужъ извѣстна кой-какими продѣлками въ этомъ же родѣ. Она на дняхъ съ одной дѣвочкой изъ честнаго дома чуть не попалась. Эти кисейныя платья, въ которыя она радила эту сиротку (вотъ ты давеча рассказывалъ), не давали

миѣ покою; потому-что я кой-что уже до этого слышалъ. Давеча я кой-что еще разузналъ, правда совершенно случайно, но кажется навѣрно. Сколько лѣтъ дѣвочки?

— По лицу лѣтъ тринадцать.

— А по росту меньше. Ну, такъ она и сдѣлаетъ. Коли надо, скажетъ одиннадцать, а то пятнадцать. И такъ какъ у бѣдняжки ни защиты, ни семейства, то...

— Неужели?

— А ты что думалъ? Да ужъ мадамъ Бубнова изъ одного состраданія не взяла бы къ себѣ сироту. А ужъ если пузанъ туда повадился, такъ ужъ такъ. Онъ съ ней давеча утромъ видѣлся. А болвану Сизобрюхову обѣщана сегодня красавица, мужняя жена, чиновница и штабъ-офицерка. Купецкія дѣти изъ кутящихъ до этого падки; всегда про чинъ спросятъ. Это какъ въ латинской грамматикѣ, помнишь: значеніе предпочитается окончанію. А впрочемъ, я еще кажется съ давешняго пьянъ. Ну, а Бубнова такими дѣлами заниматься не смѣй. Она и полицію надуть хочетъ; да врешь! А потому я и пугну, такъ какъ она знаетъ, что я по старой памяти... ну, и прочее—понимасъ?

Я былъ страшно пораженъ. Всѣ эти извѣстія взволновали мою душу. Я все боялся, что мы опоздаемъ и погонялъ извозчика.

— Не безпокойся; мѣры приняты, говорилъ Маслобоевъ. — Тамъ Митрошка. Сизобрюховъ ему поплатится деньгами; а пузатый подлецъ — натурой. Это еще давеча рѣшено было. Ну, а Бубнова на мой пай приходится... Потому она не смѣй...

Мы пріѣхали и остановились у рестораціи; но человѣка, называвшагося Митрошкой, тамъ не было. Приказавъ извознику насъ дожидаться у крыльца рестораціи, мы пошли къ Бубновой. Митрошка поджидалъ насъ у воротъ. Въ окнахъ разливался яркій свѣтъ и слышался пьяный, раскатистый смѣхъ Сизобрюхова.

— Тамъ они всѣ, съ четверть часа будетъ, извѣстилъ Митрошка. — Теперь самое время.

— Да какъ же войдемъ? спросилъ я.

— Какъ гости, возразилъ Маслобоевъ. — Она меня знаетъ; да и Митрошку знаетъ. Правда все на запорѣ, да только не для насъ.

Онъ тихо постучалъ въ ворота и они тотчасъ же отворились. Отворилъ дворникъ и перемигнулся съ Митрошкой. Мы вошли тихо; въ домѣ насъ не слышали. Дворникъ провелъ насъ по лѣсенкѣ и постучался. Его окликнули; онъ отвѣчалъ, что одинъ: «дескать надоть.» Отворили, и мы всѣ вошли разомъ. Дворникъ скрылся.

— Ай, кто это? закричала Бубнова, пьяная и растрепанная, стоявшая въ крошечной передней, со свѣчою въ рукахъ.

— Кто? подхватилъ Маслобоевъ: — какже вы это, Анна Трифоновна, дорогихъ гостей не узнаете? Ктожъ какъ не мы?.. Филиппъ Филиппычъ.

— Ахъ, Филиппъ Филиппычъ! это вы-съ... дорогие

гости... Да какъ же вы-съ... я-съ... ниче-съ... пожалуйте сюда-съ.

И она совсѣмъ заметалась.

— Куда куда? Да тутъ перегородка... Нѣтъ, вы насъ принимайте получше. Мы у васъ холодненького выпьемъ, да машерочекъ нѣтъ ли?

Хозяйка мигомъ ободрилась.

— Да для такихъ дорогихъ гостей изъ подъ зѣмли найду; изъ китайскаго государства выпишу.

— Два слова, голубушка Анна Трифоновна: здѣсь Сизобрюховъ?

— З... здѣсь.

— Такъ его-то мнѣ и надобно. Какже онъ смѣлъ, подлець, безъ меня кутить?

— Да онъ васъ вѣрно не позабылъ. Все кого-то перепрыгивалъ, вѣрно васъ.

Маслобоевъ толкнулъ дверь и мы очутились въ небольшой комнатѣ, въ два окна, съ геранями, вѣтеными стульями и съ сквернѣйшими фортепьянами; все какъ слѣдовало. Но еще прежде, чѣмъ мы вошли, еще когда мы разгваривали въ перекладку, Митрошка ступевался. Я послѣ узналъ, что онъ и не входилъ, а пережидалъ за дверью. Ему было кому потомъ отворить. Растрепанная и на-румяненная женщина, выглядывавшая давеча утромъ изъ-за плеча Бубновой, приходилась ему кума.

Сизобрюховъ сидѣлъ на тоненькомъ диванчикѣ подъ красное дерево, передъ круглымъ столомъ, накрытымъ скатертью. На столѣ стояли двѣ бутылки теплаго шампанскаго, бутылка сквернаго рома; стояли тарелки съ кондитерскими конфетами, пряниками и орѣхами трехъ сортовъ. За столомъ напротивъ Сизобрюхова, сидѣло отвратительное существо лѣтъ сорока и рябое, въ черномъ тафтяномъ платьѣ и съ бронзовыми браслетами и брошками. Это была штабъ-офицерка, очевидно поддѣльная. Сизобрюховъ былъ пьянъ и очень доволенъ. Пузатого его спутника съ нимъ не было.

— Такъ-то люди дѣлаютъ! заревѣлъ во все горло Маслобоевъ;—а еще къ Дюссо приглашаетъ!

— Филиппъ Филиппычъ, осячастливили-съ! про-бормоталъ Сизобрюховъ, съ блаженнымъ видомъ подымаясь намъ на встрѣчу.

— Пьешь?

— Извините-съ.

— Да ты не извиняйся, а приглашай гостей. Съ тобой погулять пріѣхали. Вотъ привелъ еще гостя: пріятель! Маслобоевъ указалъ на меня.

— Радъ-съ, то есть осячастливили-съ... Кхи!

— Ишь, шампанское называется! На кисля щипохоже.

— Обижаютъ-съ.

— Знать ты къ Дюссо-то и показываться не смѣешь; а еще приглашаетъ!

— Онъ сейчасъ рассказывалъ, что въ Парижѣ былъ, подхватила штабъ-офицерка:—вотъ вретъ-то должно быть!

— Оедосья Титишна, не обижайте-съ. Были-съ. Ъздили-съ.

— Ну, такому ли мужику въ Парижѣ быть?

— Были-съ. Могли-съ. Мы тамъ съ Карпомъ Васильичемъ отличались. Карпа Васильича изволите звать-съ?

— А на что мнѣ знать твоего Карпа Васильича?

— Да ужъ такъ-съ... изъ политики дѣло-съ. А мы съ нимъ тамъ, въ мѣстечкѣ Парижѣ-съ, у мадамъ Жуберъ-съ, англискую трюму разбили-съ.

— Что разбили?

— Трюму-съ. Трюма такая была, во всю стѣну до потолка простиралась; а ужъ Карпъ Васильичъ такъ пьянъ, что ужъ съ мадамъ Жуберъ-съ порусски заговорилъ. Онъ это у трюмы сталъ, да и облокотился. А Жуберта-то и кричитъ ему, по своей ски то есть: «Трюма семьсотъ франковъ стоитъ (по нашему четвертаковъ), разобьешь!» Онъ ухмыляется да на меня смотритъ; а я супротивъ сажу на канапе и красота со мной, да не такое рыло, какъ вотъ ефта-съ, а съ киксомъ; словомъ сказать-съ. Онъ и кричитъ: «Степанъ Терентьичъ, а Степанъ Терентьичъ! пополамъ идетъ, что ли?» Я говорю: «идетъ!» какъ онъ кулачищемъ-то по трюмѣ то стукнетъ,—дзынь! только осколки посыпались. Завизжала Жуберта, такъ въ рожу ему прямо и лѣзетъ: «Что ты, разбойникъ, куда пришелъ?» (по ихнему то есть). А онъ ей: Ты, говоритъ, мадамъ Жуберъ-съ деньги бери, а здраву моему не препятствуй», да тутъ же ей шестьсотъ пятьдесятъ франковъ и отвалилъ. Полсотни выторговали-съ.

Въ эту минуту страшный, пронзительный крикъ раздался гдѣ-то за нѣсколькими дверями, за двѣ или за три комнатки отъ той, въ которой мы были. Я вздрогнулъ и тоже закричалъ. Я узналъ этотъ крикъ: это былъ голосъ Елены. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ жалобнымъ крикомъ раздались другіе крики, ругательства, возня и наконецъ ясные, звонкіе, отчетливые удары ладонью руки по лицу. Это вѣроятно расправлялся Митрошка по своей части. Вдругъ съ силой отворилась дверь и Елена, блѣдная, съ помутившимися глазами, въ бѣломъ кисейномъ, но совершенно измятомъ и изорванномъ платьѣ, съ расчесанными, но съ разбившимися, какъ бы въ борьбѣ, волосами, ворвалась въ комнату. Я стоялъ противъ дверей, а она бросилась прямо ко мнѣ и обхватила меня руками. Всѣ вскочили, всѣ переполошились. Визги и крики раздались при ея появленіи. Вслѣдъ за ней показался въ дверяхъ Митрошка, волоча за волосы своего пузатого недруга въ самомъ растерзанномъ видѣ. Онъ довололокъ его до порога и вбросилъ къ намъ въ комнату.

— Вотъ онъ! берите его! произнесъ Митрошка, съ совершенно довольнымъ видомъ.

— Слушай, проговорилъ Маслобоевъ, спокойно подходя ко мнѣ и стукнувъ меня по плечу:—бери нашего извозчика, бери дѣвочку и поѣзжай къ себѣ, а здѣсь тебѣ больше нечего дѣлать. Завтра уладимъ и остальное.

Я не заставилъ себѣ повторять два раза. Схвативъ за руку Елену, я вывелъ ее изъ этого вер-

тепа. Уж не знаю, какъ тамъ у нихъ кончилось. Насъ не останавливали: хозяйка была поражена ужасомъ. Все произошло такъ скоро, что она и помѣшать не могла. Извозикъ насъ дожидался и черезъ двадцать минутъ я былъ уже на своей квартирѣ.

Елена была какъ полумертвая. Я разстегнулъ крючки у ея платья, sprиснулъ ее водой и положилъ на диванъ. Съ ней начинался жаръ и бредъ. Я глядѣлъ на ея блѣдное личико, на безцвѣтныя ея губы, на ея черныя, сбившіеся на сторону, но расчесанные волосокъ къ волоску и напояженные волосы, на весь ея туалетъ, на эти розовые бантики, еще уцѣлѣвшіе кой-гдѣ на платьѣ,—и понять окончательно всю эту отвратительную исторію. Бѣдненькая! Ей становилось все хуже и хуже. Я не отходилъ отъ нея и рѣшилъ не ходить этотъ вечеръ къ Наташѣ. Иногда Елена подымала свои длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы и взглядывала на меня, и долго и пристально глядѣла, какъ бы узнавая меня. Уже поздно, часу въ первомъ ночи, она заснула. Я заснулъ подлѣ нея на полу.

ГЛАВА VIII.

Я всталъ очень рано. Всю ночь я просыпался почти каждыя полчаса, подходилъ къ моей бѣдной гостьѣ и внимательно къ ней присматривался. У нея былъ жаръ и легкій бредъ. Но къ утру она заснула крѣпко. Добрый знакъ, подумалъ я, но проснувшись утромъ, рѣшилъ поскорѣй, пока мѣстъ бѣдняжка еще спала, сбѣгать къ доктору. Я зналъ одного доктора, холостаго и добродушнаго старичка, съ незапамятныхъ временъ жившаго у Владимірской, вдвоемъ съ своей экономкой нѣмкой. Къ нему-то я и отправился. Онъ обѣщалъ быть у меня въ десять часовъ. Было восемь когда я приходилъ къ нему. Мнѣ ужасно хотѣлось зайти по дорогѣ къ Маслобобову, но я раздумалъ: онъ вѣрно еще спалъ со вчерашняго, да къ тому же Елена могла проснуться и пожалуй безъ меня испугалась бы, увидя себя въ моей квартирѣ. Въ болѣзненномъ своемъ состояніи она могла забыть: какъ, когда и какимъ образомъ попала ко мнѣ.

Она проснулась въ ту самую минуту, когда я входилъ въ комнату. Я подошелъ къ ней и осторожно спросилъ: какъ она себя чувствуетъ? Она не отвѣчала, но долго-долго и пристально на меня смотрѣла своими выразительными черными глазами. Мнѣ показалось изъ ея взгляда, что она все понимаетъ и въ полной памяти. Не отвѣчала же она мнѣ, можетъ быть, по своей всегдашней привычкѣ. И вчера и третьяго дня, какъ приходила ко мнѣ, она на иные мои вопросы, не проговаривала ни слова, а только начинала вдругъ смотрѣть мнѣ въ глаза своимъ длиннымъ, упорнымъ взглядомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ недоумѣніемъ и дикимъ любопытствомъ, была еще какая-то странная гордость.

Теперь же я замѣтилъ въ ея взглядѣ суровость и даже какъ будто недовѣрчивость. Я было приложилъ руку къ ея лбу, чтобъ пощупать, есть ли жаръ, но она молча и тихо, своей маленькой ручкой отвела мою и отвернулась отъ меня лицомъ къ стѣнѣ. Я отошелъ, чтобъ ужъ и не беспокоить ее.

У меня былъ большой мѣдный чайникъ. Я уже давно употреблялъ его вмѣсто самовара и кипятилъ въ немъ воду. Дрова у меня были: дворникъ разомъ наносилъ мнѣ ихъ дней на пять. Я затопилъ печь, сходилъ за водой и наставилъ чайникъ. На столѣ же приготовилъ мой чайный приборъ. Елена повернулась ко мнѣ и смотрѣла на все съ любопытствомъ. Я спросилъ ее, не хочетъ ли она чего? Но она опять отъ меня отвернулась и ничего не отвѣтила.

«На меня-то за чтожъ она сердится?» подумалъ я. Странная дѣвочка!

Мой старичекъ-докторъ пришелъ, какъ сказалъ, въ десять часовъ. Онъ осмотрѣлъ болную со всей нѣмецкой внимательностью и сильно обнадежилъ меня, сказавъ, что хоть и есть лихорадочное состояніе, но особенной опасности нѣтъ никакой. Отъ прибавилъ, что у ней должна быть другая, постоянная болѣзнь, что нибудь въ родѣ неправильнаго сердцоболенія, «но что этотъ пунктъ будетъ требовать особенныхъ наблюденій, теперь же она внѣ опасности.» Онъ прописалъ ей микстуру и какихъ-то порошковъ, болѣе для обычая, чѣмъ для надобности и тотчасъ же началъ меня спрашивать: какимъ о образомъ она у меня очутилась? Въ тоже время онъ съ удивленіемъ разсматривалъ мою квартиру. Этотъ старичокъ былъ ужасный болтунъ.

Елена же его поразила; она вырвала у него свою руку, когда онъ щупалъ ея пульсъ и не хотѣла показать ему языкъ. На всѣ вопросы его не отвѣчала ни слова, но все время только пристально смотрѣла на его огромный Станиславъ, качавшійся у него на шеѣ. «У нея вѣрно голова очень болитъ, замѣтилъ старичекъ, но только какъ она глядитъ, какъ глядитъ!» Я не почелъ за нужн ему рассказывать о Еленѣ и отговорился тѣмъ, что это длинная исторія.

— Дайте мнѣ знать, если надо будетъ, сказалъ онъ уходя.—А теперь нѣтъ опасности.

Я рѣшилъ на весь день остаться съ Еленой, и по возможности, до самаго выздоровленія, оставлять ее какъ можно рѣже одну. Но зная, что Наташа и Анна Андреевна могутъ измучиться ожидая меня понапрасну, рѣшилъ хотъ Наташу увѣдомить по городской почтѣ письмомъ, что сегодня у ней не буду. Аннѣ же Андреевнѣ нельзя было писать. Она сама просила меня, чтобъ я, разъ на всегда, не присылалъ ей писемъ, послѣ того какъ я однажды послалъ было ей извѣстіе во время болѣзни Наташи. И старикъ хмурится, какъ письмо твое увидитъ, говорила она: узнать-то ему очень хочется, сердечному, что въ письмѣ, да и

спросить-то нельзя, не рѣшается. Вотъ и разстроится на весь день. Да къ тому же, батюшка, письмомъ-то ты меня только раздражишь. Ну что десять строкъ! Захочется подробнѣе расспросить, а тебя-то и нѣтъ. И потому я написалъ одной Наташѣ, и когда относилъ въ аптеку рецептъ, отправилъ заразы и письмо.

Тѣмъ временемъ Елена опять заснула. Во снѣ она слегка стонала и вздрагивала. Докторъ угадалъ: у ней сильно болѣла голова. Порой она слегка вскрикивала и просыпалась. На меня она взглядывала даже съ досадою, какъ будто ей особенно тяжело было мое вниманіе. Признаюсь мнѣ было это очень больно.

Въ одиннадцать часовъ пришелъ Маслובоевъ. Онъ былъ озабоченъ и какъ будто разсѣянъ; зашелъ онъ только на минутку и очень куда-то топорился.

— Ну, братъ, я ожидалъ, что ты живешь не казисто, замѣтилъ онъ осматриваясь:—но право не думалъ, что найду тебя въ такомъ сундукѣ. Вѣдь это сундукъ, а не квартира. Ну, да это положимъ ничего, а главная бѣда въ томъ, что тебя всѣ эти постороннія хлопоты только отвлекаютъ отъ работы. Я объ этомъ думалъ еще вчера, когда мы ѣхали къ Бубновой. Я вѣдь, братъ, по натурѣ моей и по социальному моему положенію, принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые сами путнаго ничего не дѣлаютъ, а другимъ наставленія читаютъ, чтобъ дѣлали. Теперь слушай: я можетъ быть завтра или послѣзавтра зайду къ тебѣ, а ты непременно побывай у меня въ воскресенье утромъ. Къ тому времени дѣло этой дѣвочки, надѣюсь, совсѣмъ кончится: въ тотъ же разъ я съ тобой серьезно переговорю, потому что за тебя надо серьезно приняться. Этакъ жить нельзя. Я тебѣ вчера только намекнулъ, а теперь логически представлять буду. Да и наконецъ скажи: чтожъ ты, за безчестье что ли, считаешь взять у меня денегъ на время!..

— Да не ссорься! прервалъ я его.—Лучше скажи чѣмъ у васъ тамъ вчера-то кончилось?

— Да что, кончилось благополучнѣйшимъ образомъ и цѣль достигнута, понимаешь? Теперь же мнѣ некогда. На минутку зашелъ только увѣдомить, что мнѣ некогда и не до тебя; да кстати узнать: что ты ее помѣстишь куданибудь, или у себя держать хочешь? Потому это надо подумать и рѣшить.

— Этого я еще навѣрно не знаю и признаюсь ждалъ тебя, чтобъ съ тобой посоветоваться. Ну на какомъ наприимѣръ основаніи я буду ее у себя держать?

— Э, чего тутъ, да хотъ въ видѣ служанки...

— Прошу тебя только говори тише. Она хотъ и больна, но совершенно въ памяти, и какъ тебя увидѣла, я замѣтилъ, какъ будто вздрогнула. Значитъ вчерашнее вспомнила..

Тутъ я ему разсказалъ объ ея характерѣ и все, что я въ ней замѣтилъ. Слова мои заинтересовали

Маслобоева. Я прибавилъ, что можетъ быть помѣщу ее въ одинъ домъ и слегка разсказалъ ему про моихъ стариковъ. Къ удивленію моему онъ уже отчасти зналъ исторію Наташи и на вопросъ мой: откуда онъ знаетъ?

— Такъ; давно, какъ-то мелькомъ слышалъ, къ одному дѣлу приходилось. Вѣдь я уже говорилъ тебѣ, что знаю князя Валковскаго. Это ты хорошо дѣлаешь, что хочешь отправить ее къ тѣмъ старикамъ. А то стѣснить она тебя только. Да вотъ еще что: ей нуженъ какой-нибудь видъ. Объ этомъ не безпокойся; на себя беру. Прощай, заходи чаще, Что она теперь спитъ?

— Кажется, отвѣчалъ я.

Но только что онъ ушелъ, Елена тотчасъ же меня окликнула.

— Кто это? спросила она. Голосъ ея дрожалъ, но смотрѣла она на меня все тѣмъ же пристальнымъ и какъ-будто надменнымъ взгядомъ. Иначе я не умѣю выразиться.

Я назвалъ ей фамилію Маслобоева и прибавилъ, что чрезъ него-то я и вырвалъ ее отъ Бубновой, и что Бубнова его очень боится. Щеки ея вдругъ загорѣлись, какъ-будто зарево, вѣроятно отъ воспоминаній.

— И она теперь никогда не придетъ сюда? спросила Елена, пытливо смотря на меня.

Я поспѣшилъ ее обнадежить. Она замолчала, взяла было своими горячими пальчиками мою руку, но тотчасъ же отбросила ее, какъ-будто опомнившись. Не можетъ быть, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ чувствовала ко мнѣ такое отвращеніе, подумалъ я. Это ея манера, или... или просто бѣдняжка видѣла столько горя, что ужъ не довѣряетъ никому на свѣтѣ.

Въ назначенное время я сходилъ за лекарствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ знакомый трактиръ, въ которомъ я иногда обѣдалъ и гдѣ мнѣ вѣрили въ долгъ. Въ этотъ разъ, выходя изъ дому, я захватилъ съ собой судки и взялъ въ трактирѣ порцію супу изъ курицы для Елены. Но она не хотѣла ѣсть, и супъ до времени остался въ печкѣ.

Давъ ей лекарство, я сѣлъ за свою работу. Я думалъ, что она спитъ, но нечаянно взглянувъ на нее, вдругъ увидѣлъ, что она приподняла голову и пристально слѣдила какъ я пишу. Я притворился, что не замѣтилъ ея.

Наконецъ она и въ самомъ дѣлѣ заснула и къ величайшему моему удовольствію спокойно, безъ бреда и безъ стоновъ. На меня напало раздумье; Наташа не только могла, не зная въ чемъ дѣло, разсердиться на меня за то, что я не приходилъ къ ней сегодня, но даже, думалъ я, навѣрно будетъ огорчена моимъ невниманіемъ именно въ такое время, когда можетъ быть я ей наиболѣе нуженъ. У нея даже навѣрно могли случиться теперь какія-нибудь хлопоты, какое-нибудь дѣло препоручить мнѣ, а меня, какъ нарочно, и нѣтъ.

Что же касается до Анны Андреевны, то я совершенно не зналъ, какъ завтра отговорюсь передъ нею, я думалъ-думалъ, и вдругъ рѣшился сбѣгать

и туда и сюда. Все мое отсутствіе могло продолжаться всего только два часа. Елена же спитъ и не услышитъ какъ я схожу. Я вскочилъ, накинулъ пальто, взялъ фуражку, но только было хотѣлъ уйти, какъ вдругъ Елена позвала меня. Я удивился: неужелижъ она притворялась что спитъ?

Замѣчу кстати: хотъ Елена и показывала видъ, что какъ-будто не хочетъ говорить со мною, но эти оклики довольно частые, эта потребность обращаться ко мнѣ со всѣми недоумѣніями, доказывали противное и, признаюсь, были мнѣ даже пріятны.

— Куда вы хотите отдать меня? спросила она, когда я къ ней подошелъ. Вообще она задавала свои вопросы, какъ-то вдругъ, совсѣмъ для меня неожиданно. Въ этотъ разъ я даже не сейчасъ ее понималъ.

— Давеча вы говорили съ вашимъ знакомымъ, что хотите отдать меня въ какой-то домъ. Я никуда не хочу.

Я нагнулся къ ней: она была опять вся въ жару; съ ней былъ опять лихорадочный кризисъ. Я началъ утѣшать ее и обнадеживать; увѣрялъ ее, что если она хочетъ остаться у меня, то я никуда ее не отдамъ. Говоря это, я снялъ пальто и фуражку. Оставить ее одну въ такомъ состояніи, я не рѣшился.

— Нѣтъ, ступайте! сказала она, тотчасъ догадавшись, что я хочу остаться. — Я спать хочу; я сейчасъ засну.

— Да какъ же ты одна будешь?.. говорилъ я въ недоумѣніи. — Я впрочемъ навѣрно черезъ два часа назадъ буду...

— Ну и ступайте. А то цѣлый годъ больна буду, такъ вамъ цѣлый годъ изъ дому не уходить — и она попробовала улыбнуться и какъ-то странно взглянула на меня, какъ-будто борясь съ какимъ-то добрымъ чувствомъ, отозвавшимся въ ея сердцѣ. Бѣдняжка! Добренкое, нѣжное ея сердце выглядывало наружу, не смотря на всю ея нелюдимость и видимое ожесточеніе.

Сначала я сбѣгалъ къ Аннѣ Андреевнѣ. Она ждала меня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и встрѣтила упреками; сама же была въ страшномъ безпокойствѣ: Николай Сергѣичъ сейчасъ послѣ обѣда ушелъ со двора, а куда — неизвѣстно. Я предчувствовалъ, что старушка не утерпѣла и рассказала ему все, по своему обыкновенію намеками. Она впрочемъ мнѣ почти что призналась въ этомъ сама, говоря, что не могла утерпѣть, чтобъ не подѣлиться съ нимъ такою радостью, но что Николай Сергѣичъ сталъ, по ея собственному выраженію, чернѣе тучи, ничего не сказалъ, «все молчалъ, даже на вопросы мои не отвѣчалъ» и вдругъ послѣ обѣда собрался и былъ таковъ. Рассказывая это, Анна Андреевна чуть не дрожала отъ страха и умоляла меня подождать съ ней вмѣстѣ Николая Сергѣича. Я отговорился и сказалъ ей почти наотрѣзъ, что можетъ быть и завтра не приду и что я собственно потому и забѣжалъ теперь, чтобы объ этомъ предупредить. Въ этотъ разъ мы чуть

было не поссорились. Она заплакала; рѣзко и горько упрекала меня и только когда я уже выходилъ изъ двери, она вдругъ бросилась ко мнѣ на шею, крѣпко обняла меня обѣими руками и сказала, чтобъ я не сердился на нее, «сироту», и не принималъ въ обиду словъ ея.

Наташу, противъ ожиданія, я засталъ опять одну и, — странное дѣло, мнѣ показалось, что она вовсе не такъ была мнѣ въ этотъ разъ рада, какъ вчера и вообще въ другіе разы. Какъ-будто я ей въ чемъ-нибудь досадилъ или помѣшалъ. На мой вопросъ: былъ ли сегодня Алеша? Она отвѣчала: разумѣется былъ, но недолго. Обѣщался сегодня вечеромъ быть, прибавила она, какъ бы въ раздумьи.

— А вчера вечеромъ былъ?

— Н-нѣтъ. Его задержали, прибавила она скороговоркой. — Ну что, Ваня, какъ твои дѣла?

Я видѣлъ, что она хочетъ зачѣмъ-то замять нашъ разговоръ и свернуть на другое. Я оглядѣлъ ее пристальнѣе: она была видимо разстроенна. Впрочемъ, замѣтивъ, что я пристально слѣжу за ней и въ нее вглядываюсь, она вдругъ быстро и какъ-то гнѣвно взглянула на меня и съ такою силою, что какъ-будто обожгла меня взглядомъ. У нея опять горе, подумалъ я, только она говорить мнѣ не хочетъ.

Въ отвѣтъ на ея вопросъ о моихъ дѣлахъ, я рассказалъ ей всю исторію Елены, со всѣми подробностями. Ее чрезвычайно заинтересовалъ и даже поразилъ мой рассказъ.

— Боже мой! И ты могъ ее оставить одну, больную! вскричала она.

Я объяснилъ, что хотѣлъ было совсѣмъ не приходить къ ней сегодня, но думалъ, что она на меня разсердится и что во мнѣ могла быть какая-нибудь нужда.

— Нужда, проговорила она про себя, что-то обдумывая: — нужда-то, пожалуй, есть въ тебѣ, Ваня, но лучше ужъ въ другой разъ. Былъ у нашихъ?

Я рассказалъ ей.

— Да; Богъ знаетъ, какъ отецъ приметъ теперь всѣ эти извѣстія. А впрочемъ что и принимать-то...

— Какъ что принимать? спросилъ я: — такой переворотъ!

— Да ужъ такъ... Кудажъ это онъ опять пошелъ? Въ тотъ разъ вы думали, что онъ ко мнѣ ходилъ. Видишь, Ваня, если можешь, зайди ко мнѣ завтра. Можетъ быть я кой-что и скажу тебѣ... Совѣстно мнѣ только тебя беспокоить; а теперь шелъ бы ты домой къ своей гостьѣ. Небось, часа два прошло, какъ ты вышелъ изъ дома?

— Прошло. Прощай, Наташа. Ну, а каковъ былъ сегодня съ тобой Алеша?

— Да что Алеша, ничего... Удивляюсь даже твоему любопытству.

— До свиданія, другъ мой.

— Прощай. Она подала мнѣ руку какъ-то небрежно и отвернулась отъ моего послѣдняго про-

ГЛАВА IX.

пальнаго взгляда. Я вышелъ отъ нея нѣсколько удивленный. А впрочемъ, подумаль я, есть же ей объ чемъ и задуматься. Дѣла не шуточные. А завтра все первая же мнѣ и расскажетъ.

Возвратился я домой грустный и былъ страшно пораженъ, только что вошелъ въ дверь. Было уже темно. Я разглядѣлъ, что Елена сидѣла на диванѣ, опустивъ на грудь голову, какъ-будто въ глубокой задумчивости. На меня она и не взглянула, точно была въ забытѣ. Я подошелъ къ ней; она что-то шептала про себя. Ужъ не въ бреду ли? подумаль я.

— Елена, другъ мой, что съ тобой? спросилъ я, садясь подлѣ нея и охвативъ ее рукою.

— Я хочу отсюда... Я лучше хочу къ ней, проговорила она, не подымая ко мнѣ головы.

— Куда? къ кому? спросилъ я въ удивленіи.

— Къ ней, къ Бубновой. Она все говоритъ, что я ей должна много денегъ, что она маменьку на свои деньги похоронила... Я не хочу, чтобъ она бранила маменьку... Я хочу у ней работать и все ей зарабатую... Тогда отъ нея сама и уйду. А теперь я опять къ ней пойду.

— Успокойся, Елена, къ ней нельзя, говорилъ я.—Она тебя замучаетъ; она тебя погубитъ...

— Пусть погубитъ, пусть мучаетъ, съ жаромъ подхватила Елена:—не я первая; другія и лучше меня, да мучаются. Это мнѣ нищая на улицѣ говорила. Я бѣдная и хочу быть бѣдная. Всю жизнь буду бѣдная; такъ мнѣ мать велѣла, когда умирала. Я работать буду... Я не хочу это платье носить...

— Я завтра же тебѣ куплю другое. Я и книжки твои тебѣ принесу. Ты будешь у меня жить. Я тебя никому не отдамъ, если сама не захочешь; успокойся...

— Я въ работницы наймусь.

— Хорошо, хорошо! только успокойся, лягъ, засни!

Но бѣдная дѣвочка залилась слезами. Мало по малу слезы ея обратились въ рыданія. Я не зналъ, что съ ней дѣлать; подносилъ ей воды, мочилъ ей виски, голову. Наконецъ она упала на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи и съ ней опять начался лихорадочный ознобъ. Я окуталъ ее, чѣмъ нашлось, и она заснула, но безпокойно, поминутно вздрагивая и просыпаясь. Хотя я и не много ходилъ въ этотъ день, но усталъ ужасно и разсудилъ самъ лечь какъ можно раньше. Мучительныя заботы роились въ моей головѣ. Я предчувствовалъ, что съ этой дѣвочкой мнѣ будетъ много хлопотъ. Но болѣе всего заботила меня Наташа и ея дѣла. Вообще, вспоминаю теперь, я рѣдко былъ въ такомъ тяжеломъ расположеніи духа, какъ засыпая въ эту несчастную ночь.

Проснулся я больной, поздно, часовъ въ десять утра. У меня кружилась и болѣла голова. Я взглянулъ на постель Елены: постель была пуста. Въ то же время, изъ правой моей комнатки, долетали до меня какіе-то звуки, какъ-будто кто-то шуркалъ по полу вѣникомъ. Я вышелъ посмотреть: Елена, держа въ рукѣ вѣникъ и придерживая другой рукой свое нарядное платье, которое она еще и не снимала съ того самаго вечера, мела полъ. Дрова, приготовленные въ печку, были сложены въ уголку; со стола стерто, чайникъ вычищенъ; однимъ словомъ Елена хозяйничала.

— Послушай, Елена, закричалъ я: — кто же тебя заставляетъ полъ мести? Я этого не хочу, ты больна; развѣ ты въ работницы пришла ко мнѣ?

— Ктожъ будетъ здѣсь полъ мести? отвѣчала она, выпрямляясь и прямо смотря на меня.—Теперь я не больна.

— Но я не для работы взялъ тебя, Елена. Ты какъ-будто боишься, что я буду попрекать тебя, какъ Бубнова, что ты у меня даромъ живешь? И откуда ты взяла этотъ гадкій вѣникъ? У меня не было вѣника, прибавилъ я, смотря на нее съ удивленіемъ.

— Это мой вѣникъ. Я его сама сюда принесла. Я и дѣдушкѣ здѣсь полъ мела. А вѣникъ вотъ тутъ, подъ печкой съ того времени и лежалъ.

Я воротился въ комнату въ раздумьи. Могло быть, что я грѣшилъ; но мнѣ именно казалось, что ей какъ-будто тяжело было мое гостепріимство и что она всячески хотѣла доказать мнѣ, что живетъ у меня не даромъ. Въ такомъ случаѣ, какой же это озлобленный характеръ? подумаль я. Минуты двѣ спустя вошла и она и молча сѣла на свое вчерашнее мѣсто на диванѣ, пытливо на меня поглядывая. Между тѣмъ я вскипятилъ чайникъ, заварилъ чай, налилъ ей чашку и подаль съ кускомъ бѣлаго хлѣба. Она взяла молча и безпрекословно. Цѣлыя сутки она почти ничего не ѣла.

— Вотъ и платье хорошенькое запачкала вѣникомъ, сказалъ я, замѣтивъ большую грязную полосу на подолѣ ея юбки.

Она осмотрѣлась и вдругъ, къ величайшему моему удивленію, отставила чашку, уцепивъ обѣими руками, повидимому хладнокровно и тихо, кисейное полотнище юбки и однимъ взмахомъ разорвала его сверху до низу. Сдѣлавъ это она молча подняла на меня свой упорный, сверкающій взглядъ. Лицо ея было блѣдно.

— Что ты дѣлаешь, Елена закричалъ я, удивренный, что вижу передъ собою сумасшедшую.

— Это нехорошее платье, проговорила она, почти задыхаясь отъ волненія. — Зачѣмъ вы сказали, что это хорошее платье? Я не хочу его носить, вскричала она вдругъ, вскочивъ съ мѣста.— Я его изорву. Я не просила ее рядить меня. Она меня нарядила сама, насильно. Я ужъ разорвала

одно платье, разорву и это; разорву! разорву! разорву!..

И она съ яростью накинулась на свое несчастное платьице. Въ одинъ мигъ она изорвала его чуть не въ клочки. Когда она кончила, она была такъ блѣдна, что едва стояла на мѣстѣ. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на такое ожесточеніе. Она же смотрѣла на меня какимъ-то вызывающимъ взглядомъ, какъ-будто и я былъ тоже въ чемъ-нибудь виноватъ передъ нею. Но я уже зналъ что мнѣ дѣлать.

Я положилъ, не откладывая, сегодня же утромъ купить ей новое платье. На это дикое, ожесточенное существо, нужно было дѣйствовать добротой. Она смотрѣла такъ, какъ-будто никогда и не видывала добрыхъ людей. Если она ужъ разъ, не смотря на жестокое наказаніе, изорвала въ клочки свое первое, такое же платье, то съ какимъ же ожесточеніемъ она должна была смотрѣть на него теперь, когда оно напоминало ей такую ужасную недавнюю минуту.

На Толкучемъ можно было очень дешево купить хорошенькое и простенькое платьице. Бѣда была въ томъ, что у меня въ ту минуту, почти совсѣмъ не было денегъ. Но я еще накануне, ложась спать, рѣшилъ отправиться сегодня въ одно мѣсто, гдѣ была надежда достать ихъ и, какъ разъ, приходилось идти въ ту самую сторону, гдѣ Толкучій. Я взялъ шляпу. Елена пристально слѣдила за мной, какъ-будто чего-то ждала.

— Вы опять запрете меня? спросила она, когда я взялся за ключъ, чтобъ запереть за собѣй квартиру, какъ вчера и третьяго дня.

— Другъ мой, сказалъ я, подходя къ ней:—не сердись за это. Я потому запираю, что можетъ кто-нибудь придти. Ты же больная, пожалуй испугаешься. Да и Богъ знаетъ кто еще придетъ; можетъ быть Бубнова вздумаетъ придти..

Я нарочно сказалъ ей это. Я запиралъ ее, потому-что не довѣрялъ ей. Мнѣ казалось, что она вдругъ вздумаетъ уйти отъ меня. До времени я рѣшился быть осторожнѣе. Елена промолчала и я такъ заперъ ее и въ этотъ разъ.

Я зналъ одного автрепревера, издававшего уже третій годъ одну многотомную книгу. У него я часто доставалъ работу, когда нужно было поскорѣй заработать сколько-нибудь денегъ. Платилъ онъ исправно. Я отправился къ нему, и мнѣ удалось получить двадцать пять рублей впередъ, съ обязательствомъ доставить черезъ недѣлю компилятивную статью. Но я надѣялся выгадать время на моемъ романѣ. Это я часто дѣлалъ, когда приходила крайняя нужда.

Добывъ денегъ, я отправился на Толкучій. Тамъ скоро я отыскалъ знакомую мнѣ старушку-торговку, продававшую всякое тряпье. Я ей рассказалъ примѣрно ростъ Елены, и она мнгомъ выбрала мнѣ свѣтленькое ситцевое, совершенно крѣпкое и не болѣе одного раза мытое платьице, за чрезвычайно-дешевую цѣну. Кстати ужъ я захватилъ и

шейный платочекъ. Расплачиваясь, я подумалъ, что надо же Еленѣ какую нибудь шубейку, мантильку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Погода стояла холодная, а у ней ровно ничего не было. Но я отложилъ эту покупку до другаго раза. Елена была такая обидчивая, гордая. Господь знаетъ какъ приметъ она еще и это платье, не смотря на то, что я нарочно выбиралъ какъ можно проще и неказистѣе, самое будничное, какое только можно было выбрать. Впрочемъ я все-таки купилъ двѣ пары чулокъ нитяныхъ и одни шерстяные. Это я могъ отдать ей подъ предлогомъ того, что она больна, а въ комнатѣ холодно. Ей надо было тоже бѣлья. Но все это я оставилъ до тѣхъ поръ, пока поближе съ ней познакоплюсь. За то я и купилъ старыя занавѣски къ кровати, — вещь необходимую и которая могла принести Еленѣ большое удовольствіе.

Со всѣмъ этимъ я воротился домой уже въ часъ пополудни. Замокъ мой отпирался почти неслышно, такъ что Елена не сейчасъ услышала, что я воротился. Я замѣтилъ, что она стояла у стола и перебирала мои книги и бумаги. Услышавъ же меня, она быстро захлопнула книгу, которую читала и отошла отъ стола, вся покраснѣвъ. Я взглянулъ на эту книгу: это былъ мой первый романъ, изданный отдѣльной книжкой и на заглавномъ листѣ котораго выставлено было мое имя.

— А сюда кто-то безъ васъ стучался, сказала она такимъ тономъ, какъ будто поддразнивая меня: зачѣмъ дескать запираешь?

— Ужъ не докторъ ли, сказалъ я:—ты не окликнула его, Елена?

— Нѣтъ.

Я не отвѣчалъ, взялъ узелокъ, развязалъ его и вынулъ купленное платье.

— Вотъ, другъ мой Елена, сказалъ я подходя къ ней:—въ такихъ ключахъ, какъ ты теперь, ходить нельзя. Я и купилъ тебѣ платье, будничное, самое дешевое, такъ что тебѣ нечего беспокоиться; оно всего рубль двадцать копѣекъ стоитъ. Носи на здоровье.

Я положилъ платье подлѣ нея. Она вскинула, и смотрѣла на меня нѣкоторое время во всѣ глаза.

Она была чрезвычайно удивлена и вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ показалось, ей было чего-то ужасно стыдно. Но что-то мягкое, нѣжное засвѣтилось въ глазахъ ея. Видя, что она молчитъ, я отвернулся къ столу. Поступокъ мой видимо поразилъ ее. Но она съ усиленіемъ перевозмогала себя и сидѣла опустивъ глаза въ землю.

Голова моя болѣла и кружилась все болѣе и болѣе. Свѣжій воздухъ не принесъ мнѣ ни малѣйшей пользы. Между тѣмъ надо было идти къ Паташѣ. Безпокойство мое объ ней не уменьшалось со вчерашняго дня, напротивъ возрастало все болѣе и болѣе. Вдругъ мнѣ показалось, что Елена меня окликнула. Я оборотился къ ней.

— Вы когда уходите, не запирайте меня, проговорила она, смотря въ сторону и пальчикомъ те-

ребя на диванѣ покровку, какъ будто бы вся была погружена въ это занятіе.—Я отъ васъ никуда не уйду.

— Хорошо, Елена, я согласенъ. Но если кто нибудь придетъ чужой? Пожалуй еще Богъ знаетъ кто?

— Такъ оставьте ключъ мнѣ, я и запрусь изнутри; а будутъ стучать, я и скажу: нѣту дома.—И она съ лукавствомъ посмотрѣла на меня, какъ бы проговаривая: «вотъ вѣдь какъ это просто дѣлается!»

— Вамъ кто бѣлье моетъ? спросила она вдругъ, прежде чѣмъ я успѣлъ ей отвѣчать что нибудь.

— Здѣсь, въ этомъ домѣ, есть женщина.

— Я умѣю мыть бѣлье. А гдѣ вы кушанье вчера взяли?

— Въ трактирѣ.

— Я и стряпать умѣю. Я вамъ буду кушанье готовить.

— Полно, Елена; ну что ты можешь умѣть стряпать? Все это ты не къ дѣлу говоришь...

Елена замолчала и потупилась. Ее видимо огорчило мое замѣчаніе. Прошло по крайней мѣрѣ минутъ десять: мы оба молчали.

— Супъ, сказала она вдругъ, не поднимая головы.

— Какъ супъ? Какой супъ? спросилъ я удивляясь.

— Супъ умѣю готовить. Я для маменьки готовила, когда она была больна. Я и на рынокъ ходила.

— Вотъ видишь, Елена, вотъ видишь какая ты гордая, сказалъ я, подходя къ ней и садясь съ ней на диванъ рядомъ.—Я съ тобой поступаю какъ мнѣ велитъ мое сердце. Ты теперь одна, безъ родныхъ, несчастная. Я тебѣ помочь хочу. Также бы и ты мнѣ помогла, когда бы мнѣ было худо. Но ты не хочешь такъ разсудить и вотъ тебѣ тяжело отъ меня самый простой подарокъ принять. Ты тотчасъ же хочешь за него заплатить, заработать, какъ будто я Бубнова и тебя попрекаю. Если такъ, то это стыдно, Елена.

Она не отвѣчала губы ея вздрагивали. Кажется, ей хотѣлось что-то сказать мнѣ; но она скрѣпилась и смолчала. Я всталъ, чтобъ идти къ Наташѣ. Въ этотъ разъ я оставилъ Еленѣ ключъ прося ее, если кто придетъ и будетъ стучаться, окликнуть и спросить: кто такой? Я совершенно былъ увѣренъ, что съ Наташей случилось что нибудь очень не хорошее, а что она до времени таитъ отъ меня, какъ это и не разъ бывало между нами. Во всякомъ случаѣ я рѣшился зайти къ ней только на одну минутку, иначе я могъ раздражить ее моею назойливостью.

Такъ и случилось. Она опять встрѣтила меня недовольнымъ, жесткимъ взглядомъ. Надо было тотчасъ же уйдти; а у меня ноги подкашивались.

— Я къ тебѣ на минутку, Наташа, началъ я:—посоветоваться: что мнѣ дѣлать съ моей гостей?

И я началъ поскорѣй рассказывать все про Елену. Наташа выслушала меня молча.

— Не знаю, что тебѣ посоветовать, Ваня, отвѣчала она.—По всему видно, что это престранное существо. Можетъ быть она была очень обижена, очень напугана. Дай ей по крайней мѣрѣ выздоровѣть. Ты ее хочешь къ нашимъ?

— Она все говоритъ, что никуда отъ меня не пойдетъ. Да и Богъ знаетъ какъ тамъ ее примутъ, такъ что я и не знаю. Ну что, другъ мой, какъ ты? Ты вчера была какъ будто нездорова! спросилъ я ее робѣя.

— Да... у меня и сегодня что-то голова болитъ, отвѣчала она разсѣянно.—Не видалъ ли кого изъ нашихъ?

— Нѣтъ. Завтра схожу. Вѣдь вотъ завтра суббота...

— Такъ что же?

— Вечеромъ будетъ князь...

— Такъ что же? Я не забыла.

— Нѣтъ, я вѣдь только такъ...

Она остановилась прямо передо мной и долго и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза. Въ ея взглядѣ была какая-то рѣшимость, какое-то упорство, что-то лихорадочное, горячее.

— Знаешь что, Ваня, сказала она:—будь добръ, уйди отъ меня, ты мнѣ очень мѣшаешь...

Я всталъ съ креселъ и съ невыразимымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее,

— Другъ мой, Наташа! Что съ тобой? Что случилось? вскричалъ я въ испугѣ.

— Ничего не случилось! Все, все завтра узнаешь, а теперь я хочу быть одна. Слышишь, Ваня: уходи сейчасъ. Мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело смотрѣть на тебя!

— Но скажи мнѣ по крайней мѣрѣ...

— Все, все завтра узнаешь! о Боже мой! да уйдешь ли ты?

Я вышелъ. Я былъ такъ пораженъ, что едва помнилъ себя. Мавра выскочила за мной въ сѣни.

— Что, сердится? спросила она меня.—Я ужъ и подступиться къ ней боюсь.

— Да что съ ней такое?

— А то, что *нашъ-то* третій день носу къ намъ не показывалъ!

— Какъ третій день? спросилъ я въ изумленіи:—да она сама вчера говорила, что онъ вчера утромъ былъ, да еще вчера вечеромъ хотѣлъ прѣхать...

— Какое вечеромъ! Онъ и утромъ совсѣмъ не былъ! Говорю тебѣ съ третьяго дня глазъ не кажетъ. Неужто сама вчера сказывала, что утромъ былъ?

— Сама говорила.

— Ну, сказала Мавра въ раздумьи:—значитъ больно ее задѣло, когда ужъ передъ тобой признаться не хочетъ, что не былъ. Ну, молодецъ!

— Да что же это такое! вскричалъ я.

— А то такое, что и не знаю, что съ ней дѣлать, продолжала Мавра, разводя руками.—Вчера

еще было меня къ нему посылала, да два раза съ дороги воротила. А сегодня, такъ ужъ и со мной говорить не хочетъ. Хоть бы ты его повидаль. Я ужъ и отойти отъ нея не смѣю.

Я бросился внѣ себя внизъ по лѣстницѣ.

— Къ вечеру-то будешь у насъ? закричала мнѣ вслѣдъ Мавра.

— Тамъ увидимъ, отвѣчалъ я съ дороги. — Я можетъ только къ тебѣ забѣгу и спрошу: что и какъ? Если только самъ живъ буду.

Я дѣйствительно почувствовалъ, что меня какъ будто что ударило въ самое сердце.

ГЛАВА X.

Я отправился прямо къ Алешѣ. Онъ жилъ у отца въ Малой Морской. У князя была довольно большая квартира, не смотря на то, что онъ жилъ одинъ. Алеша занималъ въ этой квартирѣ двѣ прекрасныя комнаты. Я очень рѣдко бывалъ у него, до этого раза всего, кажется, однажды. Онъ же заходилъ ко мнѣ чаще, особенно сначала, въ первое время его связи съ Наташей.

Его не было дома. Я прошелъ прямо въ его половину и написалъ ему только записку:

«Алеша, вы, кажется, сошли съ ума. Такъ какъ вечеромъ во вторникъ, вашъ отецъ самъ просилъ Наташу сдѣлать вамъ честь, быть вашей женою, вы же этой просьбѣ были рады, чему я свидѣтелемъ, то согласитесь сами, ваше поведеніе въ настоящемъ случаѣ, нѣсколько странно. Знаете ли что вы дѣлаете съ Наташей? Во всякомъ случаѣ моя записка вамъ напомнитъ, что поведеніе ваше передъ вашей будущей женою, въ высшей степени недостойно и легкомысленно. Я очень хорошо знаю, что не имѣю никакого права вамъ читать наставленія; но не обращаю на это никакого вниманія.

Р. S. О письмѣ этомъ она ничего не знаетъ и даже не она мнѣ говорила про васъ.»

Я запечаталъ записку и оставилъ у него на столѣ. На вопросъ мой слуга отвѣчалъ, что Алексѣй Петровичъ почти совсѣмъ не бываетъ дома, и что и теперь воротится не раньше какъ ночью, передъ разсвѣтомъ.

Я едва дошелъ домой. Голова моя кружилась, ноги слабѣли и дрожали. Дверь ко мнѣ была открыта. У меня сидѣлъ Николай Сергѣичъ Ихменевъ и дожидался меня. Онъ сидѣлъ у стола и молча, съ удивленіемъ, смотрѣлъ на Елену, которая тоже съ неменьшимъ удивленіемъ его разсматривала, хотя упорно молчала. То-то, подумалъ я, она должна ему показаться странною.

— Вотъ, братъ, цѣлый часъ жду тебя и, признаюсь, никакъ не ожидалъ... тебя такъ найдти, продолжалъ онъ осматриваясь въ комнаты и непримѣтно мигая мнѣ на Елену. Въ глазахъ его изображалось изумленіе. Но взглянувъ на него

ближе, я замѣтилъ въ немъ тревогу и грусть. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Садись-ка, садись, продолжалъ онъ съ озбоченнымъ и хлопотливымъ видомъ: — вотъ, сиѣшилъ къ тебѣ, дѣло есть; да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ.

— Нездоровится. Съ самаго утра кружится голова.

— Ну, смотри, этимъ нечего пренебрегать. Простудился, что ли?

— Нѣтъ; просто первый припадокъ. У меня это иногда бываетъ. Да вы-то здоровы ли?

— Ничего, ничего! Это такъ, сгоряча. Есть дѣло. Садись.

Я придвинулъ стулъ и усѣлся лицомъ къ нему у стола. Старикъ слегка нагнулся ко мнѣ и началъ полушопотомъ:

— Смотри, не гляди на нее и показывай видъ, какъ-будто мы говоримъ о постороннемъ. Это что у тебя за гостья такая сидитъ?

— Послѣ вамъ все объясню, Николай Сергѣичъ. Это бѣдная дѣвочка, совершенная сирота, внучка того самаго Смиа, который здѣсь жилъ и умеръ въ капдистерской.

— А, такъ у него была и внучка! Ну, братецъ, чудачка же она! какъ глядитъ, какъ глядитъ! просто говорю: еще бы ты минутъ пять не пришелъ, я бы здѣсь не высидѣлъ. Насилу отперла и до сихъ поръ ни слова; просто жутко съ ней, на человѣческое существо не похожа. Да какъ она здѣсь очутилась? А, понимаю, вѣрно къ дѣду пришла, не зная что онъ умеръ.

— Да. Она очень была несчастна. Старикъ еще умирая объ ней вспоминалъ.

— Гм! каковъ дѣдъ такова и внучка. Послѣ все это мнѣ расскажешь. Можетъ быть можно будетъ и помочь чѣмъ нибудь, такъ чѣмъ нибудь, коль ужъ она такая несчастная... Ну, а теперь, нельзя ли братъ ей сказать, чтобъ она ушла, потому что поговорить съ тобой надо серьезно.

— Да уйди-то ей некуда. Она здѣсь и живетъ.

Я объяснилъ старику, что могъ въ двухъ словахъ, прибавивъ, что можно говорить и при ней, потому что она дитя.

— Ну, да... конечно дитя. Только ты, братъ, меня ошеломилъ. Съ тобой живетъ, Господи Боже мой!

И старикъ въ изумленіи посмотрѣлъ на нее еще разъ. Елена, чувствуя, что про нее говорятъ, сидѣла молча, потупивъ голову и щипала пальчиками покрывку дивана. Она уже успѣла надѣть на себя новое платье, которое вышло ей совершенно въ пору. Волосы ея были приглажены тщательнѣе обыкновеннаго, можетъ быть по поводу новаго платья. Вообще, еслибъ не странная дикость ея взгляда, то она была бы пріятная дѣвочка.

— Коротко и ясно, вотъ въ чемъ, братъ, дѣло, началъ опять старикъ: — длинное дѣло, важное дѣло...

Онъ сидѣлъ потупившись, съ важнымъ и со-

ображающимъ видомъ и, несмотря на свою торопливость и на «коротко и ясно» не находилъ словъ для начала рѣчи. Что-то будетъ? подумалъ я.

— Видишь, Ваня, пришелъ я къ тебѣ съ величайшей просьбой. Но прежде... такъ какъ я самъ теперь соображаю, надо бы тебѣ объяснить нѣкоторыя обстоятельства... чрезвычайно щекотливыя обстоятельства.

Онъ откашлянулся и мелькомъ взглянулъ на меня; взглянулъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и разсердился на себя за свою ненаходчивость; разсердился и рѣшился:

— Ну да что тутъ еще объяснять! Самъ понимаешь. Просто за просто я вызываю князя на дуэль, а тебя прошу устроить это дѣло и быть моимъ секундантомъ.

Я отшатнулся на спинку стула и смотрѣлъ на него вѣ себя отъ изумленія.

— Ну что смотришь! я вѣдь не сошелъ съ ума.

— Но позвольте, Николай Сергѣичъ! какой же предлогъ, какая цѣль? и наконецъ, какъ это можно...

— Предлогъ! цѣль! вскричалъ старикъ: — вотъ прекрасно!..

— Хорошо, хорошо, знаю что вы скажете; но чему же вы помогаете вашей выходкой! какой выходъ представляетъ дуэль? Признаюсь, ничего не понимаю.

— Я такъ и думалъ, что ты ничего не поймешь. Слушай: тяжба наша кончилась (то есть кончится на дняхъ; остаются только однѣ пустыя формальности); я осужденъ. Я долженъ заплатить до десяти тысячъ; такъ присудили. За нихъ отвѣчаетъ Ихменевка. Слѣдственно теперь ужъ этотъ подлый человѣкъ обезпеченъ въ своихъ деньгахъ, а я, предоставивъ Ихменевку, заплатилъ и дѣлаюсь человѣкомъ постороннимъ. Тутъ-то я и поднимаю голову. Такъ и такъ, почтеннѣйшій князь, вы меня оскорбляли два года; вы позорили мое имя, честь моего семейства и я долженъ былъ все это переносить! я не могъ тогда васъ вызвать на поединокъ. Вы бы мнѣ прямо сказали тогда: «А, хитрый человѣкъ, ты хочешь убить меня, чтобъ не платить мнѣ денегъ, которыя, ты чувствуешь, присудятъ тебя мнѣ заплатить, рано ли, поздно ли! Нѣтъ, сначала посмотримъ какъ рѣшится тяжба, а потомъ вызывай.» Теперь почтеннѣйшій князь, процессъ рѣшенъ, вы обезпечены, слѣдовательно нѣтъ никакихъ затрудненій, и потому не угодно ли сюда, къ барьеру. Вотъ въ чемъ дѣло. Чтожъ, по твоему, я не въ правѣ, наконецъ, отмстить за себя, за все, за все!

Глаза его сверкали. Я долго смотрѣлъ на него молча. Мнѣ хотѣлось проникнуть въ его тайную мысль.

— Послушайте, Николай Сергѣичъ, отвѣчалъ я, наконецъ рѣшившись сказать главное слово, безъ котораго мы бы не понимали другъ друга. — Можете ли вы быть со мною совершенно откровенны?

— Могу, отвѣчалъ онъ съ твердостью.

— Скажите же прямо: одно ли чувство мщенія побуждаетъ васъ къ вызову, или у васъ въ виду и другія цѣли?

— Ваня, отвѣчалъ онъ:—ты знаешь, что я не позволю никому въ разговорахъ со мною касаться нѣкоторыхъ пунктовъ; но для теперешняго раза дѣлаю исключеніе, потому что ты своимъ яснымъ умомъ, тотчасъ же догадался, что обойти этотъ пунктъ невозможно. Да, у меня есть и другая цѣль. Эта цѣль: спасти мою погибшую дочь и избавить ее отъ пагубнаго пути, на который ставятъ ее теперь послѣднія обстоятельства.

— Но какъ же вы спасете ее этой дуэлью, вотъ вопросъ?

— Помѣшавъ всему тому, что тамъ теперь затѣвается. Слушай: Не думай, что во мнѣ говоритъ какая нибудь тамъ отцовская нѣжность и тому подобныя слабости. Все это вздоръ! Внутренность сердца моего я никому не показываю. Не знаешь его и ты. Дочь оставила меня, ушла изъ моего дома съ любовникомъ, и я вырвалъ ее изъ моего сердца, вырвалъ разъ навсегда, въ тотъ самый вечеръ,—помнишь? Если ты видѣлъ меня рыдающимъ надъ ея портретомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я желаю простить ее. Я не простилъ и тогда. Я плакалъ о потерянномъ счастьи, о тщетной мечтѣ, но не о ней, какъ она теперь. Я можетъ быть и часто плачу; я не стыжусь въ этомъ признаться, также какъ не стыжусь признаться, что любилъ прежде дитя мое больше всего на свѣтѣ. Все это по видимому противорѣчитъ моей теперешней выходкѣ. Ты можешь сказать мнѣ: Если такъ, если вы равнодушны къ судьбѣ той, которую уже не считаете вашей дочерью, то для чего же вы вмѣшиваетесь въ то, что тамъ теперь затѣвается? Отвѣчаю: во первыхъ, для того, что не хочу дать восторжествовать низкому и коварному человѣку, а во вторыхъ, изъ чувства самаго обыкновеннаго человѣколюбія. Если она мнѣ уже не дочь, то она все-таки слабое, незащищенное и обманутое существо, которое обманываютъ еще больше, чтобъ погубить окончательно. Ввязаться въ дѣло прямо, я не могу, а косвенно, дуэлью, могу. Если меня убьютъ, или прольютъ мою кровь, неужели она перешагнетъ черезъ нашъ барьеръ, а можетъ быть черезъ мой трупъ и пойдетъ съ сыномъ моего убійцы къ вѣнцу, какъ дочь того царя (помнишь еще у насъ была книжка, по которой ты учился читать), которая переѣхала черезъ трупъ своего отца въ колесницѣ? Да и наконецъ если пойдетъ на дуэль, такъ князья-то наши и сами свадьбы не захотятъ. Однимъ словомъ, я не хочу этого брака и употребляю всѣ усилія, чтобъ его не было. Понялъ меня теперь?

— Нѣтъ. Если вы желаете Наташѣ добра, то какимъ образомъ вы рѣшаетесь помѣшать ея браку, то есть именно тому, что можетъ возстановить ея доброе имя? Вѣдь ей еще долго жить на свѣтѣ; ей нужно доброе имя.

— А плевать на всё свѣтскія мнѣнія, вотъ какъ она должна думать! Она должна сознать, что главнѣйшій позоръ заключается для нея въ этомъ бракѣ, именно въ связи съ этими подлыми людьми, съ этимъ жалкимъ свѣтомъ. Благородная гордость, — вотъ отвѣтъ ея свѣту. Тогда, — можетъ быть и я соглашусь протянуть ей руку и увидимъ кто тогда осмѣлится опозорить дитя мое!

Такой отчаянный идеализмъ изумилъ меня. Но я тотчасъ догадался, что онъ былъ самъ не въ себѣ и говорилъ сгоряча.

— Это слишкомъ идеально, отвѣчалъ я ему: — слѣдственно жестоко. Вы требуете отъ нея силы, которой, можетъ быть, вы не дали ей при рожденіи. И развѣ она соглашается на бракъ, потому что хочетъ быть княгиней? Вѣдь она любитъ; вѣдь это страсть; это фатумъ. И наконецъ: вы требуете отъ нея презрѣнія къ свѣтскому мнѣнію, а сами передъ нимъ преклоняетесь. Князь васъ обидѣлъ, публично заподозрилъ васъ въ низкомъ побужденіи обманомъ породниться съ его княжескимъ домомъ, и вотъ вы теперь разсуждаете: если она сама откажетъ имъ теперь, послѣ формальнаго предложенія съ ихъ стороны, то разумѣется это будетъ самымъ полнымъ и явнымъ опроверженіемъ прежней клеветы. Вотъ вы чего добиваетесь, вы поникаете передъ мнѣніемъ самаго князя, вы добиваетесь, чтобъ онъ самъ сознался въ своей ошибкѣ. Васъ тянетъ осмѣять его, отметить ему и для этого вы жертвуете счастьемъ дочери. Развѣ это не эгоизмъ?

Старикъ сидѣлъ мрачный и нахмуренный и долго не отвѣчалъ ни слова.

— Ты несправедливъ ко мнѣ, Ваня, проговорилъ онъ наконецъ и слеза заблестала на его рѣсницахъ: — клянусь тебѣ несправедливъ, но оставимъ это! Я не могу выворотить передъ тобой мое сердце, продолжалъ онъ приподнимаясь и берясь за шляпу; — одно скажу: ты заговорилъ сейчасъ о счастьи дочери. Я рѣшительно и буквально не вѣрю этому счастью, кромѣ того, что этотъ бракъ и безъ моего вмѣшательства никогда не состоится.

— Какъ такъ! Почему вы думаете? Вы можете быть знаете что нибудь? вскричалъ я съ любопытствомъ.

— Нѣтъ; особеннаго ничего не знаю. Но эта проклятая лисица не могла рѣшиться на такое дѣло. Все это вздоръ, одни козни. Я увѣренъ въ этомъ и, помани мое слово, что такъ сбудется. Во вторыхъ: еслибъ этотъ бракъ и сбылся, то есть, въ такомъ только случаѣ, если у того подлца есть свой особый, таинственный, никому неизвѣстный расчетъ, по которому этотъ бракъ ему выгоденъ; — расчетъ, котораго я рѣшительно не понимаю, то рѣши самъ, спроси свое собственное сердце: будетъ ли она счастлива въ этомъ бракѣ? Попреки, униженія, подруга мальчишки, который ужъ и теперь тяготится ея любовью, а какъ женится, — тотчасъ же начнетъ ее не уважать, обидѣть, унижать; въ то же время сила страсти съ

ея стороны, по мѣрѣ охлажденія съ другой; ревность, муки, адъ, разводъ, можетъ быть, само преступленіе... нѣтъ, Ваня! если вы тамъ это стряпаете, а ты еще помогаешь, то, предрекаю тебѣ, дашь отвѣтъ Богу, но ужъ будетъ поздно! Прощай!

Я остановилъ его.

— Послушайте, Николай Сергѣичъ, рѣшимъ такъ: подождемъ. Будьте увѣрены, что не одни глаза смотрятъ за этимъ дѣломъ и, можетъ быть оно разрѣшится самымъ лучшимъ образомъ, само собою, безъ насильственныхъ и искусственныхъ разрѣшеній, какъ напримѣръ эта дуэль. Время — самый лучший разрѣшитель! А, наконецъ, позвольте вамъ сказать, что весь вашъ проэктъ совершенно невозможенъ. Неужели жъ вы могли хоть одну минуту думать, что князь приметъ вашъ вызовъ.

— Какъ не приметъ? Что ты, опомнись!

— Клянусь вамъ, не приметъ и повѣрьте, что найдете отговорку совершенно достаточную; сдѣлается все это съ педантскою важностью, а между тѣмъ вы будете совершенно осмѣяны...

— Помилуй, братецъ, помилуй! Ты меня просто сразилъ послѣ этого! Да какъ же это онъ не приметъ? Нѣтъ, Ваня, ты просто какой-то поэтъ: именно настоящій поэтъ! Да чтожъ, по твоему, неприлично что-ль со мной драться? Я не хуже его. Я старикъ, озорбленный отецъ; ты — русскій литераторъ и потому лицо тоже почетное, можешь быть секундантомъ и... и... Я ужъ и не понимаю, чегожъ тебѣ еще надобно...

— Вотъ увидите. Онъ такіе предлоги подведетъ, что вы сами, вы, первый, найдете, что вамъ съ нимъ драться, — въ высшей степени невозможно.

— Гм... хорошо, другъ мой, пусть будетъ по твоему! Я пережду, до извѣстнаго времени разумѣется. Посмотримъ, что сдѣлаетъ время. Но вотъ что, другъ мой: дай мнѣ честное слово, что ни тамъ, ни Аннѣ Андреевнѣ ты не объявишь нашего разговора?

— Даю.

— Второе, Ваня, сдѣлай милость, не начинай больше никогда со мной говорить объ этомъ.

— Хорошо, даю слово.

— И, наконецъ, еще просьба: я знаю, мой милый, тебѣ у насъ можетъ быть и скучно, но ходи къ намъ по-чаще, если только можешь. Моя бѣдная Анна Андреевна такъ тебя любитъ и... и... такъ безъ тебя скучаетъ... понимаешь, Ваня?

И онъ крѣпко сжалъ мою руку. Я отъ всего сердца далъ ему обѣщаніе.

— А теперь, Ваня, послѣднее щекотливое дѣло: есть у тебя деньги?

— Деньги! повторилъ я съ удивленіемъ.

— Да; (и старикъ покраснѣлъ и опустилъ глаза); смотрю я, братъ, на твою квартиру... на твои обстоятельства... и какъ подумаю, что у тебя могутъ быть другія экстренныя траты (и именно теперь могутъ быть); то... вотъ, братъ, сто пятьдесятъ рублей, на первый случай...

— Сто пятьдесят, да еще на первый случай, тогда какъ вы сами проиграли тяжбу!

— Ваня; ты какъ я вижу, меня совсѣмъ не понимаешь! Могутъ быть экстренныя надобности, пойми это. Въ иныхъ случаяхъ деньги способствуютъ независимости положенія, независимости рѣшенія. Можетъ быть тебѣ теперь и не нужно, но не надо ль на что нибудь въ будущемъ? Во всякомъ случаѣ, я ихъ у тебя оставляю. Это все, что я могъ собрать. Не истратишь, такъ воротишь. А теперь прощай! Боже мой, какой ты блѣдный! да ты весь больной...

Я не возражалъ и взялъ деньги. Слишкомъ ясно было на что онъ ихъ оставлялъ у меня.

— Я едва стою на ногахъ, отвѣчалъ я ему.

— Не пренебрегай этимъ, Ваня, голубчикъ, не пренебрегай! сегодня никуда не ходи. Аниѣ Андреевнѣ такъ и скажу въ какомъ ты положеніи. Не надо ли доктора? Завтра навѣщу тебя; по крайней мѣрѣ всѣми силами постараюсь, если только самъ буду ноги таскать. А теперь легъ бы ты... Ну прощай. Прощай дѣвочка; отворотилась! Слушай другъ мой! вѣтъ еще пять рублей; это дѣвчонкѣ. Ты впрочемъ ей не говори, что я далъ, а такъ, просто истрать на нее, ну тамъ башмачонки какие нибудь, бѣлье... мало-ль что понадобится! Прощай, другъ мой...

Я проводилъ его до воротъ. Мнѣ нужно было попросить дворника сходить за кушаньемъ. Елена до сихъ поръ не обѣдала...

ГЛАВА XI.

Но только что я воротился къ себѣ, голова моя закружилась, и я упалъ посреди комнаты. Помню только крикъ Елены: она всплеснула руками и бросилась ко мнѣ поддерживать меня. Это было послѣднее мгновеніе, уцѣлѣвшее въ моей памяти...

Помню потомъ себя уже на постели. Елена рассказывала мнѣ впоследствии, что она вмѣстѣ съ дворникомъ, принесшимъ въ это время намъ кушанье, перенесла меня на диванъ. Нѣсколько разъ я просыпался, и каждый разъ видѣлъ склонившееся надо мной сострадательное, заботливое личико Елены. Но все это я помню какъ сквозь сонъ, какъ въ туманѣ, и милый образъ бѣдной дѣвочки мелькалъ передо мной, среди забытья, какъ видѣнье, какъ картинка; она подносила мнѣ пить, опраивала меня на постели, или сидѣла передо мной, грустная, испуганная и приглаживала своими пальцами мои волосы. Одинъ разъ вспоминаю ея тихій поцѣлуй на моемъ лицѣ. Въ другой разъ, вдругъ очнувшись ночью, при свѣтѣ нагорѣвшей свѣчѣ, стоявшей передо мной на придвинутомъ къ дивану столикѣ, я увидѣлъ, что Елена прилегла лицомъ на мою подушку и пугливо спала, полураскрывъ свои блѣдныя губки и приложивъ ладонь къ своей теплой щечкѣ. Но очнувшись я хорошо уже только рано утромъ. Свѣча догорѣла вся;

яркій, розовый лучъ начинавшейся зари уже игралъ на стѣнѣ. Елена сидѣла на стулѣ передъ столомъ и, склонивъ свою усталую головку на лѣвую руку, улегшуюся на столѣ, крѣпко спала, и помню, я заглядѣлся на ея дѣтское личико, полное и во свѣ какъ-то не дѣтски-грустнаго выраженія, и какой-то страшной, болѣзненной красоты; блѣдное съ стрѣльчатыми длинными рѣсницами на худенькихъ щекахъ, обрамленное черными какъ смоль волосами, густо и тяжело ниспадавшими небрежно завязаннымъ узломъ на сторону. Другая рука ея лежала на моей подушкѣ. Я тихо-тихо поцѣловалъ эту худенькую ручку, но бѣдное дитя не проснулось, только какъ будто улыбка проскользнула на ея блѣдныхъ губкахъ. Я смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее и тихо заснулъ покойнымъ, цѣлительнымъ сномъ. Въ этотъ разъ я проспалъ чуть не до полудня. Проснувшись, я почувствовалъ себя почти выздоровѣвшимъ. Только слабость и тяжесть во всѣхъ членахъ свидѣтельствовали о недавней болѣзни. Подобные нервныя и быстрые припадки бывали со мною и прежде; я зналъ ихъ хорошо. Болѣзнь обыкновенно почти совсѣмъ проходила въ сутки; что впрочемъ не мѣшало ей дѣйствовать въ эти сутки сурово и круто.

Былъ уже почти полдень. Первое, что я увидѣлъ, это протянутая въ углу, на снуркѣ занавѣсы, купленные мною вчера. Распорядилась Елена и отмежевала себѣ въ комнатѣ особый уголокъ. Она сидѣла передъ печкой и кипятила чайникъ. Замѣтивъ, что я проснулся, она весело улыбнулась и тотчасъ же подошла ко мнѣ.

— Другъ ты мой, сказали я, взявъ ее за руку: — ты цѣлую ночь за мной смотрѣла. Я не зналъ, что ты такая добрая.

— А вы почему знаете, что я за вами смотрѣла; можетъ быть я всю ночь проспала? спросила она, смотря на меня съ добродушнымъ и стыдливимъ лукавствомъ и въ тоже время застѣнчиво краснѣя отъ своихъ словъ.

— Я просыпался и видѣлъ все. Ты заснула только передъ разсвѣтомъ...

— Хотите чаю? перебила она, какъ бы затрудняясь продолжать этотъ разговоръ, что бываетъ со всѣми цѣломудренными и сурово-честными сердцами, когда объ нихъ имъ же заговорять съ похвалою.

— Хочу, отвѣчалъ я. — Но обѣдала ли ты вчера?

— Не обѣдала, а ужинала. Дворникъ прпрнесъ. Вы впрочемъ не разговаривайте, а лежите покойно: вы еще не совсѣмъ здоровы, прибавила она, поднося мнѣ чай и садясь на мою постель.

— Какое лежите! До сумерекъ впрочемъ буду лежать, а тамъ пойду со двора. Непремѣнно надо, Леночка.

— Ну ужъ и надо! къ кому вы пойдете? Ужъ не къ вчерашнему ли гостю?

— Нѣтъ не къ нему.

— Вотъ и хорошо, что не къ нему. Это онъ васъ разстроилъ вчера. Такъ къ его дочери?

— А ты почему знаешь про его дочь?

— Я все вчера слышала, отвѣчала она потупившись.

Лицо ея нахмурилось. Брови сдвинулись надъ глазами.

— Онъ дурной старикъ, прибавила она потомъ.

— Развѣ ты знаешь его? Напротивъ, онъ очень добрый человѣкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ злой; я слышала, отвѣчала она съ увлеченіемъ.

— Да что же ты слышала?

— Онъ свою дочь не хочетъ простить...

— Но онъ любитъ ее. Она передъ нимъ впривата, а онъ объ ней заботится, мучается.

— А зачѣмъ не прощаетъ? Теперь какъ простить, дочь и не шла бы къ нему.

— Какъ-такъ? Почему же?

— Потому-что онъ не стоитъ, чтобъ его дочь любила, отвѣчала она съ жаромъ. — Пусть она уйдетъ отъ него навсегда и лучше пусть милостыню просить, а онъ пусть видитъ, что дочь проситъ милостыню, да мучается.

Глаза ея сверкали, щеки загорѣлись. Вѣрно она не спросту такъ говоритъ, подумалъ я про себя.

— Это вы меня къ нему-то въ домъ хотѣли отдать? прибавила она помолчавъ.

— Да, Елена.

— Нѣтъ, я лучше въ служанки наймусь.

— Ахъ, какъ не хорошо это все, что ты говоришь, Леночка. И какой вздоръ: ну къ кому ты можешь наняться?

— Ко всякому мужику, нетерпѣливо отвѣчала она, все болѣе и болѣе потупляясь. Она была примѣтно вспыльчива.

— Да мужику и не надо такой работницы, сказалъ я, усмѣхаясь.

— Ну къ господамъ.

— Съ твоимъ ли характеромъ жить у господъ?

— Съ моимъ. Чѣмъ болѣе раздражалась она, тѣмъ отрывистѣе отвѣчала.

— Да ты не выдержишь.

— Выдержу. Меня будутъ бранить, а я буду нарочно молчать. Меня будутъ бить, а я буду все молчать, все молчать, пусть бьютъ, ни за что не заплачу. Имъ же хуже будетъ отъ злости, что я не плачу.

— Что ты Елена! Сколько въ тебѣ озлобленія; и гордая ты какая! Много знать, ты видѣла горя...

Я всталъ и подошелъ къ моему большому столу. Елена осталась на диванѣ, задумчиво смотря въ землю и пальчиками щипала покрывку. Она молчала. Разсердилась, что ли она на мои слова? думалъ я.

Стоя у стола, я машинально развернулъ вчерашнія книги, взятыя мною для компиляціи и мало по малу завлекся чтеніемъ. Со мной это часто случается: подойду, разверну книгу на минутку справиться, и зачитаюсь такъ, что забуду все.

— Что вы тутъ все пишете? съ робкой улыбкой спросила Елена, тихонько подходя къ столу.

— А такъ, Леночка, всякую всячину. За это мнѣ деньги даютъ.

— Просьбы?

— Нѣтъ не просьбы. И я объяснилъ ей сколько могъ, что описываю разныя исторіи, про разныхъ людей: изъ этого выходятъ книги, которыя называются повѣстями и романами. Она слушала съ большимъ любопытствомъ.

— Что же, вы тутъ все правду описываете?

— Нѣтъ, выдумываю.

— Зачѣмъ же вы неправду пишете?

— А вотъ прочти, вотъ видишь, вотъ эту книжку; ты ужъ разъ ее смотрѣла. Ты вѣдь умѣешь читать?

— Умѣю.

— Ну вотъ и увидишь. Эту книжку я написалъ.

— Вы? прочту...

Ей что-то очень хотѣлось мнѣ сказать, но она очевидно затруднилась и была въ большомъ волненіи. Подъ ея вопросами что-то крылось.

— А вамъ много за это платять? спросила она наконецъ.

— Да какъ случится. Иногда много, а иногда и ничего нѣтъ, потому-что работа не работается. Эта работа трудная, Леночка.

— Такъ вы не богатый?

— Нѣтъ, не богатый.

— Такъ я буду работать и вамъ помогать...

Она быстро взглянула на меня, вспыхнула, опустила глаза и ступивъ ко мнѣ два шага, вдругъ обхватила меня обѣими руками, а лицомъ крѣпко-крѣпко прижалась къ моей груди. Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Я васъ люблю... я не гордая, проговорила она. — Вы сказали вчера, что я гордая. Нѣтъ, цѣть... я не такая... я васъ люблю. Вы только одинъ меня любите...

Но уже слезы задушили ее. Минуту спустя, они вырвались изъ ея груди съ такою силою, какъ вчера во время припадка. Она упала передо мной на колѣни, цѣловала мои руки, ноги...

— Вы любите меня!... повторяла она: — вы только одинъ, одинъ!..

Она судорожно сжимала мои колѣни своими руками. Все чувство ея сдерживаемое столько времени, вдругъ разомъ вырвалось наружу, въ неустержимомъ порывѣ, и мнѣ стало понятно это странное упорство сердца, цѣломудренно таящего себя до времени и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ суровѣе, чѣмъ сильнѣе потребность залить себя, высказаться, и все это до того неизбежнаго порыва, когда все существо вдругъ до самозабвенія отдается этой потребности любви, благодарности, ласкамъ, словамъ...

Она рыдала до того, что съ ней сдѣлалась истерика. Насилу я развелъ ея руки, обхватившія меня. Я поднялъ ее и отнесъ на диванъ. Долго еще она рыдала, укрывъ лицо въ подушки, какъ будто

стыдась смотрѣть на меня, но крѣпко стиснувъ мою руку въ своей маленькой ручкѣ и не отнимая ее отъ своего сердца.

Мало по малу она утихла; но все еще не подымала ко мнѣ своего лица. Раза два, мелькомъ ее глаза скользнули по моему лицу, и въ нихъ было столько мягкости и какого-то пугливаго и снова притавшагося чувства. Наконецъ она покраснѣла и улыбнулась.

— Легче ли тебѣ? спросилъ я:—чувствительная ты моя Леночка, больное ты мое дитя?

— Не Леночка, нѣтъ... прошептала она, все еще пряча отъ меня свое личико.

— Не Леночка? Какъ же?

— Нелли.

— Нелли? Почему же непременно Нелли? Пожалуй, это очень хорошенькое имя. Такъ я тебя и буду звать, коли ты сама хочешь.

— Такъ меня мамаша звала... И никто такъ меня не звалъ, никогда кромѣ нея... И я не хотѣла сама, чтобъ меня кто звалъ такъ, кромѣ мамашини... А вы зовите; я хочу... Я васъ буду всегда любить, всегда любить...

Любящее и гордое сердечко, подумалъ я; а какъ долго надо мнѣ было заслужить, чтобъ ты для меня стала... Нелли. Но теперь я уже зналъ, что ей сердце предано мнѣ на вѣки.

— Нелли, послушай, спросилъ я, какъ только она успокоилась. — Ты, вотъ, говоришь, что тебя любила только одна мамаша и никто больше. А развѣ твой дѣдушка и вправду не любилъ тебя?

— Не любилъ...

— А вѣдь ты плакала здѣсь о немъ, помнишь, на лѣтницѣ?

Она на минуту задумалась.

— Нѣтъ, не любилъ.. Онъ былъ злой.—И какое-то большое чувство выдавилось на ее лицѣ.

— Да вѣдь съ него пельза было и спрашивать Нелли. Онъ кажется совсѣмъ уже выжилъ изъ ума. Онъ и умеръ какъ безумный. Вѣдь я тебѣ рассказывалъ какъ онъ умеръ.

— Да; но онъ только въ послѣдній мѣсяцъ сталъ совсѣмъ забываться. Сидитъ, бывало, здѣсь цѣлый день, и еслибъ я не приходила къ нему, онъ бы и другой и третій день такъ сидѣлъ, не пивши, не ѣвши. А прежде онъ былъ гораздо лучше.

— Когда же прежде?

— Когда еще мамаша не умирала.

— Стало быть это ты ему приносила пить и ѣсть Нелли?

— Да, и я приносила.

— Гдѣ же ты брала, у Бубновой?

— Нѣтъ; я никогда ничего не брала у Бубновой, настойчиво проговорила она, какимъ-то вздрагивавшимъ голосомъ.

— Гдѣ же ты брала, вѣдь у тебя ничего не было?

Нелли помолчала и странно поблѣднѣла: по-

томъ долгимъ-долгимъ взглядомъ посмотрѣла на меня.

— Я на улицу милостыню ходила просить... Напрошу пять копѣекъ и куплю ему хлѣба и табакъ нюхальнаго...

— И онъ позволялъ! Нелли! Нелли!

— Я сначала сама пошла и ему не сказала. А онъ какъ узналъ, потомъ ужъ самъ сталъ меня прогонять просить. Я стою на мосту, прошу у прохожихъ, а онъ ходитъ около моста дожидается; и какъ увидитъ, что мнѣ дали, такъ и бросится на меня и отниметъ деньги, точно я утаить отъ него хочу, не для него собираю.

Говоря это, она улыбнулась какою-то ѣдкой, горькою улыбкою.

— Это все было, когда мамаша умерла, прибавила она. — Тутъ онъ ужъ совсѣмъ сталъ какъ безумный.

— Стало быть, онъ очень любилъ твою мамашу? Какъ же онъ не жилъ съ нею?

— Нѣтъ, не любилъ... Онъ былъ злой и ее не прощалъ... какъ вчерашній злой старикъ, проговорила она тихо, совсѣмъ почти шопотомъ и блѣднѣя все больше и больше.

Я вздрогнулъ. Завязка цѣлаго романа такъ и блеснула въ моемъ воображеніи. Эта бѣдная женщина, умиравшая въ подвалѣ у гробовщика, сиротка дочь ея, навѣщавшая пзрѣдка дѣдушку, проклявшаго ея мать; обезумѣвшій чудакъ старикъ, умиравшій въ канцлерской, послѣ смерти своей собаки!...

— А вѣдь Азорка-то былъ прежде маменькинъ, сказала вдругъ Нелли, улыбаясь какому-то воспоминанію.—Дѣдушка очень любилъ прежде маменьку, и когда мамаша ушла отъ него, у него и остался мамашинъ Азорка. Оттого то онъ и любилъ такъ Азорку... Мамашу не простилъ, а когда собака умерла, такъ самъ умеръ, сурово прибавила Нелли, и улыбка исчезла съ лица ея.

— Нелли, ктожъ онъ былъ такой прежде? спросилъ я, подождавъ немного.

— Онъ былъ прежде богатый... Я не знаю кто онъ былъ, отвѣчала она.—У него былъ какой-то заводъ... Такъ мамаша мнѣ говорила. Она сначала думала, что я маленькая и всего мнѣ не говорила. Все бывало целуетъ меня а сама говоритъ: все узнаешь; придетъ время, узнаешь, бѣдная, несчастная! и все меня бѣдной и несчастной звала. И когда ночью бывало думаетъ, что я сплю (а я нарочно, не сплю, притворюсь что сплю), она все плачетъ надо мной, целуетъ меня и говоритъ: бѣдная, несчастная!

— Отчего же умерла твоя мамаша?

— Отъ чахотки; теперь шесть недѣль будетъ.

— А ты помнишь, когда дѣдушка былъ богатъ?

— Да вѣдь я еще тогда не родилась. Мамаша еще прежде чѣмъ я родилась, ушла отъ дѣдушки.

— Съ кѣмъ же ушла?

— Не знаю, отвѣчала Нелли, тихо и какъ бы задумываясь. — Она за-границу ушла, а я тамъ и родилась.

— За-границей? Гдѣ же?

— Въ Швейцаріи. Я вездѣ была, и въ Италіи была, и въ Парижѣ была.

Я удивился.—И ты помнишь Нелли?

— Многое помню.

— Какъ же ты такъ хорошо по-русски знаешь, Нелли?

— Мамаша меня еще и тамъ учила по-русски. Она была русская, потому что ея мать была русская, а дѣдушка былъ англичанинъ, но тоже какъ русскій. А какъ мы сюда съ мамашей воротились полтора года назадъ, я и научилась совсѣмъ. Мамаша была уже тогда больная. Тутъ мы стали все бѣднѣе и бѣднѣе. Мамаша все плакала. Она сначала долго отыскивала здѣсь въ Петербургѣ дѣдушку, и все говорила, что передъ нимъ виновата, и все плакала... Такъ плакала, такъ плакала! А какъ узнала, что дѣдушка бѣдный, то еще больше плакала. Она къ нему и письма часто писала, онъ все не отвѣчалъ.

— Зачѣмъ же мамаша воротилась сюда? Только къ отцу?

— Не знаю. А тамъ намъ такъ хорошо было жить, и глаза Нелли засверкали. — Мамаша жила одна, со мной. У ней былъ одинъ другъ, добрый, какъ вы... Онъ ее еще здѣсь звалъ. Но онъ тамъ умеръ, мамаша и воротилась...

— Такъ съ нимъ-то мамаша твоя и ушла отъ дѣдушки?

— Нѣтъ, не съ нимъ. Мамаша ушла съ другимъ отъ дѣдушки, а тотъ ее и оставилъ...

— Съ кѣмъ же Нелли?

Нелли взглянула на меня и ничего не отвѣчала. Она очевидно знала съ кѣмъ ушла ея мамаша и кто вѣроятно былъ и ея отецъ. Ей было тяжело даже и мнѣ называть его имя...

Я не хотѣлъ ее мучить разспросами. Это былъ характеръ странный, неровный и пылкій, но подавлявшій въ себѣ свои порывы; симпатичный, но замыкавшійся въ гордость и недоступность. Все время какъ я ее зналъ, она, не смотря на то, что любила меня всѣмъ сердцемъ своимъ, самою свѣтлою и ясною любовью, почти наравнѣ съ своею умершею матерью, о которой даже не мо-

гла вспоминать безъ боли, — не смотря на то, она рѣдко была со мной наружу и, кромѣ этого дня, рѣдко чувствовала потребность говорить со мной о своемъ прошедшемъ; даже напротивъ, какъ то сурово таилась отъ меня. Но въ этотъ день, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, среди мукъ и судорожныхъ рыданій, прерывавшихъ разсказъ ея, она передала мнѣ все, что наиболѣе волновало и мучило ее въ ея воспоминаніяхъ, и никогда не забуду я этого страшнаго разсказа. Но главная исторія ея еще впереди...

Это была страшная исторія; это исторія покинутой женщины, пережившей свое счастье; больной, измученной и оставленной всѣми; отвергнутой послѣднимъ существомъ, на которое она могла надѣяться, — отцомъ своимъ, оскорбленнымъ когда-то ею и въ свою очередь выжившимъ изъ ума отъ нестерпимыхъ страданій и униженій. Это исторія женщины, доведенной до отчаянія; ходившей съ своею дѣвочкой, которую она считала еще ребенкомъ, по холоднымъ, грязнымъ петербургскимъ улицамъ и просившей милостыню; женщины, умравшей потомъ цѣлые мѣсяцы въ сыромъ подвалѣ и которой отецъ отказывалъ въ прощеніи до послѣдней минуты ея жизни и только въ послѣднюю минуту опомнившійся и прибѣжавшій простить ее, но уже заставшій одинъ холодный трупъ вмѣсто той, которую любилъ больше всего на свѣтѣ. Это былъ странный разсказъ о таинственныхъ, даже едва понятныхъ отношеніяхъ выжившаго изъ ума старика съ его маленькой вучкой, уже понимавшей его, уже понимавшей, не смотря на свое дѣтство, многое изъ того, до чего не развивается иной въ цѣлые годы своей обезпеченной и гладкой жизни. Мрачная это была исторія, одна изъ тѣхъ мрачныхъ и мучительныхъ исторій, которыя такъ часто и непримѣтно, почти таинственно, сбываются подъ тяжелымъ петербургскимъ небомъ, въ темныхъ, потаенныхъ закоулкахъ огромнаго города, среди взбалмошнаго кипѣнія жизни, тупаго эгоизма, сталкивающихся интересовъ, угрюмага разврата, сокроенныхъ преступленій, среди всего этого кромѣшпаго ада безсмысленной и ненормальной жизни...

Но эта исторія еще впереди...

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Давно уже наступили сумерки, насталъ вечеръ и только тогда я очнулся отъ мрачнаго кошмара и вспомнилъ о настоящемъ.

— Нелли, сказала я:— вотъ ты теперь больна, разстроена, а я долженъ тебя оставить одну, взволнованную и въ слезахъ. Другъ мой! прости меня и узнай, что тутъ есть тоже одно любимое и непростенное существо, несчастное, оскорбленное и покинутое. Она ждетъ меня. Да и меня самого влечетъ теперь послѣ твоего разсказа такъ, что я кажется не перенесу, если не увижу ее сейчасъ, сію минуту...

Не знаю, поняла ли Нелли все что я ей говорилъ. Я былъ взволнованъ и отъ разсказа и отъ недавней болѣзни; но я бросился къ Наташѣ. Было уже поздно, часъ девятый, когда я вошелъ къ ней.

Еще на улицѣ, у воротъ дома, въ которомъ жила Наташа, я замѣтилъ коляску, и мнѣ показалось, что это коляска князя. Входя къ Наташѣ былъ со двора. Только что я сталъ входить на лѣстницу, я слышалъ передъ собой, однимъ взходомъ выше, человека, взбиравагоса ощупью, осторожно, очевидно незнакомаго съ мѣстностью. Мнѣ вообразилось, что это долженъ быть князь; но скорѣ я сталъ разувѣряться. Незнакомецъ, взбравшій на верхъ, ворчалъ и проклиналъ дорогу и все сильнѣе и энергичнѣе, чѣмъ выше онъ подымался. Конечно, лѣстница была узкая, грязная, крутая, никогда не освѣщенная; но такихъ ругательствъ, какія начались въ третьемъ этажѣ, я бы ни какъ не могъ приписать князю: взбравшійся господинъ ругался какъ извозчикъ. Но съ третьяго этажа начался свѣтъ; у Наташиныхъ дверей горѣлъ маленькій фонарь. У самой двери я нагналъ моего знакомаго, и каково же было

мое изумленіе, когда я узналъ въ немъ князя. Кажется, ему чрезвычайно было непріятно такъ нечаянно столкнуться со мною. Первое мгновеніе онъ не узналъ меня; но вдругъ все лицо его преобразилось. Первый, злобный и ненавидный взглядъ его на меня сдѣлался вдругъ пріятнымъ и веселымъ, и онъ, съ какою-то необыкновенною радостью протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Ахъ, это вы! А я только что хотѣлъ было стать на колѣна и молить Бога о спасеніи моей жизни. Слышали какъ я ругался?

И онъ захохоталъ простодушнѣйшимъ образомъ. Но вдругъ лицо его приняло серьезное и заботливое выраженіе.

— И Алеша могъ помѣстить Наталью Николаевну въ такой квартирѣ! сказалъ онъ, покачивая головою. — Вотъ эти-то, называемыя *мелочи* и обозначаютъ человека. Я боюсь за него. Онъ добръ, у него благородное сердце, но вотъ вамъ примѣръ: любить безъ памяти, а помѣщаетъ ту, которую любить, въ такой конурѣ. Я даже слышалъ, что иногда хлѣба не было, прибавилъ онъ шопотомъ отыскивая ручку колокольчика.— У меня голова трещитъ, когда подумаю о его будущности, а главное о будущности *Анны* Николаевны, когда она будетъ его женой...

Онъ ошибся именемъ и не замѣтилъ того, съ явною досадою не находя колокольчика. Но колокольчика и не было. Я подергалъ ручку замка, и Мавра тотчасъ же намъ отворила. Суетливо встрѣчая насъ. Въ кухнѣ, отдѣлявшейся отъ крошечной передней деревянной перегородкой, сквозь отворенную дверь замѣтны были нѣкоторыя приготовления: все было какъ-то не по всегдашнему, вытерто и вычищено; въ печи горѣлъ огонь; на столѣ стояла какая-то новая посуда. Видно было, что насъ ждали. Мавра бросилась снимать наши пальто.

— Алеша здѣсь? спросилъ я ее.

— Не бывалъ, шепнула она мнѣ какъ-то таинственно.

Мы вошли къ Наташѣ. Въ ея комнатѣ не было никакихъ особенныхъ приготовленій; все было по-старому. Впрочемъ у нея всегда было все такъ чисто и мило, что нечего было и прибирать. Наташа встрѣтила насъ, стоя передъ дверью. Я пораженъ былъ болѣзненной худобой и чрезвычайной блѣдностью ея лица, хотя румянецъ и блеснулъ на одно мгновение на ея помертвѣвшихъ щекахъ. Глаза были лихорадочные. Она молча и торопливо протянула князю руку, примѣтно суетясь и теряясь. На меня же она и не взглянула. Я стоялъ и ждалъ молча.

— Вотъ и я! дружески и весело заговорилъ князь: — только нѣсколько часовъ какъ воротился. Все это время вы не выходили изъ моего ума (онъ нѣжно поцѣловалъ ея руку); — и сколько, сколько я передумалъ о васъ! Сколько выдумалъ вамъ сказать, передать... Ну, да мы наговоримся! Впервые мой вѣтрогонъ, котораго, я вижу, еще здѣсь нѣтъ...

— Позвольте, князь, перебила его Наташа, покраснѣвъ и смѣшавшись: мнѣ надо сказать два слова Ивану Петровичу. Ваня, пойдемъ... два слова...

Она схватила меня за руку и повела за шпирмы.

— Ваня, сказала она шопотомъ, заведи меня въ самый темный уголъ: — простишь ты меня или нѣтъ?

— Наташа, полно, что ты!..

— Нѣтъ, нѣтъ Ваня, ты слишкомъ часто и слишкомъ много прощалъ мнѣ, но вѣдь есть же конецъ всякому терпѣнію. Ты меня никогда не разлюбилъ, я знаю, но ты меня назовешь неблагодарною, а я вчера и третьяго дня была предъ тобой неблагодарная, эгоистка, жестокая...

Она вдругъ залилась слезами и прижалась лицомъ къ моему плечу.

— Полно, Наташа, смѣшилъ я разувѣрить ее. — Вѣдь я былъ очень боленъ всю ночь: даже и теперь едва стою на ногахъ, оттого и не заходилъ ни вечеромъ вчера, ни сегодня, а ты и думаешь, что я разсердился... Другъ ты мой дорогой, да развѣ я не знаю, что теперь въ твоей душѣ дѣлается?

— Ну и хорошо... значить простилъ, какъ всегда, сказала она, улыбаясь сквозь слезы и сжимая до боли мою руку. — Остальное послѣ. Много надо сказать тебѣ, Ваня. А теперь къ нему...

— Поскорѣй, Наташа; мы такъ его вдругъ оставили...

— Вотъ ты увидишь, увидишь что будетъ, скоро шепнула она мнѣ. — Я теперь знаю все; все угадала. Виновать всему *онъ*. Этотъ вечеръ много рѣшить. Пойдемъ!

Я не появлялъ, но спросить было некогда. Наташа вышла къ князю съ свѣтлымъ лицомъ. Онъ все еще стоялъ со шляпой въ рукахъ. Она весело

передъ нимъ извинилась, взяла у него шляпу, сама придвинула ему стулъ, и мы втроемъ усѣлись кругомъ ея стола.

— Я началъ о моемъ вѣтренникѣ, продолжалъ князь: — я видѣлъ его только одну минуту и то на улицѣ, когда онъ садился ѣхать къ графинѣ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Онъ ужасно спѣшилъ и, представьте, даже не хотѣлъ встать, чтобъ войти со мной въ комнату, послѣ четырехъ дней разлуки. И, кажется, я въ томъ виноватъ, Наталья Николаевна, что онъ теперь не у васъ и что мы пришли прежде него; я воспользовался случаемъ, и такъ какъ самъ не могъ быть сегодня у графини, то далъ ему одно порученіе. Но онъ явится сію минуту.

— Онъ вамъ навѣрно обѣщалъ пріѣхать сегодня? спросила Наташа съ самымъ простодушнымъ видомъ, смотря на князя.

— Ахъ, Боже мой, еще бы онъ не пріѣхалъ; какъ это вы спрашиваете! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, всматриваясь въ нее. — Впрочемъ понимаю: вы на него сердитесь. Дѣйствительно какъ-то будто дурно съ его стороны, пріѣдти всѣхъ позже. Но, повторяю, виноватъ въ этомъ я. Не сердитесь и на него. Онъ легкомысленный, вѣтренникъ; я его не защищаю, но нѣкоторые особенныя обстоятельства требуютъ, чтобъ онъ не только не оставлялъ теперь дома графини и нѣкоторыхъ другихъ связей, но напротивъ, какъ можно чаще являлся туда. Ну а такъ какъ онъ, вѣроятно, не выходитъ теперь отъ васъ и забылъ все на свѣтѣ, то пожалуйста не сердитесь, если я буду иногда брать его, часа на два не больше, по моимъ порученіямъ. Я увѣренъ, что онъ еще ни разу не былъ у княгини К. съ того вечера и такъ досаду, что не успѣлъ давеча распросить его!..

Я взглянулъ на Наташу. Она слушала князя съ легкой полунасмѣшливой улыбкой. Но онъ говорилъ такъ прямо, такъ натурально. Казалось, не было возможности въ чемъ-нибудь подозрѣвать его.

— И вы вправду не знали, что онъ у меня во всѣ эти дни ни разу не былъ? спросила Наташа, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какъ-будто говоря о самомъ обыкновенномъ для нея происшествіи.

— Какъ! ни разу не былъ? позвольте, что вы говорите! сказалъ князь, повидимому въ чрезвычайномъ изумленіи.

— Вы были у меня во вторникъ, поздно вечеромъ; на другое утро онъ заѣзжалъ ко мнѣ на полчаса, и съ тѣхъ поръ я его не видала ни разу.

— Но это невѣроятно! (онъ изумлялся все болѣе, и болѣе). Я именно думалъ, что онъ не выходитъ отъ васъ. Извините, это такъ странно... просто невѣроятно.

— Но однакожъ вѣрно, и какъ жаль: я нарочно ждала васъ, думала отъ васъ-то и узнать гдѣ онъ находится?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь онъ сейчасъ же

будетъ здѣсь! Но то что вы мнѣ сказали, меня до того поразило, что я... признаюсь, я всего ожидалъ отъ него, но этого... этого!

— Какъ вы изумляетесь! А я такъ думала, что вы не только не станете изумляться, но даже заранѣе знали, что такъ и будетъ.

— Зналъ! Я? Но увѣряю же васъ, Наталья Николаевна, что видѣлъ его только одну минуту сегодня и больше нѣкого объ немъ не спрашивалъ; и мнѣ странно, что вы мнѣ какъ-будто не вѣрите, продолжалъ онъ, оглядывая насъ обоихъ.

— Сохрани Богъ, подхватила Наташа:—совершенно увѣрена, что вы сказали правду.

И она засмѣялась снова, прямо въ глаза князю, такъ, что его какъ-будто передернуло.

— Объяснитесь, сказалъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Да тутъ нечего и объяснять. Я говорю очень просто. Вы вѣдь знаете какой онъ вѣтренный, забывчивый. Ну вотъ, какъ ему дана теперь полная свобода, онъ и увлекся.

— Но такъ увлекаться невозможно, тутъ что нибудь да есть, и только что онъ прѣдетъ, я заставлю его объяснить это дѣло. Но болѣе всего меня удивляетъ, что вы какъ-будто и меня въ чемъ-то обвиняете, тогда какъ меня даже здѣсь и не было. А впрочемъ, Наталья Николаевна, я вижу, вы на него очень сердитесь,—и это понятно! вы имѣете на то всѣ права, и... и... разумѣется я первый виноватъ, ну хоть потому только, что я первый подвернулся; не правда ли? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ раздражительною усмѣшкою.

Наташа вспыхнула.

— Позвольте, Наталья Николаевна, продолжалъ онъ съ достоинствомъ:—соглашаюсь, что я виноватъ, но только въ томъ, что уѣхалъ на другой день послѣ нашего знакомства, такъ что вы, при нѣкоторой мнительности, которую я замѣчаю въ вашемъ характерѣ, уже успѣли измѣнить обо мнѣ ваше мнѣніе, тѣмъ болѣе, что тому способствовали обстоятельства. Не уѣзжалъ бы я, — вы бы меня узнали лучше, да и Алеша не вѣтренничалъ бы подъ моимъ надзоромъ. Сегодня же вы услышите сами, что я наговорю ему.

— То есть сдѣлаете, что онъ мною начнетъ тяготиться. Невозможно, чтобъ при вашемъ умѣ, вы вправду думали, что такое средство мнѣ поможетъ.

— Такъ ужъ не хотите ли вы намекнуть, что я нарочно хочу такъ устроить, чтобъ онъ вамъ тяготился? Вы обижаете меня, Наталья Николаевна.

— Я стараюсь какъ можно меньше употреблять намековъ, съ кѣмъ бы я ни говорила, отвѣчала Наташа; — напротивъ, всегда стараюсь говорить какъ можно прямѣе, и вы, можетъ быть, сегодня же убѣдитесь въ этомъ. Обижать я васъ не хочу, да и не зачѣмъ, хоть ужъ потому только, что вы моими словами не обидитесь, что бы я вамъ ни

сказала. Въ этомъ я совершенно увѣрена, потому что совершенно понимаю наши взаимныя отношенія: вѣдь вы на нихъ не можете смотрѣть серьезно, не правда ли? Но если я въ самомъ дѣлѣ васъ обидѣла, то готова просить прощенія, чтобъ исполнить передъ вами всѣ обязанности... гостепріимства.

Не смотря на легкій и даже шуточный тонъ, съ которымъ Наташа произнесла эту фразу, съ смѣхомъ на губахъ, нѣкогда еще я не видалъ ее до такой степени раздраженною. Теперь только я понималъ, до чего наболѣло у нея въ сердцѣ въ эти три дня. Загадочныя слова ея: что она уже все знаетъ и обо всемъ догадалась, испугали меня; они прямо относились къ князю. Она измѣнила о немъ свое мнѣніе и смотрѣла на него, какъ на своего врага, — это было очевидно. Она видимо приписывала его вліянію всѣ свои неудачи съ Алешей, и можетъ быть имѣла на это какія нибудь данныя. Я боялся между ними внезапной сцены. Шуточный тонъ ея былъ слишкомъ обнаружень, слишкомъ не закрытъ. Послѣднія же слова ея князю о томъ, что онъ не можетъ смотрѣть на ихъ отношенія серьезно, фраза объ извиненіи по обязанности гостепріимства; ея обѣщаніе, въ видѣ угрозы, доказать ему въ этотъ же вечеръ, что она умѣетъ говорить прямо, — все это было до такой степени язвительно и немаскировано, что не было возможности, чтобъ князь не понялъ всего этого. Я видѣлъ, что онъ измѣнился въ лицѣ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ тотчасъ же показалъ видъ, что не замѣтилъ этихъ словъ, не понялъ ихъ настоящаго смысла, и разумѣется отдѣлался шуткой.

— Боже меня сохрани требовать извиненій! подхватилъ онъ смѣясь.—Я вовсе не того хотѣлъ, да и не въ моихъ правилахъ требовать извиненія отъ женщинъ. Еще въ первое наше свиданіе я отчасти предупредилъ васъ о моемъ характерѣ, а потому вы, вѣроятно, не разсердитесь на меня за одно замѣчаніе, тѣмъ болѣе что оно будетъ вообще о всѣхъ женщинахъ; вы тоже вѣроятно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ, продолжалъ онъ, съ любезностью обращаясь ко мнѣ. — Именно, я замѣтилъ, въ женскомъ характерѣ есть такая черта, что если, напримѣръ, женщина въ чемъ виновата, то скорѣй она согласится потомъ, впоследствии, загладить свою вину тысячею ласкъ, чѣмъ въ настоящую минуту, во время самой очевидной улики въ проступкѣ, сознаться въ немъ и попросить прощенія. И такъ, если только предположить, что я вамъ обиженъ, то теперь, въ настоящую минуту, я нарочно не хочу извиненія; мнѣ выгоднѣе будетъ впоследствии, когда вы узнаете вашу ошибку и захотите ее загладить передо мной... тысячею ласкъ. А вы такъ добры, такъ чисты, свѣжи, такъ наружу, что минута, когда вы будете раскаиваться, предчувствую это, будетъ очаровательна. А лучше, вмѣсто извиненія, скажите мнѣ теперь, не могу ли я сегодня же чѣмъ ни-

будь доказать вамъ, что я гораздо искреннѣе и прямѣе поступаю съ вами, чѣмъ вы обо мнѣ думаете?

Наташа покраснѣла. Мнѣ тоже показалось, что въ отвѣтъ князя слышался какой-то ужъ слишкомъ легкій, даже небрежный тонъ; какая-то нескромная шутливость.

— Вы хотите мнѣ доказать, что вы со мной прямы и простодушны? спросила Наташа, съ вызывающимъ видомъ смотря на него.

— Да.

— Если такъ, исполните мою просьбу.

— Заранѣе даю слово.

— Вотъ она: ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ обо мнѣ не беспокоить Алешу ни сегодня, ни завтра. Ни одного упрека за то, что онъ забываетъ меня; ни одного наставленія. Я именно хочу встрѣтить его такъ, какъ-будто ничего между нами не было, чтобы онъ и замѣтить ничего не могъ. Мнѣ это надо. Дадите вы мнѣ такое слово?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ князь:—и позвольте мнѣ прибавить отъ всей души, что я рѣдко въ комъ встрѣчалъ болѣе благоразумнаго и яснаго взгляда на такія дѣла... Но вотъ кажется и Алеша.

Дѣйствительно въ передней послышался шумъ. Наташа вздрогнула и какъ-будто къ чему-то приготовилась. Князь сидѣлъ съ серьезною миною и ожидалъ что-то будетъ; онъ пристально слѣпилъ за Наташей. Но дверь открылась, и къ намъ влетѣлъ Алеша.

ГЛАВА II.

Онъ именно влетѣлъ съ какимъ-то сіяющимъ лицомъ, радостный, веселый. Видно было, что онъ весело и счастливо провелъ эти четыре дня. На немъ какъ-будто написано было, что онъ хотѣлъ намъ что-то сообщить.

— Вотъ и я! провозгласилъ онъ на всю комнату. — Тотъ, которому бы надо быть раньше всѣхъ. Но сейчасъ узнаете все, все, все! Давеча, папаша, мы съ тобой двухъ словъ не успѣли сказать, а мнѣ много надо было сказать тебѣ. Это онъ мнѣ только въ добрыя свои минуты позволяетъ говорить себѣ: *ты*, прервалъ онъ, обращаясь ко мнѣ;—ей Богу въ иное время запрещается! и какая у него является тактика: начинаетъ самъ говорить мнѣ *вы*. Но съ этого дня я хочу, чтобы у него всегда были добрыя минуты и сдѣлаю такъ! Вообще я весь переѣхалъ въ эти четыре дня, совершенно, совершенно переѣхалъ и все вамъ расскажу. Но это впереди. А главное теперь: вотъ она! вотъ она! опять! Наташа, голубчикъ, здравствуй, ангелъ ты мой! говорилъ онъ, усаживаясь подлѣ нея и жадно цѣлуя ея руку, — тосковалъ-то я по тебѣ въ эти дни! Но, что хочешь! — не могъ! Управиться не могъ. Милая ты моя! какъ-будто ты похудѣла немножко, блѣдненькая стала какая...

Онъ въ восторгѣ покрывалъ ея руки поцѣлуями, жадно смотрѣлъ на нее своими прекрасными глазами, какъ-будто не могъ наглядѣться. И взглянулъ на Наташу и по лицу ея угадалъ, что у насъ были однѣ мысли; онъ былъ вполне невпненъ. Да и когда, какъ этотъ *невинный* могъ бы сдѣлаться виноватымъ? Яркій румянецъ прилилъ вдругъ къ блѣднымъ щекамъ Наташи, точно вся кровь, собравшаяся въ ея сердцѣ, отхлынула вдругъ въ голову. Глаза ея засверкали, и она гордо взглянула на князя.

— По гдѣ же... ты былъ... столько дней? проговорила она сдержаннымъ и прерывающимся голосомъ. Она тяжело и неровно дышала. Боже мой, какъ она любила его!

— То-то и есть, что я въ самомъ дѣлѣ какъ-будто виноватъ передъ тобой; да что: *какъ-будто!* разумѣется виноватъ, и самъ это знаю и пріѣхалъ съ тѣмъ, что знаю. Катя вчера и сегодня говорила мнѣ, что не можетъ женщина простить такую небрежность (вѣдь она все знаетъ, что было у насъ здѣсь во вторникъ; я на другой же день рассказывалъ). И съ ней спорилъ, доказывалъ ей, говорилъ что эта женщина называется *Наташа*, и что во всемъ свѣтѣ можетъ быть только одна ея равная ей: это Катя; и я пріѣхалъ сюда разумѣется зналъ, что я выигралъ въ спорѣ. Развѣ такой ангелъ какъ ты, можетъ не простить? «Не былъ, стало-быть непременно что-нибудь помѣшалось, а не то что разлюбилъ»—вотъ какъ будетъ думать моя Наташа! Да и какъ тебя разлюбить? Развѣ возможно? Все сердце наболѣло у меня по тебѣ. Но я все-таки виноватъ! А когда узнаешь все, меня же первая оправдаешь! Сейчасъ все расскажу, мнѣ надобно излить душу предъ всѣми вами; съ тѣмъ и пріѣхалъ. Хотѣлъ было сегодня (было полминутки свободной) залетѣть къ тебѣ, чтобы поцѣловать тебя на лету, но и тутъ неудача: Катя немедленно потребовала къ себѣ по важнѣйшимъ дѣламъ. Это еще до того времени, когда я на дрожкахъ сидѣлъ, папа, и ты меня видѣла; это я другой разъ, по другой запискѣ къ Катѣ тогда ѣхалъ. У насъ вѣдь теперь цѣлые дни скороходы съ записками изъ дома въ домъ бѣгаютъ. Иванъ Петровичъ, вашу записку я только вчера ночью успѣлъ прочесть, и вы совершенно правы во всемъ, что вы тамъ написали. Но что же дѣлать: физическая невозможность! Такъ и подумалъ: завтра вечеромъ во всемъ оправдаюсь; потому что ужъ сегодня вечеромъ невозможно мнѣ было не пріѣхать къ тебѣ, Наташа.

— Какая это записка? спросила Наташа.

— Онъ у меня былъ, не засталъ разумѣется и сильно разругалъ въ письмѣ, которое мнѣ оставилъ, за то, что къ тебѣ не хожу. Цъ онъ совершенно правъ. Это было вчера.

Наташа взглянула на меня.

— Но если у тебя доставало времени бывать съ утра до вечера у Катерины Федоровны... началъ было князь.

— Знаю, знаю, что ты скажешь, перебилъ Алеша: — «Если могъ быть у Кати, то у тебя должно быть вдвое причинъ быть здѣсь.» Совершенно съ тобой согласенъ, и даже прибавлю отъ себя: не вдвое причинъ, а въ миллионъ больше причинъ! Но во-первыхъ, бываютъ же странные, неожиданныя событія въ жизни, которыя все переменяютъ и ставятъ вверхъ дномъ. Ну, вотъ и со мной случились такія событія. Говорю же я, что въ эти дни я совершенно измѣнился, весь до конца ногтей; стало-быть былъ же важная обстоятельство!

— Ахъ Боже мой, да что же съ тобой было! Не томи пожалуйста! вскричала Наташа, улыбаясь на горячку Алешу.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ немного смѣшонъ: онъ торопился; слова вылетали у него быстро, часто, безъ порядка, какой-то стукотней. Ему все хотѣлось говорить, говорить, рассказать. Но, рассказывая, онъ все-таки не покидалъ руки Наташи и непрерывно подносилъ ее къ губамъ, какъ-будто не могъ нацѣловаться.

— Въ томъ-то и дѣло, что со мной было, продолжалъ Алеша: — Ахъ, друзья мои! что я видѣлъ! что дѣлалъ! какихъ людей узналъ! Во-первыхъ Катя: это такое совершенство! Я ее совсѣмъ, совсѣмъ не зналъ до сихъ поръ! И тогда, во-вторыхъ, когда я говорилъ тебѣ объ ней, Наташа, — помнишь, я еще съ такимъ восторгомъ говорилъ, ну такъ и тогда даже я ее совсѣмъ почти не зналъ. Она сама тайлась отъ меня, до самаго теперешняго времени. Но теперь мы совершенно узнали другъ друга. Мы съ ней ужъ теперь на ты. Но начну сначала: Во-первыхъ, Наташа, еслибъ ты могла только слышать, что она говорила мнѣ про тебя, когда я на другой день, въ среду, рассказалъ ей, что здѣсь между нами было... А кстати: припоминаю какимъ я былъ глупцомъ передъ тобой, когда я пріѣхалъ къ тебѣ тогда утромъ въ среду! Ты встрѣчаешь меня съ восторгомъ, ты вся проникнута новымъ положеніемъ нашимъ; то хочешь говорить со мной обо всемъ этомъ; ты грустна и въ тоже время шалишь и играешь со мной, а я — такого солиднаго человѣка изъ себя корчу! о глупецъ! глупецъ! вѣдь сѣ Богу же мнѣ хотѣлось похвастаться, похвастаться, что я скоро буду мужемъ, солиднымъ человѣкомъ, и нашелъ же передъ кѣмъ хвастаться, — передъ тобой! Ахъ какъ должно-быть ты тогда надо мной смѣялась, и какъ я стоилъ твоей насмѣшки!

Князь сидѣлъ молча и съ какой-то торжествующе-проницательской улыбкой смотрѣлъ на Алешу. Точно онъ радъ былъ, что сынъ высказываетъ себя съ такой легкомысленной и даже смѣшной точки зрѣнія. Весь этотъ вечеръ я прилежно наблюдалъ его и совершенно убѣдился, что онъ вовсе не любить сына, хотя и говорили про слишкомъ горячую отцовскую любовь его.

— Послѣ тебя я поѣхалъ къ Катѣ, сыпалъ свой рассказъ Алеша. — Я уже сказалъ, что мы только въ это утро совершенно узнали другъ друга, и

странно какъ-то это произошло... не помню даже... Нѣсколько горячихъ словъ, нѣсколько ощущений, мыслей прямо высказанныхъ и мы, — сблизились на вѣки. Ты должна, должна узнать ее, Наташа! Какъ она рассказала, какъ она растолковала мнѣ тебя! какъ объяснила мнѣ какъ съ ты сокровище для меня! Мало-по-малу она объяснила мнѣ все свои идеи и свой взглядъ на жизнь; это такая серьезная, такая восторженная дѣвушка! Она говорила о долгахъ, о назначеніи нашемъ, о томъ, что мы все должны служить человечеству, и такъ какъ мы совершенно сошлись, въ какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора, то кончили тѣмъ, что поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и въ томъ, что во всю жизнь нашу будемъ дѣйствовать вмѣстѣ.

— Въ чемъ же дѣйствовать! съ удивленіемъ спросилъ князь.

— Я такъ измѣнился, отецъ, что все это конечно должно удивлять тебя; даже заранѣе предчувствую все твои возраженія, отвѣчалъ торжественно Алеша. — Все вы люди практическіе, у васъ столько выжитыхъ правилъ, серьезныхъ, строгихъ; на все новое, на все молодое, свѣжее, вы смотрите недо-вѣрчиво, враждебно, насмѣшливо. Но теперь ужъ я не тотъ, какими ты зналъ меня нѣсколько дней тому назадъ. Я другой! я смѣло смотрю въ глаза всему и всѣмъ на свѣтѣ. Если я знаю, что мое убѣжденіе справедливо, я преслѣдую его до послѣдней крайности; и если я не сойду съ дороги, то я честный человѣкъ. Съ меня довольно. Говорите послѣ того что хотите, я въ себя увѣренъ.

— Ого! сказалъ князь насмѣшливо.

Наташа съ безпокойствомъ оглядѣла насъ. Она боялась за Алешу. Ему часто случалось очень невыгодно для себя увлекаться въ разговорѣ, и она знала это. Ей не хотѣлось, чтобъ Алеша выказалъ себя съ смѣшной стороны передъ нами и особенно передъ отцомъ.

— Что ты Алеша! вѣдь это ужъ философія какая-то, сказала она: — тебя вѣрно кто нибудь научилъ... ты бы лучше рассказывалъ.

— Да я и рассказываю! вскричалъ Алеша. — Вотъ видишь: у Кати есть два дальніе родственника, какіе-то кузены, Левинька и Боринька, одинъ студентъ, а другой просто молодой человѣкъ. Она съ ними имѣетъ сношенія, а тѣ — просто необыкновенные люди! Къ графинѣ они почти не ходятъ, по принципу. Когда мы говорили съ Катей о назначеніи человѣка, о призваніи и обо всемъ этомъ, она указала мнѣ на нихъ и немедленно дала мнѣ къ нимъ записку; я тотчасъ же полетѣлъ съ ними знакомиться. Въ тотъ же вечеръ мы сошлись совершенно. Тамъ было человѣкъ двѣнадцать разнаго народа, — студентовъ, офицеровъ, художниковъ; былъ одинъ писатель... они все васъ знаютъ, Иванъ Петровичъ, то есть читали ваши сочиненія и много ждуть отъ васъ въ будущемъ. Такъ они мнѣ сами сказали. Я говорилъ имъ, что съ вами знакомъ и общалъ имъ васъ познакомить съ ними. Все они приняли меня по-братски, съ распростертыми объ-

тиями. Я съ перваго же разу сказалъ имъ, что буду скоро женатый человѣкъ; такъ они и принимали меня за женатаго человѣка. Живутъ они въ пятомъ этажѣ, подъ крышами; собираются какъ можно ѣще, но преимущественно по средамъ къ Левинькѣ и Боринькѣ. Это все молодежь свѣжая; всѣ они съ пламенной любовью ко всему человѣчеству; всѣ мы говорили о нашемъ настоящемъ, будущемъ, о наукахъ, о литературѣ, и говорили такъ хорошо, такъ прямо и просто... Туда тоже ходитъ одинъ гимназистъ. Какъ они обращаются между собой, какъ они благородны! Я не видалъ еще до сихъ поръ такихъ! Гдѣ я бывалъ до сихъ поръ? что я видалъ? на чемъ я выросъ? Одна ты только, Наташа, и говорила мнѣ что-нибудь въ этомъ родѣ. Ахъ, Наташа, ты непременно должна познакомиться съ ними; Катя уже знакома. Они говорятъ объ ней чуть не съ благоговѣніемъ, и Катя уже говорила Левинькѣ и Боринькѣ, что когда она войдетъ въ права надъ своимъ состояніемъ, то непременно тотчасъ же пожертвуетъ милліонъ на общественную пользу.

— И распорядителями этого милліона вѣрно будутъ Левинька и Боринька и ихъ вся компанія? спросилъ князь.

— Неправда, неправда; стыдно, отецъ, такъ говорить! съ жаромъ вскричалъ Алеша: — я подозрѣваю твою мысль! А объ этомъ милліонѣ дѣйствительно былъ у насъ разговоръ, и долго рѣшали: какъ его употребить? Рѣшили наконецъ, что прежде всего на общественное просвѣщеніе...

— Да, я дѣйствительно не совсѣмъ зналъ до сихъ поръ Катерину Федоровну, замѣтилъ князь, какъ бы про себя, все съ той же насмѣшливой улыбой. — Я впрочемъ многого отъ нея ожидалъ, но этого...

— Чего этого! прервалъ Алеша: — что тебѣ такъ странно? Что это выходитъ нѣсколько изъ вашего порядка? что никто до сихъ поръ не жертвовалъ милліона, а она жертвуетъ? Это что ли? Но чтожь, если она не хочетъ жить на чужой счетъ; потому что жить этими милліонами значить жить на чужой счетъ (я только теперь это узналъ). Она хочетъ быть полезна отечеству и всѣмъ, и принести на общую пользу свою лепту. Про лепту-то еще мы въ прописяхъ читали, и какъ эта лепта запахла милліономъ, такъ ужъ тутъ и не то? И на чемъ держится все это хваленое благородіе, въ которое я такъ вѣрилъ! Что ты такъ смотришь на меня, отецъ? Точно ты видишь передъ собой шута, дурачка! Ну чтожь что дурачокъ! Послушала бы ты, Наташа, что говорила объ этомъ Катя: «Не умъ главное, а то что направляетъ его, — натура, сердце, благородныя свойства, развитіе.» Но главное, на этотъ счетъ есть гениальное выраженіе Безмыгина. Безмыгинъ — это знакомый Левиньки и Бориньки и между нами голова и дѣйствительно гениальная голова! Не далѣе какъ вчера онъ сказалъ къ разговору: дуракъ, сознавшійся, что онъ дуракъ, есть уже не дуракъ! какова правда! Такія

изрѣченія у него поминутно. Онъ сыплетъ истинами.

— Дѣйствительно гениально! замѣтилъ князь.

— Ты все смѣешься. Но вѣдь я стѣ тебя ничего никогда не слыхалъ такого; и отъ всего нашего общества тоже никогда не слыхалъ. У васъ напротивъ все это какъ-то прячуть, все бы пониже къ землѣ, чтобъ всѣ росли, всѣ носы выходили непременно по какимъ-то мѣркамъ, по какимъ-то правиламъ, — точно это возможно! точно это не въ тысячу разъ невозможно, чѣмъ то, объ чемъ мы говоримъ и что думаемъ. А еще называютъ насъ утопистами! Послушай-бы ты, какъ они мнѣ вчера говорили...

— Но что же, объ чемъ вы говорите и думаете? Расскажи Алеша, я до сихъ поръ какъ-то не понимаю. сказала Наташа.

— В. обще обо всемъ, что ведетъ къ прогрессу, къ гуманности, къ любви; все это говорится по поводу современныхъ вопросовъ. Мы говоримъ о гласности, о начинающихся реформахъ, о любви къ человѣчеству, о современныхъ дѣятеляхъ; мы ихъ разбираемъ, читаемъ. Но главное, мы дали другъ другу слово быть совершенно между собой откровенными и прямо говорить другъ другу все о самихъ себѣ, не стѣняясь. Только откровенность, только прямота могутъ достигнуть цѣли. Объ этомъ особенно старается Безмыгинъ. Я рассказала объ этомъ Катѣ и она совершенно сочувствуетъ Безмыгину. И потому мы всѣ, подъ руководствомъ Безмыгина, дали себѣ слово дѣйствовать честно и прямо всю жизнь и чтобы ни говорили о насъ, какъ бы ни судили о насъ, — не смущаться ничѣмъ, не стыдиться нашей восторженности, нашихъ увлеченій, нашихъ ошибокъ и идти на прямую. Коли ты хочешь, чтобъ тебя уважали, во-первыхъ и главное, уважай самъ себя; только этимъ, только самоуваженіемъ ты заставишь и другихъ уважать себя. Это говоритъ Безмыгинъ и Катя совершенно съ нимъ согласна. Вообще мы теперь уговариваемся въ нашихъ убѣжденіяхъ и положили заниматься изученіемъ самихъ себя порознь, а всѣ вмѣстѣ толковать другъ другу, другъ друга...

— Что за галиматья! вскричалъ князь съ безпокойствомъ: — и кто этотъ Безмыгинъ? Нѣтъ это такъ оставить нельзя...

— Чего нельзя оставить? подхватилъ Алеша: — слушай, отецъ, почему я говорю все это теперь, при тебѣ? потому что хочу и надѣюсь ввести и тебя въ нашъ кругъ. Я далъ уже тѣмъ и за тебя слово. Ты смѣешься, ну, я такъ и зналъ, что ты будешь смѣяться! Но послушай! ты добръ, благороденъ; ты поймешь. Вѣдь ты не знаешь, ты не видалъ никогда этихъ людей, не слыхалъ ихъ самихъ. Положимъ, что ты обо всемъ этомъ слышалъ, все изучилъ, ты ужасно ученъ; но самихъ-то ихъ ты не видалъ, у нихъ не былъ, а потому какъ же ты можешь судить о нихъ вѣрно! Ты только воображаешь, что знаешь. Нѣтъ, ты побудь у нихъ, послушай ихъ и тогда, — и тогда я даю слово за

тебя, что ты будешь наш! А главное, я хочу употребить все средства, чтобы спасти тебя от гибели в твоём обществе, к которому ты так прилипнешь и от твоих убеждений!

Князь молча и с ядовитѣйшей насмѣшкой выслушал эту выходку; злость была в лицѣ его. Наташа слѣдила за нимъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Онъ видѣлъ это, показывалъ, что не замѣчаетъ. Но какъ только Алеша кончилъ, князь вдругъ разразился смѣхомъ. Онъ даже упалъ на спинку стула, какъ будто былъ не въ силахъ сдерживать себя. Но смѣхъ этотъ былъ рѣшительно выдѣланный. Слишкомъ замѣтно было, что онъ смѣялся единственно для того, чтобы какъ можно сильнѣе обидѣть и унижить своего сына. Алеша дѣйствительно огорчился; все лицо его изобразило чрезвычайную грусть. Но онъ терпѣливо переждалъ, когда кончится веселость отца.

— Отецъ, началъ онъ грустно:—для чего же ты смѣешься надо мной? Я шелъ къ тебѣ прямо и откровенно. Если по твоему мнѣнію я говорю глупости, вразуми меня, а не смѣйся надо мною. Да и надъ чѣмъ смѣяться? Надъ тѣмъ, что для меня теперь свято, благородно? Ну, пусть я заблуждаюсь, пусть это все невѣрно, ошибочно, пусть я дурачекъ, какъ ты нѣсколько разъ называлъ меня; но если я и заблуждаюсь, то искренно, честно; я не потерялъ своего благородства. Я восторгаюсь высокими идеями. Пусть они ошибочны, но основаніе ихъ свято. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что ты и все ваши ничего еще не сказали мнѣ такого же, что направило бы меня, увлекло бы за собой. Опровергни ихъ, скажи мнѣ что нибудь лучше ихняго, и я пойду за тобой, но не смѣйся надо мной, потому что это очень огорчаетъ меня.

Алеша произнесъ это чрезвычайно благородно и съ какимъ-то строгимъ достоинствомъ. Наташа съ сочувствіемъ слѣдила за нимъ. Князь даже съ удивленіемъ выслушалъ сына и тотчасъ же перемѣнилъ свой тонъ.

— Я вовсе не хотѣлъ оскорбить тебя, другъ мой, отвѣчалъ онъ: — напротивъ, я о тебѣ сожалѣю. Ты готовишься къ такому шагу въ жизни, при которомъ пора бы уже перестать быть такимъ легкомысленнымъ мальчикомъ. Вотъ моя мысль. Я смѣлся невольно и совсѣмъ не хотѣлъ оскорблять тебя.

— Почему же такъ показалось мнѣ? продолжалъ Алеша съ горькимъ чувствомъ.—Почему уже давно мнѣ кажется, что ты смотришь на меня враждебно, съ холодной насмѣшкой, а не какъ отецъ на сына? Почему мнѣ кажется, что еслибъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы не осмѣлялъ такъ оскорбительно своего сына, какъ ты теперь меня. Послушай: объяснись откровенно, сейчасъ, навсегда такъ, чтобы ужъ не оставалось больше никакихъ недоумѣній. И... я хочу говорить всю правду: когда я вошелъ сюда, мнѣ показалось, что и здѣсь произошло какое-то недоумѣніе; не такъ какъ-то ожидалъ я васъ встрѣтить здѣсь вмѣстѣ.

Такъ или нѣтъ? Если такъ, то не лучше ли каждому высказать свои чувства? Сколько зла можно устранить откровенностью!

Говори, говори Алеша! сказалъ князь. — То, что ты предлагаешь намъ очень умно. Можетъ быть съ этого и надо было начать, прибавилъ онъ, взглянувъ на Наташу.

— Не разсердись же за полную мою откровенность, началъ Алеша:—ты самъ ее хочешь, самъ вызываешь. Слушай. Ты согласился на мой бракъ съ Наташей; ты далъ намъ это счастье и для этого побѣдилъ себя самого. Ты былъ великодушнѣе, и мы все оцѣнили твой благородный поступокъ. Но почему же теперь ты съ какой-то радостью, непрерывно намекаешь мнѣ, что я еще смѣшной мальчикъ и вовсе не гоюсь быть мужемъ; мало того, ты какъ будто хочешь осмѣять, унижить, даже какъ будто очернить меня въ глазахъ Наташи. Ты очень радъ всегда, когда можешь хоть чѣмъ нибудь меня выказать съ смѣшной стороны; это я замѣтилъ не теперь, а уже давно. Какъ будто ты именно стараешься для чего-то доказать намъ, что бракъ нашъ смѣшонъ, нелѣпъ и что мы не пара. Право, какъ будто ты самъ не вѣришь въ то, что для насъ предназначаешь; какъ будто смотришь на все это, какъ на шутку, на забавную выдумку, на какой-то смѣшной водевилъ... Я вѣдь не изъ сегодняшнихъ только словъ твоихъ это вывожу. Я въ тотъ же вечеръ, во вторникъ же, какъ воротился къ тебѣ отсюда, слышалъ отъ тебя нѣсколько странныхъ выраженій, изумившихъ, даже огорчившихъ меня. И въ среду, уѣзжая, ты тоже слѣлалъ нѣсколько какихъ-то намековъ на наше теперешнее положеніе, сказалъ и о ней—неоскорбительно, напротивъ, но какъ-то не такъ, какъ бы я хотѣлъ слышать отъ тебя, какъ-то слишкомъ легко, какъ-то безъ любви, безъ такого уваженія къ ней... Это трудно рассказать, но тонъ ясенъ; сердцѣ слышится. Скажи же мнѣ, что я ошибаюсь. Разувѣрь меня, ободрь меня и... и ее, потому что ты и ее огорчилъ. Я это угадалъ съ перваго же взгляда, какъ вошелъ сюда...

Алеша высказалъ это съ жаромъ и съ твердостью. Наташа съ какою-то торжественностью его слушала и вся въ волненіи, съ пылающимъ лицомъ, раза два проговорила про себя въ продолженіе его рѣчи: «да, да, это такъ!» Князь смутился.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ: — я, конечно, не могу припомнить всего, что говорилъ тебѣ; но очень странно, если ты принялъ мои слова въ такую сторону. Готовъ разувѣрить тебя всѣмъ, чѣмъ только могу. Если я теперь смѣялся, то и это понятно. Скажу тебѣ, что моимъ смѣхомъ я даже хотѣлъ прикрыть мое горькое чувство. Когда соображу теперь, что ты скоро собираешься быть мужемъ, то это мнѣ теперь кажется совершенно несбыточнымъ, нелѣпымъ, извини меня, даже смѣшнымъ. Ты меня укоряешь за этотъ смѣхъ; а я говорю, что все это черезъ тебя. Винюсь и я: мо-

жеть быть я самъ мало слѣдилъ за тобой въ послѣднее время и потому только теперь, въ этотъ вечеръ, узналъ, на что ты можешь быть способенъ. Теперь уже я трепещу, когда подумаю о твоей будущности съ Натальей Николаевной: я поторопился; я вижу, что вы очень несходны между собою. Всякая любовь проходитъ, а несходство на всегда остается. Я ужъ и не говорю о твоей судьбѣ, но подумай, если только въ тебѣ честныя намѣренія, вмѣстѣ съ собой ты губишь и Наталью Николаевну, рѣшительно губишь! Вотъ ты говорилъ теперь цѣлый часъ о любви къ человечеству, о благородствѣ убѣждений, о благородныхъ людяхъ, съ которыми познакомился; а спроси Ивана Петровича, что говорилъ я ему давеча, когда мы поднялись въ четвертый этажъ, по здѣшней отвратительной лѣстницѣ и оставались здѣсь у дверей, благодаря Бога за спасеніе нашихъ жизней и ногъ? Знаешь ли, какая мысль мнѣ невольно, тотчасъ же пришла въ голову? Я удивился, какъ могъ ты, при такой любви къ Натальѣ Николаевнѣ терпѣть, чтобъ она жила въ такой квартирѣ? Какъ ты не догадался, что если не имѣешь средствъ, если не имѣешь способностей исполнять свои обязанности, то не имѣешь права и быть мужемъ, не имѣешь права брать на себя никакихъ обязательствъ. Одной любви мало; любовь оказывается дѣламп; а ты какъ разсуждаешь: «хоть и страдай со мной, но живи со мной», — вѣдь это негуманно, это не благородно! Говорить о всеобщей любви, восторгаться общечеловѣческими вопросами и въ то же время дѣлать преступленія противъ любви и не замѣчать ихъ, — непонятно! Не перебивайте меня, Наталья Николаевна, дайте мнѣ кончить; мнѣ слишкомъ горько, и я долженъ высказаться. Ты говорилъ, Алеша, что въ эти дни увлекался всѣмъ, что благородно, прекрасно, честно и укорялъ меня, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ такихъ увлеченій, а только одно сухое благоразуміе. Посмотри же: увлекаются высокимъ и прекраснымъ и, послѣ того, что было здѣсь во вторникъ, четыре дня пренебрегать тою, которая, кажется бы, должна быть для тебя дороже всего на свѣтѣ! Ты даже признался о твоёмъ спорѣ съ Катериной Ѳедоровной, что Наталья Николаевна такъ любитъ тебя, такъ великодушна, что простить тебѣ твой проступокъ. Но какое право ты имѣешь разсчитывать на такое прощеніе и предлагать объ этомъ пари? И неужели ты ни разу не подумалъ сколько муки, сколько горькихъ мыслей, сколько сомнѣній, подозрѣній послалъ ты въ эти дни Натальѣ Николаевнѣ? Неужели, потому что ты тамъ увлекся какими-то новыми идеями, ты имѣлъ право пренебречь самою цѣвѣйшею своею обязанностью? Простите меня, Наталья Николаевна, что я измѣнилъ моему слову. Но теперешнее дѣло серьезнѣе этого слова: вы сами понимаете это... Знаешь ли ты, Алеша, что я засталъ Наталью Николаевну среди такихъ страданій, что понятно въ какой адъ ты обратился для нея эти

четыре дня, которые, напротивъ, должны бы были лучшими днями ея жизни. Такіе поступки съ одной стороны и—слова, слова и слова съ другой... неужели я не правъ! И ты можешь послѣ этого обвинять меня, когда самъ кругомъ виноватъ?

Князь кончилъ. Онъ даже увлекся своимъ краснорѣчіемъ и не могъ скрыть отъ насъ своего торжества. Когда Алеша услышалъ о страданіяхъ Наташи, то съ болѣзненной тоской взглянулъ на нее. Но Наташа уже рѣшилась:

— Полно, Алеша, не тоскуй, сказала она:—другіе виноватѣе тебя. Садись и выслушай, что я скажу сейчасъ твоему отцу. Пора кончить!

— Объяснитесь, Наталья Николаевна, подхватилъ князь:—убѣдительно прошу васъ! Я уже два часа слышу объ этомъ загадки. Это становится невыносимо и, признаюсь, не такой ожидалъ я здѣсь встрѣчи.

— Можетъ быть; потому что думали очаровать насъ словами, такъ что мы и не замѣтимъ вашихъ тайныхъ намѣреній. Что вамъ объяснять! вы сами все знаете и все понимаете. Алеша правъ. Самое первое желаніе ваше,—разлучить насъ. Вы заранѣе, почти наизусть знали все, что здѣсь случится, послѣ того вечера, во вторникъ, и разсчитали все какъ по пальцамъ. Я уже сказала вамъ, что вы смотрите и на меня и на сватовство, вами затѣянное, не серьезно. Вы шутите съ нами; вы играете, и имѣете вамъ извѣстную цѣль. Игра ваша вѣрная. Алеша былъ правъ, когда укорялъ васъ, что вы смотрите на все это, какъ на водевиль. Вы бы, напротивъ, должны были радоваться, а не упрекать Алешу, потому что онъ, не зная ничего, исполнилъ все, что вы отъ него ожидали; можетъ быть даже и больше.

Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Я и ожидалъ, что въ этотъ вечеръ случится какая нибудь катастрофа. Но слишкомъ рѣзкая откровенность Наташи и нескрываемый презрительный тонъ ея словъ, изумили меня до послѣдней крайности. Стало быть она дѣйствительно что-то знала, думалъ я, и безотлагательно рѣшилась на разрывъ. Можетъ быть даже съ нетерпѣніемъ ждала князя, чтобы разомъ все, прямо въ глаза ему высказать. Князь слегка поблѣднѣлъ. Лицо Алеши изображало наивный страхъ и томительное ожиданіе.

— Вспомните въ чемъ вы меня сейчасъ обвинили вскричалъ князь:—и хоть немножко обдумайте ваши слова... я ничего не понимаю.

— А! такъ вы не хотите понять съ двухъ словъ, сказала Наташа: — даже онъ, даже вотъ Алеша васъ понималъ также какъ и я, а мы съ нимъ не сговаривались, даже не выдались! И ему тоже показало, что вы играете съ нами недостойную, оскорбительную игру, а онъ любитъ васъ и вѣрится въ васъ, какъ въ божество. Вы не считали за нужное быть съ нимъ поосторожнѣе, похитрѣе; разсчитывали, что онъ не догадается. Но у него чуткое, нѣжное, впечатлительное сердце, и ваши

слова, вашъ *монъ*, какъ онъ говоритъ, у него остались на сердцѣ...

— Ничего, ничего не понимаю! повторилъ князь, съ видомъ величайшаго изумленія обращаясь ко мнѣ, точно бралъ меня въ свидѣтели. Онъ былъ раздраженъ и разгорячился:—Вы мнительны, вы въ тревогѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ ней: — просто за просто вы ревнуете къ Катеринѣ Федоровнѣ, и потому готовы обвинить весь свѣтъ и меня перваго и... и позвольте ужъ все сказать: странное мнѣние можно получить о нашемъ характерѣ... Я не привыкъ къ такимъ сценамъ; я бы ни минуты не остался здѣсь послѣ этого, еслибъ не интересы моего сына... Я все еще жду, не благоволите ли вы объясниться?

— Такъ вы все-таки упрямитесь и не хотите понять съ двухъ словъ, не смотря на то, что все это наизусть знаете? вы непременно хотите, чтобъ и вамъ все, прямо высказала?

— Я только этого и добиваюсь.

— Хорошо же, слушайте же, вскричала Наташа, сверкая глазами отъ гнѣва: — я выскажу все, все!

ГЛАВА III.

Она встала и начала говорить стоя, не замѣчая того отъ волненія. Князь, слушалъ, слушалъ и тоже всталъ съ мѣста. Вся сцена становилась слишкомъ торжественною.

— Припомните сами свои слова во вторникъ, начала Наташа.—Вы сказали: мнѣ нужны деньги, торные дороги, значеніе въ свѣтѣ,—помните?

— Помню.

— Ну такъ для того-то, чтобы добыть эти деньги, чтобы добиться всѣхъ этихъ успѣховъ, которые у васъ ускользали изъ рукъ, вы и пріѣзжали сюда, во вторникъ, и выдумали это сватовство, считая, что эта шутка вамъ поможетъ поймать то, что отъ васъ ускользало.

— Наташа, вскричалъ я:—подумай, что ты говоришь!

— Шутка! расчетъ! повторялъ князь съ видомъ крайне-оскорбленнаго достоинства.

Алеша сидѣлъ убитый горемъ и смотрѣлъ, почти ничего не понимая.

— Да, да, не останавливайте меня, я поклялась все высказать, продолжала раздраженная Наташа.—Вы помните сами: Алеша не слушался васъ. Цѣлые полгода вы трудились надъ нимъ, чтобъ отвлечь его отъ меня. Онъ не поддавался вамъ. И вдругъ у васъ настала минута, когда время уже не терѣло. Упустить его, и невѣста, деньги, главное—деньги, цѣлыхъ три милліона приданого, ускользнуть у васъ изъ подъ пальцевъ, оставалось одно, чтобъ Алеша полюбилъ ту, которую вы назначили ему въ невѣсты, вы думали: если полюбить, то можетъ быть и отстанетъ отъ меня...

— Наташа, Наташа! съ тоскою вскричалъ Алеша:—что ты говоришь!

— Вы такъ и сдѣлали, продолжала она, не останавливаясь на крикъ Алеши: — но, — и тутъ опять та же, прежняя исторія! Все бы могло уладиться, да я-то опять мѣшаю! Одно только могло вамъ подать надежду: вы, какъ опытный и хитрый человекъ, можетъ быть ужъ и тогда замѣтили, что Алеша иногда какъ будто тяготится своей прежней привязанностью. Вы не могли не замѣтить, что онъ начинаетъ мною пренебрегать, скучать, по пяти дней ко мнѣ не ѣздитъ. Авось наскучить совѣмъ и броситъ, какъ вдругъ, во вторникъ, рѣшительный поступокъ Алеши поразилъ васъ совершенно. Что вамъ дѣлать!..

— Позвольте, вскричалъ князь: — напротивъ эготъ фактъ...

— Я говорю, настойчиво перебила Наташа: — вы спросили себя въ тотъ вечеръ: «что теперь дѣлать?» и рѣшили: позволить ему жениться на мнѣ; не въ самомъ дѣлѣ, а только такъ, *на словахъ*, чтобъ только его успокоить. Срокъ свадьбы, думали вы, можно отдавать сколько угодно; а между тѣмъ новая любовь началась; вы это замѣтили. И вотъ на этомъ-то началъ новой любви вы все и основали.

— Романы, романы, произнесъ князь въ полголоса, какъ будто про себя:—удивленіе, мечтательность и чтеніе романовъ!

— Да, на этой-то новой любви вы все и основали, повторила Наташа, не слыхавъ и не обративъ вниманія на слова князя, вся въ лихорадочномъ жару и все болѣе и болѣе увлекаясь:—и какіе шансы для этой новой любви! Вѣдь она началась еще тогда, когда онъ еще не узналъ всѣхъ совершенствъ этой дѣвушки! Въ ту самую минуту, когда онъ, въ тотъ вечеръ, открывается этой дѣвушкѣ, что не можетъ ее любить, потому что долгъ и другая любовь запрещаютъ ему,—эта дѣвушка, вдругъ, выказываетъ предъ нимъ столько благородства, столько сочувствія къ нему и къ своей соперницѣ, столько сердечнаго прощенія, что онъ, хоть и вѣрилъ въ ея красоту, но и не думалъ до этого мгновенія, чтобъ она была такъ прекрасна! Онъ и ко мнѣ тогда пріѣхалъ,—только и говорилъ что о ней; она слишкомъ поразила его. Да, онъ на завтра же непременно долженъ былъ почувствовать неотразимую потребность увидѣть опять это прекрасное существо, хоть изъ одной только благодарности. Да и почему жъ къ ней не ѣхать? Вѣдь та, прежняя, уже не страдаетъ, судьба ея рѣшена, вѣдь той цѣлый вѣкъ отдается, а тутъ одна такая нибудь минутка... И что за неблагодарная была бы эта Наташа, еслибъ она ревновала даже къ этой минутѣ? И вотъ незамѣтно отнимается у этой Наташи, вмѣсто минуты, день, другой, третій... А между тѣмъ въ это время дѣвушка высказывается передъ нимъ, въ совершенно неожиданномъ, новомъ видѣ; она такая благородная, энтузіастка и въ тоже время такой павный ребе-

нокъ, и въ этомъ такъ сходна съ нимъ характеромъ. Они клянутся другъ другу въ дружбѣ, въ братствѣ, хотятъ не разлучаться всю жизнь. «Въ какіе нибудь пять-шесть часовъ разговора» вся душа его открывается для новыхъ ощущеній и сердце его отдается все... Придетъ наконецъ время, думаете вы: онъ сравнитъ свою прежнюю любовь съ своими новыми, свѣжими ощущеніями: тамъ все знакомое, всегдашнее; тамъ такъ серьезны, требовательны; тамъ его ревнуютъ, бранятъ; тамъ слезы... А если и начинаютъ съ нимъ шалить, играть, то какъ будто не съ ровней, а съ ребенкомъ.., а главное: все такое прежнее, извѣстное...

Слезы и горькая спазма душили ее, но Наташа скрѣпилась еще на минуту.

— Чтожъ дальше? а дальше время; вѣдь не сейчасъ же назначена свадьба съ Наташей; времени много и все измѣнится... А тутъ ваши слова, намеки, толкованія, краснорѣчіе... Можно даже и поклеветать на эту досадную Наташу; можно выставить ее въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ и... какъ это все разрѣшится—неизвѣстно, но побѣда ваша! Алеша! Не вини меня, другъ мой! Не говори, что я не понимаю твоей любви и мало цѣню ее. Я вѣдь знаю, что ты и теперь любишь меня и что въ эту минуту можешь быть и не понимаешь моихъ жалобъ. Я знаю, что я очень-очень худо сдѣлала, что теперь это все высказала. Но что-же мнѣ дѣлать, если я это все понимаю, и все больше и больше люблю тебя... совсѣмъ... безъ памяти!

Она закрыла лицо руками, упала въ креста и зарыдала какъ ребенокъ. Алеша съ крикомъ бросился къ ней. Онъ никогда не могъ видѣть безъ слезъ ея слезы.

Ея рыданія, кажется, очень помогли князю: всѣ увлеченія Наташи, въ продолженіи этого длиннаго объясненія, всѣ рѣзкости ея выходыкъ противъ него, которыми ужъ изъ одного приличія надо было обидѣться, все это теперь очевидно можно было свести на безумный порывъ ревности, на оскорбленную любовь, даже на болѣзнь. Даже слѣдовало выказать сочувствіе...

— Успокойтесь, утѣшьте, Наталья Николаевна, утѣшалъ князь:—все это изступленіе, мечты, уединеніе... Вы такъ были раздражены его легкомысленнымъ поведеніемъ.. Но вѣдь это только одно легкомысліе съ его стороны. Самый главный фактъ, про который вы особенно упоминали, происшествіе во вторникъ, скорѣй бы должно доказать вамъ всю безграничность его привязанности къ вамъ, а вы напротивъ подумали...

— О, не говорите мнѣ, не мучайте меня хоть теперь! прервала Наташа, горько плача: мнѣ все уже сказало сердце и давно сказало! Неужели вы думаете, что я не понимаю, что прежняя любовь его вся прошла... Здѣсь, въ этой комнатѣ, одна... когда онъ оставлялъ, забывалъ меня... я все это пережила... все передумала... Чтожъ мнѣ и дѣлать было! Я тебя не виню Алеша... Что вы

меня обманываете? Неужели жъ вы думаете, что я не пробовала сама себя обманывать!.. О сколько разъ, сколько разъ! Развѣ я не вслушивалась въ каждый звукъ его голоса? Развѣ я не научилась читать по его лицу, по его глазамъ?... Все, все поггло, все скоронено... О я несчастная!..

Алеша плакалъ передъ ней на колѣнахъ.

— Да, да, это я виноватъ! все отъ меня!.. повторялъ онъ среди рыданій.

— Нѣтъ, не вини себя Алеша... тутъ есть другіе... враги наши. Это они... они!

— Но позвольте же наконецъ, началъ князь съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:—на какомъ основаніи приписываете вы мнѣ всѣ эти... преступленія? Вѣдь это однѣ только ваши догадки, ничѣмъ не доказанныя...

— Доказательствъ! вскричала Наташа, быстро приподымаясь съ кресель:—вамъ доказательства, коварный вы человекъ! Вы не могли, не могли дѣйствовать иначе, когда приходили сюда съ вашимъ предложеніемъ! Вамъ надо было успокоить вашего сына, усыпить его угрызенія, чтобъ онъ свободнѣе и спокойнѣе отдался весь Катѣ; безъ этого онъ все бы вспоминалъ обо мнѣ, не поддавался бы вамъ, а вамъ наскучило дожидаться. Что, развѣ это не правда?

— Признаюсь, отвѣчалъ князь съ саркастической улыбкой:—еслибъ я хотѣлъ васъ обмануть, я бы дѣйствительно такъ разсчиталъ; вы очень... остроумны, но вѣдь это надобно доказать и тогда уже оскорблять людей такими упреками...

— Доказать! А ваше все прежнее поведеніе, когда вы отбивали его отъ меня? Тотъ, который научаетъ сына пренебрегать и играть такими обязанностями изъ-за свѣтскихъ выгодъ, изъ-за денегъ,—развращаетъ его! Чтò вы говорили давеча о лѣстницѣ и о дурной квартирѣ? Не вы ли отняли у него жалованье, которое прежде давали ему, чтобъ принудить насъ разойтись черезъ нужду и голодъ? Черезъ васъ и эта квартира и эта лѣстница, а вы же его теперь попрекаете, двуличный вы человекъ! И откуда у васъ вдругъ явился, тогда, въ тотъ вечеръ, такой жаръ, такія новыя, вамъ несвойственныя убѣжденія? И для чего я вамъ такъ понадобилась? Я ходила здѣсь эти четыре дня; я все обдумала, все взвѣсила, каждое слово ваше, выраженіе вашего лица и убѣдилась, что все это было напускное. шутка, комедія, оскорбительная, низкая и недостойная... Я вѣдь знаю васъ, давно знаю! Каждый разъ когда Алеша пріѣзжалъ отъ васъ, я по лицу его угадывала все, что вы ему говорили, внушали; всѣ вліянія ваши на него изучила! Нѣтъ, вамъ не обмануть меня! Можетъ быть у васъ есть и еще какіе-нибудь расчеты, можетъ быть я и не самое главное теперь высказала; но все равно! Вы меня обманывали — это главное! Это вамъ и надо было сказать прямо въ лицо!..

— Только-то? это всѣ доказательства? Но подумайте, изступленная вы женщина: этой выходкой

(какъ вы называете мое предложеніе во вторникъ), я слишкомъ себя связывалъ. Это было бы слишкомъ легкомысленно для меня.

— Чѣмъ, чѣмъ вы себя связывали? Что значить въ вашихъ глазахъ обмануть меня? Да и что такое обида какой то дѣвушкѣ! вѣдь она несчастная бѣглянка, отверженная отцомъ, беззащитная, замаравшая себя, безнравственная! Стоитъ ли съ ней церемониться, коли эта штука можетъ принести хоть какую-нибудь, хоть самую маленькую выгоду!

— Въ какое же положеніе вы сами ставите себя, Наталья Николаевна, подумайте! Вы непременно настаиваете, что съ моей стороны было вамъ оскорбленіе. Но вѣдь это оскорбленіе такъ важно, такъ унижительно, что я не понимаю какъ можно даже предположить его, тѣмъ болѣе настаивать на немъ. Нужно быть ужъ слишкомъ ко всему приученной, чтобъ такъ легко допускать это, извините меня. Я въ правѣ упрекать васъ, потому что вы вооружаете противъ меня сына: если онъ не возсталъ теперь на меня за васъ, то сердце его противъ меня...

— Нѣтъ, отецъ! нѣтъ, вскричалъ Алеша, если я не возсталъ на тебя, то вѣрю, что ты не могъ оскорбить, да и не могу я повѣрить, чтобъ можно было такъ оскорблять!

— Слышите? вскричалъ князь.

— Наташа, во всемъ виноватъ я, не обвиняй его. Это грѣшно и ужасно!

— Слышишь, Ваня? Онъ ужъ противъ меня! вскричала Наташа.

— Довольно! сказалъ князь: — надо кончить эту тяжелую сцену. Этотъ слѣпой и яростный порывъ ревности вѣдъ всякихъ границъ, рисуетъ вашъ характеръ совершенно въ новомъ для меня видѣ. Я предупрежденъ. Мы поторопились, дѣйствительно поторопились. Вы даже и не замѣчаете какъ оскорбили меня; для васъ это ничего. Поторопились... поторопились... конечно слово мое должно быть свято, но... я отецъ и желаю счастья моему сыну...

— Вы отказываетесь отъ своего слова, вскричала Наташа вѣдъ себя: — вы обрадовались случаю! Но знайте, что я сама, еще два дня тому, здѣсь одна, рѣшилась освободить его отъ его слова, а теперь подтверждаю при всѣхъ. Я отказываюсь!

— То есть можетъ быть вы хотите воскресить въ немъ всѣ прежнія безпокойства, чувство долга, всю «тоску по своимъ обязанностямъ» (какъ вы сами давеча выразились) для того, чтобъ этимъ снова привязать его къ себѣ по старому. Вѣдь это выходитъ по вашей же теоріи; я потому такъ и говорю; но довольно; рѣшите время. Я буду ждать минуты болѣе спокойной, чтобъ объясниться съ вами. Надѣюсь, мы не прерываемъ отношеній нашихъ окончательно. Надѣюсь тоже, вы научитесь лучше цѣнить меня. Я еще сегодня хотѣлъ было вамъ сообщить мой прозекъ на счетъ вашихъ родныхъ, изъ котораго бы вы увидали... но довольно! Иванъ Петровичъ! прибавилъ онъ, под-

ходя ко мнѣ: — теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мнѣ будетъ драгоценно познакомиться съ вами ближе, не говоря уже о давнишнемъ желаніи моемъ. Надѣюсь, вы поймете меня. На дняхъ я буду у васъ; вы позволите?

Я поклонился. Мнѣ самому казалось, что теперь я уже не могъ избѣжать его знакомства. Онъ пожалъ мнѣ руку, молча поклонился Наташѣ и вышелъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

ГЛАВА IV.

Нѣсколько минутъ мы всѣ не говорили ни слова. Наташа сидѣла задумавшись, грустная и убитая. Вся ея энергія вдругъ ее оставила. Она смотрѣла прямо передъ собой, ничего не видя, какъ бы забывшись и держа руку Алеши въ своей рукѣ. Тотъ тихо долакивалъ свое горе, изрѣдка взглядывая на нее съ боязливымъ любопытствомъ.

Наконецъ онъ робко началъ утѣшать ее, умолялъ не сердиться, виный себя; видно было, что ему очень хотѣлось оправдать отца и что это особенно у него лежало на сердцѣ; онъ нѣсколько разъ заговаривалъ объ этомъ, но не смѣлъ ясно высказаться, боясь снова возбудить гнѣвъ Наташи. Онъ клялся ей во всегдашней, неизмѣнной любви и съ жаромъ оправдывался въ своей привязанности къ Катѣ; непрерывно повторялъ, что онъ любилъ Катю только какъ сестру, какъ милую, добрую сестру, которую не можетъ оставить совѣсть, что это было бы даже грубо и жестоко съ его стороны и все увѣрялъ, что если Наташа узнаетъ Катю, то онъ обѣ тотчасъ же подружатся, такъ что никогда не разойдутся и тогда уже никакихъ не будетъ недоразумѣній. Эта мысль ему особенно нравилась. Бѣдняжка не лгалъ нисколько. Онъ не понималъ опасеній Наташи, да и вообще не понималъ хорошо, что она давеча говорила его отцу. Понялъ только, что они поссорились, и это-то особенно лежало камнемъ на его сердцѣ.

— Ты меня винишь за отца? спросила Наташа.

— Могу ль я винить, отвѣчалъ онъ съ горькимъ чувствомъ: — когда самъ всему причиной и во всемъ виноватъ? Это я довелъ тебя до такого гнѣва, а ты въ гнѣвѣ и его обвинила, потому что хотѣла меня оправдать: ты меня всегда оправдываешь, а я не стою того. Надо было сыскать виноватаго, вотъ ты и подумала, что онъ. А онъ право, право не виноватъ! воскликнулъ Алеша, одушевляясь. — И съ тѣмъ ли онъ пріѣзжалъ сюда! Того ли ожидалъ!

Но видя, что Наташа смотритъ на него съ тоской и упрекомъ, тотчасъ оробѣлъ.

— Ну не буду, не буду, прости меня, сказалъ онъ. — Я всему причиною!

— Да, Алеша, продолжала она съ тяжкимъ чувствомъ. — Теперь онъ прошелъ между нами и нарушилъ весь нашъ миръ, на всю жизнь. Ты всегда въ меня вѣрилъ больше, чѣмъ во всѣхъ; теперь

же онъ влилъ въ твое сердце подозрѣніе противъ меня, недовѣріе, ты винишь меня; онъ взялъ у меня половину твоего сердца. Черная кошка пробѣжала между нами.

— Не говори такъ Наташа. Зачѣмъ ты говоришь: «черная кошка»? — Онъ огорчился выраженіемъ.

— Онъ фальшивою добротою, ложнымъ великодушіемъ привлекъ тебя къ себѣ, продолжала Наташа: — и теперь все больше и больше будетъ возстановлять тебя противъ меня.

— Клянусь тебѣ, что нѣтъ! вскричалъ Алеша, еще съ большимъ жаромъ. — Онъ былъ раздраженъ, когда сказалъ, что «поторопился» — ты увидишь сама, завтра же, на дняхъ онъ спохватится, и если онъ до того разсердился, что въ самомъ дѣлѣ не захочетъ нашего брака, то я, клянусь тебѣ, его не послушаюсь. У меня можетъ быть достанетъ на это силы... И знаешь кто намъ поможетъ, вскричалъ онъ вдругъ съ восторгомъ отъ своей идеи: Катя намъ поможетъ! И ты увидишь, ты увидишь что за прекрасное это созданье! Ты увидишь, хочетъ ли она быть твоей соперницей и разлучить насъ! И какъ ты несправедлива была давеча, когда говорила, что я изъ такихъ, которые могутъ разлюбить на другой день послѣ свадьбы! Какъ это мнѣ горько было слышать! Нѣтъ, я не такой, и если я часто ѣздилъ къ Катѣ...

— Полно, Алеша, будь у ней когда хочешь. Я не про то давеча говорила. Ты не понялъ всего. Будь счастливъ съ кѣмъ хочешь. Не могу же я требовать у твоего сердца больше, чѣмъ оно можетъ мнѣ дать...

Вошла Мавра.

— Чтожъ, подавать чай, что ли? Шутка ли, два часа самоваръ кипитъ; одиннадцать часовъ.

Она спросила грубо и сердито; видно было, что она очень не въ духѣ и сердилась на Наташу. Дѣло въ томъ, что она всѣ эти дни, со вторника, была въ такомъ восторгѣ, что ея барышня (которую она очень любила) выходитъ замужъ, что уже успѣла разгласить это по всему дому, въ околоткѣ, въ лавочкѣ, дворнику. Она хвалилась и съ торжествомъ рассказывала, что князь, важный человекъ, генераль и ужасно богатый, самъ приѣзжалъ просить согласія ея барышни, и она, Мавра, собственными ушами это слышала и вдругъ, теперь, все пошло прахомъ. Князь уѣхалъ разсерженный, и чаю не подавали, и ужъ, разумеется, всему виновата барышня. Мавра слышала какъ она говорила съ нимъ непочтительно.

— Чтожъ... подай, отвѣчала Наташа.

— Ну, а закуску-то, подавать что ли?

— Ну и закуску. Наташа смѣшалась.

— Готовили, готовили! продолжала Мавра: — со вчерашняго дня безъ ногъ. За виномъ на Невскій бѣгала, а тутъ... И она вышла, сердито хлопнувъ дверью.

Наташа покраснѣла и какъ-то странно взглянула на меня. Между тѣмъ подали чай, тутъ же

и закуску; была дичь, какая-то рыба, двѣ бутылки превосходнаго вина отъ Елисеѣва. «Къ чему жъ это все наготовили?» подумалъ я.

— Это я, видишь Ваня, вотъ какая, сказала Наташа, подходя къ столу и конфузясь даже передо мной. — Вѣдь предчувствовала, что все это сегодня такъ выйдетъ, какъ вышло, а все-таки думала, что эвось, можетъ быть и не такъ кончится. Алеша приѣдетъ, начнетъ мириться, мы помиримся; всѣ мои подозрѣнія окажутся несправедливыми, меня разувѣрятъ и... на всякій случай я и приготовила закуску. Чтожъ, думала, мы заговоримся, засидимся...

Бѣдная Наташа! Она такъ покраснѣла, говоря это. Алеша пришелъ въ восторгъ.

— Вотъ видишь, Наташа! вскричалъ онъ. — Сама ты себѣ не вѣрила; два часа тому назадъ еще не вѣрила своимъ подозрѣніямъ! Нѣтъ, это надо все поправить; я виноватъ, я всему причиной, я все и поправлю. Наташа, позволь мнѣ сейчасъ же къ отцу! Мнѣ надо его видѣть; онъ обижень, онъ оскорбленъ; его надо утѣшить, я ему выскажу все, все отъ себя, только отъ одного себя; ты тутъ не будешь замѣшана. И я все улажу... Не сердись на меня, что я такъ хочу къ нему и что тебя хочу оставить. Совсѣмъ не то: мнѣ жаль его; онъ оправдается передъ тобой; увидишь... Завтра, чѣмъ свѣтъ, я у тебя и весь день у тебя, къ Катѣ не поѣду...

Наташа его не останавливала, даже сама посоветовала ѣхать. Она ужасно боялась, что Алеша будетъ теперь нарочно, *черезъ силу*, просиживать у нея цѣлые дни и наскучить ея. Она просила только, чтобы онъ отъ ея имени ничего не говорилъ и старалась повеселѣе улыбнуться ему на прощаніи. Онъ уже хотѣлъ было выйти, но вдругъ подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и сѣлъ подлѣ нея. Онъ смотрѣлъ на нее съ невыразимою нѣжностью.

— Наташа, другъ мой, ангелъ мой, не сердись на меня, и не будемъ никогда ссориться. И дай мнѣ слово, что будешь всегда во всемъ вѣрить мнѣ, а я тебѣ. Вотъ что, мой ангелъ, я тебѣ расскажу теперь: Были мы разъ съ тобой въ ссорѣ, не помню за что; я былъ виноватъ. Мы не говорили другъ съ другомъ. Мнѣ не хотѣлось просить прощенья первому, а было мнѣ ужасно грустно. Я ходилъ по городу, слонялся вездѣ, заходилъ къ пріятелямъ, а въ сердцѣ было такъ тяжело, такъ тяжело... И пришло мнѣ тогда на умъ: что еслибъ ты наиримѣрь, отчего-нибудь заболѣла и умерла. И когда я вообразилъ себѣ это, на меня вдругъ нашло такое отчаяніе, точно я въ самомъ дѣлѣ навѣки потерялъ тебя. Мысли все шли тяжелѣе, ужаснѣе. И вотъ мало по малу я сталъ воображать себѣ, что пришелъ будто я къ тебѣ на могилу, упалъ на нее безъ памяти, обнялъ ее и замеръ въ тоскѣ. Вообразилъ я себѣ какъ-бы я цѣловалъ эту могилу, звалъ бы тебя изъ нея, хотъ на одну минуточку, и молилъ бы у Бога чуда, чтобы ты хотъ

на одно мгновеніе воскресла бы передо мною; представилось мнѣ, какъ-бы я бросился обнимать тебя, прижалъ бы къ себѣ, цѣловаль и кажется умеръ бы тутъ отъ блаженства, что хоть одно мгновеніе могъ еще разъ, какъ прежде, обнять тебя. И когда я воображалъ себѣ это, мнѣ вдругъ подумалось: вотъ я на одно мгновеніе буду просить тебя у Бога, а между тѣмъ была же ты со мною шесть мѣсяцевъ и въ эти шесть мѣсяцевъ сколько разъ мы поссорились, сколько дней мы не говорили другъ съ другомъ! Цѣлые дни мы были въ ссорѣ и пренебрегали нашимъ счастьемъ, а тутъ только на одну минуту вызываю тебя изъ могилы и за эту минуту готовъ заплатить всею жизнью!.. Какъ вообразилъ я это все, я не могъ выдержать и бросился къ тебѣ скорѣй, прибѣжалъ сюда, а ты ужъ ждала меня и, когда мы обнялись послѣ ссоры, помню, я такъ крѣпко прижалъ тебя къ груди, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ лишаюсь тебя. Наташа; не будемъ никогда ссориться! Это такъ мнѣ всегда тяжело! И можно ли, Господи! подумать, чтобъ я могъ оставить тебя!

Наташа плакала. Они крѣпко обнялись другъ съ другомъ, и Алеша еще разъ поклялся ей, что никогда ее не оставитъ. За тѣмъ онъ полетѣлъ къ отцу. Онъ былъ въ твердой увѣренности, что все уладитъ, все устроитъ.

— Все кончено! все пропало! сказала Наташа, судорожно сжавъ мою руку. — Онъ меня любитъ, и никогда не разлюбитъ; но онъ и Катю любитъ и черезъ нѣсколько времени будетъ любить ее больше меня. А эта ехидна князь не будетъ дремать, и тогда...

— Наташа! я самъ вѣрю, что князь поступаетъ не чисто, но...

— Ты не вѣришь всему, что я ему высказала! Я замѣтила это по твоему лицу. Но погоди, самъ увидишь, права была я, или нѣтъ? Я вѣдь еще только вообще говорила, а Богъ знаетъ что у него еще въ мысляхъ! Это ужасный человѣкъ! Я ходила эти четыре дни здѣсь по комнатѣ и догадалась обо всемъ. Ему именно надо было освободить, облегчить сердце Алеси отъ его грусти, мѣшавшей ему жить, отъ обязанностей любви ко мнѣ. Онъ выдумалъ это сватовство и для того еще, чтобъ втереться между нами своимъ вліяніемъ и очаровать Алешу благородствомъ и великодушіемъ. Это правда, правда, Ваня! Алеша именно такого характера. Онъ бы успокоился на мой счетъ; тревога бы у него прошла за меня. Онъ бы думалъ: что вѣдь теперь ужъ она жена моя, навѣки со мной и цѣловольно бы обратилъ больше вниманія на Катю. Князь видно изучилъ эту Катю и угадалъ что она пара ему, что она можетъ его сильнѣй увлечь, чѣмъ я. Охъ, Ваня! На тебя вся моя надежда теперь: онъ для чего-то хочетъ съ тобой сойтись, знакомиться. Не отвергай этого и старайся, голубчикъ, ради Бога, поскорѣе попасть къ графинѣ. Познакомься съ этой Катей, разгляди ее лучше и скажи мнѣ: что она такое? Мнѣ надо,

чтобъ тамъ былъ твой взглядъ. Никто такъ меня не понимаетъ, какъ ты, и ты поймешь, что мнѣ надо. Разгляди еще въ какой степени они дружны, что между ними, объ чемъ они говорятъ; Катю, Катю главное размотри... Докажи мнѣ еще этотъ разъ, мпый, возлюбленный мой Ваня, докажи мнѣ еще разъ свою дружбу! На тебя, только на тебя теперь и надежда моя!..

Когда я воротился домой, былъ уже первый часъ ночи. Нелли отворила мнѣ съ заспаннымъ лицомъ. Она улыбнулась и свѣтло посмотрѣла на меня. Бѣдняжка очень досадовала на себя, что заснула. Ей все хотѣлось меня дожидаться. Она сказала, что меня кто-то приходилъ спрашивать, сидѣлъ съ ней и оставилъ на столѣ записку. Записка была отъ Маслобоева. Онъ звалъ меня къ себѣ завтра, въ первомъ часу. Мнѣ хотѣлось разспросить Нелли, но я отложилъ до завтра, настаивая, чтобъ она непременно шла спать; бѣдняжка и безъ того устала, ожидая меня, и заснула только за полчаса до моего прихода.

ГЛАВА V.

На утро Нелли рассказала мнѣ про вчерашнее посѣщеніе довольно странныя вещи. Впрочемъ ужъ и то было странно, что Маслобоевъ вздумалъ въ этотъ вечеръ придти: онъ навѣрно зналъ, что я не буду дома; я самъ предувѣдомилъ его объ этомъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи, и очень хорошо это помнилъ. Нелли рассказывала, что сначала она было не хотѣла отпирать, потому что боялась: было ужъ восемь часовъ вечера. Но онъ упрямилъ ее черезъ запертую дверь, увѣряя, что если онъ не оставитъ мнѣ теперь записку, то завтра мнѣ, почему-то будетъ очень худо. Когда она его впустила, онъ тотчасъ же написалъ записку, подошелъ къ ней и усѣлся подлѣ нея на диванѣ. «Я встала и не хотѣла съ нимъ говорить, — рассказывала Нелли, — я его очень боялась; онъ началъ говорить про Бубнову, какъ она теперь сердится, что она ужъ не смѣетъ меня теперь взять и началъ васъ хвалить; сказалъ, что онъ съ вами большой другъ и васъ маленькимъ мальчикомъ зналъ. Тутъ я стала съ нимъ говорить. Онъ вынулъ конфеты и просилъ, чтобъ и я взяла; я не хотѣла; онъ сталъ меня увѣрять тогда, что онъ добрый человѣкъ, умѣетъ пѣть пѣсни и плясать; вскочилъ и началъ плясать. Мнѣ стало смѣшно. Потомъ сказалъ, что посидитъ еще немножко, — дождусь Ваню, авось воротится, — и очень просилъ меня, чтобъ я не боялась и сѣла подлѣ него. Я сѣла; но говорить съ нимъ ничего не хотѣла. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что зналъ мамашу и дѣдушку и... тутъ я стала говорить. И онъ долго сидѣлъ.

— А объ чемъ же вы говорили.

— О мамашѣ... о Бубновой... о дѣдушкѣ. Онъ сидѣлъ часа два.

Нелли какъ-будто не хотѣлось рассказывать объ чемъ они говорили. Я не разспрашивалъ, надѣясь узнать все отъ Маслобоева. Мнѣ показалось только, что Маслобоевъ нарочно заходилъ безъ меня, чтобъ застать Нелли одну. Для чего ему это, подумала я?

Она показала мнѣ три конфетки, которыя онъ ей далъ. Это было леденцы, въ зеленыхъ и красныхъ бумажкахъ, прескверные и вѣроятно купленные въ овощной лавочкѣ. Нелли засмѣялась, показывая мнѣ ихъ.

— Чтожъ ты ихъ не ѣла? спросилъ я.

— Не хочу, отвѣчала она серьезно, нахмутивъ брови.—Я и не брала у него; онъ самъ на диванѣ оставилъ...

Въ этотъ день мнѣ предстояло много ходьбы. Я сталъ прощаться съ Нелли.

— Скучно тебѣ одной? спросилъ я ее уходя.

— И скучно и не скучно. Скучно потому, что васъ долго нѣтъ.

И она съ такою любовью взглянула на меня, сказавъ это. Все это утро она смотрѣла на меня такимъ же нѣжнымъ взглядомъ и казалась такою веселенькою, такою ласковою и въ тоже время, что-то стыдливое, даже робкое было въ ней, какъ-будто она боялась чѣмъ-нибудь досадить мнѣ, потерять мою привязанность и... и слишкомъ высказаться, точно стыдись этого.

— А чѣмъ же не скучно-то? Вѣдь ты сказала, что тебѣ «и скучно и не скучно»? спросилъ я, невольно улыбаясь ей, — такъ становилась она мнѣ мила и дорога.

— Ужъ я сама знаю чѣмъ, отвѣчала она усмѣхнувшись и чего-то опять застыдилась. Мы говорили на порогѣ, у развороченной двери. Нелли стояла передо мной, потупивъ глазки, одной рукой схватившись за мое плечо, а другою пощипывая мнѣ рукавъ сертука.

— Чтожъ это, секретъ? спросилъ я.

— Нѣтъ... нпчего... я, — я вашу книжку безъ васъ читать начала, проговорила она вполголоса и, поднявъ на меня нѣжный, проникающій взглядъ, вся покраснѣлась.

— А, вотъ какъ! чтожъ, нравится тебѣ? я былъ въ замѣшательствѣ автора, котораго похвалили въ глаза, но я бы, Богъ знаетъ что далъ, еслибъ могъ въ эту минуту поцѣловать ее. Но какъ-то нельзя было поцѣловать. Нелли помолчала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ онъ умеръ? спросила она съ видомъ глубочайшей грусти, мелькомъ взглянувъ на меня и вдругъ опять опутивъ глаза.

— Кто это?

— Да вотъ этотъ, молодой, въ чахоткѣ... въ книжкѣ-то?

— Чтожъ дѣлать, такъ надо было Нелли.

— Совсѣмъ не надо, отвѣчала, она почти шопотомъ, но какъ-то вдругъ, отрывисто, чуть не сердито, надувъ губки и еще упорнѣе уставившись глазами въ полъ.

Прошла еще минута.

— А она... ну вотъ и они-то... дѣвушка и старичокъ, шептала она, продолжая какъ-то усиленнѣе пощипывать меня за рукавъ:—чтожъ они будутъ жить вмѣстѣ? И не будутъ бѣдные?

— Нѣтъ Нелли, она уѣдетъ далеко; выйдетъ замужъ за помѣщика, а онъ одинъ останется, отвѣчалъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ, дѣйствительно сожалѣя, что не могу ей сказать чего-нибудь утѣшительнѣе.

— Ну вотъ... вотъ! вотъ какъ это! у, какіе!.. Я и читать теперь не хочу!

И она сердито оттолкнула мою руку, быстро отвернувшись отъ меня, ушла къ столу и стала лицомъ къ углу, глазами въ землю. Она вся покраснѣла и неровно дышала, точно отъ какого-то ужаснаго огорченія.

— Полно Нелли, ты разсердилась! началъ я подходя къ ней:—вѣдь это все неправда, что написано,—выдумка; ну чегожъ тутъ сердиться! Чувствительная ты дѣвочка!

— Я не сержусь, проговорила она робко, поднявъ на меня такой свѣтлый, такой любящій взглядъ; потомъ вдругъ схватила мою руку, прижала къ моей груди лицо и отчего-то заплакала.

Но въ ту же минуту и засмѣялась,—и плакала и смѣялась все вмѣстѣ. Мнѣ тоже было и смѣшно и какъ-то... сладко. Но она ни за что не хотѣла поднять ко мнѣ голову, и когда я сталъ было отрывать ея личико отъ моего плеча, она все крѣпче прижималась къ нему и все сильнѣе и сильнѣе смѣялась.

Наконецъ кончилась эта чувствительная сцена. Мы простились; я сбѣжалъ. Нелли вся раздумывавшая и все еще какъ-будто пристыженная и съ сіяющими какъ звѣздочки глазами, выбѣжала за мной на самую лѣстницу и просила воротиться скорѣе. Я обѣщалъ, что непременно ворочусь къ обѣду и какъ можно пораньше.

— Сначала я пошелъ къ старикамъ. Оба они хворали. Анна Андреевна была совсѣмъ больная; Николай Сергѣичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Онъ слышалъ, что я пришелъ, но я зналъ, что по обыкновенію своему онъ выйдетъ нераньше. Какъ черезъ четверть часа, чтобъ дать намъ наговориться. Я не хотѣлъ очень разстраивать Анну Андреевну, и потому смягчалъ по возможности мой рассказъ о вчерашнемъ вечерѣ, но высказалъ правду; къ удивленію моему старушка, хоть и огорчилась, но какъ-то безъ удивленія приняла извѣстіе о возможности разрыва.

— Ну, батюшка, такъ я и думала, сказала она — Вы ушли тогда, а я долго продумала и надумалась, что не бывать этому. Не заслужили мы у Господа Бога, да и человѣкъ-то такой подлый; можно ль отъ него добра ожидать. Шутка ль, десять тысячъ съ насъ задаромъ беретъ, знаетъ вѣдь, что задаромъ и все-таки беретъ. Последній кусокъ хлѣба отнимаетъ; продадутъ Ихменевку. А Наташечка справедлива и умна, что имъ не повѣрила. Да знаете ль вы еще, батюшка, продолжала

она, понизивъ голосъ: — Мой-то, мой-то! Совсѣмъ напротивъ этой свадьбы идетъ. Проговариваться сталъ: не хочу, говорить! Я сначала думала, что онъ блажитъ; нѣтъ, вѣдь правда. Чтожъ тогда съ ней-то будетъ, съ голубушкой? Вѣдь онъ ее тогда совсѣмъ проклянетъ. Ну, а тотъ-то, Алеша-то, онъ-то что?

И долго еще она меня разспрашивала и по обыкновенію своему охала и сѣтовала съ каждымъ моимъ отвѣтомъ. Вообще я замѣтилъ, что она въ послѣднее время какъ-то совсѣмъ потерялась. Всякое извѣстіе потрясало ее. Скорбь объ Наташѣ убивала ее сердце и здоровье.

Вошелъ старикъ, въ халатѣ, въ туфляхъ; онъ жаловался на лихорадку, но съ нѣжностью посмотрѣлъ на жену и все время, какъ я у нихъ былъ, ухаживалъ за ней какъ нянька, смотрѣлъ ей въ глаза, даже робѣлъ передъ нею. Во взглядахъ его было столько нѣжности. Онъ былъ испуганъ ея болѣзнью; чувствовалъ, что лишится всего въ жизни, если и ее потеряетъ.

Я просидѣлъ у нихъ съ часъ. Прощаясь, онъ вышелъ съ мною до передней и заговорилъ о Нелли. У него была серьезная мысль, принять ее къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери. Онъ сталъ совѣтоваться со мной, какъ склонить на то Анну Андреевну. Съ особеннымъ любопытствомъ разспрашивалъ меня о Нелли и не узналъ ли я о ней еще чего новаго? Я наскоро разсказалъ ему. Разсказъ мой произвелъ на него впечатлѣніе.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказалъ онъ рѣшительно: — а покамѣстъ... а впрочемъ, я самъ къ тебѣ приду, вотъ только немножко поправлюсь здоровьемъ. Тогда и рѣшимъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ я былъ у Маслобоева. Къ величайшему моему изумленію, первое лицо, которое я встрѣтилъ, войдя къ нему, былъ князь. Онъ въ передней надѣвалъ свое пальто, а Маслобоевъ суетливо помогалъ ему и подавалъ ему его трость. Онъ ужъ говорилъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ княземъ, но все-таки эта встрѣча чрезвычайно изумила меня.

Князь какъ будто смѣшался, увидѣвъ меня.

— Ахъ, это вы! вскрикнулъ онъ какъ-то ужъ слишкомъ съ жаромъ: — представьте, какая встрѣча! Впрочемъ, я сейчасъ узналъ отъ г. Маслобоева, что вы съ нимъ знакомы. Радъ, радъ, чрезвычайно радъ, что васъ встрѣтилъ; я именно желалъ васъ видѣть и надѣюсь какъ можно скорѣе захватить къ вамъ, вы позволите? У меня просьба до васъ: помогите мнѣ, разъясните теперешнее положеніе наше. Вы вѣрно поняли, что я говорю про вчерашнее... Вы тамъ знакомы дружески, вы слѣдили за всѣмъ ходомъ этого дѣла; вы имѣете вліяніе... Ужасно жалѣю, что не могу съ вами теперь же... Дѣла! Но на дняхъ и даже можетъ быть скорѣе я буду имѣть удовольствіе быть у васъ. А теперь...

Онъ какъ-то ужъ слишкомъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, перемигнулся съ Маслобоевымъ и вышелъ.

— Скажи ты мнѣ, ради Бога... началъ было я, входя въ комнату.

— Ровно-таки ничего тебѣ не скажу, перебилъ Маслобоевъ, поспѣшно хватая фуражку и направляясь въ переднюю: — дѣла! Я, братъ, самъ бѣгу, опоздалъ!...

— Да вѣдь ты самъ написалъ, что въ двѣнадцать часовъ.

— Чтожъ такое, что написалъ? Вчера тебѣ написалъ, а сегодня мнѣ написали, да такъ, что лобъ затрещалъ, — такія дѣла! Ждутъ меня. Прости, Ваня. Все, что могу предоставить тебѣ въ удовольствованіе, это исколотить меня за то, что напрасно тебя потревожилъ. Если хочешь удовлетвориться, то колоти, но только ради Христа поскорѣе! не удержи, дѣла, ждутъ!...

— Да зачѣмъ мнѣ тебя колотить? Дѣла, такъ слыши, у всякаго бываетъ свое непредвидѣнное. А только!...

— Нѣтъ, про *только-то* ужъ я скажу, перебилъ онъ, выскакивая въ переднюю и надѣвая шинель (за нимъ и я сталъ одѣваться). — У меня и до тебя дѣло; очень важное дѣло; за нимъ-то я и звалъ тебя; прямо до тебя касается и до твоихъ интересовъ. А такъ какъ въ одну минуту, теперь, разсказать нельзя, то дай ты, ради Бога, слово, что придешь ко мнѣ сегодня ровно въ семь часовъ, ни раньше, ни позже. Буду дома.

— Сегодня, сказалъ я въ нерѣшимости: — ну, братъ, я сегодня вечеромъ хотѣлъ было зайти!...

— Зайди, голубчикъ, сейчасъ туда, куда ты хотѣлъ вечеромъ зайти, а вечеромъ ко мнѣ. Потому, Ваня, и вообразить не можешь какія я вещи тебѣ сообщу.

— Да изволь, изволь; что бы такое? Признаюсь ты завлекъ мое любопытство.

Между тѣмъ, мы вышли изъ воротъ дома и стояли на тротуарѣ.

— Такъ будешь? спросилъ онъ настойчиво.

— Сказалъ, что буду.

— Нѣтъ, дай честное слово.

— Фу какой! Ну честное слово.

— Отлично и благородно. Тебѣ куда?

— Сюда, отвѣчалъ я, показывая на право.

— Ну, а мнѣ куда, сказалъ онъ, показывая на лѣво. Прощай Ваня! помни, семь часовъ.

«Странно», подумалъ я, смотря ему вслѣдъ.

Вечеромъ я хотѣлъ быть у Наташи. Но, такъ какъ теперь далъ слово Маслобоеву, то и разсудилъ отправиться къ ней сейчасъ. Я былъ увѣренъ, что застану у ней Алешу. Дѣйствительно онъ былъ тамъ и ужасно обрадовался, когда я вошелъ.

Онъ былъ очень милъ, чрезвычайно нѣженъ съ Наташей и даже развеселился съ моимъ приходомъ. Наташа хотъ и старалась казаться веселою, но видно было, что черезъ силу. Лицо ея было больное и блѣдное; плохо спала ночью. Къ Алешѣ она была какъ-то усиленно ласкова.

Алеша, хотъ и много говорилъ, много рассказы-

валъ, по видимому желая развеселить ее и сорвать улыбку съ ея, невольно складывавшихся не въ улыбку губъ, но замѣтно обходилъ въ разговорѣ Катю и отца. Вѣроятно, вчерашняя его попытка примиренія не удалась.

— Знаешь что? ему ужасно хочется уйти отъ меня, шепнула мнѣ наскоро Наташа, когда онъ вышелъ на минуту что-то сказать Маврѣ: — да и боится. А я сама боюсь ему сказать, чтобъ онъ уходилъ, потому что онъ тогда, пожалуй нарочно не уйдетъ, а пуще всего боюсь, что онъ соскучится и за это совсѣмъ охладѣетъ ко мнѣ! Какъ сдѣлать?

— Боже, въ какое положеніе вы сами себя ставите! И какіе вы мнительные, какъ вы слѣдите другъ за другомъ! Да просто объяснитесь, ну и кончено. Вотъ черезъ это-то положеніе онъ можетъ быть и дѣйствительно соскучится.

— Какъ же быть? вскричала она испуганная.

— Постой я вамъ все улажу... и я вышелъ въ кухню, подъ предлогомъ попросить Мавру обтереть одну очень загрязнившуюся мою калошу.

— Осторожнѣе, Ваня! закричала она мнѣ вслѣдъ. Только что я вошелъ къ Маврѣ, Алеша такъ и бросился ко мнѣ, точно меня ждалъ:

— Иванъ Петровичъ, голубчикъ, что мнѣ дѣлать? посоветуйте мнѣ: я еще вчера далъ слово быть сегодня, именно теперь, у Кати. Не могу же я манкировать! Я люблю Наташу какъ не знаю что, готовъ просто въ огонь, но согласитесь сами, тамъ совсѣмъ бросить, вѣдь это нельзя...

— Ну чтожъ, поѣзжайте...

— Да какъ же Наташа-то? Вѣдь я огорчу ее Иванъ Петровичъ, выручите какънибудь...

— По моему лучше поѣзжайте. Вы знаете какъ она васъ любитъ; ей все будетъ казаться, что вамъ съ ней скучно, и что вы съ ней сидите насильно. Непринужденнѣе лучше. Впрочемъ, пойдѣте, я вамъ помогу.

— Голубчикъ, Иванъ Петровичъ! какой вы добрый!

Мы вошли: черезъ минуту я сказалъ ему:

— А я видѣлъ сейчасъ вашего отца.

— Гдѣ? вскричалъ онъ испуганный.

— На улицѣ, случайно. Онъ остановился со мной на минуту, опять просилъ быть знакомымъ. Спрашивалъ объ васъ: не знаю ли я гдѣ теперь вы? Ему очень надо было васъ видѣть, что-то сказать вамъ.

— Ахъ Алеша, съѣзди, покажись ему, подхватила Наташа, понявшая къ чему я клоню.

— Но... гдѣ жъ я его теперь встрѣчу? Онъ дома?

— Нѣтъ, помнится, онъ сказалъ, что онъ у графини будетъ.

— Ну, такъ какъ же... наивно произнесъ Алеша, печально смотря на Наташу.

— Ахъ Алеша, такъ что же! сказала она. — Неужели жъ ты вправду хочешь оставить это знакомство, чтобъ меня успокоить. Вѣдь это по-дѣт-

ски. Во-первыхъ, это невозможно, а во-вторыхъ ты просто будешь неблагороденъ передъ Катей. Вы друзья; развѣ можно такъ грубо разрывать связи. Наконецъ ты меня просто обижаешь, коли думаешь, что я такъ тебя ревную. Поѣзжай, немедленно поѣзжай, я прошу тебя! Да и отецъ твой успокоится.

— Наташа, ты ангелъ, а я твоего пальчика не стою! вскричалъ Алеша съ восторгомъ и съ раскаяніемъ. — Ты такъ добра, а я... я... ну узнай же! Я сейчасъ же просилъ, тамъ въ кухнѣ, Ивана Петровича, чтобъ онъ помогъ мнѣ уѣхать отъ тебя. Онъ это и выдумалъ. Но не суди меня, ангелъ Наташа! Я не совсѣмъ виноватъ, потому что люблю тебя въ тысячу разъ больше всего на свѣтѣ и потому выдумалъ новую мысль: открыться во всемъ Катѣ и немедленно рассказать ей все наше теперешнее положеніе и все что вчера было. Она чтонибудь выдумаетъ для нашего спасенія, она намъ всю душу предана...

— Ну и ступай, отвѣчала Наташа, улыбаясь: — и вотъ что, другъ мой, я сама хотѣла бы очень познакомиться съ Катей. Какъ бы это устроить?

Восторгу Алешки не было предѣловъ. Онъ тотчасъ же пустился въ предположенія какъ познакомиться. По его выходило очень легко: Катя выдумаетъ. Онъ развивалъ свою идею съ жаромъ, горячо. Сегодня же общался и отвѣтъ принести, черезъ два же часа, и вечеръ просидѣть у Наташи.

— Вправду пріѣдешь? спросила Наташа, отпуская его.

— Неужели ты сомнѣваешься? Прощай, Наташа, прощай возлюбленная ты моя, — вѣчная моя возлюбленная! Прощай, Ваня! Ахъ Боже мой, я васъ нечаянно назвалъ Ваней; послушайте, Иванъ Петровичъ, я васъ люблю — зачѣмъ мы не на *ты*. Будемъ на *ты*.

— Будемъ на *ты*.

— Слава Богу! Вѣдь мнѣ это сто разъ въ голову приходило. Да я все какъ-то не смѣлъ вамъ сказать. Вотъ и теперь *вы* говорю. А вѣдь это очень трудно *ты* говорить. Это кажется гдѣ-то у Толстаго хорошо выведено: двое дали другъ другу слово говорить *ты*, да и никакъ не могутъ и я все избѣгаютъ такіа фразы, въ которыхъ мѣстоименія. Ахъ, Наташа! прочтемъ когданибудь «Дѣтство и отрочество»; вѣдь какъ хорошо!

— Да ужъ ступай, ступай, прогоняла Наташа, смѣясь: — заболтался отъ радости...

— Прощай! черезъ два часа у тебя!

Онъ поцѣловалъ у ней руку и поспѣшно вышелъ.

— Видишь, видишь Ваня! проговорила она и залилась слезами.

Я просидѣлъ съ ней часа два, утѣшалъ ее и успѣлъ убѣдить во всемъ. Разумѣется она была во всемъ права, во всѣхъ своихъ опасеніяхъ. У меня сердце было въ тоскѣ, когда я думалъ о тепереш-

немъ ея положеніи; боялся я за нее. Но чтожь было дѣлать?

Страненъ былъ для меня и Алеша: онъ любилъ ее не меньше чѣмъ прежде, даже можетъ быть и сильнѣе, мучительнѣе, отъ раскаянія и благодарности. Но въ тоже время новая любовь крѣпко вселялась въ его сердце. Чѣмъ это кончится, — невозможно было предвидѣть. Мнѣ самому ужасно любопытно было посмотрѣть на Катю. Я снова общалъ Наташѣ познакомиться съ нею.

Подъ конецъ она даже какъ будто развеселилась. Между прочимъ я рассказала ей все о Нелли, о Маслобоевѣ, о Бубновой, о сегодняшней встрѣчѣ моей у Маслобоева съ княземъ и о назначенной свиданіи въ семь часовъ. Все это ужасно ее заинтересовало. О старикахъ я говорилъ съ ней немного, а о посѣщеніи Ихменева умолчалъ, до времени; предполагаемая дуэль Николая Сергѣича съ княземъ могла испугать ее. Ей тоже показались очень странными сношенія князя съ Маслобоевымъ и чрезвычайное его желаніе познакомиться со мною, хоть все это и довольно объяснялось теперешнимъ положеніемъ...

Часа въ три я воротился домой. Нелли встрѣтила меня съ своимъ свѣтлымъ личикомъ

ГЛАВА VI.

Ровно въ семь часовъ вечера я уже былъ у Маслобоева. Онъ встрѣтилъ меня съ громкими криками и съ распростертыми объятіями. Само собою разумѣется, онъ былъ вполъняна. Но болѣе всего меня удивили чрезвычайныя приготовленія къ моей встрѣчѣ. Видно было, что меня ожидали. Хорошенькій томпаковый самоваръ кипѣлъ на кругломъ столѣ, накрытомъ прекрасною и дорогою скатертью. Чайный приборъ блисталъ хрусталемъ, серебромъ и фарфоромъ. На другомъ столѣ, покрытомъ другаго рода, но не менѣе богатой скатертью, стояли на тарелкахъ конфеты очень хорошія, варенья кievскія, жидкія и сухія, мармеладъ, постила, желе, французскія варенья, анелисины, яблоки и трехъ или четырехъ сортовъ орѣхъ, — однимъ словомъ цѣлая фруктовая лавка. На третьемъ столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью стояли разнообразнѣйшія закуски: икра, сыръ, пастетъ, колбасы, копченый окорокъ, рыба и строй превосходныхъ хрустальныхъ графиновъ съ водками многочисленныхъ сортовъ и прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, — зеленыхъ, рубиновыхъ, корицѣвыхъ, золотыхъ. Наконецъ, на маленькомъ столѣ, въ сторонѣ, тоже накрытомъ бѣлою скатертью, стояли двѣ вазы съ шампанскимъ. На столѣ передъ диваномъ, красовались три бутылки: сотернъ, лафитъ и коньякъ — бутылки елисейскія и предорогія. За чайнымъ столикомъ сидѣла Александра Семеновна, хоть и въ простомъ платьѣ и уборѣ, но

видимо изысканномъ и обдуманномъ, правда очень удачно. Она понимала, что къ ней идетъ и видимо этимъ гордилась: встрѣчая меня, она привстала съ нѣкоторою торжественностью. Удовольствіе и веселость сверкали на ея свѣженькомъ личикѣ. Маслобоевъ сидѣлъ въ прекрасныхъ китайскихъ туфляхъ, въ дорогомъ халатѣ и въ свѣжемъ щегольскомъ бѣльѣ. На рубашкѣ его были вездѣ, гдѣ, только можно было прицѣпить, модныя запонки и пуговики. Волосы были расчесаны, напомажены и съ косымъ приборомъ, по модному.

Я такъ былъ озадаченъ, что остановился среди комнаты и смотрѣлъ, раскрывъ ротъ, то на Маслобоева, то на Александру Семеновну, самодовольство которой доходило до блаженства.

— Что это, Маслобоевъ? Развѣ у тебя сегодня званый вечеръ? вскричалъ я, наконецъ, съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, ты одинъ, отвѣчалъ онъ торжественно.

— Да что же это (я указалъ на закуски)? вѣдь тутъ можно накормить цѣлый полкъ?

— И напоить, — главное забылъ: напоить! прибавилъ Маслобоевъ.

— И это все для одного меня?

— И для Александры Семеновны. Все это ей угодно было такъ сочинить.

— Ну вотъ ужъ! я такъ и знала! воскликнула закрасившись Александра Семеновна, но нисколько не потерявъ своего довольнаго вида. — Гости прилично принять нельзя: тотчасъ я виновата!

— Съ самаго утра, можешь себѣ представить, съ самаго утра, только что узнала, что ты придешь на вечеръ, захлопотала; въ мукахъ была...

— И тутъ солгалъ! вовсе не съ самаго утра, а со вчерашняго вечера. Ты вчера вечеромъ, какъ пришелъ, такъ и сказалъ мнѣ, что они въ гости на цѣлый вечеръ придутъ...

— Это вы ослышались-съ.

— Во все не ослышалась, а такъ было. Я никогда не лгу. А почему жъ гости не встрѣтитъ? Живемъ-живемъ, никто-то къ намъ не ходитъ, а все-то у насъ есть. Пусть же хорошіе люди видятъ, что и мы умѣемъ какъ люди жить.

— И главное узнаютъ какая вы великолѣпная хозяйка и распорядительница, прибавилъ Маслобоевъ. — Представь, дружище, я-то, я-то за что тутъ попался. Рубашку голландскую на меня наняли, запонки натякали, туфли, халатъ китайскій, волосы расчесала мнѣ сама и расномадила: бергамотъ-съ; духами какими-то опрыскать хотѣла: кремъ-брюле, да ужъ! тутъ я не вытерпѣлъ, возсталъ, супружескую власть показалъ...

— Во все не бергамотъ, а самая лучшая французская помада, изъ фарфоровой росписной баночки! подхватила вся вспыхнувъ, Александра Семеновна. — Посудите сами, Иванъ Петровичъ, ни въ театръ, ни потанцовать нигде не пускаетъ, только платья дарить, а что мнѣ въ платьѣ-то? Наряжусь да и хожу одна по комнатамъ. Намедни

упросила, совѣмъ ужъ было собралась въ театр; только что отвернулась брошку прицѣпить, а онъ къ шкапiku: одну, другую да и накатился. Такъ и остался. Никто-то, никто-то, никто-то не ходитъ къ намъ въ гости; а только по утрамъ, по дѣламъ какіе-то люди ходятъ; меня и прогоняютъ. А между тѣмъ и самовары и сервизъ есть и чаши хорошія—все это есть, все дареное. И свѣстное намъ носить, почти одно вино покупаемъ, да какую-нибудь помаду, да вонъ тамъ закуски—пастетъ, окорока, да конфеты для васъ купили. Хотѣ бы посмотрилъ кто, какъ мы живемъ! Цѣлый годъ думала: вотъ придетъ гость, настоящій гость, мы все это и покажемъ и угостимъ: и люди похвалятъ и самимъ любо будетъ; а что его дурака напоядила, такъ онъ и не стоитъ того; ему бы все въ грязномъ ходить. Вонъ какой халатъ на немъ: подарили; да стоитъ ли онъ такого халата? Ему бы только нализаться прежде всего. Вотъ увидите, что онъ васъ будетъ прежде чаю водкой просить.

— А что! вѣдь и вправду дѣло: выпьемъ-ка, Ваня, золотую и серебряную, а потомъ, съ освѣженной душой и къ другимъ напиткамъ приступимъ.

— Ну такъ я и знала!

— Не беспокойтесь, Сашенька, и чайку выпьемъ, съ коньячкомъ, за ваше здоровье-съ.

— Ну такъ и естъ! вскричала она, всплеснувъ руками:—Чай ханскій, по шести цѣлковыхъ, третьяго дня купецъ подарилъ, а онъ его съ коньячкомъ хочетъ пить. Не слушайте, Иванъ Петровичъ, вотъ я вамъ сейчасъ налью... увидите, сами увидите, какой чай!

И она захолопотала у самовара.

Было понятно, что рассчитывали меня продержатъ весь вечеръ. Александра Семеновна цѣлый годъ ожидала гостя и теперь готовилась отвести на мнѣ душу. Все это было не въ моихъ расчетахъ.

— Послушай! Маслобоевъ, сказалъ я усаживаясь:— вѣдь я къ тебѣ вовсе не въ гости; я по дѣламъ; ты самъ меня звалъ что-то сообщить...

— Ну такъ вѣдь дѣло дѣломъ, а пріятельская бесѣда своимъ чередомъ.

— Нѣтъ, душа моя, не рассчитывай. Въ половину девятого и прощай. Дѣло есть; я далъ слово...

— Не думаю. Помилуй, чтожъ ты со мной дѣлаешь? Чтожъ ты съ Александрой-то Семеновной дѣлаешь? Ты взгляни на нее: обомлѣла. За чтожъ меня напоядила-то? Вѣдь на мнѣ бергамотъ; подумай!

— Ты все шутишь Маслобоевъ. Я Александрѣ Семеновнѣ поклянусь, что на будущей недѣлѣ, ну хоть въ пятницу, приду къ вамъ обѣдать; а теперь, братъ, я далъ слово, или, лучше сказать, мнѣ просто надобно быть въ одномъ мѣстѣ. Лучше объясни мнѣ: что ты хотѣлъ сообщить?

— Такъ неужели жъ вы только до половины девятого! вскричала Александра Семеновна, робкимъ

и жалобнымъ голосомъ, чуть не плача и подавая мнѣ чашку превосходнаго чаю.

— Не беспокойтесь, Сашенька; все это вздоръ, подхватилъ Маслобоевъ. — Онъ останется; это вздоръ. А вотъ что ты лучше скажи мнѣ, Ваня, куда это ты все уходишь? Какія у тебя дѣла? Можно узнать? Вѣдь ты каждый день куда-то бѣгаешь, не работаешь...

— А зачѣмъ тебѣ? Впрочемъ можетъ быть скажу послѣ. А вотъ объясни-ка ты лучше, зачѣмъ ты приходилъ ко мнѣ вчера, когда я самъ сказалъ тебѣ, помнишь, что меня не будетъ дома?

— Потомъ вспомнилъ, а вчера забылъ. Объ дѣлѣ дѣйствительно хотѣлъ съ тобою поговорить, но пуще всего надо было утѣшить Александру Семеновну. «Вотъ, говоритъ, есть человекъ, оказался пріятель, зачѣмъ не позовешь? И ужъ меня, братъ, четверо сутокъ за тебя продергиваютъ. За бергамотъ мнѣ, конечно, на томъ свѣтѣ сорокъ грѣховъ простятъ, но, думаю, отчего же не посидѣть вечерокъ по-пріятельски? Я и употребилъ стратегию: написалъ, что дескать такое дѣло, что если не придеши, то всѣ наши корабли потонутъ.

Я попросилъ его впередъ такъ не дѣлать, а лучше прямо предувѣдомить. Впрочемъ, это объясненіе меня не совѣмъ удовлетворило.

— Ну а давеча-то зачѣмъ бѣжалъ отъ меня? спросилъ я.

— А давеча дѣйствительно было дѣло, на столечко не солгу.

— Не съ княземъ ли?

— А вамъ нравится нашъ чай? спросила медовымъ голоскомъ Александра Семеновна.

Вотъ ужъ пять минутъ она ждала, что я похвалю ихъ чай, а я и не догадался.

— Превосходный, Александра Семеновна, великолѣпный! Я еще и не пивалъ такого.

Александра Семеновна такъ и зардѣлась отъ удовольствія и бросилась наливать мнѣ еще.

— Князь! вскричалъ Маслобоевъ:—этотъ князь, братъ, такая шельма, такой плутъ... ну!—я братъ вотъ что тебѣ скажу: я хоть и самъ плутъ, но изъ одного цѣломудрія не захотѣлъ бы быть въ его кожѣ! Но довольно; молчокъ! только это одно объ немъ и могу сказать.

— А я, какъ нарочно, пришелъ къ тебѣ, чтобъ и объ немъ разспросить, между прочимъ. Но это послѣ. А зачѣмъ ты вчера безъ меня моей Еленѣ леденцовъ давалъ, да плясалъ передъ ней? И объ чемъ ты могъ полтора часа съ ней говорить!

— Елена, это маленькая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати или одиннадцати, живетъ до времени у Ивана Петровича, объяснилъ Маслобоевъ, вдругъ обращаясь къ Александрѣ Семеновнѣ.—Смотри, Ваня, смотри, продолжалъ онъ, показывая на нее пальцемъ, такъ вся и вспыхнула, какъ услышала, что я незнакомой дѣвушкѣ леденцовъ носилъ, такъ и зардѣлась, такъ и вздрогнула, точно мы вдругъ изъ пистолета выстрѣлили... ишь глазенки-то, такъ и сверкаютъ, какъ угольки. Да ужъ нечего, Алек-

сандра Семеновна, — нечего скрывать! ревнивы-сь. Не растолкуй я, что это одиннадцатилѣтняя дѣвочка, такъ меня тотчасъ же за вихры оттаскала бы: и бергамотъ бы не спасъ!

— Онъ и теперь не спасетъ!

И съ этими словами, Александра Семеновна, однимъ прыжкомъ прыгнула къ намъ изъ-за чайнаго столика и прежде чѣмъ Маслобоевъ успѣлъ заслонить свою голову, она схватила его за клочокъ волосъ и порядочно продернула.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Не смѣй говорить передъ гостемъ, что я ревнива, не смѣй, не смѣй. не смѣй.

Она даже раскраснѣлась и хотъ смѣялась, но Маслобоеву досталось порядочно.

— Про всякій стыдъ рассказываетъ! серьезно прибавила она, обратясь ко мнѣ.

— Ну, Ваня, таково-то житъе мое! По этой причинѣ непремѣнно водочки! рѣшилъ Маслобоевъ, оправляя волосы и чуть не бѣгомъ направляясь къ графину. Но Александра Семеновна предупредила его: подскочила къ столу, палила сама, подала и даже ласково потрепала его по щекѣ. Маслобоевъ съ гордостью подмигнувъ мнѣ глазомъ, щелкнувъ языкомъ и торжественно выпилъ свою рюмку.

— На счетъ леденцовъ трудно сообразить, началъ онъ, усаживаясь подлѣ меня на диванѣ. — Я ихъ купилъ третьяго дня, въ пьяномъ видѣ, въ бовощной лавочкѣ, — не знаю для чего. Впрочемъ можетъ быть для того, чтобъ поддержать отечественную торговлю и промышленность, — не знаю навѣрно; помню только, что я шелъ тогда по улицѣ пьяный, упалъ въ грязь; рвалъ на себѣ волосы и плакалъ о томъ, что ни къ чему не способенъ. Я разумѣется объ леденцахъ забылъ, такъ они и остались у меня въ карманѣ до вчерашняго дня, когда я сѣлъ на нихъ, садясь на твой диванъ. На счетъ танцевъ же опять тотъ же нетрезвый видъ: вчера я былъ достаточно пьянъ, а въ пьяномъ видѣ я, когда бываю доволенъ судьбою, иногда танцую. Вотъ и все; кромѣ развѣ того, что эта спротка возбудила во мнѣ жалость, да кромѣ того, она и говорить со мной не хотѣла, какъ будто сердилась. Я и пу танцовать, чтобъ развеселить ее и леденчиками попотчивалъ.

— А не подкупалъ ее, чтобъ у ней кое-что вывѣдать и признайся откровенно: нарочно ты зашелъ ко мнѣ зная, что меня дома не будетъ, чтобъ поговорить съ ней между четырехъ глазъ и что нибудь вывѣдать, или нѣтъ? Вѣдь я знаю, ты съ ней часа полтора просидѣлъ, увѣрилъ ее, что ся мать покойницу знаешь и что-то выспрашивалъ.

Маслобоевъ прищурился и плутовски усмѣхнулся.

— А вѣдь идея-то была бы не дурна, сказалъ онъ. — Нѣтъ, Ваня, это не то. То есть, почему не разспросить при случаѣ: но это не то. Слушай, старинный пріятель, я хотъ теперь и довольно

пьянъ, по обыкновенію, но знай что съ *этимъ умомъ* Филиппъ тебя никогда не обманетъ, съ *этимъ то есть* умысломъ.

— Ну, а безъ злаго умысла?

— Ну... и безъ злаго умысла. Но къ чорту это, выпьемъ и объ дѣлѣ! Дѣло-то пустое, продолжалъ онъ, выпивъ. — Эта Бубнова не имѣла никакого права держать эту дѣвочку; я все разузналъ. Никакого тутъ усновленія или прочаго не было. Мать должна была ей денегъ, та и забрала къ себѣ дѣвчонку. Бубнова хотъ и плутовка, хотъ и злодѣйка, но баба-дура, какъ и всѣ бабы. У покойницы былъ хорошій паспортъ; слѣдственно все это чисто. Елена можетъ жить у тебя, хотя бы очень хорошо было, еслибъ какіе-нибудь люди семейные и благодѣтельные взяли ее серьезно на воспитаніе. Но покаместъ пусть она у тебя. Это ничего; я тебѣ все обдѣлаю: Бубнова и пальцемъ пошевелить не смѣетъ. О покойницѣ же матери я почти ничего не узналъ точнаго. Она чья-то вдова, по фамиліи Зальцманъ.

— Такъ; мнѣ такъ и Нелли говорила.

— Ну такъ и кончено. Теперь же, Ваня, началъ онъ съ нѣкоторою торжественностью: — я имѣю къ тебѣ одну просьбу. Ты же исполни. Расскажи мнѣ по возможности подробнѣе, что у тебя за дѣла, куда ты ходишь, гдѣ бываешь по цѣлымъ днямъ? Я хотъ отчасти и слышалъ и знаю, но мнѣ надобно знать гораздо подробнѣе.

Такая торжественность удивила меня и даже обезпокоила.

— Да что такое? для чего тебѣ это знать? ты такъ торжественно спрашиваешь...

— Вотъ что Ваня, безъ лишнихъ словъ: я тебѣ хочу оказать услугу. Видишь, дружище, еслибъ я съ тобой хитрилъ, я бы у тебя и безъ торжественности умѣлъ выпытать. А ты подозреваешь, что я съ тобой хитрю: давеча, леденцы-то; я вѣдь понималъ. Но такъ какъ я съ торжественностью говорю, значить не для себя интересуюсь, а для тебя. Такъ ты не сомнѣвайся и говори напрямикъ, правду — истинную...

— Да какую услугу? Слушай, Маслобоевъ; для чего ты не хочешь мнѣ рассказать что-нибудь о князѣ? мнѣ это пужно. Вотъ это будетъ услуга.

— О князѣ! гм... Ну такъ и быть, прямо скажу: я и выспрашиваю теперь тебя по поводу князя.

— Какъ?

— А вотъ какъ: я, братъ, замѣтилъ, что онъ какъ-то въ твои дѣла замѣшался; между прочимъ онъ разспрашивалъ меня объ тебѣ. Ужъ какъ онъ узналъ, что мы знакомы, — это не твое дѣло. А только главное въ томъ: берегись ты этого князя. Это Иуда-предатель и даже хуже того. И потому, когда я увидалъ, что онъ отразился въ твоихъ дѣлахъ, то вострепеталъ за тебя. Впрочемъ я вѣдь ничего не знаю; для того-то и прошу тебя рассказать, чтобъ я могъ судить... И даже для того тебя сегодня къ себѣ призвалъ. Вотъ это-то и есть то важное дѣло; прямо объясняю.

— По крайней мѣрѣ ты мнѣ скажешь хоть что-нибудь, хоть то, почему именно я долженъ опасаться князя.

— Хорошо; такъ и быть; я, братъ, вообще употребляюсь иногда по инымъ дѣламъ. Но разсуди: мнѣ вѣдь нинѣ и довѣряются-то потому, что я не болтунъ. Какже я тебѣ буду рассказывать? Такъ и не взыщи, если расскажу вообще, слишкомъ вообще, для того тѣмъ, чтобъ показать: какой дескать онъ выходитъ подлецъ. Ну, начинай же сначала ты, про свое.

Я разсудилъ, что въ моихъ дѣлахъ мнѣ рѣшительно нечего было скрывать отъ Маслобосва. Дѣло Патани было не секретное; къ тому же я могъ ожидать для нея нѣкоторой пользы отъ Маслобосва. Разумѣется въ моемъ рассказѣ я, по возможности, обошелъ нѣкоторые пункты. Маслобосвъ въ особенности внимательно слушалъ все, что касалось князя; во многихъ мѣстахъ меня останавливалъ, многое вновь переспрашивалъ, такъ что я рассказывалъ ему довольно подробно. Рассказъ мой продолжался съ полчаса.

— Гм! умная голова у этой дѣвнцы, рѣшилъ Маслобосвъ. — Если можетъ быть и не совсѣмъ вѣрно догадалась она про князя, то ужъ то одно хорошо, что съ перваго шагу узнала съ кѣмъ имѣетъ дѣло и прервала всѣ сношенія. Молодецъ Наталья Николаевна! Пью за ея здоровье. (Опъ выпилъ.) Тутъ не только умъ, тутъ сердца надо было, чтобъ не дать себя обмануть. И сердце не выдало. Разумѣется ея дѣло проиграно: князь настоитъ на своемъ, и Алена ее броситъ. Жаль одного, Ихменева, — десять тысячъ платить этому подлецу! Да кто у него до дѣлу-то ходилъ, кто хлопоталъ? небось самъ! э-эхъ! то-то всѣ эти горячіе и благородные! Никуда не годится народъ! Съ княземъ не такъ надо было дѣйствовать. Я бы такого адвоката досталъ Ихменеву, — э-эхъ! И онъ съ досадою стукнулъ по столу.

— Ну теперь что же князь-то?

— А ты все о князѣ. Да что объ немъ говорить; и не радъ, что вызвался. Я вѣдь, Ваня, только хотѣлъ тебя на счетъ этого мошенника предупредить, чтобы такъ сказать оградить тебя отъ его вліянія. Кто съ нимъ связывается, тотъ не безопасенъ. Такъ ты держи ухо востро; вотъ и все. А ты ужъ и подумалъ, что тебѣ, Богъ знаетъ, какія парижскія тайны хочу сообщитъ. И видно, что романсишь! Ну, что говорить о подлецѣ? Подлецъ такъ и есть подлецъ... Ну, вотъ напиримѣръ, расскажу тебѣ одно его дѣльце, разумѣется безъ мѣсты, безъ городовъ, безъ лицъ, то есть безъ календарской точности. Ты знаешь, что онъ еще въ первой молодости, когда принужденъ былъ жить канцелярскимъ жалованьемъ, женился на богатой купчихѣ. Ну, съ этой купчихой онъ не совсѣмъ вѣжливо обошелся и хотъ не въ ней теперь дѣло, но замѣчу, другъ Ваня, что онъ всю жизнь напобѣ по такимъ дѣламъ любилъ промышленя. Вотъ еще случай: поѣхалъ онъ за границу. Тамъ...

— Постой, Маслобосвъ, про которую ты поѣздку говоришь? въ какомъ году?

— Ровно девяносто девять лѣтъ тому назадъ и три мѣсяца. Ну-съ, тамъ онъ и сманилъ одну дочь, у одного отца, да и увезъ съ собой въ Парижъ. Да вѣдь какъ сдѣлалъ-то! Отецъ былъ въ родѣ какого-то заводчика или участвовалъ въ какомъ-то этакимъ предпріятіи. Навѣрно не знаю. Я вѣдь, если и рассказываю тебѣ, то по собственнымъ умо-заключеніямъ и соображеніямъ изъ другихъ данныхъ. Вотъ князь его и надулъ, тоже въ предъпріятіи съ нимъ вмѣстѣ залѣзъ. Надулъ вполне и деньги съ него взялъ. На счетъ взятыхъ денегъ у старика были разумѣется кой-какіе документы. А князю хотѣлось такъ взять, чтобъ и не отдать, по нашему просто украсть. У старика была дочь и дочь-то была красавица, а у этой красавицы былъ влюбленный въ нее идеальный человекъ, братецъ Шпллеру, поэтъ, въ тоже время купецъ, молодой мечтатель, однимъ словомъ вполне нѣмецъ, Феферкухенъ какой-то.

— То есть это фамилія его Феферкухенъ?

— Ну, можетъ и не Феферкухенъ, чортъ его дерн, не въ немъ дѣло. Только князь-то и подлѣзъ къ дочери, да такъ подлѣзъ, что она влюбилась въ него какъ сумасшедшая. Князю и захотѣлось тогда двухъ вещей: во-первыхъ, овладѣть дочкой, а во-вторыхъ документами во взятой у старика суммѣ. Ключи отъ всѣхъ ящичковъ стариковыхъ были у его дочери. Старикъ же любилъ дочь безъ памяти, до того, что замужъ ее отдавать не хотѣлъ. Серьезно. Ко всякому жениху ревновалъ, не понималъ какъ можно разстаться съ нею, и Феферкухена прогналъ, чудакъ какой-то англичанинъ...

— Англичанинъ? Да гдѣ же все это происходило?

— Я только такъ сказалъ: англичанинъ, для сравненія, а ты ужъ и подхватилъ. Было жъ это въ городѣ Санта-фе-де-Богота, а можетъ и въ Краковѣ, но вѣрнѣй всего, что въ фюрстенбургъ Нассау, вотъ что на Зельцерской водѣ написано, именно въ Нассау; довольно съ тебя? Ну-съ, вотъ-съ князь дѣвнцу-то сманилъ, да и увезъ отъ отца, да по настоянію князя, дѣвнца захватила съ собой и кой-какіе документики. Вѣдь бывасть же такая любовь, Ваня! Фу ты, Боже мой, а вѣдь дѣвушка была честная, благородная, возвышенная! Правда, можетъ толку-то большаго въ бумагахъ не знала. Ее заботило одно: отецъ проклинаетъ. Князь и тутъ нашлся; далъ ей форменное, законное обязательство, что на ней женится. Такимъ образомъ и увѣрилъ ее, что они такъ только поѣдутъ, на время прогуляются, а когда гнѣвъ старика поутихнетъ, они и воротятся къ нему обвѣнчанные и будутъ втроемъ вѣкъ жить, добра наживать и такъ далѣе до безконечности. Вѣжала она, старикъ-то ее проклиналъ да и обанкрутился. За пѣю въ Парижъ потащился и Фрауенмилхъ, все бросилъ и торговлю бросилъ; влюбленъ былъ ужъ очень,

— Стой! какой Фрауенмилхъ?

— Ну тотъ, какъ его! Фейербахъ-то... тѣфу проклятый: Феферкухенъ! Ну-съ князю разумѣется жениться нельзя было: что дескать графиня Хлестова скажетъ? какъ баронъ Помойкинъ объ этомъ отзовется? Слѣдственно надо было надуть. Ну, падулъ-то онъ слишкомъ нагло. Во-первыхъ чуть ли не билъ ее, во-вторыхъ, нарочно пригласилъ къ себѣ Феферкухена, тотъ и ходилъ, другомъ ея сдѣлался, ну хныкали вмѣстѣ, по пѣлымъ вечерамъ одни сидѣли, несчастія свои оплакивали, тотъ утѣшалъ: извѣстно Божьи души. Князь-то нарочно такъ подвелъ: разъ застаётъ ихъ поздно, да и выдумалъ, что они въ связи, придрался къ чему-то; своими глазами, говоритъ, видѣлъ. Ну и вытолкалъ ихъ обоихъ за ворота, а самъ на время въ Лондонъ уѣхалъ. А та была ужъ на сносяхъ; какъ выгнали ее, она и родила дочь.., то есть не дочь, а сына, именно сынишку, Володькой и окрестили. Феферкухенъ воспріемникомъ былъ. Ну вотъ и поѣхала она съ Феферкухеномъ. У того маленькія деньжонки были. Обѣхала она Швейцарію, Итаію... во всѣхъ то есть поэтическихъ земляхъ была, какъ и слѣдуетъ. Та все плакала, а Феферкухенъ хныкалъ и много лѣтъ такимъ образомъ прошло и дѣвочка выросла. И для князя-то все бы хорошо было, да одно не хорошо: обязательство жениться онъ у ней назадъ не выхлопоталъ. «Низкій ты человѣкъ», сказала она ему при прощаніи, ты меня обокралъ, ты меня обезчестилъ и теперь оставляешь. Прощай! но обязательства тебѣ не отдамъ. Не потому, что я когда-нибудь хотѣла за тебя выйти, а потому что ты этого документа боишься. Такъ пусть онъ и будетъ у меня вѣчно въ рукахъ». Погорячилась однимъ словомъ, но князь впрочемъ остался покоенъ. Вообще такимъ подлецамъ превосходно имѣть дѣло съ такъ называемыми возвышенными существами. Они такъ благородны, что ихъ весьма легко обмануть, а во вторыхъ они всегда отдѣлываются возвышеннымъ и благороднымъ презрѣніемъ, вмѣсто практическаго примѣненія къ дѣлу закона, если только можно его примѣнить. Ну вотъ хоть бы эта мать: отдѣлалась гордымъ презрѣніемъ и хоть и оставила у себя документъ, но вѣдь князь зналъ, что она скорѣе повѣситъ, чѣмъ употребить его въ дѣло: ну, и былъ покоенъ до времени. А она хоть и плюнула ему въ его подлое лицо, да вѣдь у ней Володька на рукахъ оставался: умри она, что съ нимъ будетъ? Но объ этомъ не разсуждалось. Брудершафтъ тоже ободрялъ ее и не разсуждалъ; Шиллера читали. Наконецъ Брудершафтъ отчего-то скиснулъ и умеръ...

— То есть Феферкухенъ?

— Ну да, чортъ его дерп! а она...

— Постой! сколько лѣтъ они странствовали?

— Ровнешенько двѣсти. Ну-съ она и воротилась въ Краковъ. Отецъ-то не принялъ, проклятъ, она умерла, а князь перекрестился отъ радости. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало, дали мнѣ шлыкъ, а я въ подворотню шмыгъ... выпьемъ, братъ, Ваня!

— Я подозреваю, что ты у него по этому дѣлу хлопочешь, Маслобоевъ.

— Тебѣ непремѣнно этого хочется?

— Но не понимаю только, что ты-то тутъ можешь сдѣлать!

— А виднѣе, она какъ воротилась въ Мадритъ-то, послѣ десятилѣтняго отсутствія, подъ чужимъ именемъ, то надо было все это разузнать и о Брудершафтѣ и о старикѣ и дѣйствительно ли она воротилась и о птенцѣ и умерла ль она и нѣтъ ли бумагъ и такъ далѣе до безконечности. Да еще кой о чемъ. Сквернѣйшій человѣкъ, берегись его Ваня, а объ Маслобоевѣ вотъ что думай: никогда, ни за что не называй его подлецомъ! Онъ хоть и подлецъ (по моему такъ нѣтъ человѣка не подлеца), но не противъ тебя. Я крѣпко пьянъ, но слушай: Если когда-нибудь, близко ли, далеко ли, теперь ли или на будущій годъ, тебѣ покажется, что Маслобоевъ противъ тебя въ чемъ-нибудь схитрилъ, (и пожалуйста не забудь этого слова, *схитрилъ*)—то знай, что безъ злаго умысла. Маслобоевъ надъ тобой наблюдаетъ. И потому, не вѣрь подозрѣніямъ, а лучше приди и объяснись откровенно и по братски съ самимъ Маслобоевымъ. Ну теперь хочешь пить?

— Нѣтъ.

— Закусить?

— Нѣтъ, братъ, извини...

— Ну такъ и убирайся, безъ четверти девять, а ты спѣсивъ. Теперь тебѣ уже пора.

— Какъ? что? Напился пьянъ, да и гостя гонить! всегда-то онъ такой! ахъ безстыдникъ! вскричала чуть не плача Александра Семеновна.

— Пѣшій конному не товарищъ! Александра Семеновна, мы остаемся вмѣстѣ и будемъ обожать другъ друга. А это генералъ! Нѣтъ, Ваня, я совралъ; ты не генералъ. а я—подлецъ! Посмотри, на что я похожъ теперь? Что я передъ тобой? Прости, Ваня, не осуди, и дай излить...

Онъ обнялъ меня и залился слезами. Я сталъ уходить.

— Ахъ Боже мой! А у насъ и ужинать приготовлено, говорила Александра Семеновна, въ ужаснѣйшемъ горѣ. — А въ пятницу-то придете къ намъ?

— Приду, Александра Семеновна, честное слово приду.

— Да вы можете-быть побрезгаете, что онъ вотъ такой... пьяный. Не брезгайте, Иванъ Петровичъ, онъ добрый, очень добрый, а ужъ васъ какъ любить! Онъ про васъ мнѣ и день и ночь теперь говорить, все про васъ. Нарочно ваши книжки купилъ для меня; я еще не прочла; завтра начну. А ужъ мнѣ-то какъ хорошо будетъ, когда вы придете! Никого-то не вижу, никто-то не ходитъ къ намъ посидѣть. Все у насъ есть, а сидимъ одни. Теперь вотъ я сидѣла, все слушала, все слушала какъ вы говорили и какъ это хорошо... Такъ до пятницы...

ГЛАВА VII.

Я шелъ и торопился домой: слова Маслобоева слишкомъ меня поразили. Мнѣ Богъ знаетъ что приходило въ голову... Какъ нарочно дома меня ожидало одно происшествіе, которое меня потрясло, какъ ударъ электрической машины.

Противъ самыхъ воротъ дома, въ которомъ я квартировалъ, стоялъ фонарь. Только что я сталъ подѣ воротъ, вдругъ отъ самаго фонаря, бросилась на меня какая-то странная фигура, такъ что я даже вскрикнулъ, какое-то живое существо, испуганное, дрожащее, полусумасшедшее и съ крикомъ уцѣпилось за мои руки. Ужасъ охватилъ меня. Это была Нелли!

— Нелли! что съ тобой? закричалъ я:—что ты!

— Тамъ, наверху... онъ сидитъ... у насъ...

— Кто такой? пойдѣмъ; пойдѣмъ вмѣстѣ со мной.

— Не хочу, не хочу! Я подожду, пока онъ уйдетъ... въ снѣгахъ... не хочу.

Я поднялся къ себѣ съ какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, отворилъ дверь и—увидѣлъ князя. Онъ сидѣлъ у стола и читалъ романъ. По крайней мѣрѣ книга была раскрыта.

— Иванъ Петровичъ! вскричалъ онъ съ радостью.—Я такъ радъ, что вы, наконецъ, воротились. Только что хотѣлъ было уѣзжать. Болѣе часу васъ ждалъ. Я далъ сегодня слово, по настоятельной и убѣдительнейшей просьбѣ графини, пріѣхать къ ней сегодня вечеромъ съ вами. Она такъ просила, такъ хочетъ съ вами познакомиться! Такъ какъ ужъ вы дали мнѣ обѣщаніе, то я разсудилъ заѣхать къ вамъ самому, пораньше, покамѣстъ вы еще не успѣли никуда отправиться и пригласить васъ съ собою. Представьте же мою печаль; пріѣзжаю: ваша служанка объявляетъ, что васъ нѣтъ дома. Что дѣлать? Я вѣдь далъ честное слово явиться съ вами; а потому сѣлъ васъ подождать, рѣшивъ, что прожду четверть часа. Но вотъ они четверть часа: развернулъ вашъ романъ и зачитался. Иванъ Петровичъ! вѣдь это совершенство! вѣдь васъ не понимаютъ послѣ этого! вѣдь вы у меня слезы исторгли. Вѣдь я плакалъ, а я не очень часто плачу...

— Такъ вы хотите, чтобъ я ѣхалъ? признаюсь вамъ, теперь... хоть я и вовсе не прочь, но...

— Ради Бога поѣдѣте! Что же со мной-то вы сдѣлаете? Вѣдь я васъ ждалъ полтора часа!.. Притомъ же мнѣ съ вами такъ надо, такъ надо поговорить,—вы понимаете о чемъ? Вы все это дѣло знаете лучше меня... Мы можетъ быть рѣшимъ что-нибудь, остановимся на чемъ-нибудь, подумайте! Ради Бога не отказывайте.

Я разсудилъ, что рано ли, поздно ли надо будетъ ѣхать. Положимъ, Паташа теперь одна, я ей нуженъ, но вѣдь она же сама поручила мнѣ какъ можно скорѣй узнать Катю. Къ тому же можетъ быть и Алеша тамъ... Я зналъ, что Паташа не будетъ покойна, прежде чѣмъ я не принесу ей из-

вѣстій о Катѣ и рѣшился ѣхать. Но меня смущала Нелли.

— Погодите, сказалъ я князю и вышелъ на лѣстницу. Нелли стояла тутъ въ темномъ углу.

— Почему ты не хочешь идти, Нелли? Что онъ тебѣ сдѣлалъ? что съ тобой говорилъ?

— Ничего... Я не хочу, не хочу... повторяла она:—я боюсь...

Какъ я ее ни упрасивалъ—ничто не помогало. Я уговорился съ ней, чтобъ какъ только я выйду съ княземъ, она бы вошла въ комнату и заперлась.

— И не пускай къ себѣ никого, Нелли, какъ бы тебя ни упрашивали.

— А вы съ нимъ ѣдете?

— Съ нимъ.

Она вздрогнула и схватила меня за руку, точно хотѣла упросить, чтобъ я не ѣхалъ, но не сказала ни слова. Я рѣшилъ разспросить ее подробно завтра.

Попросивъ извиненія у князя, я сталъ одѣваться. Онъ началъ увѣрять меня, что туда не надо никакихъ гардеробовъ, никакихъ туалетовъ. Такъ развѣ посвѣжѣе что нибудь! прибавилъ онъ, инквизиторски оглядѣвъ меня съ головы до ногъ:—знаете, все-таки эти свѣтскіе предразсудки... вѣдь нельзя же совершенно отъ нихъ избавиться. Этого совершенства вы въ нашемъ свѣтѣ долго не найдете, заключилъ онъ, съ удовольствіемъ увидавъ, что у меня есть фракъ.

Мы вышли. Но я оставилъ его на лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, куда уже проскользнула Нелли, и еще разъ простился съ нею. Она была ужасно взволнована. Лице ея посинѣло. Я боялся за нее; мнѣ тяжело было ее оставить!

— Странная эта у васъ служанка, говорилъ мнѣ князь, сходя съ лѣстницы. — Вѣдь эта маленькая дѣвочка ваша служанка?

— Нѣтъ... она такъ... живетъ у меня покамѣстъ.

— Странная дѣвочка. Я увѣренъ, что она сумасшедшая. Представьте себѣ, сначала отвѣчала мнѣ хорошо, но потомъ, когда разглядѣла меня, бросилась ко мнѣ, вскрикнула, задрожала, уцѣпилась въ меня... что-то хочетъ сказать, — не можегъ. Признаюсь, я струсилъ, хотѣлъ ужъ бѣжать отъ нея, но она слава Богу, сама отъ меня убѣжала. Я былъ въ изумленіи. Какъ это вы уживаетесь.

— У нея падучая болѣзнь, отвѣчалъ я.

— А, вотъ что! Ну, это не такъ удивительно... если она съ припадками.

Мнѣ тутъ же показалось одно: что вчерашній визитъ ко мнѣ Маслобоева, тогда, какъ онъ зналъ, что я не дома; что сегодняшній мой визитъ къ Маслобоеву, что сегодняшній разговоръ Маслобоева, который онъ разсказалъ въ пьяномъ видѣ и нехотя; что приглашеніе его быть у него сегодня въ семь часовъ, что его убѣжденія не вѣрить въ его хитрость и наконецъ, что князь, ожидающій меня полтора часа и можетъ быть знавшій, что я у Маслобоева, тогда какъ Нелли выскочила отъ него

на улыну,—что все это имѣло между собой пѣк-
торую связь. Было о чемъ задуматься.

У воротъ дожидалась его коляска. Мы сѣли и
поѣхали.

ГЛАВА VIII.

Ѣхать было не далеко, къ Торговому мосту. Пер-
вую минуту мы молчали. Я все думалъ: какъ-то
онъ со мной заговоритъ? Мнѣ казалось, что онъ
будетъ меня пробовать, ощупывать, выпытывать.
Но онъ заговорилъ безъ всякихъ изворотовъ и
прямо приступилъ къ дѣлу:

— Меня чрезвычайно заботитъ теперь одно об-
стоятельство, Иванъ Петровичъ, началъ онъ, —
о которомъ я хочу прежде всего переговорить съ
вами и попросить у васъ совѣта: я уже давно рѣ-
шилъ отказаться отъ выиграннаго мною процесса и
уступить спорныхъ десять тысячъ Ихменеву. Какъ
поступить?

Не можетъ быть, чтобъ ты не зналъ какъ по-
ступить;—промелькнуло у меня въ мысляхъ. Уже
не на смѣхъ ли ты меня поднимаешь?

— Не знаю, князь, отвѣчалъ я какъ можно
простоудушнѣе: — въ чемъ другомъ, то есть, что
касается Натальи Николаевны, я готовъ сообщить
вамъ необходимыя для васъ и для всѣхъ насъ свѣ-
дѣнія, но въ этомъ дѣлѣ вы конечно знаете боль-
ше моего.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно меньше. Вы съ ними
знакомы, и можетъ быть даже сама Наталья Ни-
колаевна вамъ не разъ передавала свои мысли на
этотъ счетъ; а это для меня главное руководство.
Вы можете мнѣ много помочь; дѣло же крайне за-
труднительное. Я готовъ уступить и даже непре-
мѣнно положилъ уступить, какъ бы ни кончился
всѣ прочія дѣла;—вы понимаете? но какъ, въ ка-
комъ видѣ сдѣлать эту уступку, вотъ въ чемъ во-
просъ? Старикъ гордъ, упрямъ; пожалуй меня же
обидитъ за мое же добродушіе и швырнетъ мнѣ
эти деньги назадъ...

— Но позвольте, вы какъ считаете эти деньги:
своими или его?

— Процессъ выигранъ мною, слѣдственно моими.

— Но по совѣсти?

— Разумѣется считаю моими, отвѣчалъ онъ, нѣ-
сколько пикированный моею безцеремонностью:—
впрочемъ вы, кажется, не знаете всей сущности
этого дѣла. Я не виню старика въ умысленномъ
обманѣ, и, признаюсь вамъ, никогда не винилъ.
Вольно ему было самому напустить на себя обиду.
Онъ виноватъ въ недосмотрѣ, въ нерачительности
о вѣренныя ему дѣла, а по бывшему уговору
нашему, за нѣкоторыя изъ подобныхъ дѣлъ, онъ
долженъ былъ отвѣчать. Но знаете ли вы, что да-
же и не въ этомъ дѣло: дѣло въ нашей ссорѣ, во
взаимныхъ тогдашнихъ оскорбленіяхъ; однимъ сло-
вомъ въ обоюднo-уязвленномъ самолюбіи. Я, мо-
жетъ быть и вниманія не обратилъ бы тогда на
эти дрянныя десять тысячъ; но вамъ, разумѣется,

извѣстно изъ-за чего и какъ началось тогда все
это дѣло. Соглашаюсь; я былъ мнителенъ, я былъ,
пожалуй, не правъ (то есть тогда не правъ), но я
не замѣчалъ этого и въ досадѣ, оскорбленный его
грубостями, не хотѣлъ упустить случая и началъ
дѣло. Вамъ все это пожалуй покажется съ моей
стороны не совсѣмъ благороднымъ. Я не оправды-
ваюсь; замѣчу вамъ только, что гнѣвъ и, главное,
раздраженное самолюбіе — еще не есть отсутствіе
благородства, а есть дѣло естественное, человѣ-
ческое и, признаюсь, повторяю вамъ, я вѣдь почти
вовсе не зналъ Ихменева и совершенно вѣрилъ
всѣмъ этимъ слухамъ на счетъ Алени и его до-
чери, а слѣдственно могъ повѣрить и умысленной
кражѣ денегъ... Но это въ сторону. Главное въ
томъ; что мнѣ теперь дѣлать? Отказаться отъ де-
негъ; но если я тутъ же скажу, что считаю и те-
перь свой искъ правымъ, то вѣдь это значить: я
ихъ дарю ему. А тутъ прибавьте еще щекотливое
положеніе на счетъ Натальи Николаевны... Онъ пе-
ремѣнно швырнетъ мнѣ эти деньги назадъ...

— Вотъ видите, сами же вы говорите: *швырнетъ*;
слѣдственно считаете его человѣкомъ честнымъ, а
поэтому и можете быть совершенно увѣрены, что
онъ не красть вашихъ денегъ. А если такъ, почему
бы вамъ не пойти къ нему и не объявить прямо,
что считаете свой искъ незаконнымъ? Это было
бы благородно, и Ихменевъ, можетъ быть, не за-
труднился бы тогда взять свои деньги.

— Гм... свои деньги; вотъ въ томъ-то и дѣло;
что же вы со мной-то дѣлаете? Идти и объявить
ему, что считаю свой искъ незаконнымъ. Да за-
чѣмъ же ты искалъ, коли зналъ, что пишешь неза-
конно? — такъ мнѣ всѣ въ глаза скажутъ. А я
этого не заслужилъ, потому что искалъ законно; я
нигдѣ не говорилъ и не писалъ, что онъ у меня
красть; но въ его неосмотрительности, въ легко-
мысліи, въ неумѣиіи вести дѣла и теперь увѣрять.
Эти деньги положительно мои, и потому больно
взводить самому на себя поклепъ, и, наконецъ,
повторяю вамъ, старикъ самъ взвелъ на себя обиду,
а вы меня заставляете въ этой обидѣ у него проще-
нія просить, — это тяжело.

— Мнѣ кажется, если два человѣка хотятъ по-
мириться, то...

— То это легко вы думаете?

— Да.

— Нѣтъ, иногда очень тяжело, тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе, если съ этимъ связаны другія
обстоятельства. Вотъ въ этомъ я съ вами согла-
сенъ, князь. Дѣло Натальи Николаевны и вашего
сына должно быть разрѣшено вами во всѣхъ тѣхъ
пунктахъ, которые отъ васъ зависятъ и разрѣше-
но вполне удовлетворительно для Ихменевыхъ.
Только тогда вы можете объясниться съ Ихмене-
вымъ и о процессѣ, совершенно искренно. Теперь
же, когда еще ничего не рѣшено, у васъ одинъ
только путь: признаться въ несправедливости ва-
шего иска и признаться открыто, а если надо такъ
и публично,—вотъ мое мнѣніе; говорю вамъ пря-

ГЛАВА IX.

мо, потому что вы же сами спрашивали моего мнѣнія и вѣроятно не желали, чтобъ я съ вами хитрилъ. Это же даетъ мнѣ смѣлость спросить васъ: для чего вы безпокоитесь объ отдачѣ этихъ денегъ Ихменеву? Если вы считаете себя въ этомъ пскѣ правымъ, то для чего отдавать? Простите мое любопытство, но это такъ связано съ другими обстоятельствами...

— А какъ вы думаете? спросилъ онъ вдругъ, какъ будто совершенно не слышалъ моего вопроса: — увѣрены ли вы, что старикъ Ихменевъ откажется отъ десяти тысячъ, еслибъ даже вручить ему деньги безо всякихъ отговорокъ и... и... и всякихъ этихъ смягченій!

— Разумѣется откажется!

Я весь такъ и вспыхнулъ и даже вздрогнулъ отъ негодованія. Этотъ нагло-скептическій вопросъ произвелъ на меня такое же впечатлѣнiе, какъ будто князь мнѣ плюнулъ прямо въ глаза. Къ моему оскорбленію присоединилось и другое: грубая, великосвѣтская манера, съ которою онъ, не отвѣчая на мой вопросъ, и какъ будто не замѣтивъ его, перебилъ его другимъ, вѣроятно, давая мнѣ замѣтить, что я слишкомъ увлекся и зафамильяричалъ, осмѣлившись предлагать ему такіе вопросы. Я до ненависти не любилъ этого великосвѣтскаго маневра и всѣми силами еще прежде отучалъ отъ него Алешу.

— Гм... вы слышкомъ нылки, и на свѣтѣ нѣкоторія дѣла не такъ дѣлаются, какъ вы воображаете, спокойно замѣтилъ князь на мое восклицаніе. — Я, впрочемъ, думаю, что объ этомъ могла бы отчасти рѣшить Наталья Николаевна; вы ей передайте это. Она могла бы посовѣтовать.

— Ничуть, отвѣчалъ я грубо. — Вы не изволили выслушать, что я началъ вамъ говорить давеча и перебилъ меня. Наталья Николаевна пойметъ, что если вы возвращаете деньги неискренно и безъ всякихъ этихъ, какъ вы говорите, *смягченій*, то значитъ вы платите отцу за дочь, а ей за Алешу, однимъ словомъ награждаете деньгами...

— Гм... вотъ вы какъ меня понимаете, добрый мой Иванъ Петровичъ; князь засмѣялся. Для чего онъ засмѣялся? — А между тѣмъ, продолжалъ онъ: — намъ еще столько, столько надо выѣстъ переговорить. Но теперь некогда. Прошу васъ только, поймите *одно*: дѣло касается прямо Натальи Николаевны и всей ея будущности, и все это зависить отчасти оттого, какъ мы съ вами это рѣшимъ и на чемъ остановимся. Вы тутъ необходимы, — сами увидите. И потому, если вы продолжаете быть привязаннымъ къ Натальѣ Николаевнѣ, то и не можете отказаться отъ объясненій со мною, какъ бы мало ни чувствовали ко мнѣ симпатіи. Но, мы пріѣхали... à bientôt.

Графиня жила прекрасно. Комнаты были убраны комфортно и со вкусомъ, хотя вовсе непышно. Все однако же носило на себѣ характеръ временнаго пребыванія; это была только приличная квартира на время, а не постоянное, утвердившееся жилье богатой фамиліи со всѣмъ размахомъ барства и со всѣми его прихотями, принимаемыми за необходимость. Носился слухъ, что графиня на лѣто ѣдетъ въ свое имѣніе (разоренное и перезаложенное), въ симбирскую губернію, и что князь сопровождаетъ ее. Я уже слышалъ про это и съ тоскою подумалъ: какъ поступитъ Алеша, когда Катя уѣдетъ съ графиней? Съ Наташей я еще не заговаривалъ объ этомъ; боялся; но по нѣкоторымъ признакамъ успѣлъ замѣтить, что кажется и ей этотъ слухъ извѣстенъ. Но она молчала и страдала про себя.

Графиня приняла меня прекрасно, привѣтливо протянула мнѣ руку и подтвердила, что давно желала меня у себя видѣть. Она сама разливала чай изъ прекраснаго серебрянаго самовара, около котораго мы и усѣлись, я, князь и еще какой-то очень великосвѣтскій господинъ, пожелавшій лѣтъ и со звѣздой, нѣсколько накрахмаленный съ дипломатическими приемами. Этого гостя кажется очень уважали. Графиня, воротясь изъ-за границы, не успѣла еще въ эту зиму завести въ Петербургѣ большихъ связей и основать свое положеніе, какъ хотѣла и рассчитывала. Кромѣ этого гостя никого не было, и никто не являлся во весь вечеръ. Я искалъ глазами Катерину Федоровну; она была въ другой комнатѣ съ Алешей, но, услышавъ о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ же вышла къ намъ. Князь съ любезностію поцѣловалъ у ней руку, а графиня указала ей на меня. Князь тотчасъ же насъ познакомилъ. Я съ пестерѣливымъ вниманіемъ въ нее глядялся: это была нѣжная блондиночка, одѣтая въ бѣлое платье, невысокаго роста, съ тихимъ и спокойнымъ выраженіемъ лица, съ совершенно голубыми глазами, какъ говорилъ Алеша, съ красотой юности и только. Я ожидалъ встрѣтить совершенство красоты, но красоты не было. Правильный, нѣжно очерченный овалъ лица, довольно правильныя черты, густые и дѣйствительно прекрасныя волосы, обыденная домашняя ихъ прическа, тихій пристальный взглядъ; — при встрѣчѣ съ ней гдѣ нибудь, я бы прошелъ мимо нея, не обративъ на нее никакого особеннаго вниманія; но это было только съ перваго взгляда и я успѣлъ нѣсколько лучше разглядѣть ее потомъ, въ этотъ вечеръ. Уже одно то, какъ она подала мнѣ руку, съ какимъ-то наивно-усиленнымъ вниманіемъ, продолжая смотрѣть мнѣ въ глаза и не говоря мнѣ ни слова, поразила меня своею странностію, и я отчего-то невольно улыбнулся ей. Видно, я тотчасъ же почувствовалъ передъ собой существо чистое сердцемъ. Графиня пристально слѣдила за нею. Пожавъ мнѣ руку, Катя съ какою-то поспѣш-

ностію отошла отъ меня и сѣла въ другомъ концѣ комнаты, вмѣстѣ съ Алешей. Здраваясь со мной, Алеша шепнулъ мнѣ: я здѣсь только на минутку, но сейчасъ *туда*.

«Дипломатъ» — не знаю его фамиліи и называю его дипломатомъ, чтобы какъ нибудь назвать, говорилъ спокойно и величаво, развивая какую-то идею. Графиня внимательно его слушала. Князь одобрительно и льстиво улыбался; ораторъ часто обращался къ нему, вѣроятно, цѣня въ немъ достойнаго слушателя. Мнѣ дали чаю и оставили меня въ покоѣ, чему я былъ очень радъ. Между тѣмъ, я всматривался въ графиню. По первому впечатлѣнію, она мнѣ какъ-то нехотя понравилась. Можетъ быть она была уже не молода, но мнѣ казалось, что ей не болѣе двадцати-восьми лѣтъ. Лицо ея было еще свѣжо и когда-то, въ первой молодости, должно было быть очень красиво. Темнорусые волосы были еще довольно густы; взглядъ былъ чрезвычайно добрый, но какой-то вѣтранный и шаловливо-насмѣшливый. Но теперь она для чего-то видимо себя сдерживала. Въ этомъ взглядѣ выражалось тоже много ума, но болѣе всего доброты и веселости. Мнѣ показалось, что преобладающее ея качество было нѣкоторое легкомысліе, жажда наслажденій и какой-то добродушный эгоизмъ, можетъ быть даже и большой. Она была подъ началомъ у князя, который имѣлъ на нее чрезвычайное вліяніе. Я зналъ, что они были въ связи, слышалъ также, что онъ былъ ужъ слишкомъ неровновѣсный любовникъ во время ихъ пребыванія за границей; но мнѣ все казалось, — кажется и теперь, что ихъ связывало, кромѣ бывшихъ отношеній, еще что-то другое, отчасти таинственное, кто-нибудь въ родѣ взаимнаго обязательства, основаннаго на какомъ-нибудь расчетѣ... однимъ словомъ, что-то такое должно было быть. Зналъ я тоже, что князь въ настоящее время тяготился ею, а между тѣмъ, отношенія ихъ не прерывались. Можетъ быть, ихъ тогда особенно связывали виды на Катю, которые, разумѣется, въ иниціативѣ своей должны были принадлежать князю. На этомъ основаніи князь и отдѣлался отъ брака съ графиней, которая этого дѣйствительно требовала, убѣдивъ ее содѣйствовать браку Алешы съ ея падчерицей. Такъ по крайней мѣрѣ я заключалъ по прежнимъ простодушнымъ разговорамъ Алешы, который хоть что нибудь да могъ же замѣтить. Мнѣ все казалось тоже, отчасти изъ тѣхъ же рассказовъ, что князь, не смотря на то, что графиня была въ его полномъ повиновеніи, имѣлъ какую-то причину бояться ее. Даже Алеша это замѣтилъ. Я узналъ потомъ, что князю очень хотѣлось выдать графиню за кого нибудь замужъ, и что отчасти съ этою цѣлью онъ и отсылалъ ее въ симбирскую губернію, надѣясь приискать ей приличнаго мужа въ провинціи.

Я сидѣлъ и слушалъ, не зная какъ бы мнѣ поскорѣе поговорить глазъ на глазъ съ Катериной Федоровной. Дипломатъ отвѣчалъ на какой-то во-

просъ графини о современномъ положеніи дѣлъ, о начинающихся реформахъ и о томъ, слѣдуетъ ли ихъ бояться или нѣтъ? Онъ говорилъ много и долго, спокойно и какъ власть имѣющій. Онъ развивалъ свою идею тонко и умно, но идея была отвратительная. Онъ именно настаивалъ на томъ, что весь этотъ духъ реформъ и исправленій слишкомъ скоро принесетъ извѣстные плоды; что, увидя эти плоды, возмущаются за умъ, и что не только въ обществѣ (разумѣется въ извѣстной его части) пройдетъ этотъ новый духъ, но увидятъ по опыту ошибку и тогда съ удвоенной энергіей начнутъ поддерживать старое. Что опытъ, хоть бы и печальный, будетъ очень выгоденъ, потому что научить какъ поддерживать это спасительное старое, принесетъ для этого новыя данныя; а слѣдственно, даже надо желать, чтобы теперь поскорѣе дошло до послѣдней степени неосторожности. «Безъ насъ нельзя, заключилъ онъ, безъ насъ ни одно общество еще никогда не стояло. Мы не потеряемъ, а напротивъ еще выиграемъ; мы всплывемъ, всплывемъ, и девизъ нашъ въ настоящую минуту долженъ быть: *«pire ça va, mieux ça est!»*» Князь улыбнулся ему съ отвратительнымъ сочувствіемъ. Ораторъ былъ совершенно доволенъ собою. Я былъ такъ глупъ, что хотѣлъ было возражать; сердце кипѣло во мнѣ. Но меня остановилъ ядовитый взглядъ князя; онъ мелькомъ скользнулъ въ мою сторону, и мнѣ показалось, что князь именно ожидаетъ какой нибудь странной и юпопеской выходки съ моей стороны; ему можетъ быть даже хотѣлось этого, чтобы насладиться тѣмъ, какъ я себя скомпрометирую. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ твердо увѣренъ, что дипломатъ непременно не замѣтитъ моего возраженія, а можетъ быть даже и самого меня. Мнѣ скверно стало сидѣть съ ними; но выручилъ Алеша.

Онъ тихонько подошелъ ко мнѣ, тронулъ меня за плечо и попросилъ на два слова. Я догадался, что онъ посломъ отъ Кати. Такъ и было. Черезъ минуту я уже сидѣлъ рядомъ съ нею. Сначала она всего меня пристально оглядѣла, какъ-будто говоря про себя: «вотъ ты какой» и въ первую минуту мы оба не находили словъ для начала разговора. Я однакожь былъ увѣренъ, что ей стоитъ только заговорить, чтобы ужъ и не останавливаться, хоть до утра. «Какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора» о которыхъ рассказывалъ Алеша, мелькнули у меня въ умѣ. Алеша сидѣлъ тутъ же и съ истеричіемъ ждалъ какъ-то мы начнемъ.

— Чтожь вы ничего не говорите? началъ онъ съ улыбкою смотря на насъ. — Сошлись и молчать.

— Ахъ Алеша, какой ты... мы сейчасъ, отѣчала Катя. — Намъ вѣдь такъ много надо переговорить вмѣстѣ, Иванъ Петровичъ, что не знаю съ чего и начать. Мы очень поздно знакомимся; надо бы раньше, хоть я васъ и давнымъ давно знаю. И такъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть. Я даже думала вамъ письмо написать...

— О чемъ? спросилъ я, невольно улыбаясь.

— Мало ли о чемъ, отвѣчала она серьезно.— Вотъ хоть бы о томъ, правду ли онъ рассказываетъ про Наталью Николаевну, что она не оскорбляется, когда онъ ее въ такое время оставляетъ одну? Ну можно ли такъ поступать какъ онъ? Ну, зачѣмъ ты теперь здѣсь, скажи пожалуйста?

— Ахъ, Боже мой, да я сейчасъ и поѣду. Я вѣдь сказалъ, что здѣсь только одну минутку побуду, на васъ обоихъ посмотрю, какъ вы вмѣстѣ будете говорить, а тамъ и туда.

— Да что мы вмѣстѣ, ну вотъ и сидимъ,—видѣлъ? И всегда-то онъ такой, прибавила она слегка краснѣя и указывая мнѣ на его пальчикомъ.— «Одну минутку, говоритъ, только одну минутку», а смотришь и до полночи просидѣлъ, а тамъ ужъ и поздно. «Она, говоритъ, не сердится, она добрая», вотъ онъ какъ разсуждаетъ! Ну хорошо ли это, ну, благодарно ли?

— Да я пожалуй поѣду, жалобно отвѣчалъ Алеша: — только мнѣ бы очень хотѣлось побыть съ вами...

— А что тебѣ съ нами? Намъ напротивъ надо о многомъ наединѣ переговорить. Да послушай, ты не сердись; это необходимость,—пойми хорошенько.

— Если необходимость, то я и сейчасъ же... чего же тутъ сердиться. Я только на минуточку къ Левинкѣ, а тамъ тотчасъ и къ ней. Вотъ что, Иванъ Петровичъ, продолжалъ онъ, взявъ свою шляпу:— вы знаете, что отецъ хочетъ отказаться отъ денегъ, которыя выигралъ по процессу съ Ихменева.

— Знаю; онъ мнѣ говорилъ.

— Какъ благородно онъ это дѣлаетъ. Вотъ Катя не вѣритъ, что онъ дѣлаетъ благородно. Поговорите съ ней объ этомъ. Прощай, Катя, и пожалуйста не сомнѣвайся, что я люблю Наташу. И зачѣмъ вы всѣ навязываете мнѣ эти условія, упрекаете меня, слѣдите за мной,—точно я у васъ подъ надзоромъ! Она знаетъ какъ я ее люблю, и увѣрена во мнѣ, и я увѣренъ, что она во мнѣ увѣрена. Я люблю ее безо всего, безо всякихъ обязательствъ. Я не знаю, какъ я ее люблю. Просто люблю. И потому нечего меня допрашивать, какъ виноватаго. Вотъ спроси Ивана Петровича, теперь ужъ онъ здѣсь и подтвердитъ тебѣ, что Наташа ревнива и хоть очень любитъ меня, но въ любви ея много эгоизма, потому что она ничѣмъ не хочетъ для меня пожертвовать.

— Какъ это? спросилъ я въ удивленіи, не вѣря ушамъ своимъ.

— Что ты это, Алеша? чуть не вскрикнула Катя, всплеснувъ своими руками.

— Ну да; чтожь тутъ удивительнаго? Иванъ Петровичъ знаетъ. Она все требуетъ, чтобъ я съ ней былъ. Она хоть и не требуетъ этого, но видно, что ей этого хочется.

— И не стыдно, не стыдно это тебѣ! сказала Катя, вся загорѣвшись отъ гнѣва.

— Да что же стыдно-то? Какая ты право, Катя!

Я вѣдь люблю ее больше, чѣмъ она думаетъ, а еслибъ она любила меня настоящимъ образомъ, такъ какъ я ее люблю, то навѣрно пожертвовала бы мнѣ своимъ удовольствіемъ. Она, правда, и сама отпускаетъ меня, да вѣдь я вижу по лицу, что это ей тяжело, стало быть для меня все равно, что и не отпускаетъ,

— Нѣтъ, это не просто! вскричала Катя, снова обращаясь ко мнѣ съ сверкающимъ гнѣвнымъ взглядомъ.—Признавайся, Алеша, признавайся сейчасъ, это все наговорилъ тебѣ отецъ? Сегодня наговорилъ? И пожалуйста не хитри со мной: я тотчасъ узнаю! такъ или нѣтъ?

— Да, говорилъ, отвѣчалъ смущенный Алеша;— чтожь тутъ такого? Онъ говорилъ со мной сегодня такъ ласково, такъ по-дружески, а ее все мнѣ хвалилъ, такъ что я даже удивился: она его такъ оскорбила, а онъ ее же такъ хвалитъ.

— А вы, вы и повѣрили, сказалъ я:—вы, которому она отдала все, что могла отдать, и даже теперь, сегодня же все ея безпокойство было объ васъ, чтобъ вамъ не было какъ-нибудь скучно, чтобъ какъ-нибудь не лишитъ васъ возможности видѣться съ Катериной Федоровной! Она сама мнѣ это говорила сегодня. И вдругъ вы повѣрили фальшивымъ наговорамъ! Не стыдно ли вамъ?

— Неблагодарный! Да что, ему никогда ничего не стыдно! проговорила Катя, махнувъ на него рукой, какъ-будто на совершенно потеряннаго челоука.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ Алеша жалобнымъ голосомъ.—И всегда-то ты такая, Катя! Всегда ты во мнѣ одно худое подозрѣваешь... Ужъ не говорю про Ивана Петровича! Вы думаете, я не люблю Наташу. Я не къ тому сказалъ, что она эгоистка. Я хотѣлъ только сказать, что она меня ужъ слишкомъ любитъ, такъ что ужъ изъ мѣры выходитъ, а отъ этого и мнѣ и ей тяжело. А отецъ меня никогда не проведетъ, хоть бы и хотѣлъ. Не дамъ. Онъ вовсе не говорилъ, что она эгоистка, въ дурномъ смыслѣ слова; я вѣдь понималъ. Онъ именно сказалъ точь-въ-точь также, какъ я теперь передаю: что она до того ужъ слишкомъ меня любитъ, до того сильно, что ужъ это выходитъ просто эгоизмъ, такъ что и мнѣ и ей тяжело, а впоследствии и еще тяжелѣе мнѣ будетъ. Чтожь, вѣдь это онъ правду сказалъ, меня любя, и это вовсе не значитъ, что онъ обижалъ Наташу; напротивъ, онъ видѣлъ въ ней самую сильную любовь, любовь безъ мѣры, до невозможности...

Но Катя прервала его и не дала ему кончить. Она съ жаромъ начала укорять его, доказывать, что отецъ для того только и началъ хвалить Наташу, чтобъ обмануть его видимою добротой и все это съ намѣреніемъ расторгнуть ихъ связь, чтобъ невидимо и непримѣтно вооружить противъ нея самаго Алешу. Она горячо и умно вывела какъ Наташа любила его, какъ никакая любовь не проститъ того, что онъ съ ней дѣлаетъ,—и что настоящій-то эгоистъ и есть онъ самъ, Алеша. Мало-

по-малу Катя довела его до ужасной печали и до полного раскаяния; он сидѣлъ подлѣ насъ, смотря въ землю, уже ничего не отвѣчая, совершенно уничтоженный и съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ. Но Катя была неумолима. Я съ крайнимъ любопытствомъ всматривался въ нее. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать эту страшную дѣвушку. Она была совершенный ребенокъ, но какой-то страшный, *убѣжденный* ребенокъ съ твердыми правилами и съ страстной, врожденной любовью къ добру и къ справедливости. Если ее дѣйствительно можно было назвать еще дитей, то она принадлежала къ разряду *задумывающихся* дѣтей, довольно многочисленному въ нашихъ семьяхъ. Видно было, что она уже много разсуждала. Любопытно было бы взглянуть въ эту разсуждающую головку и подсмотреть, какъ смѣшались тамъ совершенно дѣтскія идеи и представленія съ серьезно-выжитыми впечатлѣніями и наблюденіями жизни (потому что Катя уже жила), а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ идеями, еще ей незнакомыми, невыжитыми ею, но поразившими ее отвлеченно, книжно, которыхъ уже должно было быть очень много и которыя она вѣроятно принимала за выжитыя ею самою. Во весь этотъ вечеръ и въ послѣдствіи мнѣ кажется я довольно хорошо изучилъ ее. Сердце въ ней было пылкое и воспріимчивое. Она въ иныхъ случаяхъ какъ-будто пренебрегала умѣньемъ владѣть собою, стави прежде всего истину, а всякую жизненную поддержку считала за условный предразсудокъ и кажется тщеславилась такимъ убѣжденіемъ, что случается со многими пылкими людьми, даже и не въ очень молодыхъ годахъ. Но это-то и придавало ей какую-то особенную прелесть. Она очень любила мыслить и добиваться истины, но была до того не податлива, до того съ ребяческими, дѣтскими выходками, что въ первомъ взгляду начинали любить въ ней все ея оригинальности и мириться съ ними. Я вспомнилъ Левиньку и Бориньку, и мнѣ показалося, что все это совершенно въ порядкѣ вещей. И странно: лицо ея, въ которомъ я не замѣтилъ ничего особенно прекраснаго съ перваго взгляда, въ этотъ же вечеръ, поминутно становилось для меня все прекраснѣе и привлекательнѣе. Это цѣлное раздвоеніе ребенка и размысливающей женщины; эта дѣтская и въ высшей степени правдивая жажда истины и справедливости и непоколебимая вѣра въ свои стремленія, все это освѣщало ея лицо какимъ-то прекраснымъ свѣтомъ искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и мы начинали понимать, что не такъ скоро можно исчерпать все значеніе этой красоты, которая не поддается вся сразу каждому обыкновенному, безучастному взгляду. И я понималъ, что Алеша долженъ былъ страстно привязаться къ ней. Если онъ не могъ самъ мыслить и разсуждать, то любилъ именно тѣхъ, которые за него мыслили и даже желали,—а Катя уже взяла его подъ опеку. Сердце его было благородно и неотразимо, разомъ покорялось всему, что было честно и прекрасно, а Катя

уже много и со всею искренностью дѣтства и симпатіи передъ нимъ высказалась. У него не было ни капли собственной воли; у ней было очень много настойчивой, сильной и пламенно настроенной воли, а Алеша могъ привязаться только къ тому, кто могъ имъ властвовать и даже повелѣвать. Этимъ отчасти привязала его къ себѣ и Наташа, въ началѣ ихъ связи, но въ Катѣ было большое преимущество, передъ Наташей,—то что она сама была еще дитя и кажется еще долго должна была оставаться ребенкомъ. Эта дѣтскость ея, ея яркій умъ, и въ тоже время нѣкоторый недостатокъ разсудка, все это было какъ-то болѣе сродни для Алеши. Онъ чувствовалъ это, и потому Катя влекла его къ себѣ все сильнѣй и сильнѣй. Я увѣренъ, что когда они говорили между собой наединѣ, то рядомъ съ серьезными «пропагандными» разговорами Катя, дѣло можетъ быть доходя до у нихъ и до игрышекъ. И хотъ Катя вѣроятно очень часто журила Алешу и уже держала его въ рукахъ, но ему очевидно было съ ней легче, чѣмъ съ Наташей. Они были болѣе *пара* другъ другу, а это было главное.

— Полно, Катя, полно, довольно; ты всегда права выходишь, а я нѣтъ. Это потому, что въ тебѣ душа чище моей, сказалъ Алеша, вставая и подавая ей на прощанье руку.—Сейчасъ же и къ ней, и къ Левинькѣ не забуду...

— И нечего тебѣ у Левиньки дѣлать; а что теперь слушаешься и ѣдешь, то въ этомъ ты очень мила.

— А ты въ тысячу разъ всѣхъ милѣе, отвѣчалъ грустный Алеша. — Ивачъ Петровичъ, мнѣ нужно вамъ два слова сказать.

Мы отошли на два шага.

— Я сегодня безстыдно поступилъ, прошепталъ онъ мнѣ:—я пизко поступилъ, я виновать передъ всѣми на свѣтѣ, а передъ ними обѣими болѣе всего. Сегодня отецъ послѣ обѣда познакомилъ меня съ Александринной (одна французенка)—очаровательная женщина. Я... увлекся п... ну ужъ что тутъ говорить, я недостойнъ быть вмѣстѣ съ ними... Прощайте, Иванъ Петровичъ!

— Онъ добрый, онъ благородный, поспѣшно начала Катя, когда я усѣлся опять подлѣ нее:—но мы обо немъ потомъ будемъ много говорить; а теперь намъ прежде всего нужно условиться: вы какъ считаете князя?

— Очень нехорошимъ человѣкомъ.

— И я тоже. Слѣдственно вы въ этомъ согласны, потому намъ легче будетъ судить. Теперь о Паташѣ Николаевнѣ... Знаете, Иванъ Петровичъ, я теперь какъ въ потьмахъ, я васъ ждала какъ свѣта. Вы мнѣ все это разъясните, потому что въ самомъ-то главномъ пунктѣ я сузу по догадкамъ, изъ того, что мнѣ разсказывалъ Алеша. А болѣе не отъ кого было узнать. Скажите же во-первыхъ, (это главное), какъ по вашему мнѣнію: будутъ Алеша и Наташа вмѣстѣ счастливы или нѣтъ? Это мнѣ прежде всего нужно знать для оконча-

тельнаго моего рѣшенія, чтобъ ужъ самой знать, какъ поступать.

— Какъ же можно объ этомъ сказать навѣрно?..

— Да разумѣется не навѣрно, перебила она:— а какъ вамъ кажется,— потому что вы очень умный человѣкъ.

— По моему они не могутъ быть счастливы.

— Почему же?

— Они не пара.

— Я такъ и думала! и она сложила ручки, какъ бы въ глубокой тоскѣ.

— Разскажите подробнѣе. Слушайте: я ужасно желаю видѣть Наташу, потому что мнѣ много надо съ ней переговорить, и мнѣ кажется, что мы съ ней все рѣшимъ. А теперь я все се представляю себѣ въ умѣ: она должна быть ужасно умна, серьезная, правдивая и прекрасная собой. Вѣдь такъ?

— Такъ.

— Такъ и я была увѣрена. Ну такъ если она такая, какъ же она могла полюбить Алешу, такого мальчика? Объясните мнѣ это; я часто объ этомъ думаю.

— Этого нельзя объяснить, Катерина Федоровна; трудно представить за что и какъ можно полюбить. Да, онъ ребенокъ. Но знаете ли какъ можно полюбить ребенка? (Сердце мое размячилось, глядя на нее и на ея глазки, пристально, съ глубокимъ, серьезнымъ и нетерпѣливымъ вниманіемъ, устремленные на меня).—И чѣмъ больше Наташа сама не похожа на ребенка, продолжалъ я,—чѣмъ серьезнѣе она, тѣмъ скорѣе она могла полюбить его. Онъ правдивъ, искрененъ, наивенъ ужасно, а иногда граціозно-наивенъ. Она можетъ быть полюбила его—какъ бы это сказать?.. Какъ будто изъ какой-то жалости. Великодушное сердце можетъ полюбить изъ жалости... Впрочемъ, я чувствую, что я вамъ ничего не могу объяснить, но за то спрошу васъ самихъ: вѣдь вы его любите?

Я смѣло задалъ ей этотъ вопросъ и чувствовалъ, что поспѣшностью такого вопроса я не могу смутить безпредѣльной, младенческой чистоты этой ясной души.

— Ей Богу еще не знаю, тихо отвѣчала она мнѣ, свѣтло смотря мнѣ въ глаза:— но кажется очень люблю...

— Ну вотъ видите. А можете ли изъяснить за что его любите?

— Въ немъ жи нѣтъ, отвѣчала она подумавъ:— и когда онъ посмотритъ прямо въ глаза и что нибудь говоритъ мнѣ при этомъ, то мнѣ это очень нравится... Послушайте, Иванъ Петровичъ, вотъ я съ вами говорю объ этомъ, я дѣвушка, а вы мужчина; хорошо ли я это дѣлаю или нѣтъ?

— Да что же тутъ такого?

— То-то. Разумѣется что же тутъ такого? А вотъ они, (она указала глазомъ на группу, сидѣвшую за самоваромъ), они навѣрно сказали бы, что это не хорошо. Правы они или нѣтъ?

— Нѣтъ! Вѣдь вы не чувствуете въ сердцѣ, что поступаете дурно, стало быть...

— Такъ я и всегда дѣлаю, перебила она, очевидно спѣша какъ можно больше наговориться со мною:—какъ только я въ чемъ смущаюсь, сейчасъ спрошу свое сердце и коль оно спокойно, то и я спокойна. Такъ и всегда надо поступать. И я потому съ вами говорю такъ совершенно откровенно, какъ будто сама съ собою, что во-первыхъ вы прекрасный человѣкъ и я знаю вашу прежнюю исторію съ Наташей, до Алешки, и я плакала когда слушала.

— А вамъ кто разсказывалъ?

— Разумѣется Алеша, и самъ со слезами разсказывать: это было очень хорошо съ его стороны и мнѣ очень понравилось. Мнѣ кажется онъ васъ больше любитъ, чѣмъ вы его Иванъ Петровичъ. Вотъ этакими-то вещами опъ мнѣ и правится. Ну, а во-вторыхъ, я потому съ вами такъ прямо говорю, какъ сама съ собою, что вы очень умный человѣкъ и много можете мнѣ дать совѣтовъ и научить меня.

— Почему же вы знаете, что я до того уменъ что могу васъ учить?

— Ну вотъ; что это вы! Она задумалась.

— Я вѣдь только такъ объ этомъ заговорила; будемте говорить о самомъ главномъ. Научите меня, Иванъ Петровичъ: вотъ я чувствую теперь, что я Наташина соперница, я вѣдь это знаю, какъ же мнѣ поступать? Я потому и спросила васъ: будутъ ли они счастливы. Я объ этомъ день и ночь думаю. Положеніе Наташи ужасно, ужасно! Вѣдь онъ совсѣмъ ее пересталъ любить, а меня все больше и больше любитъ. Вѣдь такъ?

— Кажется такъ.

— И вѣдь онъ ее не обманываетъ. Онъ самъ не знаетъ, что перестаетъ любить, а она навѣрно это знаетъ. Каково же она мучается!

— Что же вы хотите дѣлать, Катерина Федоровна?

— Много у меня проэктовъ, отвѣчала она серьезно:— а между тѣмъ я все путаюсь. Потому-то и ждала васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, чтобъ вы мнѣ все это разрѣшили. Вы все это гораздо лучше меня знаете. Вѣдь вы для меня теперь какъ будто какой-то богъ. Слушайте, я сначала такъ разсуждала: если они любятъ другъ друга то надобно, чтобъ они были счастливы, и потому я должна собой пожертвовать и имъ помогать. Вѣдь такъ!

— Я знаю, что вы и пожертвовали собой.

— Да, пожертвовала, а потомъ какъ онъ началъ пріѣзжать ко мнѣ и все больше и больше меня любить, такъ я стала задумываться про себя и все думаю: пожертвовать или нѣтъ? Вѣдь это очень худо, неправда ли?

— Это естественно, отвѣчалъ я:—такъ должно быть, и вы не виноваты.

— Не думаю; это вы потому говорите, что очень

добры. А я такъ думаю, что у меня сердце не со-
всѣмъ чистое. Еслибъ было чистое сердце, я бы
знала какъ рѣшить. Но оставимъ это! Потомъ я
узнала побольше объ ихъ отношеніяхъ отъ князя,
отъ татан, отъ самаго Алеши и догадалась, что
они не ровня; вы вотъ теперь подтвердили. Я и
задумалась еще больше: какъ же теперь? Вѣдь или
они будутъ несчастливы, такъ вѣдь имъ лучше ра-
зойтись; а потомъ и положила: спросить васъ
подробнѣе обо всемъ и поѣхать самой къ Наташѣ,
а ужъ съ ней и рѣшить все дѣло.

— Но какъ же рѣшить-то, вотъ вопросъ?

— Я такъ и скажу ей: вѣдь вы его любите
больше всего, а потому и счастье его должны лю-
бить больше своего: слѣдственно должны съ нимъ
разстаться.

— Да, но каково жъ ей будетъ это слышать? а
если она согласится съ вами, то въ силахъ ли она
будетъ это сдѣлать?

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю день и ночь
и... и...

И она вдругъ заплакала.

— Вы не повѣрите какъ мнѣ жалко Наташу,
прошептала она, дрожащими отъ слезъ губками.

Нечего было тутъ прибавлять. Я молчала, и мнѣ
самому хотѣлось заплакать, смотря на нее, такъ,
отъ любви какой-то. Что за милый былъ это ребе-
нокъ! Я ужъ не спрашивала ее, почему она счи-
таетъ себя способною сдѣлать счастье Алеши.

— Вы вѣдь любите музыку? спросила она нѣ-
сколько успокоившись, еще задумчивая отъ недав-
нихъ слезъ.

— Люблю, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удивле-
ніемъ.

— Еслибъ было время, я бы вамъ сыграла тре-
тій концертъ Бетховена. Я его теперь играю. Тамъ
всѣ эти чувства... точно также какъ и теперь чув-
ствую. Такъ мнѣ кажется. Но это въ другой разъ;
а теперь надо говорить.

Начались у насъ переговоры о томъ какъ ей ви-
дѣться съ Наташей и какъ это все устроить. Она
объявила мнѣ, что за ней присматриваютъ, хотя
мачиха ея добрая и любитъ ее, но ни за что не
позволить ей познакомиться съ Натальей Никола-
евной; а потому она и рѣшилась на хитрость. По-
утру она иногда ѣздитъ гулять, но почти всегда
съ графиней. Иногда же графиня не ѣздитъ съ
нею, а отпускаетъ ее одну съ французенкой, ко-
торая теперь больна. Бываетъ же это, когда у гра-
фини болитъ голова, а потому и ждать надо когда
у ней заболитъ голова. А до этого она уговорить
свою французенку (что-то въ родѣ компаньонки,
старушка) потому что французенка очень добра.
Въ результатѣ выходило, что никакъ нельзя было
опредѣлить заранее дня, назначеннаго для визита
къ Наташѣ.

— Съ Наташей вы познакомитесь и не будете
рассказывать, сказалъ я.— Она васъ сама очень хо-
четъ узнать и это нужно, хоть для того только,
чтобъ ей знать кому она передаетъ Алешу. О дѣ-

лѣ же этомъ не тоскуйте очень. Время и безъ ва-
шихъ заботъ рѣшится. Вѣдь вы ѣдете въ деревню.

— Да, скоро, можетъ быть черезъ мѣсяцъ, от-
вѣчала она:—и я знаю, что на этомъ настаиваетъ
князь.

— Какъ вы думаете, поѣдетъ съ вами Алеша?

— Вотъ и я объ этомъ думала! проговорила
она, пристально смотря на меня.—Вѣдь онъ поѣ-
детъ.

— Поѣдетъ.

— Боже мой, что изъ этого всего выйдетъ,—
не знаю. Послушайте, Иванъ Петровичъ. Я вамъ
обо всемъ буду писать, буду часто писать и много.
Ужъ я теперь пошла васъ мучить. Вы часто бу-
дете къ намъ приходить?

— Не знаю, Катерина Ѳедоровна: это зависитъ
отъ обстоятельствъ. Можетъ быть и со всѣмъ не
буду ходить.

— Почему же?

— Это будетъ зависѣть отъ разныхъ причинъ,
а главное отъ отношеній моихъ съ княземъ.

— Это не честный человѣкъ, сказала рѣши-
тельно Катя.— А знаете, Иванъ Петровичъ, что,
еслибъ я къ вамъ пріѣхала! Это хорошо бы было
или не хорошо?

— Какъ вы сами думаете?

— Я думаю, что хорошо. Такъ, навѣстила бы
васъ... прибавила она улынувшись.— Я вѣдь къ
тому говорю, что я кромѣ того, что васъ ува-
жаю,—я васъ очень люблю... И у васъ научиться
многому можно. А я васъ люблю... И вѣдь это
не стыдно, что я вамъ про все это говорю?

— Чего же стыдно? Вы сами мнѣ уже дороги
какъ родная.

— Вѣдь вы хотите быть мопомъ другомъ?

— О да, да! отвѣчалъ я.

— Ну а они непремѣнно бы сказали, что сты-
дно и не слѣдуетъ такъ поступать молодой дѣ-
вушкѣ, замѣтила она, снова указавъ мнѣ на со-
бесѣдниковъ у чайнаго стола. Замѣчу здѣсь, что
князь кажется нарочно оставилъ насъ однихъ вдо-
воль наговориться.

— Я вѣдь знаю очень хорошо, прибавила она:—
князю хочется моихъ денегъ. Про меня они ду-
маютъ, что я совершенный ребенокъ и даже мнѣ
прямо это говорить. Я же не думаю этого. Я ужъ
не ребенокъ. Странные они люди: сами вѣдь они
точно дѣти; ну изъ чего хлопочутъ?

— Катерина Ѳедоровна, я забылъ спросить:
кто эти Левинька и Боринька, къ которымъ такъ
часто ѣздитъ Алеша?

— Это мнѣ дальняя родная. Они очень умные
и очень честные, но ужъ ужасно много говорить...
Я ихъ знаю...

И она улыбнулась.

— Правда ли, что вы хотите имъ подарить со-
временемъ миллионъ?

— Ну вотъ видите, ну хоть бы этотъ миллионъ,
ужъ они такъ болтаютъ о немъ, что ужъ и не-
сносно становится. Я конечно съ радостью по-

жертвую на все полезное, къ чему вѣдь такія огромныя деньги, не правда ли? Но вѣдь когда еще я его пожертвую: а они ужь тамъ теперь дѣлать, разсуждаютъ, кричатъ, спорятъ: куда лучше употребить его, даже ссорятся изъ за этого,—такъ что ужь это и странно. Слишкомъ торопятся. Но все-таки они такіе искренніе и... умные. Учатся. Это все же лучше, чѣмъ какъ другіе живутъ. Вѣдь такъ?

И много еще мы говорили съ ней. Она мнѣ разсказала чуть не всю свою жизнь и съ жадностью слушала мои разсказы. Все требовала, чтобъ я всего болѣе разсказывалъ ей про Наташу и про Алешу. Было уже двѣнадцать часовъ, когда князь подошелъ ко мнѣ, и далъ знать, что пора откланиваться. Я простился. Катя горячо пожала мнѣ руку и выразительно на меня взглянула. Графиня просила меня бывать; мы вышли вмѣстѣ съ княземъ.

Не могу удержаться отъ страннаго и можетъ быть совершенно не идущаго къ дѣлу замѣчанія. Изъ трехъ-часоваго моего разговора съ Катей, я вынесъ, между-прочимъ, какое-то странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое убѣжденіе, что она до того еще вполне ребенокъ, что совершенно не знаетъ всей тайны отношеній мужчины и женщины. Это придавало необыкновенную комичность нѣкоторымъ ея разсужденіямъ и вообще серьезному тону, съ которымъ она говорила о многихъ очень важныхъ вещахъ...

ГЛАВА X.

— А знаете ли что, сказалъ мнѣ князь, садясь вмѣстѣ со мною въ коляску: — что еслибъ намъ теперь поужинать, а? какъ вы думаете?

— Право не знаю, князь, отвѣчалъ я колеблясь:—я никогда не ужинаю...

— Ну, разумѣется, и *поговоримъ* за ужиномъ, прибавилъ онъ, пристально и хитро смотря мнѣ прямо въ глаза.

Какъ было не понять! Онъ хотѣлъ высказаться, подумалъ я, а мнѣ вѣдь того и надо. Я согласился.

— Дѣло въ шляпѣ. Въ Большую Морскую, къ Б.

— Въ ресторанъ? спросилъ я съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Да. А чтожъ? Я вѣдь рѣдко ужинаю дома. Неужелижъ вы мнѣ не позволите пригласить васъ?

— Но я вамъ сказалъ уже, что я никогда не ужинаю.

— Что за дѣло одинъ разъ. Къ тому же вѣдь это я васъ приглашаю...

То есть заплачу за тебя; я увѣренъ, что онъ прибавилъ это нарочно. Я позволилъ везти себя, но въ ресторанѣ рѣшилъ платить за себя самъ. Мы пріѣхали. Князь взялъ особую комнату и со вкусомъ и знаніемъ дѣла выбралъ два-три блюда. Блюда

были дорогія, равно какъ и бутылка тонкаго столоваго вина, которую онъ велѣлъ принести. Все это было не по моему карману. Я посмотрѣлъ на карту и велѣлъ принести себѣ полрябчика и рюмку лафиту. Князь взбунтовался.

— Вы не хотите со мной ужинать! Вѣдь это даже смѣшно. Pardon, mon ami, но вѣдь это... возмутительная щепетильность. Это ужь самое мелкое самолюбіе. Тутъ замѣшались чуть ли не сословныя интересы и бьюсь объ закладъ, что это такъ. Увѣряю васъ, что вы меня обижаете.

Но я настоялъ на своемъ.

— Впрочемъ, какъ хотите, прибавилъ онъ.—Я васъ не принуждаю... скажите, Иванъ Петровичъ, можно мнѣ съ вами говорить вполне дружелюбно?

— Я васъ прошу объ этомъ.

— Ну такъ по моему такая щепетильность вамъ же вредитъ. Такъ же точно вредятъ себѣ и всѣ ваши, этимъ же самымъ. Вы литераторъ, вамъ нужно знать свѣтъ, а вы всего чуждаетесь. Я не про рябчиковъ теперь говорю, но вѣдь вы готовы отказываться совершенно отъ всякаго сообщенія съ нашимъ кругомъ, а это положительно вредно. Кромѣ того, что вы много теряете,—ну, однимъ словомъ, карьеру,—кромѣ того, хоть одно то, что надобно самому узнать, что вы описываете, а у васъ тамъ, къ повѣстяхъ, и графы и князья и будуары... Впрочемъ, чтожъ я? У васъ тамъ теперь все нищета, потерянные шинелл, ревизоры, задорные офицеры, чиновники, старые годы и раскольничій бытъ, знаю, знаю.

— Но вы ошибаетесь, князь; если я не хожу въ такъ называемый вами «высшій кругъ», то это потому, что тамъ, во-первыхъ, скучно, а во-вторыхъ, нечего дѣлать. Но и наконецъ, я все-таки бываю...

— Знаю, у князя Р., разъ въ годъ; я тамъ васъ и встрѣтилъ. А остальное время года вы косячите въ демократической гордости и чахнете на вашихъ чердакахъ, хотя и не всѣ такъ поступаютъ изъ вашихъ. Есть такіе искатели приключеній, что даже меня тошнить...

— Я просилъ бы васъ, князь, перемѣнить этотъ разговоръ и не возвращаться къ намъ на чердаки.

— Ахъ, Боже мой, вотъ вы и обидѣлись. Впрочемъ, сами же вы позволили мнѣ говорить съ вами дружелюбно. Но виноватъ, я ни чѣмъ еще не заслужилъ вашей дружбы. Вино порядочное. Попробуйте.

Онъ налилъ мнѣ полстакана изъ своей бутылки.

— Вотъ видите, мой милый Иванъ Петровичъ, я вѣдь очень хорошо понимаю, что навязываться на дружбу неприлично. Вѣдь не всѣ же мы грубы и наглы съ вами, какъ вы о насъ воображаете; ну я тоже очень хорошо понимаю, что вы сидите здѣсь со мной не изъ расположенія ко мнѣ, а оттого, что я общался съ вами *поговорить*. Не правда ли?

Онъ засмѣялся.

— А такъ какъ вы наблюдаете интересы из-

вѣстной особы, то вамъ и хочется послушать, что я буду говорить. Такъ ли? прибавилъ онъ съ злою улыбкою.

— Вы не ошиблись, прервалъ я съ петербургскимъ (я видѣлъ, что онъ былъ изъ тѣхъ, которые видя человѣка хотъ капельку въ своей власти, сейчасъ же даютъ ему это почувствовать. Я же былъ въ его власти; я не могъ уйти, не выслушавъ всего, что онъ намѣренъ былъ сказать, и онъ зналъ это очень хорошо. Его тонъ вдругъ измѣнился, и все больше и больше переходилъ въ нагло-фамиллярный и насмѣшливый). — Вы не ошиблись, князь: я именно за этимъ и пріѣхалъ, иначе право не сталъ бы сидѣть... такъ поздно.

Мнѣ хотѣлось сказать: иначе ни за что бы не остался съ вами, но я не сказалъ и перевернулъ по другому, не изъ боязни, а изъ проклятой моей слабости и деликатности. Ну какъ въ самомъ дѣлѣ сказать человѣку грубость прямо въ глаза, хотя онъ и стоилъ того и хотя я именно и хотѣлъ сказать ему грубость? Мнѣ кажется князь это примѣтилъ, по моимъ глазамъ, и съ насмѣшкою смотрѣлъ на меня во все продолженіе моей фразы, какъ бы наслаждался моимъ малодушіемъ и точно подзадоривая меня своимъ взглядомъ: «А что, не посмѣлъ, сбрендилъ, то-то брать!» Это навѣрно такъ было, потому что онъ, когда я кончилъ, расхохотался и съ какой-то протезирующей лаской потрепалъ меня по колѣну.

«Смѣшишь же ты, братецъ», прочиталъ я въ его взглядѣ. Постой же! подумалъ я про себя.

— Мнѣ сегодня очень весело! вскричалъ онъ: — и, право, не знаю почему. Да, да, мой другъ, да! Я именно объ этой особѣ и хотѣлъ говорить. Надо же окончательно высказаться, договориться до чего-нибудь, и надѣюсь, что въ этотъ разъ вы меня совершенно поймете. Давеча я съ вами говорилъ объ этихъ деньгахъ и объ этомъ колпакѣ отцѣ, шестидесятилѣтнемъ младенцѣ... Ну! не стоитъ теперь и поминать. Я вѣдь это такъ говорилъ! ха, ха, ха, вѣдь вы литераторъ, должны же были догадаться...

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на него. Кажется, онъ былъ еще не пьянъ.

— Ну а что касается до этой дѣвушки, то право я ее уважаю, даже люблю, увѣряю васъ; капризна она немножко, но вѣдь «нѣтъ розы безъ шиповъ», какъ говорили пятьдесятъ лѣтъ назадъ и хорошо говорили: шипы колятся, но вѣдь это-то и заманчиво, и хоть мой Алексѣй дуракъ, но я ему отчасти уже простилъ,—за хорошій вкусъ. Короче, мнѣ эти дѣвицы нравятся, и у меня — (онъ многозначительно жалъ губы)—даже виды особенные... Ну да это послѣ...

— Князь! послушайте, князь! вскричалъ я: — я не понимаю въ васъ этой быстрой перемѣны, но... перемѣните разговоръ, прошу васъ!

— Вы опять горячитесь! Ну, хорошо... перемѣню, перемѣню! только вотъ что хочу спросить у васъ, мой добрый другъ: очень вы ее уважаете?

— Разумѣется, отвѣчалъ я съ грубымъ нетерпѣніемъ.

— Ну, ну и любите? продолжалъ онъ, отвратительно скаля зубы и прищуривъ глаза.

— Вы забываетесь! вскричалъ я.

— Ну, не буду, не буду! успокойтесь! Въ удивительнѣйшемъ расположеніи духа я сегодня. Мнѣ такъ весело, какъ давно не бывало. Не вынитъ ли намъ шампанскаго! какъ думаете, мой поэтъ?

— Я не буду пить, не хочу!

— И не говорите! вы непременно должны мнѣ составить сегодня компанію. Я чувствую себя прекрасно и такъ какъ я добрѣ до сентиментальности, то и не могу быть счастливымъ одинъ. Кто знаетъ, мы можетъ быть еще дойдемъ до того, что выпьемъ на ты, ха, ха, ха. Нѣтъ молодой мой другъ, вы меня еще не знаете! я увѣренъ; что вы меня полюбите. Я хочу, чтобъ вы раздѣлили сегодня со мною и горе и радость, и веселье и слезы, хотя надѣюсь, что я-то, по крайней мѣрѣ, не заплачу. Ну какъ же Иванъ Петровичъ? Вѣдь вы сообразите только что если не будетъ того, что мнѣ хочется, то все мое вдохновеніе пройдетъ, пропадетъ, улетучится, и вы ничего не услышите; ну а вѣдь вы здѣсь единственно для того, чтобъ что-нибудь услышать. Не правда ли? прибавилъ онъ опять нагло мнѣ подмигивая: — ну такъ и выбирайте.

Угроза была важная. Я согласился. Ужъ не хочеть ли онъ меня напоить пьянымъ? подумалъ я. Кстати здѣсь мѣсто упоминуть объ одномъ слухѣ про князя, слухѣ, который уже давно дошелъ до меня. Говорили про него, что онъ—всегда такой приличный и изящный въ обществѣ, — любить иногда по ночамъ пьянствовать, напиваться, какъ стелька, и потаенно развратничать, гадко и тайно развратничать... Я слыхалъ о немъ ужасные слухи... Говорять, Алеша зналъ о томъ, что отецъ иногда пьетъ, и старался скрывать это передъ всѣми и особенно передъ Наташей. Однажды было онъ мнѣ проговорился, но тотчасъ же замылъ разговоръ и не отвѣчалъ на мои распросы. Впрочемъ, я не отъ него и слышалъ и, признаюсь, прежде не вѣрилъ: теперь же ждать, что будетъ.

Подали вино; князь налилъ два бокала, себѣ и мнѣ.

— Милая, милая дѣвочка, хотъ и побранила меня! продолжалъ онъ, съ наслажденіемъ смакуя вино: — но эти милыя существа именно тутъ-то и милы, въ такія именно моменты... А вѣдь она навѣрно думала, что меня пристыдила, помнитъ въ тотъ вечеръ, разбила въ прахъ! ха, ха; ха! И какъ къ ней идетъ румянецъ! Знаюкъ вы въ женщинахъ? Иногда внезапный румянецъ ужасно идетъ къ блѣднымъ щекамъ, замѣтили вы это? Ахъ, Боже мой! да вы кажется опять сердитесь?

— Да, сержусь! вскричалъ я, уже не сдерживая себя: — и не хочу, чтобъ вы говорили теперь о Натальѣ Николаевнѣ... то есть говорили въ такомъ тонѣ. Я... я не позволю вамъ этого!

— Ого! ну, извольте, сдѣлаю вамъ удовольствіе,

перемѣню тему. Я вѣдь уступчивъ и мягокъ какъ тѣсто. Будемъ говорить объ васъ. Я васъ люблю, Иванъ Петровичъ, еслибъ вы знали какое дружеское, какое искреннее я беру въ васъ участіе...

— Князь, не лучше говорить о дѣлѣ, прервалъ я его.

— То есть о *нашемъ дѣлѣ*, хотите вы сказать. Я васъ понимаю съ полуслова, mon ami, но вы и не подозреваете какъ близко мы коснемся къ дѣлу, если заговоримъ теперь объ васъ и если разумѣется вы меня не прервете. Итакъ, продолжаю: я хотѣлъ вамъ сказать, мой безцѣнный Иванъ Петровичъ, что жить такъ какъ вы житете, значитъ просто губить себя. Ужъ вы позволите мнѣ коснуться этой деликатной матеріи; я изъ дружбы. Вы бѣдны, вы берете у вашего антрепренера впередъ, платите свои долгишки, на остальные питаетесь полгода однимъ чаемъ и дрожите на своемъ чердакѣ, въ ожиданіи когда напишется вашъ романъ въ журналъ вашего антрепренера; вѣдь такъ?

— Хоть и такъ, по все же это...

— Почетнѣе, чѣмъ воровать, низкопоклонничать, брать взятки, интриговать, ну и проч. и проч. Знаю, знаю что вы хотите сказать; все это давно напечатано.

— А слѣдственно вамъ нечего и говорить о моихъ дѣлахъ. Неужели я васъ долженъ, князь учить деликатности.

— Ну, ужъ конечно не вы. Только что же дѣлать если мы именно касаемся этой деликатной струны. Вѣдь не обходить же ее. Ну, да впрочемъ оставимъ чердаки въ покоѣ. Я и самъ до нихъ не охотникъ, развѣ въ пзвѣстныхъ случаяхъ, (и онъ отвратительно захохоталъ).—А вотъ что меня удивляетъ: что за охота вамъ играть роль втораго лица? Конечно одинъ вашъ писатель, даже помнится, сказалъ гдѣ-то: что можетъ быть самый великій подвигъ человѣка въ томъ, если онъ сумѣетъ ограничиться въ жизни ролью втораго лица... Кажется, что-то этакое! Объ этомъ я еще гдѣ-то разговоръ слышалъ, но вѣдь Алеша отбилъ у васъ пзвѣсту, я вѣдь это знаю, а вы, какъ какой-нибудь Шиллеръ, за нихъ же распинаетесь, имъ же прислуживаете, и чуть ли у нихъ не на побѣгушкахъ... Вы ужъ извините меня, мой милый, но вѣдь это какая-то гаденская игра въ великодушныя чувства... Какъ это вамъ не надоѣсть, въ самомъ дѣлѣ! Даже стыдно. Я бы кажется на вашемъ мѣстѣ умеръ съ досады; а главное: стыдно, стыдно!

— Князь! вы кажется нарочно привезли меня сюда, чтобъ оскорбить! вскричалъ я, вѣвъ себя отъ злости.

— О нѣтъ мой другъ, нѣтъ, я въ эту минуту просто-запросто дѣловой человѣкъ, и хочу вашего счастья. Однимъ словомъ, я хочу уладить все дѣло. Но оставимъ на время *все дѣло*, а вы меня дослушайте до конца, постарайтесь не горячиться хоть двѣ какія-нибудь минутки. Ну, какъ вы думаете, что еслибъ вамъ жениться? Видите, я вѣдь теперь

совершенно говорю о *постороннемъ*; чтожъ вы на меня съ такимъ удивленіемъ смотрите?

— Жду, когда вы все кончите, отвѣчалъ я, дѣйствительно смотря на него съ удивленіемъ.

— Да высказывать-то печего. Мнѣ пменно хотѣлось знать, что бы вы сказали, еслибъ вамъ, кто-нибудь изъ друзей вашихъ, желающій вамъ основательнаго, истиннаго счастья, не эфемернаго какого-нибудь, предложилъ дѣвушку, молоденькую, хорошенькую но... уже кое-что испытавшую; я говорю аллегорически, но вы меня понимаете. ну, въ родѣ Натальи Николаевны, разумѣется съ приличнымъ вознагражденіемъ... (Замѣтьте я говорю о постороннемъ, а не о *нашемъ дѣлѣ*); ну, чтобы вы сказали?

— Я скажу вамъ, что вы... сонли съума.

— Ха, ха, ха! Ба! да вы чуть ли не бить меня собираетесь?

Я дѣйствительно готовъ былъ на него броситься. Дальше я не могъ выдержать. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе какого-то гада, какого-то огромнаго паука, котораго мнѣ ужасно хотѣлось раздавить. Онъ наслаждался своими насмѣшками надо мною; онъ игралъ со мной какъ кошка съ мышью, предполагая, что я весь въ его власти. Мнѣ казалось (и я понималъ это), что онъ находилъ какое-то удовольствіе, какое то можетъ быть даже сладострастіе въ своей нпзости, и въ этомъ нахальствѣ, въ этомъ цинизмѣ, съ которымъ онъ срывалъ наконецъ передо мной свою маску. Онъ хотѣлъ насладиться моимъ удивленіемъ, моимъ ужасомъ. Онъ меня искренно презиралъ и смѣялся надо мною.

Я предчувствовалъ еще съ самаго начала, что все это преднамѣренно и къ чему-нибудь клонится; но я былъ въ такомъ положеніи, что во что-бы-то ни стало долженъ былъ его дослушать. Это было въ интересахъ Наташи, и я долженъ былъ рѣшиться на все и все перенести, потому что въ эту минуту можетъ быть рѣшалось все дѣло. Но какъ можно было слушать эти цинпческія; подлые выходки на ея счетъ, какъ можно было это переносить хладнокровно! А онъ; въ добавокъ къ тому, самъ очень хорошо понималъ, что я не могу его не выслушать, и это еще усугубляло оиду. «Впрочемъ онъ вѣдь самъ нуждается во мнѣ», подумалъ я, и сталъ отвѣчать ему рѣзко и бранчиво. Онъ понялъ это.

— Вотъ что, молодой мой другъ, началъ онъ, серьезно смотря на меня: — намъ съ вами этакъ продолжать нельзя, а потомъ лучше уговоримся. Я видите ли, намѣренъ былъ вамъ кое-что высказать, ну, а вы ужъ дотжны быть такъ любезны, чтобы согласиться выслушать, что бы я ни сказалъ. Я желаю говорить какъ хочу, и какъ мнѣ правится, да по настоящему тапъ и надо. Ну, такъ какъ же, молодой мой другъ, будете вы терпѣливы?

Я скрѣпился и смолчалъ, не смотря на то, что онъ смотрѣлъ на меня съ такою ѣдкою насмѣшкою, какъ-будто самъ вызывалъ меня на самый рѣзкій протестъ. Но онъ понялъ, что я уже согласился не уходить и продолжалъ:

— Не сердитесь на меня, друг мой. Вы вѣдь на что разсердились? На одну наружность, не правда ли? Вѣдь вы отъ меня, въ самой сущности дѣла, ничего другого и не ожидали, какъ бы я ни говорилъ съ вами: съ раздушенною ли вѣжливостью, или какъ теперь; слѣдовательно смыслъ все-таки былъ бы тотъ же, какъ и теперь. Вы меня презираете, не правдали ли? Видите ли, сколько во мнѣ этой милой простоты, откровенности, этой *bonhomie*. Я вамъ во всемъ признаюсь, даже въ моихъ дѣтскихъ капризахъ. Да, *mon cher*, да, побольше *bonhomie* и съ вашей стороны, и мы сладимся, сговоримся совершенно и наконецъ поймемъ другъ друга окончательно. А на меня не дивитесь: мнѣ до того наконецъ надоѣли всѣ эти невинности, всѣ эти Алешины пасторали, вся эта шиллеровщина, всѣ эти возвышенности въ этой проклятой связи съ этой Наташей (впрочемъ очень миленькой дѣвочкой), что я такъ сказалъ поневолѣ радъ случаю, надъ всѣмъ этимъ погримасничать. Ну, случай и вышелъ. Къ тому же я хотѣлъ передъ вами излить мою душу. Ха, ха, ха!

— Вы меня удивляете, князь, и я васъ не узнаю. Вы впадаете въ тонъ полишинеля; эти неожиданныя откровенности...

— Ха, ха, ха, а вѣдь это вѣрно отчасти! премиленькое сравненіе! ха, ха, ха! я *кучу*, мой другъ, я *кучу*, я радъ и доволенъ, ну, а вы, мой поэтъ, должны ужъ оказать мнѣ всевозможное снисхожденіе. Но давайте-ка лучше пить, рѣшилъ онъ, совершенно довольный собою, и подливая въ бокалъ:—вотъ что, другъ мой, ужъ одинъ тотъ глупый вечеръ, помните у Наташи, доканалъ меня окончательно. Правда, сама она была очень мила, но я вышелъ оттуда съ ужасной злобой и не хочу этого забыть. Ни забыть, ни скрывать. Конечно, будетъ и наше время и даже быстро приближается, но теперь мы это оставимъ. А между прочимъ я хотѣлъ объяснить вамъ, что у меня именно есть черта въ характерѣ, которую вы еще не знали,—это ненависть ко всѣмъ этимъ пошлымъ, ничего нестоющимъ наивностямъ и пасторалямъ, и одно изъ самыхъ пикантныхъ для меня наслажденій всегда было прикинуться сначала самому на этотъ ладъ, войти въ этотъ тонъ, обласкать, ободрить какогонибудь вѣчно-юнаго Шиллера и потомъ вдругъ, сразу, огоршить его; вдругъ поднять передъ нимъ маску и изъ восторженнаго лица сдѣлать ему гримасу, показать ему языкъ, именно въ ту минуту, когда онъ менѣ всего ожидаетъ этого скуприза. Что? вы этого не понимаете, вамъ это кажется гадкимъ, нелѣпымъ благороднымъ можетъ быть, такъ ли?

— Разумѣется такъ.

— Вы откровенны. Ну, да что же дѣлать, если самого меня мучатъ! Глупо и я откровененъ, но ужъ таковъ мой характеръ. Впрочемъ мнѣ хочется рассказать кой-какія черты изъ моей жизни. Вы меня поймете лучше, и это будетъ очень любопытно. Да я дѣйствительно можетъ быть сегодня

похожъ на полишинеля: а вѣдь полишинель откровененъ, не правда ли?

— Послушайте, князь, теперь поздно и право...

— Что? Боже, какая нетерпимость! Да и куда спѣшить? Ну, посидимъ, поговоримъ по дружески, искренно, знаете, этакъ за бокаломъ вина, какъ добрые пріатели. Вы думаете я пьянъ: ничего, это лучше. Ха, ха, ха! Право, эти дружескія сходки всегда такъ долго потомъ памяты, съ такимъ наслажденіемъ объ нихъ вспоминается. Вы недобрый человекъ, Иванъ Петровичъ. Сентиментальности въ васъ нѣтъ, чувствительности. Ну, что вамъ часикъ, другой для такого друга, какъ я? Къ тому же вѣдь это тоже касается къ дѣлу... Ну какъ этого не понять? А еще литераторъ; да вы бы должны были случай благословлять. Вѣдь вы можете съ меня типъ писать, ха, ха, ха! Боже, какъ я мило откровененъ сегодня!

Онъ видимо хмѣлѣлъ. Лицо его измѣнилось и приняло какое-то злобное выраженіе. Ему очевидно хотѣлось язвить, колоть, кусать, насмѣхаться. Это отчасти и лучше, что онъ пьянъ, подумалъ я: пьяный всегда разболтаетъ. Но онъ былъ себѣ на умѣ.

— Другъ мой, началъ онъ, видимо наслаждаясь собою:—я сдѣлалъ вамъ сейчасъ одно признаніе, можетъ быть даже и неумѣстное, о томъ что у меня иногда является непреодолимое желаніе показать кому нибудь въ извѣстномъ случаѣ языкъ. За эту наивную и простодушную откровенность мою, вы сравнили меня съ полишинелемъ, что меня искренно разсмѣшило. Но если вы упрекаете меня или дивитесь на меня, что я съ вами теперь грубъ и пожалуй еще неблагопристоенъ какъ мужикъ, однимъ словомъ вдругъ перемѣнилъ съ вами тонъ, то вы въ этомъ случаѣ совершенно несправедливы. Во-первыхъ, мнѣ такъ угодно, во-вторыхъ я не у себя, а *съ вами*... то есть я хочу сказать, что мы теперь *кутимъ*, какъ добрые пріатели, а въ третьихъ—я ужасно люблю капризы. Знаете ли, что когда-то я изъ каприза даже былъ метафизикомъ и филантропомъ и вращался чуть ли не въ такихъ же идеяхъ какъ вы? Это впрочемъ было ужасно давно, въ златые дни моей юности. Помню, я еще тогда пріѣхалъ къ себѣ въ деревню съ гуманными цѣлями и разумѣется сучалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ; и вы не повѣрите, что тогда случилось со мною? Отъ скуки я началъ знакомиться съ хорошенькими дѣвочками... Да ужъ вы не гримасничаете ли? О, молодой мой другъ! да вѣдь мы теперь въ дружеской сходкѣ. Когдажъ и покутить, когдажъ и распахнуться! Я вѣдь русская натура, неподдѣльная русская натура, патриотъ, люблю распахнуться, да и къ тому же надо ловить минуту и насладиться жизнью. Умремъ и—что тамъ! Ну, такъ вотъ-съ и волочился. Помню еще у одной пастушки былъ мужъ, красивый молодой мужичекъ. Я его больно наказалъ и въ солдаты хотѣлъ отдать (прошлые проказы, мой поэтъ!) да и не отдалъ въ солдаты. Умеръ онъ у меня въ

больницѣ... У меня вѣдь въ селѣ больница была, на двѣнадцать кроватей, — великолѣпно устроенная; чистота, полы паркетные. Я впрочемъ ее давно ужъ уничтожилъ, а тогда гордился ею: филантропомъ былъ; ну, а мужичка чуть не засѣкъ за жену... Ну, что вы опять гримасу состроили? Вамъ отвратительно слушать? Возмущаетъ ваши благородныя чувства? Ну, ну, успокойтесь! все это прошло. Это я сдѣлалъ когда романтизировалъ, хотѣлъ быть благодѣтелемъ челоуѣчества, филантропическое общество основать... въ такую тогда колею попалъ. Тогда и сѣкъ. Теперь не высѣку; теперь надо гримасничать; теперь мы всѣ гримасничаемъ, — такое время пришло... Но болѣе всего меня смѣшитъ теперь дуракъ Ихменевъ. Я увѣренъ, что онъ зналъ весь этотъ пассажъ съ мужичкомъ... и чтожъ? онъ изъ доброты своей души, созданной кажется изъ патоки, и оттого что влюбился тогда въ меня и самъ же захвалилъ меня самому себѣ, — рѣшился ничему не вѣрить и не повѣрилъ; то есть факту не повѣрилъ и двѣнадцать лѣтъ стоялъ за меня горой до тѣхъ поръ, пока до самаго не коснулось. Ха, ха, ха? Ну, да все это вздоръ! Выпьемъ, мой юный другъ. Послушайте: любите вы женщинъ?

Я ничего не отвѣчалъ. Я только слушалъ его. Онъ уже началъ вторую бутылку.

— А я люблю о нихъ говорить за ужиномъ. По-знакомилъ бы я васъ послѣ ужина съ одной m-lle Philiberte, — а? какъ вы думаете? да что съ вами? вы и смотрѣть на меня не хотите... гм!

Онъ было задумался. Но вдругъ поднялъ голову, какъ-то значительно взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Вотъ что, мой поэтъ, хочу я вамъ открыть одну тайну природы, которая кажется вамъ совсѣмъ неизвѣстна. Я увѣренъ, что вы меня называете въ эту минуту грѣшникомъ, можетъ быть даже подлецомъ, чудовищемъ разврата и порока. Но вотъ что я вамъ скажу! еслибъ только могло быть (чего впрочемъ по челоуѣческой натурѣ, никогда быть не можетъ), еслибъ могло быть, чтобъ каждый изъ насъ описалъ всю свою подноготную, но такъ, чтобъ не побоялся изложить не только то, что онъ боится сказать и ни за что не скажетъ людямъ, не только то, что онъ боится сказать своимъ лучшимъ друзьямъ, но даже и то, въ чемъ боится подѣ-часъ признаться самому себѣ, — то вѣдь на свѣтѣ поднялся бы тогда такой смрадъ, что намъ бы всѣмъ надо было задохнуться. Вотъ почему, говоря въ скобкахъ, такъ хороши наши свѣтскія условія и приличія. Въ нихъ глубокая мысль — не скажу нравственная но просто предохранительная, комфортная, что разумѣется еще лучше, потому что нравственность въ сущности тотъ же комфортъ, то есть изобрѣтена единственно для комфорта. Но о приличіяхъ послѣ: я теперь сбиваюсь, напомните мнѣ о нихъ потомъ. Заклучу же такъ: вы меня обвиняете въ пороки, развратъ, безнравственности, а я можетъ быть только тѣмъ и виноватъ теперь, что *откро-*

венные другихъ и больше ничего; что не утаиваю того, что другіе скрываютъ даже отъ самихъ себя, какъ сказалъ я прежде... Это я скверно дѣлаю, но я теперь такъ хочу. Впрочемъ не беспокойтесь, прибавилъ онъ, съ насмѣшливою улыбкой: — я сказалъ «виноватъ», но вѣдь я вовсе не прошу прощенія. Замятѣте себѣ еще: я не конфужу васъ, не спрашиваю о томъ: нѣтъ ли у васъ у самого какихъ нибудь такихъ же тайнъ, чтобъ вашими тайнами оправдать и себя... Я поступаю прилично и благородно. Вообще я всегда поступаю благородно...

— Вы просто заговариваетесь, сказалъ я, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Заговариваюсь, ха, ха, ха! а сказать, объ чемъ вы теперь думаете? Вы думаете: зачѣмъ это я завезъ васъ сюда и вдругъ ни съ того ни съ сего, такъ передъ вами разоткровенничался? Такъ пли нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, это вы послѣ узнаете.

— А проще всего, вы выпили чуть не двѣ бутылки и... охмѣлѣли.

— То есть, просто пьянъ. И это можетъ быть. «Охмѣлѣли!» то есть, это понѣжиѣ, чѣмъ пьянъ. О преисполненный деликатностей челоуѣкъ! Но... мы кажется опять начали браниться, а заговорили было о такомъ интересномъ предметѣ. Да, мой поэтъ, если еще есть на свѣтѣ что-нибудь хорошее и сладенькое, такъ это женщины.

— Знаете ли, князь, я все-таки не понимаю, почему вамъ вздумалось выбрать именно меня конфиденantomъ вашихъ тайнъ и любовныхъ... стремленій.

— Гм... да вѣдь я вамъ сказалъ, что узнаете послѣ. Не беспокойтесь; а впрочемъ хоть бы и такъ, безо всякихъ причинъ; вы поэтъ, вы меня поймете, да я ужъ и говорилъ вамъ объ этомъ. Есть особое сладострастіе въ этомъ внезапномъ срывѣ маски, въ этомъ цинизмѣ, съ которымъ челоуѣкъ вдругъ высказывается передъ другимъ въ такомъ видѣ, что даже не удостоиваетъ и постыдиться передъ нимъ. Я вамъ расскажу анекдотъ: былъ въ Парижѣ одинъ сумасшедшій чиновникъ; его потомъ посадили въ сумасшедшій домъ, когда вполне убѣдились что онъ сумасшедшій. Ну такъ, когда онъ сходилъ съ ума, то вотъ что выдумалъ для своего удовольствія: онъ раздѣвался у себя дома, совершенно, какъ Адамъ, оставлялъ на себѣ одну обувь, накидывалъ на себя широкий плащъ до пятъ, закутывался въ него, и съ важной величественной миной выходилъ на улицу. Ну, съ боку посмотрѣть, — челоуѣкъ какъ и всѣ, прогуливается себѣ въ широкомъ плащѣ для своего удовольствія. Но лишь только случалось ему встрѣтить какого-нибудь прохожаго, гдѣ-нибудь наединѣ, такъ чтобъ кругомъ никого не было, онъ молча шелъ на него, съ самымъ серьезнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, вдругъ останавливался передъ нимъ, развѣтывалъ свой плащъ и показывалъ себя во всемъ...

чистосердечіи. Это продолжалось одну минуту, потомъ онъ завертывался опять и молча, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ лица, проходилъ мимо остолбенѣвшаго отъ изумленія зрителя, важно, плавно, какъ тѣнь въ Гамлетѣ. Такъ онъ поступалъ со всѣми, съ мужчинами, женщинами и дѣтьми, и въ этомъ состояло все его удовольствіе. Вотъ часть-то этого самаго удовольствія и можно находить, внезапно огорошивъ какого-нибудь Шпллера и высунувъ ему языкъ, когда онъ всего менѣе ожидаетъ этого. «Огорошивъ» — каково словечко? Я его вычиталъ гдѣ-то въ вапсей же современной литературѣ.

— Ну такъ то былъ сумасшедшій, а вы...

— Себѣ на-умѣ?

— Да.

Князь захохоталъ.

— Вы справедливо судите, мой милый, прибавилъ онъ съ самымъ наглымъ выраженіемъ лица.

— Князь, сказалъ я, разгорячившись отъ его нахальства: — вы насъ ненавидите, въ томъ числѣ и меня, и мстите мнѣ теперь за все и за всѣхъ. Все это въ васъ изъ самого мелкаго самолюбія. Вы злы и мелочно злы. Мы васъ разозлили, и можете быть больше всего вы сердитесь за тотъ вечеръ. Разумѣется, вы ничѣмъ такъ сильно не могли отплатить мнѣ, какъ этимъ окончательнымъ презрѣніемъ ко мнѣ; вы избавляете себя даже отъ обиденной и всѣмъ обязательной вѣжливости, которую мы всѣ другъ другу обязаны. Вы ясно хотите показать мнѣ, что даже не удостоиваете постыдиться меня, срывая передо мной такъ откровенно и такъ неожиданно вашу гадкую маску и выставляясь въ такомъ нравственномъ цинизмѣ...

— Для чегожъ вы это мнѣ все говорите? спросилъ онъ, грубо и злобно смотря на меня. — Чтобъ показать свою провинительность?

— Чтобъ показать, что я васъ понимаю и заявить это передъ вами.

— *Quelle idée, mon cher*, продолжалъ онъ вдругъ переимѣнивъ свой тонъ на прежній веселый и болтливо-добродушный. — Вы только отбили меня отъ предмета. *Vivons, mon ami*, позвольте вамъ налить. А я только что было хотѣлъ разсказать одно прелестнѣйшее и чрезвычайно-любопытное приключеніе. Разскажу его вамъ въ общихъ чертахъ. Былъ я знакомъ, когда-то, съ одной барыней; была она не первой молодости, а такъ, лѣтъ двадцати семивосьми; — красавица первостепенная! что за бюстъ, что за осанка, что за походка! она глядѣла пропзительно, какъ орлица, но всегда сурово и строго; держала себя величаво и недоступно. Она слыла холодной, какъ крещенская зима и запугивала всѣхъ своею недосигаемою, своею грозною добродѣтелью. Именно грозною. Не было во всемъ ея кругѣ такого петерпимаго судьи, какъ она. Она карала не только пороки, но даже малѣйшую слабость въ другихъ женщинахъ и карала безвозвратно, безъ апелліаціи. Въ своемъ кругу она имѣла огромное значеніе. Самыя гордыя и самыя страшныя по

своей добродѣтели старухи, почитали ее, даже занскивали въ ней. Она смотрѣла на всѣхъ безстрастно-жестоко, какъ абесса средневѣковаго монастыря. Молодыя женщины трепетали ея взгляда и сужденія. Одно ея замѣчаніе, одинъ намекъ ея уже могли погубить репутацію, — ужъ такъ она себя поставила въ обществѣ; — боялись ее даже мужчины. Наконецъ она бросилась въ какой-то созерцательный мистицизмъ, впрочемъ тоже снокойный и величавый... И чтожъ? Не было развратницы развратнѣ этой женщины, и я имѣлъ счастье заслужить вполнѣ ея довѣренности. Однимъ словомъ — я былъ ея тайнымъ и таинственнымъ любовникомъ. Сношенія были устроены до того ловко, до того мастерски, что даже никто изъ ея домашнихъ не могъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія; только одна ея прехорошенькая камеристка, французенка, была посвящена во всѣ ея тайны, но на эту камеристку можно было вполнѣ положиться; она тоже брала участіе въ дѣлѣ, — какимъ образомъ? я это теперь опущу. Барыня моя была сладострастна до того, что самъ маркизъ де Садъ могъ бы у ней поучиться. Но самое сильное, самое пронзительное и потрясающее въ этомъ наслажденіи, — была ея таинственность и наглость обмана. Эта насмѣшка падъ всѣмъ, о чемъ графиня проповѣдывала въ обществѣ какъ о высокомъ, недоступномъ и иснарушнмомъ, и наконецъ, этотъ впу-трениій, дьявольскій хохотъ и сознательное попираніе всего, чего нельзя попираить — и все это безъ предѣловъ, доведенное до самой послѣдней степени, до такой степени, о которой самое горячее воображеніе не смѣло бы и помыслить, — вотъ въ этомъ-то, главное, и заключалась самая яркая черта этого наслажденія. Да, это былъ самъ дьяволъ во плоти, но онъ былъ непобѣдимо-очарователенъ. Я и теперь не могу припомнить о пей безъ восторга. Въ пылу самыхъ горячихъ наслаженій, она вдругъ хохотала какъ изступленная, и я понималъ, вполнѣ понималъ этотъ хохотъ, и самъ хохоталъ... Я еще и теперь задыхаюсь, при одномъ воспоминаніи, хотя тому уже много лѣтъ. Черезъ годъ она переимѣнила меня. Еслибъ я и хотѣлъ, я бы не могъ повредить ей. Ну, кто бы могъ мнѣ повѣрить? Каковъ характеръ? что скажете, молодой мой другъ?

— Фу, какая низость! отвѣчалъ я, съ отвращеніемъ выслушавъ это признаніе.

— Вы бы не были молодымъ моимъ другомъ, еслибъ отвѣчали иначе! Я такъ и зналъ, что вы это скажете. Ха, ха, ха! Подождите, *mon ami*, поживете и поймете, а теперь, — теперь вамъ еще нужно пряничка. Нѣтъ, вы не позѣтъ послѣ этого: эта женщина понимала жизнь и умѣла ею воспользоваться.

— Да зачѣмъ же доходить до такого звѣрства?

— До какого звѣрства?

— До котораго дошла эта женщина и вы съ нею.

— А, вы называете это звѣрствомъ, — признакъ, что вы все еще на помочахъ и на веревочкѣ. Ко-

печно, я признаю, что самостоятельность можетъ явиться и совершенно въ противоположномъ, но... будемъ говорить попроще, мой ами... согласитесь сами, вѣдь все это вздоръ.

— Что же не вздоръ?

— Не вздоръ—это личность, это я самъ. Все для меня и весь міръ для меня созданъ. Послушайте, мой другъ, я еще вѣрю въ то, что на свѣтѣ можно хорошо жить. А это самая лучшая вѣра, потому что безъ нея даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться. Говорятъ, такъ и сдѣлалъ какой то дуракъ. Онъ зафилософовался до того, что разрушилъ все, все, даже законность всѣхъ нормальныхъ и естественныхъ обязанностей человѣческихъ и дошелъ до того что ничего у него не осталось; остался въ итогѣ пуль, вотъ онъ и провозгласилъ, что въ жизни самое лучшее снильная кислота. Вы скажете: это Гамлетъ, это грозное отчаяніе, однимъ словомъ что-нибудь такое величавое, что намъ и не приснится никогда. Но вы поэтъ, а я простой человѣкъ, и потому скажу, что надо смотрѣть на дѣло съ самой простой, практической точки зрѣнія. Я напримѣръ уже давно освободилъ себя отъ всѣхъ путъ и даже обязанностей. Я считаю себя обязаннымъ только тогда, когда это мнѣ принесетъ какую-нибудь пользу. Вы, разумѣется не можете такъ смотрѣть на вещи; у васъ ноги спутаны и вкусъ больной. Вы толкуете по идеалу, по добродѣтелямъ. Но, другъ мой, я вѣдь самъ готовъ признавать все что прикажете; но что же мнѣ дѣлать, если я навѣрно знаю, что въ основаніи всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей лежитъ глубочайшій эгоизмъ. И чѣмъ добродѣтельнѣе дѣло,—тѣмъ болѣе тутъ эгоизма. Люби самого себя,—вотъ одно правило, которое я признаю. Жизнь—коммерческая сдѣлка; даромъ не бросайте денегъ, но пожалуй платите за угожденіе, и вы исполните всѣ свои обязанности къ ближнему, — вотъ моя нравственность, если ужъ вамъ ее непременно нужно, хотя признаюсь вамъ, по моему лучше и не платить своему ближнему, а съумѣть заставить его дѣлать даромъ. Идеаловъ я не имѣю и не хочу имѣть; тоски по нихъ никогда не чувствовалъ. Въ свѣтѣ можно такъ весело, такъ мило прожить и безъ идеаловъ... и en somme, я очень радъ, что могу обойтись безъ снильной кислоты. Вѣдь будь я немного *добродѣтельнымъ*, я бы можетъ быть безъ нея и не обошелся, какъ тотъ дуракъ-философъ (безъ сомнѣнія нѣмецъ). Нѣтъ! въ жизни такъ много еще хорошаго. Я люблю значеніе, чинъ, отель; огромную ставку въ карты (ужасно люблю карты). Но главное, главное—женщины... и женщины во всѣхъ видахъ; я даже люблю потаенный, темный развратъ, постранинѣ и оригинальнѣе, даже немножко съ грязнотой для разнообразія... Ха, ха, ха! Смотрю я на ваше лицо: съ какимъ презрѣніемъ смотрите вы на меня теперь!

— Вы правы, отвѣчалъ я.

— Ну положимъ, что и вы правы, но вѣдь во

всякомъ случаѣ лучше грязнотца, чѣмъ снильная кислота. Не правда ли?

— Нѣтъ ужъ снильная кислота лучше.

— Я нарочно спросилъ васъ: «не правда ли?» чтобъ насладиться вашимъ отвѣтомъ; я его зналъ заранѣе. Нѣтъ, мой другъ: если вы истинный человѣколюбецъ, то пожелайте всѣмъ умнымъ людямъ такого же вкуса какъ у меня, даже и съ грязнотой, иначе вѣдь умному человѣку скоро нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ и останутся одни только дураки. То-то имъ счастье будетъ! Да вѣдь и теперь есть пословица: дуракамъ счастье, и знаете ли, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ жить съ дураками и поддакивать имъ: выгодно! Вы не смотрите на меня, что я дорожу предразсудками, держуся извѣстныхъ условій, добиваюсь значенія; вѣдь я вижу, что я живу въ обществѣ пустомъ: но въ немъ покамѣстъ тепло, и я ему поддакиваю, показываю, что за него горой, а при случаѣ я первый же его и оставляю. Я вѣдь всѣ ваши новыя идеи знаю, хотя и никогда не страдалъ отъ нихъ, да и не отчего. Угрызеній совѣсти у меня никогда не было ни о чемъ. Я на все согласенъ, было бы мнѣ хорошо, и васъ такихъ легіонъ, и намъ дѣйствительно хорошо. Все на свѣтѣ можетъ погибнуть, одни мы никогда не погибнемъ. Мы существуемъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ. Весь міръ можетъ куда нибудь провалиться, но мы всплывемъ на верхъ. Кстати: посмотрите хоть ужъ на одно то, какъ живучи такіе люди какъ мы. Вѣдь мы примѣрно, феноменально живучи; пора-жало васъ это когда нибудь? Мы доживаемъ до восьмидесяти, до девяноста лѣтъ? Значитъ сама природа намъ покровительствуетъ, хе, хе, хе! Я хочу непременно жить до девяноста лѣтъ. Я смерти не люблю и боюсь ее. Вѣдь чортъ знаетъ еще какъ придется умереть! Но къ чему говорить объ этомъ! Это меня отравившійся философъ раззадорилъ. Къ черту философію! Vivons, mon cher! Вѣдь мы начали было говорить о хорошихъ дѣвушкахъ... Куда это вы?

— Я иду, да и вамъ пора...

— Полноте, полноте! Я такъ сказать открылъ передъ вами все мое сердце, а вы даже и не чувствуете такого яркаго доказательства дружбы. Хе, хе, хе! въ васъ мало любви, мой поэтъ. Но стойте, я хочу еще бутылку.

— Третью?

— Третью. Про добродѣтель, мой юный питомецъ, (вы мнѣ позвольте назвать себя этимъ сладкимъ пменемъ: кто знаетъ, можетъ быть мой поученія пойдутъ и впрокъ)... Итакъ, мой питомецъ, про добродѣтель я ужъ сказалъ вамъ: «чѣмъ добродѣтель добродѣтельнѣе, тѣмъ больше въ ней эгоизма.» Хочу вамъ разсказать на эту тему одинъ премилый анекдотъ: я любилъ однажды одну дѣвушку и любилъ почти искренно. Она даже многимъ для меня пожертвовала...

— Это та, которую вы обокрали? грубо спросилъ я, не желая болѣе сдерживаться.

Князь вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ, и установился на меня своими воспаленными глазами; въ его взглядѣ было недоумѣніе и бѣшенство.

— Пойдите, проговорилъ онъ какъ бы про себя:—пойдите, дайте мнѣ сообразить. Я дѣйствительно пьянъ и мнѣ трудно сообразить...

Онъ замолчалъ и пытливо, съ той же злобой смотрѣлъ на меня, придерживая мою руку своей рукой, какъ бы боясь, чтобъ я не ушелъ. Я увѣренъ, что въ эту минуту, онъ соображалъ и доискивался, изъ куда я могу знать это дѣло, почти никому неизвѣстное, и нѣтъ ли во всемъ этомъ какой-нибудь опасности? Такъ продолжалось съ минуту; но вдругъ лицо его быстро измѣнилось; прежнее насмѣшливое, пьяно-веселое выраженіе появилось снова въ его глазахъ. Онъ захохоталъ.

Ха, ха, ха! Талейранъ да и только! Ну чтожь, я дѣйствительно стоялъ передъ ней, какъ оплеванный, когда она брякнула мнѣ въ глаза, что я обокралъ ее! Какъ она визжала тогда, какъ ругалась! Бѣшеная была женщина п... безъ всякой выдержки. Но посудите сами: во первыхъ, я вовсе не обокралъ ее, какъ вы сейчасъ выразились. Она подарила мнѣ свои деньги сама и они уже были мои. Ну положимъ, вы мнѣ дарите вашъ лучший фракъ (говоря это, онъ взглянулъ на мой единственный и довольно-безобразный фракъ, шитый года три назадъ портнымъ Иваномъ Скорнягиннымъ), я вамъ благодаренъ, пошу его, вдругъ черезъ годъ вы поссорились со мной и требуете его назадъ, а я его ужъ износилъ. Это неблагородно; зачѣмъ же дарить? Во-вторыхъ, я, не смотря на то, что деньги были мои, непременно бы возвратилъ ихъ назадъ, но согласитесь сами: гдѣ же я вдругъ могъ собрать такую сумму? а главное, я терпѣть не могу насторелей и шиллеровщины, я ужъ вамъ говорилъ,—ну это-то и было всему причиною. Вы не повѣрите, какъ она рисовалась передо мною, крича, что дарить мнѣ (впрочемъ мои же) деньги. Злость взяла меня, и я вдругъ счумѣлъ разсудить совершенно правильно, потому что присутствіе духа никогда не оставляетъ меня: я разсудилъ, что отдавъ ей деньги, сдѣлаю ее можетъ быть даже несчастною. Я бы отнялъ у ней наслажденіе быть несчастной вполне *изъ-за меня* и проклинать меня за это всю свою жизнь. Повѣрьте, мой другъ, въ несчастія такого рода есть даже какое-то высшее упоеніе сознавать себя вполне правымъ и великодушнымъ и имѣть полное право назвать своего обидчика подлецомъ. Это упоеніе злости встрѣчается у шиллеровскихъ натуръ разумѣется;—можетъ быть потомъ ей было нечего ѣсть, но я увѣренъ, что она была счастлива. Я и не хотѣлъ лишить ее этого счастья и не отослалъ ей денегъ. Такимъ образомъ и оправдано вполне мое правило, что чѣмъ громче и крупнѣй человѣческое великодушіе, тѣмъ больше въ немъ самаго отвратительнаго эгоизма... Неужели вамъ это неясно? Но... вы хотѣли поддѣть меня, ха, ха, ха!... ну признайтесь, хотѣли поддѣть?... о Талейранъ!

— Прощайте! сказалъ я, вставая.

— Минутку! два заключительныхъ слова, вскричалъ онъ, измѣняя вдругъ свой гадкій тонъ на серьезный. Выслушайте мое послѣднее: изъ всего, что я сказалъ вамъ, слѣдуетъ ясно и ярко, (думаю что и вы сами это замѣтили), что я никогда и ни для кого не хочу упускать мою выгоду. Я люблю деньги, и мнѣ они надобны. У Катерины Ѳедоровны ихъ много; ея отецъ десять лѣтъ содержалъ винный откупъ. У ней три милліона, и эти три милліона мнѣ очень пригодятся. Алеша и Катя, — совершенная пара; оба дураки въ послѣдней степени; мнѣ того и надо. И потому я непременно желаю и хочу, чтобъ ихъ бракъ устроился и какъ можно скорѣе. Недѣли черезъ двѣ, черезъ три графиня и Катя ѣдутъ въ деревню. Алеша долженъ сопровождать ихъ. Предупредьте Наталью Николаевну: чтобъ не было насторелей, чтобъ не было шиллеровщины, чтобъ противъ меня не возставали. Я мстителенъ и золъ, я за свое постою. Ее я не боюсь: все безъ сомнѣнія будетъ по моему, и потому если предупреждаю теперь, то почти для нея же самой. Смотрите же, чтобъ не было глупостей и чтобъ вела она себя благоразумно. Не то ей будетъ плохо, очень плохо. Ужъ она за то только должна быть мнѣ благодарна, что я не поступилъ съ нею какъ слѣдуетъ, по законамъ. Знайте, мой поэтъ, что законы ограждаютъ семейное спокойствіе; они гарантируютъ отъ да въ повиновеніи сына и что тѣ, которые отвлекаютъ дѣтей отъ священныхъ обязанностей къ ихъ родителямъ, законами не поощряются. Сообразите, наконецъ, что у меня есть связь, что у ней никакихъ п... неужели вы не понимаете, что я бы могъ съ ней сдѣлать?.. но я не сдѣлалъ, потому что до сихъ поръ она вела себя благоразумно. Не беспокойтесь: каждую минуту, за каждымъ движеніемъ ихъ присматривали зоркіе глаза всѣ эти полгода, и я зналъ все до послѣдней мелочи. И потому я спокойно ждалъ, пока Алеша самъ ее броситъ, что ужъ и начинается; а покамѣстъ ему милое развлеченіе. Я же остался въ его понятіяхъ гуманнымъ отцомъ, а мнѣ надо, чтобъ онъ такъ обо мнѣ думалъ. Ха, ха, ха! Какъ вспомню я, что чуть не комплименты ей дѣлалъ, тогда вечеромъ, что она была такъ великодушна и безкорыстна, что не вышла за него замужъ; желалъ бы я знать какъ бы она вышла! Что же касается до моего тогдашняго къ ней пріѣзда, то все это было единственно для того, что ужъ пора было кончить ихъ связь. Но мнѣ надобно было увѣриться во всемъ своими глазами, своимъ собственнымъ опытомъ... Ну довольно ли съ васъ? или вы можетъ быть хотите узнать еще: для чего я завезъ васъ сюда, для чего я передъ вами такъ ломался и такъ спроста откровенничалъ, тогда какъ все это можно было высказать безъ всякихъ откровенностей,—да?

— Да. Я скрѣпился и жадно слушалъ. Мнѣ нечего было отвѣчать ему болѣе.

— Единственно потому, мой другъ, что въ васъ я замѣтилъ нѣсколько болѣе благоразумія и яснаго

взгляда на вещи, чѣмъ въ обоихъ нашихъ дурачкахъ. Вы могли и раньше знать кто я, предугадывать, составлять предположенія обо мнѣ, но я хотѣлъ васъ избавить отъ всего этого труда и рѣшился вамъ наглядно показать съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Дѣйствительное впечатлѣніе великая вещь. Поймите же меня, mon ami. Вы знаете съ кѣмъ имѣете дѣло, ее вы любите, и потому, я надѣюсь теперь, что вы употребите все свое вліяніе (а вы таки имѣете на нее вліяніе), чтобъ избавить ее отъ *нѣкоторыхъ* хлопотъ. Иначе,—будутъ хлопоты и увѣряю, увѣряю васъ, что не шуточные. Ну-съ, наконецъ третья причина моихъ съ вами откровенностей это... (да вѣдь вы угадали же, мой милый) да, мнѣ дѣйствительно хотѣлось поплевать немножко на все это дѣло, и поплевать именно въ вашихъ глазахъ...

— И вы достигли вашей цѣли, сказалъ я, дрожа отъ волненія. — Я согласенъ, что ничѣмъ вы не могли такъ выразить передо мной всей вашей злобы, и всего презрѣнія вашего ко мнѣ, и ко всѣмъ намъ, какъ этими откровенностями. Вы не только не опасались, что ваши откровенности мо-

гутъ васъ передо мной компрометировать, но даже и не стыдились меня... Вы дѣйствительно походили на того сумасшедшаго въ плащѣ. Вы меня за чловѣка не считали.

— Вы угадали, мой юный другъ, сказалъ онъ вставая: — вы все угадали: не даромъ же вы литераторъ. Надѣюсь, что мы разстанемся дружески. Брудершафтъ вѣдь не будемъ пить?

— Вы пьяны, и единственно потому я не отвѣчаю вамъ какъ бы слѣдовало...

— Опять фигура умолчанія, — не договорили какъ слѣдовало бы отвѣчать, ха-ха-ха! Заплатить за васъ вы мнѣ не позволяете?

— Не беспокойтесь, я самъ заплачу.

— Ну, ужъ безъ сомнѣнія. Вѣдь намъ не по дорогѣ?

— Я съ вами не поѣду.

— Прощайте, мой поэтъ. Надѣюсь, вы меня поняли...

Онъ вышелъ, шагая нѣсколько не твердо и не оборачиваясь ко мнѣ. Лакей усадилъ его въ коляску. Я пошелъ своею дорогою. Былъ третій часъ утра. Шелъ дождь, ночь была темная...

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Не стану описывать моего озлобленія. Не смотря на то, что можно было всего ожидать, я былъ пораженъ; точно онъ предсталъ передо мной во всемъ своемъ безобразіи совсѣмъ неожиданно. Впрочемъ, помню, ощущенія мои были смутны: какъ будто я былъ чѣмъ-то придавленъ, ушибенъ, и черная тоска все больше и больше сосала мнѣ сердце; я боялся за Наташу. Я предчувствовалъ ей много мукъ впереди и смутно заботился какъ бы ихъ обойти, какъ бы облегчить эти послѣднія минуты передъ окончательной развязкой всего дѣла. Въ развязкѣ же сомнѣнія не было никакого. Она приближалась и какъ было не угадать какова она будетъ!

Я и не замѣтилъ какъ дошелъ домой, хотя дождь мочилъ меня всю дорогу. Было уже часа три утра. Не успѣлъ я стукнуть въ дверь моей квартиры, какъ послышался стонъ, и дверь торопливо начала отпираться, какъ будто Нелли и не ложилась спать, а все время сторожила меня у самого порога. Свѣчка горѣла. Я взглянулъ въ лицо Нелли и испугался: оно все измѣнилось; глаза горѣли какъ въ горячкѣ, и смотрѣли какъ-то дико, точно она не узнавала меня. Съ ней былъ сильный жаръ.

— Нелли, что съ тобой, ты больна? спросилъ я, наклоняясь къ ней и обнявъ ее рукой.

Она трепетно прижалась ко мнѣ, какъ-будто боялась чего-то, что-то заговорила, скоро, порывисто, какъ-будто только и ждала меня, чтобы поскорѣй мнѣ это рассказать. Но слова ея были безсвязны и странны; я ничего не понялъ, она была въ бреду.

Я повелъ ее поскорѣй на постель. Но она все бросалась ко мнѣ и прижималась крѣпко, какъ-будто въ испугѣ, какъ-будто прося защитить себя отъ кого-то и когда уже легла въ постель, все

еще хваталась за мою руку и крѣпко держала ее, боясь, чтобы я опять не ушелъ. Я былъ до того потрясенъ и разстроенъ нервами, что глядя на нее, даже заплакалъ. Я самъ былъ боленъ. Увидя мои слезы, она долго и неподвижно вглядывалась въ меня съ усиленнымъ, напряженнымъ вниманіемъ, какъ-будто стараясь что-то осмыслить и сообразить. Видно было, что ей стоило это большихъ усилій. Наконецъ что-то похожее на мысль проявилось въ лицѣ ея; послѣ сильнаго припадка падучей болѣзни, она обыкновенно нѣкоторое время не могла соображать свои мысли и внятно произносить слова. Такъ было и теперь: сдѣлавъ надъ собой чрезвычайное усиліе, чтобы выговорить мнѣ что-то и догадавшись, что я не понимаю, она протянула свою рученку и начала отирать мои слезы, потомъ обхватила мою шею, нагнула меня къ себѣ и поцѣловала.

Было ясно: съ ней безъ меня былъ припадокъ и случился онъ именно въ то мгновеніе, когда она стояла у самой двери. Очнувшись отъ припадка, она вѣроятно долго не могла придти въ себя. Въ это время дѣйствительность смѣшивается съ бредомъ, и ей вѣрно вообразилось что нибудь ужасное, какіе-нибудь страхи. Въ тоже время она смутно сознавала, что я долженъ воротиться и буду стучаться у дверей, а потому, лежа у самого порога на полу, чутко ждала моего возвращенія и приподнялась на мой первый стукъ.

Но для чегожъ она какъ разъ очутилась у дверей? подумалъ я, и вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она была въ шубейкѣ (я только что купилъ ей у знакомой старухи-торговки, зашедшей ко мнѣ на квартиру и уступавшей мнѣ иногда свой товаръ въ долгъ); слѣдовательно она собиралась куда-то идти со двора и вѣроятно уже отпирала дверь, какъ вдругъ эпилепсія поразила ее. Кудажъ она хотѣла идти? ужъ не была ли она и тогда въ бреду?

Между тѣмъ жаръ не проходилъ и она скоро опять впала въ бредъ и безпамятство. Съ ней былъ уже два раза припадокъ на моей квартирѣ, но всегда оканчивался благополучно, а теперь она была точно въ горячкѣ. Посидѣвъ надъ ней съ полчаса, я примостилъ къ дивану стулья и легъ, какъ былъ одѣтый, блѣзъ нея, чтобы скорѣй проснуться, еслибъ она меня позвала. Свѣчки я не тушилъ. Много разъ еще я взглядывалъ на нее прежде чѣмъ самъ заснулъ. Она была блѣдна; губы запекшіяся отъ жару и окровавленные вѣроятно отъ паденія; съ лица не сходило выраженіе страха и какой-то мучительной тоски, которая казалась не покидала ее даже во снѣ. Я рѣшился на завтра какъ можно раньше сходить къ доктору, еслибъ ей стало хуже. Боялся я, чтобы не произошло настоящей горячки.

«Это ее князь напугалъ!» подумалъ я съ содроганіемъ, и вспомнилъ рассказъ сего о женщинѣ, бросившей ему въ лицо свои деньги.

ГЛАВА II.

Прошло двѣ недѣли; Нелли выздоравливала. Горячки съ ней не было, но была она сильно больна. Она встала съ постели уже въ концѣ апрѣля, въ свѣтлый, ясный день. Была страстная недѣля.

Бѣдное созданіе! Я не могу продолжать моего рассказа въ прежнемъ порядкѣ. Много прошло уже времени до теперешней минуты, когда я записываю все это прошлое, но до сихъ поръ, съ такой тяжелой, пронзительной тоской вспоминается мнѣ это блѣдное, худенькое личико, эти пронзительные долгіе взгляды ея черныхъ глазъ, когда бывало мы оставались вдвоемъ и она смотритъ на меня съ своей постели, смотреть, долго смотреть, какъ бы вызывая меня угадать, что у ней на умѣ; но вида, что я не угадываю и все въ прежнемъ недоумѣніи, тихо и какъ-будто про себя улыбнется и вдругъ ласково протянетъ мнѣ свою горячую ручку съ худенькими, высохшими пальчиками. Теперь все прошло, ужъ все извѣстно, а до сихъ поръ я не знаю всей тайны этого больного, измученнаго и оскорбленнаго маленькаго сердца.

Я чувствую, что я отвлекусь отъ рассказа, но въ эту минуту мнѣ хочется думать объ одной только Нелли. Странно: теперь, когда я лежу на больничной койкѣ одинъ, оставленный всѣмъ, кого я такъ много и сильно любилъ,—теперь иногда одна такая нибудь мелкая черта изъ того времени, тогда часто для меня непримѣтная и скоро забываемая, вдругъ приходя на память, внезапно получаетъ въ моемъ умѣ совершенно другое значеніе, цѣльное и объясняющее мнѣ теперь то, чего я даже до сихъ поръ не умѣлъ понять.

Первые четыре дня ея болѣзни мы, я и докторъ, ужасно за нее боялись, но на пятый день докторъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ,

что бояться нечего, и она непременно выздоровѣетъ. Это былъ тотъ самый докторъ, давно знакомый мнѣ старый холостякъ, добрякъ и чудакъ, котораго я призывалъ еще въ первую болѣзнь Нелли и который такъ поразилъ ее своимъ станиславомъ на шеѣ, чрезвычайныхъ размѣровъ.

— Стало быть совсѣмъ нечего бояться! сказалъ я, обрадовавшись.

— Да; она теперь выздоровѣетъ, но потомъ она всема скоро умретъ.

— Какъ умретъ! да почему же! вскричалъ я, ошеломленный такимъ приговоромъ.

— Да; она непременно всема скоро умретъ. У пациентки органической пороки въ сердцѣ, и при малѣйшихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, она сляжетъ снова. Можетъ быть снова выздоровѣетъ, но потомъ опять сляжетъ снова и наконецъ умретъ.

— И неужели жъ нельзя никакъ спасти ее? Нѣтъ, этого быть не можетъ!

— Но это должно быть. И однако при удаленіи неблагоприятныхъ обстоятельствъ, при спокойной и тихой жизни, когда будетъ болѣе удовольствій, пациентка еще можетъ быть отдалена отъ смерти, и даже бываютъ случаи... неожиданные... ненормальные и странные... однимъ словомъ пациентка даже можетъ быть спасена, при совокупленіи многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, но радикально спасена—никогда.

— Но, Боже мой, что же теперь дѣлать?

— Слѣдовать совѣтамъ, вести покойную жизнь и исправно принимать порошки. Я замѣтилъ, что эта дѣвица капризна, неровнаго характера и даже насмѣшлива; она очень не любитъ исправно принимать порошки и вотъ сейчасъ рѣшительно отказалась.

— Да, докторъ. Она дѣйствительно страшная, но я все приписываю болѣзненному раздраженію. Вчера она была очень послушна; сегодня же, когда я ей подносилъ лекарства, она пихнула ложку какъ будто нечаянно, и все пролилось. Когда же я хотѣлъ развести новый порошокъ, она вырвала у меня всю коробку и ударила ее объ полъ, а потомъ залилась слезами... Только кажется не оттого, что ее заставляли принимать порошки, прибавилъ я подумавъ.

— Гм! irritація. Прежнія большія несчастія (я подробно и откровенно рассказалъ доктору многое изъ исторіи Нелли, и рассказъ мой очень поразилъ его), все это въ связи, и вотъ отъ этого и болѣзнь. Покаместъ единственное средство—принимать порошки, и она должна принять порошокъ. Я пойду и еще разъ постараюсь внушить ей ея обязанность слушаться медицинскихъ совѣтовъ и... то есть говоря вообще... принимать порошки.

Мы оба вышли изъ кухни (въ которой и происходило наше свиданіе), и докторъ снова приблизился къ постели больной. Но Нелли кажется насъ слышала: по крайней мѣрѣ она приподняла голову съ подушекъ и обративъ въ нашу сторону ухо,

все время чутко прислушивалась. Я замѣтилъ это въ щель полуотворенной двери; когда же мы пошли къ ней, плутовка юркнула вновь подъ одѣяло и поглядывала на насъ съ насмѣшливой улыбкой. Бѣдняжка очень похудѣла въ эти четыре дня болѣзни: глаза ввалились, жаръ все еще не проходилъ. Тѣмъ страннѣе шелъ къ ея лицу шаловливый видъ и задорные блестящіе взгляды, очень удивлявшіе доктора, самаго добрѣйшаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ людей въ Петербургѣ.

Онъ серьезно, но стараясь какъ можно смягчить свой голосъ, ласковымъ и нѣжнѣйшимъ тономъ изложилъ необходимость и спасительность порошковъ а слѣдственно и обязанность каждаго больного принимать ихъ. Нелли приподняла было голову, но вдругъ, повидимому совершенно нечаяннымъ движеніемъ руки, задѣла ложку, и все лекарство пролилось опять на полъ. Я увѣренъ, она это сдѣлала нарочно.

— Это очень непріятная неосторожность, спокойно сказалъ старичекъ, и я подозреваю, что вы сдѣлали это нарочно, что очень непохвально. Но... можно все исправить и еще развести порошокъ.

Нелли засмѣялась ему прямо въ глаза.

Докторъ методически покачалъ головою.

— Это очень не хорошо, сказалъ онъ, разводя новый порошокъ:—очень, очень непохвально.

— Не сердитесь на меня, отвѣчала Нелли, тщетно стараясь не засмѣяться снова:—я непременно приму... А любите вы меня?

— Если вы будете вести себя похвально, то очень буду любить.

— Очень?

— Очень.

— А теперь не любите?

— И теперь люблю.

— А поцѣлуете меня, если я захочу васъ поцѣловать?

— Да, если вы будете того заслуживать.

Тутъ Нелли опять не могла вытерпѣть и снова засмѣялась.

— У пациентки веселый характеръ, но теперь—это нервы и капризъ, прошепталъ мнѣ докторъ съ самымъ серьезнымъ видомъ.

— Ну хорошо, я выпью порошокъ, вскрикнула вдругъ своимъ слабымъ голосомъ Нелли:—но когда я вырасту и буду большая, вы возьмете меня за себя замужъ?

Вѣроятно выдумка этой новой шалости очень ей понравилась; глаза ея такъ и горѣли, а губки такъ и подергивало смѣхомъ, въ ожиданіи отвѣта нѣсколько изумленного доктора.

— Ну да, отвѣчалъ онъ, улыбаясь невольно этому повому капризу:—ну да, если вы будете добрая и благовоспитанная дѣвица, будете послушны и будете...

— Принимать порошки? подхватила Нелли.

— Ого! ну да, принимать порошки. Добрая дѣвица, шепнулъ онъ мнѣ снова:—въ ней много,

много... добраго и умнаго, но однакожъ... замужъ.. какой странный капризъ...

И онъ снова поднесъ ей лекарство. Но въ этотъ разъ, она даже и не схитрила, а просто снизу вверхъ подтолкнула рукой ложку, и все лекарство выплеснулось прямо на манишку и на лицо бѣдному старичку. Нелли громко засмѣялась, но не прежнимъ простодушнымъ и веселымъ смѣхомъ. Въ лицѣ ея промелькнуло что-то жестокое, злое. Во все это время, она какъ будто избѣгала моего взгляда, смотрѣла на одного доктора и съ насмѣшкою, сквозя которую проглядывало однакоже безпокойство, ждала что-то будетъ теперь дѣлать «смѣшной» старичекъ.

— О! вы опять... Какое несчастіе! Но... можно еще развести порошокъ, проговорилъ старикъ, отирая платкомъ лицо и манишку.

Это ужасно поразило Нелли. Она ждала нашего гнѣва, думала, что ее начнутъ бранить, упрекать и можетъ быть ей, безсознательно, того только и хотѣлось въ эту минуту, — чтобъ имѣть предлогъ тотчасъ же заплакать, зарыдать какъ въ истерику, разбросать опять порошки какъ давеча и даже разбить чтонибудь съ досады, и всѣмъ этимъ утолить свое капризное, наболѣвшее сердечко. Такіе капризы бывають и у не однихъ больныхъ, и не у одной Нелли. Какъ часто бывало я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ безсознательнымъ желаніемъ, чтобъ поскорѣй меня кто-нибудь обидѣлъ, или сказалъ слово, которое бы можно было принять за обиду, и поскорѣй сорвать на чемъ-нибудь сердце. Женщины же, «срываая» такимъ образомъ сердце, начинаютъ плакать самыми искренними слезами, а самыя чувствительныя изъ нихъ даже доходятъ до истерики. Дѣло очень простое и самое житейское и бывающее чаще всего, когда есть другая, часто никому неизвѣстная печаль въ сердцѣ, и которую хотѣлось бы, да нельзя никому высказать.

Но вдругъ, пораженная ангельской добротою обиженного ею старичка и терпѣніемъ, съ которымъ онъ снова разводилъ ей третій порошокъ, не сказавъ ей ни одного слова упрека, Нелли вдругъ притихла. Насмѣшка слетѣла съ ея губокъ, краска ударила ей въ лицо, глаза повлажнѣли: она мелькомъ взглянула на меня, и тотчасъ же отворотилась. Докторъ поднесъ ей лекарство. Она смиренно и робко выпила его, схвативъ красную, пухлую руку старика и медленно поглядѣла ему въ глаза.

— Вы... сердитесь... что я злая, сказала было она, но недокончила, юркнула подъ одѣяло, накрылась съ головой и громко, истерически зарыдала.

— О, дитя мое, не плачьте... Это ничего... Это нервы; выпейте воды.

Но Нелли не слушала.

— Утѣштесь... не разстраивайте себя, продолжалъ онъ, чуть самъ не хныча надъ нею, потому, что былъ очень чувствительный человекъ: — я васъ прощаю и замужъ возьму, если вы, при хо- рошемъ поведеніи честной дѣвицы, будете...

— Принимать порошки! послышалось изъ подъ одѣяла съ тоненькимъ какъ колокольчикъ нервическимъ смѣхомъ, прерываемымъ рыданіями—очень мнѣ знакомымъ смѣхомъ.

— Доброе, признательное дитя, сказалъ докторъ торжественно и чуть не со слезами на глазахъ.— Вѣдная дѣвица!

И съ этихъ поръ между нимъ и Нелли началась какая то странная, удивительная симпатія. Со мной же напротивъ, Нелли становилась все угрюмѣе, нервичѣе и раздражительнѣе. Я не зналъ, чему это приписать и дивился на нее, тѣмъ болѣе, что эта переменъ произошла въ ней какъ-то вдругъ. Въ первые дни болѣзни она была со мной чрезвычайно пѣжна и ласкова; казалось, не могла наглядѣться на меня, не отпускала отъ себя, схватывала мою руку своею горячею рукой и садила меня возлѣ себя и если замѣчала, что я угрюмъ и встревоженъ, старалась развеселить меня, шутила, играла со мной и улыбалась мнѣ, видимо подавляя свои собственные страданія. Она не хотѣла, чтобы я работалъ по ночамъ или сидѣлъ, сторожилъ ее, и печалилась, видя, что я ее не слушаюсь. Иногда я замѣчалъ въ ней озобоченный видъ; она начинала разсиранивать и выпытывать отъ меня, почему я печалюсь, что у меня на умѣ; но, странно, когда доходило до Наташи, она тотчасъ же умолкала или начинала заговаривать о другомъ. Она какъ-будто избѣгала говорить о Наташѣ, и это поразило меня. Когда же я приходилъ, она радовалась. Когда же я брался за шляпу, она смотрѣла уныло, и какъ-то странно, какъ-будто съ упрекомъ провожала меня глазами.

На четвертый день ея болѣзни, я весь вечеръ и даже далеко за полночь просидѣлъ у Наташи. Намъ было тогда о чемъ говорить. Уходя же изъ дому я сказалъ моей больной, что ворочусь очень скоро, на что и самъ разсчитывалъ. Оставшись у Наташи почти нечаянно, я былъ спокоенъ на счетъ Нелли: она оставалась не одна. Съ ней сидѣла Александра Семеновна, узнавая отъ Маслобоева, зашедшаго ко мнѣ на минуту, что Нелли больна и я въ большихъ хлопотахъ и одинъ-одинехонекъ. Боже мой, какъ захлопотала добренькая Александра Семеновна:

— Такъ стало быть онъ и обѣдать къ намъ теперь не придетъ!.. Ахъ, Боже мой! и одинъ-то онъ бѣдный, одинъ. Ну, такъ покажемъ же мы теперь ему наше радушіе. Вотъ случай выдался, такъ и не надо его упускать.

Тотчасъ же она явилась у насъ, привезя съ собой, на извозчикѣ цѣлый узелъ. Объяснивъ съ перваго слова, что теперь и не уйдетъ отъ меня, и пріѣхала, чтобы помогать мнѣ въ хлопотахъ, она развязала узелъ. Въ немъ были сиропы, варенья для больной, цыпляты и курица въ случаѣ, если больная начнетъ выздоравливать, яблоки для печеня, апельсинны, кіевскія сухія варенья (на случай если докторъ позволитъ), наконецъ бѣлье, про-

стыни, салфетки, женскія рубашки, бинты, конпрессы,—точно на цѣлый лазаретъ.

— Все-то у насъ есть, говорила она мнѣ, скоро и хлопотливо выговаривая каждое слово, какъ будто куда-то торопясь:— ну а вотъ ы живете по холостому. У васъ вѣдь этого всего мало. Такъ ужъ позвольте мнѣ... и Филиппъ Филиппычъ такъ приказалъ. Ну, что же теперь... поскорѣй, поскорѣй! что же теперь надо дѣлать? Что она? въ памяти? Ахъ, такъ ей не хорошо лежать, надо поправить подушку, чтобы ниже лежала голова, да знаете ли... не лучше ли кожаную подушку? Отъ кожаной-то холодитъ. Ахъ, какая я дура! и на умъ не пришло привезти. Я поѣду за ней... Не нужно ли огонь развести? Я свою старуху вамъ пришло. У меня есть знакомая старуха. У васъ вѣдь никого нѣтъ изъ женской прислуги... Ну, что же теперь дѣлать? Это что? трава... докторъ прописалъ? Вѣрно для груднаго чаю? Сейчас поѣду разведу огонь.

Но я ее успокоилъ, и она очень удивилась и даже опечалилась, что дѣла-то оказывается вовсе не такъ много. Это впрочемъ не обезкуражило ее совершенно. Она тотчасъ же подружилась съ Нелли и много помогала мнѣ во все время ея болѣзни; навѣщала насъ почти каждый день, и всегда бывало пріѣдетъ съ такимъ вѣдомъ, какъ будто что нибудь пропало или куда-то уѣхало, и надо поскорѣе ловить. Она всегда прибавляла, что такъ и Филиппъ Филиппычъ приказалъ. Нелли она очень понравилась. Онѣ полюбили одна другую какъ двѣ сестры, и я думаю, что Александра Семеновна во многомъ была такой же точно ребенокъ какъ и Нелли. Она разсказывала ей разныя исторіи, смѣшила ее и Нелли потомъ часто скучала, когда Александра Семеновна уѣзжала домой. Первое же ея появленіе у насъ удивило мою больную, но она тотчасъ же догадалась зачѣмъ пріѣхала гезванная гостья и по обыкновенію своему даже нахмурилась, сдѣлалась молчалива и не любезна.

— Она зачѣмъ къ намъ пріѣзжала? спросила Нелли, какъ будто съ недовольнымъ вѣдомъ, когда Александра Семеновна уѣхала.

— Помочь тебѣ Нелли и ходить за тобой.

— Да чтожъ?... За что же? Вѣдь я ей ничего такого не сдѣлала.

— Добрые люди и не ждутъ, чтобы имъ прежде дѣлали, Нелли. Они и безъ этого любятъ помогать тѣмъ, кто нуждается. Полно, Нелли; на свѣтѣ, очень много добрыхъ людей. Только твой-то бѣда что ты ихъ не встрѣчала и не встрѣтила, когда было надо.

Нелли замолчала; я отошелъ отъ нея. Но четверть часа спустя, она сама подозвала меня къ себѣ слабымъ голосомъ, попросила было пить, и вдругъ крѣпко обняла меня, припала къ моей груди и долго не выпускала меня изъ своихъ рукъ. На другой день, когда пріѣхала Александра Семеновна, она встрѣтила ее съ радостной улыбкой, но какъ будто все еще стыдась ее отчего-то.

ГЛАВА III.

Вотъ въ этотъ-то день я и былъ у Наташи весь вечеръ. Я пришелъ уже поздно. Нелли спала. Александръ Семеновиѣ тоже хотѣлось спать, но она все сидѣла надъ больною и ждала меня. Тотчасъ же торопливымъ шопотомъ начала она мнѣ рассказывать, что Нелли сначала была очень весела, даже много смѣялась, но потомъ стала скучна и видя, что я не прихожу, замолчала и задумалась. Потомъ стала жаловаться, что у ней голова болитъ, заплакала и такъ рыдалась, что ужъ я и не знала, что съ нею дѣлать, прибавля Александра Семеновна. — «Заговорила было со мной о Натальѣ Николаевнѣ, но я ей ничего не могла сказать; она и перестала спрашивать и все потомъ плакала, такъ и уснула въ слезахъ. Ну, прощайте же Иванъ Петровиѣ; ей все-таки легче, какъ я замѣтила, а мнѣ надо домой, такъ и Филиппъ Филипповиѣ приказалъ. Ужъ я признаюсь вамъ, вѣдь онъ меня этотъ разъ только на два часа отпустилъ, а я ужъ сама осталась. Да что, ничего, не безпокойтесь обо мнѣ; не смѣйте онъ сердиться... Только вотъ развѣ... Ахъ Боже мой, голубчикъ, Иванъ Петровиѣ, что мнѣ дѣлать: все-то онъ теперь домой хмѣльной приходитъ! Занятъ онъ чѣмъ-то очень, со мной не говоритъ, тоскуетъ, дѣло у него важное на умѣ; я ужъ это вижу; а вечеромъ все-таки пьянъ... Подумаю только: воротился онъ теперь домой, кто-то его тамъ уложить? ну! ѣду, ѣду, прощайте. Прощайте, Иванъ Петровиѣ. Книжки я у васъ тутъ смотрѣла: сколько книгъ-то у васъ, и все должно быть умныя; а я-то дура, ничего-то я никогда не читала... Ну, до завтра...»

Но на завтра же, Нелли проснулась грустная и угрюмая, нехотя отвѣчала мнѣ. Сама же ничего со мной не заговаривала, точно сердилась на меня. Я замѣтилъ только нѣсколько взглядовъ ея, брошенных на меня вскользь, какъ бы украдкой; въ этихъ взглядахъ было много какой-то затаенной сердечной боли, но все-таки въ нихъ проглядывала нѣжность, которой не было, когда она прямо глядѣла на меня. Въ этотъ-то день и происходила сцена при приѣмѣ лекарства съ докторомъ; я не зналъ, что подумать.

Но Нелли переѣвилась ко мнѣ окончательно. Ея странности, капризы, иногда чуть не ненависть ко мнѣ, все это продолжалось вплоть до самаго того дня, когда она перестала жить со мной, вплоть до самой той катастрофы, которая развязала весь нашъ романъ. Но объ этомъ послѣ.

Случалось иногда впрочемъ, что она вдругъ становилась на какой-нибудь часъ ко мнѣ по прежнему ласкова. Ласки ея, казалось, удвоялись въ эти мгновенія; чаще всего въ эти же минуты она горько плакала. Но часы эти проходили скоро, и она впадала опять въ прежнюю тоску и опять враждебно смотрѣла на меня, или капризилась, какъ при докторѣ, или вдругъ, замѣтивъ, что мнѣ непріятна

какая нибудь ея новая шалость, начинала хохотать и всегда почти кончала слезами.

Она поссорилась даже разъ съ Александрой Семеновной, сказала ей, что ничего не хочетъ отъ нея. Когда же я сталъ пенять ей, при Александрѣ же Семеновнѣ, она разгорячилась, отвѣчала съ какой-то порывчатою, накопившейся злобой, но вдругъ замолчала и ровно два дня ни одного слова не говорила со мной, не хотѣла принять ни одного лекарства, даже не хотѣла пить и ѣсть, и только старичекъ-докторъ сумѣлъ уговорить и усовестить ее.

Я сказалъ уже, что между докторомъ и ею, съ самаго дня приѣма лекарства, началась какая-то удивительная симпатія. Нелли очень полюбила его, и всегда встрѣчала его съ веселой улыбкой, какъ бы ни была грустна передъ его приходомъ. Съ своей стороны старичекъ началъ ѣздить къ намъ каждый день, а иногда и по два раза въ день, даже и тогда, когда Нелли стала ходить и уже совсемъ выздоравливала, и, казалось, она заворочала его такъ, что онъ не могъ прожить дня, не слышавъ ея смѣху и шутокъ надъ нимъ, нерѣдко очень забавныхъ. Онъ сталъ возить ей книжки съ картинками, все назидательнаго свойства. Одну онъ нарочно купилъ для нее. Потомъ сталъ возить ей сласти, конфектъ въ хорошихъ коробочкахъ. Въ такіе разы онъ входилъ обыкновенно съ торжественнымъ видомъ, какъ будто былъ империальникъ, и Нелли тотчасъ же догадывалась, что онъ пріѣхалъ съ подаркомъ. Но подарка онъ не показывалъ, а только хитро смѣялся, усаживался подлѣ Нелли, намекалъ, что если одна молодая дѣвица умѣла вести себя хорошо и заслужить въ его отсутствіе уваженіе, то такая молодая дѣвица достойна хорошей награды. При этомъ онъ такъ простодушно и добродушно на нее поглядывалъ, что Нелли хоть и смѣялась надъ нимъ самымъ откровеннымъ смѣхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренняя ласкающая привязанность просвѣчивалась въ эту минуту въ ея прояснившихся глазкахъ. Наконецъ старикъ торжественно подымался со стула, вынималъ коробочку съ конфектами и вручалъ ее Нелли, непременно прибавляя: «Моей будущей и любезной супругѣ». Въ эту минуту онъ самъ былъ навѣрно счастливѣе Нелли.

Послѣ этого начинались разговоры, и каждый разъ онъ серьезно и убѣдительно уговаривалъ ее беречь здоровье и давалъ ей убѣдительные медицинскіе совѣты.

— Болѣе всего надо беречь свое здоровье, говорилъ онъ догматическимъ тономъ:—и во-первыхъ и главное, для того, чтобъ остаться въ живыхъ, а во-вторыхъ—чтобы всегда быть здоровымъ, и такимъ образомъ достигнуть счастья въ жизни. Если вы имѣете, мое милое дитя, какія нибудь горести, то забывайте ихъ или лучше всего, старайтесь о нихъ не думать. Если же не имѣете никакихъ горестей, то... также о нихъ не думайте, а старай-

тесъ думать объ удовольствіяхъ... о чемъ нибудъ веселомъ, игривомъ...

— А объ чемъ же это веселомъ игривомъ думать? спрашивала Нелли.

Докторъ немедленно становился въ тупикъ.

— Ну, тамъ объ какой нибудъ невинной игрѣ, приличной нашему возрасту; или тамъ... ну, что нибудъ этакое...

— Я не хочу играть; я не люблю играть, говорила Нелли. А вотъ я люблю лучше новыя платья.

— Новыя платья! гм. Ну, это уже не такъ хорошо. Надо во всемъ удовольствоваться скромною долей въ жизни. А впрочемъ... пожалуй... можно любить и новыя платья.

— А вы много мнѣ сошьете платьевъ, когда я за васъ замужъ выйду?

— Какая идея! говорилъ докторъ, и ужъ невольно хмурился. Нелли плутовски улыбалась и даже разъ, забывшись, съ улыбкою взглянула и на меня. — А впрочемъ... я вамъ сошью платье, если вы его заслужите своимъ поведеніемъ, продолжалъ докторъ.

— А порошокъ пужно будетъ каждый день принимать, когда я за васъ замужъ выйду?

— Ну, тогда можно будетъ и не всегда принимать порошокъ, и докторъ начиналъ улыбаться.

Нелли прерывала разговоръ смѣхомъ. Старичекъ смѣялся вслѣдъ за ней и съ любовью слѣдилъ за ея веселостію.

— Игривый умъ! говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Но все еще видѣнъ капризъ и нѣкоторая прихотливость и раздражительность.

Онъ былъ правъ. Я рѣшительно не знала, что дѣлалось съ нею. Она какъ будто совсѣмъ не хотѣла говорить со мной, точно я передъ ней въ чемъ нибудъ провинилась. Мнѣ это было очень горько. Я даже самъ нахмурился и однажды цѣлый день не заговаривалъ съ нею, но на другой день мнѣ стало стыдно. Часто она плакала, и я рѣшительно не зналъ чѣмъ ее утѣшить. Впрочемъ она однажды прервала со мной свое молчаніе.

Разъ я воротился домой передъ сумерками и увидѣлъ, что Нелли быстро спрятала подъ подушку книгу. Это былъ мой романъ, который она взяла со стола и читала въ мое отсутствіе. Къ чему же было его прятать отъ меня? точно она стыдится, подумалъ я, но не показалъ виду, что замѣтилъ что-нибудъ. Четверть часа спустя, когда я вышелъ на минутку въ кухню, она быстро вскочила съ постели и положила романъ на прежнее мѣсто: воротясь, я увидалъ уже его на столѣ. Черезъ минуту она позвала меня къ себѣ; въ голосѣ ея отзывалось какое-то волненіе. Уже четыре дня какъ она почти не говорила со мной.

— Вы... сегодня... пойдете къ Натанъ? спросила она меня прерывающимъ голосомъ.

— Да, Нелли; мнѣ очень нужно ее видѣть сегодня.

Нелли замолчала.

— Вы... очень ее любите? спросила она опять слабымъ голосомъ.

— Да, Нелли, очень люблю.

— И я ее люблю, прибавила она тихо. За тѣмъ опять наступило молчаніе.

— Я хочу къ ней и съ ней буду жить, начала опять Нелли, робко взглянувъ на меня.

— Это нельзя, Нелли, отвѣчалъ я, нѣсколько удивленный — Развѣ тебѣ дурно у меня?

— Почему жъ нельзя? и она вспыхнула: — вѣдь уговариваете же вы меня, чтобы я пошла жить къ ея отцу; а я не хочу идти. У ней есть служанка?

— Есть.

— Ну, такъ пусть она отошлетъ свою служанку, а я ей буду служить. Все буду ей дѣлать и ничего съ нее не возьму; я любить ее буду и кушанье буду варить. Вы такъ и скажите ей сегодня.

— Но къ чему же, что за фантазія, Нелли? и какъ же ты о ней судишь: неужели ты думаешь, что она согласится взять тебя вмѣсто кухарки? Ужъ если возьметъ она тебя, то какъ свою ровную, какъ младшую сестру свою.

— Нѣтъ, я не хочу какъ ровная. Такъ я не хочу...

— Почему же?

Нелли молчала. Губки ея подергивало: ей хотѣлось плакать.

— Вѣдь тотъ, котораго она теперь любитъ, уйдетъ отъ нея и ее одну броситъ? спросила она наконецъ.

Я удивился.

— Да почему ты это знаешь, Нелли?

— Вы и сами говорили мнѣ все, и третьяго дня, когда мужъ Александры Семеновны приходилъ утромъ, я его спрашивала: онъ мнѣ все и сказалъ.

— Да развѣ Маслобоевъ приходилъ утромъ?

— Приходилъ, отвѣчала она, потупивъ глазки.

— А зачѣмъ же ты мнѣ не сказала, что онъ приходилъ?

— Такъ...

Я подумалъ съ минуту. Богъ знаетъ зачѣмъ этотъ Маслобоевъ шляется, съ своею таинственностію. Что за сношенія завелъ? Надо бы его увидать.

— Ну, такъ чтожъ тебѣ Нелли, если онъ ее броситъ?

— Вѣдь вы ее любите же очень, отвѣчала Нелли, не поднимая на меня глазъ. — А коли любите, стало-бытъ замужъ ее возьмете, когда тотъ уйдетъ.

— Нѣтъ, Нелли, она меня не любитъ, такъ какъ я ее люблю, да и я... Нѣтъ, не будетъ этого, Нелли.

— А я бы вамъ обоимъ служила какъ служанка ваша, а вы бы жили и радовались, проговорила она чуть не шопотомъ, не смотря на меня.

«Что съ ней, что съ ней!» подумалъ я, и вся душа перевернулась во мнѣ. Нелли замолчала, и болѣе во весь вечеръ не сказала ни слова. Когда же я ушелъ, она заплакала, плакала весь вечеръ, какъ донесла мнѣ Александра Семеновна, и такъ и уснула въ слезахъ. Даже ночью, во снѣ, она плакала и что то ночью говорила въ бреду.

Но съ этого дня, она сдѣлалась еще угрюмѣе и

молчаливѣе и совѣмъ ужь не говорила со мной. Правда, я замѣтилъ два-три взгляда ея, брошенные на меня украдкой, и въ этихъ взглядахъ было столько нѣжности! Но это проходило вмѣстѣ съ мгновеніемъ, вызвавшимъ эту пріятную нѣжность и какъ бы въ отпоръ этому вызову, Нелли, чуть не съ каждымъ часомъ, дѣлалась все мрачнѣе, даже съ докторомъ, удивлявшимся перемѣнѣ ея характера. Между тѣмъ она уже совѣмъ почти выздоровѣла, и докторъ позволилъ ей наконецъ погулять на свѣжемъ воздухѣ, но только очень немного. Погода стояла свѣтлая, теплая. Была страстная недѣля, приходившаяся въ этотъ разъ очень поздно; я вышелъ поутру; мнѣ надо было непременно быть у Наташи, но я положилъ раньше воротиться домой, чтобъ взять Нелли и идти съ нею гулять; дома же, покамѣстъ оставилъ ее одну.

Но не могу выразить, какой ударъ ожидалъ меня дома. Я спѣшилъ домой. Прихожу и вижу, что ключъ торчитъ снаружи у двери. Вхожу: никого нѣтъ. Я обмеръ. Смотрю: на столѣ бумажка и на ней написано карандашомъ, крупнымъ, неровнымъ почеркомъ:

«Я ушла отъ васъ и больше къ вамъ никогда не приду. Но я васъ очень люблю.

Ваша вѣрная

Нелли»

Я вскрикнулъ отъ ужаса и бросился вонъ изъ квартиры.

ГЛАВА IV.

Я еще не успѣлъ выбѣжать на улицу, не успѣлъ сообразить, что и какъ теперь дѣлать, какъ вдругъ увидѣлъ, что у нашихъ воротъ останавливаются дрожки и съ дрожекъ сходитъ Александра Семеновна, ведя за руку Нелли. Она крѣпко держала ее, точно боялась, чтобъ она не убѣжала другой разъ. Я такъ и бросился къ нимъ.

— Нелли, что съ тобой! закричалъ я:—куда ты уходила, зачѣмъ?

— Пойдите, не торопитесь; пойдемте-ка поскорѣе къ вамъ, тамъ все и узнаете, зашебетала Александра Семеновна:— какія вещи-то я вамъ расскажу, Иванъ Петровичъ, шептала она наскоро дорогою. Дивиться только надо... Вотъ, пойдемте, сейчасъ узнаете.

На лицѣ ея было написано, что у ней были чрезвычайно важныя новости.

— Ступай, Нелли, ступай, прилягъ немножко, сказала она, когда мы вошли въ комнату:— вѣдь ты устала; шутка ли сколько обѣдала; а послѣ болѣзни-то тяжело; прилягъ, голубчикъ, прилягъ. А мы съ вами уйдемте-ка пока отсюда, не будемъ ей мѣшать, пусть уснетъ. И она мигнула мнѣ, чтобъ я вышелъ съ ней въ кухню.

Но Нелли не прилегла, она сѣла на диванъ и закрыла обѣими руками лицо.

Мы вышли и Александра Семеновна наскоро раз-

сказала мнѣ въ чемъ дѣло. Потомъ я узналъ еще болѣе подробностей. Вотъ какъ это все было:

Уйдя отъ меня, часа за два до моего возвращенія, и оставивъ мнѣ записку, Нелли побѣжала сперва къ старичку-доктору. Адресъ его она успѣла вывѣдать еще прежде. Докторъ рассказывалъ мнѣ, что онъ такъ и обмеръ, когда увидѣлъ у себя Нелли и все время, пока она была у него, «не вѣрилъ глазамъ своимъ». Я и теперь не вѣрю, прибавилъ онъ, въ заключеніе своего рассказа и никогда этому не повѣрю. И однакожъ Нелли дѣйствительно была у него. Онъ сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ, въ креслахъ, въ шлафрокѣ и за кофеемъ, когда она вбѣжала и бросилась къ нему на шею, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Она плакала, обнимала и цѣловала его, цѣловала ему руки и убѣдительно, хотя и безсвязно, просила его, чтобъ онъ взялъ ее жить къ себѣ; говорила, что не хочетъ и не можетъ болѣе жить со мной, потому и ушла отъ меня; что ей тяжело; что она уже не будетъ болѣе смѣяться надъ нимъ и говорить объ новыхъ платьяхъ, и будетъ вести себя хорошо, будетъ учиться, выучится «машишки ему стирать и гладить» (вѣроятно, она сообразила всю свою рѣчь дорогою, а можетъ быть и раньше) и что наконецъ будетъ послушна и хотъ каждый день будетъ принимать какіе угодно порошки. А что если она говорила тогда, что замужъ хотѣла за него выйти, такъ вѣдь это она шутила, что она и не думаетъ объ этомъ. Старый нѣмецъ былъ такъ ошеломленъ, что сидѣлъ все время, разинувъ ротъ, поднявъ свою руку, въ которой держалъ сигару, и забывъ о сигарѣ, такъ что она и потухла.

— Мадмуазель, проговорилъ онъ наконецъ, получивъ кое-какъ употребленіе языка:—мадмуазель, сколько я васъ понимаю, вы просите, чтобъ я вамъ далъ мѣсто у себя. Но это—невозможно! Вы видите, я очень стѣсненъ и не имѣю значительнаго дохода... И наконецъ, такъ прямо, не подумавъ... Это ужасно! И наконецъ вы, сколько я вижу, бѣжали изъ своего дома. Это очень непохвально и невозможно... И наконецъ, я вамъ позволилъ только немного гулять, въ ясный день, подъ надзоромъ вашего благодѣтеля, а вы бросаете своего благодѣтеля и бѣжите ко мнѣ, тогда какъ вы должны беречь себя и... и... принимать лекарство. И наконецъ.... наконецъ я ничего не понимаю....

Нелли не дала ему договорить. Она снова начала плакать, снова упрямивать его, но ничего не помогло. Старичекъ все болѣе и болѣе впалъ въ изумленіе и все болѣе и болѣе ничего не понималъ. Наконецъ Нелли бросила его, вскрикнула: «Ахъ, Боже мой!» и выбѣжала изъ комнаты. Я былъ боленъ весь этотъ день, прибавилъ докторъ, заключая свой рассказъ:— и на ночь принималъ декоктъ...

А Нелли бросилась къ Маслобоевымъ. Она запаслась и ихъ адресомъ и отыскала ихъ, хотя и

не безъ труда. Маслобоевъ былъ дома. Александра Семеновна такъ и всплеснула руками, когда услышала просьбу Нелли взять ее къ нимъ. На ея же разспросы: почему ей такъ хочется, что ей тяжело что ли у меня? Нелли ничего не отвѣчала и бросилась, рыдая, на стулъ. Она такъ рыдала, такъ рыдала, рассказывала мнѣ Александра Семеновна, что я думала она умретъ отъ этого. Нелли просилась хоть въ горничныя, хоть въ кухарки, говорила, что будетъ полъ мести, и научится бѣлье стирать. (На этомъ мнѣ бѣлья она основывала какія-то особенныя надежды и почему-то считала это самымъ сильнымъ прельщеніемъ, чтобы ее взяли). Мнѣніе Александры Семеновны было оставить ее у себя до разъясненія дѣла, а мнѣ дать знать. Но Филиппъ Филиппычъ рѣшительно этому воспротивился и тотчасъ же приказалъ отвести бѣглянку ко мнѣ. Дорогою Александра Семеновна обнимала и цѣловала ее, отчего Нелли еще больше начинала плакать. Смотри на нее, расплакалась и Александра Семеновна. Такъ обѣ всю дорогу и плакали.

— Да почему же, почему же, Нелли, ты не хочешь у него жить; что онъ обижаетъ тебя, что ли? спрашивала заливаясь слезами Александра Семеновна.

— Нѣтъ, не обижаетъ...

— Ну, такъ отчего же?

— Такъ, не хочу у него жить... не могу... я такая съ нимъ все злая... а онъ добрый... а у васъ я не буду злая, я буду работать, проговорила она, рыдая какъ въ истерикѣ.

— Отчего же ты съ нимъ такая злая, Нелли?...

— Такъ....

— И только я отъ нее это: «такъ» и попытала, заключила Александра Семеновна, отирая свои слезы: — что это она за горемычная такая? родимецъ что ли это? Какъ вы думаете, Иванъ Петровичъ?

Мы вошли къ Нелли, она лежала, скрывъ лицо въ подушкахъ и плакала. Я сталъ передъ ней на колѣни, взялъ ея руки и началъ цѣловать ихъ. Она вырвала у меня руки и зарыдала еще сильнѣе. Я не зналъ, что и говорить. Въ эту минуту вошелъ старикъ Ихменевъ.

— А я къ тебѣ по дѣлу, Иванъ, здравствуй! сказалъ онъ оглядывая насъ всѣхъ и съ удивленіемъ видя меня на колѣняхъ. Старикъ былъ боленъ все послѣднее время. Онъ былъ блѣденъ и худъ, но какъ будто храбрясь передъ кѣмъ-то, презиралъ свою болѣзнь, не слушалъ увѣщаній Ании Андреевны, не ложился, а продолжалъ ходить по своимъ дѣламъ.

— Прощайте покамѣстъ, сказала Александра Семенова, пристально посмотрѣвъ на старика. — Мнѣ Филиппъ Филиппычъ приказалъ какъ можно скорѣе воротиться. Дѣло у насъ есть. А вечеромъ, въ сумерки, пріѣду къ вамъ, часика два посижу.

— Кто такая? шепнулъ мнѣ старикъ, по видимому думая о другомъ. Я объяснилъ.

— Гм. А вотъ я по дѣлу, Иванъ...

Я зналъ по какому онъ дѣлу и ждалъ его посѣщенія. Онъ пришелъ переговорить со мной и съ Нелли и перепросить ее у меня. Анна Андреевна соглашалась наконецъ взять въ домъ сиротку. Случилось это вслѣдствіе нашихъ тайныхъ разговоровъ: я убѣдилъ Анну Андреевну и сказалъ ей, что видъ сиротки, которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, можетъ быть повернуть сердце нашего старика на другія мысли. Я такъ ярко разъяснилъ ей свой планъ, что она теперь сама уже стала приставать къ мужу, чтобъ взять сиротку. Старикъ съ готовностью принялся за дѣло: ему хотѣлось, во-первыхъ, угодить своей Аннѣ Андреевнѣ, а во-вторыхъ, у него были свои особыя соображенія... Но все это я объясню потомъ подробнѣе...

Я сказалъ уже, что Нелли не любила старика еще съ перваго его посѣщенія. Потомъ я замѣтилъ, что даже какая-то ненависть проглядывала въ лицѣ ея, когда проносили при ней имя Ихменева. Старикъ началъ дѣло тотчасъ же безъ околичностей. Онъ прямо подошелъ къ Нелли, которая все еще лежала, скрывъ лицо свое въ подушкахъ, и взявъ ее за руку, спросилъ: хочетъ ли она перейти къ нему жить вмѣсто дочери?

— У меня была дочь, я ее любилъ больше самого себя, заключилъ старикъ:—но теперь ее нѣтъ со мной. Она умерла. Хочешь ли ты заступить ея мѣсто въ моемъ домѣ и... въ моемъ сердцѣ?

И въ его глазахъ, сухихъ и воспаленныхъ отъ лихорадочнаго жара, накупѣла слеза.

— Нѣтъ не хочу, отвѣчала Нелли, не поднимая головы.

— Почему же, дитя мое? у тебя нѣтъ никого. Иванъ не можетъ держать тебя вѣчно при себѣ, а у меня ты будешь какъ въ родномъ домѣ.

— Не хочу, потому что вы злой. Да злой, злой! прибавила она, поднимая голову и садясь на постели противъ старика. — Я сама злая, и злѣе всѣхъ, но вы еще злѣе меня!.. Говоря это, Нелли поблѣднѣла, глаза ея засверкали; даже дрожавшія губы ея поблѣднѣли и искривились отъ прилива какого-то сильнаго ощущенія. Старикъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее.

— Да, злѣе меня, потому что вы не хотите простить свою дочь; вы хотите забыть ее совсѣмъ и берете къ себѣ другое дитя, а развѣ можно забыть свое родное дитя? Развѣ вы будете любить меня? Вѣдь какъ тѣло вы на меня взглянете, такъ и вспомните, что я вамъ чужая, и что у васъ была своя дочь, которую вы сами забыли, потому что вы жестокий человѣкъ. А я не хочу жить у жестокихъ людей, не хочу, не хочу!.. Нелли всхлинула и мелькомъ взглянула на меня.

— Послѣ завтра Христосъ воскресъ, всѣ цѣлуются и обнимаются, всѣ мирятся, всѣ вни про-

падают... Я вѣдь знаю... Только вы... одинъ вы... у! жестокий! подите прочь!

Она залилась слезами. Эту рѣчь она кажется давно уже сообразила и вытвердила, на случай если старикъ еще разъ будетъ ее приглашать къ себѣ. Старикъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ. Болѣзненное ощущеніе выразилось въ лицѣ его.

— И къ чему, къ чему, зачѣмъ обо мнѣ всѣ такъ беспокоятся? Я не хочу, не хочу! вскрикнула вдругъ Нелли въ какомъ-то изступленіи; я мпlostынню пойду просить!

— Нелли, что съ тобой? Нелли, другъ мой! вскрикнулъ я невольно, но восклицаніемъ моимъ только подлилъ къ огню масла.

— Да, я буду лучше ходить по улицамъ и мпlostынню просить, а здѣсь не останусь, кричала она рыдая. И мать моя мпlostынню просила, а когда умирала сама сказала мнѣ: будь бѣдная, и лучше мпlostынню проси, чѣмъ... Мпlostынню не стыдно просить: я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человѣкъ; у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно; такъ мнѣ одна нищенка говорила: вѣдь я маленькая, мнѣ негдѣ взять. Я у всѣхъ и прошу, не хочу, не хочу, я злая, я злѣе всѣхъ; вотъ какая я злая!

И Нелли вдругъ совершенно неожиданно схватила со стола чашку и бросила ее объ полъ.

— Вотъ теперь и разбилась, прибавила она съ какимъ-то вызывающимъ торжествомъ смотря на меня: — Чашекъ-то всего двѣ, прибавила она, я и другую разобью... Тогда изъ чего будете чай-то пить.

Она была какъ взбѣшенная, и какъ-будто сама ощущала наслажденіе въ этомъ бѣшенствѣ; какъ-будто сама сознавала, что это и стыдно и не хорошо, и въ тоже время какъ-будто поджигала себя на дальнѣйшія выходки.

— Она больна у тебя, Ваня; вотъ что, сказалъ старикъ или... я ужъ и не понимаю, что это за ребенокъ. Прощай!

Онъ взялъ свою фуражку и пожалъ мнѣ руку: Онъ былъ какъ убитый; Нелли страшно оскорбила его; все поднялось во мнѣ:

— И не пожалѣла ты его, Нелли! вскричалъ я, когда мы остались одни: — и не стыдно, не стыдно тебѣ! нѣтъ, ты не добрая, ты и вправду злая! — и какъ былъ безъ шляпы такъ и побѣжалъ я вслѣдъ за старикомъ. Мнѣ хотѣлось проводить его до воротъ и хоть два слова сказать ему въ утѣшеніе. Сбѣгая съ лѣстницы, я какъ-будто еще видѣлъ передъ собой лицо Нелли, страшно поблѣднѣвшее отъ моихъ упрековъ.

Я скоро догналъ моего старика.

— Бѣдная дѣвочка оскорблена, и у ней свое горе, вѣрь мнѣ, Иванъ; а я ей о своемъ сталъ расписывать, сказалъ онъ горько улыбаясь. Я травмилъ ея рану. Говорятъ, сытый голоднаго не разумѣетъ; а я, Ваня, прибавлю, что и голодный голоднаго не всегда пойметъ. Ну, прощай!

Я было заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, но старикъ только рукой махнулъ.

— Полно меня-то утѣшать; лучше смотри, чтобъ твоя-то не убѣжала отъ тебя; она такъ и смотритъ, прибавилъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ и пошелъ отъ меня скорыми шагами, помахивая и постукивая своей палкой по тротуару.

Онъ и не ожидалъ, что будетъ пророкомъ.

Что сбѣлалось со мной, когда воротаясь къ себѣ, я къ ужасу моему, опять не нашелъ дома Нелли! Я бросился въ сѣни, искалъ ее на лѣстницѣ, кликалъ, стучался даже у сосѣдей и спрашивалъ о ней; повѣрить я не могъ и не хотѣлъ, что она опять бѣжала. И какъ она могла убѣжать? ворота въ домѣ одни; она должна была пройти мимо насъ, когда я разговаривалъ съ старикомъ. Но скоро, къ большому моему унынію, я сообразилъ, что она могла прежде спрятаться гдѣ-нибудь на лѣстницѣ и выждать пока я пройду обратно домой, а потомъ бѣжать, такъ, что я никакъ не могъ ее встрѣтить. Во всякомъ случаѣ она не могла далеко уйти.

Въ сильномъ безпокойствѣ, выбѣжалъ я опять на поиски, оставивъ на всякій случай квартиру отпертою.

Прежде всего я отправился къ Маслобоевымъ. Маслобоевыхъ я не засталъ дома, ни его, ни Александры Семеновны. Оставивъ у нихъ записку, въ которой извѣщалъ ихъ о новой бѣдѣ и прося, если къ нимъ придетъ Нелли, немедленно дать мнѣ знать, я пошелъ къ доктору: того тоже не было дома, служанка объявила мнѣ, что кромѣ давняго посѣщенія, другаго не было. Что было дѣлать? я отправился къ Бубновой и узналъ отъ знакомой мнѣ гробовщицы, что хозяйка со вчерашняго дня сидитъ за что-то въ полиціи, а Нелли тамъ съ *тыхъ поръ* и не видали. Усталый, измученный, я побѣжалъ опять къ Маслобоевымъ; тотъ же отвѣтъ: никого не было, да и они сами еще не возвращались. Записка моя лежала на столѣ: Что было дѣлать?

Въ смертельной тоскѣ возвращался я къ себѣ домой, поздно вечеромъ. Мнѣ надо было въ этотъ вечеръ быть у Наташи; она сама звала меня, еще утромъ. Но я даже и не вѣлъ ничего въ этотъ день; мысль о Нелли возмущала всю мою душу. Что же это такое? думалъ я. Неужели жъ это такое мудреное слѣдствіе болѣзни? Ужъ не сумасшедшая ли она или сходитъ съ ума? Но Боже мой, — гдѣ она теперь, гдѣ я сышу ее!

Только что я это воскликнулъ, какъ вдругъ увидѣлъ Нелли, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на В—мъ мосту. Она стояла у фонаря и меня не видала. Я хотѣлъ бѣжать къ ней, но остановился: «Чтожъ это она здѣсь дѣлаетъ?» подумалъ я въ недоумѣніи и, увѣренный, что теперь ужъ не потеряю ее, рѣшился ждать и наблюдать за ней. Прошло минутъ десять, она все стояла, поглядывая на прохожихъ. Наконецъ прошелъ одинъ старичокъ, хорошо одѣтый и Нелли подошла къ нему:

тотъ, не останавливаясь, вынулъ что-то изъ кармана и подалъ ей. Она ему поклонилась. Не могу выразить, что почувствовалъ я въ это мгновеніе. Мучительно сжалось мое сердце; какъ-будто что-то дорогое, что я любилъ, делалъ и мыловалъ было опозорено и оплевано передо мной въ эту минуту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слезы потекли изъ глазъ моихъ.

Да, слезы о бѣдной Нелли, хотя я въ тоже время чувствовалъ непримиримое негодованіе: она не отъ пужды просила, она была не брошенная, не оставленная кѣмъ-нибудь на произволъ судьбы, бѣжала не отъ жестокихъ притѣснителей, а отъ друзей своихъ, которые ее любили и дѣлали. Она какъ-будто хотѣла кого-то изумить или испугать своими подвигами; точно она хвасталась передъ кѣмъ-то? Но что-то тайное зрѣло въ ея душѣ... Да, старикъ былъ правъ; она оскорблена, рана ея не могла зажить, и она какъ бы нарочно старалась растравлять свою рану этой таинственностью, этой недовѣрчивостью ко всѣмъ намъ; точно она наслаждалась сама своей болью, этимъ *эпизмомъ страданія*, если такъ можно выразиться. Это растравленіе боли и это наслажденіе ею было мнѣ понятно: это наслажденіе многихъ обиженныхъ и оскорбленныхъ, пригнетенныхъ судьбою и сознающихъ въ себѣ ея несправедливость. Но па какую же несправедливость нашу могла пожаловаться Нелли? Она какъ-будто хотѣла насъ удивить и испугать своими подвигами, своими капризами и дикими выходками, точно она въ самомъ дѣлѣ передъ нами хвалилась... Но итъ! она теперь одна, никто не видитъ изъ насъ, что она просила милостыню. Неужели жъ она сама про себя находила въ этомъ наслажденіе? Для чего ей милостыня, для чего ей деньги?

Получивъ подаяніе, она сошла съ моста и подошла къ яркоосвѣщеннымъ окнамъ одного магазина. Тутъ она принялась считать свою добычу; я стоялъ въ десяти шагахъ. Денегъ въ рукѣ ея было уже довольно; видно, что она съ самага утра просила. Зажавъ ихъ въ рукѣ, она перешла черезъ улицу и вошла въ мелочную лавочку. Я тотчасъ же подошелъ къ дверямъ лавочки, отвореннымъ настезъ, и смотрѣлъ: что она тамъ будетъ дѣлать?

Я видѣлъ, что она положила на прилавокъ деньги и ей подали чашку, простую чайную чашку, очень похожую на ту, которую она давеча разбѣла, чтобъ показать мнѣ и Ихменеву какая она злая. Чашка эта стояла можетъ быть копѣекъ пятнадцать, можетъ быть даже и меньше. Купецъ завернулъ ее въ бумагу; завязалъ и отдалъ Нелли, которая торопливо съ довольнымъ видомъ вышла изъ лавочки.

— Нелли! вскрикнулъ я, когда она поровнялась со мною: — Нелли!

Она вздрогнула, взглянула на меня, чашка выскользнула изъ ея рукъ, упала на мостовую и разбилась. Нелли была блѣдна; но взглянувъ на

меня и увѣрившись, что я все видѣлъ и знаю, вдругъ покраснѣла; этой краской сказывался нестерпимый, мучительный стыдъ. Я взялъ ее за руку и повелъ домой; идти было не далеко. Мы ни слова не промолвили дорогою. Придя домой, я сѣлъ; Нелли стояла передо мной, задумчивая и смущенная, блѣдная по прежнему, опустивъ въ землю глаза. Она не могла смотрѣть на меня.

— Нелли, ты просила милостыню?

— Да! проштала она и еще больше потупилась.

— Ты хотѣла набрать денегъ, чтобъ купить разбитую давеча чашку?

— Да...

— Но развѣ я попрекалъ тебя, развѣ я бранилъ тебя за эту чашку? Неужели жъ ты не видишь, Нелли, сколько злаго, самодовольно-злаго въ твоёмъ поступкѣ? Хорошо ли это? Неужели тебѣ не стыдно? неужели...

— Стыдно... проштала она чуть слышимымъ голосомъ и слезинка покатила по ея щекамъ.

— Стыдно... повторилъ я за ней: — Нелли, милая, если я вповадь передъ тобой, прости меня и помиримся.

Она взглянула на меня, слезы брызнули изъ ея глазъ, и она бросилась ко мнѣ на грудь.

Въ эту минуту влетѣла Александра Семеновна.

— Что! она дома? опять? Ахъ Нелли, Нелли, что это съ тобой дѣлается? Ну да хорошо, что по крайней мѣрѣ дома... гдѣ вы отыскиали ее, Иванъ Петровичъ?

Я мигнулъ Александрѣ Семеновнѣ, чтобъ она не спрашивала и она поняла меня. Я иѣжно простился съ Нелли, которая все еще горько плакала и упростила добренькую Александру Семеновну посидѣть съ ней до моего возвращенія, а самъ побѣжалъ къ Наташѣ. Я опоздалъ и торопился.

Въ этотъ вечеръ рѣшалась наша судьба: намъ было много о чемъ говорить съ Наташей, но я все-таки ввернулъ словечко о Нелли и рассказалъ все, что случилось, со всѣми подробностями. Разсказъ мой очень заинтересовалъ и даже поразилъ Наташу.

— Знаешь что, Ваня, сказала она подумавъ: — мнѣ кажется, она тебя любитъ.

— Что... какъ это? спросилъ я въ удивленіи.

— Да, это начало любви, женской любви...

— Что ты, Наташа, полно! Вѣдь она ребенокъ!

— Которому скоро четырнадцать лѣтъ. Это ожесточеніе оттого, что ты не понимаешь ея любви, да и она-то можетъ быть сама не понимаетъ себя; ожесточеніе, въ которомъ много дѣтскаго, но серьезное, мучительное. Главное, — она ревнуетъ тебя ко мнѣ. Ты такъ меня любишь, что вѣрно и дома только обо мнѣ одной заботишься, говоришь и думаешь, а потому на нее обращаешь мало вниманія. Она замѣтила это, и ее это уязвило. Она можетъ быть хотѣть говорить съ тобой, чувствуетъ потребность раскрыть передъ тобой свое сердце,

не умѣть, стыдится, сама не понимаетъ себя, ждетъ случая, а ты вмѣсто того, чтобъ ускорить этотъ случай, отдаляешься отъ нея, уѣгаешь отъ нея ко мнѣ и даже, когда она была больна, по пѣлымъ днямъ оставлялъ ее одну. Она и плачетъ объ этомъ: ей тебя не достаетъ и пуще всего ей больно, что ты этого не замѣчаешь. Ты вотъ и теперь, въ такую минуту, оставилъ ее одну для меня. Да она больна будетъ завтра отъ этого. И какъ ты могъ оставить ее? ступай къ ней скорѣе...

— Я и не оставилъ бы ее, но...

— Ну да, я сама тебя просила придти. А теперь ступай.

— Пойду, но только, разумѣется, я ничему этому не вѣрю.

— Оттого, что все это на другихъ не похоже. Вспомни ея исторію, сообрази все, и повѣришь. Она росла не такъ какъ мы съ тобой...

Воротился я все-таки поздно. Александра Семеновна рассказала мнѣ, что Нелли опять, какъ въ тотъ вечеръ, очень много плакала «и такъ и уснула въ слезахъ», какъ тогда. А ужъ теперь я уйду, Иванъ Петровичъ, такъ и Филиппъ Филиппычъ приказалъ. Ждетъ онъ меня бѣдный.

Я поблагодарилъ ее и сѣлъ у изголовья Нелли. Мнѣ самому было тяжело, что я могъ оставить ее въ такую минуту. Долго до глубокой ночи сидѣлъ я надъ нею задумавшись... Роковое было это время.

Но надо рассказать, что случилось въ эти двѣ недѣли...

ГЛАВА V.

Послѣ достопамятнаго для меня вечера, проведеннаго мною съ княземъ въ ресторанѣ у Б. я, нѣсколько дней сряду, былъ въ постоянномъ страхѣ за Наташу. «Чѣмъ грозилъ ей этотъ проклятый князь и чѣмъ именно хотѣлъ отомстить ей?» спрашивалъ я самъ себя поминутно и терялся въ разныхъ предположеніяхъ. Я пришелъ наконецъ къ заключенію, что угрозы его были не вздоръ, не фанфаронство и что покаместъ она живетъ съ Алешей, князь дѣйствительно могъ надѣлать ей много непріятностей. Онъ мелочень, мстительнъ, золъ и разсчетливъ, думалъ я. Трудно, чтобъ онъ могъ забыть оскорбленіе и не воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ къ отмщенію. Во всякомъ случаѣ онъ указалъ мнѣ на одинъ пунктъ во всемъ этомъ дѣлѣ и высказался на счетъ этого пункта довольно ясно: онъ настоятельно требовалъ разрыва Алеши съ Наташей и ожидалъ отъ меня, чтобъ я приготовилъ ее къ близкой разлукѣ и такъ приготовилъ, чтобъ не было «сценъ, пасторалей и шиллеровщины.» Разумѣется онъ хлопоталъ всего болѣе о томъ, чтобъ Алеша остался имъ доволенъ и продолжалъ его считать нѣжнымъ отцомъ; а это ему было очень нужно для удобнѣйшаго овладѣнія впоследствии Катиними деньгами. Итакъ мнѣ предстояло приготовить Наташу къ близкой разлукѣ. Но въ Наташѣ я замѣтилъ сильную перемену:

прежней откровенности ея со мною и помину не было; мало того, она какъ-будто стала со мной недовѣрчива. Утѣшенія мои ее только мучили; мои разспросы все болѣе и болѣе досаждали ей, даже сердили ее. Снужу бывало у ней, гляжу на нее! она ходитъ, скрестивъ руки, по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мрачная, блѣдная, какъ-будто въ забытѣ, забывъ даже что и я тутъ, подлѣ нея. Когда же ей случалось взглянуть на меня (а она даже и взглядовъ моихъ избѣгала), то нетерпѣливая досада вдругъ проглядывала въ ея лицѣ и она быстро отворачивалась. Я понималъ, что она сама обдумывала можетъ быть какой-нибудь свой собственный планъ о близкомъ, предстоящемъ разрывѣ и могла ли она его безъ боли, безъ горечи обдумывать? А я былъ убѣжденъ, что она уже рѣшилась на разрывъ. Но все-таки меня мучило и пугало ея мрачное отчаяніе. Къ тому же, говорить съ ней, утѣшать ее я никогда и не смѣлъ, а потому со страхомъ ожидалъ чѣмъ это все разрѣшится.

Что же касается до ея суроваго и неприступнаго вида со мной, то это меня хоть и беспокоило, хоть и мучило, но я былъ увѣренъ въ сердцѣ моей Наташи: я видѣлъ, что ей очень тяжело и что она была слишкомъ разстроена. Всякое постороннее внимательство возбуждало въ ней только досаду, злобу. Въ такомъ случаѣ особенно внимательство близкихъ друзей, знающихъ наши тайны, становится намъ всего досаднѣе. Но я зналъ тоже очень хорошо, что въ послѣднюю минуту Наташа придетъ же ко мнѣ снова и въ моемъ же сердцѣ будетъ искать себѣ облегченія.

О моемъ разговорѣ съ княземъ я разумѣется ей умалчалъ: рассказъ мой только бы взволновалъ и разстроилъ ее еще болѣе. Я сказалъ ей только такъ, мимоходомъ, что былъ съ княземъ у графини и убѣдился, что онъ ужасный подлецъ. Но она и не спрашивала про него, чему я былъ очень радъ; за то жадно выслушала все, что я рассказалъ ей о моемъ свиданіи съ Катей. Выслушавъ, она тоже ничего не сказала и о ней, но краска покрыла ея блѣдное лицо и весь почти этотъ день она была въ особенномъ волненіи. Я не скрылъ ничего о Катѣ и прямо признался, что даже и на меня Катя произвела прекрасное впечатлѣніе. Да и къ чему было скрывать? Вѣдь Наташа угадала бы, что я скрываю и только разсердилась бы на меня за это. А потому я нарочно рассказывалъ какъ можно подробнѣе, стараясь предупредить всѣ ея вопросы, тѣмъ болѣе что ей самой, въ ея положеніи, трудно было меня разспрашивать: легко ли въ самомъ дѣлѣ, подъ видомъ равнодушія, испытывать о совершенствахъ своей соперницы?

Я думалъ, что она еще не знаетъ, что Алеша, по непремѣнному распоряженію князя, долженъ былъ сопровождать графиню и Катю въ деревню, и затруднялся, какъ открыть ей это, чтобъ, по возможности, смягчить ударъ. Но каково же было мое изумленіе, когда Наташа съ первыхъ же словъ

остановила меня и сказала, что нечего ее *утѣшать*, что она уже пять дней какъ знаетъ про это.

— Боже мой! вскричалъ я: — да кто же тебѣ сказалъ?

— Алеша.

— Какъ? онъ уже сказалъ?

— Да, и я на все рѣшилась, Ваня, прибавила она, съ такимъ видомъ, который ясно и какъ-то нетерпѣливо предупреждалъ меня, чтобъ я и не продолжалъ этого разговора.

Алеша довольно часто бывалъ у Наташи, но все на минутку; одинъ разъ только просидѣлъ у ней нѣсколько часовъ сряду; но это было безъ меня. Входилъ онъ обыкновенно грустный; смотрѣлъ на нее робко и нѣжно; но Наташа такъ нѣжно, такъ ласково встрѣчала его, что онъ тотчасъ же все забывалъ и развеселялся. Ко мнѣ онъ тоже началъ ходить очень часто, почти каждый день. Правда, онъ очень мучился, но не могъ и минуты пробить одинъ съ своей тоской и поминутно прибѣгалъ ко мнѣ за утѣшеніемъ.

Что могъ я сказать ему? онъ упрекалъ меня въ холодности, въ равнодушіи, даже въ злобѣ къ нему; тосковалъ, плакалъ, уходилъ къ Катѣ и ужъ тамъ утѣшался.

Въ тотъ день, когда Наташа объявила мнѣ, что знаетъ про отъѣздъ (это было съ недѣлю послѣ разговора моего съ княземъ), онъ вбѣжалъ ко мнѣ въ отчаяніи, обнялъ меня, упалъ ко мнѣ на грудь и зарыдалъ какъ ребенокъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Я низкій, я подлый человѣкъ, Ваня, началъ онъ мнѣ:—спаси меня отъ меня самого. Я не оттого плачу, что я низокъ и подлъ, но оттого, что черезъ меня Наташа будетъ несчастна. Вѣдь я оставляю ее на несчастъ... Ваня, другъ мой, скажи мнѣ, рѣши за меня, кого я больше люблю изъ нихъ: Катю или Наташу?

— Этого я не могу рѣшить, Алеша, отвѣчалъ я: — тебѣ лучше знать, чѣмъ мнѣ...

— Нѣтъ, Ваня, не тѣ; вѣдь я не такъ глупъ, чтобъ задавать такіе вопросы; но въ томъ-то и дѣло, что я тутъ самъ ничего не знаю. Я спрашиваю себя и не могу отвѣтить. А ты смотришь со стороны и можешь больше моего знаешь... Ну, хоть и не знаешь, то скажи, какъ тебѣ кажется?

— Мнѣ кажется, что Катю ты больше любишь.

— Тебѣ такъ кажется! Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Ты совсѣмъ не угадалъ. Я безпредѣльно люблю Наташу. Я ни за что, никогда не могу ее оставить; я это и Катѣ сказалъ и Катя совершенно со мною согласна. Чтожь ты молчишь? Вотъ, я видѣлъ, ты сейчасъ улыбнулся. Эхъ, Ваня, ты никогда не утѣшалъ меня, когда мнѣ было слишкомъ тяжело, какъ теперь... Прощай!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ чрезвычайное впечатлѣніе въ удивленной Нелли, молча выслушавшей нашъ разговоръ. Она тогда была еще больна, лежала въ постели и принимала лекарство. Алеша никогда не заговаривалъ съ нею и, при по-

сщеніяхъ своихъ, почти не обращалъ на нее никакого вниманія.

Черезъ два часа онъ явился снова и я удивился его радостному лицу. Онъ опять бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня.

— Конечно дѣло! вскричалъ онъ: — всѣ недомѣнны разрѣшены. Отъ васъ я прямо пошелъ къ Наташѣ: я былъ разстроенъ, я не могъ быть безъ нея. Войдя я упалъ передъ ней на колѣни и цѣловалъ ея ноги: мнѣ это нужно было, мнѣ хотѣлось этого; безъ этого я бы умеръ съ тоски. Она молча обняла меня и заплакала. Тутъ я прямо ей сказалъ, что Катю люблю больше ея...

— Чтожь она?

— Она ничего не отвѣчала, а только ласкала и утѣшала меня, — меня, который ей это сказалъ! Она умѣетъ утѣшать, Иванъ Петровичъ! О, я заплакалъ передъ ней все мое горе, все ей высказалъ. Я прямо сказалъ, что люблю очень Катю, но, что какъ бы я ее не любилъ и кого бы я не любилъ, я все-таки безъ нея, безъ Наташи, обойтись не могу и умру. Да, Ваня, дня не проживу безъ нея, я это чувствую, да! и потому мы рѣшили немедленно съ ней обвѣнчаться; а такъ какъ до отъѣзда нельзя этого сдѣлать, потому что теперь великій постъ и вѣнчать не стануть, то ужъ по приѣздѣ моемъ, а это будетъ къ первому іюня. Отецъ позволить, въ этомъ пѣтъ и сомнѣнія. Что же касается до Кати, то чтожь такое! Я вѣдь не могу же жить безъ Наташи... Обвѣнчаемся и тоже туда съ ней поѣдемъ, гдѣ Катя...

Бѣдная Наташа! каково было ей утѣшать этого мальчишка, сидѣть надъ нимъ, выслушать его признаніе и выдумать ему, наивному эгоисту, для спокойствія его, сказку о скоромъ бракѣ. Алеша дѣйствительно на нѣсколько дней успокоился. Онъ и бѣгалъ къ Наташѣ собственно изъ того, что слабое сердце его не въ силахъ было одно перенести печали. Но все-таки, когда время начало приближаться къ разлукѣ, онъ опять впалъ въ безпокойство, въ слезы и опять прибѣгалъ ко мнѣ и выплакивалъ свое горе. Въ послѣднее время онъ такъ привязался къ Наташѣ, что не могъ ее оставить и на день, не только на полтора мѣсяца. Онъ вполне былъ однакожь увѣренъ, до самой послѣдней минуты, что оставляетъ ее только на полтора мѣсяца и что по возвращеніи его будетъ ихъ свадьба. Что же касается до Наташи, то она, въ свою очередь, вполне понимала, что вся судьба ея мѣняется, что Алеша ужъ никогда теперь къ ней не воротится, и что такъ тому и слѣдуетъ быть.

День разлукъ ихъ наступилъ. Наташа была больна, — блѣдная, съ воспаленнымъ взглядомъ, съ запекшимися губами, изрѣдка разговаривала сама съ собою, изрѣдка быстро и пронзительно взглядывала на меня, не плакала, не отвѣчала на мои вопросы и вздрагивала какъ листокъ на деревѣ, когда раздавался звонкій голосъ входившаго Алеши. Она вспыхивала какъ зарево и спѣшила къ нему судорожно обнимала, цѣловала его, смѣялась...

Алеша вглядывался въ нее, иногда съ безпокойствомъ резспрашивалъ здорова ли она, утѣшалъ, что уѣзжаетъ не на долго, что потомъ ихъ свадьба. Наташа дѣлала видныя усилія, перемогала себя и давила свои слезы. Она не плакала передъ нимъ.

Одинъ разъ онъ заговорилъ, что надо оставить ей денегъ на все время его отъѣзда, и чтобъ она не безпокоилась, потому что отецъ обѣщалъ ему дать много на дорогу. Наташа нахмурилась. Когда же мы остались вдвоемъ, я объявилъ, что у меня есть для нея *сто-пятьдесять рублей*, на всякій случай. Она не разспрашивала откуда эти деньги. Это было за два дня до отъѣзда Алешы и наканунѣ перваго и послѣдняго свиданія Наташи съ Катей. Катя прислала съ Алешей записку, въ которой просила Наташу позволить посѣтить себя завтра; при чемъ писала и ко мнѣ: она просила и меня присутствовать при ихъ свиданіи.

Я непремѣнно рѣшился быть, въ двѣнадцать часовъ (назначенный Катей часъ), у Наташи, не смотря ни на какія задержки; а хлопотъ и задержекъ было много. Не говоря уже о Нелли, въ послѣднее время мнѣ было много хлопотъ у Ихменевыхъ.

Эти хлопоты начались еще недѣлю назадъ. Анна Андреевна прислала въ одно утро за мною, съ просьбой, бросить все и немедленно сѣсть къ ней, по очень важному дѣлу, нетерпящему ни малѣйшаго отлагательства. Придя къ ней, я засталъ ее одну: она ходила по комнатѣ, вся въ лихорадкѣ отъ волненія и испуга, съ трепетомъ ожидая возвращенія Николая Сергѣича. По обыкновенію я долго не могъ добиться отъ нея въ чемъ дѣло, и чего она такъ испугалась, а между тѣмъ, очевидно, каждая минута была дорога. Наконецъ, послѣ горячихъ и ненужныхъ дѣлу попрековъ: «зачѣмъ я не хожу и оставляю ихъ какъ сиротъ, однихъ въ горѣ», такъ что ужъ «Богъ знаетъ, что безъ меня происходитъ»,—она объявила мнѣ, что Николай Сергѣичъ, въ послѣдніе три дня, былъ въ такомъ волненіи, «что и описать невозможно».

— Просто на себя не похожъ, говорила она:— въ лихорадкѣ, по почамъ, тихонько отъ меня, на колѣнкахъ передъ образомъ молится, во снѣ бредитъ, а на яву какъ полудурной: «стали вчера вѣстици, а онъ ложку подлѣ себя отыскать не можетъ, спросишь его про одно, а онъ отвѣчаетъ про другое. Изъ дому сталъ помпунтно уходить: все по дѣламъ, говоритъ, ухажу, адвоката видѣть надо; наконецъ сегодня утромъ заперся у себя въ кабинетѣ: «миѣ, говоритъ, нужную бумагу по тяжбѣному дѣлу надо писать». Ну какую, думаю про себя, тебѣ бумагу писать, когда ложку подлѣ прибора не могъ отыскать? Однако въ замочную щелку я подсмотрѣла: сидитъ, пишетъ, а самъ такъ и заливается плачетъ. Какую же такую, думаю, дѣловую бумагу такъ пишуть? али можетъ ему ужъ такъ Ихменевку нашу жалко; стало быть ужъ совсѣмъ пропала наша Ихменевна! Вотъ думаю я это,

а онъ вдругъ вскочилъ изъ-за стола, да какъ ударилъ перомъ по столу, раскраснѣлся, глаза сверкаютъ, схватился за фуражку и выходитъ ко мнѣ. И, говоритъ, Анна Андреевна, скоро приду. Ушелъ онъ, а я тотчасъ же къ его столу письменному; бумагъ у него по нашей тяжбѣ тамъ пропасть такая лежитъ, что ужъ онъ мнѣ и прикасаться къ нимъ не позволяетъ. Сколько разъ бывало прошу: «дай ты мнѣ хоть разъ бумаги поднять, я бы пылъ со столу стерла». Куды, закричитъ, замашетъ руками: нетерпѣливый онъ такой сталъ сдѣсь въ Петербургѣ, крикунъ. Такъ вотъ я къ столу-то подошла и вижу: которая это бумага, что онъ сейчасъ-то писалъ? потому доподлинно знаю, что онъ ее съ собой не взялъ, а когда вставалъ изъ-за стола, то подъ другія бумаги сунулъ. Ну вотъ, батюшка Иванъ Петровичъ, что я нашла, посмотрика».

И она подала мнѣ листъ почтовой бумаги, вполонину неписанный, но съ такими помарками, что въ иныхъ мѣстахъ разобрать было невозможно.

Бѣдный старикъ! Съ первыхъ строкъ можно было догадаться, что и къ кому онъ писалъ. Это было письмо къ Наташѣ, къ возлюбленной его Наташѣ. Онъ начиналъ горячо и нѣжно: онъ обращался къ ней съ прощеніемъ и звалъ ее къ себѣ. Трудно было разобрать все письмо, написанное нескладно и порывисто, съ безчисленными помарками. Видно только было, что горячее чувство, заставившее его схватить перо и написать первыя, задушевные строки, быстро, послѣ этихъ первыхъ строкъ, переродилось въ другое: старикъ начиналъ укорять дочь, яркими красками описывалъ ей ея преступленіе, съ негодованіемъ напоминалъ ей о ея упорствѣ, упрекалъ въ безчувственности, въ томъ, что она ни разу, можетъ быть, и не подумала, что сдѣлала съ отцомъ и матерью. За ея гордость онъ грозилъ ей наказаніемъ и проклятисмъ и кончалъ требованіемъ, чтобъ она немедленно и покорно возвратилась домой и тогда, только тогда, можетъ быть, послѣ покорной и примѣрной новой жизни «въ нѣдрахъ семейства», мы рѣшимся притить тебя, писалъ онъ. Видно было, что первоначальное, великодушное чувство свое, онъ, послѣ нѣсколькихъ строкъ, принималъ за слабость, сталъ стыдиться ея и наконецъ, почувствовавъ муки оскорбленной гордости, кончилъ гнѣвомъ и угрозами. Старушка стояла передо мной, сложа руки и въ страхѣ ожидая, что я скажу по прочтеніи письма.

Я высказалъ ей все прямо, какъ мнѣ казалось. Именно: что старикъ не въ силахъ болѣе жить безъ Наташи и что положительно можно сказать о необходимости скораго ихъ примиренія; но что однакоже все зависить отъ обстоятельствъ. Я объяснилъ при этомъ мою догадку, что, во первыхъ, вѣроятно дурной исходъ процесса сильно разстроилъ и потрясъ его, не говоря уже о томъ, насколько было уязвлено его самолюбіе торжествомъ

надъ нимъ князя и сколько негодования возродилось въ немъ при такомъ рѣшеніи дѣла. Въ такія минуты душа не можетъ не искать себѣ сочувствія, и онъ еще сильнѣе вспомнилъ о той, которую всегда любилъ больше всего на свѣтѣ. Наконецъ можетъ быть и то: онъ навѣрно слышалъ (потому что онъ слѣдитъ и все знаетъ про Наташу), что Алеша скоро оставляетъ ее. Онъ могъ понять, каково было ей теперь и по себѣ почувствовалъ, какъ необходимо было ей утѣшеніе. Но все-таки онъ не могъ преодолѣть себя, считая себя оскорбленнымъ и униженнымъ дочерью. Ему вѣрно приходило на мысль, что все-таки не она идетъ къ нему первая; что можетъ быть даже она и не думаетъ объ нихъ, и потребности не чувствуетъ къ примиренію. Такъ онъ долженъ былъ думать, заключилъ я мое мнѣніе, и вотъ почему не докончилъ письма и можетъ быть, изъ всего этого, произойдутъ еще новыя оскорбленія, которые еще сильнѣе почувствуются, чѣмъ первыя и, кто знаетъ, примиреніе можетъ быть еще надолго отложиться...

Старушка плакала, меня слушая. Наконецъ, когда я сказалъ, что мнѣ необходимо сейчасъ же къ Наташѣ и что я опоздалъ къ ней, она встрепенулась и объявила, что и забыла о главномъ. Вынимая письмо изъ подъ бумагъ, она нечаянно опрокинула на него чернильницу. Дѣйствительно цѣлый уголь былъ залитъ чернилами и старушка ужасно боялась, что старикъ, по этому пятну, узнаетъ, что безъ него перерыли бумаги и что Анна Андреевна прочла письмо къ Наташѣ. Ея страхъ былъ очень основателенъ: ужъ изъ одного того, что мы знаемъ его тайну, онъ со стыда и досады, могъ продлить свою злобу и изъ гордости упорствовать въ прощеніи.

Но, разсмотрѣвъ дѣло, я уговорилъ старушку не беспокоиться. Онъ всталъ изъ-за письма въ такомъ волненіи, что могъ и не помнить всѣхъ мелочей и теперь, вѣроятно, подумаетъ, что самъ запачкалъ письмо и забылъ объ этомъ. Утѣшивъ такимъ образомъ Анну Андреевну, мы осторожно положили письмо на прежнее мѣсто, а я вздумалъ уходя переговорить съ нею серьезно о Нелли. Мнѣ казалось, что бѣдная брошенная сиротка, у которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, могла бы грустнымъ, трагическимъ рассказомъ о прежней своей жизни и о смерти своей матери тронуть старика и подвигнуть его на великодушныя чувства. Все готово, все созрѣло въ его сердцѣ; тоска по дочери стала уже пересиливать его гордость и оскорбленное самолюбіе. Недоставало только толчка, послѣдняго удобнаго случая и этотъ удобный случай могла бы замѣнить Нелли. Старушка слушала меня съ чрезвычайнымъ вниманіемъ: все лицо ея оживилось надеждой и восторгомъ. Она тотчасъ же стала меня упрекать: зачѣмъ я давно ей этого не сказалъ? нетерпѣливо начала меня спрашивать о Нелли и кончила торжественнымъ общаніемъ, что сама теперь будетъ просить старика,

чтобъ взялъ въ домъ сиротку. Она уже начала искренно любить Нелли, жалѣла о томъ, что она больна, разспрашивала о ней, принудила меня взять для Нелли банку варенья, за которымъ сама побѣжала въ чуланъ; принесла мнѣ пять цѣлковыхъ, предполагая, что у меня нѣтъ денегъ для доктора, и, когда я ихъ не взялъ, едва успокоилась, и утѣшилась тѣмъ, что Нелли нуждается въ платьѣ и бѣльѣ, и что, стало-быть, можно еще ей быть полезною, вслѣдствіе чего стала тотчасъ же перерывать свой сундукъ и раскладывать всѣ свои платья, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя можно было подарить «сироткѣ».

А я пошелъ къ Наташѣ. Поднимаясь на послѣднюю лѣстницу, которая, какъ я уже сказалъ прежде, шла винтомъ, я замѣтилъ у ея дверей человека, который хотѣлъ уже было постучаться, но слышавъ мои шаги приостановился. Наконецъ, вѣроятно послѣ нѣкотораго колебанія, вдругъ оставилъ свое намѣреніе и пустился внизъ. Я столкнулся съ нимъ на послѣдней забѣжной ступенькѣ и каково было мое изумленіе когда я узналъ Ихменева. На лѣстницѣ и днемъ было очень темно. Онъ прислонился къ стѣнѣ, чтобы дать мнѣ пройти и помню странный блескъ его глазъ, пристально меня разсматривавшихъ. Мнѣ казалось, что онъ ужасно покраснѣлъ; по крайней мѣрѣ онъ ужасно смѣшался и даже потерялся:

— Эхъ, Ваня, да это ты! проговорилъ онъ неровнымъ голосомъ: — а я здѣсь къ одному человѣку... къ писарю... все по дѣлу... не давно переѣхалъ... куда-то сюда... да не здѣсь кажется живетъ. Я ошибся. Прощай.

И онъ быстро пустился внизъ по лѣстницѣ.

Я рѣшился до времени не говорить Наташѣ объ этой встрѣчѣ, но непременно сказать ей, тотчасъ же когда она останется одна, по отъѣздѣ Алеши. Въ настоящее же время она была такъ разстроена, что хотя бы и поняла и осмыслила вполне всю силу этого факта, но не могла бы его такъ принять и прочувствовать, какъ впоследствии, въ минуту подавляющей послѣдней тоски и отчаянія. Теперь же минута была не та.

Въ тотъ день я бы могъ сходить къ Ихменевымъ и подымало меня на это, но я не пошелъ. Мнѣ казалось, что старику тяжело будетъ смотрѣть на меня; онъ даже могъ подумать, что я нарочно приближалъ вслѣдствіе встрѣчи. Пошелъ я къ нимъ уже на третій день; старикъ былъ грустенъ, но встрѣтилъ меня довольно развязно и все говорилъ о дѣлахъ.

— А что, къ кому это ты тогда ходилъ, такъ высоко, вотъ помнишь, мы встрѣтились, — когда бишь это? — третьяго дня кажется, спросилъ онъ вдругъ, довольно небрежно, но все-таки какъ-то отводя отъ меня свои глаза въ сторону.

— Пріятель одинъ живетъ, отвѣчалъ я, тоже отводя глаза въ сторону.

— А! А я писаря моего искалъ, Астафьева; на этотъ домъ указали... да ошибся... Ну такъ вотъ

я тебѣ про дѣло-то говорилъ: въ сенатѣ рѣшили... и т. д. и т. д.

Онъ даже покраснѣлъ, когда началъ говорить о *дѣлѣ*.

Я рассказалъ все въ тотъ же день Аннѣ Андреевнѣ, чтобъ обрадовать старушку, умоляя ее, между прочимъ, не заглядывать ему теперь въ лицо съ особеннымъ видомъ, не вздыхать, не дѣлать намековъ и, однимъ словомъ, ни подъ какимъ видомъ не показывать, что ей извѣстна эта послѣдняя его выходка. Старушка до того удивилась и обрадовалась, что даже сначала мнѣ не повѣрила. Съ своей стороны она рассказала мнѣ, что уже намекала Николаю Сергѣичу о сироткѣ, но что онъ промолчалъ, тогда какъ прежде самъ все упрасивалъ взять въ домъ дѣвочку. Мы рѣшили, что завтра она попроситъ его объ этомъ прямо, безъ всякихъ предисловій и намековъ. Но на завтра оба мы были въ ужасномъ испугѣ и безпокойствѣ.

Дѣло въ томъ, что Ихменевъ видѣлся утромъ съ чиновникомъ хлопотавшимъ по его дѣлу. Чиновникъ объявилъ ему, что видѣлъ князя и что князь хоть и оставляетъ Ихменевку за собой, но, *«вслѣдствіе некоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ»*, рѣшается вознаградить старика и выдать ему десять тысячъ. Отъ чиновника старикъ прямо прибѣжалъ ко мнѣ, ужасно разстроенный; глаза его сверкали бѣшенствомъ. Онъ вызвалъ меня, неизвѣстно зачѣмъ изъ квартиры на лѣстницу, и настоятельно сталъ требовать, чтобъ я немедленно шелъ къ князю и передалъ ему вызовъ на дуэль. Я былъ такъ пораженъ, что долго не могъ ничего сообразить. Началъ было его уговаривать. Но старикъ пришелъ въ такое бѣшенство, что съ нимъ сдѣлалось дурно. Я бросился къ себѣ за стаканомъ воды; но воротясь, уже не засталъ Ихменева на лѣстницѣ.

На другой день я отправился къ нему, но его уже не было дома; онъ исчезъ на цѣлыхъ три дня.

На третій день мы узнали все. Отъ меня онъ кинулся прямо къ князю, не засталъ его дома и оставилъ ему записку; въ запискѣ онъ писалъ, что знаетъ о словахъ его, сказанныхъ чиновнику, что считаетъ ихъ себѣ смертельнымъ оскорбленіемъ, а князя низкимъ человѣкомъ, и вслѣдствіе всего этого вызываетъ его на дуэль, предупреждая при этомъ, чтобъ князь не смѣлъ уклоняться отъ вызова, иначе будетъ обезчещенъ публично.

Анна Андреевна рассказывала мнѣ, что онъ воротился домой въ такомъ волненіи и разстройствѣ, что даже слегъ. Съ ней былъ очень нѣженъ, но на разпросы ея отвѣчалъ мало и видно было, что онъ чего-то ждалъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. На другое утро пришло по городской почтѣ письмо; прочтя его онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Анна Андреевна обмерла отъ страха. Но онъ тотчасъ же схватилъ шляпу, палку и выбѣжалъ вонъ.

Письмо было отъ князя. Сухо, коротко и вѣжливо онъ извѣщалъ Ихменева, что въ словахъ

своихъ, сказанныхъ чиновнику, онъ никому не обязанъ никакимъ отчетомъ. Что хотя онъ очень сожалѣетъ Ихменева, за проигранный процессъ, но, при всемъ своемъ сожалѣніи, никакъ не можетъ найти справедливымъ, чтобъ проигравшій въ тяжбѣ имѣлъ право, изъ мщенія, вызывать своего соперника на дуэль. Что же касается до «публичнаго безчестія», которымъ ему грозили, то князь просилъ Ихменева не беспокоиться объ этомъ, потому что никакого публичнаго безчестія не будетъ, да и быть не можетъ; что письмо его немедленно будетъ представлено куда слѣдуетъ и что предупреденная полиція навѣрно въ состояніи принять надлежащія мѣры къ обезпеченію порядка и спокойствія.

Ихменевъ съ письмомъ въ рукѣ тотчасъ же бросился къ князю. Князя опять не было дома; но старикъ успѣлъ узнать отъ лакея, что князь теперь вѣрно у графа Н. Долго не думая, онъ побѣжалъ къ графу. Графскій швейцаръ остановилъ его, когда уже онъ подымался на лѣстницу. Взбѣшенный до послѣдней степени, старикъ ударилъ его палкой. Тотчасъ же его схватили, вытащили на крыльцо и передали полицейскимъ, которые препроводили его въ часть. Доложили графу. Когда же случившійся тутъ князь, объяснилъ сласлолюбивому старичку, что этотъ тотъ самый Ихменевъ, отецъ той самой Натальи Николаевны (а князь не разъ прпслуживалъ графу по *этимъ дѣламъ*), то вельможный старичекъ только засмѣялся и перемѣнилъ гнѣвъ на милость: сдѣлано было распоряженіе отпустить Ихменева на всѣ четыре стороны; но выпустили его только на третій день, при чемъ (навѣрно по распоряженію князя) объявили старичку, что самъ князь упросилъ графа его помиловать.

Старикъ воротился домой, какъ безумный, бросился на постель и цѣлый часъ лежалъ безъ движенія; наконецъ приподнялся и, къ ужасу Анны Андреевны, объявилъ торжественно что *на вѣки* проклинаетъ свою дочь и лишаетъ ее своего родительскаго благословенія.

Анна Андреевна пришла въ ужасъ, но надо было помогать старичку и она, сама чуть не безъ памяти, весь этотъ день и почти всю ночь ухаживала за нимъ, примачивала ему голову уксусомъ, обкладывала льдомъ. Съ нимъ былъ жаръ и бредъ. Я оставилъ ихъ уже въ третьемъ часу ночи. Но на утро Ихменевъ всталъ и въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ, чтобъ окончательно взять къ себѣ Нелли. Но о сценѣ его съ Нелли я уже рассказывалъ; эта сцена потрясла его окончательно. Воротясь домой онъ слегъ въ постель. Все это происходило въ страстную пятницу, — когда было назначено свиданіе Кати и Наташи, наканунѣ отъѣзда Алеши и Кати изъ Петербурга. На этомъ свиданіи я былъ: оно происходило рано утромъ, еще до прихода ко мнѣ старика и до перваго побѣга Нелли.

ГЛАВА VI.

Алеша приѣхалъ еще за часъ до свиданія предупредить Наташу. Я же пришелъ именно въ то мгновеніе, когда коляска Кати остановилась у нашихъ воротъ. Съ Катей была старушка-француженка, которая, послѣ долгихъ упрямиваній и колебаній, согласилась наконецъ сопровождать ее и даже отпустить ее наверхъ къ Наташѣ одну, но не иначе, какъ съ Алешей; сама же осталась дожидаться въ коляскѣ. Катя подозвала меня и, не выходя изъ коляски, попросила вызвать къ ней Алешу. Наташу я засталъ въ слезахъ; и Алеша и она оба плакали. Услышавъ, что Катя уже здѣсь, она встала со стула, отерла слезы и съ волненіемъ стала противъ дверей. Одѣта она была въ это утро вся въ бѣломъ. Темнорусые волосы ея были зачесаны гладко и назади связывались густымъ узломъ. Эту прическу я очень любилъ. Увидавъ, что я остался съ нею, Наташа попросила и меня пойдти тоже на встрѣчу гостямъ.

— До сихъ поръ я не могла быть у Наташи, говорила мнѣ Катя, подымаясь на лѣстницу. — Меня такъ шпионили, что ужасъ. M-me Albert я уговаривала цѣлыхъ двѣ недели, наконецъ-то согласилась. А вы, а вы, Иванъ Петровичъ, ни разу ко мнѣ не зашли! Писать я вамъ тоже не могла, да и охоты не было, потому-что письмомъ ничего не разъяснишь. А какъ мнѣ надо было васъ видѣть... Боже мой, какъ у меня теперь сердце бьется...

— Лѣстница крутая, отвѣчалъ я.

— Ну да... и лѣстница... а что, какъ вы думаете: не будетъ сердиться на меня Наташа?

— Нѣтъ, за что же?

— Ну да... конечно за что же; сейчасъ сама увижу; къ чему же и спрашивать?..

Я велъ ее подъ руку. Она даже поблѣднѣла и кажется очень боялась. На послѣднемъ поворотѣ она остановилась перевести духъ, но взглянула на меня и рѣшительно поднялась наверхъ.

Еще разъ она остановилась въ дверяхъ и шепнула мнѣ: я просто войду и скажу ей, что я такъ въ нее вѣряла, что приѣхала не опасаясь... впрочемъ, тожь я разговариваю; вѣдь я увѣрена, что Наташа благороднѣйшее существо. Не правда ли?

Она вошла робко, какъ виноватая, и пристально взглянула на Наташу, которая тотчасъ же улыбнулась ей. Тогда Катя быстро подошла къ ней, схватила ее за руки и прижалась къ ея губамъ своими пухленькими губками. Затѣмъ, еще ни слова не сказавъ Наташѣ, серьезно и даже строго обратилась къ Алешѣ и попросила его оставить насъ на полчаса однихъ.

— Ты не сердись Алеша, прибавила она:—это я потому, что мнѣ много надо переговорить съ Наташей, объ очень важномъ и о серьезномъ, чего ты не долженъ слышать. Будь же умнѣ, поди. А вы, Иванъ Петровичъ, оставайтесь. Вы должны выслушать весь нашъ разговоръ.

— Сядемъ, сказала она Наташѣ по уходѣ Алеши: — я такъ, противъ васъ сяду. Мнѣ хочется сначала на васъ посмотрѣть.

Она сѣла почти прямо противъ Наташи и нѣсколько мгновеній пристально на нее смотрѣла. Наташа отвѣчала ей невольной улыбкой.

— Я уже видѣла вашу фотографію, сказала Катя: — мнѣ показывалъ Алеша.

— Чтожь, похожа я на портретъ?

— Вы лучше, отвѣтила Катя, рѣшительно и серьезно. — Да я такъ и думала, что вы лучше.

— Право? А я вотъ засматриваюсь на васъ. Какая вы хорошенькая!

— Что вы! Куды мнѣ!.. голубчикъ вы мой! прибавила она, дрожавшей рукой взявъ руку Наташи, и обѣ опять примолкли, всматриваясь другъ въ друга. — Вотъ что, мой ангелъ, прервала Катя: — намъ всего полчаса быть вмѣстѣ; m-me Albert и на это сдвѣ согласилась, а намъ много надо переговорить... Я хочу... я должна... ну я васъ просто спрошу: очень вы любите Алешу?

— Да, очень.

— А если такъ... если вы очень любите Алешу... то... вы должны любить и его счастье... прибавила она робко и шопотомъ.

— Да, я хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ...

— Это такъ... но вотъ въ чемъ вопросъ: составляю ли я его счастье? Имѣю ли я право такъ говорить, потому-что я его у васъ отнимаю. Если вамъ кажется, и мы рѣшимъ теперь, что съ вами онъ будетъ счастливѣе, то... то...

— Это уже рѣшено, милая Катя, вѣдь вы же сами видите, что все рѣшено, отвѣчала тихо Наташа и склонила голову. Ей было видимо тяжело продолжать разговоръ.

Катя приготовилась, кажется, на длинное объясненіе на тему: кто лучше составитъ счастье Алеши и кому изъ нихъ придется уступить? Но послѣ отвѣта Наташи, тотчасъ же поняла, что все уже давно рѣшено и говорить больше не объ чемъ. Полураскрывъ свои хорошенькія губки, она съ недоумѣніемъ и съ печалью смотрѣла на Наташу, все еще держа ея руку въ своей.

— А вы его очень любите? спросила вдругъ Наташа.

— Да; и вотъ я тоже хотѣла васъ спросить и ѣхала съ тѣмъ: скажите мнѣ, за что именно вы его любите?

— Не знаю, отвѣчала Наташа и какъ-будто горькое петершнѣе послышалось въ ея отвѣтѣ.

— Умнѣ онъ, какъ вы думаете? спросила Катя.

— Нѣтъ, я такъ его, просто люблю.

— И я тоже. Мнѣ его все какъ-будто жалко.

— И мнѣ тоже, отвѣчала Наташа.

— Что съ нимъ дѣлать теперь! И какъ онъ могъ оставить васъ для меня, не понимаю! воскликнула Катя. — Вотъ какъ теперь увидѣла васъ и не понимаю! — Наташа не отвѣчала и смотрѣла въ землю. Катя помолчала немного и вдругъ, поднявшись со стула, тихо обняла ее. Обѣ, обнявъ одна другую,

заплакали. Катя сѣла на ручку кресель Наташи, не выпуская ее изъ своихъ объятій и начала цѣловать ея руки.

— Еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю! проговорила она, плача. Будемъ сестрами, будемъ всегда писать другъ другу... а я васъ буду вѣчно любить.... я васъ буду такъ любить, такъ любить....

— Онъ вамъ о нашей свадьбѣ, въ июнѣ мѣсяцѣ, говорилъ? спросила Наташа.

— Говорилъ. Онъ говорилъ, что и вы согласны. Вѣдь это все только такъ, чтобъ его утѣшить, не правда ли?

— Конечно.

— Я такъ и поняла. Я буду его очень любить, Наташа, и вамъ обо всемъ писать. Кажется, онъ будетъ теперь скоро моимъ мужемъ; на то идетъ. И они всѣ такъ говорятъ. Милая Наташечка, вѣдь вы пойдете теперь... въ вашъ домъ?

Наташа не отвѣчала ей, но молча и крѣпко поцѣловала ее.

— Будьте счастливы! сказала она.

— И... и вы... и вы тоже, проговорила Катя.— Въ это мгновеніе отворилась дверь и вошелъ Алеша. Онъ не могъ, онъ не въ силахъ былъ переждать эти полчаса, и увидя ихъ обѣихъ въ объятіяхъ другъ у друга и плакавшихъ, весь изнеможенный, страдающій упалъ на колѣна передъ Наташей и Катей.

— Чего же ты-то плачешь? сказала ему Наташа:—что разлучаешься со мной? да на долго ли? къ июню вѣдь пріѣдешь?

— И свадьба ваша будетъ тогда, поспѣшила, сквозь слезы, проговорить Катя, тоже въ утѣшеніе Алеши.

— Но я не могу, я не могу тебя и на день оставить, Наташа. Я умру безъ тебя... ты не знаешь, какъ ты мнѣ теперь дорога! именно теперь!...

— Ну, такъ вотъ какъ ты сдѣлай, сказала, вдругъ оживляясь, Наташа:—вѣдь графиня останется хоть сколько нибудь въ Москвѣ?

— Да, почти недѣлю, подхватила Катя.

— Недѣлю! такъ чегожъ лучше: ты завтра проводишь ихъ до Москвы,—это всего одинъ день, и тотчасъ же пріѣзжай сюда. Какъ имъ надо будетъ выѣзжать изъ Москвы, мы ужъ тогда совѣмъ, на мѣсяцъ, простимся и ты воротись въ Москву ихъ провожать.

— Ну такъ, такъ... А вы все-таки, лишнихъ четыре дня пробудите вмѣстѣ, вскрикнула восхищенная Катя, обмѣнявшись многозначительнымъ взглядомъ съ Наташей.

Не могу выразить восторга Алеши отъ этого поваго проэкта. Онъ вдругъ совершенно утѣшился, его лицо засіяло радостію, онъ обнималъ Наташу, цѣловалъ руки у Кати, обнималъ меня. Наташа въ грустною улыбкою смотрѣла на него, но Катя се могла вынести. Она переглянулась со мной горячимъ, сверкающимъ взглядомъ, обняла Наташу

и встала со стула, чтобъ ѣхать. Какъ нарочно въ эту минуту француженка прислала челоѣка съ просьбою окончить свиданіе поскорѣе, и что условленные полчаса уже прошли.

Наташа встала. Обѣ стояли одна противъ другой, держась за руки, и какъ будто сѣясь передать взглядомъ все, что скопилось въ душѣ.

— Вѣдь мы ужъ больше нпкогда не увидимся, сказала Катя.

— Никогда Катя, отвѣчала Наташа.

— Ну, такъ простимся. Обѣ обнялись.

— Не проклинайте меня, прошептала наскоро Катя:— а я... всегда... будьте увѣрены... онъ будетъ счастливъ... Пойдемъ Алеша, проводи меня! быстро произнесла она, схватывая его руку.

— Ваня! сказала мнѣ Наташа, взволнованная и измученная, когда они вышли, ступай за ними и ты, и... не приходи назадъ: у меня будетъ Алеша до вечера, до восьми часовъ; а вечеромъ ему нельзя, онъ уйдетъ. Я останусь одна... Приходи часовъ въ девять. Пожалуйста.

Когда въ девять часовъ, оставивъ Нелли (послѣ разбитой чашки) съ Александрой Семеновной, я пришелъ къ Наташѣ, она уже была одна и съ потерпѣніемъ ждала меня; Мавра подала намъ самоваръ; Наташа налила мнѣ чаю, сѣла на диванъ и подозвала меня поближе къ себѣ.

— Вотъ и кончилось все, сказала она, пристально взглянувъ на меня. Никогда не забуду я этого взгляда.

— Вотъ и кончилась наша любовь. Полгода жизни! И на всю жизнь, прибавила она, сжимая мнѣ руку. Ея рука горѣла. Я сталъ уговаривать ее одѣться потеплѣе и лечь въ постель.

— Сейчасъ, Ваня, сейчасъ мой добрый другъ. Дай мнѣ поговорить и припомнить немного... Я теперь, какъ разбитая... Завтра въ послѣдній разъ его увижу, въ десять часовъ... *въ послѣдній!*

— Наташа, у тебя лихорадка, сейчасъ будетъ ознобъ; пожалѣй себя...

— Что же? Ждала я тебя теперь, Ваня, эти полчаса какъ онъ ушелъ, и какъ ты думаешь, о чемъ думала, о чемъ себя спрашивала? Спрашивала: любила я его, иль не любила, и что это такое была наша любовь? Что тебѣ смѣшно, Ваня, что я объ этомъ только теперь себя спрашиваю?

— Не тревожь себя, Наташа...

— Видишь Ваня: вѣдь я рѣшила, что я его не любила какъ равню, такъ какъ обыкновенно женщина любитъ мужину. Я любила его какъ... почти какъ мать. Мнѣ даже кажется, что совѣмъ и не бываетъ на свѣтѣ такой любви, чтобъ оба другъ друга любили какъ равные, а? Какъ ты думаешь?

Я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее и боялся не начипается ли съ ней горячка. Какъ будто что-то увлекало ее; она чувствовала какую-то особенную потребность говорить; инныя слова ея были

какъ будто безъ связи и даже иногда она плохо выговаривала ихъ. Я очень боялся.

— Онъ былъ мой, продолжала она. — Почти съ первой встрѣчи съ нимъ у меня явилось тогда непреодолимое желаніе чтобъ онъ былъ *мой*, поскорѣй *мой* и чтобъ онъ ни на кого не глядѣлъ, ни кого и не зналъ, кромѣ меня, одной меня... Катя, давеча, хорошо сказала: я именно любила его такъ, какъ-будто мнѣ все время было отчего-то его жалко... Было у меня всегда непреодолимое желаніе, даже мученіе, когда я оставалась одна, о томъ, чтобъ онъ былъ ужасно и вѣчно счастливъ. На его лицо (ты вѣдь знаешь выраженіе его лица Ваня) я спокойно смотрѣть не могла: такого выраженія ни *у кого не бываетъ*, а засмѣется онъ, такъ у меня холодъ и дрожь была... Право!..

— Наташа, послушай...

— Вотъ говорили, перебила она: — да и ты впрочемъ говорилъ, — что онъ безъ характера и... и умомъ не далека, какъ ребенокъ. Ну, а я это-то въ немъ и любила больше всего... вѣрнѣе ли этому? Не знаю, впрочемъ любила ли именно одно это: такъ, просто, всего его любила, и будь онъ хоть чѣмъ-нибудь другой, съ характеромъ, иль умнѣе, я бы можетъ и не любила его такъ. Знаешь, Ваня, я тебѣ признаюсь въ одномъ: помнишь у насъ была ссора, три мѣсяца назадъ, когда онъ былъ у той, какъ ее, у этой Минны... я узнала, выслѣдила, и вѣрнѣе ли: мнѣ ужасно было больно, а въ тоже время какъ-будто и пріятно... не знаю почему... одна ужъ мысль, что онъ тоже, какъ *большой* какой-нибудь, вмѣстѣ съ другими *богатыми* по красавицамъ развѣзжаетъ, тоже къ Миннѣ поѣхалъ! Я... Какое наслажденіе было мнѣ тогда въ этой ссорѣ; а потомъ простить его... о милый!

Она взглянула мнѣ въ лицо и какъ-то странно разсмѣялась. Потомъ какъ-будто задумалась, какъ-будто все еще припоминала. И долго сидѣла она такъ, съ улыбкой на губахъ, вдумываясь въ прошедшее.

— Я ужасно любила его прощать, Ваня, продолжала она: — знаешь, что когда онъ оставлялъ меня одну, я хожу бывало по комнатѣ, мучаюсь, плачу, а сама иногда подумаю: чѣмъ виноватѣе онъ передо мной, тѣмъ вѣдь лучше... да! И знаешь: мнѣ всегда представлялось, что онъ какъ-будто такой маленькій мальчикъ: я сижу, а онъ положилъ ко мнѣ на колѣни голову, заснулъ, а я его тихонько по головкѣ глажу, ласкаю... Всегда такъ воображала о немъ, когда его со мной не было... Послушай, Вани, прибавила она вдругъ: — какая это прелесть Катя!

Мнѣ показалось, что она сама нарочно растравляетъ свою рану, чувствуя въ этомъ какую-то потребность, — потребность отчаянія, страданій... И такъ часто бываетъ это съ сердцемъ, много потерявшимъ!

— Катя, мнѣ кажется, можетъ его сдѣлать

счастливымъ, продолжала она. — Она съ характеромъ и говорить, какъ-будто такая убѣжденная, и съ нимъ она такая серьезная, важная, — все объ умныхъ вещахъ говорить, точно большая. А сама-то, сама-то — настоящий ребенокъ! Милочка, милочка! О! пусть они будутъ счастливы! пусть, пусть, пусть!..

И слезы, рыданія, вдругъ разомъ такъ и хлынули изъ ея сердца. Цѣлыхъ полчаса она не могла придти въ себя и хоть сколько-нибудь успокоиться.

Милый ангелъ Наташа! Еще въ этотъ же вечеръ, не смотря на свое горе, она смогла-таки принять участіе и въ моихъ заботахъ, когда я, видя, что она немножко успокоилась, или, лучше сказать, устала, и думая развлечь ее, рассказалъ ей о Нелли... Мы разстались въ этотъ вечеръ поздно; я дождался, пока она заснула, и, уходя, просилъ Мавру не отходить отъ своей больной госпожи всю ночь.

— О поскорѣе, поскорѣе! восклицалъ я, возвращаясь домой: — поскорѣе, конецъ этимъ мукамъ! хоть чѣмъ-нибудь, хоть какъ-нибудь, но только скорѣе, скорѣе!

На утро, ровно въ девять часовъ, я уже былъ у нея. Въ одно время со мной пріѣхалъ и Алеша... прощаться. Не буду говорить, не хочу вспоминать объ этой сценѣ. Наташа какъ-будто дала себѣ слово скрѣпить себя, казаться веселѣе, равнодушнѣе, но не могла. Она обняла Алешу судорожно, крѣпко. Мало говорила съ нимъ, но глядѣла на него долго, прістально, мученическимъ и словно безумнымъ взглядомъ. Жадно вслушивалась въ каждое слово его и кажется ничего не понимала изъ того, что онъ ей говорилъ. Помню онъ просилъ простить ему, простить ему и любовь эту и все, чѣмъ онъ оскорблялъ ее въ это время, свои измѣны, свою любовь къ Катѣ, отъѣздъ... Онъ говорилъ безсвязно, слезы душили его. Иногда онъ вдругъ принимался утѣшать ее; говорилъ, что ѣдетъ только на мѣсяць, или много что на пять недѣль, что пріѣдетъ лѣтомъ, тогда будетъ ихъ свадьба и отецъ согласится и, наконецъ, главное, что вѣдь онъ послѣ завтра пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда цѣлыхъ четыре дня они еще пробудутъ вмѣстѣ и что, стало-быть, теперь разстанутся на одинъ только день...

Странное дѣло: самъ онъ былъ вполне увѣренъ, что говоритъ правду и что непременно послѣ завтра воротится изъ Москвы... Чего же самъ онъ такъ плакалъ и мучился?

Наконецъ часы пробили одиннадцать. Я насилу могъ уговорить его ѣхать. — Московскій поѣздъ отправлялся ровно въ двѣнадцать. Оставался одинъ часъ. Наташа мнѣ сама потомъ говорила, что не помнитъ какъ послѣдній разъ взглянула на него. Помню, что она перекрестила его, поцѣловала и закрывъ руками лицо бросилась назадъ въ комнату. Мнѣ же надо было проводить Алешу до самаго экипажа, иначе онъ непременно бы воротился и никогда бы не сошелъ съ лѣстницы.

— Вся надежда на васъ, говорилъ онъ мнѣ, сходя внизъ. — Другъ мой, Ваня! Я передъ тобой виноватъ и никогда не могъ заслужить твоей любви, но будь мнѣ до конца братомъ: люби ее, не оставляй ее, пиши мнѣ обо всемъ, обо всемъ, какъ можно подробнѣе и мельче, какъ можно мельче пиши, чтобъ больше уписалось. Послѣ завтра я здѣсь опять, непременно, непременно! Но потомъ, когда я уйду, пиши!

Я посадилъ его на дрожки. — До послѣ завтра! закричалъ онъ мнѣ съ дороги. — Непременно!

Съ замправившимъ сердцемъ, воротился я наверхъ къ Наташѣ. Она стояла посреди комнаты, скрестивъ руки, и въ недоумѣніи на меня по-смотрѣла, точно не узнавала меня. Волосы ея сбились какъ-то на сторону; взглядъ былъ мутный и блуждающій. Мавра, какъ потерянная, стояла въ дверяхъ, со страхомъ смотря на нее.

Вдругъ глаза Наташи засверкали:

— А! Это ты! ты! вскричала она на меня. — Только ты одинъ теперь остался. Ты его ненави-дѣлъ! Ты никогда ему не могъ простить, что я его полюбила... Теперь ты опять при мнѣ! Чтожъ? опять *уттишитъ* пришелъ меня, уговаривать, чтобъ я шла къ отцу, который меня бросилъ и про-клялъ. Я такъ и знала еще вчера, еще за два мѣсяца!.. Не хочу, не хочу! Я сама проклиная ихъ!.. Поди прочь, я не могу тебя видѣть! Прочь, прочь!

Я понялъ, что она въ пзступленіи и что мой видъ возбуждаетъ въ ней гнѣвъ до безумія, по-нялъ, что такъ и должно было быть, и разсудилъ лучше выйти. Я сѣлъ на лѣстницѣ, на первую ступеньку, и — ждалъ. Иногда я подымался, от-ворялъ дверь, подзывалъ къ себѣ Мавру и рас-прашивалъ ее; Мавра плакала.

Такъ прошло часа полтора. Не могу изобра-зить, что я вынесъ въ это время. Сердце замрало во мнѣ и мучилось отъ безпредѣльной боли. Вдругъ дверь отворилась и Наташа выбѣжала на лѣст-ницу, въ шляпкѣ и бурнусѣ. Она была какъ въ безпамятствѣ и сама потомъ говорила мнѣ, что едва помнить это и не знаетъ куда и съ какимъ намѣреніемъ она хотѣла бѣжать.

Я не успѣлъ еще вскочить съ своего мѣста и куда нибудь отъ нея спрятаться, какъ вдругъ она меня увидала, и какъ пораженная остановилась переду мной безъ движенія. Мнѣ вдругъ припом-нилось, говорила она мнѣ потомъ, что я, безум-ная, жестокая, могла выгнать тебя, тебя моего друга, моего брата, моего спасителя! И какъ уви-дѣла, что ты бѣдный, обиженный мною, сидишь у меня на лѣстницѣ, не уходишь и ждешь, пока я тебя опять позову, — Боже! Еслибъ ты зналъ Ваня, что тогда со мной стало! Какъ будто въ сердце мнѣ что-то вонзили...

— Ваня! Ваня! закричала она, протягивая мнѣ руки:—ты здѣсь!.. и упала въ мои объятія.

Я подхватилъ ее и понесъ въ комнату. Она

была въ обморокѣ. Что дѣлать! думалъ я. Съ ней будетъ горячка, это навѣрно!

Я рѣшился бѣжать къ доктору; надо было за-хватить болѣзнь. Съѣздить же можно было скоро; до двухъ часовъ мой старикъ-нѣмецъ обыкновенно сидѣлъ дома. Я побѣжалъ къ нему, умоляя Мавру ни на минуту, ни на секунду не уходить отъ На-таши и не пускать ее никуда. Богъ мнѣ помогъ: еще бы немного и я бы не засталъ моего старика дома. Онъ встрѣтился уже мнѣ на улицѣ, когда выходилъ изъ квартиры. Мигомъ я посадилъ его на моего извозчика, такъ что онъ еще не успѣлъ удивиться и мы пустились обратно къ Наташѣ.

— Да, Богъ мнѣ помогъ! Въ полчаса моего от-сутствія случилось у Наташи такое происшествіе, которое бы могло совсѣмъ убить ее, еслибъ мы съ докторомъ не подосѣли во время. Не прошло и четверти часа послѣ моего отбѣзда, какъ вошелъ князь. Онъ только что проводилъ своихъ и явился къ Наташѣ прямо съ желѣзной дороги. Этотъ ви-зитъ, вѣроятно, уже давно былъ рѣшенъ и обду-манъ имъ. Наташа сама рассказывала мнѣ потомъ, что въ первое мгновеніе она даже и не удивилась князю. «Мой умъ помѣшался», говорила она.

Онъ сѣлъ противъ нея, глядя на нее ласковымъ, соболѣзнуюющимъ взглядомъ.

— Милая моя, сказалъ онъ вздохнувъ:—я по-нимаю ваше горе; я знаю, какъ будетъ тяжела вамъ эта минута, и положилъ себѣ за долгъ посѣтить васъ. Утѣштесь, если можете, хоть тѣмъ, что отказавшись отъ Алешы, вы составили его счастье. Но вы лучше меня это понимаете, потому что рѣшились на великодушный подвигъ...

Я сидѣла и слушала, рассказывала мнѣ Наташа, по сначала право какъ-будто не понимала его. Помню только, что пристально, пристально гля-дѣла на него. Онъ взялъ мою руку и началъ по-жимать ее въ своей. Это ему кажется было очень пріятно. Я же до того была не въ себѣ, что и не подумала вырвать у него руку.

— Вы поняли, продолжалъ онъ: — что, ставъ женою Алешы, могли возбудить въ немъ, впослед-ствіи, къ себѣ ненависть и у васъ достало благо-родной гордости, чтобъ сознать это и рѣшиться... но,—вѣдь не хвалить же я васъ пріѣхалъ. Я хо-тѣлъ только заявить передъ вами, что никогда и нигдѣ не найдете вы лучшаго друга, какъ я. Я вамъ сочувствую и жалѣю васъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ я принималъ невольное участіе, но — я ис-полнялъ свой долгъ. Ваше прекрасное сердце пой-метъ это и примирится съ мной... А мнѣ было тяжелѣе вашего; повѣрьте!

— Довольно, князь, сказала Наташа.—Оставьте меня въ покоѣ.

— Непременно, я уйду скоро, отвѣчалъ онъ:—но я люблю васъ, какъ дочь свою, и вы позво-лите мнѣ посѣщать себя. Смотрите на меня теперь какъ на вашего отца и позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

— Мнѣ ничего не надо, оставьте меня, прервала опять Наташа.

— Знаю, вы горды.... Но я говорю искренно, отъ сердца. Что намѣрены вы теперь дѣлать? Помириться съ родителями? Доброе бы оно дѣло, но вашъ отецъ несправедливъ, гордъ и деспотъ; простите меня, но это такъ. Въ вашемъ домѣ вы встрѣтите теперь одни попреки и новыя мученія... Но однакоже надо, чтобъ вы были независимы, а моя обязанность, мой священный долгъ—заботиться теперь о васъ и помогать вамъ. Алеша умолялъ меня не оставлять васъ и быть вашимъ другомъ. Но и кромѣ меня есть люди вамъ глубоко преданные. Вы мнѣ, вѣроятно, позволите представить вамъ графа N. Онъ съ превосходнымъ сердцемъ, родственникъ нашъ и даже, можно сказать, благодѣтель всего нашего семейства; онъ много сдѣлалъ для Алеши. Алеша очень уважалъ и любилъ его. Онъ очень сильный человѣкъ, съ большимъ вліяніемъ, уже старичокъ, и принимать его вамъ, дѣвицѣ, можно. Я ужъ говорилъ ему про васъ. Онъ можетъ пристроить васъ и, если захотите, доставить вамъ превосходное мѣсто... у одной изъ своихъ родственницъ. Я давно уже, прямо и откровенно, объяснилъ ему все *наше* дѣло и онъ до того увлекся своимъ добрымъ и благороднѣйшимъ чувствомъ, что даже самъ упрасиваетъ меня теперь какъ можно скорѣе представиться вамъ... Это человѣкъ сочувствующій всему прекрасному, повѣрьте мнѣ,—щедрый, почтенный, старичокъ, способный цѣнить достоинство и еще даже, недавно, благороднѣйшимъ образомъ обошелся съ вашимъ отцомъ, въ одной исторіи.

Наташа приподнялась какъ уязвленная. Теперь она уже понимала его.

— Оставьте меня, оставьте сейчасъ же! закричала она.

— Но, мой другъ, вы забываете: графъ можетъ быть полезенъ и вашему отцу...

— Мой отецъ ничего не возьметъ отъ васъ. Оставьте ли вы меня! закричала еще разъ Наташа.

— О Боже, какъ вы нетерпѣливы и недовѣрчивы! Чѣмъ заслужилъ я это, произнесъ князь, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ:—во всякомъ случаѣ вы позволите мнѣ, продолжалъ онъ, вынимая большую пачку изъ кармана:—вы позволите мнѣ оставить у васъ это доказательство моего къ вамъ участія и въ особенноти участія графа N., побудившаго меня своимъ совѣтомъ. Здѣсь, въ этомъ пакетѣ, десять тысячъ рублей. Подождите мой другъ, подхватилъ онъ, видя что Наташа съ гнѣвомъ поднялась съ своего мѣста:—выслушайте терпѣливо все: вы знаете, отецъ вашъ проигралъ мнѣ тяжбу и эти десять тысячъ послужатъ вознагражденіемъ, которое...

— Прочь, закричала Наташа:—прочь съ этими деньгами! Я васъ вижу насквозь... о низкій, низкій, низкій человѣкъ!

Князь поднялся со стула, блѣдный отъ злости. Вѣроятно онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ огладѣть

мѣстность, разузнать положеніе и, вѣроятно, крѣпко разсчитывать на дѣйствіе этихъ десяти тысячъ рублей передъ нищею и оставленною всѣми Наташей... Низкій и грубый, онъ не разъ подслуживался графу N, сластолюбивому старику, въ такого рода дѣлахъ. Но онъ ненавидѣлъ Наташу, и догадавшись, что дѣло не пошло на ладъ, тотчасъ же переимѣнилъ тонъ и съ злою радостію поспѣшилъ оскорбить ее, чтобъ *не уходитъ, по крайней мѣрѣ, даромъ*:

— Вотъ ужъ это и нехорошо, моя милая, что вы такъ горячитесь, произнесъ онъ нѣсколько дрожавшимъ голосомъ, отъ нетерпѣливаго наслажденія видѣть поскорѣе эффектъ своей обиды:—вотъ ужъ это и нехорошо. Вамъ предлагаютъ покровительство, а вы подымаете носикъ... А того и не знаете, что должны быть мнѣ благодарны; уже давно могъ бы я посадить васъ въ смиреннѣйшій домъ, какъ отецъ развращаемаго вами молодого человѣка, котораго вы обирали, да вѣдь не сдѣлалъ же этого... хе, хе, хе, хе!

Но мы уже входили. Услышавъ еще изъ кухни голоса, я остановилъ на одну секунду доктора и вслушался въ послѣднюю фразу князя. Затѣмъ раздался отвратительный хохотъ его и отчаянное восклицаніе Наташи: «О Боже мой!» Въ эту минуту я отворилъ дверь и бросился на князя.

Я плюнулъ ему въ лицо и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Онъ хотѣлъ было броситься на меня, но увидавъ, что насъ двое, пустился бѣжать, схвативъ сначала со стола свою пачку съ деньгами. Да, онъ сдѣлалъ это; я самъ видѣлъ. Я бросилъ ему въ догонку скалкой, которую схватилъ въ кухнѣ, на столѣ... Вбѣжавъ опять въ комнату, я увидѣлъ, что докторъ удерживалъ Наташу, которая билась и рвалась у него изъ рукъ, какъ въ припадкѣ. Долго мы не могли успокоить ее; наконецъ намъ удалось уложить ее въ постель; она была какъ въ горячемъ бреду.

— Докторъ! что съ ней? спросилъ я, зампрая отъ страха.

— Подождите, отвѣчалъ онъ:—надо еще приглядѣться къ болѣзни и потомъ уже сообразить... но, вообще говоря, дѣло очень не хорошо. Можетъ кончиться даже горячкой... Впрочемъ, мы примемъ мѣры...

Но меня уже осѣнила другая мысль. Я умолилъ доктора остаться съ Наташей еще на два или на три часа, и взявъ съ него слово не уходить отъ нея ни на одну минуту. Онъ далъ мнѣ слово, и я побѣжалъ домой.

Нелли сидѣла въ углу, угрюмая и встревоженная, и странно поглядѣла на меня. Должно быть я и самъ былъ страшенъ.

Я схватилъ ее на руки, сѣлъ на диванъ, посадилъ къ себѣ на колѣни и горячо поцѣловалъ ее. Она вспыхнула.

— Нелли, ангелъ! сказалъ я:—хочешь ли ты быть нашимъ спасеніемъ? хочешь ли спасти всѣхъ насъ?

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Нелли! вся надежда теперь на тебя! Есть одппъ отецъ: ты его видѣла и знаешь; онъ проклялъ свою дочь и вѣчера приходилъ просить тебя къ себѣ вмѣсто дочери. Теперь ее, Наташу (а ты говорила, что любишь ее!), оставилъ тотъ, котораго она любила и для котораго ушла отъ отца. Онъ сынъ того князя, который пріѣзжалъ, помнишь, вечеромъ ко мнѣ, и засталъ еще тебя одну, а ты убѣжала отъ него и потомъ была больна... Ты вѣдь знаешь его? Онъ злой человѣкъ!

— Знаю, отвѣчала Нелли, вздрогнула и поблѣднѣла.

— Да, онъ злой человѣкъ. Онъ ненавидѣлъ Наташу за то, что его сынъ, Алеша, хотѣлъ на ней жениться. Сегодня уѣхалъ Алеша, а черезъ часъ его отецъ уже былъ у ней и оскорбилъ ее, и грозилъ ее посадить въ смиренительный домъ и смѣялся надъ ней. Понимаешь меня, Нелли?

Черные глаза ея сверкнули, но она тотчасъ же ихъ опустила.

— Понимаю, прошептала она чуть слышно.

— Теперь Наташа одна, больная; я оставилъ ее съ нашимъ докторомъ, а самъ пріѣзжалъ къ тебѣ, Слушай, Нелли: пойдѣмъ къ отцу Наташи; ты его не любишь, ты къ нему не хотѣла идти, но теперь пойдѣмъ къ нему вмѣстѣ. Мы войдемъ, и я скажу, что ты теперь хочешь быть у нихъ вмѣсто дочери, вмѣсто Наташи. Старикъ теперь боленъ, потому что проклялъ Наташу, и потому что отецъ Алешинъ еще на дняхъ смертельно оскорбилъ его. Онъ не хочетъ и слушать теперь про дочь, но онъ ее любить, любитъ, Нелли, и хочетъ съ ней примириться; я знаю это, я все знаю! это такъ!.. Слышишь ли Нелли?

— Слышу, произнесла она тѣмъ же шопотомъ. — Я говорилъ ей, обливаясь слезами. Она робко взглядывала на меня.

— Вѣришь ли этому?

— Вѣрю.

— Ну такъ я войду съ тобой, посажу тебя, и тебя примутъ, обласкаютъ и начнутъ спрашивать. Тогда я самъ такъ подведу разговоръ, что тебя начнутъ спрашивать о томъ, какъ ты жила прежде: о твоей матери и о твоёмъ дѣдушкѣ. Расскажи имъ Нелли все такъ, какъ ты мнѣ рассказывала. Все, все расскажи, просто и ничего не утаивая. Расскажи имъ, какъ твою мать оставилъ злой человѣкъ, какъ она умирала въ подвалѣ у Бубновой, какъ вы съ матерью вмѣстѣ ходили по улицамъ и просили милостыню; что говорила она тебѣ и о чемъ просила тебя, умирая... Расскажи тутъ же и про дѣдушку. Расскажи, какъ онъ не хотѣлъ прощать твою мать, и какъ она посылала тебя къ нему въ свой предсмертный часъ, чтобъ онъ пришелъ къ ней простить ее и какъ онъ не хотѣлъ... и какъ она умерла. Все, все расскажи! И какъ расскажешь все это, то старикъ почувствуетъ все это и въ своемъ сердцѣ. Онъ вѣдь знаетъ, что сегодня бросилъ ее Алеша, и она осталась уни-

женная и поруганная, одна, безъ помощи и безъ защиты, на поруганіе своему врагу. Онъ все это знаетъ... Нелли! спаси Наташу! Хочешь ли ѣхать?

— Да, отвѣчала она, тяжело переводя духъ и какимъ-то страннымъ взглядомъ, пристально и долго посмотрѣвъ на меня; что-то похожее на укоръ было въ этомъ взглядѣ, и я почувствовалъ это въ моемъ сердцѣ.

Но я не могъ оставить мою мысль. Я слишкомъ вѣрилъ въ нее. Я схватилъ за руку Нелли, и мы вышли. Былъ уже третій часъ пополудни. Находилась туча. Все послѣднее время погода стояла жаркая и душливая, но теперь послышался, гдѣ-то далеко, первый, ранній весенній громъ. Вѣтеръ пронесся по пыльнымъ улицамъ.

Мы сѣли на извозчика. Всю дорогу Нелли молчала, изрѣдка только взглядывала на меня все тѣмъ же страннымъ и загадочнымъ взглядомъ. Грудь ея волновалась, и, придерживая ее на дрожкахъ, я слышалъ, какъ въ моей ладони колотилось ея маленькое сердечко, какъ будто хотѣло выскочить вонъ.

ГЛАВА VII.

Дорога мнѣ казалась безконечною. Наконецъ мы пріѣхали, и я вошелъ къ моимъ старикамъ съ замираніемъ сердца. Я не зналъ какъ выйду изъ ихъ дома, но зналъ, что мнѣ, во чтобы то ни стало, надо выйти съ прощеніемъ и примиреніемъ.

Былъ уже четвертый часъ. Старики сидѣли одни, по обыкновенію. Николай Сергѣичъ былъ очень разстроенъ и боленъ и полулежалъ, протянувшись въ своемъ покойномъ креслѣ, блѣдный и изнеможенный, съ головой обвязанной платкомъ. Анна Андреевна сидѣла возлѣ него, изрѣдка приманивала ему виски уксусомъ и безпрестанно, съ пытливымъ и страдальческимъ видомъ, заглядывала ему въ лицо, что, кажется, очень беспокоило старика и даже досаждало ему. Онъ упорно молчалъ; она не смѣла заговорить. Нашъ внезапный пріѣздъ поразилъ ихъ обоихъ. Анна Андреевна чего-то вдругъ испугалась, увидя меня съ Нелли, и въ первые минуты смотрѣла на насъ такъ, какъ будто въ чемъ нибудь вдругъ почувствовала себя виноватою.

— Вотъ я привезъ къ вамъ мою Нелли, сказалъ я, входя. — Она надумалась, и теперь сама заходила къ вамъ. Примите и полюбите...

Старикъ подозрительно взглянулъ на меня и уже по одному этому взгляду можно было угадать, что ему все извѣстно, то есть, что Наташа теперь уже одна, оставлена, брошена, и можетъ быть уже оскорблена. Ему очень хотѣлось проникнуть въ тайну нашего прибытія, и онъ вопросительно смотрѣлъ на меня и на Нелли. Нелли дрожала, крѣпко сжимая своей рукой мою, смотрѣла въ землю и изрѣдка только бросала кругомъ себя пугливый взглядъ, какъ пойманный звѣрокъ. Но скоро Анна Андреевна опомнилась и догадалась: она такъ и кинулась къ Нелли, поцѣловала ее, приласкала,

даже заплакала и съ нѣжностью усадила ее возлѣ себя, не выпуская изъ своей руки ея руку. Нелли съ любопытствомъ и съ какимъ-то удивленіемъ оглядѣла ее искоса.

Но обласкавъ и усадивъ Нелли подлѣ себя, старушка уже и не знала больше что дѣлать и съ наивнымъ ожиданіемъ стала смотрѣть на меня. Старикъ поморщился, чуть ли не догадавшись для чего я привелъ Нелли. Увидѣвъ, что я замѣчаю его недовольную мину и нахмуренный лобъ, онъ поднесъ къ головѣ свою руку и сказалъ мнѣ отрывисто:

— Голова болить, Ваня.

Мы все еще сидѣли и молчали; я обдумывалъ что начать. Въ комнатѣ было сумрачно; надвигалась черная туча и вновь послышался отдаленный раскатъ грома.

— Громъ-то какъ рано въ эту весну, сказалъ старикъ. — А вотъ въ тридцать седьмомъ году, помню въ нашихъ мѣстахъ, былъ еще ранѣе.

Анна Андреевна вздохнула.

— Не поставить ли самоварчикъ? робко спросила она, но никто ей не отвѣтилъ, и она опять обратилась къ Нелли.

— Какъ тебя, моя голубушка, звать? спросила она ее.

Нелли слабымъ голосомъ назвала себя и еще боляше потупилась. Старикъ пристально поглядѣлъ на нее.

— Это Елена, что ли? продолжала, оживляясь старушка.

— Да, отвѣчала Нелли, и опять послѣдовало минутное молчаніе.

— У сестрицы Прасковьи Андреевны была племянница Елена, проговорилъ Николай Сергѣичъ:— тоже Нелли звали. Я помню.

— Чтожъ у тебя, голубушка, ни родныхъ, ни отца, ни матери нѣту? спросила опять Анна Андреевна.

— Нѣтъ, отрывисто и пугливо прошептала Нелли.

— Слышала я это, слышала. А давно ли матушка твоя померла.

— Недавно.

— Голубчикъ ты мой, сироточка, продолжала старушка, жалостливо на нее поглядывая. Николай Сергѣичъ въ нетерпѣніи барабанилъ по столу пальцами.

— Матушка-то твоя изъ иностранокъ, что ли была; такъ что ли вы рассказывали, Иванъ Петровичъ? продолжались робкіе разспросы старушки.

Нелли бѣгло взглянула на меня своими черными глазами, какъ будто призывая меня на помощь. Она какъ-то не ровно и тяжело дышала.

— У ней, Анна Андреевна, началъ я: — мать была дочь англичанина и русской, такъ что скорѣе была русская; Нелли же родилась за границей.

— Какже ея матушка-то съ супругомъ своимъ за границу поѣхала?

Нелли вдругъ вся вскинулась. Старушка мигомъ догадалась, что обмолвилась и вздрогнула подъ гнѣвнымъ взглядомъ старика. Онъ строго посмотрѣлъ на нее и отворотился было къ окну.

— Ея мать была дурнымъ и подлымъ человѣкомъ обманута, произнесъ онъ, вдругъ обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ. — Она уѣхала съ нимъ отъ отца и передала отцовскія деньги любовнику; а тотъ, выманивъ ихъ у нея обманомъ, завезъ за границу, обокралъ и бросилъ. Одинъ добрый человѣкъ ее не оставилъ и помогалъ ей до самой своей смерти. А когда онъ умеръ, она, два года тому назадъ, воротилась назадъ къ отцу. Такъ что ли ты рассказывалъ, Ваня? спросилъ онъ отрывисто.

Нелли въ величайшемъ волненіи встала съ мѣста и хотѣла было идти къ дверямъ.

— Поди сюда Нелли, сказалъ старикъ, протягивая наконецъ ей руку. — Сядь здѣсь, сядь возлѣ меня, вотъ тутъ, — сядь! Онъ нагнулся, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо началъ гладить ее по головкѣ. Нелли такъ вся и затрепетала...но сдержала себя. Анна Андреевна въ умиленіи, съ радостною надеждою смотрѣла какъ ея Николай Сергѣевичъ приглубилъ, наконецъ, сиротку.

— Я знаю, Нелли, что твою мать погубилъ злой человѣкъ, злой и безнравственный, но знаю тоже, что она отца своего любила и почитала, съ волненіемъ произнесъ старикъ; продолжая гладить Нелли по головкѣ, и не стерпѣвъ, чтобъ не бросить намъ въ эту минуту этотъ вызовъ. Легкая краска покрыла его блѣдныя щеки; но онъ старался не взглядывать на насъ.

— Мамаша любила дѣдушку больше, чѣмъ ее дѣдушка любилъ, робко, но твердо проговорила Нелли, тоже стараясь ни на кого не взглянуть.

— А ты почему знаешь? рѣзко спросилъ старикъ, не выдержавъ какъ ребенокъ, и какъ-будто самъ стыдясь своего нетерпѣнія.

— Знаю, отрывисто отвѣчала Нелли. — Онъ не принявъ матушку и... прогналъ ее...

Я видѣлъ, что Николаю Сергѣичу хотѣлось было что-то сказать, возразить, сказать наприимѣръ, что старикъ за дѣло не принявъ дочь, но онъ поглядѣлъ на насъ и смолчалъ.

— Какъ же, гдѣ же вы жили-то, когда дѣдушка васъ не принялъ? спросила Анна Андреевна, въ которой вдругъ родилось упорство и желаніе продолжать пмменно на эту тему.

— Когда мы прѣбали, то долго отыскивали дѣдушку, отвѣчала Нелли: — но никакъ не могли отыскать. Мамаша мнѣ и сказала тогда, что дѣдушка былъ прежде очень богатый и фабрику хотѣлъ строить, а что теперь онъ очень бѣдный, потому что тотъ, съ кѣмъ мамаша уѣхала, взялъ у ней всѣ дѣдушкины деньги и не отдалъ ей. Она мнѣ это сама сказала.

— Гм...отозвался старикъ.

— И она говорила мнѣ еще, продолжала Нелли, все болѣе и болѣе оживляясь и какъ-будто желая возразить Николаю Сергѣичу, но обращаясь къ

Аннѣ Андреевнѣ:—она мнѣ говорила, что дѣдушка на нее очень сердитъ и что она сама во всемъ передъ нимъ виновата, и что нѣтъ у ней теперь на всей землѣ никого кромѣ дѣдушки. И когда говорила мнѣ, то плакала... «Онъ меня не проститъ», говорила она, еще когда мы сюда ѣхали, «но можетъ быть тебя увидитъ и тебя полюбитъ, а за тебя и меня проститъ». Мамаша очень любила меня и когда это говорила, то всегда меня цѣловала, а къ дѣдушкѣ идти очень боялась. Меня же учила молиться за дѣдушку и сама молилась и много мнѣ еще рассказывала, какъ она прежде жила съ дѣдушкой и какъ дѣдушка ее очень любилъ, больше всѣхъ. Она ему на фортепьяно играла и книги читала по вечерамъ, а дѣдушка ее цѣловалъ и много ей дарилъ...все дарилъ, такъ что одинъ разъ они и поссорились, въ мамашины именины; потому что дѣдушка думалъ, что мамаша еще не знаетъ какой будетъ подарокъ, а мамаша уже давно узнала какой. Мамашѣ хотѣлось серьги, а дѣдушка все нарочно обманывалъ ее и говорилъ что подаритъ не серьги, а брошку; и когда онъ принесъ серьги и какъ увидѣлъ, что мамаша ужъ знаетъ, что будутъ серьги, а не брошка, то рассердился за то, что мамаша узнала, и половину дня не говорилъ съ ней, а потомъ самъ пришелъ ее цѣловать и прощенья просить...

Нелли рассказывала съ увлеченіемъ и даже краска заиграла на ея блѣдныхъ, больныхъ щечкахъ.

Видно было, что ея *мамаша* не разъ говорила съ своей маленькой Нелли о своихъ прежнихъ счастливыхъ дняхъ, сидя въ своемъ углу, въ подвалѣ, обнимая и цѣлуя свою дѣвочку (все что у ней осталось отраднаго въ жизни), и плача надъ ней а въ тоже время и не подозревая, съ какою силою отзовутся эти рассказы ея въ болѣзненно-впечатлительномъ и рано развившемся сердцѣ больного ребенка.

По увлеченіямъ Нелли какъ будто вдругъ ономнилась, недоумчиво осматривалась кругомъ и притихла. Старикъ наморщилъ лобъ и снова забарабанилъ по столу; у Анны Андреевны показалась на глазахъ слезинка и она молча отерла ее платкомъ. — Мамаша пріѣхала сюда очень больная, прибавила Нелли тихимъ голосомъ: — у ней грудь очень болѣла. Мы долго искали дѣдушку и не могли найти, а сами занимали въ подвалѣ, въ углу.

— Въ углу, больная-то! вскричала Анна Андреевна.

— Да... въ углу... отвѣчала Нелли. — Мамаша была блѣдная. Мамаша мнѣ говорила, прибавила она оживляясь: — что не грѣхъ быть блѣдной, а что грѣхъ быть богатымъ и обижать... ее Богъ наказываетъ.

— Что же вы на Васильевскомъ занимали? это тамъ у Бубновой, что ли? спросилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ и стараясь выказать нѣкоторую небрежность въ своемъ вопросѣ. Спросилъ же какъ будто ему неловко было сидѣть молча.

— Нѣтъ, не тамъ... а сперва въ Мѣщанской, отвѣчала Нелли. — Тамъ было очень темно и сыро продолжала она, помолчавъ: — и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ тоже жила одна старуника, капитанша, и жилъ отставной чиновникъ и все приходилъ пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель, и обнимала меня, а сама вся бывало дрожитъ, а чиновникъ кричитъ и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ прибить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жалъ се, и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника...

Нелли остановилась. Воспоминаніе взволновало ее; глазки ея засверкали.

— Господи Боже мой! вскричала Анна Андреевна, до послѣдней степени заинтересованная рассказомъ и не спускавшая глазъ съ Нелли, которая преимущественно обращалась къ ней.

— Тогда мамаша вышла, продолжала Нелли: — и меня увела съ собой. Это было днемъ. Мы все ходили по улицамъ, до самого вечера, и мамаша все плакала и все ходила, а меня вела за руку. Я очень устала; мы и не ѣли этотъ день. А мамаша все сама съ собой говорила и мнѣ все говорила: «будь блѣдная, Нелли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни къ кому не ходи; будь одна, блѣдная, и работай, а нѣтъ работы, такъ милостыню проси, а къ *намъ* не ходи». Только въ сумерки мы переходили чрезъ одну большую улицу; вдругъ мамаша закричала: «Азорка! Азорка!», и вдругъ большая собака, безъ шерсти, подбѣжала къ мамашѣ, завизжала и бросилась къ ней, а мамаша испугалась, стала блѣдная, закричала и бросилась на колѣни передъ высокимъ старикомъ, который шелъ съ палкой и смотрѣлъ въ землю. А этотъ высокій старикъ и былъ дѣдушка и такой сухощавый, въ дурномъ платьѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и увидала дѣдушку. Дѣдушка тоже очень испугался и весь поблѣднѣлъ и какъ увидалъ, что мамаша лежитъ подлѣ него и обхватила его ноги,—онъ вырвался, толкнулъ мамашу, ударилъ по камню палкой и пошелъ скоро отъ насъ. Азорка еще остался и все вылъ и лизалъ мамашу, потомъ побѣжалъ къ дѣдушкѣ, схватилъ его за полу и потащилъ назадъ а дѣдушка его ударилъ палкой. Азорка опять къ намъ было побѣжалъ, да дѣдушка кликнулъ его, онъ и побѣжалъ за дѣдушкой и все вылъ. А мамаша лежала какъ мертвая, кругомъ народъ собрался, полицейскіе пришли. Я все кричала и подымала мамашу. Она и встала, оглядѣлась кругомъ и пошла за мной. Я ее повела домой. Люди на насъ долго смотрѣли и все головой качали...

Нелли пріостановилась перевести духъ и скрѣпить себя. Она была очень блѣдна, но рѣшительность сверкала въ ея взглядѣ. Видно было, что она рѣшилась наконецъ *все* говорить. Въ ней было даже что-то вызывающее въ эту минуту.

— Чтожъ, замѣтилъ Николай Сергѣичъ, перов-

нимъ голосомъ, съ какою-то раздражительною рѣзкостью: — чтожь, твоя мать оскорбила своего отца и онъ за дѣло отвергъ ее...

— Матушка мнѣ тоже говорила, рѣзко подхватила Нелли: — и какъ мы шли домой, все говорила: это твой дѣдушка, Нелли, а я виновата передъ нимъ, вотъ онъ и проклялъ меня, за это меня теперь Богъ и наказываетъ, и весь вечеръ этотъ и всѣ слѣдующіе дни, все это же говорила. А говорила, какъ-будто себя не помнила...

Старикъ смолчалъ.

— А потомъ какъ же вы на другую-то квартиру перебрались? спросила Анна Андреевна, продолжавшая тихо плакать.

— Мамаша въ ту же ночь заболѣла, а капитанша отыскала у Бубновой, а на третій день мы и переѣхали и капитанша съ нами; и какъ переѣхали, мамаша совсѣмъ слегла, и три недѣли лежала больная, а я ходила за ней. Деньги у насъ совсѣмъ всѣ вышли, и намъ помогла капитанша и Иванъ Александръ.

— Гробовщикъ, хозяйинъ, сказалъ я въ поясненіе.

— А когда мамаша встала съ постели и стала ходить, тогда мнѣ про Азорку и рассказала.

Нелли приостановилась. Старикъ какъ-будто обрадовался, что разговоръ перешелъ на Азорку.

— Чтожь она про Азорку тебѣ рассказывала? спросилъ онъ, еще болѣе нагнувшись въ своихъ креслахъ, точно, чтобъ еще больше скрыть свое лицо и смотрѣть въ низъ.

— Она все мнѣ говорила про дѣдушку, отъчала Нелли: — и большая все про него говорила, и когда въ бреду была, тоже говорила. Вотъ она какъ стала выздоравливать, то и начала мнѣ опять рассказывать, какъ она прежде жила... тутъ и про Азорку рассказала, потому что разъ гдѣ-то на рѣкѣ, за городомъ, мальчишки тащили Азорку на веревкѣ топить, а мамаша дала имъ денегъ и купила у нихъ Азорку. Дѣдушка, какъ увидѣлъ Азорку, сталъ надъ нимъ очень смѣяться. Только Азорка и убѣжалъ. Мамаша стала плакать; дѣдушка испугался и сказалъ, что дастъ сто рублей тому, кто приведетъ Азорку. На третій день его и привели; дѣдушка сто рублей отдалъ и съ этихъ поръ сталъ любить Азорку. А мамаша такъ его стала любить, что даже на постель съ собой брала. Она мнѣ рассказывала, что Азорка прежде съ комедіантами по улицамъ ходилъ, и служить умѣлъ, и обезьяну на себѣ возилъ, и ружьемъ умѣлъ дѣлать и много еще умѣлъ... А когда мамаша уѣхала отъ дѣдушки, то дѣдушка и оставилъ Азорку у себя и все съ нимъ ходилъ, такъ что на улицѣ какъ только мамаша увидала Азорку, тотчасъ же и догадалась, что тутъ же и дѣдушка...

Старикъ видимо ожидалъ не того объ Азоркѣ, и все болѣе и болѣе хмурился. Онъ ужъ не спрашивалъ болѣе ничего.

— Такъ какъ же, вы такъ болѣе и не видали дѣдушку? спросила Анна Андреевна.

— Нѣтъ, когда мамаша стала выздоравливать,

тогда я встрѣтила опять дѣдушку. Я ходила въ лавочку за хлѣбомъ: вдругъ увидѣла человѣка съ Азоркой, посмотрѣла и узнала дѣдушку. Я посторонилась и прижалась къ стѣнѣ. Дѣдушка посмотрѣлъ на меня, долго смотрѣлъ и такой былъ страшный, что я его очень испугалась, и прошелъ мимо, Азорка же меня припомнилъ и началъ скакать подлѣ меня и мнѣ руки лизать. Я поскорѣй пошла домой, посмотрѣла назадъ, а дѣдушка зашелъ въ лавочку. Тутъ я подумала: вѣрно спрашиваешь и испугалась еще болѣе, и когда пришла домой, то мамаша ничего не сказала, чтобъ мамаша опять не сдѣлалась больна. Сама же въ лавочку на другой день не ходила; сказала, что у меня голова болитъ; а когда пошла на третій день, то никого не встрѣтила и ужасно боялась, такъ что бѣгомъ бѣжала. А еще черезъ день вдругъ я иду, только что за уголъ зашла, а дѣдушка передо мной и Азорка. Я побѣжала и поворотила въ другую улицу и съ другой стороны въ лавочку зашла; только вдругъ прямо въ него опять и наткнулась и такъ испугалась, что тутъ же и остановилась и не могу идти. Дѣдушка сталъ передо мною и опять долго смотрѣлъ на меня, а потомъ погладилъ меня по головкѣ, взялъ за руку и повелъ меня, а Азорка за нами, и хвостомъ махаетъ. Тутъ я и увидала, что дѣдушка и ходить прямо ужъ не можетъ и все на палку упирается, а руки у него совсѣмъ дрожатъ. Онъ меня привелъ къ разнощику, который на углу сидѣлъ и продавалъ пряники и яблоки. Дѣдушка купилъ пряничнаго пѣтушка, и рыбку, и одну конфетку, и яблоко, и когда вынималъ деньги изъ кожаного кошелька, то руки у него очень тряслись и онъ уронилъ пятакъ, а я подняла ему. Онъ мнѣ этотъ пятакъ подарилъ, и пряники отдалъ и погладилъ меня по головѣ, но опять ничего не сказалъ, а пошелъ отъ меня домой.

— Тогда я пришла къ мамашѣ и рассказала ей все про дѣдушку, и какъ я сначала его боялась и пряталась отъ него. Мамаша мнѣ сперва не повѣрила, а потомъ такъ обрадовалась, что весь вечеръ меня спрашивала, цѣловала и плакала, и когда я ужъ ей все рассказала, то она мнѣ вперёдъ приказала: чтобъ я никогда не боялась дѣдушку, и что стало-быть дѣдушка любить меня, коль нарочно приходилъ ко мнѣ. И велѣла, чтобъ я ласкалась къ дѣдушкѣ и говорила съ нимъ. А на другой день все меня высматривало сколько разъ поутру, хоть я и сказала ей, что дѣдушка приходилъ всегда только передъ вечеромъ. Сама же она за мной издали шла и за угломъ пряталась и на другой день также, но дѣдушка не пришелъ, а въ эти дни шелъ дождь, и матушка очень простудилась, потому что все со мной выходила за ворота и опять слегла.

— Дѣдушка же пришелъ черезъ недѣлю и опять мнѣ купилъ одну рыбку и яблоко и опять ничего не сказалъ. А когда ужъ онъ пошелъ отъ меня, я тихонько пошла за нимъ, потому что заранѣ такъ вздумала, чтобъ узнать, гдѣ живетъ дѣдушка и сказать мамашѣ. Я шла издали по другой сторонѣ

улицы, такъ чтобъ дѣдушка меня не видалъ. А жилъ онъ очень далеко, не тамъ, гдѣ послѣ жилъ и умеръ, а въ Гороховой, тоже въ большомъ домѣ, въ четвертомъ этажѣ. Я все это узнала и поздно воротилась домой. Мамаша очень испугалась, потому что не знала, гдѣ я была. Когда же я рассказала то мамаша опять очень обрадовалась, и тотчасъ же хотѣла идти къ дѣдушкѣ, на другой же день; но, на другой день стала думать и бояться и все бѣялась, цѣлыхъ три дня; такъ и не ходила. А потомъ позвала меня и сказала: вотъ что, Нелли, я теперь больна и не могу идти, а я написала письмо твоему дѣдушкѣ, поди къ нему и отдай письмо. И смотри, Нелли, какъ онъ его прочтетъ, что скажетъ, и что будетъ дѣлать; а ты стань на колѣни, цѣлуй его и проси его, чтобъ онъ простилъ твою мамашу... И мамаша очень плакала, и и все меня цѣловала и крестила въ дорогу и Богу молилась, и меня съ собой на колѣни передъ образомъ поставила, и хотъ очень была больна, но вышла меня провожать къ воротамъ и когда я оглядывалась, она все стояла и глядѣла на меня, какъ я иду...

Я пришла къ дѣдушкѣ и отворила дверь, а дверь была безъ ключа. Дѣдушка сидѣлъ за столомъ и кушалъ хлѣбъ съ картофелемъ, а Азорка стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ какъ онъ ѣстъ и хвостомъ махалъ. У дѣдушки тоже и въ той квартирѣ были окна низкія, темныя, и тоже только одинъ столъ и стулъ. А жилъ онъ одинъ. Я вошла, и онъ такъ испугался, что весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я тоже испугалась и ничего не сказала, а только подошла къ столу и положила письмо. Дѣдушка какъ увидалъ письмо, то такъ разсердился, что вскочилъ, схватилъ палку и замахнулся на меня, но не ударилъ. а только вывелъ меня въ сѣни и толкнулъ меня. Я еще не успѣла и съ первой лѣстницы сойти. какъ онъ отворилъ опять дверь и выбросилъ мнѣ назадъ письмо неразпечатанное. Я пришла домой и все рассказала. Тутъ матушка слегла опять...

ГЛАВА VIII.

Въ эту минуту раздался довольно сильный ударъ грома, и дождь крупнымъ ливнемъ загудѣлъ въ стекла; въ комнатѣ стемнѣло. Старушка словно испугалась и перекрестилась. Мы всѣ вдругъ остановились.

— Сейчасъ пройдетъ, сказалъ старикъ, поглядывая на окна; затѣмъ всталъ и прошелся вздѣтъ и впередъ по комнатѣ. Нелли искоса слѣдила за нимъ взглядомъ. Она была въ чрезвычайномъ, болѣзненномъ волненіи. Я видѣлъ это; но на меня она какъ-то избѣгала глядѣть.

— Ну, чтожъ дальше? спросилъ старикъ, снова усѣвшись въ свои кресла.

Нелли пугливо оглядѣлась кругомъ.

— Такъ ты ужъ болѣе и не видала своего дѣдушку?

— Нѣтъ, видѣла...

— Да, да! рассказывай, голубчикъ мой, рассказывай, подхватила Анна Андревна.

— Я его три недѣли не видала, начала Нелли: — до самой зимы. Тутъ зима стала и снѣгъ выпалъ. Когда же я встрѣтила дѣдушку опять, на прежнемъ мѣстѣ, то очень обрадовалась... потому что мамаша тосковала, что онъ неходитъ. Я какъ увидѣла его, нарочно побѣжала на другую сторону улицы, чтобъ онъ видѣлъ, что я бѣгу отъ него. Только я оглянулась и вижу, что дѣдушка сначала скоро пошелъ за мною, а потомъ и побѣжалъ, чтобъ меня догнать и сталъ кричать мнѣ: Нелли, Нелли! И Азорка бѣжалъ за нимъ. Мнѣ жалко стало, я и остановилась. Дѣдушка подошелъ и взялъ меня за руку и повелъ, а когда увидѣлъ, что я плачу, остановился, посмотрѣлъ на меня, нагнулся и поцѣловалъ. Тутъ онъ увидалъ, что у меня башмаки худше и спросилъ: развѣ у меня нѣтъ другихъ. Я тотчасъ же сказала ему поскорѣй, что у мамыи совсѣмъ нѣтъ денегъ и что намъ хозяева изъ одной жалости ѣсть даютъ. Дѣдушка ничего не сказалъ, но повелъ меня на рынокъ и купилъ мнѣ башмаки и велѣлъ тутъ же ихъ надѣть, а потомъ повелъ меня къ себѣ, въ Гороховую, а прежде зашелъ въ лавочку и купилъ пироги и двѣ конфеты и когда мы пришли, сказалъ, чтобъ я ѣла пироги и смотрѣлъ на меня, когда я ѣла, а потомъ далъ мнѣ конфетки. А Азорка положилъ лапы на столъ и тоже просилъ пирога, я ему и дала и дѣдушка засмѣялся. Потомъ взялъ меня, поставилъ подлѣ себя, началъ по головѣ гладить и спрашивать: училась ли я чемунибудь и что я знаю? Я ему сказала, а онъ велѣлъ мнѣ, какъ только мнѣ можно будетъ, каждый день, въ три часа, ходить къ нему и что онъ самъ будетъ учить меня. Потомъ сказалъ мнѣ, чтобъ я отвернулась и смотрѣла въ окно, покажѣсть онъ скажетъ, чтобъ я опять повернулась къ нему. Я такъ и стояла, но тихонько обернулась назадъ и увидѣла, что онъ распоролъ свою подушку, съ нижняго уголка, и вынулъ четыре цѣлковыхъ. Когда вынулъ, принесъ ихъ мнѣ и сказалъ: «Это тебѣ одной». Я было взяла, но потомъ подумала и сказала: «Коли мнѣ одной, такъ я не возьму». Дѣдушка вдругъ разсердился и сказалъ мнѣ: «ну бери какъ знаешь, ступай». Я вышла, а онъ и не поцѣловалъ меня.

Какъ я пришла домой, все мамышѣ и рассказала. А мамышѣ все становилось хуже и хуже. Къ гробовщику ходилъ одинъ студентъ; онъ лечилъ мамашу и велѣлъ ей лекарства принимать.

А я ходила къ дѣдушкѣ часто; мамаша такъ приказывала. Дѣдушка купилъ Новый Завѣтъ и географію и сталъ меня учить; а иногда рассказывалъ какія на свѣтѣ есть земли и какіе люди живутъ, и какіе моря и что было прежде и какъ Христосъ насъ всѣхъ простилъ. Когда я его сама спрашивала, то онъ былъ очень радъ; потому я и стала часто его спрашивать, и онъ все рассказывалъ и про Бога много говорилъ. А иногда мы не

учились и съ Азоркой играли: Азорка меня очень стала любить, и я его выучила через палку скакать и дѣдушка смѣялся, и все меня по головкѣ гладилъ. Только дѣдушка рѣдко смѣялся. Одинъ разъ много говорить, а то вдругъ замолчить и сидить, какъ будто заснулъ, а глаза открыты. Такъ и досидитъ до сумерекъ, а въ сумерки онъ такой становится страшный, старый такой... А то бывало приду къ нему, а онъ сидитъ на своемъ стулѣ, думаетъ и ничего не слышитъ, а Азорка подлѣ него лежитъ. Я жду, жду и кашляю; дѣдушка все не оглядывается. Я такъ и уйду. А дома мамаша такъ ужъ и ждетъ меня; она лежитъ, а я ей рассказываю все, все, такъ и ночь придетъ, а я все говорю и она все слушаетъ про дѣдушку: что онъ дѣлалъ сегодня, и что мнѣ рассказывалъ, какія исторіи, и что на урокъ мнѣ задалъ. А какъ начну про Азорку, что я его через палку заставляла скакать и что дѣдушка смѣялся, то и она вдругъ начнетъ смѣяться и долго бывало смѣется и радуется и опять заставляетъ повторить, а потомъ молиться начнетъ. А я все думала: чтожъ мамаша такъ любитъ дѣдушку, а онъ ее не любитъ, и когда пришла къ дѣдушкѣ, то нарочно стала ему рассказывать, какъ мамаша его любитъ. Онъ все слушалъ, такой сердитый, а все слушалъ и нислова не говорилъ; тогда я и спросила, отчего мамаша его такъ любитъ, что все объ немъ спрашиваетъ, а онъ никогда про мамашу не спрашиваетъ. Дѣдушка разсердился и выгналъ меня за дверь; я немножко постояла за дверью, а онъ вдругъ опять открылъ и позвалъ меня назадъ и все сердился и молчалъ. А когда потомъ мы начали Законъ Божій читать, я опять спросила: отчего же Иисусъ Христосъ сказалъ: любите другъ друга и прощайте обиды, а онъ не хочетъ простить мамашу? Тогда онъ вскочилъ и закричалъ, что это мамаша меня научила, вытолкнулъ меня другой разъ вонъ и сказалъ, чтобъ я никогда не смѣла теперь къ нему приходить. А я сказала, что я и сама теперь къ нему не приду и ушла отъ него... А дѣдушка на другой день изъ квартиры переѣхалъ...

— Я сказалъ, что дождь скоро пройдетъ, вотъ и прошелъ, вотъ и солнышко... смотри Ваня, сказалъ Николай Сергѣевичъ, оборотаясь къ окну. Анна Андреевна поглядѣла на него въ чрезвычайномъ недоумѣніи, и вдругъ негодованіе засверкало въ глазахъ доселѣ смиренной и напуганной старушки. Молча, взяла она Нелли за руку и посадила къ себѣ на колѣни.

— Рассказывай мнѣ, ангелъ мой, сказала она: — я буду тебя слушать. Пусть тѣ, у кого жестокая сердца...

Она не договорила и заплакала. Нелли вопросительно взглянула на меня, какъ бы въ недоумѣніи и въ испугѣ. Старикъ посмотрѣлъ на меня, пожалъ было плечами, но тотчасъ же отвернулся.

— Продолжай, Нелли, сказалъ я.

— Я три дня не ходила къ дѣдушкѣ, начала опять Нелли: — а въ это время мамашѣ стало худо.

Деньги у насъ всѣ вышли, а лекарства не на что было купить, да и не ѣли мы ничего, потому что у хозяевъ тоже ничего не было, а и они стали насъ попрекать, что мы на ихъ счетъ живемъ. Тогда я, на третій день утромъ встала и начала одѣваться. Мамаша спросила: куда я иду? Я и сказала: къ дѣдушкѣ просить денегъ и она обрадовалась, потому что я уже рассказала мамашѣ все, какъ онъ прогналъ меня отъ себя и сказала ей, что не хочу больше ходить къ дѣдушкѣ, хоть она и плакала и уговаривала меня идти. Я пришла и узнала, что дѣдушка переѣхалъ и пошла искать его въ новой домъ. Какъ только я пришла къ нему въ новую квартиру, онъ вскочилъ, бросился на меня и затопалъ ногами, и я ему тотчасъ сказала, что мамаша очень больна, что на лекарство надо денегъ, пятьдесятъ копѣекъ, а намъ ѣсть нечего. Дѣдушка закричалъ и вытолкнулъ меня на лѣстницу и заперъ за мной дверь на крючокъ. Но когда онъ толкалъ меня, я ему сказала, что я на лѣстницѣ буду сидѣть и до тѣхъ поръ не уйду, пока мнѣ дадутъ денегъ. Я и сидѣла на лѣстницѣ. Не много спустя, онъ отворилъ дверь и увидѣлъ, что я спужу и опять затворилъ. Потомъ долго прошло, онъ опять отворилъ, опять увидѣлъ меня и опять затворилъ. И потомъ много разъ отворялъ и смотрѣлъ. Наконецъ вышелъ съ Азоркой, заперъ дверь и прошелъ мимо меня со двора и ни слова мнѣ не сказалъ. И я ни слова не сказала и такъ и осталась сидѣть, и сидѣла до сумерекъ.

— Голубушка моя, вскричала Анна Андреевна: — да вѣдь холодно, знать, на лѣстницѣ-то было!

— Я была въ шубкѣ, отвѣчала Нелли.

— Да чтожъ въ шубкѣ... голубчикъ ты мой, сколько ты натерпѣлась! Чтожъ онъ, дѣдушка-то твой?

Губки у Нелли начало было потрогивать, но она сдѣлала чрезвычайное усиліе и скрѣпила себя.

— Онъ пришелъ, когда уже стало совсѣмъ темно и входя наткнулся на меня и закричалъ: кто тутъ? Я сказала, что это я. А онъ вѣрно думалъ, что я давно ушла и какъ увидѣлъ, что я все еще тутъ, то очень удивился и долго стоялъ передо мной. Вдругъ ударилъ по ступенькамъ палкой, побѣжалъ. отперъ свою дверь и черезъ минуту вынесъ мнѣ мѣдныхъ денегъ, все пятаки и бросилъ ихъ въ меня на лѣстницу. — Вотъ тебѣ, закричалъ, возьми это у меня все, что было и скажи твоей матери, что я ее проклинаю, — а самъ захлопнулъ дверь. А пятаки покатались по лѣстницѣ. Я начала подбирать ихъ въ темнотѣ и дѣдушка видно догадался, что онъ разбросалъ пятаки и что въ темнотѣ мнѣ ихъ трудно собрать, отворилъ дверь и вынесъ свѣчу и при свѣчкѣ я скоро ихъ собрала. И дѣдушка самъ собиралъ вмѣстѣ со мной и сказалъ мнѣ, что тутъ всего должно быть семь гривенъ и самъ ушелъ. Когда я пришла домой, я отдала деньги и все рассказала мамашѣ и мамашѣ сдѣлалось хуже, а сама я всю ночь была больна и на другой день тоже вся въ жару была но я только объ одномъ думала...

ла, потому что сердилась на дѣдушку, и когда мамаша заснула, пошла на улицу, къ дѣдушкиной квартирѣ, и, не доходя, стала на мосту. Тутъ и прошелъ тотъ...

— Это Архиповъ, сказалъ я: — тотъ, объ которомъ я говорилъ, Николай Сергѣичъ, — вотъ что съ купцомъ у Бубновой былъ и котораго тамъ отколотили. Это въ первый разъ Нелли его тогда увидела... Продолжай, Нелли.

— Я остановила его и попросила денегъ, рубль серебромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: рубль серебромъ? я сказала; да. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: пойдемъ со мной. Я не знала идти ли, вдругъ подошелъ одинъ старичекъ, въ золотыхъ очкахъ; а онъ слышалъ, какъ я спрашивала рубль серебромъ, нагнулся ко мнѣ и спросилъ: для чего я непременно столько хочу. Я сказала ему, что мамаша больна и что нужно столько на лекарство. Онъ спросилъ: гдѣ мы живемъ? и записалъ и далъ мнѣ бумажку, рубль серебромъ. А тотъ, какъ увидать старика въ очкахъ, ушелъ и не звалъ меня больше съ собой. Я пошла въ лавочку и размѣняла рубль на мѣдныя; тридцать копѣекъ завернула въ бумажку, и отложила мамашѣ, а семь гривенъ не завернула въ бумажку, а нарочно зажала въ рукахъ и пошла къ дѣдушкѣ. Какъ пришла къ нему, то отворила дверь, стала на порогъ, размахнулась и бросила ему съ размаху всѣ деньги, такъ они и покатились по полу.

— Вотъ, возьмите ваши деньги! сказала я ему. — Не надо ихъ отъ васъ мамашѣ, потому что вы ее проklinаете, хлопнула дверью и тотчасъ же убежала прочь.

Ея глаза засверкали, и она съ наивно-вызывающимъ видомъ взглянула на старика.

— Такъ и надо, сказала Анна Андреевна, не смотря на Николая Сергѣича и крѣпко прижимая къ себѣ Нелли: — такъ и надо съ нимъ; твой дѣдушка былъ злой и жестокосердый...

— Гм! отозвался Николай Сергѣичъ.

— Ну такъ какъ же, какъ же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Анна Андреевна.

— Я перестала ходить больше къ дѣдушкѣ и онъ пересталъ ходить ко мнѣ, отрѣчала Нелли.

— Чтожъ, какъ же вы остались съ мамашей-то? Охъ, бѣдная вы, бѣдная!

— А мамашѣ стало еще хуже, и она уже рѣдко вставала съ постели, продолжала Нелли и голосъ ея задрожалъ и прервался. — Денегъ у насъ ужъ ничего больше не было, я и стала ходить съ капитаншей. А капитанша по домамъ ходила тоже и на улицѣ людей хорошихъ останавливала и просила, тѣмъ и жила. Она говорила мнѣ, что она не нищая, а что у ней бумаги есть, гдѣ ея чинъ написанъ и написано тоже, что она бѣдная: эти бумаги она и показывала, и ей за это деньги давали. Она и говорила мнѣ: что у всѣхъ просить не стыдно. Я и ходила съ ней и намъ подавали, тѣмъ мы и жили. Мамаша узнала про это, потому жильцы стали попрекать, что она нищая, а Бубнова сама при-

ходила къ мамашѣ и говорила, что лучше бъ я ее къ ней отпустила, а не просить милостыню. Она и прежде къ мамашѣ приходила и ей денегъ носила; а когда мамаша брала отъ нея, то Бубнова говорила: зачѣмъ вы такія гордыя, и кушанье присылала. А какъ сказала она это теперь про меня, то мамаша заплакала, испугалась, а Бубнова начала ее бранить, потому что была пьяна и сказала, что я и безъ того нищая и съ капитаншей хожу и въ тотъ же вечеръ выгнала капитаншу изъ дому. Мамаша, какъ узнала про все, то стала плакать, потомъ вдругъ встала съ постели, одѣлась, схватила меня за руку и повела за собой. Иванъ Александровичъ сталъ ее останавливать, но она не слушала, и мы вышли. Мамаша едва могла ходить и каждую минуту садилась на улицѣ, а я ее придерживала. Мамаша все говорила, что идти къ дѣдушкѣ и чтобъ я вела ее; а ужъ давно стала ночь. Вдругъ мы пришли въ большую улицу; тутъ передъ однимъ домомъ останавливались кареты, и много выходило народу, а въ окнахъ вездѣ былъ свѣтъ и слышна была музыка. Мамаша остановилась, схватила меня и сказала мнѣ тогда: «Нелли: будь бѣдная, будь всю жизнь бѣдная, не ходи къ нимъ, кто бы тебя ни позовалъ, кто бы ни пришелъ. И ты бы могла тамъ быть, богатая, и въ хорошемъ платьѣ, да я этого не хочу. Они злые и жестокие, и вотъ тебѣ мое приказаніе: Оставайся бѣдная, работай и милостыню проси, а если кто придетъ за тобой, скажи: не хочу къ вамъ!...» Это мнѣ говорила мамаша, когда больна была, и я всю жизнь хочу ее слушаться, прибавила Нелли, дрожа отъ волненія, съ разгорѣвшимся личикомъ — и всю жизнь буду служить и работать, и къ вамъ пришла тоже служить и работать, а не хочу быть, какъ дочь...

— Полно, полно, голубка моя, полно! вскрикнула старушка, крѣпко обнимая Нелли. Вѣдь матушка твоя была въ это время больна, когда говорила.

— Безумная была, рѣзко замѣтила старикъ.

— Пусть безумная! подхватила Нелли, рѣзко обращаясь къ нему: — пусть безумная, но она мнѣ такъ приказала, такъ я и буду всю жизнь. И когда она мнѣ это сказала, то даже въ обморокъ упала.

— Господи Боже! вскрикнула Анна Андреевна: — больная-то, на улицѣ, зимой?..

— Намъ хотѣли взять въ полицію; но одинъ господинъ вступился, распросилъ у меня квартиру, далъ мнѣ десять рублей и велѣлъ отвезти мамашу къ намъ домой на своихъ лошадяхъ. Послѣ этого мамаша ужъ и не вставала, — а черезъ три недѣли умерла...

— А отецъ-то чтожъ? Такъ и не простилъ? вскрикнула Анна Андреевна.

— Не простилъ! отвѣчала Нелли, съ мученіемъ пересиливая себя. — За недѣлю до смерти, мамаша подзвала меня и сказала: «Нелли, сходи еще разъ къ дѣдушкѣ, въ послѣдній разъ, и попроси, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ и простилъ меня; скажи ему что я черезъ нѣсколько дней умру, и тебя одну на свѣтъ оставляю. И скажи ему еще, что мнѣ

тяжело умирать...» Я и пошла, постучалась къ дѣдушкѣ, онъ отворилъ и какъ увидѣлъ меня, тотчасъ хотѣлъ было передо мной дверь затворить, но я ухватила за дверь обѣими руками и закричала ему: «мамаша умираетъ, васъ зоветъ, идите!..» Но онъ оттолкнулъ меня и захлопнулъ дверь. Я воротилась къ мамашѣ, легла подлѣ нея, обняла ее и ничего не сказала... Мамаша тоже обняла меня и ничего не спрашивала...

Тутъ Николай Сергѣичъ тяжело оперся рукой на столъ и всталъ, но обведя насъ всѣхъ какими-то странными мутными взглядомъ, какъ бы въ безсиліи опустился въ кресла. Анна Андреевна уже не глядѣла на него, но, рыдая, обнимала Нелли...

— Вотъ въ послѣдній день, передъ тѣмъ какъ ей умереть, передъ вечеромъ, мамаша подзвала меня къ себѣ, взяла меня за руку и сказала: Я сегодня умру. Нелли, хотѣла было еще говорить; но ужъ не могла. Я смотрю на нее, а она ужъ какъ-будто меня и не видитъ, только въ рукахъ мою руку крѣпко держитъ. Я тихонько вынула руку и побѣжала изъ дому, и всю дорогу бѣжала бѣгомъ и прибѣжала къ дѣдушкѣ. Какъ онъ увидѣлъ меня, то вскочилъ со стула и смотреть и такъ испугался, что совсѣмъ сталъ такой блѣдный и весь задрожалъ. Я схватила его за руку и только одно и выговорила: «сейчасъ умереть.» Тутъ онъ вдругъ такъ и заметался; схватилъ свою палку и побѣжалъ за мной; даже и шляпу забылъ, а было холодно. Я схватила шляпу и надѣла ее ему, и мы вмѣстѣ выбѣжали. Я торопила его и говорила, чтобъ онъ нанялъ извозчика, потому-что мамаша сейчасъ умретъ; но у дѣдушки было только семь копѣекъ всѣхъ денегъ. Онъ останавливалъ извозчиковъ, торговался, но они только смѣялись и надъ Аворкой смѣялись, а Аворка съ нами бѣжалъ, и мы все дальше и дальше бѣжали. Дѣдушка усталъ и дышалъ трудно, но все торопился и бѣжалъ. Вдругъ онъ упалъ и шляпа съ него соскочила. Я подняла его, надѣла ему опять шляпу и стала его рукой вести и только передъ самой ночью мы пришли домой... Но матушка уже лежала мертвая. Какъ увидѣлъ ее дѣдушка, всплеснулъ руками, задрожалъ и сталъ надъ ней, а самъ ничего не говорить. Тогда я подошла къ мертвой мамашѣ, схватила дѣдушку за руку и закричала ему: «вотъ жестокой и злой человѣкъ, вотъ смотри!.. смотри!» тутъ дѣдушка закричалъ и упалъ на полъ, какъ мертвый...

Нелли вскочила, высвободилась изъ объятій Анны Андреевны и стала посреди насъ, блѣдная, измученная и испуганная. Но Анна Андреевна бросилась къ ней, и, снова обнявъ ее, закричала, какъ-будто въ какомъ-то вдохновеніи:

— Я, я буду тебѣ мать, теперь, Нелли, а ты мое дитя! Да, Нелли, уйдемъ, бросимъ ихъ всѣхъ, жестокихъ и злыхъ! Пусть потѣшаются надъ людьми, Богъ, Богъ зачтетъ имъ... Пойдемъ, Нелли, пойдемъ отсюда, пойдемъ!..

Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не видѣла ее

въ такомъ состояніи, да и не думалъ, чтобъ она могла быть когда-нибудь такъ взволнована. Николай Сергѣичъ выпрямился въ креслахъ, приподнялся и прерывающимся голосомъ спросилъ:

— Куда ты, Анна Андреевна?

— Къ ней, къ дочери, къ Наташѣ! закричала она и потащила Нелли за собой къ дверямъ.

— Постой, постой, подожди!..

— Нечего ждать, жестокосердый и злой человѣкъ! Я долго ждала и она долго ждала, а теперь пропай!..

Отвѣтивъ это, старушка обернулась, взглянула на мужа и остолбенѣла: Николай Сергѣичъ стоялъ передъ ней, захвативъ свою шляпу и дрожащими безсильными руками торопливо натягивалъ на себя свое пальто.

— И ты... и ты со мной! вскрикнула она, съ мольбою сложивъ руки и недовѣрчиво смотря на него, какъ-будто не смѣя и повѣрить такому счастью.

— Наташа, гдѣ моя Наташа! гдѣ она! гдѣ дочь моя! вырвалось наконецъ изъ груди старика. — Отдайте мнѣ мою Наташу! гдѣ, гдѣ она! и, схвативъ костюмъ, который я ему подаль, онъ бросился къ дверямъ.

— Простилъ! простилъ! вскричала Анна Андреевна.

Но старикъ не дошелъ до порога. Дверь быстро отворилась, и въ комнату вбѣжала Наташа, блѣдная, съ сверкающими глазами, какъ-будто въ горячкѣ. Платье ея было измято и смочено дождемъ. Платочекъ, которымъ она накрыла голову, сбился у ней на затылокъ и на разбившихся густыхъ прядяхъ ея волосъ сверкали крупныя капли дождя. Она вбѣжала, увидѣла отца и съ крикомъ бросилась передъ нимъ на колѣна, простирая къ нему руки.

ГЛАВА IX.

Но онъ уже держалъ ее въ своихъ объятіяхъ!..

Онъ схватилъ ее и, поднявъ какъ ребенка, отнесъ въ свои кресла, посадилъ ее, а самъ упалъ передъ ней на колѣна. Онъ цѣловалъ ея руки, ноги; онъ торопился цѣловать ее, торопился наглядѣться на нее, какъ-будто еще не вѣря, что она ~~опять~~ ^{вмѣстѣ} съ нимъ, что онъ опять ее видитъ, и слышитъ — ее, свою дочь, свою Наташу? Анна Андреевна, рыдая, окатила ее, прижала голову ея къ своей груди и такъ и замерла въ этомъ объятіи, не въ силахъ произнести слова.

— Другъ мой!.. жизнь моя!.. радость моя!.. безсвязно восклицалъ старикъ, схвативъ руки Наташи и какъ влюбленный смотря въ блѣдное, худенькое, но прекрасное личико ея, въ глаза ея, въ которыхъ блистали слезы. — Радость моя, дитя мое! повторялъ онъ и опять смолкалъ и съ благоговѣйнымъ упоеніемъ глядѣлъ на нее. — Что же, что же мнѣ сказали, что она похудѣла! прогово-

риль онъ съ торопливою, какъ-будто дѣтскою улыбкою, обращаясь къ намъ и все еще стоя передъ ней на колѣнахъ. — Худенькая, — правда, блѣдненькая, но посмотри на нее, какая хорошенькая! еще лучше, чѣмъ прежде была, да лучше! прибавилъ онъ, невольно умолая подъ душевной болью, радостною болью, отъ которой какъ-будто душу ломитъ на двое.

— Встаньте, папаша! да встаньте же, говорила Наташа: — вѣдь мнѣ тоже хочется васъ цѣловать...

— О, милая! слышишь, слышишь, Аннушка, какъ она это хорошо сказала, и онъ судорожно обнялъ ее.

— Нѣтъ, Наташа, мнѣ, мнѣ надо у твоихъ ногъ лежать до тѣхъ поръ, пока сердце мое услышитъ, что ты простила меня, потому-что никогда, никогда не могу заслужить я теперь отъ тебя прощенія! Я отвергъ тебя, я проклиналъ тебя, слышишь Наташа, я проклиналъ тебя, — и я могъ это сдѣлать!.. А ты, а ты, Наташа: и могла ты повѣрить, что я тебя проклялъ! И повѣрила — вѣдь повѣрила! Не надо было вѣрить! Не вѣрила бы, просто бы не вѣрила! Жестокое сердечко! Что же ты не шла ко мнѣ? вѣдь ты знала, какъ я приму тебя!.. О Наташа, вѣдь ты помнишь, какъ я прежде тебя любилъ: ну, а теперь, и во все это время я тебя вдвое, въ тысячу разъ больше любилъ, чѣмъ прежде! Я тебя съ кровью любилъ! Душу бы изъ себя съ кровью вынулъ, сердце свое располосовалъ, да къ ногамъ твоимъ положилъ бы!.. О радость моя!

— Да, поцѣлуйте же меня, жестокой вы чело-вѣкъ, въ губы, въ лицо поцѣлуйте, какъ мамаша цѣлуетъ! воскликнула Наташа большимъ, разслабленнымъ, полнымъ слезами радости голосомъ.

— И въ глазки тоже! И въ глазки тоже! помнишь какъ прежде, повторялъ старикъ послѣ долгаго, сладкаго объятія съ дочерью. — О, Наташа! Снилось ли тебѣ когда про насъ? А мнѣ ты снилась чуть не каждую ночь и каждую ночь, ты ко мнѣ приходила, и я надъ тобой плакалъ, а одинъ разъ ты какъ маленькая пришла, помнишь когда еще тебѣ только десять лѣтъ было, и ты на фортепьяно только что начинала учиться, — пришла въ коротенькомъ платьицѣ, въ хорошихъ башмачкахъ и съ ручками красненькими... вѣдь у ней красненькія такія ручки были тогда, помнишь Аннушка? — пришла ко мнѣ, на колѣни сѣла и обняла меня... И ты, и ты, дѣвочка ты злая! и ты могла думать, что я проклялъ тебя, что я не приму тебя, еслибъ ты пришла! Да, вѣдь я... слушай Наташа: да, вѣдь я часто къ тебѣ ходилъ и мать не знала и никто не зналъ; то подъ окнами у тебя стою, то жду: полсутки иной разъ жду, гдѣ-нибудь

на тротуарѣ у твоихъ воротъ! не выйдешь ли ты, чтобъ издали только посмотрѣть на тебя! А то у тебя по вечерамъ свѣча на окошкѣ часто горѣла; такъ сколько разъ я, Наташа, по вечерамъ къ тебѣ ходилъ, хоть на свѣчку твою посмотрѣть, хоть тѣнь твою въ окнѣ увидеть, благословить тебя на ночь. А ты благословляла ли меня на ночь? Думала ли обо мнѣ? Слышало ли твое сердечко, что я тутъ подъ окномъ? А сколько разъ, зимой, я поздно ночью на твою лѣстницу подымусь и въ темныхъ сѣняхъ стою, сквозь дверь прислушиваюсь: не услышу ли твоего голоса? Не засмѣешься ли ты? Проклялъ? Да, вѣдь я въ этотъ вечеръ къ тебѣ приходилъ, простить тебя хотѣлъ и только отъ дверей воротился... О Наташа!

Онъ всталъ, онъ приподнялъ ее изъ креселъ и крѣпко-крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

— Она здѣсь опять у моего сердца! вскричалъ онъ: — о благодарю тебя Боже, за все, за все, и за гнѣвъ Твой и за милость Твою!.. И за солнце Твое, которое просіяло теперь, послѣ грозы, на насъ! За всю эту минуту благодарю! О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вмѣстѣ и пусть, пусть теперь торжествуютъ эти гордые и надменные, унижившіе и оскорбившіе насъ! пусть они бросятъ въ насъ камень! Не бойся, Наташа... Мы пойдемъ рука въ руку, и я скажу имъ: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрѣшная дочь моя, которую вы оскорбили и унижили, но которую я, я люблю, и которую благословляю во вѣки вѣковъ!..

— Ваня! Ваня!.. слабымъ голосомъ проговорила Наташа, протягивая мнѣ пзъ объятій отца свою руку.

О! никогда я не забуду, что въ эту минуту она вспомнила обо мнѣ и позвала меня!

— Гдѣ же Нелли? спросилъ старикъ, озираясь.

— Ахъ, гдѣ же она? вскрикнула старушка: — голубчикъ мой! вѣдь мы такъ ее и оставили!

Но ея не было въ комнатѣ; она незамѣтно проскользнула въ спальню. Всѣ пошли туда. Нелли стояла въ углу, за дверью, и пугливо пряталась отъ насъ.

— Нелли, что съ тобой, дитя мое! воскликнулъ старикъ, желая обнять ее. Но она какъ-то долго на него посмотрѣла...

— Мамаша, гдѣ мамаша? проговорила она, какъ въ безпамятствѣ: — гдѣ, гдѣ моя мамаша? вскрикнула она еще разъ, протягивая свои дрожащія руки къ намъ, и вдругъ страшный, ужасный крикъ вырвался изъ ея груди; судороги пробѣжали по лицу ея, и она въ страшномъ припадкѣ упала на полъ...

Э П И Л О Г Ъ

ПОСЛѢДНІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Половина іюня. День жаркій и удушливый; въ городѣ невозможно оставаться: пыль, известь, перестройки, раскаленные камни, отравленный испареніями воздухъ... Но вотъ, о радости! загрѣмѣлъ гдѣ-то громъ; мало-по-малу небо нахмурилось; повѣялъ вѣтеръ, гоня предъ собою клубы городской пыли. Нѣсколько крупныхъ капель тяжело упало на землю, а за ними вдругъ какъ будто разверзлось все небо, и цѣлая рѣка воды пролилась надъ городомъ. Когда чрезъ полчаса снова просіяло солнце, я отворилъ окно моей комнаты и жадно, всею усталой грудью, дохнулъ свѣжимъ воздухомъ. Въ упоеніи я было хотѣлъ уже бросить перо и всѣ дѣла мои, и самого антрепренера, и бѣжать къ *нашимъ* на Васильевскій. Но хотъ и великъ былъ соблазнъ, я-таки успѣлъ побороть себя и съ какою-то яростію снова напалъ на бумагу: во что бы то ни стало нужно было кончить! Антрепренеръ велитъ и иначе не дастъ денегъ. Меня тамъ ждутъ, но за то я вечеромъ буду свободенъ, совершенно свободенъ, какъ вѣтеръ, и сегодняшній вечеръ вознаградитъ меня за эти послѣдніе два дня и двѣ ночи, въ которые я написалъ три печатныхъ листа съ половиною.

И вотъ наконецъ кончена и работа; бросаю перо и поднимаюсь, ощущая боль въ спинѣ и въ груди и дурманъ въ головѣ. Знаю, что въ эту минуту нервы мои разстроены въ сильной степени и какъ будто слышу послѣднія слова, сказанныя мнѣ моимъ старикомъ-докторомъ: «Нѣтъ, никакое здоровье не выдержитъ подобныхъ напряженій, потому что это невозможно!» Однакожъ, покаместъ это возможно! Голова моя кружится; я едва стою на ногахъ; но радость, безпредѣльная радость наполняетъ мое сердце. Повѣсть моя совершенно кончена, и антрепренеръ, хотя я ему и много теперь долженъ все-таки дастъ мнѣ хотъ сколько-нибудь, увидя въ своихъ рукахъ добычу,—хотъ пятьдесятъ рублей, а я давнымъ-давно на видаль у себя въ рукахъ такихъ денегъ. Свобода и деньги!... Въ восторгѣ я схватилъ шляпу, рывкомъ подымаю мышку и бѣгу стремглавъ, чтобъ зайти дома нашего драгоценнѣйшаго Александра Петровича.

Я застаю его, но уже на выходѣ. Онъ, въ свою очередь, только-что кончилъ одну нелитературную, но за то очень выгодную спекуляцію, и выпроводивъ наконецъ какого-то черномазенькаго жидка, съ которымъ просидѣлъ два часа сряду въ своемъ кабинетѣ, привѣтливо подаетъ мнѣ руки и своимъ мягкимъ, милымъ баскомъ спрашиваетъ о моемъ здоровьи. Это добрѣйшій человекъ, и я, безъ шутокъ, многимъ ему обязанъ. Чѣмъ же онъ виноватъ, что въ литературѣ онъ всю жизнь былъ *только* антрепренеромъ? Онъ смекнулъ, что литературѣ надо антрепренера, и смекнулъ очень во-время; честь ему и слава за это,—антрепренерская разумѣется.

Онъ съ пріятной улыбкой узнаетъ, что повѣсть кончена и что слѣдующій номеръ книжки такимъ образомъ обезпеченъ въ главномъ отдѣлѣ и удивляется, какъ это я могъ хотъ что-нибудь *кончить*, и при этомъ премило острить. Затѣмъ идетъ къ своему желѣзному сундуку, чтобъ выдать мнѣ обѣщанные пятьдесятъ рублей, а мнѣ между тѣмъ протягиваетъ другой враждебный толстый журналъ, и указываетъ на нѣсколько строкъ, въ отдѣлѣ критики, гдѣ говорится два слова и о послѣдней моей повѣсти.

Смотрю: это статья «переписчика». Меня не то чтобъ ругаютъ, но и не то чтобъ хвалятъ, и я очень доволенъ. Но «переписчикъ» говоритъ между прочимъ, что отъ сочиненій моихъ вообще «пахнетъ по́томъ», то-есть я до того надъ ними потѣю, тружусь, до того ихъ обдѣлываю и отдѣлываю, что становится приторно.

Мы съ антрепренеромъ хохочемъ. Я докладываю ему что прошлая повѣсть моя была написана въ двѣ ночи, а теперь въ два дня и двѣ ночи написано мною три съ половиною печатныхъ листа, и еслибъ зналъ это «переписчикъ», упрекающій меня въ излишней копогливости и въ тугой медленности моей работы!

— Однакожъ вы сами виноваты, Иванъ Петровичъ. Зачѣмъ же вы такъ запаздываете, что приходится вотъ работать по ночамъ?

Александръ Петровичъ конечно милѣйшій чело-

вѣкъ, хотя у него есть особенная слабость—похвастаться своимъ литературнымъ сужденіемъ пменно передъ тѣми, которые, какъ и самъ онъ подозрѣваетъ, понимаютъ его насквозь. Но мнѣ не хочется разсуждать съ нимъ объ литературѣ, я получаю деньги и беру за шляпу. Александръ Петровичъ ѣдетъ на острова на свою дачу и услышавъ, что я на Васильевскій, благодушно предлагаетъ довести меня въ своей каретѣ.

— У меня вѣдь новая каретка; вы не видали? премиленькая.

Мы сходимъ къ подъѣзду. Карета дѣйствительно премиленькая, и Александръ Петровичъ на первыхъ порахъ своего владѣнія ею, ощущаетъ чрезвычайное удовольствіе и даже нѣкоторую душевную потребность, *подвозить* въ ней своихъ знакомыхъ.

Въ каретѣ Александръ Петровичъ опять нѣсколько разъ пускается въ разсужденія о современной литературѣ. При мнѣ онъ не конфузится и преспокойно повторяетъ разныя чужія мысли, слышанныя имъ на дняхъ отъ кого нибудь изъ литераторовъ, которымъ онъ вѣритъ и чье сужденіе уважаетъ. При этомъ ему случается иногда уважать удивительныя вещи. Случается ему тоже перевернуть чужое мнѣніе или вставлять его не туда, куда слѣдуетъ, такъ что выходитъ бурда. Я сижу, молча слушаю и дивлюсь разнообразію и прихотливости страстей человѣческихъ. «Ну, вотъ человѣкъ, думаю я про себя: сколачивалъ бы себѣ деньги, да сколачивалъ; нѣтъ, ему еще нужно славы, литературной славы, славы хорошаго издателя, критика!»

Въ настоящую минуту онъ силится подробно изложить мнѣ одну литературную мысль, слышанную имъ дня три тому назадъ отъ меня же, и противъ которой онъ, три дня тому назадъ, со мной же спорилъ, а теперь выдаетъ ее за свою. Но съ Александромъ Петровичемъ такая забывчивость поминутно случается, и онъ извѣстенъ этой невинной слабостью между всѣми своими знакомыми. Какъ онъ радъ теперь, ораторствуя въ своей каретѣ, какъ доволенъ судьбой, какъ благодушенъ! Онъ ведетъ учено-литературный разговоръ и даже мягкій, приличный его басокъ отзывается ученостью. Мало-по-малу онъ *заимберальничался*, и переходитъ къ невинно-скептическому убѣжденію, что въ литературѣ нашей, да и вообще ни въ какой и никогда, не можетъ быть ни у кого честности и скромности, а есть только одно «взаимное битіе другъ друга по мордасамъ»—особенно при началѣ подписки. Я думаю про себя, что Александръ Петровичъ наклоненъ даже всякаго честнаго и искреннаго литератора, за его честность и искренность считать, если не дуракомъ, то по крайней мѣрѣ простофилей. Разумѣется такое сужденіе прямо выходитъ изъ чрезвычайной невинности Александра Петровича.

Но я уже его не слушаю. На Васильевскомъ островѣ онъ выпускаетъ меня изъ кареты, и я бѣгу

къ нашимъ. Вотъ и тринадцатая лпнія, вотъ и ихъ домикъ. Анна Андревна, увидя меня, грозитъ мнѣ пальцемъ, махаетъ на меня руками и *шикаетъ* на меня, чтобъ я не шумѣлъ.

— Нелли только-что заснула, бѣдняжка! шепчетъ она мнѣ поскорѣе:—ради Бога не разбудите! только ужъ очень она, голубушка, слаба. Бопмисъ за нее. Докторъ говоритъ, что это покамѣстъ ничего. Да что отъ него путнаго-то добьешься, отъ *вашего* доктора! И не грѣхъ вамъ это, Иванъ Петровичъ? ждали васъ, ждали къ обѣду-то... вѣдь двое сутокъ не были!..

— Но вѣдь я объявилъ еще третьяго дня, что не буду двое сутокъ, шепчу я Аннѣ Андреевнѣ.—Надо было работу кончать...

— Да вѣдь къ обѣду сегодня общался же придти! чтожъ не приходилъ? Нелли нарочно съ постельки встала, ангельчикъ мой, въ кресло покойное ее усадили, да и вывели къ обѣду: «Хочу дескать съ вами вмѣстѣ Ваню ждать», а нашъ Ваня и не бывалъ. Вѣдь шесть часовъ скоро! гдѣ протаскался-то? Грѣховодники вы такіе! Вѣдь ее вы такъ разстроили, что ужъ я не знала, какъ и уговорить... благо заснула, голубушка. А Николай Сергѣичъ къ тому же въ городъ ушелъ (къ чаю-то будетъ): одна и бьюсь... Мѣсто-то ему, Иванъ Петровичъ, выходитъ; только какъ подумаю, что въ Пермь, такъ и захолопѣтъ у меня на душѣ...

— А гдѣ Наташа?

— Въ садикъ, голубка, въ садикъ! Сходите къ ней... Что-то она тоже у меня такая... Какъ-то и не соображу... Охъ, Иванъ Петровичъ, тяжело мнѣ душой! Увѣряетъ, что весела и довольна, да не вѣрю я ей... Сходи-ка къ ней, Ваня, да мнѣ и разскажи ужъ потихоньку, что съ ней... Слышишь?

Но я уже не слушаю Анну Андреевну, а бѣгу въ садикъ. Этотъ садикъ принадлежитъ къ дому; онъ шаговъ въ двадцать пять длиною и столько же въ ширину, и весь заросъ зеленью. Въ немъ три высокихъ старыхъ, раскидистыхъ дерева, нѣсколько молодыхъ березокъ, нѣсколько кустовъ сирени, жимолости, есть уголокъ малинника, двѣ грядки съ клубникой и двѣ узенькихъ извилистыхъ дорожки, вдоль и поперекъ сада. Старикъ отъ него въ восторгѣ и увѣряетъ, что въ немъ скоро будутъ расти грибы. Главное же въ томъ, что Нелли полюбила этотъ садикъ, и ее часто вывозятъ въ креслахъ на садовую дорожку, а Нелли теперь идола всего дома. Но вотъ и Наташа: она съ радостью встрѣчаетъ меня и протягиваетъ мнѣ руку. Какъ она худа, какъ блѣдна! Она тоже едва оправилась отъ болѣзни.

— Совсѣмъ ли кончилъ, Ваня? спрашиваетъ она меня.

— Совсѣмъ, совсѣмъ! и на весь вечеръ совершенно свободенъ.

— Ну слава Богу! Торопился? портить?

— Чтожъ дѣлать! Впрочемъ это ничего. У меня вырабатывается, въ такую напряженную работу, какое-то особенное раздраженіе нервовъ; я яснѣе

соображаю, живѣе и глубже чувствую и даже слогъ мнѣ вполне подчиняется, такъ что въ напряженной-то работѣ и лучше выходитъ. Все хорошо...

— Эхъ Ваня, Ваня!

Я замѣчаю, что Наташа въ послѣднее время стала страшно ревнива къ моимъ литературнымъ успѣхамъ, къ моей славѣ. Она перечитываетъ все, что я въ послѣдній годъ напечаталъ, поминутно спрашиваетъ о дальнѣйшихъ планахъ моихъ, интересуется каждой критикой, на меня написанной, сердится на меня и непремѣнно хочетъ, чтобъ я высоко поставилъ себя въ литературѣ. Желанія ея выражаются до того сильно и настойчиво, что я даже удивляюсь теперешнему ея направленію.

— Ты только исполнишься, Ваня, говоритъ она мнѣ: — изнасилуешь себя и исполнишься; а кромѣ того и здоровье погубишь. Вонъ С***, тотъ въ два года по одной повѣсти пишетъ, а N* въ десять лѣтъ всего только одинъ романъ написалъ. За то какъ у нихъ отекалено, отдѣлано! ни одной небрежности не найдешь.

— Да, но они обезпечены и пишутъ не на срокъ, а я — почтовая клѣя! Ну да это все вздоръ! Оставимъ это, другъ мой. Что, нѣтъ ли новаго?

— Много. Во-первыхъ отъ него письмо...

— Еще?

— Еще. И она подала мнѣ письмо отъ Алеши. Это уже третье послѣ разлуки. Первое онъ написалъ еще изъ Москвы и написалъ точно въ какомъ-то припадкѣ. Онъ увѣдомлялъ, что обстоятельства такъ сложились, что ему никакъ нельзя воротиться изъ Москвы въ Петербургъ, какъ было проэктовано при разлукѣ. Во второмъ письмѣ онъ спѣшилъ извѣстить, что пріѣзжаетъ къ намъ на дняхъ, чтобъ поскорѣй обвѣнчаться съ Наташей, что это рѣшено и никакими силами не можетъ быть остановлено. А между тѣмъ, по тону всего письма было ясно, что онъ въ отчаяніи, что постороннія вліянія уже вполне отяготѣли надъ нимъ, и что онъ уже самъ себя не вѣрилъ. Онъ упоминалъ между прочимъ, что Катя — его провидѣніе и что она одна утѣшаетъ и поддерживаетъ его. Я съ жадностью раскрылъ его теперешнее *третье* письмо.

Оно было на двухъ листахъ, написано отрывочно, безпорядочно, пѣско и неразборчиво, закапано чернилами и слезами. Начиналось тѣмъ, что Алеша отрекался отъ Наташи и уговаривалъ ее забыть его. Онъ силлся доказать, что союзъ ихъ невозможенъ, что постороннія, враждебныя вліянія сильнѣе всего, и что наконецъ такъ и должно быть: и онъ и Наташа вмѣстѣ будутъ несчастны, потому что они неровня. Но онъ не выдержалъ и вдругъ, бросивъ свои разсужденія и доказательства, тутъ же, прямо, не разорвавъ и не отбросивъ первой половины письма, признавался, что онъ преступникъ передъ Наташей, что онъ погибшій человѣкъ, и не въ силахъ возстать противъ желаній отца пріѣхавшаго въ деревню. Писалъ онъ, что не въ силахъ выразить своихъ мученій; признавался между

прочимъ, что вполне сознаетъ въ себѣ возможность составить счастье Наташи, начиналъ вдругъ доказывать, что они вполне ровня; съ упорствомъ, со злобою опровергалъ доводы отца; въ отчаяніи рисовалъ картинку блаженства всей жизни, которое готовилось бы имъ обоимъ, ему и Наташѣ, въ случаѣ ихъ брака, проклиналъ себя за свое малодушіе и — прощался на вѣки! Письмо было написано съ мученіемъ; онъ видимо писалъ внѣ себя; у меня навернулись слезы... Наташа подала мнѣ другое письмо отъ Катя. Это письмо пришло въ одномъ конвертѣ съ Алешинимъ, но особо запечатанное. Катя довольно кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ увѣдомляла, что Алеша дѣйствительно очень груститъ, много плачетъ и какъ будто въ отчаяніи, даже боленъ немного, но что она съ нимъ и что онъ будетъ счастливъ. Между прочимъ Катя силсилась растолковать Наташѣ, чтобъ она не подумала, что Алеша такъ скоро могъ утѣшиться и что будто грусть его не серьезна. «Онъ васъ не забудетъ никогда», прибавляла Катя: «да и не можетъ забыть никогда, потому что у него не такое сердце; любить онъ васъ безпредѣльно, будетъ всегда любить, такъ что если разлюбить васъ, хоть когда нибудь, если хоть когда нибудь перестанетъ тосковать при воспоминаніи о васъ, то я сама разлюблю его за это тотчасъ же...»

Я возвратилъ Наташѣ оба письма: мы переглянулись съ ней и не сказали ни слова. Такъ было и при первыхъ двухъ письмахъ, да и вообще о прошломъ мы теперь избѣгали говорить, какъ будто между нами это было условлено. Она страдала невыносимо, я это видѣлъ, но не хотѣла высказываться даже и передо мной. Послѣ возвращенія въ родительскій домъ, она три недѣли вылежала въ горячкѣ и теперь едва оправилась. Мы даже мало говорили и о близкой переимѣнѣ нашей, хотя она и знала, что старикъ получаетъ мѣсто и что намъ придется скоро разстаться. Не смотря на то, она до того была ко мнѣ нѣжна, внимательна, до того занималась всѣмъ, что касалось до меня, во все это время; съ такимъ настойчивымъ, упорнымъ вниманіемъ выслушивала все, что я долженъ былъ ей разсказывать о себѣ, что сначала мнѣ это было даже тяжело: мнѣ казалось, что она хотѣла меня вознаградить за прошлое. Но эта тягость быстро исчезла: я понималъ, что въ ней совсѣмъ другое желаніе, что она *просто* любитъ меня, любитъ безконечно, не можетъ жить безъ меня и не заботится о всемъ, что до меня касается, и я думаю, никогда сестра не любила до такой степени своего брата, какъ Наташа любила меня. Я очень хорошо зналъ, что предстоявшая намъ разлука давила ея сердце, что Наташа мучилась; она знала тоже, что и я не могу безъ нея жить; но мы объ этомъ не говорили, хотя и подробно разговаривали о предстоящихъ событіяхъ...

Я спросилъ о Николаѣ Сергѣичѣ.

— Онъ скоро, я думаю, воротится, отвѣчала Наташа; — общалъ къ чаю.

— Это онъ все о мѣстѣ хлопочетъ?

— Да; впрочемъ мѣсто ужъ теперь безъ сомнѣнія будетъ; да и уходить ему было сегодня кажется незачѣмъ, прибавила она въ раздумьи:—могъ бы и завтра.

— Зачѣмъ же онъ ушелъ?

— А потому, что я письмо получила...

— Онъ до того *боленъ* мной, прибавила Наташа помолчавъ:—что мнѣ это даже тяжело, Ваня. Онъ кажется и во снѣ только одну меня видитъ. Я увѣрена, что онъ кромѣ того: что со мной, какъ живу я, о чемъ теперь думаю?—ни о чемъ болѣе и не помышляетъ. Всякая тоска моя отзывается въ немъ. Я вѣдь вижу, какъ онъ неловко иногда старается пересилить себя и показать видъ, что обо мнѣ не тоскуетъ, напускаетъ на себя веселость, старается смѣяться и насъ смѣшить. Маменька тоже въ эти минуты сама не своя и тоже не вѣрить его смѣху, и вздыхаетъ... Такая она неловкая... Прямая душа! прибавила она со смѣхомъ.—Вотъ какъ я получила сегодня письма, ему и понадобилось сейчасъ убѣждать, чтобъ не встрѣчаться со мной глазами... Я его больше себя, больше всѣхъ на свѣтѣ люблю, Ваня, прибавила она потупивъ голову и сжавъ мою руку:—даже больше тебя...

Мы прошли два раза по саду, прежде чѣмъ она начала говорить.

— У насъ сегодня Маслобоевъ былъ и вчера тоже былъ, сказала она.

— Да, онъ въ послѣднее время очень часто появлялся къ вамъ.

— И знаешь ли, зачѣмъ онъ здѣсь? Маменька въ него вѣруетъ, какъ незнаю во что. Она думаетъ, что онъ до того все это знаетъ, (ну тамъ законы и все это) — что всякое дѣло можетъ обдѣлать. Какъ ты думаешь, какая у ней теперь мысль бродитъ? Ей, про себя, очень больно и жаль что я не сдѣлалась книжницей. Эта мысль ей жить не даетъ, и, кажется она вполнѣ открылась Маслобоеву. Съ отцомъ она боится говорить объ этомъ, и думаетъ: не поможетъ ли ей въ чемъ нибудь Маслобоевъ, нельзя ли какъ хотъ по законамъ? Маслобоевъ кажется ей не противорѣчить, а она его виномъ подчууетъ, прибавила съ усмѣшкой Наташа.

— Отъ этого проказника станется. Да почему же ты знаешь?

— Да вѣдь маменька мнѣ сама проговорила... намеками...

— Что Нелли? какъ она? спросилъ я.

— Я даже удивляюсь тебѣ, Ваня: до сихъ поръ ты объ ней не спросилъ! съ упрекомъ сказала Наташа.

Нелли была идоломъ у всѣхъ въ этомъ домѣ. Наташа ужасно полюбила ее, и Нелли отдалась ей наконецъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Бѣдное дитя! она и не ждала, что сыщется когда нибудь такихъ людей, что найдется столько любви къ себѣ, и я съ радостію видѣлъ, что озлобленное сердце раз-

матчилось и душа отворилась для насъ всѣхъ. Она съ какимъ-то болѣзненнымъ жаромъ откликнулась на всеобщую любовь, которою была окружена, въ противоположность всему своему прежнему, развившему въ ней недовѣріе, злобу и упорство. Впрочемъ и теперь Нелли долго упорствовала, долго намѣренно таила отъ насъ слезы примиренія, накиншія въ ней, и наконецъ отдалась намъ совсѣмъ. Она сильно полюбила Наташу, затѣмъ старика. Я же сдѣлался ей чѣмъ-то до того необходимымъ, что болѣзнь ея усиливалась, если я долго не приходилъ. Въ послѣдній разъ, разставаясь на два дня, чтобъ кончить наконецъ запущенную мною работу, я долженъ былъ много уговаривать ее.. конечно обнявшами. Нелли все еще стыдилась слишкомъ прямого, слишкомъ беззавѣтнаго проявленія своего чувства...

Она всѣхъ насъ очень беспокоила. Молча и безо всякихъ разговоровъ рѣшено было, что она останется на вѣки въ домѣ Николая Сергѣича, а между тѣмъ отъѣздъ приближался, а ей становилось все хуже и хуже. Она заболѣла съ того самаго дня, какъ мы пришли съ ней тогда къ старикамъ, въ день примиренія ихъ съ Наташей. Впрочемъ чужой я? она и всегда была больна. Болѣзнь постепенно росла въ ней и прежде, но теперь начала усиливаться съ необычайною быстротою. Я не знаю и не могу опредѣлить въ точности ея болѣзни. Припадки правая повторялись съ ней нѣсколько чаще прежняго; но главное, какое-то изнуреніе и упадокъ всѣхъ силъ, непрерывное лихорадочное и напряженное состояніе,—все это довело ее въ послѣдніе дни до того, что она уже не вставала съ постели. И странно: чѣмъ болѣе одолевала ее болѣзнь, тѣмъ мягче, тѣмъ ласковѣе, тѣмъ открытѣе къ намъ становилась Нелли. Три дня тому назадъ, она поймала меня за руку, когда я проходилъ мимо ея кровати и потянула меня къ себѣ. Въ комнатѣ никого не было. Лицо ея было въ жару (она ужасно похудѣла), глаза сверкали огнемъ. Она судорожно-страстно потянулась ко мнѣ, и когда я наклонился къ ней, она крѣпко обхватила мою шею своими смуглыми худенькими ручками и крѣпко поцѣловала меня, а потомъ тотчасъ же потребовала къ себѣ Наташу; я позвалъ ее; Нелли непременно хотѣлось, чтобъ Наташа присѣла къ ней на кровать и смотрѣла на нее...

— Мнѣ самой на васъ смотрѣть хочется, сказала она. — Я васъ вчера во снѣ видѣла и сегодня ночью увижу... вы мнѣ часто снитесь... всякую ночь...

Ей очевидно хотѣлось что-то высказать, чувство давило ее; но она и сама не понимала своихъ чувствъ и не знала какъ его выразить...

Николая Сергѣича она любила почти болѣе всѣхъ, кромѣ меня. Надо сказать, что и Николай Сергѣичъ чуть ли не такъ же любилъ ее, какъ и Наташу. Онъ имѣлъ удивительное свойство развешивать и смѣшить Нелли. Только-что онъ бывало

придетъ къ ней, тотчасъ же и пачинается смѣхъ и даже шалости. Больная дѣвочка развеселялась какъ ребенокъ, кокетничала съ старикомъ, подсмѣивалась надъ нимъ, рассказывала ему свои сны и всегда что-нибудь выдумывала, заставляла разсказывать и его, и старикъ до того былъ радъ, до того былъ доволенъ, смотря на свою «маленькую дочку Нелли», что каждый день все болѣе и болѣе приходилъ отъ нея въ восторгъ.

— Ее намъ всѣмъ Богъ послалъ, въ награду за наши страданія, сказалъ онъ мнѣ разъ, уходя отъ Нелли и перекрестивъ ее по обыкновенію на ночь.

Каждый день, по вечерамъ, когда мы всѣ собиравлись вмѣстѣ (Маслобоевъ тоже приходилъ почти каждый вечеръ), прѣзжалъ иногда и старикъ-докторъ, привязавшійся всею душою къ Ихменевымъ; вывозили и Нелли въ ея креслѣ, къ намъ за круглый столъ. Дверь на балконъ отворялась. Зеленый садикъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, былъ весь на виду. Изъ него пахло свѣжей зеленью и только-что распустившеюся сиреню. Нелли сидѣла въ своемъ креслѣ, ласково на всѣхъ насъ посматривала и прислушивалась къ нашему разговору. Иногда же оживлялась и сама, и непримѣтно начинала тоже что-нибудь говорить... Но въ такія минуты, мы всѣ слушали ее обыкновенно даже съ безпокойствомъ, потому-что въ ея воспоминаніяхъ были темы, которыхъ нельзя было касаться. И я, и Наташа, и Ихменевы, чувствовали и сознавали всю нашу вину передъ ней, въ тотъ день, когда она трепещущая и измученная *должна* была разсказать намъ свою исторію. Докторъ особенно былъ противъ этихъ воспоминаній и разговоръ обыкновенно старались переменить. Въ такихъ случаяхъ Нелли старалась не показывать намъ, что понимаетъ наши усилія и начинала смѣяться съ докторомъ, или съ Николаемъ Сергѣичемъ.

И однакожь ей дѣлалось все хуже и хуже. Она стала чрезвычайно впечатлительна. Сердце ея билось неправильно. Докторъ сказалъ мнѣ даже, что она можетъ умереть очень скоро.

Я не говорилъ этого Ихменевымъ, чтобъ не тревожить ихъ. Николай Сергѣичъ былъ вполне увѣренъ, что она выздоровѣетъ къ дорогѣ.

— Вотъ и папенька воротился, сказала Наташа, заслышавъ его голосъ. Пойдемъ, Ваня.

Николай Сергѣичъ, едва переступивъ за порогъ, по обыкновенію своему, громко заговорилъ; Анна Андреевна такъ и замахала на него руками. Старикъ тотчасъ же присмирѣлъ, и увидя меня и Наташу, шопотомъ и съ уторопленнымъ видомъ сталъ намъ разсказывать о результатѣ своихъ похужедей: мѣсто, о которомъ онъ хлопоталъ, было за нимъ, и онъ очень былъ радъ.

— Черезъ двѣ недѣли можно и ѣхать, сказалъ онъ, потирая руки и заботливо, искоса, взглянулъ

на Наташу. Но та отвѣтила ему улыбкой и обняла его, такъ что сомнѣнія его много разстѣялись.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, друзья мои, поѣдемъ! заговорилъ онъ, обрадовавшись. — Вотъ только ты, Ваня, только съ тобой разставаться больно... (Замѣчу, что онъ ни разу не предложилъ мнѣ ѣхать съ ними вмѣстѣ, что, судя по его характеру, непремѣнно бы сдѣлалъ... при другихъ обстоятельствахъ, то-есть, еслибъ не зналъ моей любви къ Наташѣ).

— Ну чтожъ дѣлать, друзья, чтожъ дѣлать! Больно мнѣ, Ваня; но перемена мѣста насъ всѣхъ оживитъ... Перемена мѣста, — значитъ перемена *всего*! прибавилъ онъ, еще разъ взглянувъ на дочь.

Онъ вѣрилъ въ это и былъ радъ своей вѣрѣ.

— А Нелли? сказала Анна Андреевна.

— Нелли? Чтожъ... она, голубчикъ мой, больна немножко, но къ тому-то времени ужъ навѣрно выздоровѣетъ. Ей и теперь лучше: какъ ты думаешь, Ваня? проговорилъ онъ, какъ-бы испугавшись и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня, точно я-то и долженъ былъ разрѣшить его недоумѣнія.

— Что она? какъ спала? Не было ли съ ней чего? Не проснулась ли она теперь? Знаешь, что, Анна Андреевна: мы столикъ-то придвинемъ поскорѣй на терассу, принесутъ самоваръ, придутъ наши, мы всѣ усядемся и Нелли къ намъ выйдетъ... Вотъ и прекрасно. Да ужъ не проснулась ли она? Пойду я къ ней. Только посмотрю на нее... не разбужу, не безпокойся! прибавилъ онъ, видя что Анна Андреевна снова замахала на него руками.

Но Нелли уже проснулась. Черезъ четверть часа мы всѣ по обыкновенію сидѣли вокругъ стола за вечернимъ самоваромъ.

Нелли вывели въ креслахъ. Явился докторъ явился и Маслобоевъ. Онъ принесъ для Нелли большой букетъ сирени; но самъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и какъ-будто раздосадованъ.

Кстати: Маслобоевъ ходилъ чуть не каждый день. Я уже говорилъ, что всѣ и особенно Анна Андреевна, чрезвычайно его полюбили, но никогда ни слова не упоминалось у насъ вслухъ объ Александрѣ Семеновнѣ: не упоминалъ о ней и самъ Маслобоевъ. Анна Андреевна, узнавъ отъ меня, что Александра Семеновна еще не успѣла сдѣлаться его *законной* супругой, рѣшила про себя, что и принимать ее и говорить объ ней въ домѣ нельзя. Такъ и наблюдалось, и этимъ очень обрисовывалась и сама Анна Андреевна. Впрочемъ, не будь у ней Наташи и главное, не случись того, что случилось, она бы можетъ-быть и не была такъ разборчива.

Нелли въ этотъ вечеръ была какъ-то особенно грустна и даже чѣмъ-то озабочена. Какъ-будто она видѣла дурной сонъ и задумалась о немъ. Но подарку Маслобоева она очень обрадовалась и съ наслажденіемъ поглядывала на цвѣты, которые поставили передъ ней въ стаканѣ.

— Такъ ты очень любишь цвѣточки, Нелли?

сказалъ старикъ.—Постой же! прибавилъ онъ съ одушевленіемъ:—завтра же... ну да вотъ увидишь сама!..

— Люблю, отвѣчала Нелли:—п помню какъ мы мамашу съ цвѣтами встрѣчали. Мамаша, еще когда мы были тамъ (тамъ значило теперь за границей), была одинъ разъ цѣлый мѣсяцъ очень больна. Я и Генрихъ сговорились, что когда она встанетъ и первый разъ выйдетъ изъ своей спальни, откуда она цѣлый мѣсяцъ не выходила, то мы и уберемъ всѣ комнаты цвѣтами. Вотъ мы такъ и сдѣлали. Мамаша сказала съ вечера, что завтра утромъ она непременно выйдетъ вмѣстѣ съ нами завтракать. Мы встали рано-рано. Генрихъ принесъ много цвѣтовъ, и мы всю комнату убрали зелеными листьями и гирляндами. И плющъ былъ, и еще такія широкія листья—ужь не знаю какъ они называются, и еще другія листья, которые за все цѣпляются, и бѣлые цвѣты большіе были, и нарцисы были, а я ихъ больше всѣхъ цвѣтовъ люблю, и розы были, такіе славные розы, и много-много было цвѣтовъ. Мы ихъ всѣ развѣсили въ гирляндахъ, и въ горшкахъ разставили, и такіе цвѣты тутъ были, что какъ цѣлыя деревья, въ большихъ кадкахъ; ихъ мы по угламъ разставили и у креселъ мамашы, и какъ мамаша вышла, то удивилась и очень обрадовалась, а Генрихъ былъ радъ... Я это теперь помню...

Въ этотъ вечеръ Нелли была какъ-то особенно слаба и слабонервна. Докторъ съ безпокойствомъ взглядывалъ на нее. Но ей очень хотѣлось говорить. И долго, до самыхъ сумерекъ рассказывала она о своей прежней жизни тамъ; мы ее не прерывали. Тамъ съ мамашей и съ Генрихомъ, они много ѣздили, и прежнія воспоминанія ярко возставали въ ея памяти. Она съ волненіемъ рассказывала о голубыхъ небесахъ, о высокихъ горахъ, со снѣгомъ и льдами, которыми она видѣла и проѣзжала, о горныхъ водопадахъ; потомъ объ озерахъ и долинахъ Италіи, о цвѣтахъ и дѣревьяхъ, объ сельскихъ жителяхъ, объ ихъ одеждѣ и объ ихъ смуглыхъ лицахъ и черныхъ глазахъ; рассказывала про разные встрѣчи и случаи бывшіе съ ними. Потомъ о большихъ городахъ и дворцахъ, о высокой церкви съ куполомъ, который весь вдругъ иллюминировался разноцвѣтными огнями; потомъ объ жаромъ, южномъ городѣ съ голубыми небесами и съ голубымъ моремъ... Никогда еще Нелли не рассказывала намъ такъ подробно воспоминаній своихъ. Мы слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Мы всѣ знали только до сихъ поръ другія ея воспоминанія—въ мрачномъ, угрюмомъ городѣ, съ давящей, одуряющей атмосферой, съ зараженнымъ воздухомъ, съ драгоценными палатами всегда запачканными грязью; съ тусклымъ, бѣднымъ солнцемъ и съ злыми, полусумасшедшими людьми, отъ которыхъ такъ много и она и мамаша ея терпѣли. И мнѣ представилось, какъ онѣ обѣ, въ грязномъ подвалѣ, въ сырой сумрачный вечеръ, обнявшись на бѣдной постелѣ своей вспоминали о

своемъ прошедшемъ, о покойномъ Генрихѣ и о чудесахъ другихъ земель... Представилась мнѣ и Нелли, вспоминая все это уже одна, безъ мамашы своей, когда Бубнова побоями и звѣрскою жестокостью хотѣла сломить ее и принудить на недоброе дѣло...

Но наконецъ, съ Нелли сдѣлалось дурно, и ее отнесли назадъ. Старикъ очень испугался и досадовалъ, что ей дали такъ много говорить. Съ ней былъ какой-то припадокъ, въ родѣ обморока. Этотъ припадокъ повторялся съ нею уже нѣсколько разъ. Когда онъ кончился, Нелли настоятельно потребовала меня видѣть. Ей надо было что-то сказать мнѣ одному. Она такъ упрашивала объ этомъ, что въ этотъ разъ докторъ самъ настоялъ, чтобъ исполнили ея желаніе, и всѣ вышли изъ комнаты.

— Вотъ что, Ваня, сказала Нелли, когда мы остались вдвоемъ:—я знаю, они думаютъ, что я съ ними поѣду; но я не поѣду, потому что не могу и останусь пока у тебя, и мнѣ это надо было сказать тебѣ.

Я сталъ было ее уговаривать; сказалъ, что у Ихменевыхъ ее всѣ такъ любятъ, что ее за родную дочь почитаютъ. Что всѣ будутъ очень жалѣть о ней. Что у меня, напротивъ, ей тяжело будетъ жить, и что хоть я и очень ее люблю, но что нечего дѣлать, разстаться надо.

— Нѣтъ, нельзя! настойчиво отвѣтила Нелли:—потому что я вижу часто мамашу во снѣ, и она говоритъ мнѣ, чтобъ я не ѣздила съ ними и осталась здѣсь; она говоритъ, что я очень много согрѣшила, что дѣдушку одного оставила, и все плачетъ, когда это говоритъ. Я хочу остаться здѣсь и ходить за дѣдушкой, Ваня.

— Но вѣдь твой дѣдушка ужь умеръ, Нелли, сказалъ я, выслушавъ ее съ удивленіемъ.

Она подумала и пристально посмотрѣла на меня.

— Расскажи мнѣ, Ваня, еще разъ, сказала она:—какъ дѣдушка умеръ. Все расскажи и ничего не пропускай.

Я былъ изумленъ ея требованіемъ, но однакожь принялся рассказывать во всей подробности. Я подозрѣвалъ, что съ нею бредъ, или по крайней мѣрѣ, что послѣ припадка голова ея еще не совсемъ свѣжа.

Она внимательно выслушала мой рассказъ, и помню, какъ ея черные, сверкающіе больнымъ, лихорадочнымъ блескомъ глаза пристально и неотступно слѣдили за мной во все продолженіе разсказа. Въ комнатѣ было уже темно.

— Нѣтъ, Ваня, онъ не умеръ! сказала она рѣшительно, все выслушавъ и еще разъ подумавъ.—Мамаша мнѣ часто говоритъ о дѣдушкѣ и когда я вчера сказала ей: «да вѣдь дѣдушка умеръ», она очень огорчилась, заплакала и сказала мнѣ, что нѣтъ, что мнѣ нарочно такъ сказали, а что онъ ходитъ теперь и милостиню проситъ, «также какъ мы съ тобой прежде просили, говорила мамаша; и все ходитъ по тому мѣсту, гдѣ мы съ тобой его

въ первый разъ встрѣтили, когда я упала передъ нимъ и Азорка узналъ меня...»

— Это сонъ, Нелли, сонъ больной, потому что ты теперь сама больна, сказала я ей.

— Я и сама все думала, что это только сонъ, сказала Нелли, и не говорила никому. Только тебѣ одному все рассказать хотѣла. Но сегодня, когда я заснула послѣ того какъ ты не пришелъ, то увидѣла во снѣ и самого дѣдушку. Онъ сидѣлъ у себя дома и ждалъ меня и былъ такой страшный, худой, и сказалъ, что онъ два дня ничего не ѣлъ и Азорка тоже, и очень на меня сердился и упрекалъ меня. Снѣ мнѣ тоже сказалъ, что у него совсѣмъ нѣтъ нюхательнаго табаку, а что безъ этого табаку онъ и жить не можетъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ, Ваня, мнѣ прежде это одинъ разъ говорилъ, ужъ послѣ того какъ мамаша умерла, когда я приходила къ нему. Тогда онъ былъ совсѣмъ больной и почти ничего ужъ не понималъ. Вотъ, какъ я слышала это отъ него сегодня и думаю; пойду я, стану на мосту и буду милостыню просить, попрошу и куплю ему и хлѣба, и варенаго картофеля, и табаку. Вотъ будто я стою, попрошу, и вижу, что дѣдушка около ходитъ, помедлить немного и подойдетъ ко мнѣ и посмотритъ, сколько я набрала, и возьметъ себѣ. Это говоритъ на хлѣбъ, теперь на табакъ собирай. Я собираю, а онъ подойдетъ и отниметъ у меня. Я ему и говорю, что и безъ того все отдамъ ему и ничего себѣ не спрячу. Нѣтъ, говоритъ, ты у меня воруетъ; мнѣ и Бубнова говорила, что ты воровка, оттого-то я тебя къ себѣ никогда не возьму. Куды ты еще пятакъ дѣла? Я заплакала тому, что онъ мнѣ не вѣритъ, а онъ меня не слушаетъ и все кричитъ: «ты украла одинъ пятакъ!» и сталъ бить меня, тутъ же на мосту, и больно билъ. И я очень плакала... Вотъ я и подумала теперь, Ваня, что онъ непремѣнно живъ и гдѣ-нибудь одинъ ходитъ и ждетъ, чтобъ я къ нему пришла...

Я снова началъ ее уговаривать и разувѣрять, и наконецъ, кажется, разувѣрилъ. Она отвѣчала, что бонся теперь заснуть, потому что дѣдушку увидитъ. Наконецъ крѣпко обняла меня...

— А все-таки я не могу тебя покинуть, Ваня! сказала она мнѣ, прижимаясь къ моему лицу своимъ личикомъ. — Еслибъ и дѣдушки не было, я все съ тобой не разстанусь.

Въ домѣ всѣ были испуганы припадкомъ Нелли. Я потихоньку пересказалъ доктору всѣ ея грезы и спросилъ у него окончательно, какъ онъ думаетъ о ея болѣзни?

— Ничего еще неизвѣстно, отвѣчалъ онъ ображая: — я покаместъ догадываюсь, размышляю, наблюдаю, — по... ничего неизвѣстно. Вообще выздоровленіе невозможно. Она умретъ. Я имъ не говорю, потому что вы такъ просили, но мнѣ жалъ и я предложу завтра же консилиумъ. Можетъ быть болѣзнь приметъ послѣ конспліума другой оборотъ. Но мнѣ очень жалъ эту дѣвочку, какъ дочь мою...

Милая, милая дѣвочка! и съ такимъ игривымъ умомъ!

Николай Сергѣичъ былъ въ особенномъ волненіи.

— Вотъ что, Ваня, я придумалъ, сказалъ онъ: — она очень любитъ цвѣты. Знаешь что? устроимъ-ка ей завтра, какъ она проснется, такой же пріемъ, съ цвѣтами, какъ она съ этимъ Генрихомъ для своей мамашы устроила, вотъ что сегодня разсказывала... Она это съ такимъ волненіемъ разсказывала...

— То-то съ волненіемъ, отвѣчалъ я. — Волненія-то ей теперь вредны...

— Да; но пріятныя волненія другое дѣло! Ужъ повѣрь, голубчикъ, опытности моей повѣрь, пріятныя волненія ничего; пріятныя волненія даже излечить могутъ; на здоровье подѣйствовать...

Однимъ словомъ, выдумка старика до того прельщала его самого, что онъ уже пришелъ отъ нея въ восторгъ. Невозможно было и возражать ему. Я спросилъ совѣта у доктора, но прежде чѣмъ тотъ собрался сообразить, старикъ уже схватилъ свой картузъ и побѣждалъ обдѣлывать дѣло.

— Вотъ что, сказалъ онъ мнѣ, уходя: — тутъ, неподалеку есть одна оранжерея; богатая оранжерея. Садовники распродаютъ цвѣты, можно достать, и предешево. Удивительно даже какъ дешево!.. Ты внуши это Аннѣ Андреевнѣ, а то она сейчасъ разсердится за расходы... Ну, такъ вотъ... Да! вотъ что еще, дружище: куда ты теперь? вѣдь отдѣлался, кончилъ работу, такъ чего жъ тебѣ домой-то спѣшить? Ночуй у насъ, наверху, въ свѣтелкѣ: помнишь, какъ прежде бывало. И тюфякъ твой, и кровать — все тамъ на прежнемъ мѣстѣ стоитъ и не тронутъ. Заснешь какъ французскій король. А? останься-ка. Завтра проснемся пораньше, принесутъ цвѣты и къ восьми часамъ мы вмѣстѣ всю комнату уберемъ. И Наташа поможетъ: у ней вкусу-то вѣдь больше чѣмъ у насъ съ тобой... Ну, соглашайся? вонуешь?

Рѣшилъ, что я останусь ночевать. Старикъ обдѣлалъ дѣло. Докторъ и Маслобоевъ простились и ушли. У Ихменевыхъ ложились спать рано, въ одиннадцать часовъ. Уходя Маслобоевъ былъ въ задумчивости и хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но отложилъ до другаго раза. Когда же я, простясь съ стариками, поднялся въ свою свѣтелку, то къ удивленію моему, увидѣлъ его опять. Онъ сидѣлъ въ ожиданіи меня за столикомъ и перелистывалъ какую-то книгу.

— Воротился съ дороги, Ваня, потому лучше ужъ теперь разсказать. Садись-ка. Видишь, дѣло-то все такое простое, досадно даже...

— Да что такое?

— Да подлецъ твой князь разозлилъ, еще двѣ недѣли тому назадъ; да такъ разозлилъ, что я до сихъ поръ злосъ.

— Что, что такое? развѣ ты все еще съ княземъ въ сношеніяхъ?

— Ну, вотъ ужъ ты сейчасъ «что, что такое?» — точно и Богъ знаетъ что случилось. Ты братъ,

Ваня, ни дать ни взять, моя Александра Семеновна и вообще все это несносное бабье.. Терпѣть не могу бабья!.. Ворона каркнетъ — сейчасъ и «что, чго такое?»

— Да ты не сердись.

— Да я вовсе не сержусь, а на всякое дѣло надо смотрѣть обыкновенными глазами, не преувеличивая... вотъ что.

Онъ немного помолчалъ, какъ-будто все еще сердясь на меня. Я не прерывалъ его.

— Видишь братъ, началъ онъ опять: — началъ я на одинъ слѣдъ... то есть въ сущности вовсе не началъ, и не было никакого слѣда, а такъ мнѣ показалось... то-есть изъ нѣкоторыхъ соображеній я было вывелъ, что Нелли... можетъ-быть... Ну, однимъ словомъ князева законная дочь.

— Что ты!

— Ну, п заревѣлъ сейчасъ: «что ты!» То-есть ровно ничего говорить нельзя съ этими людьми! вскричалъ онъ, неистово махнувъ рукой. — Я развѣ говорилъ тебѣ что-нибудь положительно, легкомысленная ты голова? Говорилъ я тебѣ, что она *доказанная законная князева дочь*. Говорилъ или нѣтъ?..

— Послушай, душа моя, прервалъ я его въ сильномъ волненіи: — ради Бога не кричи и объясняйся точно и ясно. Ей-Богу пойму тебя. Пойми, до какой степени это важное дѣло и какія послѣдствія...

— То-то послѣдствія, а изъ чего? гдѣ доказательства? Дѣла не такъ дѣлаются, и я тебѣ подъ секретомъ теперь говорю. А зачѣмъ я объ этомъ съ тобой заговорилъ — потомъ объясню. Значить такъ надо было. Молчи и слушай, и знай, что все это секретъ...

Видишь какъ было дѣло. Еще зимой, еще прежде, чѣмъ Смитъ умеръ, только-что князь воротился изъ Варшавы, и началъ онъ это дѣло. То есть, начато оно было и гораздо раньше, еще въ прошломъ году. Но тогда онъ одно розыскивалъ, а теперь началъ розыскивать другое. Главное дѣло въ томъ, что онъ нитку потерялъ. Тринадцать лѣтъ какъ онъ разстался въ Парижѣ съ Смитихой и бросилъ ее, но всѣ эти тринадцать лѣтъ онъ неуклонно слѣдилъ за нею, зналъ, что она живетъ съ Генрихомъ, про котораго сегодня рассказывалъ, зналъ, что у ней Нелли, зналъ, что сама она больна; ну, однимъ словомъ, все зналъ, только вдругъ и потерялъ нитку. А случился это, кажется, скорѣ по смерти Генриха, когда Смитиха собралась въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ, разумеется, скоро бы ее отыскалъ, подъ какимъ бы именемъ она ни воротилась бы въ Россію; да дѣло въ томъ, что заграничные его агенты, его ложнымъ свидѣтельствомъ обманули; увѣрили его, что она живетъ въ одномъ какомъ-то заброшенномъ городишкѣ въ южной Германіи; сами они обманулись по небрежности: одну приняли за другую. Такъ и продолжалось годъ или больше. По шестивъ году князь началъ сомнѣваться: по нѣкоторымъ фактамъ ему еще прежде стало казаться,

что это не та. Теперь вопросъ: куда дѣлась настоящая Смитиха? И пришло ему въ голову (такъ, даже безо всякихъ данныхъ): не въ Петербургѣ ли она? Покамѣстъ за границей шла одна справка, онъ уже здѣсь затѣялъ другую, но видно не хотѣлъ употреблять слишкомъ офиціального пути и познакомился со мной. Ему меня рекомендовали: такъ и такъ-дескать, занимается дѣлами, любитель—ну и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Ну, такъ вотъ и разъяснилъ онъ мнѣ дѣло; только темно, чортовъ сынъ, разъяснилъ, темно и двусмысленно. Ошибокъ было много, повторялся нѣсколько разъ, факты въ различныхъ видахъ въ одно и тоже время передавалъ... Ну извѣстно, какъ ни хитри, всѣхъ нитокъ не спрячешь. Я, разумѣется, началъ съ подбострастія и простоты душевной, словомъ, рабски преданъ; а по правилу, разъ навсегда мною принятому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по закону природы (потому что это законъ природы) сообразилъ, во-первыхъ: ту ли надобность мнѣ высказали? во-вторыхъ: не скрывается ли подъ высказанной надобностью какой нибудь другой, недосказанной? Ибо въ послѣднемъ случаѣ, какъ вѣроятно и ты, милый сынъ, можешь понять поэтической своей головой, — онъ меня обкрадывалъ: ибо одна надобность, положимъ, рубль стоитъ, а другая вчетверо стоитъ; такъ дуракъ же я буду, если за рубль передамъ ему то, что четырехъ стоитъ. Началъ я вникать и догадываться, и мало по малу сталъ нападать на слѣды; одно у него самого выпыталъ, другое — кой отъ кого изъ постороннихъ, на счетъ третьяго своимъ умомъ дошелъ. Спросишь ты неравно: почему именно я такъ вздумалъ дѣйствовать? Отвѣчу: хоть бы потому одному, что князь слишкомъ ужъ что-то захопоталъ, чего-то ужъ очень испугался. Потому, въ сущности—чего бы кажется пугаться? Увезъ отъ отца любовницу, она забеременѣла, а онъ ее бросилъ. Ну, что тутъ удивительнаго? Милая, пріятная шалость и больше ничего. Не такому человѣку какъ князь этого бояться! ну, а онъ боялся... Вотъ мнѣ и сомнительно стало. Я, братъ, на нѣкоторые прелюбопытные слѣды попалъ, между прочимъ черезъ Генриха. Онъ, конечно, умеръ: но отъ одной изъ кузинъ его (теперь за однимъ булочникомъ здѣсь, въ Петербургѣ), страстно влюбленной въ него прежде и продолжавшей любить его лѣтъ пятнадцать сряду, не смотря на толстаго фатера-булочника, съ которымъ невзначай прижила восьмерыхъ дѣтей, — отъ этой кузины, говорю, я и успѣлъ, черезъ посредство разныхъ многосложныхъ маневровъ, узнать важную вещь: Генрихъ писалъ ей по нѣмецкому обыкновенію письма и дневники, а передъ смертью прислалъ ей кой-какія свои бумаги. Она, дура, важнаго-то въ этихъ письмахъ не понимала, а понимала въ нихъ только тѣ мѣста, гдѣ говорится о лунѣ, о мейнѣ либеръ Августинѣ и о Виландѣ еще кажется. Но я-то свѣдѣнія нужныя получилъ и черезъ эти письма на новый слѣдъ попалъ. Узналъ я, напримѣръ, о господинѣ Смитѣ, о капиталѣ, у

него похищенномъ дочкой, о князѣ, забравшемъ въ свои руки капиталъ: наконецъ, среди разныхъ восклицаній, обиняковъ и аллегорій, проглянула мнѣ въ письмахъ и настоящая суть: то-есть, Ваня, понимаешь! ничего положительнаго.—Дурачина Генрихъ нарочно объ этомъ скрывалъ и только намекалъ, ну, а пзъ этихъ намековъ, изъ всего-то вмѣстѣ взятаго, стала выходить для меня небесная гармонія: князь-то вѣдь былъ на Смитихъ-то женатъ! Гдѣ женился, какъ, когда пменно, за границей или здѣсь, гдѣ документы?—ничего неизвѣстно. То-есть, братъ Ваня, я волосы рвалъ съ досады и отыскивалъ-отыскивалъ, то-есть дни и ночи розыскивалъ!

Розыскалъ я наконецъ и Смита, а онъ вдругъ и умри. Я даже на него живаго-то и не успѣлъ посмотреть. Тутъ по одному случаю, узнаю я вдругъ, что умерла одна подозрительная для меня женщина на Васильевскомъ островѣ, справляюсь—и нападаю на слѣдъ. Стремлюсь на Васильевскій и, помнишь, мы тогда встрѣтились. Много я тогда почерпнулъ. Однимъ словомъ, помогла мнѣ тутъ во многомъ и Нелли...

— Послушай, прервалъ я его: — неужели ты думаешь, что Нелли знаетъ...

— Что?

— Что она дочь князя?

— Да вѣдь ты самъ знаешь, что она дочь князя, отвѣчалъ онъ, глядя на меня съ какою-то злобною укоризною: — ну къ чему такіе праздные вопросы дѣлать, пустой ты человекъ? Главное не въ этомъ, а въ томъ, что она не просто дочь князя, а *законная* дочь князя,—понимаешь ты это?

— Быть не можетъ! вскричалъ я.

— Я и самъ говорилъ себѣ «быть не можетъ» сначала, даже и теперь иногда говорю себѣ «быть не можетъ!» Но въ томъ-то и дѣло, что это *быть не можетъ*, и по всей вѣроятности *есть*.

— Нѣтъ, Маслובоевъ, это не такъ, ты увлекся, вскричалъ я.—Она не только не знаетъ этого, но она и въ самомъ дѣлѣ незаконная дочь. Неужели мать, имѣя хоть какіе нибудь документы въ рукахъ, могла выносить такую злую долю, какъ здѣсь въ Петербургѣ и, кромѣ того, оставить свое дитя на такое сиротство? Полно! этого быть не можетъ.

— Я и самъ это думалъ, то-есть, это даже до сихъ поръ стоитъ передо мной недоумѣніемъ. Но опять-таки дѣло въ томъ, что вѣдь Смитиха была сама по себѣ безумнѣйшая и сумасброднѣйшая женщина въ мірѣ. Необыкновенная она женщина была; ты сообрази только всѣ обстоятельства: вѣдь это романтизмъ,—все это надзвѣздныя глупости въ самомъ дикомъ и сумасшедшемъ размѣрѣ. Возьми одно: съ самаго начала она мечтала только о чемъ-то въ родѣ неба на землѣ и объ ангелахъ, влюбилась беззавѣтно, повѣрила безгранично и, я увѣренъ, съ ума сошла потомъ не оттого, что онъ ее разлюбилъ и бросилъ, а оттого, что въ немъ она обманулась, что онъ *способенъ былъ* ее обмануть и бросить; оттого, что ея ангелъ превратился въ

грязь, оплевалъ и унизилъ ее. Ея романтическая и безумная душа не вынесла этого превращенія. А сверхъ того и обзда: понимаешь какая обзда! Въ ужасѣ и, главное, въ гордости, она отшатнулась отъ него съ безграничнымъ презрѣніемъ. Она разорвала всѣ связи, всѣ документы; плюнула на деньги, даже забыла, что они не ея, а отцовы, и отказалась отъ нихъ, какъ отъ грязи, какъ отъ пыли, чтобъ подавить своего обманщика душевнымъ величіемъ, чтобъ считать его своимъ воромъ и имѣть право всю жизнь презирать его, и тутъ же вѣроятно сказала, что безчестіемъ себѣ почитаетъ называться и женой его. У насъ развода нѣтъ, но *de facto* они развелись, и ей ли было послѣ умолять его о помощи! Вспомни, что она, сумасшедшая, говорила Нелли уже на смертномъ одрѣ: не ходи къ нимъ, работай, погибни, но не ходи къ нимъ, кто бы *ни звалъ тебя* (то-есть она и тутъ мечтала еще, что ее *позовутъ*, а слѣдственно будетъ случай отмстить еще разъ, подавить презрѣніемъ *зовущаго*, однимъ словомъ, кормила себя вѣсто хлѣба злобной мечтой). Много, братъ, я пыталъ и у Нелли; даже и теперь иногда пытаюсь. Конечно, мать ея была больна, въ чахоткѣ; эта болѣзнь особенно развиваетъ озлобленіе и всякаго рода раздраженія; но однакожъ, я на вѣрно знаю, черезъ одну куму у Бубновой, что она писала къ князю: да, къ князю, къ самому князю...

— Писала! и дошло письмо? вскричалъ я съ нетерпѣніемъ.

— Вотъ то-то и есть, не знаю, дошло ли оно. Разъ Смитиха сошлась съ этой кумой (помнишь у Бубновой, дѣвка-то набѣленная? теперь она въ смирительномъ домѣ), ну и послала съ ней это письмо и написала ужъ его, да и не отдала, назадъ взяла; это было за три недѣли до ея смерти... Фактъ значительный: если разъ ужъ рѣшалась послать, такъ все равно, хоть и взяла обратно: могла другой разъ послать. Итакъ, послала ли она письмо, или не послала,—не знаю; но есть одно основаніе предположить, что не послала, потому что князь узналъ *назвѣрно*, что она въ Петербургѣ и гдѣ пменно, кажется уже послѣ смерти ея. То-то должно быть обрадовался!

— Да, я помню, Алеша говорилъ о какомъ-то письмѣ, которое его очень обрадовало, но это было очень недавно, всего какихъ нибудь два мѣсяца. Ну чтожъ дальше, дальше? какъ же ты-то съ княземъ?

— Да что я-то съ княземъ? Пойми: полнѣйшая нравственная увѣренность и ни одного положительнаго доказательства, — *ни одного*, какъ я ни бился. Положеніе критическое! Надо было за границей справки дѣлать, а гдѣ за границей? — неизвѣстно. Я разумѣется понималъ, что предстоитъ мнѣ бой, что я только могу его испугать намеками, прикинуться, что знаю больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ знаю...

— Ну, и чтожъ?

— Не дался въ обманъ, а впрочемъ струсилъ, до того струсилъ, что трусить и теперь. У насъ

было нѣсколько схонокъ: какимъ онъ Лазаремъ было прикинулся! Разъ, по дружбѣ, самъ мнѣ все приписывалъ. Это когда думалъ, что я все знаю. Хорошо рассказывалъ, съ чувствомъ, откровенно—разумѣется безсовѣстно лгалъ. Вотъ тутъ я и измѣрилъ, до какой степени онъ меня боялся. Прикидывался я передъ нимъ одно время ужаснѣйшимъ простофилей, а наружу показывалъ, что хитрю. Неловко его запугивалъ, то-есть нарочно неловко; грубостей ему нарочно надѣлалъ, грозить ему было началъ, — ну все для того, чтобъ онъ меня за простофилю принялъ и какъ нибудь да проговорился. Догадался, подлецъ! Другой разъ я пьянымъ прикинулся, тоже толку не вышло: хитеръ! Ты, братъ, можешь ли это понять, Ваня: мнѣ все надо было узнать, въ какой степени онъ меня опасается, и второе: представить ему, что я больше знаю, чѣмъ знаю въ самомъ дѣлѣ...

— Ну что жъ наконецъ-то?

— Да ничего не вышло. Надо было доказательствъ, фактовъ, а ихъ у меня не было. Одно только онъ понялъ, что я все-таки могу сдѣлать скандалъ. Конечно, онъ только скандала одного и боялся, тѣмъ болѣе, что здѣсь связи началъ заводить. Вѣдь ты знаешь, что онъ женится?

— Нѣтъ...

— Въ будущемъ году! Невѣсту онъ себѣ еще въ прошломъ году приглядѣлъ; ей было тогда всего четырнадцать лѣтъ, теперь ей ужъ пятнадцать, кажется еще въ фартучкѣ ходитъ, бѣдняжка. Родители рады! Понимаешь, какъ ему надо было, чтобъ жена умерла? Генеральская дочка, денежная дѣвочка — много денегъ! мы, братъ Ваня, съ тобой никогда такъ не женимся... Только чего я себѣ во всю жизнь не прошу, вскричалъ Маслобоевъ, крѣпко стукнувъ кулакомъ по столу:—это—что онъ опелѣлъ меня, двѣ недѣли назадъ... подлецъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Я вижу, онъ понялъ, что у меня нѣтъ ничего *положительнаго*, и наконецъ чувствую про себя, что чѣмъ больше дѣло тянуть, тѣмъ скорѣе значитъ пойметъ онъ мое безсиліе. Ну и согласился принять отъ него двѣ тысячи.

— Ты взялъ двѣ тысячи!..

— Серебромъ, Ваня; скрѣпя сердце взялъ. Ну, двухъ ли тысячъ такое дѣло могло стоить! Съ униженіемъ взялъ. Стою передъ нимъ какъ оплеванный: онъ говоритъ: я вамъ, Маслобоевъ, за ваши прежніе труды еще не заплатилъ (а за прежніе онъ давно заплатилъ сто пятьдесятъ рублей, по условію), ну такъ вотъ я ѣду; тутъ двѣ тысячи, и потому, надѣюсь, *все наше* дѣло совершенно теперь кончено. Ну я и отвѣчалъ ему; «совершенно кончено, князь», а самъ и взглянуть въ его рожу не смѣю; думаю: такъ и написано теперь на нсѣ: «что, много взялъ? Такъ только, изъ благодущія одного дураку даю!» Не помню какъ отъ него и вышелъ!

— Да вѣдь это подло, Маслобоевъ! вскричалъ я:—чтожъ ты сдѣлалъ съ Нелли!

— Это не просто подло, это каторжно, это пакистно... Это... это... да тутъ и словъ нѣтъ, чтобы выразить!

— Боже мой! да вѣдь онъ по крайней мѣрѣ долженъ бы хотъ обезпечить Нелли!

— То-то долженъ. А чѣмъ принудить? Запугать? Небось не испугается: вѣдь я деньги взялъ. Самъ, самъ передъ нимъ признался, что всего страху-то у меня на двѣ тысячи рублей серебромъ, самъ себя оцѣнилъ въ эту сумму! Чѣмъ его теперь напугаешь?

— И неужели, неужели дѣло Нелли такъ и пропало? вскричалъ я почти въ отчаяніи.

— Ни за что! вскричалъ съ жаромъ Маслобоевъ, и даже какъ-то весь встрепенулся.—Нѣтъ, я ему этого не спущу! Я опять начну новое дѣло, Ваня: я ужъ рѣшился! Чтожъ, что я взялъ двѣ тысячи? Наплевать. Я, выходятъ, за обѣду взялъ, потому что онъ, бездѣльникъ, меня надулъ, стало быть насмѣялся надо мною. Надулъ, да еще насмѣялся! Нѣтъ, я не позволю надъ собой смѣяться... Теперь я, Ваня, ужъ съ самой Нелли начну. По нѣкоторымъ наблюденіямъ я вполне увѣренъ, что въ ней заключается вся развязка этого дѣла. Она *все* знаетъ, *все*... Ей сама мать рассказала. Въ горячкѣ, въ тоскѣ могла рассказать. Некому было жаловаться, подвернулась Нелли, она ей и рассказала. А можетъ-быть и на документики какіе-нибудь нападѣмъ, прибавилъ онъ въ сладкомъ восторгѣ, потирая руки. Понимаешь теперь Ваня, зачѣмъ я сюда шлюсь? Во-первыхъ, изъ дружбы къ тебѣ, это само-собою; но главное — наблюдаю Нелли, а въ третьихъ, другъ Ваня, хочешь не хочешь, а ты долженъ мнѣ помогать, потому что ты имѣешь вліяніе на Нелли!..

— Непремѣнно, клянусь тебѣ, вскричалъ я:—и надѣюсь, Маслобоевъ, что ты, главное, для Нелли будешь стараться—для бѣдной, обиженной сироты, а не для одной только собственной выгоды...

— Да тебѣ-то какое дѣло, для чьей выгоды я буду стараться, блаженный ты человекъ? Только бы сдѣлать,—вотъ что главное! Конечно, главное для спротки, это и человѣколюбіе велитъ. Но ты, Ванюша, не осуждай меня безвозвратно, если я и объ себѣ позабочусь. Я человекъ бѣдный, а онъ бѣдныхъ людей не смѣй обижать. Онъ у меня мое отнимаетъ, да еще и надулъ подлецъ въ добавокъ. Такъ я по-твоему такому мошеннику долженъ въ зубы смотрѣть? Моргенъ-фри!

Но цвѣточный праздникъ нашъ на другой день не удался. Нелли сдѣлалось хуже, и она уже не могла выйти изъ комнаты.

И ужъ никогда больше она не выходила изъ этой комнаты.

Она умерла двѣ недѣли спустя. Въ эти двѣ недѣли своей агоніи, она уже ни разу не могла совершенно прійти въ себя и избавиться отъ своихъ странныхъ фантазій. Разсудокъ ея какъ-будто помутился. Она твердо была увѣрена, до самой

смерти своей, что дѣдушка зоветъ ее къ себѣ и сердится на нее, что она не приходитъ, стучить на нее палкою и велить ей идти просить у добрыхъ людей на хлѣбъ и на табакъ. Часто она начинала плакать во снѣ и, просыпаясь, рассказывала, что видѣла мамашу.

Иногда только разсудокъ какъ-будто возвращался къ ней вполнѣ. Однажды мы оставались одни: она потянулась ко мнѣ и схватила мою руку своей худенькой, воспаленной отъ горячечнаго жару ручкой.

— Ваня, сказала она мнѣ:—когда я умру, женись на Наташѣ!

Это кажется была постоянная и давнишняя ея идея. Я молча улыбнулся ей. Увидя мою улыбку, она улыбнулась сама и съ шаловливымъ видомъ погрозила мнѣ своимъ худенькимъ пальчикомъ и тотчасъ же начала меня цѣловать.

За три дня до своей смерти, въ прелестный лѣтній вечеръ, она попросила, чтобъ подняли стору и отворили окно въ ея спальнѣ. Окно выходило въ садикъ; она долго смотрѣла на густую зелень, на заходящее солнце и вдругъ попросила, чтобъ насъ оставили однихъ.

— Ваня, сказала она едва слышнымъ голосомъ, потому что была уже очень слаба:—я скоро умру. Очень скоро, и хочу тебѣ сказать, чтобъ ты меня помнилъ. На память я тебѣ оставляю вотъ это (и она показала мнѣ большую ладонку, которая висѣла у ней на груди, вмѣстѣ съ крестомъ). Это мнѣ мамаша оставила, умирая. Такъ вотъ, когда я умру, ты и сними эту ладонку, возьми себѣ и прочти, что въ ней есть. Я и всѣмъ имъ сегодня скажу, чтобъ они одному тебѣ отдали эту ладонку. И когда ты прочтешь, что въ ней написано, то поди къ *нему* и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангеліе недавно читала. Тамъ сказано: прощайте всѣмъ врагамъ своимъ. Ну такъ я это читала, а *его* все-таки не простила, потому что, когда мамаша умирала и еще могла говорить, то послѣднее, что она сказала было: *проклинаю его*, ну такъ я я *его* проклинаю, не за себя, а за мамашу проклинаю... Расскажи же ему, какъ умирала мамаша, какъ я осталась одна у Бубновой; расскажи, какъ ты видѣлъ меня у Бубновой, все, все расскажи и скажи тутъ же, что я лучше хотѣла быть у Бубновой, а къ нему не пошла...

Говоря это, Нелли поблѣднѣла, глаза ея сверкали и сердце начало стучать такъ сильно, что она опустила на подушки и минуты двѣ не могла проговорить слова.

— Позови ихъ, Ваня, сказала она наконецъ слабымъ голосомъ: я хочу съ ними со всѣми проститься. Прощай, Ваня!..

Она крѣпко, крѣпко обняла меня въ послѣдній разъ. Вошли всѣ наши. Старикъ не могъ понять, что она умираетъ; допустить этой мысли не могъ. Онъ до послѣдняго времени спорилъ со всѣми

нами и увѣрялъ, что она выздоровѣетъ непременно. Онъ весь высохъ отъ заботы, онъ просиживалъ у кровати Нелли по цѣлымъ днямъ и даже ночамъ... Послѣднія ночи онъ буквально не спалъ. Онъ старался предупредить малѣйшую прихоть, малѣйшее желаніе Нелли, и, выходя отъ нея къ намъ, горько плакалъ, но черезъ минуту опять начиналъ надѣяться и увѣрять насъ, что она выздоровѣетъ. Онъ заставилъ цвѣтами всю ея комнату. Одинъ разъ купилъ онъ цѣлый букетъ прелестнѣйшихъ розъ бѣлыхъ и красныхъ, куда-то далеко ходилъ за ними и принесъ своей Нелличкѣ... Всѣмъ этимъ онъ очень волновалъ ее. Она не могла не отзываться всѣмъ сердцемъ своимъ на такую всеобщую любовь. Въ этотъ вечеръ, въ вечеръ прощанья ея съ нами, старикъ никакъ не хотѣлъ прощаться съ ней навсегда. Нелли улыбнулась ему и весь вечеръ старалась казаться веселою, шутила съ нимъ, даже смѣялась... Мы всѣ вышли отъ нея почти въ надеждѣ, но на другой день она уже не могла говорить. Черезъ два дня она умерла.

Помню, какъ старикъ убиралъ ея гробикъ цвѣтами и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на ея исхудалое мертвое личико, на ея мертвую улыбку, на руки ея, сложенныя крестомъ на груди. Онъ плакалъ надъ ней какъ надъ своимъ роднымъ ребенкомъ. Наташа, я, мы всѣ утѣшали его, но онъ былъ неутѣшенъ и серьезно заболѣлъ послѣ похоронъ Нелли.

Анна Андреевна сама отдала мнѣ ладонку, которую сняла съ ея груди. Въ этой ладонкѣ было письмо матери Нелли къ князю. Я прочиталъ его въ день смерти Нелли. Она обращалась къ князю съ проклятіемъ, говорила, что не можетъ простить ему, описывая всю послѣднюю жизнь свою, всѣ ужасы, на которые оставляетъ Нелли и умоляла его сдѣлать хоть что-нибудь для ребенка. «Онъ вашъ, писала она: это дочь *ваша* и *вы сами знаете*, что она *ваша, настоящая дочь*. Я велѣла ей идти къ вамъ, когда я умру, и отдать вамъ въ руки это письмо. Если вы не отвергнете Нелли, то можете-быть *тамъ* я прощу васъ, и въ день суда сама стану передъ престоломъ Божиимъ и буду умолять Судію простить вамъ грѣхи ваши. Нелли знаетъ содержаніе письма моего; я читала его ей; я разъяснила ей *все*, она знаетъ *все, все...*»

Но Нелли не исполнила завѣщанія: она знала все, но не пошла къ князю и умерла непримиренная.

Когда мы воротились съ похоронъ Нелли, мы съ Наташей пошли въ садъ. День былъ жаркій, сіяющій свѣтомъ. Черезъ недѣлю они уѣзжали, Наташа взглянула на меня долгимъ, страннымъ взглядомъ.

— Ваня, сказала она:—Ваня, вѣдь это былъ сонъ!

— Что было сонъ? спросилъ я.

— Все, все, отвѣчала она: все, за весь этотъ годъ. Ваня, зачѣмъ я разрушила твое счастье!

И въ глазахъ ея я прочелъ:

«Мы бы могли быть на вѣки счастливы вмѣстѣ!»

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТИЕ

или

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖЪ,

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ О ТѢМЪ, КАКЪ ОДИНЪ ГОСПОДИНЪ, ИЗВѢСТНЫХЪ ЛѢТЬ И ИЗВѢСТНОЙ НАРУЖНОСТИ, ПАССАЖНЫМЪ КРОКОДИЛОМЪ БЫЛЪ ПРОГЛОЧЕНЪ ЖИВЕМЪ, ВСЕЪ БЕЗЪ ОСТАТКА, И ЧТО ИЗЪ ЭТОГО ВЫШЛО.

Où Lambert! Où est Lambert?
As tu vu Lambert?

I

Сего тринадцатаго января текущаго шестидесятъ пятаго года, въ половинѣ перваго пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвѣича, образованнаго друга моего, сослуживца и отчасти отдаленнаго родственника, пожелала посмотрѣть крокодила, показываемаго за извѣстную плату въ Пассажѣ. Имѣя уже въ карманѣ свой билетъ для выѣзда (не столько по болѣзни, сколько пзъ любопытности) за границу, а слѣдственно уже считаясь по службѣ въ отпуску и стало быть будучи совершенно въ то утро свободенъ, Иванъ Матвѣичъ не только не воспрепятствовалъ непреодолимому желанію своей супруги, но даже самъ возгорѣлся любопытствомъ. «Прекрасная идея, сказалъ онъ вседовольно,—«осмотримъ крокодила! Собираясь въ Европу, не худо познакомиться еще на мѣстѣ съ населяющими ее туземцами»,—и съ сими словами, принявъ подъ ручку свою супругу, тотчасъ же отправился съ нею въ Пассажъ. Я же, по обыкновенію моему, увязался съ ними рядомъ, — въ видѣ домашняго друга. Никогда еще я не видалъ Ивана Матвѣича въ болѣе пріятномъ расположеніи духа, какъ въ то памятное для меня утро,—подлинно, что мы не знаемъ заранѣе судьбы своей! Войдя въ Пассажъ, онъ немедленно сталъ похищаться великолѣпіемъ зданія, а подойдя къ магазину, въ которомъ показывалось вновь привеченное въ столицу чудовище, самъ пожелалъ заплатить за меня четвертакъ крокодилъцику, — чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Вступивъ въ небольшую комнату, мы замѣтили, что въ пей, кромѣ крокодила, заключаются еще попугай, изъ иностранной породы какаду и сверхъ того группа обезьянъ въ особомъ шкафу въ углубленіи. У самаго же входа, у лѣвой стѣны, стоялъ большой

жестяной ящикъ, въ видѣ какъ бы ванны, накрытый крѣпкою желѣзною сѣткой, а на двѣ его было на вершокъ воды. Въ этой-то мелководной лужѣ сохранялся огромнѣйшій крокодилъ, лежавшій какъ бревно, совершенно безъ движенія и видимо лишившійся всѣхъ своихъ способностей отъ нашего сыраго и негостепріимнаго для иностранцевъ климата. Сіе чудовище ни въ комъ изъ насъ сначала не возбудило особаго любопытства.

— Такъ это то крокодилъ! сказала Елена Ивановна голосомъ сожалѣнія и на распѣвъ, а я думала, что онъ... какой нибудь другой!

Вѣроятно же всего она думала, что онъ брилліантовый. Вышедшій къ намъ нѣмецъ, хозяинъ-собственникъ крокодила, съ чрезвычайно гордымъ видомъ смотрѣлъ на насъ.

— Онъ правъ, шепнулъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ,—ибо сознаеть, что онъ одинъ во всей Россіи показывается теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замѣчаніе я тоже отношу къ чрезмѣрно благодушному настроенію; овладѣвшему Иваномъ Матвѣичемъ въ другихъ случаяхъ весьма завистливымъ.

— Мнѣ кажется, вашъ крокодилъ неживой, проговорила, опять Елена Ивановна, пихиванная неподатливостью хозяина и съ граціозной улыбкой обращаясь къ нему, чтобъ преклонить сего грубіяна,—маневръ столь свойственный женщинамъ.

— О, нѣтъ, мадамъ, отвѣчалъ тотъ лопанымъ русскимъ языкомъ и тотчасъ-же, приподнявъ до половины сѣтку ящика, сталъ палочкой тыкать крокодила въ голову.

Тогда коварное чудовище, чтобъ показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостомъ, приподняло рыло и испустило нѣчто подобное продолжительному сопѣнію.

— Ну, не сердись, Карлъхенъ! ласкательно сказалъ нѣмецъ, удовлетворенный въ своемъ самолюбіи.

— Какой противный этотъ крокодилъ! Я даже

испугалась, еще кокетливѣе пролетела Елена Ивановна, — теперь онъ мнѣ будетъ спитъ въ снѣ.

— Но онъ насъ не укуситъ во снѣ, мадамъ, галантерейно подхватилъ нѣмецъ и прежде всѣхъ засмѣялся остроумію словъ своихъ, но никто изъ насъ не отвѣчалъ ему.

— Пойдемте, Семенъ Семеновичъ, продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мнѣ, — посмотримте лучше обезьянъ. Я ужасно люблю обезьянъ; изъ нихъ такія душкн... а крокодилъ ужасенъ.

— О не бойся, другъ мой, прокричалъ намъ вслѣдъ Иванъ Матвѣичъ, пріятно храбрысь передъ своею супругою. — Этотъ сонливый обитатель фараонова царства ничего намъ не сдѣлаетъ, — и остался у ящика. Мало того, взявъ свою перчатку, онъ началъ щекотать ею носъ крокодила, желая, какъ признался онъ послѣ, заставить его вновь сонѣть. Хозяинъ же послѣдовалъ за Еленой Ивановной, какъ за дамою, къ шкафу съ обезьянами.

Такимъ образомъ все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидѣть. Елена Ивановна даже до рѣзвости развлекалась обезьянами и казалось вся отдалась имъ. Она вскрикивала отъ удовольствія, непрерывно обращаясь ко мнѣ, какъ будто не желая и вниманія обращать на хозяина, и хотала отъ замѣчаемаго ею сходства сихъ мартишекъ съ ея короткими знаменными и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомнѣнное. Нѣмецъ-собственникъ не зналъ смѣяться ему или нѣтъ и потому под конецъ совсѣмъ нахмурился. И вотъ, въ это то самое мгновеніе, вдругъ страшный, могу даже сказать неестественный крикъ потрясъ комнату. Не зная что подумать, я сначала оледенѣлъ на мѣстѣ; но замѣчая, что кричитъ уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и — что же увидѣлъ я! Я увидѣлъ, — о Боже! — я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперегъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами. За тѣмъ — мигъ и его не стало. Но опишу въ подробности, потому что я все время стоялъ неподвижно и успѣлъ разглядѣть весь происходившій передо мной процессъ съ такимъ вниманіемъ и любопытствомъ, какого даже и не запомню. — Ибо, думалъ я въ ту роковую минуту, — что еслибъ, вмѣсто Ивана Матвѣича, случилось все это со мной, — какова была бы тогда мнѣ непріятность! Но къ дѣлу. Крокодилъ началъ съ того, что повернувъ бѣднаго Ивана Матвѣича въ своихъ ужасныхъ челюстяхъ къ себѣ ногами, сперва проглотилъ самыя ноги; потомъ, отрыгнувъ немного Ивана Матвѣича, старавшагося выскочить и цѣплявшагося руками за ящикъ, вновь втянулъ его въ себя уже выше поясницы. Потомъ, отрыгнувъ еще, глотнулъ еще и еще разъ. Такимъ образомъ Иванъ Матвѣичъ видимо исчезалъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ, глотнувъ окончательно, крокодилъ вобралъ въ себя всего моего образованнаго друга и на этотъ разъ

уже безъ остатка. На поверхности крокодила можно было замѣтить какъ проходилъ по его внутренности Иванъ Матвѣичъ со всѣми своими формами. Я было уже готовился закричать бновъ, какъ вдругъ судьба еще разъ захотѣла вѣроломно подшутить надъ нами: крокодилъ понатужился, вѣроятно давись отъ огромности проглоченнаго имъ предмета, снова раскрылъ всю ужасную пасть свою и изъ нея, въ видѣ послѣдней отрыжки, вдругъ на одну секунду выскочила голова Ивана Матвѣича, съ отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ, при чемъ очки его мгновенно свалились съ его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобъ еще разъ бросить послѣдній взглядъ на всѣ предметы и мысленно проститься со всѣми свѣтскими удовольствіями. Но она не успѣла въ своемъ намѣреніи: крокодилъ вновь собрался съ силами, глотнулъ и въ мигъ она снова исчезла, въ этотъ разъ уже на вѣки. Это появленіе и исчезновеніе еще живой человѣческой головы было такъ ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — отъ быстроты ли и неожиданности дѣйствія, или вслѣдствіе паденія съ носу очковъ, — заключало въ себѣ что-то до того смѣшное, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно фыркнулъ; но спохватившись, что смѣяться въ такую минуту мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, неприлично, — обратился тотчасъ же къ Еленѣ Ивановнѣ и съ симпатическимъ видомъ сказалъ ей:

— Теперь капутъ нашему Ивану Матвѣичу!

Не могу даже и подумать выразить до какой степени было сильно волненіе Елены Ивановны въ продолженіе всего процесса. Сначала, послѣ перваго крика, она какъ бы замерла на мѣстѣ и смотрѣла на представлявшуюся ей кутеру по видимому равнодушно, но съ чрезвычайно выкатившимися глазами; потомъ вдругъ залилась раздирающимъ воплемъ, но я схватилъ ее за руки. Въ это мгновеніе и хозяинъ, сначала тоже отупѣвшій отъ ужаса, вдругъ всплеснулъ руками и закричалъ, глядя на небо:

— О, мой крокодилъ, о мейнъ аллерлибстеръ Карльхенъ! Муттеръ, муттеръ, муттеръ!

На этотъ крикъ отворилась задняя дверь и показалась муттеръ, въ чепцѣ, румяная, пожилая, но растрепанная, и съ визгомъ бросилась къ своему нѣмцу.

Тутъ-то начался содомъ: Елена Ивановна выкрикивала какъ изступленная одно только слово: «вспороты! вспороты!» и бросалась къ хозяину и къ муттеръ, по видимому утѣшая ихъ — вѣроятно въ самозабвеніи — кого-то и за что-то вспороты. Хозяинъ-же и муттеръ ни на кого изъ насъ не обращали вниманія: они оба были какъ телята около ящика.

— Онъ пропадилъ, онъ сейчасъ будетъ лопаль, потому что онъ проглатилъ ганцъ чиновникъ! кричалъ хозяинъ.

— Унзеръ Карльхенъ, унзеръ аллерлибстеръ Карльхенъ вирдъ штербенъ! выла хозяйка.

— Мы сироты и безъ клѣбъ! подхватывалъ хозяйнѣ.

— Вспороть, вспороть, вспороть! заливалась Елена Ивановна, вѣпившись въ сюртукъ нѣмца.

— Онъ дразнилъ крокодилъ, — зачѣмъ вашъ мужъ дразнилъ крокодилъ! кричалъ отбиваясь нѣмецъ, — ви заплатитъ, если Карлъхенъ вирдъ лопаль, — да съ варъ мейнъ зонъ, да съ варъ мейнъ айнцигеръ зонъ!

Признаюсь, я былъ въ страшномъ негодованіи, видя такой эгоизмъ забѣзжаго нѣмца и сухость сердца въ его растрепанной муттеръ; тѣмъ не менѣе, непрерывно повторяемые крики Елены Ивановны: «вспороть, вспороть!» еще болѣе возбуждали мое безпокойство и увлекли наконецъ все мое вниманіе, такъ что я даже испугался... Скажу заранее — странныя сіи восклицанія были поняты мною совершенно превратно: мнѣ показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновеніе разсудокъ, но тѣмъ не менѣе, желая отмстить за гибель любезнаго ей Ивана Матвѣича, предлагала, въ видѣ слѣдующаго ей удовлетворенія, наказать крокодила розгами. А между тѣмъ она разумѣла совсѣмъ другое. Не безъ смущенія озираясь на дверь, началъ я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливаго слова: «вспороть». Ибо такое ретроградное желаніе, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Пассажа и образованнаго общества, въ двухъ шагахъ отъ той самой залы, гдѣ можетъ быть въ эту самую минуту господинъ Лавровъ читалъ публичную лекцію, — не только было невозможно, но даже немислимо и съ минуты на минуту могло привлечь на насъ свистки образованности и каррикатуры г. Степанова. Къ ужасу моему я немедленно оказался правъ въ пугливыхъ подозрѣніяхъ моихъ: вдругъ раздвинулась занавѣсъ, отдѣлявшая крокодильную отъ входной комнаты, въ которой собирали четвертаки, и на порогѣ показалась фигура съ усами, съ бородой и съ фуражкой въ рукахъ, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тѣла впередъ и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогомъ крокодильной, чтобъ сохранить за собой право не заплатить за входъ.

— Такое ретроградное желаніе, сударыня, сказалъ незнакомецъ, стараясь не перевалиться какъ нибудъ къ намъ и устоять за порогомъ, — не дѣлаетъ чести вашему развитію и обусловливается недостаткомъ фосфору въ вашихъ мозгахъ. Вы немедленно будете освистаны въ хроникѣ прогресса и въ сатирическихъ листкахъ нашихъ...

Но онъ не докончилъ: ономнившійся хозяйнѣ съ ужасомъ увидѣвъ человѣка говорящаго въ крокодильной и ничего за это незаплатившаго, съ яростію бросился на прогрессивнаго незнакомца и обѣими кулаками вытолкалъ его въ шею. На минуту оба скрылись изъ глазъ нашихъ за занавѣсью и тутъ только я наконецъ догадался, что вся кутерьма вышла изъ ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала, —

какъ уже замѣтилъ я выше, — подвергать крокодила ретроградному и унижительному наказанію розгами, а просто-запросто пожелала, чтобъ ему только вспороти ножомъ брюхо и такимъ образомъ освободили изъ его внутренности Ивана Матвѣича.

— Какъ! ви хатитъ, чтобъ мой крокодилъ пропадилъ! — завопилъ въѣзжавшій опять хозяйнѣ; — нѣтъ, пускай вашъ мужъ сперва пропадилъ, а потомъ крокодилъ!.. Мейнъ фатеръ показалъ крокодилъ, мейнъ гросфатеръ показалъ крокодилъ, мейнъ зонъ будетъ показатъ крокодилъ, и я будетъ показатъ крокодилъ! Всѣ будутъ показатъ крокодилъ! Я ганцъ Европа извѣстенъ, а ви не извѣстенъ ганцъ Европа и мнѣ платитъ штрафъ. —

— Я, я! подхватила злобная нѣмка, — ми васъ не пускайтъ, штрафъ когда Карлъхенъ лопаль!

— Да и бесполезно вспарывать, спокойно прибавилъ я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорѣе домой, — ибо нашъ милый Иванъ Матвѣичъ по всей вѣроятности паритъ теперь гдѣ нибудъ въ эмпиреяхъ.

— Другъ мой, раздался въ эту минуту совершенно неожиданно голосъ Ивана Матвѣича, изумившій насъ до крайности, — другъ мой, мое мнѣніе — дѣйствовать прямо черезъ контору надзирателя, ибо нѣмецъ безъ помощи полиціи не пойметъ истины.

Эти слова, высказанныя твердо, съ вѣсомъ и выразившія присутствіе духа необыкновенное, сначала до того изумили насъ, что мы всѣ отказались-было вѣрить ушамъ нашимъ. Но разумѣется тотчасъ-же подбѣжали къ крокодильному ящику и столько-же съ благоговѣніемъ, сколько и съ недоувѣрчивостію слушали несчастнаго узника. Голосъ его былъ заглушенный, тоненькій и даже крикливый, какъ будто выходившій изъ значительнаго отъ насъ отдаленія. Похоже было на то, когда какой-либо шутникъ, уходя въ другую комнату и закрывъ ротъ обыкновенной спальной подушкой, начинаетъ кричать, желая представить оставшейся въ другой комнатѣ публикѣ какъ перекликаются два мужика въ пустынь или будучи раздѣлены между собою глубокимъ оврагомъ, — что я имѣлъ удовольствіе слышать однажды у моихъ знакомыхъ на святкахъ.

— Иванъ Матвѣичъ, другъ мой, и такъ ты живъ! лепетала Елена Ивановна.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ, — и благодаря Всевышняго проглоченъ безъ всякаго поврежденія. Безпокоюсь-же единственно о томъ, какъ взглянетъ на сей эпизодъ начальство; ибо, получивъ билетъ за-границу, угодилъ въ крокодила, что даже и остроумно...

— Но другъ мой, не заботься объ остроуміи; прежде всего надобно тебя отсюда какъ-нибудъ выковырять, — прервала Елена Ивановна.

— Ковыряйтъ! вскричалъ хозяйнѣ, — я не дамъ ковыряйтъ крокодилъ. Теперь публикѣ будетъ ошечь больше ходилъ, а я буду фуфцигъ копѣекъ просить, и Карлъхенъ перестанетъ лопаль.

— Готь зей данки! подхватила хозяйка.

— Они правы, спокойно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—экономическій принципъ прежде всего.

— Другъ мой, закричалъ я,—сейчасъ-же лечу по пачальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что намъ однимъ этой каши не сварить.

— И я тоже думаю, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—но безъ экономического вознагражденія трудно въ нашъ вѣкъ торговаго кризиса даромъ испорить брюхо крокодиловъ, а между тѣмъ представляется неизбежный вопросъ: что возьметъ хозяинъ за своего крокодила? а съ нимъ и другой: кто заплатитъ? ибо ты знаешь, я средствъ не имѣю...

— Развѣ въ счетъ жалованья, робко замѣтилъ я, но хозяинъ тотчасъ-же меня прервалъ:—Я не продавайть крокодилъ, я три тысячи продавайть крокодилъ, я четыре тысячи продавайть крокодилъ! Теперь публикѣ будетъ много ходить. Я пять тысячъ продавайть крокодилъ!

Однимъ словомъ—онъ куражился нестерпимо; корыстолюбіе и гнусная алчность радостно сіяли въ глазахъ его.

— Ёду! закричалъ я въ негодованіи.

— И я! и я тоже! я поѣду къ самому Андрею Осипычу, я смягчу его моими слезами, заняла Елена Ивановна.

— Не дѣлай этого, другъ мой, поспѣшно прервалъ ее Иванъ Матвѣичъ, ибо давно уже ревновалъ свою супругу къ Андрею Осипычу и зналъ, что она рада съѣздить поплакать передъ образованнымъ человѣкомъ, потому что слезы къ ней очень шли.—Да и тебѣ мой другъ не совѣтую, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—нечего ѣхать прямо съ бухты-барахты; еще что изъ этого выйдетъ. А заѣзжай-ка ты лучше сегодня, такъ, въ видѣ частнаго посѣщенія, къ Тимофею Семенычу. Человѣкъ онъ старомодный и недалекій, но солидный и главное—прямой. Поклонись ему отъ меня и опиши обстоятельства дѣла. Такъ-какъ я долженъ ему за послѣдній ералашъ семь рублей, то передай ихъ ему при этомъ удобномъ случаѣ: это смягчитъ суроваго старика. Во всякомъ случаѣ его совѣтъ можетъ послужить для насъ руководствомъ. А теперь уведи пока Елену Ивановну...—Успокойся, другъ мой, продолжалъ онъ ей,—я усталъ отъ всѣхъ этихъ криковъ и бабьихъ дразгъ и желаю немного соснуть. Здѣсь-же тепло и мягко, хотя я и не успѣлъ еще осмотрѣться въ этомъ неожиданномъ для меня убѣжищѣ...

— Осмотрѣться! развѣ тебѣ тамъ свѣтло? вскрикнула ободованная Елена Ивановна.

— Меня окружаетъ непробудная ночь, отвѣчалъ бѣдный узникъ,—но я могу щупать и такъ сказать осматриваться руками... Прощай-же, будь спокойна и не отказывай себѣ въ развлеченіяхъ. До завтра! Ты же, Семенъ Семеничъ, побывай ко мнѣ вечеромъ и такъ какъ ты разсѣянъ и можешь забыть, то завяжи узелокъ...

Признаюсь, я и радъ былъ уйти, потому что

слишкомъ усталъ, да отчасти и наскучило. Взявъ поспѣшно подъ-ручку унылую, но похорошѣвшую отъ волненія Елену Ивановну, я поскорѣ вывелъ ее изъ крокодильной.

— Вечеромъ за входъ опять четвертакъ! крикнулъ намъ вслѣдъ хозяинъ.

— О Боже, какъ они жадны! проговорила Елена Ивановна, глядясь въ каждое зеркало въ простѣнкахъ Пассажа и видимо сознавая, что она похорошѣла.

— Экономическій принципъ, отвѣчалъ я съ легкимъ волненіемъ и гордясь моею дамою передъ прохожими.

— Экономическій принципъ... — протянула она симпатическимъ голосомъ,—я ничего не поняла, что говорилъ сейчасъ Иванъ Матвѣичъ объ этомъ противномъ экономическомъ принципѣ.

— Я объясню вамъ, отвѣчалъ я и немедленно началъ разсказывать о благодѣтельныхъ результатахъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ наше отечество, о чемъ прочелъ еще утромъ въ «Петербургскихъ Извѣстіяхъ» и въ «Волосѣ».

— Какъ это все странно! прервала она, прослушавъ нѣкоторое время, — да перестаньте-же, противный; какой вы вздоръ говорите... Скажите—я очень красна?

— Вы прекрасны, а не красны! замѣтилъ я, пользуясь случаемъ сказать комплементъ.

— Шалунъ! пролепетала она самодовольно. — Бѣдный Иванъ Матвѣичъ, прибавила она черезъ минуту, кокетливо склонивъ на плечо головку, — мнѣ право его жаль, ахъ Боже мой! вдругъ вскрикнула она,—скажите, какъ же онъ будетъ сегодня тамъ кушать и... и... какъ же онъ будетъ... если ему чего нибудь будетъ надобно?..

— Вопросъ непредвидѣнный, отвѣчалъ я, тоже озадаченный. Мнѣ по правдѣ это не приходило и въ голову, до того женщины практичны! насъ мужчинъ при рѣшеніи житейскихъ задачъ!

— Бѣдняжка, какъ это онъ такъ втюрился... и никакихъ развлеченій и темно... какъ досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... И такъ я теперь въ родѣ вдовы, прибавила она съ обольстительной улыбкой, очевидно интересуясь новымъ своимъ положеніемъ,—гм... все таки мнѣ его жаль!..

Однимъ словомъ—выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и интересной жены о погибшемъ мужѣ. Я привелъ ее наконецъ домой, успокоилъ и, пообѣдавъ вмѣстѣ съ нею, послѣ чашки ароматнаго кофе отправился въ шесть часовъ къ Тимофею Семенычу, расчитывая, что въ этотъ часъ всѣ семейные люди опредѣленныхъ занятій сидятъ или лежатъ по домамъ.

Написавъ сію первую главу слогомъ приличнымъ разсказному событію, я намѣренъ далѣе употреблять слогъ хотя и не столь возвышенный, но за то болѣе натуральный, о чемъ и извѣщаю заранѣе читателя.

II.

Почтенный Тимофей Семеныч встрѣтилъ меня какъ то торопливо и какъ будто немного смѣшавшись. Онъ провелъ меня въ свой тѣсный кабинетъ и плотно притворилъ дверь: «чтобы дѣти не мѣшали», проговорилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. За тѣмъ посадилъ меня на стулъ у письменнаго стола, самъ сѣлъ въ кресла, запахнулъ полы своего стараго ватнаго халата и принялъ, на всякій случай, какой то официальный, даже почти строгій видъ, хотя вовсе не былъ моимъ или Ивана Матвѣича начальникомъ, а считался до сихъ поръ обыкновеннымъ сослуживцемъ и даже знакомымъ.

— Прежде всего, началъ онъ, — возьмите во вниманіе, что я не начальство, а такой-же точно подначальный человѣкъ какъ и вы, какъ и Иванъ Матвѣичъ... Я сторона и ввязываться ни во что не намѣренъ.

Я удивился, что повидимому онъ уже все это знаетъ. Не смотря на то, рассказалъ ему вновь всю исторію съ подробностями. Говорилъ я даже съ волненіемъ, ибо исполнялъ въ эту минуту обязанность истиннаго друга. Онъ выслушалъ безъ особаго удивленія, но съ явнымъ признакомъ подозрительности.

— Представьте, сказалъ онъ выслушавъ, — я всегда полагалъ, что съ нимъ непременно это случится.

— Почему-же-съ, Тимофей Семенычъ, случай самъ по себѣ весьма необыкновенный-съ...

— Согласенъ. Но Иванъ Матвѣичъ во все теченіе службы своей именно клонилъ къ такому результату. Притокъ-съ, заносчивъ даже. Все «прогрессъ» да разныя идеи-съ, а вотъ куда прогрессъ-то приводитъ!

— Но вѣдь это случай самый необыкновенный, и общимъ правиломъ для всѣхъ прогрессистовъ его никакъ нельзя положить...

— Нѣтъ ужъ это такъ-съ. Это, видите ли, отъ излишней образованности происходитъ, повѣрьте мнѣ-съ. Ибо люди излишне образованные лѣзутъ во всякое мѣсто-съ и преимущественно туда, гдѣ ихъ вовсе не спрашиваютъ. Впрочемъ можетъ вы больше знаете, прибавилъ онъ какъ-бы обижаясь. — Я человѣкъ не столь образованный и старый; съ солдатскихъ дѣтей началъ и службѣ моей пятидесятилѣтній юбилей сего года пошелъ-съ.

— О нѣтъ, Тимофей Семенычъ, помилуйте. Напротивъ, Иванъ Матвѣичъ жаждетъ вашего совѣта, руководства вашего жаждетъ. Даже, такъ-сказать, со слезами-съ.

— «Такъ сказать со слезами-съ». Гм. Ну, это слезы крокодиловы и имъ не совсѣмъ можно вѣрить. Ну зачѣмъ, скажите, потянуло его за границу? Да и на какія деньги? Вѣдь онъ и средствъ не имѣетъ?

— На скопленное, Тимофей Семенычъ, изъ послѣднихъ наградныхъ, отвѣчалъ я жалобно. —

Всего на три мѣсяца хотѣлъ съѣздить, — въ Швейцарію... на родину Вильгельма Теля.

— Вильгельма Теля? Гм!

— Въ Неаполѣ встрѣтитъ весну хотѣлъ-съ. Осмотрѣть музей, нравы, животныхъ...

— Гм! животныхъ? А по моему такъ просто изъ гордости. Какіхъ животныхъ? Животныхъ? Развѣ у насъ мало животныхъ? Есть звѣрницы, музеи, верблюды. Медвѣди подъ самымъ Петербургомъ живутъ. Да вотъ онъ и самъ засѣлъ въ крокодиль...

— Тимофей Семенычъ, помилуйте, человѣкъ въ несчастіи, человѣкъ прибѣгаетъ какъ къ другу, какъ къ старшему родственнику, совѣта жаждетъ, а вы — укоряете... Пожалѣйте хоть несчастную Елену Ивановну!

— Это вы про супругу-съ? Интересная дамочка, — проговорилъ Тимофей Семенычъ, видимо смигаясь и съ аппетитомъ нюхнувъ табаку. — Особа сублинная. И какъ полна, и головку все такъ на бочокъ, на бочокъ... очень пріятно-съ. Андрей Осипычъ еще третьяго дня упоминалъ.

— Упоминалъ?

— Упоминалъ-съ, и въ выраженіяхъ весьма лестныхъ. Бюетъ, говоритъ, — взгляды, прическа... Конфетка, говоритъ, а не дамочка, и тутъ же засмѣялись. Молодые они еще люди. — Тимофей Семенычъ съ трескомъ высморкался. — А между тѣмъ вотъ и молодой человѣкъ, а какую карьеру себѣ составляютъ-съ...

— Да вѣдь тутъ совсѣмъ другое, Тимофей Семенычъ.

— Конечно, конечно-съ.

— Такъ какъ-же, Тимофей Семенычъ?

— Да что-же я-то могу сдѣлать?

— Посоветуйте-съ, руководите, какъ опытный человѣкъ, какъ родственникъ! Что предпринять? Идти ли по начальству или...

— По начальству? Отнюдь нѣтъ-съ, — торопливо произнесъ Тимофей Семенычъ. — Если хотите совѣта, то прежде всего надо это дѣло замять и дѣйствовать такъ сказать въ видѣ частнаго лица. Случай подозрительный-съ, да и небывалый. Главное небывалый, примѣра не было-съ да и плохо рекомендующій... Поэтому осторожность прежде всего... Пусть ужъ тамъ себѣ полежитъ. Надо выждать, выждать...

— Да какъ же выждать, Тимофей Семенычъ? Ну что если онъ тамъ задохнется?

— Да почему-же-съ? Вѣдь вы кажется говорили, что онъ даже съ довольнымъ комфортомъ устроился?

Я рассказалъ все опять. Тимофей Семенычъ задумался.

— Гм! проговорилъ онъ, вертя табатерку въ рукахъ, — по моему даже и хорошо, что онъ тамъ на время полежитъ, вмѣсто заграницы-то-съ. Пусть на досугъ подумаетъ; разумѣется задыхаться не надо, и потому надо взять надлежащія мѣры для сохраненія здоровья: ну, тамъ, остерегаться кашля

и прочаго... А что касается нѣмца, то по моему личному мнѣнію онъ въ своемъ правѣ, и даже болѣе другой стороны, потому что въ его крокодила влѣзли безъ спросу, а не онъ влѣзъ безъ спросу въ крокодила Ивана Матвѣичева, у котораго впрочемъ, сколько я знаю, и не было своего крокодила. Ну-съ, а крокодилъ составляетъ собственность, стало быть безъ вознагражденія его взрѣзывать нельзя-съ.

— Для спасенія человѣчества, Тимофей Семенычъ.

— Ну ужъ это дѣло полиціи-съ. Туда и слѣдуетъ отнести.

— Да вѣдь Иванъ Матвѣичъ можетъ и у насъ понадобиться. Его могутъ потребовать-съ.

— Иванъ-то Матвѣичъ понадобиться? хе-хе! Къ тому же вѣдь онъ считается въ отпуску, стало быть мы можемъ и игнорировать. а онъ пусть осматриваетъ тамъ европейскія земли. Другое дѣло, если онъ послѣ срока не явится, ну тогда и спросимъ, справки наведемъ...

— Три-то мѣсяца! Тимофей Семенычъ, помпуйте!

— Самъ вновать-съ. Ну кто его туда совалъ? эдакъ пожалуй придется ему казенную няньку нанять-съ, а этого и по штату не полагается. А главное — крокодилъ есть собственность, стало быть тутъ уже такъ называемый экономическій принципъ въ дѣйствіи. А экономическій принципъ прежде всего-съ. Еще третьяго дня у Луки Андренча на вечерѣ Игнатій Прокофичъ говорилъ, Игнатія Прокофича знаете? Капиталистъ, при дѣлахъ-съ, и знаете складно такъ говорить: «Намъ нужна, говорить, промышленность, промышленности у насъ мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значитъ среднее сословіе, такъ называемую буржуазію надо родить. А такъ какъ нѣтъ у насъ капиталовъ, значитъ надо ихъ изъ-за границы привлечь. Надо во-первыхъ, дать ходъ иностраннымъ компаніямъ для скупки по участкамъ нашихъ земель, какъ вездѣ утверждено теперь за границей. Общинная собственность—ядъ, говорить, гибель! И знаете съ жаромъ такъ говорить; ну, имъ прилично: люди капиталыше... да и неслужащіе. Съ общиной, говорить, ни промышленность, ни земледѣліе не возвысится. Надо, говорить, чтобъ иностранныя компаніи скупили по возможности всю нашу землю по частямъ, а потомъ дробить, дробить, дробить какъ можно въ мелкіе участки, и знаете,—рѣшительно такъ произносятъ: дробить, говорить, а потомъ и продавать въ личную собственность. Да и не продавать, а просто арендовать. Когда говорить, вся земля будетъ у привлеченныхъ иностранныхъ компаній въ рукахъ, тогда значитъ можно какую угодно цѣну на аренду назначить. Стало быть мужикъ будетъ работать уже втрое, изъ одного насущнаго хлѣба, и его можно когда угодно согнать. Значитъ онъ будетъ чувствовать, будетъ покоренъ, прилеженъ и втрое за ту же цѣну работаетъ. А теперь въ общинѣ что ему! Знаетъ,

что съ голоду не помретъ, ну и лѣнится, и шланствуетъ. А межъ тѣмъ къ намъ и деньги привлекаются, и капиталы заводятся, и буржуазія пойдеть. Вонъ и англійская политическая и литературная газета Теймсъ, разбирая наши финансы, отзывалась намеренно, что потому и не растутъ наши финансы, что средняго сословія нѣтъ у насъ, кошелей большихъ нѣтъ, пролетаріевъ услужливыхъ нѣтъ... Хорошо говорятъ Игнатій Прокофичъ. Ораторъ-съ. Самъ по начальству отзывъ хочетъ подать и потомъ въ «Извѣстіяхъ» напечатать. Эго ужъ не стѣснки, подобно Ивану Матвѣичу...

— Такъ какъ же Иванъ-то Матвѣичъ? ввернулъ я, давъ поболтать старику. Тимофей Семенычъ любитъ иногда поболтать и тѣмъ показать, что и онъ не отсталъ и все это знаетъ.

— Иванъ то Матвѣичъ какъ-съ? Такъ вѣдь я къ тому и клоню-съ. Сами-же мы вотъ хлопочемъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ въ отечество, а вотъ посудите: едва только капиталъ привлеченнаго крокодилыщика удвоился черезъ Ивана Матвѣича, а мы, чѣмъ бы протезировать иностраннаго собственника, напротивъ стараемся самому то основному капиталу брюхо вспоротъ. Ну сообразно ли это? По моему Иванъ Матвѣичъ, какъ истинный сынъ отечества, долженъ еще радоваться и гордиться тѣмъ, что собою цѣнность иностраннаго крокодила удвоилъ, а пожалуй еще и утроилъ. Это для привлеченія надобно-съ. Удастся одному, смотришь и другой съ крокодиломъ придетъ, а третій ужъ двухъ и трехъ за-разъ привезетъ, а около нихъ капиталы группируются. Вотъ и буржуазія. Надобно поощрять-съ.

— Помилуйте, Тимофей Семенычъ! вскричалъ я, — да вы требуете почти неестественнаго самоотверженія отъ бѣднаго Ивана Матвѣича!

— Ничего я не требую-съ, и прежде всего прошу васъ,—какъ уже и прежде просилъ,—сообразить, что я не начальство и стало быть требовать ни отъ кого и ничего не могу. Какъ сынъ отечества говорю. т. е. говорю не какъ «Сынъ Отечества», а просто какъ сынъ отечества говорю. Опять-таки кто жъ велѣлъ ему лѣзть въ крокодила? Человѣкъ солидный, человѣкъ извѣстнаго чина, состоящій въ законномъ бракѣ и вдругъ—такой шагъ! Сообразно ли это?

— По вѣдь этотъ шагъ случился печально-съ.

— А кто его знаетъ? И притомъ изъ какихъ суммъ заплатить крокодилыщику, скажите-ка?

— Развѣ въ счетъ жалованья, Тимофей Семенычъ?

— Достанетъ-ли-съ?

— Не достанетъ, Тимофей Семенычъ, отвѣчалъ я съ грустію.—Крокодилыщикъ сначала испугался, что лопнетъ крокодилъ, а потомъ, какъ убѣдился, что все благополучно, заважничалъ, и обрадовался, что можетъ цѣну удвоить.

— Утроить, учетверить развѣ! Публика теперь прихлипетъ, а крокодилыщики ловкій народъ. Къ тому же и мясофѣдъ, склонность къ увеселеніямъ и

потому, — повторяю, — прежде всего пусть Иванъ Матвѣичъ наблюдаетъ ниггеритовъ, пусть не торопится. Пусть всѣ пожалуй знаютъ, что онъ въ крокодилѣ, но не знаютъ официально. Въ этомъ отношеніи Иванъ Матвѣичъ находится даже въ особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ, потому что числится за границей. Скажутъ, что въ крокодилѣ, а мы и не повѣримъ. Это можно такъ подвести. Главное — пусть выжидаетъ да и куда ему спѣшить?

— Ну, а если...

— Не беспокоитесь, сложенія плотнаго-съ...

— Ну, а потомъ, когда выждетъ?

— Ну-съ, не скрою отъ васъ, что случай до крайности казусный. Сообразиться нельзя-съ, и главное то вредитъ, что не было до сихъ поръ примѣра подобнаго. Будь у насъ примѣръ, еще можно бы какъ нибудь руководствоваться. А то какъ тутъ рѣшишь? Станешь соображать, а дѣло затянется.

Счастливая мысль блеснула у меня въ головѣ.

— Нельзя ли устроить такъ-съ, сказалъ я, — что ужъ если суждено ему оставаться въ нѣдрахъ чудовища и, волею providѣнія, сохранится его животь, нельзя ли подать ему прошеніе о томъ, чтобы числиться на службѣ?

— Гм... развѣ въ видѣ отпуска и безъ жалованья...

— Нѣтъ-съ, нельзя ли съ жалованьемъ-съ?

— На какомъ же основаніи?

— Въ видѣ командировки...

— Какой и куда?

— Да въ нѣдра же, въ крокодиловы нѣдра... Такъ сказать для справокъ, для изученія фактовъ на мѣстѣ. Конечно это будетъ ново, но вѣдь это прогрессивно и въ то же время покажетъ заботливость о просвѣщеніи-съ...

Тимофей Семенычъ задумался.

— Командировать особаго чиновника, сказалъ онъ наконецъ:—въ нѣдра крокодила, для особыхъ порученій, по моему личному мнѣнію—нѣлпо-съ. По штату не полагается. Да и какія могутъ быть туда порученія?

— Да для естественнаго такъ сказать изученія природы на мѣстѣ, въ живѣй-съ. Нынче все пошли естественныя науки-съ, ботаника... Онъ бы тамъ жилъ и сообщалъ-съ... ну тамъ о пищевареніи или просто о нравахъ. Для скопленія фактовъ-съ.

— То есть это по части статистики. Ну, въ этомъ я не силенъ, да и не философъ. Вы говорите: факты,—мы и безъ того завалены фактами и не знаемъ, что съ ними дѣлать. Притомъ же эта статистика опасна...

— Чѣмъ-же-съ?

— Опасна-съ. И къ тому жъ, согласитесь, онъ будетъ сообщать факты такъ сказать лежа на боку. А развѣ можно служить лежа на боку? Это ужъ опять нововведеніе, и притомъ опасное-съ; и опять-таки примѣра такого не было. Вотъ еслибъ намъ

хоть какой нибудь примѣрчикъ, такъ по моему мнѣнію пожалуй и можно бы командировать.

— Но вѣдь и крокодиловъ живыхъ не привозили до сихъ поръ, Тимофей Семенычъ.

— Гм! да... онъ опять задумался.—Если хотите, это возраженіе ваше справедливо и даже могло бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему производству дѣла. Но опять возьмите и то, что если съ появленіемъ живыхъ крокодиловъ начнутъ исчезать служащіе и потомъ, на основаніи того, что тамъ тепло и мягко, будутъ требовать туда командировокъ, а истомъ лежать на боку... согласитесь сами — дурной примѣръ-съ. Вѣдь эдакъ пожалуй всякій туда полѣзетъ даромъ деньги-то брать.

— Порадѣйте, Тимофей Семенычъ! Кстати-съ: Иванъ Матвѣичъ просилъ передать вамъ карточный должокъ, семь рублей, въ ералашъ-съ...

— Ахъ это онъ проигралъ наменин, у Никифоръ Никифорыча! Помню-съ. И какъ онъ тогда былъ веселъ, смѣшился, и вотъ!..

Старикъ былъ искренно тронутъ.

— Порадѣйте, Тимофей Семенычъ.

— Похлопочу-съ. Отъ своего лица поговорю, частнымъ образомъ въ видѣ справки. А впрочемъ разузнайте-ка такъ, неофициально, со стороны, какую именно цѣну согласился бы взять хозяинъ за своего крокодила?

Тимофей Семенычъ видимо подобрѣлъ.

— Непремѣнно-съ, отвѣчалъ я:—и тотчасъ же явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Супруга-то... одна теперь? Скучаетъ?

— Вы бы навѣстили, Тимофей Семенычъ.

— Навѣщу-съ, я еще давеча подумалъ, да и случай удобный... И зачѣмъ, зачѣмъ это его дергало смотрѣть крокодила! А впрочемъ я бы и самъ желалъ посмотреть.

— Навѣстите-ка бѣднаго, Тимофей Семенычъ.

— Навѣщу-съ. Конечно я эгимъ шагомъ моимъ не хочу обнадеживать. Я прибуду какъ частное лицо... Ну-съ, до свиданія, я вѣдь опять къ Никифоръ-Никифорычу; будете?

— Нѣтъ-съ, я къ узнику.

— Да-съ, вотъ теперь и къ узнику!.. Э-эхъ, легкомысліе!

Я распростился съ старикомъ. Разнообразныя мысли ходили въ моей головѣ. Добрый и честный человѣкъ Тимофей Семенычъ, а выходя отъ него, я однако порадовался, что ему былъ уже пятидесятилѣтній юбилей и что Тимофей Семенычъ у насъ теперь рѣдкость. Разумѣется я тотчасъ полетѣлъ въ Пассажъ обо всемъ сообщить бѣдняжкѣ Ивану Матвѣичу. Да и любопытство разбирало меня: какъ онъ тамъ устроился въ крокодилѣ и какъ это можно жить въ крокодилѣ? Да и можно ли дѣйствительно жить въ крокодилѣ? Порой мнѣ право казалось, что все это какой-то чудовищный сонъ, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то шло о чудовищѣ...

III.

И однако жъ это былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Иначе,—сталъ ли бы я и рассказывать! Но продолжаю...

Въ Пассаждъ я попалъ уже поздно, около девяти часовъ, и въ крокодильную принужденъ былъ войти съ задняго хода, потому что нѣмецъ заперъ магазинъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго. Онъ расхаживалъ по-домашнему въ какомъ-то засаленномъ старомъ сюртучникѣ, но самъ еще втрое довольнѣе, чѣмъ давеча утромъ. Видно было, что онъ уже ничего не боится и что «публикумъ много ходилъ». Муттеръ вышла уже потомъ, очевидно за тѣмъ, чтобы слѣдить за мной. Нѣмецъ съ муттеръ часто перешептывались. Не смотря на то, что магазинъ былъ уже запертъ, онъ все-таки взялъ съ меня четвертакъ. И что за ненужная аккуратность!

— Ви каждый разъ будетъ платить; публикумъ будутъ рубль платить, а ви одинъ четвертакъ, ибо ви добры другъ вашего добры другъ, а я почти-тако другъ...

— Живъ ли, живъ ли образованный другъ мой! громко вскричалъ я, подходя къ крокодилу и надѣясь, что слова мои еще издали достигнутъ Ивана Матвѣича и польстятъ его самолюбію.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ онъ, какъ будто издали или какъ бы изъ-подъ кровати, хотя я стоялъ подлѣ него:—живъ и здоровъ, но объ этомъ послѣ... Какъ дѣла?

Какъ бы нарочно не разслышавъ вопроса, я было началъ съ участіемъ и поспѣшностію самъ его разспрашивать: какъ онъ, что онъ и каково въ крокодилѣ и что такое вообще внутри крокодила? Это требовалось и дружествомъ и обыкновенною вѣжливостію. Но онъ капризно и съ досадою перепиралъ меня.

— Какъ дѣла? прокричалъ онъ, по обыкновенію мною командуя, своимъ визгливымъ голосомъ, чрезвычайно на этотъ разъ отвратительнымъ.

Я рассказалъ всю мою бесѣду съ Тимофеемъ Семенычемъ до послѣдней подробности. Рассказывая я старался выказать нѣсколько обиженный тонъ.

— Старикъ правъ, рѣшилъ Иванъ Матвѣичъ такъ же рѣзко, какъ и по всегдашнему обыкновенію своему въ разговорахъ со мной. — Практическихъ людей люблю и не терплю сладкихъ ямлей. Готовъ однако сознаться, что и твоя идея на счетъ командировки не совершенно нехороша. Дѣйствительно многое могу сообщить и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніи. Но теперь это все принимаетъ новый и неожиданный видъ и не стоитъ хлопотать изъ одного только жалованья. Слушай внимательно. Ты сидишь?

— Нѣтъ, стою.

— Садись на что нибудь, ну хоть на полъ, и слушай внимательно.

Со злобою взялъ я стулъ и въ сердцахъ, устанавливая, стукнулъ имъ объ полъ.

— Слушай, началъ онъ повелительно,—публики сегодня приходило цѣлая бездна. Къ вечеру не хватило мѣста и для порядка явилась полиція. Въ восемь часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго, хозяинъ нашелъ даже нужнымъ запереть магазинъ и прекратить представленіе, чтобъ сосчитать привлеченныя деньги и удобнѣе приготовиться къ завтраму. Знаю, что завтра соберется цѣлая ярмарка. Такимъ образомъ надо полагать, что всѣ образованныѣйшіе люди столицы, дамы высшаго общества, инкозменные посланники, юристы, и проч. здѣсь пребываютъ. Мало того: стануть набѣзжать изъ многостороннихъ провинцій нашей обширной и любопытной имперіи. Въ результатѣ — я у всѣхъ на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытомъ, представляю изъ себя примѣръ величія и смиренія передъ судьбою! Буду такъ сказать каѳедрой, съ которой начну поучать человѣчество. Даже одни естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могу сообщить объ обитаемомъ мною чудовищѣ, — драгоценны. И потому не только не ропщу на давешній случай, но твердо надѣюсь на блистательнѣйшую изъ карьеръ.

— Не наскучило бы? замѣтилъ я ядовито.

Всего болѣе обозлило меня то, что онъ почти уже совсѣмъ пересталъ употреблять личныя мѣстоимѣнія, — до того заважничалъ. Тѣмъ не менѣе все это меня сбило съ толку. Съ чего, съ чего эта легкомысленная башка куражится! скрежеталъ я шепотомъ про себя. Тутъ надо плакать, а не куражиться.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ рѣзко на мое замѣчаніе:—ибо весь проникнутъ великими идеями, только теперь могу на досугѣ мечтать объ улучшеніи судьбы всего человѣчества. Изъ крокодила выйдетъ теперь правда и свѣтъ. Несомнѣнно изобрѣту новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній и буду гордиться ею—чего доселѣ не могъ за недосугомъ по службѣ и въ пошлыхъ развлеченіяхъ свѣта. Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати,—отдалъ семь рублей Тимофею Семенычу?

— Изъ своихъ, отвѣтилъ я, стараясь выразить голосомъ, что заплатилъ изъ своихъ.

— Сочтемся, отвѣтилъ онъ высокомерно.—Прибавки оклада жду всенепремѣнно, ибо кому же и прибавлять какъ не мнѣ? Польза отъ меня теперь безконечная. Но къ дѣлу. Жена?

— Ты вѣроятно спрашиваешь о Еленѣ Ивановнѣ?

— Жена?! закричалъ онъ даже съ какимъ-то на этотъ разъ визгомъ.

Нечего было дѣлать! Смирненно, но опять-таки скрежеща зубами, рассказалъ я какъ оставилъ Елену Ивановну. Онъ даже и не дослушалъ.

— Имѣю на нее особые виды, началъ онъ нетерпѣливо.—Если буду знаменитъ *здесь*, то хочу, чтобъ она была знаменита *тамъ*. Ученые, поэты, философы, заѣзжіе минералоги, государственные

мужи, послѣ утренней бесѣды со мной, будутъ по-сѣщать по вечерамъ ея салонъ. Съ будущей недѣли у нея должны начаться каждый вечеръ салоны. Удвоенный окладъ будетъ давать средства къ приему, а такъ какъ приемъ долженъ ограничиваться однимъ чаемъ и нанатыми лакеями, то и дѣлу конецъ. И здѣсь и тамъ будутъ говорить обо мнѣ. Давно жаждалъ случая, чтобъ всѣ говорили обо мнѣ, но не могъ достигнуть, скованный малымъ значеніемъ и недостаточнымъ чиномъ. Теперь же все это достигнуто какимъ нибудь самымъ обыкновеннымъ плеткомъ крокодила. Каждое слово мое будетъ выслушиваться, каждое изреченіе обдумываться, передаваться, печататься. И я дамъ себя знать! Поймутъ наконецъ какимъ способностямъ дали исчезнуть въ нѣдрахъ чудовища. «Этотъ человѣкъ могъ быть иностраннымъ министромъ и управлять королевствомъ», скажутъ одни. «И этотъ человѣкъ не управлялъ иностраннымъ королевствомъ», скажутъ другіе. Ну чѣмъ, ну чѣмъ я хуже какого нибудь Гарибе-Пажеспикки или какъ ихъ тамъ?.. Жена должна составлять мнѣ пандантъ—у меня умъ, у нея красота и любезность. «Она прекрасна, потому и жена его», скажутъ одни. «Она прекрасна, *потому что жена его*», поправятъ другіе. На всякій случай пусть Елена Ивановна завтра же купитъ энциклопедическій словарь издававшийся подъ редакціей Андрея Краевского, чтобъ умѣть говорить обо всѣхъ предметахъ. Чаше же всего пусть читаетъ преміер-политикъ «С. Петербургскихъ Извѣстій», свѣряя каждодневно съ «Волосомъ». Полагаю, что хозяинъ согласится иногда приносить и меня, вмѣстѣ съ крокодиломъ въ блестящій салонъ жены моей. Я буду стоять въ ящикѣ среди великолѣпной гостиной и буду спать островами, которыя подберу еще съ-утра. Государственному мужу сообщу мои проэкты; съ поэтомъ буду говорить въ рѣмю; съ дамами буду забавлять и нравственно-милъ,—такъ какъ вполне безопасенъ для нихъ супруговъ. Всѣмъ остальнымъ буду служить примѣромъ покорности судьбѣ и волѣ провидѣнія. Жену сдѣлаю блестящею литературною дамою; я ее выдвину впередъ и объясню ее публикѣ; какъ жена моя она должна быть полна величайшихъ достоинствъ, и если справедливо называютъ Андрея Александровича нашимъ русскимъ Альфредомъ де-Мюссе, то еще справедливѣе будетъ, когда назовутъ ее нашей русской Евгеніей Туръ.

Признаюсь, хотя вся эта дичь и походила нѣсколько на всегдашняго Ивана Матвѣича, но мнѣ все-таки пришло въ голову, что онъ теперь въ горячкѣ и бредитъ. Это было все тотъ же обыкновенный и ежедневный Иванъ Матвѣичъ но наблюдаемый въ стекло въ двадцать разъ увеличивающее.

— Другъ мой, спросилъ я его,—надѣнешься ли ты на долговѣчность? И, вообще, скажи: здоровъ ли ты? Какъ ты спишь, какъ ты спишь, какъ ты дышишь? Я другъ тебѣ и согласись, что случай слиш-

комъ сверхъестественный, а слѣдственно любопытство мое слишкомъ естественно.

— Праздное любопытство и больше ничего, от-вѣчалъ онъ сентенціозно,—но ты будешь удовлетворенъ. Спрашиваешь какъ устроился я въ нѣдрахъ чудовища? Во-первыхъ, крокодилъ, къ удивленію моему, оказался совершенно пустой. Внутренность его состоитъ какъ бы изъ огромнаго пустаго мѣшка, сдѣланнаго изъ резины, въ родѣ тѣхъ резиновыхъ издѣлій, которыя распространены у насъ въ Гороховой, въ Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенскомъ проспектѣ. Иначе, сообрази, могъ ли бы я въ немъ помѣститься?

— Возможно ли? вскричалъ я въ понятномъ изумленіи. — Неужели крокодилъ совершенно пустой?

— Совершенно, строго и внушительно подтвердилъ Иванъ Матвѣичъ. — И по всей вѣроятности онъ устроенъ такъ по законамъ самой природы. Крокодилъ обладаетъ только пастью, снабженною острыми зубами, и въ добавокъ къ пасти—значительно длиннымъ хвостомъ—вотъ и все, по настоящему. Въ серединѣ же между сими двумя его оконечностями находится пустое пространство, обнесенное чѣмъ то вродѣ каучука, вѣроятнѣе же всего дѣйствительно каучукомъ.

— А ребра, а желудокъ, а кишки, а печень, а сердце? прервалъ я даже со злобою.

— Н-ничего, совершенно ничего этого нѣтъ и вѣроятно никогда не бывало. Все это—праздная фантазія легкомысленныхъ путешественниковъ. Подобно тому какъ надуваютъ геморoidalную подушку, такъ и я надуваю теперь собой крокодила. Онъ растяжимъ до невѣроятности. Даже ты, въ качествѣ домашнего друга, могъ бы помѣститься со мной рядомъ, еслибъ обладалъ великодушіемъ,—и даже съ тобой еще достало бы мѣста. Я даже думаю, въ крайнемъ случаѣ, выписать сюда Елену Ивановну. Впрочемъ подобное пустопорожнее устройство крокодила совершенно согласно съ естественными науками. Ибо положимъ, на примѣръ, тебѣ дано устроить новаго крокодила,—тебѣ естественно представляется вопросъ: какое основное свойство крокодилова? Отвѣтъ ясенъ: глотать людей.—Какъ же достигнуть устройствомъ крокодила, чтобъ онъ глоталъ людей? Отвѣтъ еще яснѣе: устрои въ его пустымъ. Давно уже рѣшено физикой, что природа не терпитъ пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно быть пустою, чтобъ не терпѣть пустоты, а слѣдственно глотать и наполняться всѣмъ, что только есть подъ рукою. И вотъ единственная разумная причина почему всѣ крокодилы глотаютъ нашего брата. Не такъ въ устройствѣ человѣческомъ: чѣмъ пустѣе на примѣръ голова человѣческая, тѣмъ менѣе она ощущаетъ жажды наполниться и это единственное исключеніе изъ общаго правила. Все это мнѣ теперь ясно какъ день, все это я постигъ собственнымъ умомъ и опытомъ, находясь такъ сказать въ нѣдрахъ природы, въ ея ретортѣ, при-

слушиваясь къ біенію пульса ея. Даже этимологія согласна со мною, ибо самое названіе крокодила означаетъ прожорливость. Крокодилъ, Crocodile, — есть слово очевидно итальянское, современное можетъ быть древнимъ фараонамъ египетскимъ и очевидно происходящее отъ французскаго корня: *croquer*, что означаетъ съѣсть, скушать и вообще употребить въ пищу. Все это я намѣренъ прочесть въ видѣ первой лекціи публикѣ, собравшейся въ салонѣ Елены Ивановны, когда меня принесутъ туда въ ящикѣ.

— Другъ мой, не принять ли тебѣ теперь хоть слабительнаго! вскричалъ я невольно. У него жаръ, жаръ, онъ въ жару! повторялъ я про себя въ ужасѣ.

— Вздоръ! отвѣчалъ онъ презрительно, — и къ тому же въ теперешнемъ положеніи моемъ это совсѣмъ неудобно. Впрочемъ я отчасти зналъ, что ты заговоришь о слабительномъ.

— Но, другъ мой, а какъ... какъ же ты теперь употребляешь пищу? Обѣдалъ ты сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, но сытъ и, вѣроятно же всего, теперь уже никогда не буду употреблять пищи. И это тоже совершенно понятно: наполняя собою всю внутренность крокодилову, я дѣлаю его навсегда сытымъ. Теперь его можно не кормить нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны, — сытый мною, онъ естественно сообщить и мнѣ всѣ жизненные соки изъ своего тѣла; это въ родѣ того, какъ нѣкоторые утопченныя кокетки обкладываютъ себя и всѣ свои формы на ночь сырыми котлетами и потомъ, принявъ утреннюю ванну, становятся свѣжими, упругими, сочными и обольстительными. Такимъ образомъ, питаю собою крокодила, я, обратно, получаю и отъ него питаніе; слѣдовательно — мы взаимно кормимъ другъ друга. Но такъ какъ трудно, даже и крокодилу, переваривать такого человѣка какъ я, то ужъ разумѣется онъ долженъ при этомъ ощущать нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ, — котораго впрочемъ у него нѣтъ, — и вотъ почему, чтобъ не доставить излишней боли чудовищу, я рѣдко вращаюсь съ боку на бокъ; и хотя бы и могъ вращаться, но не дѣлаю сего изъ гуманности. Это единственный недостатокъ теперешняго моего положенія, и въ аллегорическомъ смыслѣ Тимофей Семенычъ справедливъ, называя меня лежебокой. Но я докажу, что и лежа на боку, — мало того, что только лежа на боку и можно перевернуть судьбу человѣчества. Всѣ великія идеи и направленія нашихъ газетъ и журналовъ очевидно произведены лежебоками; вотъ почему и называютъ ихъ идеями кабинетными, но наплевать, что такъ называютъ! Я изобрѣту теперь цѣлую социальную систему и — ты не повѣришь — какъ это легко! Стоитъ только уединиться куда нибудь подальше въ уголъ или хотъ попасть въ крокодила, закрыть глаза и тотчасъ же изобрѣтешь цѣлый рай для всего человѣчества. Давеча, какъ вы ушли, я тотчасъ же принялся изобрѣтать и изобрѣлъ уже три систе-

мы, теперь изготовляю четвертую. Правда, сначала надо все опровергнуть; но изъ крокодила такъ легко опровергать; мало того, изъ крокодила какъ будто все это видѣе становится... Впрочемъ въ моемъ положеніи существуютъ и еще недостатки, хотя и мелкие: внутри крокодила нѣсколько сыро и какъ будто покрыто слизью, да сверхъ того еще нѣсколько пахнетъ резинкой, точь-въ-точь какъ отъ моихъ прошлогоднихъ калошъ. Вотъ и все, болѣе нѣтъ никакихъ недостатковъ.

— Иванъ Матвѣичъ, прервалъ я, — все это чудеса, которыми я едва могу вѣрить. И неужели, неужели ты всю жизнь не намѣренъ обѣдать?

— О какомъ вздорѣ заботишься ты, беспечная, праздная голова! Я тебѣ о великихъ идеяхъ рассказываю, а ты... Знай же, что я сытъ уже однимъ великими идеями, озарившими ночь, меня окружающую. Впрочемъ добродушный хозяинъ чудовища, сговорившись съ добрейшею муттеръ, рѣшили давича промежъ себя, что будутъ каждое утро просовывать въ пасть крокодила изогнутую металлическую трубочку, въ родѣ дудочки, черезъ которую я бы могъ втягивать въ себя кофе или бульонъ съ размоченнымъ въ немъ бѣлымъ хлѣбомъ. Дудочка уже заказана по сосѣдству, но полагаю, что это излишняя роскошь. Прожить же надѣюсь по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ, если справедливо, что по столько лѣтъ живутъ крокодилы; о чемъ, благо напомнилъ, справься завтра же въ какой нибудь естественной исторіи и сообщи мнѣ, ибо я могъ ошибиться, — смѣшавъ крокодила съ какимъ нибудь другимъ ископаемымъ. Одно только соображеніе нѣсколько смущаетъ меня: такъ какъ я одѣтъ въ сукно, а на ногахъ у меня сапоги, то крокодилъ очевидно меня не можетъ переварить. Сверхъ того — я живой и потому сопротивляюсь переваренію меня всею моею волею, ибо понятно, что не хочу обратиться въ то, во что обращается всякая пища, такъ какъ это было бы слишкомъ для меня унижительно. Но боюсь одного: въ тысячелѣтній срокъ сукно куртука моего, къ несчастію русскаго издѣлія, можетъ истлѣть и тогда я, оставшись безъ одежды, не смотря на все мое негодованіе, начну пожалуй и перевариваться, и хотъ днемъ я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночамъ, во снѣ, когда воля отлетаетъ отъ человѣка, меня можетъ постичь самая унижительная участь какого нибудь картофеля, бланшъ или телятины. Такая идея приводитъ меня въ бѣшенство. Уже по одной этой причинѣ надо бы измѣнить тарифъ и поощрять привозъ суконъ англійскихъ, которыя крѣпче, а слѣдовательно и долѣе будутъ сопротивляться прирѣдѣ, въ случаѣ, если попадешь въ крокодила. При первомъ случаѣ сообщу мысль мою кому либо изъ людей государственныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ обозрѣвателямъ нашихъ ежедневныхъ петербургскихъ газетъ. Пусть прокричатъ. Надѣюсь, что не одно это они теперь отъ меня позаимствуютъ. Предвижу, что каждое утро цѣлая толпа ихъ, воору-

женная редакціонными четвертаками, будетъ тѣсниться кругомъ меня, чтобъ уловить мои мысли на счетъ вчерашнихъ телеграммъ. Короче—будущность представляется мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

Горячка, горячка! шепталъ я про себя.

— Другъ мой, а свобода? проговорилъ я, желая вполнѣ узнать его мнѣніе. — Вѣдь ты, такъ казать, въ темницѣ, тогда какъ человѣкъ долженъ наслаждаться свободою.

— Ты глушь, отвѣчалъ онъ. — Люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка...

— Иванъ Матвѣичъ, пощади и помилуй!

— Молчи и слушай! взвизгнувъ онъ въ досадѣ, что я перебилъ его. — Никогда не воспарялъ я духомъ такъ, какъ теперь. Въ моемъ тѣсномъ убѣжищѣ одного боюсь — литературной критики толстыхъ журналовъ и свиста сатирическихъ газетъ нашихъ. Боюсь, чтобъ легкомысленные посѣтители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на смѣхъ. Но я приму мѣры. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашнихъ отзывовъ публики, а главное — мнѣнія газетъ. О газетахъ сообщу завтра же.

— Хорошо, завтра же принесу сюда цѣлый ворохъ газетъ.

— Завтра еще рано ждать газетныхъ отзывовъ; ибо объявленія печатаются только на четвертый день. Но отнынѣ каждый вечеръ приходи черезъ внутренний ходъ со двора. Я намѣренъ употребить тебя какъ моего секретаря. Ты будешь мнѣ читать газеты и журналы, а я буду диктовать тебѣ мои мысли и давать порученія. Въ особенности не забывай телеграммъ. Каждый день, чтобъ были здѣсь всѣ европейскія телеграммы. Но довольно; вѣроятно ты теперь хочешь спать. Ступай домой и не думай о томъ, что я сейчасъ говорилъ о критикѣ: я не боюсь ея, ибо сама она находится въ критическомъ положеніи. Стоитъ только быть мудрымъ и добродѣтельнымъ и непременно станешь на пьедесталъ. Если не Сократъ, то Діогенъ, или то и другое вмѣстѣ, и вотъ будущая роль моя въ человѣчествѣ.

Такъ легкомысленно и навязчиво (правда, — въ горячкѣ) торопился высказаться передо мною Иванъ Матвѣичъ, подобно тѣмъ слабохарактернымъ бабамъ, про которыхъ говоритъ пословица, что онѣ не могутъ удержать секрета. Да и все то, что сообщилъ онъ мнѣ о крокодилѣ, показалось мнѣ весьма подозрительнымъ. Ну какъ можно, чтобъ крокодилъ былъ совершенно пустой? Бьюсь обзакладъ, что въ этомъ онъ прихвастнулъ изъ тщеславія и отчасти, чтобъ меня унижить. Правда, онъ былъ больной, а больному надо уважить; но признаюсь откровенно, я всегда терпѣть не могъ Ивана Матвѣича. Всю жизнь, начиная съ самаго дѣтства, я желалъ и не могъ избавиться отъ его опеки. Тысячу разъ хотѣлъ было я съ нимъ совсѣмъ расплеваться, и каждый разъ меня опять тянуло

къ нему, какъ будто я все еще надѣялся ему что-то доказать и за что-то отмстить. Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы. На этотъ разъ мы простились однако же съ чувствомъ.

— Вашъ другъ ошечь умна шеловѣкъ, сказалъ мнѣ въ полголоса нѣмецъ, собираясь меня провожать; онъ все время прилежно слушалъ нашъ разговоръ.

— А прогос, сказалъ я, — чтобъ не забыть, — сколько бы взяли вы за вашего крокодила, на случай, если бъ вздумали у васъ его покупать?

Иванъ Матвѣичъ, слышавшій вопросъ, съ любопытствомъ выжидалъ отвѣта. Видимо было, что ему не хотѣлось, чтобъ нѣмецъ взялъ мало; по крайней мѣрѣ онъ какъ-то особенно крякнулъ при моемъ вопросѣ.

Сначала нѣмецъ и слушать не хотѣлъ, даже разсердился.

— Никто не смѣетъ покупать мой собственный крокодилъ! вскричалъ онъ яростно и покраснѣлъ какъ вареный ракъ. — Я не хатить продавать крокодила. Я миллионъ талеръ не стану брать за крокодила. Я сто тридцать талеръ сегодня съ публикумъ брать, а завтра десять тысячъ талеръ собиралъ. Не хочу продавалъ.

Иванъ Матвѣичъ даже захихикалъ отъ удовольствія.

Скрѣпя сердце, хладнокровно и разсудительно, — ибо исполнялъ обязанность истиннаго друга, — намекнулъ я сумасбродному нѣмцу, что расчеты его не совсѣмъ вѣрны, что если онъ каждый день будетъ собирать по сту тысячъ, то въ четыре дня у него перебиваетъ весь Петербургъ и потомъ уже не съ кого будетъ собирать, что въ животѣ и смерти воленъ Богъ, что крокодилъ можетъ какъ нибудь лопнуть, а Иванъ Матвѣичъ заболѣть и помереть, и проч. и проч.

Нѣмецъ задумался.

— Я будетъ ему капли изъ аптеки давалъ, сказалъ онъ надумавшись, — и вашъ другъ не будетъ умирать.

— Капли каплями, сказалъ я, — но возьмите и то, что можетъ затѣяться судебный процессъ. Супруга Ивана Матвѣича можетъ потребовать своего законнаго супруга. Вы вотъ намѣрены богатытъ, а намѣрены ли вы назначить хоть какую нибудь пенсію Еленѣ Ивановнѣ?

— Нѣтъ, не мѣревалъ! рѣшительно и строго отвѣчалъ нѣмецъ.

— Нѣтътъ, не мѣревалъ! подхватила, даже со злобою, муттеръ.

— Итакъ, не лучше ли вамъ взять что нибудъ теперь, разомъ, хоть и умѣренное, но вѣрное и солидное, чѣмъ предаваться неизвѣстности? Долгомъ считаю присоветовать, что спрашиваю васъ не изъ одного только празднаго любопытства.

Нѣмецъ взялъ муттеръ и удалился съ нею для

совѣщаній въ уголѣ, гдѣ стоялъ шкафъ съ самой большой и безобразнѣйшей изъ всей коллекціи обезьяной.

— Вотъ увидишь! сказалъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ.

Что до меня касается, я въ эту минуту старалъ желаніемъ, во-первыхъ—избить больно нѣмца, во-вторыхъ—еще болѣе избить муттеръ, а въ-третьихъ всѣхъ больше и больнѣе избить Ивана Матвѣича за безграничность его самолюбія. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ отвѣтомъ жаднаго нѣмца.

Насовѣтовавшись съ своей муттеръ, онъ потребовалъ за своего крокодила пятьдесятъ тысячъ рублей билетамъ послѣдняго внутренняго займа съ лотереєю, каменный домъ въ Гороховой и при немъ собственную аптеку и, въ добавокъ, — чинъ русскаго полковника.

— Видишь! торжествуя прокричалъ Иванъ Матвѣичъ,—я говорилъ тебѣ! Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники, — онъ совершенно правъ, ибо вполне понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!

— Помилуйте! яростно закричалъ я нѣмцу, — да за что же вамъ полковника-то? Какой вы подвигъ совершили, какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну не безумецъ-ли вы послѣ этого?

— Безумны! вскричалъ нѣмецъ обидѣвшись, — нѣтъ, очень умна шеловѣкъ, а вы очень глупы! я заслужилъ полковникъ, потому што показалъ крокодила, а въ немъ живой гофъ ратъ сидѣлъ, а русскій не можетъ показать крокодила, а въ немъ живой гофъ ратъ сидѣлъ! Я чрезвычайно умны шеловѣкъ и очень хочу быть полковникомъ!

— Такъ прощай же, Иванъ Матвѣичъ! вскричалъ я, дрожа отъ бѣшенства, и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ крокодильной. Я чувствовалъ, что еще минута и я уже не могъ бы отвѣчать за себя. Нестественныя надежды этихъ двухъ болвановъ были невыносимы. Холодный воздухъ, освѣживъ меня, нѣсколько умѣрилъ мое негодованіе. Наконецъ, энергически плюнувъ разъ до пятнадцати въ обѣ стороны, я взялъ извозчика, приѣхалъ домой, раздѣлся и бросился въ постель. Всего досадило было то, что я попалъ къ нему въ секретари. Теперь умирай тамъ отъ скуки каждый вечеръ, исполняя обязанность истиннаго друга! Я готовъ былъ прибить себя за это, и дѣйствительно, уже потушивъ свѣчку и закрывшись одѣяломъ, ударилъ себя нѣсколько разъ кулакомъ по головѣ и по другимъ частямъ тѣла. Это нѣсколько облегчило меня и я наконецъ заснулъ, даже довольно крѣпко, потому что очень усталъ. Всю ночь снились мнѣ только однѣ обезьяны, но подъ самое утро приснилась Елена Ивановна...

IV

Обезьяны, какъ догадываюсь, приснились потому, что заключались въ шкафу у крокодила; но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранѣе: я любилъ эту даму; но сиѣшу — и сиѣшу на курьерскихъ—оговориться: я любилъ ее какъ отецъ, ни болѣе, ни менѣе. Заключаю такъ потому, что много разъ случалось со мною неудержимое желаніе поцаловать ее въ головку или въ румяненую щеку. И хотя я никогда не приводилъ сего въ исполненіе, но какось—не отказался-бы поцѣловать ее даже и въ губки. И не то что въ губки, а въ зубки, которые такъ прелестно всегда выставлялись, точно рядъ хорошенекъ, подобранныхъ жемчужинъ, когда она смѣялась. Она же удивительно часто смѣялась. Иванъ Матвѣичъ называлъ ее, въ ласкательныхъ случаяхъ, своей «миллой цѣлпостью» — названіе въ высшей степени справедливое и характеристичное. Это была дама-конфетка и болѣе ничего. Посему совершенно не понимаю, зачѣмъ вздумалось теперь тому-же самому Ивану Матвѣичу воображать въ своей супругѣ нашу русскую Евгенію Туръ? Во всякомъ случаѣ мой сонъ, если не брать въ расчетъ обезьянъ, произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе, и перебирая въ головѣ, за утренней чашкой чаю, всѣ происшествія вчерашняго дня, я рѣшилъ немедленно зайти къ Еленѣ Ивановнѣ, по дорогѣ на службу, что впрочемъ обязанъ былъ сдѣлать и въ качествѣ домашняго друга.

Въ крошечной комнаткѣ передъ спальней, въ такъ-называемой у нихъ маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у нихъ тоже маленькая, на маленькомъ нарядномъ диванчикѣ, за маленькимъ чайнымъ столикомъ, въ какой-то полувоздушной утренней распахнутой, сидѣла Елена Ивановна и изъ маленькой чашечки, въ которую она обольстительно хороша, но показалось мнѣ тоже и какъ-будто задумчивою.

— Ахъ это вы, шалунъ! встрѣтила она меня съ разсѣянной улыбкой: — садитесь, вѣтренникъ, пейте кофе. Ну что вы вчера дѣлали? Были въ маскарадѣ?

— А развѣ вы были? Я вѣдь не ѣзжу... къ тому же посѣщалъ вчера нашего узника...

Я вздохнулъ и, принимая кофе, сдѣлалъ благочестивую мину.

— Кого? Какого это узника? Ахъ да! Бѣдняжка. Ну что онъ—скачаетъ? А знаете...я хотѣла васъ спросить...Я вѣдь могу теперь просить развода?

— Развода! вскричалъ я въ негодованіи и чуть не пролилъ кофе. «Это черномазенькій!» подумалъ я про-себя, съ яростію.

Существовалъ нѣкто черномазенькій, съ усиками, служившій по строительной части, который слишкомъ ужъ часто похаживалъ къ нимъ и чрезвычайно умѣлъ смѣшить Елену Ивановну. Признаюсь я его ненавидѣлъ, и сомнѣнія не было, что онъ

успѣлъ вчера видѣться съ Еленой Ивановной или въ маскарадѣ, или пожалуй и здѣсь, и наговорилъ ей всякаго вздору!

— Да что-жъ, заторопилась вдругъ Елена Ивановна, точно подученная:—что-жъ онъ тамъ будетъ сидѣть въ крокодилѣ и пожалуй всю жизнь не придетъ, а я здѣсь его дожидайся! Мужъ долженъ дома жить, а не въ крокодилѣ...

— Но вѣдь это непредвидѣнный случай, началъ было я въ весьма понятномъ волненіи.

— Ахъ пѣтъ, не говорите, не хочу, не хочу! закричала она, вдругъ совсѣмъ разсердившись.— Вы вѣчно мнѣ напротивъ, такой негодный! Съ вами ничего не сдѣлаешь, ничего не посоветуете! Мнѣ ужъ чужіе говорятъ, что мнѣ разводъ дадутъ, потому что Иванъ Матвѣичъ теперь уже не будетъ получать жалованья.

— Елена Ивановна! Васъ-ли я слышу? закричалъ я патетически.—Какой злодѣй могъ вамъ это патолковать! Да и разводъ по такой неосновательной причинѣ, какъ жалованіе, совершенно невозможно. А бѣдный, бѣдный Иванъ Матвѣичъ къ вамъ такъ-сказать весь пылаетъ любовью, даже и въ пѣдрахъ чудовища. Мало того—таетъ отъ любви какъ кусочекъ сахару. Еще вчера ввечеру, когда вы веселились въ маскарадѣ, онъ упоминалъ, что въ крайнемъ случаѣ можетъ быть рѣшится выписать васъ, въ качествѣ законной супруги, къ себѣ, въ нѣдра, тѣмъ болѣе, что крокодилъ оказывается весьма помѣстительнымъ не только для двухъ, но даже и для трехъ особъ...

И тутъ я немедленно рассказалъ ей всю эту интересную часть моего вчерашняго разговора съ Иваномъ Матвѣичемъ.

— Какъ, какъ! вскричала она въ удивленіи.— Вы хотите, чтобъ и я также полѣзла туда, къ Ивану Матвѣичу? Вотъ выдумки? Да и какъ я полѣзу, такъ въ шляпкѣ и въ кринолинѣ? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду дѣлать, когда буду туда лѣзть, а на меня еще кто-нибудь пожалуй будетъ смотрѣть... Это смѣшно! И что я тамъ буду кушать?...и...и какъ я тамъ буду когда... ахъ Боже мой, что они выдумали!.. И какія тамъ развлечения?.. Вы говорите, что тамъ гумиластикомъ пахнетъ? И какъ-же я буду, если мы тамъ съ нимъ поссоримся—все-таки рядомъ лежать? Фу, какъ это противно!

— Согласенъ, согласенъ со всѣми этими доводами, милѣйшая Елена Ивановна, прервалъ я, стремясь высказаться съ тѣмъ понятнымъ увлеченіемъ, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ чувствуетъ, что правда на его сторонѣ;—но вы не оцѣнили одного во всемъ этомъ; вы не оцѣнили того, что онъ стало-бытъ безъ васъ жить не можетъ, коли зоветъ туда; значитъ тутъ любовь, любовь страстная, вѣрная, стремящаяся... Вы любви не оцѣнили, милая Елена Ивановна, любви!

— Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только что вымытые

и вычищенные щеточкой розовые ноготки.—Противный! Вы доведете меня до слезъ. Полѣзайте сами, если это вамъ пріятно. Вѣдь вы другъ, ну и ложитесь тамъ съ нимъ рядомъ изъ дружбы, и сиорьте всю жизнь о какихъ-нибудь скучныхъ наукахъ...

— Напрасно вы такъ смѣтаетесь надъ смѣтъ предположеніемъ, съ важностію остановилъ я легкомысленную женщину:—Иванъ Матвѣичъ и безъ того меня звалъ туда. Конечно васъ привлекаетъ туда долгъ, меня-же только одно великодушіе; по рассказывавъ мнѣ вчера о необыкновенной расяжимости крокодиловой, Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ весьма ясный намекъ, что не только вамъ обонмъ, но даже и мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, можно-бы помѣститься съ вами вмѣстѣ, втроемъ, особенно еслибъ я захотѣлъ того, а потому...

— Какъ такъ, втроемъ? вскричала Елена Ивановна, съ удивленіемъ смотря на меня.—Такъ какъ-же мы... такъ всѣ трое и будемъ тамъ вмѣстѣ? Ха-ха-ха! Какіе вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я васъ непременно буду тамъ все время щипать, негодный вы эдакой, ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

И она, откинувшись на спинку дивана, расхоталась до слезинокъ. Все это, и слезы и смѣхъ, было до того обольстительно, что я не вытерпѣлъ и съ увлеченіемъ бросился цаловать у ней ручки, чему она не сопротивлась, хотя и выдрала меня легонько, въ знакъ примиренія, за уши.

За тѣмъ мы оба развеселились и я подробно рассказалъ ей всѣ вчерашніе планы Ивана Матвѣича. Мысль о пріемныхъ вечерахъ и объ открытомъ салонѣ ей очень понравилась.

— Но только надо будетъ очень много новыхъ платьевъ, замѣтила она,—и потому надо, чтобъ Иванъ Матвѣичъ прислалъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше жалованья... Только... только какъ-же это, прибавила она въ раздумьи,—какъ-же это его будутъ приносить ко мнѣ въ ящикъ? Это очень смѣшно. Я не хочу, чтобъ моего мужа носили въ ящикѣ. Мнѣ будетъ очень стыдно предъ гостями... Я не хочу, нѣтъ не хочу...

— Кстати, чтобъ не забыть, былъ у васъ вчера вечеромъ Тимофей Семенычъ?

— Ахъ, былъ; пріѣхалъ утѣшать и вообразите мы съ нимъ все въ свои козыри играли. Онъ на конфекты, а коль я проиграю—онъ мнѣ ручки цалуетъ. Такой негодный, и вообразите чуть было въ маскарадъ со мной не поѣхалъ. Право!

— Увлеченіе! замѣтилъ я,—да и кто не увлечется вами, обольстительная!

— Ну ужъ вы, поѣхали съ вашими комплиментами! Пойдите я васъ уцѣплю на дорогу. Я ужасно хорошо влучилась теперь щипаться. Ну что, каково! Да, кстати, вы говорите Иванъ Матвѣичъ часто обо мнѣ вчера говорилъ?

— Н-и-нѣтъ, не то чтобы очень... Признаюсь вамъ, онъ болѣе думаетъ теперь о судьбахъ всего человѣчества и хочетъ...

— Ну и пусть его! Не договаривайте! Вѣрно скука

ужасная. Я какъ-нибудь его навѣщу. Завтра непременно поѣду. Только не сегодня; голова болитъ а къ тому-же тамъ будетъ такъ много публики... Скажутъ: это жена его, пристыждать... Прощайте. Вечеромъ вы вѣдь... тамъ?

— У него, у него. Велѣлъ пріѣзжать и газетъ привезти.

— Ну вотъ и славно. И ступайте къ нему и читайте. А ко мнѣ сегодня не заѣзжайте. Я нездорова, а можетъ и въ гости поѣду. Ну прощайте, шалунъ.

«Это черномазенькій у ней будетъ вечеромъ», — подумалъ я про-себя.

Въ канцеляріи я разумѣется не подалъ и виду, что меня пожираютъ такія заботы и хлопоты. Но вскорѣ замѣтилъ я, что нѣкоторые изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ нашихъ какъ-то особенно скоро переходили въ это утро изъ рукъ въ руки моихъ сослуживцевъ и прочитывались съ чрезвычайно серьезными выраженіями лицъ. Первая попавшаяся мнѣ была — «Листокъ», газетка безъ всякаго особаго направленія, а такъ только вообще гуманная, — за что ее преимущественно у насъ презирали, хотя и прочитывали. Не безъ удивленія прочелъ я въ ней слѣдующее.

«Вчера въ нашей обширной и украшенной великолѣпными зданіями столицѣ распространились чрезвычайные слухи. Нѣкто N., извѣстный гастронормъ изъ высшаго общества, вѣроятно наскучивъ кухней Бореля и —скаго клуба, вошелъ въ зданіе Пассажа, въ то мѣсто, гдѣ показывается огромный, только-что привезенный въ столицу крокодилъ, и потребовалъ, чтобъ ему изготовили его на обѣдъ. Сторговавшись съ хозяиномъ, онъ тутъ же принялся пожирать его (т. е. не хозяина, весьма смирнаго и склоннаго къ аккуратности нѣмца, а его крокодила)—еще живьемъ, отрѣзая сочные куски перочиннымъ ножикомъ и глотая ихъ съ чрезвычайно поспѣшностью. Мало-по-малу весь крокодилъ исчезъ въ его тучныхъ нѣдрахъ, такъ что онъ собирался даже приняться за ихневмона, постоянного спутника крокодилова, вѣроятно полагая, что и тотъ будетъ такъ же вкусенъ. Мы вовсе не противъ сего новаго продукта, давно уже извѣстнаго иностраннымъ гастрономамъ. Мы даже предсказывали это напередъ. Англійскіе лорды и путешественники ловятъ въ Египтѣ крокодиловъ цѣлыми партіями и употребляютъ хребетъ чудовища, въ видѣ бифштекса, съ горчицей, лукомъ и картофелемъ. Французы наѣхавшіе съ Лессепсомъ предпочитаютъ лапы, спеченныя въ горячей золѣ, что дѣлаютъ впрочемъ въ пикъ англичанамъ, которые надъ ними смѣются. Вѣроятно у насъ опѣнять то и другое. Съ своей стороны мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу не достаетъ нашему сплному и разнообразному отечеству. Вслѣдъ за симъ первымъ крокодиломъ, исчезнувшимъ въ нѣдрахъ петербургскаго гастронома, вѣроятно не пройдетъ и года, какъ навезутъ ихъ къ намъ сотнями. И почему

бы не акклиматизировать крокодила у насъ въ Россіи? Если невская вода слишкомъ холодна для сихъ интересныхъ чужестранцевъ, то въ столицѣ имѣются пруды, а за городомъ рѣчки и озера. Почему бы напримѣръ не развести крокодиловъ въ Парголово или въ Павловскѣ, въ Москвѣ же въ Прѣсенскихъ прудахъ и въ Самотекѣ? Доставляя пріятную и здоровую пищу нашимъ утонченнымъ гастрономамъ, они въ то же время могли бы увеселять гуляющихъ на сихъ прудахъ дамъ и поучать собою дѣтей естественной исторіи. Изъ крокодиловой кожи можно бы было готовить футляры, чемоданы, папиросницы и бумажники, и можетъ быть не одна русская купеческая тысяча въ засаленныхъ кредиткахъ, преимущественно предпочитаемыхъ купцами, улеглась бы въ крокодиловой кожѣ. Надѣмся еще не разъ возвратиться къ этому интересному предмету.»

Я хоть и предчувствовалъ что нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ не менѣе опрометчивость извѣстія смутила меня. Не находя съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, я обратился къ сидѣвшему напротивъ меня Прохору Савичу и замѣтилъ, что тотъ уже давно слѣдилъ за мною глазами, а въ рукахъ держалъ «Волосъ», какъ бы готовясь мнѣ передать его. Молча принялъ онъ отъ меня «Листокъ» и, передавая мнѣ «Волосъ», крѣпко отчеркнулъ ногтемъ статью, на которую вѣроятно хотѣлъ обратить мое вниманіе. Этотъ Прохоръ Савичъ былъ у насъ престранный человѣкъ: молчаливый старый холостякъ, онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не вступалъ ни въ какія сношенія, почти ни съ кѣмъ не говорилъ въ канцеляріи, всегда и обо всемъ имѣлъ свое собственное мнѣніе, но терпѣть не могъ кому нибудь сообщать его. Жилъ онъ одиноко. Въ квартирѣ его почти никто изъ насъ не былъ.

Вотъ что я прочелъ въ показанномъ мѣстѣ «Волоса.»

«Всѣмъ извѣстно, что мы прогрессивны и гуманны и хотимъ угоняться въ этомъ за Европой. Но не смотря на всѣ наши старанія и на усилія нашей газеты, мы еще далеко не «созрѣли», какъ о томъ свидѣтельствуетъ возмутительный фактъ, случившійся вчера въ Пассажѣ и о которомъ мы заранѣе предсказывали. Пріѣзжаетъ въ столицу иностранецъ-собственникъ и привозитъ съ собой крокодила, котораго и начинаетъ показывать въ Пассажѣ публикѣ. Мы тотчасъ же поспѣшили прилѣтсвовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще не достаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Какъ вдругъ вчера, въ половинѣятаго пополудни, въ магазинъ иностранца-собственника является нѣкто необычайной толщины и въ нетрезвомъ видѣ, платитъ за входъ и тотчасъ же, безъ всякаго предувѣдомленія, лѣзетъ въ пасть крокодила, который разумѣется принужденъ былъ проглотить его, хотя бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не подавиться. Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомецъ тотчасъ же засыпаетъ. Ни крики иностранца-соб-

стевенника; ни вопли его испуганнаго семейства, ни угрозы обратиться къ полиціи не оказываютъ никакого впечатлѣнія. Изъ внутри крокодила слышенъ лишь хохотъ и обѣщаніе расправиться розгами (sic), а бѣдное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливаетъ слезы. Незванный гость хуже татарина, но не смотря на пословицу, нахальный посѣтитель выходитъ не хочетъ. Не знаемъ какъ и объяснить подобныя варварскіе факты, свидѣтельствующіе о нашей незрѣлости и марающие насъ въ глаза иностранцевъ. Размахистость русской натуры нашла себѣ достойное примѣненіе. Спрашивается, чего хотѣлось непрошеному посѣтителю? Теплаго и комфортаго помѣщенія? Но въ столицѣ существуетъ много прекрасныхъ домовъ, съ дешевыми и весьма комфортабильными квартирами, съ проведенной неводой и съ освѣщенной газомъ лѣстницей, при которой заводится нерѣдко отъ хозяевъ швейцаръ. Обращаемъ еще вниманіе нашихъ читателей и на самое варварство обращенія съ домашними животными: забьемъ крокодила, разумѣется, трудно переварить подобную массу разомъ и теперь онъ лежитъ, раздутый горой, и въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти. Въ Европѣ давно уже преслѣдуютъ судомъ обращающихся негуманно съ домашними животными. Но не смотря на европейское освѣщеніе, на европейскіе тротуары, на европейскую постройку домовъ, намъ еще долго не отстать отъ завѣтныхъ нашихъ предразсудковъ.

Дома новы, по предразсудки стары —

и даже и дома-то не новы, по крайней мѣрѣ лѣстницы. Мы уже не разъ упоминали въ нашей газетѣ, что на Петербургской сторонѣ, въ домѣ купца Лукьянова, забѣжныя ступеньки деревянной лѣстницы сгнили, провалились и давно уже представляютъ опасность для находящейся у него въ услуженіи солдатки Афімьи Скапидаровой, принужденной часто всходить на лѣстницу съ водою

или съ охабкою дровъ. Наконецъ предсказанія наши оправдались: вчера вечеромъ, въ половинѣ двятаго пополудни, солдатка Афімья Скапидарова провалилась съ суповой чашкой и сломала-таки себѣ ногу. Не знаемъ, почиитъ ли теперь Лукьяновъ свою лѣстницу; русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но жертва русскаго авось уже свезена въ больницу. Точно такъ же не устанемъ мы утверждать, что дворники, считающіе на Выборской съ деревянныхъ тротуаровъ грязь, не должны пачкать ноги прохожихъ, а должны складывать грязь въ кучки, подобно тому, какъ въ Европѣ при очищеніи сапоговъ и т. д., и т. д.»

— Что же это, сказалъ я, смотря въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Прохора Савича, — что же это такое?

— А что-съ?

— Да помилуйте, чѣмъ бы объ Иванѣ Матвѣичѣ пожалѣть, жалѣютъ о крокодилѣ.

— А что же-съ? Звѣря даже, *млекопитающаго*, и того пожалѣли. Чѣмъ же не Европа-съ? Тамъ тоже крокодиловъ очень жалѣютъ. Хи-хи-хи!

Сказавъ это, чудакъ Прохоръ Савичъ уткнулся въ свои бумаги и уже не промолвилъ болѣе ни слова.

«Волосъ» и «Листокъ» я спряталъ въ карманъ, да кромѣ того набралъ для вечерняго развлеченія Ивану Матвѣичу старыхъ «Извѣстій» и «Волосовъ» сколько могъ найти, и хотя до вечера было еще далеко, но на этотъ разъ я пораньше улизнулъ изъ канцеляріи, чтобъ побывать въ Пассажѣ и хотъ издали посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подслушать разныя мнѣнія и направленія. Предчувствовалъ я, что тамъ цѣлая давка и на всякій случай плотнѣе завернулъ лицо въ воротникъ шинеля, потому что мнѣ было чего-то немного стыдно — до того мы не привыкли къ публичности. Но чувствую, что я не въ правѣ передавать собственныя, прозаическія мои ощущенія въ виду такого замѣчательнаго и оригинальнаго событія.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ

РАЗСКАЗЪ.

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимою, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на Петербургской сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ-же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти-пяти, праздновалъ свое новоселье въ только что купленномъ домѣ, а кстаті ужъ и день своего рожденія, который тутъ же пришлось и котораго онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли было только двое гостей, оба прежніе сослуживцы г-на Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шпигуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пращинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушать чай, потомъ припились за вино и знали, что ровно въ половинѣ двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: началъ онъ свою карьеру мелкимъ несобезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ-пять сряду, очень хорошо зналъ до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже двѣ, и особенно не любилъ высказывать по какому бы то ни было поводу свое собственное личное мнѣніе. Былъ онъ и честенъ, то есть ему не при-

шлось сдѣлать чего нибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ: особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее перяшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой то сладкій, лѣпный комфортъ и систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бываетъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолodu терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ граць-насъ-якъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выдержанной, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго строгаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ-то засѣдалъ и что то подписывалъ. Однимъ словомъ его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать одно горячее желаніе: это—имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на канительную ногу. Желаніе его наконецъ осуществилось: онъ пригляделъ и купилъ домъ на Петербургской сторонѣ, правда далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ кому нибудь или въ должность, на то была у него прекрасная двумѣстная карета шоколаднаго цвѣту, кучеръ Михай и двѣ маленькія, но крѣпкія и красивыя лошади. Все это было благопріобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономіей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, приобрѣтя домъ и переехавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ даже гостей на свое рожденіе, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ

онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно также выстроенный и расположенный, понадобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановича на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человѣкъ тоже туго и долговременно пробивавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ отѣнкомъ постоянного разлитія желчи въ физиономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ до чего онъ дойдетъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемя мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ желчи, но особенно не тревожился: онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снизошелъ до г. Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ о его превосходительствѣ г. Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ былъ генераль молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностію въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глупъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатъ и батистъ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хоть вынесъ изъ него не много познаній, но на службѣ успѣлъ и дотянулъ до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣловаго и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣетъ состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осанкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слыш-

комъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянья. Съ горечью и съ тайной запозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь *une existence manquée*, переставалъ вѣрить, разумѣлся про себя, даже въ свои парламентскія способности, называя себя парлеромъ, фразеромъ и хотя все это конечно приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять поднимать свою голову и тѣмъ упоритѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ таилъ про себя свои неопредѣленные мечты и надежды. Однимъ словомъ человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненные минуты разочарованія стали было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорить на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему стило. Въ этотъ-же вечеръ, выпивъ бокала четыре онъ особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горячился и въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ бы слѣдовало пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ же добавлялъ его бокалъ, что неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе что Семенъ Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ же съ боку прековарно молчалъ и чаще чѣмъ бы слѣдовало улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку» мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность первое дѣло,

гуманность съ подчиненными, памятуя, что и они человеки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! послышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что же однакожь вы насъ такъ распекаете, возразилъ наконецъ Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могъ взять въ толкъ, что вы изволили объяснять. Выставляете гуманность. Это значитъ человеколюбие, что ли?

— Да пожалуй хоть и человеколюбие. Я...

— Позвольте-съ Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Человеколюбие всегда слѣдовало. Реформа-же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и все вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія такъ сказать колебанья. Вотъ мы про что опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже-съ, замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить, Семенъ Ивановичъ, что я отиудъ не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезъ-чуръ рѣзко замѣтилъ Иванъ Ильичъ:—но однакожь все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ, Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли...

— Непонялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность говорю я, можетъ послужить такъ сказать краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно меня любить. Меня любить, стало быть чувствуютъ доверенность. Чувствуютъ доверенность, стало быть вѣруютъ; вѣруютъ стало быть любить... т. е. нѣтъ, я хочу сказать если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ такъ сказать самую суть дѣла, такъ сказать обнимутся нравственно и рѣшатъ все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь, Семенъ Ивановичъ? непонятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется я немного лишнее выпилъ, замѣтилъ ядовито Семенъ Ивановичъ: — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затмѣніе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ послѣ легкаго раздумья.

— То есть какъ это не выдержимъ? спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанію Степана Никифоровича.

— Такъ не выдержимъ. Степанъ Никифоровичъ очевидно не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не на счетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ прониіи возразилъ Иванъ Ильичъ.—Ну, нѣтъ-съ; за себя то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцати.

— Сидятъ, сидятъ да и ѣдутъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ, приготавливаясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ же, Семенъ Ивановичъ, подумаете? сказалъ Степанъ Никифоровичъ провожая гостей.

— На счетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ г. Пралинскій съ нѣкоторымъ занескиваніемъ и погрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ будто забываютъ.

Степанъ Никифоровичъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семенъ Ивановичъ торопливо откланился.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, рѣшилъ про себя г. Пралинскій и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифоровичу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорогую шубу, стараясь для чего-то не замѣчать истасканнаго енота Семена Ивановича и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ будто обидился, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ не казистымъ жеребчикомъ.

— Кой чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ не видя своего экипажа.

Туда-сюда,—кареты не было. Человекъ Степана Никифоровича не имѣлъ объ ней понятія. Обратился къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ г. Шпунленко:—хотите доведу?

— Подлецъ-народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ г. Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на Петербургской, какая-то кума замужъ идтъ, чортъ ее дерп. Я настрого запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣйствительно, замѣтилъ Варламъ, поѣхалъ туда-съ; да общалъ въ одну минуту обернуться, къ самому то-есть времени быть.

— Ну такъ! я какъ будто предчувствовалъ! ужъ я-жъ его!

— А вы лучше поѣдите его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять при-

казанья, сказалъ Сементъ Иванычъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуйста не беспокоитесь, Сементъ Иванычъ!

— Такъ не хотите, доведу.

— Счастливый путь, могой.

Сементъ Иванычъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Идти ужь, я-жъ тебя теперь мошенники! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что баринъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужь очень онъ былъ разбѣшенъ и въ добавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ неспящий, и потому какія нибудь пять шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была воспитательная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ пройдя шаговъ пятьдесятъ почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Къ тому же люди подъ хмѣлькомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, думалъ онъ про себя: и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Чтожъ? на Большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть мелкота живетъ, чиновники... купцы можетъ быть... этотъ Стенанъ Никифоровичъ! и какіе всѣ они реготрады, старые колпаки! Именно колпакъ, c'est le mot. Впрочемъ онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon sens, трезвос, практическое пониманіе вещей. Но за то старики, старпки! Идти этого... какъ бинъ его! — Ну да чего-то идти... Невыдержимъ! что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ впрочемъ меня совсѣмъ не понималъ. А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуманность... человѣколюбіе. Возвратить человѣка самому себѣ... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется ясно! Да-съ! Ужъ это позволяете ваше превосходительство, возьмите слогазмъ: мы встрѣчаемъ напиримѣръ чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: Какой ты чиновникъ? отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ, — Служимъ? Служу! — Хочешь быть счастливымъ? Хочу. — Что надобно для счастья? То-то и то-то. — Почему? потому... И вотъ человѣкъ меня понимаетъ съ двухъ словъ: человѣкъ мой, человѣкъ уловленъ такъ сказать сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ

все что хочу, то есть для его же блага. Сѣверный человѣкъ этотъ Сементъ Иванычъ! и какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Идти врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифона словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ и будетъ чувствовать. Пасячь розогъ, гм... вопросъ нерѣшенный, гм... А не захватить ли къ Эмерасъ? Фу ты чортъ, проклятые мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ остушившись. И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм. Пенавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обвинутся нравственно. Ну и обвинутся, а тебѣ что за дѣло? Ужъ тебя-то не обвину; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ я былъ пьянъ и можетъ быть не такъ выражался. Я и теперь можетъ быть не такъ выражаюсь... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаиваешься. Чтожъ, я вѣдь не шатаюсь идущу... А впрочемъ всѣ они мошенники!

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывисто и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и такъ сказать раскачалъ его. Минутъ черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большаго проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрипѣлъ контръ-басъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотивъ. Подъ окнами стояла публка, больше женщины въ ватныхъ салонахъ и въ платкахъ на головѣ; онѣ напирягали всѣ успія, чтобы разглядѣть что нибудь сквозь щели ставенъ. Видно весело было. Гулъ отъ толпы тащущихся достигаеъ другой стороны улицы Иванъ Ильичъ невадалекъ отъ себя замѣтилъ городского и подошелъ къ нему.

— Чей это братецъ домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорожную шубу, ровно на столько, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, легистратора, отвѣчалъ выпрямившись городской, многомъ удивленный разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? ба! Пселдонимова!.. Чтожъ онъ женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невестой пхней идетъ-съ.

— Такъ что теперь ужь это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ.

— Пселдонимова, ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генераль надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служилъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Горо-

довой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминалъ это. Это былъ маленькій чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованья. Такъ какъ г. Пралинскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и не помнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамилии. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же любопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамилии повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человека, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ блѣдыми и клочковатыми волосами, худосочнаго и худы-кормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлитъ ли бѣдняку рублей десятка къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постыло; а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о свадьбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами; это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка съострилъ надъ столкновеніемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитасвой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевести все эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать, то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являлись, а у всякаго есть. Разумѣется ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что же! мелькало въ его головѣ:—вотъ мы все говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла и только шипъ выходить. Вотъ примѣръ; хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ пріѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его

жизни... Теперь онъ возпитъ съ гостями, задаетъ пиръ—скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ еслибъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ было? Нѣтъ, чтобы съ нимъ было, еслибъ я теперь же вдругъ взялъ и вошелъ? гм... Разумѣется сначала онъ испугался бы, опѣмѣлъ бы отъ замѣшательства. Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы можетъ быть все... Да, такъ и было бы, еслибъ вошелъ всякій другой генералъ; но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы все причмъ о гуманности, но героизма, подвига, мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? такого. Разсудите-ка: при те-перешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго, регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это—колоращеніе идей, послѣдній день Номпен, сумбуръ! Этого нѣко не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умереть—не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: не выдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обрашу послѣдній день Номпен въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій—въ нормальный, патріархальный, высочій и нравственный. Какъ? такъ. Извольте прислушаться...

Ну... вотъ я положимъ вхожу:—они изумляются, прерываютъ танцы, смотрятъ дико, пьются. Такъ-съ, но тутъ-то я и выказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степанъ Никифоровича. Полагаю знаешь, здѣсь, по сосѣдству...» Ну, тутъ слегка въ смѣшномъ этакъ видѣ рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошелъ пѣшкомъ... «Ну—слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю зайду къ подчиненному, посмотрю какъ мои чиновники веселятся и... женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!» Прогонишь! Каково словечко, для подчиненнаго! Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенія, не сообразится даже на первый разъ...

Ну что можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошелъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Гм... Объ чемъ били я думалъ? да!

Ну ужъ конечно они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой нибудь тамъ титулярный, аля родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ

краснымъ носомъ... Славпо этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь, разумѣется, съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы, остроу, смѣюсь, однимъ словомъ—я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм... то-то и есть, что я все еще, кажется, не много того... т. е. не пьянъ, а такъ...

Разумѣется я, какъ джентльменъ, на равной съ ними ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно дѣло другое: они поймутъ и оцѣнятъ... Мой поступокъ воскресить въ нихъ все благодѣтельство... Ну и силу полчася... Даже часъ. Уйду разумѣется передъ самымъ ужнымъ, а ужъ они-то захлопочутъ, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланятся будутъ, но я только выпью бокалъ, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу:—дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же стануть почтительно строгія лица. Этимъ я деликатно напому, что они и я, это разница-сь. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ это внушать, но падо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ я тотчасъ же улынусь, даже посмѣюсь пожалуй и потомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм... даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну и всѣ захохочутъ, молодая покраснѣетъ; я съ чувствомъ поцалую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и на завтра, въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра олопять взыскателевъ, даже неумолимъ, но всѣ снѣ уже знаютъ кто я такой. Душу мою знаютъ, тутъ мою знаютъ: «Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человѣкъ—онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ меленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не придетъ; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти... Нутка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ...

Да знаете ли вы, понимаете ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ пировалъ и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти дѣти, будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду удостоенъ ихъ... и т. д. и т. д. Да вѣдь я униженного нравственно подыму, я самому себѣ его возвращаю... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность приобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ—

(господа, мало ли что человѣкъ говоритъ иногда про себя, да еще пѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ можетъ и ограничился бы этими мечтательными и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славпо бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновеніе въ настроеніи воображеніи его, нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ свысока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу, въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Пселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хотъ и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ колошахъ, попасть лѣвой ногой въ галантиръ, выставленный для остуженія. Иванъ Ильичъ нагнулся и посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы очевидно съ бламанже. Раздавленный галантиръ его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновеніе у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и колошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрабасъ, всего четыре человѣка, взятые разумѣется съ улицы. Они сидѣли за некрашенымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали какъ

эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно чрезвычайно развязнаго и даже растегнувагося чело-вѣка: «Кавалеры впередъ, шенъ де дамъ, балаесе!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ онъ ужъ и не разсуждалъ...

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвший его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно-визгливымъ голосомъ прокричалъ прелестая и приточивая вмѣстѣ съ другими: «Э-э-эхъ Пселдонимуска!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно полъ навозили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ не очень малой, было чело-вѣкъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадрили кончилась и почти тотчасъ же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошолъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопотъ. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчаншихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усѣянное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папиросъ. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой чело-вѣкъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобы дать ей пинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ тоже мгновение почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ; онъ почувствовалъ тоже, что жожетъ быть дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше превосходительство!.. пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну то-то. Я братъ къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Пселдонимовъ очевидно ничего не могъ пред-

ставить. Онъ стоялъ выпучивъ глаза въ ужа-сающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гостя принимай!.. продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій расказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе не возможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужъ не помѣшалъ ли чему... я уйду! едва выговорилъ онъ и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... бормоталъ онъ, уторопленно кланяясь: — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ скрючившись стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не пошмающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно его гарушъ-аль-ранпдское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестся подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцелярѣ, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зпалъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу рукъ, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ такъ сказать не второе, а уже третье лицо. Съ разсказомъ можно было обратиться прямо къ столбначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А расказъ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домохадцы и чуть не влѣзаютъ другъ на друга, чтобы его поглядѣть и послушать. Скверно

было то, что столоначальникъ по глупости своей все еще не садился.

— Что же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, не ловко указывая ему подлѣ себя на диванѣ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно остававшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *а* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ; дѣйствовала какая-то вишняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только-что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали можете-быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой коммисіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слышать-съ.»

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ на одинъ мигъ для приличія и для принужденности обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ отпѣкивался по скупости, хе-хе! а теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ пожалуй догадывается, что онъ, въ эту минуту необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе! Акимъ Петровичъ почтительно подвѣлъ брови.

— Только дѣло не въ этомъ. Прощаясь съ нимъ наконецъ, старикъ акуратный, ложится рано, знаете, въ старости. Выхожу... пѣтъ моего Трифона! Тревожусь, разспрашиваю: Куда дѣвалъ Трифонъ карету? Открывается, что онъ, понадѣясь, что я заспжусь, отпирался на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужъ Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на Петербургской. Да и карету ужъ кстатѣ съ собою захватилъ.—Генералъ опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ какъ надобно

было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ» промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошелъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе.... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю добреду до Большаго проспекта, да и найду какогонибудь Ваньку... хе-хе!

— Хп-хи-хи! почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошелъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся, и строго посмотрѣлъ на лампу, но генералъ даже не обратилъ вниманія и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топотъ, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю Петербургскую сторону балы задаешь? ха-ха, вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хп-хи-хи! да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глуше было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, что ли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ-то бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ. «Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуйста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть»...

Но мало-помалу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ услащеннымъ видомъ: «Дескать можете ли наше превосходительство помѣшать?» Всѣ гости пошевелились и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ ппхъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ истертomъ бархатномъ платьѣ что-то нарочно громко проговорила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и два-три студента, переглядывались, какъ бы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и даже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ по немного приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить какъ твое имя и отчество? спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, точно на смотря.

— Познакомь же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе встать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только-что услышала, что о ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались, давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ поклономъ:— и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шармѣ, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ, смотрѣли пристально и даже съ оттыкомъ какой-то злости. Очевидно Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыплячье, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не сумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, продолжалъ онъ, въ полголоса, какъ будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожь, во что бы ни стало надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

— Однако парочка! подумалъ онъ. Впрочемъ...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только да и нѣтъ, да и тѣхъ правда вполне не получилъ.

«Хоть бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное». И Акимъ Петровичъ какъ нарочно тоже молчалъ, хотъ и по глушости, но все же было неизвѣнительно. «Господа! ужъ я не помѣналъ ли вашимъ удовольствіямъ?» обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣюгъ.

— Нѣтъ-съ... Не беспокойтесь, ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохладяемся-съ, отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ, и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ и казалось еще болѣе, чѣмъ прежде выставляя свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ

лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большемъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бокала, ни больше, ни меньше. Бутылка очевидно назначалась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина прямо приблизилась къ генералу.

— Ужъ не взныщите, ваше превосходительство, сказала она кланяясь, а ужъ коль не погнушались нами, оказали честь къ сыпочку на свадьбу пожаловать, такъ ужъ просимъ милости поздравьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ро-ди-тель-ница вашего сы-на, сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, промямилъ Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте, ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскокнвшій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокалъ.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ, что могу... при семъ за-свидѣтельствовать... Однимъ словомъ, какъ началъ-ниги... желаю вамъ сударыня (онъ обратился къ новобрачной) и тебѣ, мой другъ Порфирій—желаю полного, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокалъ, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ началъ мучительно его ненавидѣть.

— Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчитъ. Ну, чтобы хотъ ему прокричать: ура! И пошло бы, и пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и поз-

дравьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику.—Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прощу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

— А вѣдь какія славныя эти русскія старухи! подумалъ Иванъ Ильичъ. Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще поднось. Несла дѣвка, въ шумящемъ, еще немытомъ ситцевомъ платѣ и въ криполинѣ. Она едва обхватывала поднось руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч. и проч. Поднось стоялъ до сихъ поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ яствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторяла кланяясь старуха.

— Помилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ съ улыбкой, обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Костенькинычъ смѣшнѣе, отвѣчала она потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурнаго собой, спрятавшагося на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго m-me Пселдонимовой. Юноша привсталъ. Онъ по видимому былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, пробормоталъ онъ, какъ будто извинясь.

— Про какой-же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если г. Панаева во снѣ увидѣтъ-съ, то это значить кофеемъ манишку залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобою Иванъ Ильичъ. Молодой человекъ хотъ и очень раздумываясь говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что рассказалъ про г. Панаева.

— Ну да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Ибѣтъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ подлѣ самаго Ивана Ильича:—новый лексиконъ издается, такъ говорятъ г. Краевскій будетъ писать статьи, Альфераки... и абличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не конфузный, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцевалъ, смотрѣлъ высокомер-

но, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала «Головешка», задавалъ тону и попалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Пселдонимовымъ, съ которымъ былъ на ты и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки «въ углахъ». Водку онъ однакожъ пилъ и уже неоднократно, для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнату, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, съ радостью перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, рассказавшій про манишку, и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью:—потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается будто бы г. Краевскій правописанія не знаетъ и думаетъ что «абличительную литературу» надобно писать абличительная литература...

Но бѣдный юноша едва закончилъ. Онъ по глазамъ увидалъ, что генералъ давно уже это знаетъ, потому что самъ генералъ тоже какъ будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступеваться и потому все остальное время былъ очень грустенъ. Взамѣнъ того развязный сотрудникъ «Головешки» подошелъ еще ближе и казалось намѣревался гдѣнибудь по близости сѣсть. Такая развязность показалась Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! скажи пожалуйста Порфирій, началъ онъ, чтобы что нибудь говорить:—почему—я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично—почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты навѣрное Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали-съ, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ, отозвался Акимъ Петровичъ. Это бываетъ-съ.

— Неп-ре-мѣнно, съ жаромъ подхватилъ генералъ:—неп-ре-мѣн-но, потому сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну, а Пселдонимовъ, ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То-есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ; по глупости измѣняетъ иногда литеры-съ и выговариваетъ иногда по своему-съ. Напримѣръ говорятъ невалидъ, а надо бы сказать инвалидъ-съ.

— Ну да.., невалидъ, хе, хе, хе...

— Мумеръ тоже говорятъ, ваше превосходительство, брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То-есть какъ это мумеръ?

— Мумеръ, вмѣсто нумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ да, мумеръ... вмѣсто нумеръ... Ну да,

да... хе, хе, хе!.. Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, ввязался было сотрудникъ «Головешки». Но его превосходительство постарался этого ужъ не разслышать. Нѣ для всѣхъ же было хихикать.

— *Нимо* вмѣсто *мимо*, приставалъ «сотрудникъ», съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталь? шепнулъ Пселдонимовъ «сотруднику».

— Да чтожъ это, я разговариваю. Нельзя чтоль и говорить, заспорилъ было тотъ шопотомъ, но однакожъ замолчалъ, и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнатку, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще сначала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою скатертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра ломтиками и бутылка крѣпчайшаго хереса изъ національнаго погребка. Со злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, первый танцоръ и канканеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ торопливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начнутъ! проговорилъ онъ наскоро распоряжаясь. — Приходи смотрѣть: соло сдѣлаю верхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеонатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчалъ сотрудникъ выпивая рюмку.

— Кто ретроградъ!

— Да вотъ, особа-то, передъ которой постилу поставили. Ретроградъ! я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! пробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритуфель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ себѣ еще, для большаго куража и независимости, выпилъ, закусилъ и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ «Головешки» особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничево не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капиталѣйшаго обстоятельства, пмѣвшаго вліяніе на всѣ дальѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ; всѣ успокоились и готовы были ве-

селиться, хохотать, визжать и плясать, точно также, какъ еслибы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шопотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того-.. подъ-шефе. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-по-малу стало какъ будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торопился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ повобрачной, пытаясь въ этотъ разъ донять ее какимъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ, и съ размаху сталъ на одно колѣно. Она тотчасъ же вскочила съ дивана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ-будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она во всемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ:—да и приличій они не знаютъ. Гм... ты бы, братъ, Порфирій, не перемонился, обратился онъ къ Пселдонимову. Можетъ у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряженій... пли тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся.—Что онъ сторожитъ что ли меня? прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ, все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадрили началась.

— Прикажете, ваше превосходительство, спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я право не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно-сіяющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокалъ онъ какъ-будто украдкой, какъ-будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ въ самомъ дѣлѣ заговорить? а развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было, что тотъ налилъ,—не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старикъ самому хочется выпить, подумалъ Иванъ Ильичъ, — а безъ меня не смѣетъ. Не за-

держивать же... Да и смѣшно, если бутылка такъ простоятъ между нами.

Онъ прихлебнулъ и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удареніями: — я вѣдь здѣсь, такъ-сказать, случайно и конечно можетъ быть иные найдутъ... что мнѣ... такъ сказать, не-при-лично быть на такомъ... собраніи.

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкимъ любопытствомъ.

— Но я надѣюсь вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не вино же въ самомъ дѣлѣ я пить пришелъ. Хе, хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы такъ сказать ободрить... показать такъ сказать нравственную, такъ сказать, цѣль, продолжалъ Иванъ Ильичъ досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ посиѣвши еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлил снова.

— А немного-жъ у тебя ресурсовъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ не подымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненные минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человекъ смиренный какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣанный на подобострастіи и между тѣмъ человекъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. Въ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ сужень Петербургомъ, и главное мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копѣчнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованья. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русской пѣсни, кромѣ «лучинушки», да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ есть два существенные и неизбежные признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ: «Петербургскія вѣдомости» а всегда говорятъ: «Академическія вѣдомости». Второй, одинаково существенный признакъ, состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово: «завтракъ», а всег-

да говорить: «фрыштикъ», особенно напирая на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ признакамъ вы ихъ различите; однимъ словомъ это типъ смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣдніе тридцать-пять лѣтъ. Впрочемъ Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генералъ объ чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы, хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходительства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье, и въ какое-то коловращеніе идей; въ разсѣянности онъ непримѣтно но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣе ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердець, чтобы веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного; не ловкіе такъ сильно притоптывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался во-первыхъ, офицеръ: онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, въ родѣ соло. Тутъ онъ удивительно изгибался, а именно: весь, прямой какъ верста, онъ вдругъ склонялся на бокъ, такъ что вотъ думаешь упадетъ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцевалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фигуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была тапцовать одна. Молодой регистраторъ, отилясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадрилихъ, которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывалъ все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа, и налету, при переходѣ визави, успѣвалъ влѣпять въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама же впереди его, плыла какъ будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соло вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, топотъ и взвизги удовольствія. Однимъ словомъ непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-по-малу какос то горькое сомнѣніе начало закрадываться въ его душу: конечно онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее, эту развязность, когда они всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить

изъ границъ. Одна дама напрімѣръ, въ истертомъ синемъ бархатномъ платьѣ, перскупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ зашпилила свое платье булавками, такъ что выходило какъ будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженію ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какъ же это? То пѣтилпсь, а тутъ вдругъ такъ скоро эманципировались! Кажись бы и ничего, но какъ-то страшенъ былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и забыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется онъ хохоталъ первый, и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя впрочемъ съ видимымъ удовольствіемъ, и не подозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человѣкъ, танцуете, припужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только что кончилась кадрили.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу, и приблизилъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличія расстояние, во все горло прокричалъ пѣтухомъ. Это уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохоту, потому что крикъ пѣтуха былъ удивительно натураленъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ въ недоумѣній, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ, и кланяясь сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она кланяясь:—окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я право не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ:—я вѣдь не для того... я... хотѣлъ было ужъ идти...

Дѣйствительно онъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же, въ это самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, во что бы то ни стало уйти и ни за что не оставаться н... и остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно положеніе его стало все болѣе и болѣе эксцентричнымъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ Богъ

знаетъ что произошло въ какой нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ такъ сказать простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жепу его и свадьбу его. Мало того: онъ по лицу по глазамъ однимъ видѣлъ, что я самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ чуть-чуть не говоря: «А чтобъ ты провалился; проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, сердце... оно ныло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужъ добрый человѣкъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно бы надо было уйти, и не только уйти, но даже спастись. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

— Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ за тѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая селедку. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилось мгновеніемъ пропія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ непонимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, недокончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ, что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ напрімѣръ завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семенъ Ивановичъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубинныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обпаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они дажи не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? они такъ развязны, какъ будто безчувственные... Да, я давно подозрѣвалъ все молодое поколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, во что бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ... Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величій Россіи... я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть еще совершенно ничего не потеряно... Можетъ быть такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними начать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой пріемъ пзобрѣсть? теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ?.. Я вижу они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, Господи-Боже! Да чего мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не уйду, чего добиваюсь?.. Онъ

думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокий, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужъ такъ и шло, одно къ другому.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, т. е. не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиной тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ, и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣетъ окончательно. Конечно куражу прибавилось много, но сознание не оставляло его и кричало ему: «пехорошо, очень пехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, ниспроверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. «Что скажутъ? чѣмъ это кончится? что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться.

— И за что! за что! думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстились всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, упалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самого окончанія ужина. Другой хотѣлъ непременно влѣсть на столъ и провозгласить тостъ, и только офицеръ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночинный, хотя и нанимался для него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала: былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ наконецъ гусь, и подъ-конецъ всего бламанже. Изъ винъ было: пиво, водка и хересъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственной своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для тостовъ же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ сто-

ловъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ пошелъ даже ломберный. Накрытъ онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли въ перемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣть за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, непоказывавшаяся прежде, въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти наконецъ изъ задней комнаты къ ужину. До-сихъ-поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дома смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и очевидно не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторые другія лица были подозрительны, и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. По крайней-мѣрѣ ему самому такъ казалось и продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашептывалъ. Другой, изъ учащихъ былъ правда совершенно ужъ пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ тоже и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ несовсѣмъ благонадеженъ. Но особенно и видимою неавистью сіялъ сотрудник Головешки: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого особеннаго вниманія на сотрудника, написавшаго въ Головешкѣ только четыре стишка и сдѣлавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, очевидно назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ никто другой, какъ сотрудник Головешки.

Все это конечно дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ будто сталъ забываться и главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнетъ и засмѣется, тогда, какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хотъ и пилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить, и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувство-

валъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника Головешки. Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшнить дамскій полъ, и главное, какой онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ спуститься до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и наконецъ, въ заключеніе, откровенно рассказать всѣ мотивы, побудившіе его, певаннаго, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно; они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покору неотразимо. Они наполняютъ рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже еслибъ покачать вздумали по-гусарски, я бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я поцелую въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ конечно впоследствии исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя конечно нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого поваго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всѣ они будутъ любить меня и я выйду со славою!..

Эти мечты конечно были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно: плевать. По крайней мѣрѣ слюна вдругъ начала выскакивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгалъ щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому до того нелѣпымъ, до того вѣдь всего здравого, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ слушая его, нетолько какъ будто конфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей онъ увидалъ,

что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышаніе началъ говорить.

— Я сказалъ уже! началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже господа сейчасъ Акимъ Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ вы понимаете, что я хочу ска-ка-затъ... Россія переживаетъ по моему глубочайшему убѣжденію гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось на другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачивалъ головою, какъ бы усовѣщая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! упорно продолжалъ онъ: — и давеча... и именно давеча я говорилъ Степану... Нпки-ки-форовичу... да.. что... что обновление, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся, продолжайте! пра-дал-жайте! послушался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей...

— Ваше превосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно наклюкавшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ какъ будто бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекалъ крикуна:

— Что ты, чего орешь? вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалясь на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! шепотомъ подсказалъ Пселдонимовъ.

— Вижу что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офи-

перъ: — про одного поручика нашей команды, который точно также разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвалъно, па-хвалъно! Его еще десять лѣтъ назадъ за это изъ службы исключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! сошелъ съ ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подъ арестъ... Начальникъ родителскимъ образомъ усонѣщивалъ; а тотъ ему: па-хвалъно, па-ахвалъно! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подъ судъ отдать, но замѣтили что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго... Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! ана-то-мировалъ?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ.

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣблѣ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на первое время даже почти не заикаясь: — я очень хорошо въ состояніи различить, что живаго не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ въ помѣшательствѣ былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, и люблю Пор... порфирій... Я унижаю, себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Пселдонимовъ бросился отпирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человѣкъ, ваше превосходительство, снова было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи: если я пришелъ... да... да на свадьбу, я имѣлъ пѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчанье, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну что бы имъ, что бы имъ хотъ въ эту минуту прокричать!» мелькнуло въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха,

повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся:

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ?

Вдругъ сотрудникъ Головешки, уже сильно пьяный, но сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества:

— Да-съ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ:— да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ра-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами и во-вторыхъ я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился какъ столбъ и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво!

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью:

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ женъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ задалъ ему нѣсколько тумачковъ въ спину, и вытолкалъ его въ дверь.

— Всѣ вы подлецы! кричалъ сотрудникъ:— я васъ всѣхъ завтра же въ Головешкѣ оварикатурю!.. Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала:— ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генералъ:— я уничтоженъ... я пришелъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ

свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно желая уйти, покачнулся, загнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ пепьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенья сохраняютъ они сознание и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознание. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по-своему толкуя о происшедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покаместъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ, избранное нами теченіе разсказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріи Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще недалѣе, какъ за мѣсяцъ до своего брака, онъ погибалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи, гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ осталось только двое, онъ и мать его, брошившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибли вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матеріалами. Бывали дни, что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на Фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто, онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинельшку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросомъ: давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти небыло слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ ли онъ, созидалъ ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? По взаимнѣ того въ немъ вырабатывалась какая-то инстинктивная, краксовая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо и они тотчасъ же вновь начнутъ созидать его, разорите другой разъ и дру-

гой разъ начнутъ, а такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ доблется дороги, устроитъ гнѣздо и можетъ-быть даже скопить и про-запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ можетъ-быть еще лѣтъ пять или шесть, до переменъ обстоятельствъ, еслибъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то, когда-то обязанъ. Деньжонки у него водились, конечно, небольшія, но они были; сколько ихъ дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того большой человекъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я дескать знаю его, отецъ его былъ хорошій человекъ и сынъ будетъ хорошій человекъ.» Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ; сказано, сдѣлано. Это былъ очень страшный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сиди на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожъ пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человекъ онъ былъ злой; ему надобно было непременно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ Тысячи одной ночи. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбниками, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, неисключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли предъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онѣ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдствовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ своимъ мужемъ и наконецъ овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не могъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на Петербургской, недожда-

потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ въ копѣйками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ безсонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ все это бѣдствовало и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и смиреннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмедкую шѹле, но изъ нея почти ничего, кромѣ азовъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подѣ костюмъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпионствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маменьки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстину имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки чего нибудь стоявій. Сверхъ того, давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ человѣка? кричалъ пьяный самодуръ. Во-первыхъ, для того, что всѣ вы бабье, а мнѣ надоѣло одно бабье. Я хочу чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Во-вторыхъ потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидятъ. Всѣхъ изгони и клюку изготовлю»...

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужъ рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ ихъ покровительствовалъ, можетъ быть именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и падъ ней не шипнялъ. Впрочемъ самого Пселдонимова заставлялъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собою казачка. — Ну довольно, я хотѣлъ только видѣть не забываешь ли ты передо мной, сказало онъ по окончаніи тапца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ, что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадеб-

ный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ: Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась переменить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и къ ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться зачѣмъ ее не предувѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣрили, что онъ пришелъ самъ незванный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашелся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копѣйки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потому на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовершенств. Она дала наконецъ собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу желчи и потата, что онъ уже неоднократно въбѣгая въ комнату, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ, чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и можетъ-быть на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укоры безтолковой невѣстниной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадо въ мракѣ застпалась ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой, и непременно карету, потому что на ванькѣ въ такомъ видѣ, и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева взбѣшенная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копѣйки. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ не было ни копѣйки. Гдѣ взять? Что дѣлать? Да, было отчего теревить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣстъ перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявій тутъ же въ столовой. Покамѣстъ убрали со столовъ и разбравили ихъ, Пселдонимовъ бросался во всѣ углы завять денегъ, пробовалъ даже завять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезпокоить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человѣкъ, услышавъ о деньгахъ, пришелъ

въ такое недоумѣнье и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни:

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, бормotalъ онъ: — а теперь... право меня извините...

И взявъ шапку поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ еще пригодился на что-нибудь, да и то нектати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покаместъ, до кареты, испытывать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на Петербургской даже и вaneкъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извѣщикамъ кула-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились однако жъ на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшеніе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой, стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. «Еще что изъ этого выйдетъ?» говорилъ совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ: Если ужъ оставить больного дома, то куда же перенести его, и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и на значенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели или лучше сказать обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина-то бы еще пожалуй и нашлась, — можно было вытащить изъ подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлатъ. Оказалось, что постлатъ надо въ залѣ, такъ-какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлатъ? неужели на стульяхъ? Извѣстно что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказали бы онъ на завтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнатѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновлен-

ный, повокупленный матрасъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ каленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узоромъ. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ все было, какъ слѣдуетъ и гости, почти всѣ перебивавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотреть. Каково же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то въ родѣ холерыны! Мать новобрачной вступилась было за нее, бранилась, общалась назавтра же жаловаться мужу; но Пселдонимовъ показалъ себя и настоялъ: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ постлали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но послушаться не посмѣла: у папаша былъ костью, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непременно завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже не нужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривенника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявлялъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно незнаю. Кажется юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночсвавшего у своихъ знакомыхъ, и попытаться: нѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она пріютилась на полу, на коврики, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потому что припуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ корридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однако жъ несчастья этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ, послѣ того, какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отрадный крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ будто паденіе стульевъ, и въ мгнѣ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ во всевозможныхъ деабилье. Эти женщины были: мать понобрачной, старшая сестра ся, бросающаяся на это

время своих больных дѣтей, три ея тетки, приплелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже прищипывала нѣмца, рассказывавшаго сказки, изъ-подъ которой вытаскивали силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, приплелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины, уже съ четверть часа, какъ пробрались изъ кухни, черезъ корридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ, кто-то наскоро зажгъ свѣчку и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, не выдержавшіе двойной тяжести и подпавшіе широкую перину только съ краевъ, развѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до-сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Со всѣхъ сторонъ раздавались ахи и взизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но мапшка новобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тѣму: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этого? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее, и наконецъ, взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцемъ, требующимъ отчета. За нею убрались и всѣ, ахая и покивая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его, и не попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьи, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ бы машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣснлись танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху панир снй дымъ. Окурки напирсоу и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутыя стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ проспѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ на примѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? онъ мучительно сознвалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во чтобы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего, что случилось въ сей вечеръ. Приходило ему въ голову и Млекопитаевъ, который пожалуй завтра же заставитъ его опять плясать казачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хотъ и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный день, которые ушли до конѣйки, но четьреста рублей приданыхъ и не ду-

малъ еще отдавать, даже и поминуту о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, становившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ, сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно, онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала наконецъ такіе сюрпризы, что можно было наконецъ и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ, огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ, когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогнувшись и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ синицовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ должно быть спать приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше, если бы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ, все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ, на примѣръ, мать Пселдонимова,—слышалъ ея незлобивыя увѣщанія въ родѣ: «потерпи, мой голубчикъ, потерпи батюшка, стерпится-слюбится», узнавалъ, и не могъ однако дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему: чаще всѣхъ представлялся ему Семень Ивановичъ; но вглядываясь пристальнѣе, онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Ивановичъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ, и старуха съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были запавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату и все добивался мысленно: къ чему служить это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не

понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проснулся около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ собразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужинномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все, что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ наконецъ до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такіа мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его, и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомойникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомойникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какъ же, батюшка, умойся, нельзя же не умыться-то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, котораго онъ бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжелыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызений совѣсти и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомойникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какимъ-то вытравленным на немъ буквами, кофеекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру мило-сердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плеча шубу, поданную ему Пселдонимовой и черезъ корридоръ, черезъ кухню, въ которой уже маякала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ

съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжала на дворъ, на улицу и бросилась къ проѣзжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще домъ и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднималъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ и должно быть онъ зачлнсь ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ пострѣчься въ мѣнахъ. Право были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣнье, отверзтый гробъ, житье въ уединенной кельѣ, лѣса и пещеры; но очнувшись онъ почти тотчасъ-же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вскипалъ въ душѣ его, разомъ овладѣвалъ ею и все выжигалъ и растравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шопоть его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ-же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человечества. Во всякомъ случаѣ надо было непременно перемѣнить всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобы искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободраться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвестности и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома, въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышитъ за собою двусмысленный шопоть, увидитъ двусмысленныя лица, пожметъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково-же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почтительно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ-же и пресерьозно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не разсуждалъ, и не рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ явился и Акимъ Петровичъ, съ какими-то бумагами. При появленіи его, что-то какъ будто кольнуло Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему какъ надо сдѣлать и разяснялъ. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича, или лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше: — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шипуленко обѣщали ему мѣсто. Проситъ вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Чегожь, я съ моей стороны... я употреблю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй удалиться. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!.. Что напротивъ я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осѣкся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который въ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то уторопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или лучше сказать добратся поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдругъ до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ.

I.

ПОДПОЛЬЕ *).

I.

Я человекъ больной... Я злой человекъ. Неприятельный я человекъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно, что у меня болитъ. Я ни лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Къ тому-же я еще и суевѣренъ до крайности; ну, хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ.) Нѣтъ-съ, я нехочу лечиться со злости. Вотъ вы этого навѣрно не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я разумѣется не съумѣю вамъ объяснить кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ не смогу «нагадить» тѣмъ, что у нихъ не лечусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, такъ это со злости. Печенка болитъ, такъ вотъ пускай-же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужъ давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятку не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть

этимъ вознаградить. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая что выйдетъ очень остро: а теперь какъ увидѣлъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неуголимое наслажденіе, когда удавалось когонибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣсно — просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я наконецъ одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости. Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ мигъ самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человекъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какуюнибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умилился, хоть ужъ навѣрно потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько месяцевъ страдать бессонницей. Таковъ ужъ мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицерами, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много — премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишели и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня:

(*) И авторъ записокъ и самыя „Записки“ разумѣются вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица какъ сочинитель такихъ записокъ не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣе обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это — одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ отрывкѣ, озаглавленномъ: „Подполье“ это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ-бы хочетъ объяснить тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ придутъ уже настоящіи „записки“ этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни.

доводили и — падо́бли мнѣ наконецъ, какъ надо́бли! Ужъ не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаяваюсь, что я въ чемъ то у васъ прощенія прошу?... Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А впрочемъ увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ. Теперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же съ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ—это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Дальше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дольше сорока лѣтъ,—отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребловласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить. потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Пойдите! дайте духъ перевести....

Навѣрно вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ можетъ быть казаться; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно?—то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій ассесоръ. Я служилъ, чтобъ было что нибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дряпная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея къ тому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей, знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выйду изъ Петербурга! Я потому не выйду... Эхъ! да вѣдь это совершенно все равно выйду я или не выйду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперь хочется рассказать вамъ, господа, желается или не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не сумѣлъ сдѣлаться. Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознать, — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть вполонину, вчетверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бывають умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, наприимѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурнаго тона, гремлю саблей какъ мой офицеръ. Но, господа, кто-же можетъ своими-же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ чтожъ я?—всѣ это дѣлають; болѣзнями-то и тщеславятся, а я пожалуй и больше всѣхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелѣпо. Но все-таки я крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что какъ нарочно въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ котсрыя я наиболѣе способенъ былъ сознать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянья, такія, которыя... ну, да однимъ словомъ, которыя хотъ и всѣ пожалуй дѣлають, но которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совсѣмъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высокомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что наконецъ у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ, (а можетъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это пожалуй и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначаль-то сколько я мучи вытерѣлъ въ этой борьбѣ! Я не

вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потому всю жизнь таилъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился, (даже можетъ быть и теперь стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденье возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголь и усиленно сознавать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротить и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обрапалась наконецъ въ какую-то позорную, проклятую сладость и наконецъ,—въ рѣшительное, серьезное наслаждение! Да, въ наслаждение, въ наслаждение! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бываютъ-ли и у другихъ такіа наслаждения? Я вамъ объясню: наслаждение было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошелъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься другимъ человѣкомъ; что еслибъ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что нибудь другое, то навѣрно самъ-бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ-бы ничего не сдѣлалъ, потому что, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то можетъ быть не во-что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходить напимѣрь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ что подлець, какъ будто это подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ что онъ дѣйствительно подлець. Но довольно... Эхъ нагородилъ-то, а что объяснилъ? Чѣмъ объясняется тутъ наслаждение? Но я объяснюсь! Я таки доведу до конца! я и перо затѣмъ въ руки взять....

Я, напимѣрь, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ какъ горбунъ или карликъ, но право бывали со мною такіа минуты, что еслибъ случилось, что мнѣ-бы дали пощечину, то можетъ-быть я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я-бы сдумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслаждение, разумѣется наслаждение отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслаждения, особенно когда ужъ очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ при пощечинѣ-то—да тутъ такъ и придавить сознаніе о томъ въ какую мазь тебя растерли. Главное-же какъ ни раскидывай, а все-таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и такъ сказать по законамъ природы. Потому во первыхъ виноватъ, что я умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ и иногда, повѣрите-ли, даже этого со-

вѣстился. По крайней мѣрѣ я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза.) Потому наконецъ виноватъ, что еслибъ и было во мнѣ великодушіе, то было бы только мнѣ-же муки больше отъ сознанія всей его бесполезности. Я вѣдь навѣрно ничего-бы не сдумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія: ни простить, потому что обидчикъ можетъ ударить меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, еслибъ даже я захотѣлъ быть вовсе не великодушнымъ, а напротивъ пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что нибудь сдѣлать, еслибъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отомстить и вообще за себя постоять, — какъ это напимѣрь дѣлается? Вѣдь ихъ, какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужъ ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣснвшійся быкъ, наклонивъ внизъ рога и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е. непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ напимѣрь для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣрится, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ). Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать — природа, любезно зарождающая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ такъ сказать подозрѣніи, что если, напимѣрь, взять антитезу нормальнаго человѣка, то есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго конечно не изъ лона природы, а изъ реторги (это уже почти мистичизмъ, господа, но я подозреваю и это) — то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаніемъ, добросовѣстно считаетъ за мышъ, а не за человѣка. Пусть это и усиленная сознающая мышъ, но все-таки мышъ, а тутъ человѣкъ,

а слѣдственно и проч. И главное онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышъ; его объ этомъ никто не просить; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышъ въ дѣйствіи. Положимъ, на-примѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отомстить. Злостн-то въ ней можетъ еще и больше накопиться, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, пизкое желапнище воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто за просто справедливостью; а мышъ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастная мышъ, кроме одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ нея набрается какая-то роковая бурда, какая-то вопючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и наконецъ изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускнаго презрѣнія, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышъ немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнитъ, все переберетъ, навдумаетъ на себя небывальщины подъ предлогомъ, что она тоже могла случиться, и ничего не простить. Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ нибудь урывками, мелочами, изъза печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отомстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того кому мстить, а тотъ пожалуй и не почешется. На смертномъ одрѣ опять-таки все припоминать, съ накопившимися за все время процентами и... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полутчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя за-живо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой успленно-созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ

минуту опять наступающихъ раскаяній — и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть-чуть ограниченныя люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя осклабясь, которые никогда не получали пощечинъ,» — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь можетъ быть тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я можетъ быть еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ, на-примѣръ, хотя и ревутъ какъ быки во все горло, хоть это, положимъ, и приноситъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ каменная стѣна? Какая каменная стѣна? Ну разумѣется законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ на-примѣръ, что отъ обезьяны пропизошелъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру, тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшатся наконецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предрасудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды-два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричать вамъ, возставать нельзя: это дважды-два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, и до того правятся ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна значитъ и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи,-Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и арифметики, когда мнѣ почему нибудь эти законы и дважды-два-четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробую такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна у меня силъ не хватило.

Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды-два-четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То ли дѣло все понимать, все сознать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзятъ

примпряться; дойти путемъ самыхъ неизбежныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виноватъ, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе невиноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и беспильно скрежеща зубами, сладострастно замерѣть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть и никогда не найдется, что тутъ подмышъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки у васъ все-таки болѣтъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болѣтъ!

IV.

Ха, ха, аа! да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе! вскрикнете вы со смѣхомъ. — А что жъ? и въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяцъ болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно не молча злиться, а стонуть; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущалъ бы онъ въ нихъ наслажденія, — онъ бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается во-первыхъ, вся для вашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую, вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполне въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболѣтъ; и что наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія, только самого себя высѣчь, или прибить побольше кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ и начинается наконецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшего сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то есть не просто оттого, что зубы болятъ; не такъ какъ какой нибудь грубый мужикъ, а такъ какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей стопетъ, какъ человѣкъ «отрѣшившійся отъ почвы и народныхъ началъ», какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продол-

жаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ сто-нами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрыгаетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прпслушались къ нему съ омерзеніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. «Дескать я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькой человѣкъ, шенапанъ. Ну такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю...» Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія! Вы смѣетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно дурного тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько нибудь себя уважать?

V.

Ну развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія, посягнувъ отыскать наслажденіе? Я не отъ прпторнаго какого-нибудь раскаянія такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я не способенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь бывало въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. Прп этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаявался, слезы проливалъ и конечно самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужъ тутъ какъ-то гадло... Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минутукакую-нибудь, я уже съ злобою соображаю бывало, что все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: за-тѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть; вотъ и пускался на выверты. Право такъ.

Замѣчайте лучше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось—ну хоть напримѣръ обижаться, такъ, не изъ-за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь бывало, что не изъ-за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ-конецъ право и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подъ-конецъ и въ себѣ невластенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣрю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія—это инерція, т. е. сознательное сложя-руки-сидѣнье. Я ужъ объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокаиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну а какъ я напримѣръ себя успокою? гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму. Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатъ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человѣкъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ онъ первоначальную причину нашелъ, основаніе нашелъ, а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и стало бытъ могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улечивается, резо-

ны испаряются, виновникъ не отыскивается, обидя становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый—выходъ т. е. стѣну побольнѣе прибить. Ну и рукой махнешь, потому что не нашелъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣ завтра, это ужъ самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то, что самого себя за-знамо надуль. Въ результатъ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я можетъ потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но чтоже дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня т. е. умышленное пересыпанье изъ пустаго въ порожнее.

VI.

О, еслибъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтая; да вѣдь это препятно было-бы слышать о себѣ. Значитъ положительно опредѣленъ, значитъ есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтая!» да—вѣдь это званье и назначенье, это карьера-сь. Не шутите,—это такъ. Я тогда членъ самаго первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что безпрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтая и обжора, но не простой, а напримѣръ сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда—о, тогда было-бы иначе! Я бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ какъ мокрая губка. Художникъ, напримѣръ, напи-

салъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ «какъ кому угодно»; тотчасъ-же пью за здоровье «кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое.»—Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно,—да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы, сандаловой пось себѣ выработалъ, что всякій встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «вотъ такъ плюсъ! вотъ такъ ужъ настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы препріятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что еслибъ его просвѣтитъ, открытъ ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать за-знамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно такъ-сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! о чистое, невинное дитя! да когда-же, во-первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что-же дѣлать съ миллионами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди, *за-знамо*, т. е. вполне понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь значитъ имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! что такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худаго пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣтаетесь, смѣтаетесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и

не могутъ уложиться ни въ какую классификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это—благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что человѣкъ, который бы напримѣръ явно и за-знамо пошелъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и конечно по моему, обскурантъ или совѣтъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависить. Бѣда-бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію не попадаетъ, ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложитъ вамъ, вѣрнѣе и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того: съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели и,—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно почему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ,—выкинетъ совершенно другое колѣно, т. е. явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну однимъ словомъ, противъ всего... Предупреждоу, что мой пріятель—лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или, (чтобъ ужъ логики не нарушать)—есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, т. е. противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія,—однимъ словомъ противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь-бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну такъ все-таки выгоды-же — перебиваете вы меня. Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода

веловѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія чело-вѣчеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ, — покамѣстъ по моему мнѣнію, одна логистика! Да-съ, логистика! Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода чело-вѣческаго посредствомъ системы его собствен-ныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну хоть утверждать, напри-мѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи чело-вѣкъ смягчается, слѣд-ственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то кажется у него и такъ выходитъ. Но до того чело-вѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ невидать и слухомъ не слышать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ при-мѣръ, что это слишкомъ яркой примѣръ. Да огля-нитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще раз-веселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ,—и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка—вѣ-ковѣчный союзъ. Вотъ вамъ наконецъ карикатур-ный Шлезвигъ-Гольштейнъ.... И что такое смяг-чаеъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабо-тываетъ въ чело-вѣкѣ только многосторонность ощу-щеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности чело-вѣкъ еще по-жалуй дойдетъ до того, что отыщетъ въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случилось съ нимъ. Забѣжали ли вы, что самые утонченные крово-пролиты почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годи-лись, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи чело-вѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ поклѣною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще болѣе чѣмъ прежде. Что хуже?—сами рѣшите. Говорятъ Клеонатра (извините за примѣръ изъ римской ис-торіи) любила втыкать золотыя булавки въ грудь своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь чело-вѣкъ хоть и научился иногда видѣть

яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *приучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непременно *приучится*, когда совѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя при-вычки, и когда здравый смыслъ и наука вполне перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру чело-вѣческую. Вы увѣрены, что тогда чело-вѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и такъ сказать поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ чело-вѣка, (хоть это ужъ и роскошь по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ болѣе какъ нѣчто въ родѣ фортепیانной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того—на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои чело-вѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступ-ки чело-вѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣко-торыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ тепереш-нихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то,—это все вы говорите,—настанутъ но-выя экономическія отношенія, совѣмъ ужъ гото-выя и тоже вычисленныя съ математическою точ-ностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ все-возможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, (это ужъ я теперь говорю) что тогда не будетъ напри-мѣръ ужасно скучно; (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ) за то все будетъ чрезвы-чайпо благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не придумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять-таки я говорю), что чего добраго, пожалуй и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ чело-вѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ за то небла-годаренъ такъ, что поискать другаго, такъ не пайти. Вѣдь я напри-мѣръ нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеоб-щаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою физіо-номіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а' что, господа, не столкнуть-ли намъ все это бла-горазуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, един-

ственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы кажется и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный хотя бы самый дикой капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумашествія,—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ...

VIII.

«Ха, ха, ха! да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите и нѣтъ!» прерываете вы съ хохотомъ.— «Наука даже о сую пору дотогу успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля, есть ничто иное какъ...

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависитъ и что это пожалуй и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, т. е. отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч. и проч. т. е. настоящую, математическую формулу, — такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же пожалуй и перестанетъ хотѣть, да еще пожалуй и навѣрно перестанетъ. Ну что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ же обратится онъ изъ человѣка въ органиный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній, какъ не штифтикъ въ органичномъ валѣ? Какъ вы думаете? сосчитаемъ вѣроятности,—можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья болѣею частію бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда

на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и бессмысленно заранѣе вѣрить, что нѣкихъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье станется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* бессмыслицы, и такимъ образомъ за-знамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго... А такъ-какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потому что когда-нибудь откроютъ же законы такъ называемой нашей свободной волы, то стало-быть и кромѣ шутокъ можетъ устроиться что-нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и дѣйствительно хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь расчислятъ и докажутъ, что если я покажусь такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что же тогда во мнѣ *свободнаго* — то останется, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужъ нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ принять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ какъ она есть, а не такъ какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... ну хоть бы даже и къ ретортѣ, то что же дѣлать, надо принять и реторту! не то она сама, безъ васъ примется...

Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запяталъ! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! позвольте пофантазировать. Видите ли-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть прочленіе всей жизни, т. е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянно, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т. е. какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разу-

дожъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всемъ что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ да живетъ. Я подозреваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, за-знамо захотѣтъ чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобъ *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризъ, и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего, что есть на землѣ, особенно въ пныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противорѣчить самымъ здоровымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ,—потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, т. е. нашу личность и нашу индивидуальность. Иные-вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хотеть, и сходитьсѣ съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласитъ съ разсудкомъ и... и... и знаете ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы потому одному, что если ужъ онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ уменъ?) Но если и не глупъ, то все-таки,—чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его—это постоянное неблагоправіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагоправіе, а слѣдственно и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе пенначе происходитъ какъ отъ неблагоправія. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества; пу, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужъ одинъ колоссъ Родосскій, напимѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуетъ о немъ, что одни говорятъ будто онъ есть произведение рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что

онъ созданъ самою природою.—Пестро? пожалуй хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ,—ужъ одно это чего стоитъ, а съ вицъ-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались и послѣ дрались,—согласитесь, что это даже ужъ слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ все можно сказать о всемірной исторіи, все, что только самому разстроеному воображенію въ голову можетъ придти. Одного только нельзя сказать,—что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благонравные и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благонравнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать свѣтить собою ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благонравно и благоразумно. И чтожь? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ непримѣчательныхъ. Теперь васъ спрошу: чего-же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастіи совсѣмъ съ головою, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастія, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужъ ничего больше не оставалось дѣлать кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи,—такъ онъ вамъ и тутъ человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ. Риснетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самого пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію, примѣшавъ свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужъ очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепианныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доигратъсѣ, что ужъ мимо календаря и захотѣтъ ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепьянной клавишей, еслибъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ необразумится, а нарочно напротивъ что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ если средствъ у него не окажется, — выдумаетъ

разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоятъ-таки на своемъ! Проклятіе пуститъ по свѣту, а такъ-какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужъ его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ) такъ вѣдь онъ пожалуй однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, т. е. дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепианная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго разсчета все остановить и разсудокъ возьметъ свое,—такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоятъ на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! хоть своими боками да доказывалъ; хоть троглодитствомъ да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависить...

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопчатъ какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариеметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до ариеметики, когда будетъ одно только дважды-два-четыре въ ходу? Дважды-два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я конечно шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я можетъ быть скрипя зубами шучу. Господа, меня мучатъ вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариеметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это покамѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но мо-

жетъ быть вовсе не человѣчества. Вы можетъ быть думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное, по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, т. е. вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще пожалуй потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходится на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ-быть онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другаго вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приноситъ большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблагоприятное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любитъ только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ, (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное-что какъ дважды-два четыре, т. е. формула, а вѣдѣ дважды-два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды-два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти,—ей Богу, какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получать, въ ка-

бачоѣ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ—ну вотъ и занятія на недѣлю. А человекъ куда поидетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совсѣмъ, и это конечно ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человекъ устроенъ комически; во всемъ этомъ очевидно заключается каламбуръ. Но дважды-два четыре,—все-таки вещь пренесносная. Дважды-два четыре, вѣдь это по моему мнѣнію, только нахальство-съ. Дважды-два четыре смотритъ фертомъ, стоятъ поперегъ вашей дороги руки въ боки и плюются. Я согласенъ, что дважды-два-четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды-два пять премплая иногда вещьца.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное,—однимъ словомъ—только одно благоденствіе человеку выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть человекъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько же любитъ страданіе? Можетъ быть страданіе-то ему ровно на столько же и выгодно какъ благоденствіе? А человекъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человекъ и хоть сколько нибудь живы. Что же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе, даже какъ то и неприлично. Хорошо ли дурно ли, — но разломать иногда что нибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризъ, и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ ома и не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человекъ отъ настоящаго страданія, т. е. отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется. Страданіе,—да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хотъ и доложилъ вначалѣ, что сознаніе по моему есть величайшее для человека несчастіе, но я знаю, что человекъ его любить и не промѣняетъ ни на какія удовольствія. Сознаніе, напримѣръ, безконечно выше чѣмъ дважды-два. Послѣ дважды-двухъ ужъ разумѣется ничего не останется, не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи хотъ и тотъ же результатъ выходить, т. е. тоже будетъ нечего дѣлать, но по крайней мѣрѣ самаго себя иногда можно посѣчь, а это все таки подживляетъ. Хотъ и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

Х.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я можетъ быть потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣтаетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, еслибъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для одного этого, и что если ужъ жить, такъ ужъ жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желаніе мое. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемѣните желанія мои. Ну, перемѣните, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеалъ. А покажѣсь я ужъ не приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нерациональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ пока существуютъ мои желанія? Можетъ быть вы опять смѣтаетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на непрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *действительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ—капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякой случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покажѣсь я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хотъ одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставять. Я можетъ быть на то только и сердился,

что такого зданія, которому бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, еслибъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высунуть. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели жъ я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А впрочемъ знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хоть и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужъ коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужъ говорить, говорить, говорить...

XI.

Конечъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! Лучше сознательная пирція! И такъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказала, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе)! Тамъ по крайней мѣрѣ можно... Эхъ! да вѣдь я тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды-два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это—еслибъ я вѣрилъ самъ, хоть чемунибудь изъ всего того что теперь написалъ. Клянусь же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того, что теперь настроилъ! То есть я и вѣрю, пожалуй, но въ тоже самое время неизвѣстно почему чувствую и подозреваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего же писали все это? — говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадилъ бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришелъ бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— «И это не стыдно, и это не унижительно!» можетъ быть скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. «Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки и въ тоже время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами непрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь и въ тоже время въ нашемъ мнѣніи запекиваете. Вы

увѣряете, что скрежете зубами и въ тоже время острите, чтобъ насъ разсмѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы очевидно очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ можетъ быть дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрія; вы изъ самаго мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца — полного правительнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумѣется всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...

Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такія вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ я самъ только недавно рѣшился припомнить нѣкую мою прежнюю приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я пменно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не бояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны и человѣкъ, самъ объ себѣ навѣрно налжетъ. По сего мнѣнію, Руссо, на примѣръ, непременно палгалъ на себя въ своей исповѣди, и

даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю, какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, напримѣръ: могли бы придраться къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не рассчитываете на читателей, то для чего же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, т. е., что порядка и системы заводить не будете, что запишите то, что припомнится и т. д. и т. д.? Къ чему вы объясняетесь? Къ чему извиняетесь?

А вотъ подите-же, отвѣчаю я.

Тутъ впрочемъ цѣлая психологія. Можетъ быть и то, что я просто трусь. А можетъ быть и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ то торжественнѣе. Въ этомъ есть что то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напри-мѣръ, меня особенно давить одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но по временамъ, изъ сотни, выдается одно какое нибудь и давить. Я почему то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвязется. Отчего жъ не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ будто работа. Говорятъ отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну вотъ шансъ по крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шелъ тоже, на дняхъ тоже шелъ. Мнѣ кажется я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. И такъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЯ.

II.

ПО ПОВОДУ МОКРАГО СНѢГА.

Когда изъ мрака заблужденія
Горячимъ словомъ убѣжденія
Я душу надшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты проклала, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена...
И т. д. и т. д. и т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова.

I.

Въ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была ужъ и тогда угрюмая, безпорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забывался въ свой уголъ. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчалъ, что сослуживцы мои не только считали меня чудачкомъ, но—все казалось мнѣ и это—будто бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзеніемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотреть на него съ омерзеніемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и прерябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я бы кажется и взглянуть ни на кого не посмѣлъ съ такимъ неприличнымъ лицомъ. У другаго вѣщундиръ былъ до того заношенный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ господъ не конфузился, — ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ, ни другой не воображали, что смотреть на нихъ съ омерзеніемъ; да еслибъ и воображали, такъ имъ было-бы все равно, только

бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствіе неограниченнаго моего тщеславія, а стало быть и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшеннымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзенія, а оттого, мысленно, и приписывалъ мой взглядъ каждому. — Я, напримѣръ, ненавидѣлъ свое лицо, находилъ, что оно гнусно и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженіе и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрѣли меня въ подлости, а лицомъ выражать какъ можно болѣе благородства. «Пусть ужъ будетъ и не красивое лицо, думалъ я, но за то пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное.» Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но, что всего ужаснѣе, я находилъ его положительно глупымъ. А я-бы полною помирился на умѣ. Даже такъ, что согласился бы даже и на подлое выраженіе, съ тѣмъ только, чтобъ лицомъ находили въ то же время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ, съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось, то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человѣкъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требовательности къ себѣ самому и не презирая себя въ инныя минуты до ненависти. Но презирая ли, ставя ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерплю ли я взгляды вотъ хоть такого-то на себѣ и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся я быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго; съ любовію вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человѣку

нашего времени. Они же всё были тупы и одинъ на другаго похожи, какъ бараны въ стадѣ. Можетъ-быть только мнѣ одному, во всей канцеляріи постоянно казалось, что я былъ трусъ и рабъ; именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а и дѣйствительно такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго копѣиза. Всякой порядочный человѣкъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это—нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Онъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во всё время, порядочный человѣкъ долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всѣхъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается: все равно передъ другимъ сбрендитъ. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ ублюдки, но вѣдь и тѣ до извѣстной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потому что они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ и я ни на кого не похожъ. «Я-то одинъ, а они-то *все*,» думалъ я, и—задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка.

Случались и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію: доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того ни съ сего, наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами) и вотъ я-же самъ смѣюсь надъ моею петицизмомъ и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмъ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговариваю; но еще взлумаю съ ними сойтись по-пріятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ ни съ того ни съ сего исчезала. Кто знаетъ, можетъ быть ее у меня никогда и не было, а была она напускная изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними, сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть, водку пить, о производствѣ толковать... Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погнбай вся Франція на барикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣнятся, и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ-сказать по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ же, въ русской землѣ, нѣтъ дураковъ; это извѣстно: тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Стѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ ихъ

состояніи. Это все наши «положительные» тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами да за дялюшками Петрами Ивановичами, и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеалъ, навдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ-же надзвѣздныхъ, какъ въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего романтика совершенно и прямо-противоположны надзвѣдно-европейскому и ни одна европейская мѣрочка сюда не подходитъ. (Ужъ позвольте мнѣ употребить это слово: «романтикъ» — словечко старинное, почтенное, заслуженное и всѣмъ знакомое). Свойства нашего романтика, это—все понимать, *все видѣть и видѣть часто несравненно яснѣе, чѣмъ видятъ самые положительнѣйшіе наши умы*; ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ тоже время ничѣмъ и не брезгать; все обойти, всему уступить, политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки)—усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томики лирическихъ стишковъ, и въ тоже время «и прекрасное и высокое» по гробъ своей жизни въ себѣ сохранять нерушимо, да и себя уже кстати вполне сохранять; такъ-таки въ хлопоткахъ, какъ ювелирскую вещь какую нибудь, хотя бы напимѣръ для пользы того-же «прекраснаго и высокаго». Широкий человѣкъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ... даже по опыту. Разумѣется, все это если романтикъ уменъ. То есть, что-жъ это я! романтикъ и всегда уменъ, я хотѣлъ только замѣтить, что хотѣ и бывалъ у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ пѣмцевъ перерождались, и чтобы удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещь, поселялись тамъ гдѣ нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ. — Я, напимѣръ, искренно презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ же, — замѣтите, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съ ума (что впрочемъ очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ, если другой карьеры у него въ виду не имѣется, и въ толчки его никогда не выгонятъ, а развѣ свезутъ въ сумашедшій домъ въ видѣ «испанскаго короля», да и то если ужъ онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденькие и бѣлокуренькіе. Неисчетное-же число романтиковъ—значительные чины въ послѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! И какая способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ ощущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ утѣшенъ, да и теперь тѣхъ же мыслей. Оттого-то у насъ такъ и много «широкихъ натуръ», которые даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала; и хотѣ и пальцемъ не пошевеливать для идеала-то, хотѣ разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный

идеалъ уважають и необыкновенно въ душѣ чисты. Да-съ, только между нами самый отъявленный подлецъ можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время нисколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошь да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такіа дѣловыя шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ оstonбевніи пощелкиваютъ.

Многосторонность понствіѣ изумительная, и Богъ знаетъ во что обратится она и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ и что сулитъ намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А не дуренъ матеріаль-съ! Не изъ патріотизма какого нибудь, смѣшнаго или кваснаго, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ быть и обратно, т. е. увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружба не выдерживалъ и очень скоро расплывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это впрочемъ со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще же я всегда былъ одинъ.

Дома я, во-первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить виѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня напившееся. А изъ виѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе конечно много помогало, — волновало, улаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться и я, вдругъ погружался въ темный, подземный гадкій — не развратъ, а развратишка. Страстишки во мнѣ были острые, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда, — т. е. не было ничего, чтобы могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ и къ чему-бы потянуло меня. Накипала сверху того тоска; являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейчасъ столько наговорилъ.... А впрочемъ нѣтъ! совралъ! Я именно себя оправдать хотѣлъ. Это я для себя, господа, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово далъ.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, неоставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходящимъ въ такіа минуты до проклятій. Я ужъ и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобы меня какъ-нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ-же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидѣлъ въ освѣщенное окно какъ господа кіями подрались у билліарда и какъ одного изъ нихъ въ окно спустили. Въ другое время мнѣ бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовалъ, и до того позавидовалъ, что даже въ трактиръ вошелъ, въ билліардную: «авось, дескать, и я подерусь и меня тоже изъ окна спустятъ.»

Я не былъ пьянъ, но что прикажете дѣлать — до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Но ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно-то прыгнуть не способенъ и я ушелъ не подравшись.

Осадилъ меня тамъ съ перваго-же шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у билліарда и, по невѣдѣнію, заслонялъ дорогу, а тому надо было пройти; онъ взялъ меня за плечо и молча, — не предупредивъ и не объяснившись, — переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ-будто и не замѣтивъ. Я бы даже побон простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ что бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе такъ сказать *литературную*! Со мной поступили какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я же человекъ низенькій и истощенный. Ссора впрочемъ была въ моихъ рукахъ: стояло попротестовать и конечно меня бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно ступешався.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще робче, забытѣе и грустнѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ, — а все-таки продолжалъ. Не думайте впрочемъ, что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя непрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе; у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, еслибъ этотъ офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые соглашались выходить на дуэль! Но нѣтъ, — это былъ именно изъ тѣхъ господъ, (увы! давно пчезнувшихъ) которые предпочитали дѣйствовать кіями или, какъ поручикъ Пироговъ, у Гоголя — по начальству. На дуэль же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой считали бы дуэль во всякомъ случаѣ неприличною, — да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немыслимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничнѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибить и въ окно спустятъ; физической храбрости право хватилъ-бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала маркера, до послѣд-

няго протухлаго и угреватаго чиновничьшки, тутъ же увивавагося, съ воротникомъ изъ сала, — непоймуть и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потому что о пунктѣ чести, — т. е. не о чести, а о пунктѣ чести (point d'honneur) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о «пунктѣ чести» не упоминается. Я вполнѣ былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности не смотря на весь романтизмъ!) что всѣ онъ просто лопнуть со смѣха, а офицеръ не просто, т. е. не безобидно приобѣтъ меня, а непременно колѣнкомъ меня напинаетъ, обведа такимъ манеромъ вокругъ билліарда и потомъ ужъ развѣ смилуется и въ окно спуститъ. Разумѣется эта мизерная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться. Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только узнавалъ-ли онъ меня. Должно быть нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ признакамъ. Но я-то, я, — смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разрасталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ разузнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно мнѣ это было, потому что я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то окликнулъ его по фамиліи на улицѣ, когда я издали шелъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилію узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д. — однимъ словомъ все, что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хоть я и никогда не литературствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ абличительномъ видѣ, въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я абличилъ, даже поклеветалъ; фамилію я такъ поддѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ «Отечественныя Записки.» Но тогда еще не было абличеній и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно. — Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ-же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, что еслибъ офицеръ чуть-чуть понималъ «прекрасное и высокое», то непременно былъ прибѣжалъ ко мнѣ, чтобъ броситься мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ бы это было хорошо! Мы бы такъ зажили! такъ зажили! «Онъ-бы защищалъ меня своей сановитостью; я-бы облагораживалъ его своею развитостью, ну и... идеями, и много кой чего-бы могло быть!» Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ, не смотря на всю ловкость письма моего, объяс-

няваго и прикрываваго анахронизмъ. Но слава Богу, (до сихъ поръ благодарю Всевишняго со слезами) я письма моего не послалъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, какъ вспомню что-бы могло выйти, еслибъ я послалъ. И вдругъ.. и вдругъ я отомстилъ самымъ простѣйшимъ, самымъ геніальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осѣнила пресвѣтлая мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невскій и гулялъ по солнечной сторонѣ. То есть я тамъ вовсе не гулялъ, а испытывалъ безчисленные мученія, униженія и разлитія жолчи; по того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я шмыгалъ какъ въонъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая безпрерывно дорогу, то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ; я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ и жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, безпрерывное невыносимое униженіе отъ мысли переходившей въ безпрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха, — всѣхъ умнѣе, всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужъ само собою, — но безпрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невскій — не знаю? но меня просто *тянуло* туда при каждой возможности.

Тогда уже я начиналъ испытывать приливы тѣхъ наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ. Послѣ же исторіи съ офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любовался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хоть тоже сворачивалъ съ дороги передъ генералами и передъ особами сановитыми и тоже вилялъ какъ въонъ между ними, но такихъ какъ нашъ братъ, или даже и почище нашего брата, онъ просто давилъ; шелъ прямо на нихъ, какъ будто передъ нимъ было пустое пространство и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я упивался моей злобой на него глядя и... озлобленно передъ нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. «Отчего ты непременно первый сворачиваешь?» — приставалъ я самъ къ себѣ, въ бѣшеной истерикѣ, проснувшись иногда часу въ третѣемъ ночи. «Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступитъ половину и ты половину, вы и пройдетѣ, взаимно уважая другъ друга.» Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю. — И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. «А что, вздумалъ я, что если встрѣтятся съ нимъ я... не посторониться? Нарочно не посторониться,

хоть бы даже пришлось толкнуть его; а, каково это будет?» Дерзкая мысль эта мало-по-малу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ непрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій чтобъ еще яснѣе себѣ представить какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ и возможнымъ. «Разумѣется, не совсѣмъ толкнуть, думалъ я,» уже заранѣе добрѣя отъ радости, «а такъ, просто не посторониться, состукнуться съ нимъ, не такъ, чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно на столько, сколько опредѣлено приличіемъ; такъ что на сколько онъ меня стукнетъ, на столько и я его стукну.» Я рѣшился наконецъ совершенно. Но приготовленія взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличнѣйшемъ видѣ и позаботиться о костюмѣ. «На всякій случай, если на примѣръ завяжется публичная исторія, (а публика то тутъ суперфлю: графиня ходитъ, князь Д. ходитъ, вся литература ходитъ) нужно быть хорошо одѣтымъ; это внушаетъ и прямо поставитъ насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества.» Съ этою цѣлью я выпросилъ впередъ жалованья и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черныя перчатки казались мнѣ и солиднѣе и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя, на которыя я посягалъ сначала. «Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хочетъ выставиться человѣкъ,» и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми костяными запонками, я ужъ давно приготовилъ; но задержала очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была не дурна, грѣла; но она была на ватѣ, а воротникъ былъ енотовый, что составляло уже верхъ лакейства. Надо было переменить воротникъ во что бы ни стало и завести бобрикъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по Гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, нацѣлился на одинъ дешевый нѣмецкій бобрикъ. Эти нѣмецкіе бобрики хоть и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного разу и надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую же и весьма для меня значительную сумму рѣшился выпросить взаймы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столоначальника, человѣка симпатичнаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не дававшего взаймы денегъ, на которому я былъ когда-то, при вступленіи въ должность, особенно рекомендованъ опредѣлившимъ меня на службу значительнымъ лицомъ. Мучился я ужасно. Попросить денегъ у Антона Антоныча мнѣ казалось чудовищнымъ и постыднымъ. Я даже двѣ-три ночи не спалъ, да и вообще я тогда мало спалъ, былъ въ лихорадкѣ; сердце у меня какъ-то смутно за-

мирало, или вдругъ начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антонъ Антоновичъ сначала удивился, потомъ поморщился, потомъ разсудилъ и все-таки далъ взаймы, взявъ съ меня росписку на право полученія данныхъ займообразно денегъ, черезъ двѣ недѣли пзъ жалованья. Такимъ образомъ все было наконецъ готово; красивый бобрикъ воцарился на мѣстѣ паскуднаго енота и я началъ по маленьку приступать къ дѣлу. Нельзя же было рѣшиться съ перваго разу, зря; надо было это дѣло обдѣлать умѣючи, именно по-маленьку. Но признаюсь, что послѣ многократныхъ попытокъ, я даже было началъ отчаяваться: не состукнуемся никакъ да и только! Ужъ я ль не приготавливался, я ль не намѣревался, — кажется вотъ-вотъ сейчасъ состукнемся, смотрю—и опять я уступилъ дорогу, а онъ и прошелъ незамѣтивъ меня. Я даже молитвы читалъ подходя къ нему, чтобъ Богъ вселилъ въ меня рѣшимость. Одинъ разъ я было и совсѣмъ уже рѣшился, но кончилось тѣмъ, что только попалъ ему подъ ноги, потому что въ самое послѣднее мгновение, на двухвершковомъ какомъ нибудь разстояніи, не хватило духу. Онъ преспокойно прошелъ по мнѣ и я, какъ мячикъ, отлетѣлъ въ сторону. Въ эту ночь я былъ опять боленъ въ лихорадкѣ и бредилъ. И вдругъ все закончилось какъ нельзя лучше. Наканунѣ ночью я окончательно положилъ не исполнять моего пагубнаго намѣренія и все оставить втунѣ, и съ этою цѣлью въ послѣдній разъ вышелъ на Невскій, чтобы такъ посмотрѣть, — какъ это я оставлю все это втунѣ? Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ врага моего, я неожиданно рѣшился, зажмурилъ глаза и, — мы плотно стукнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на равной ногѣ! Онъ даже и не оглянулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ; но онъ только видъ сдѣлалъ, я увѣренъ въ этомъ. Я до сихъ поръ въ этомъ увѣренъ! Разумѣется мнѣ досталось больше; онъ былъ сильнѣе, но не въ томъ было дѣло. Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли поддержалъ достоинство, не уступилъ ни на шагъ и публично поставилъ себя съ нимъ на равной соціальной ногѣ. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я былъ въ восторгѣ. Я торжествовалъ и пѣлъ итальянскія аріи. Разумѣется, я вамъ не буду описывать того, что произошло со мной черезъ три дня; если читали мою первую главу, «подиолье,» то можете сами догадаться.—Офицера потомъ куда-то перевели; лѣтъ уже четырнадцать я его теперь не видалъ. Что-то онъ теперь мой голубчикъ? Кого давить?

II.

Но кончалась полоса моего развратка и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало разскажаніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошно. Мало по малу я однакоже и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, т. е. не то, что привыкалъ, а какъ-то до-

бровольно соглашался переносить. Но у меня былъ выходъ, все примирявшій, это—спасаться во «все прекрасное и высокое», конечно въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголъ, и ужъ повѣрьте, что въ эти мгновѣнія я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куриного сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели нѣмецкій бобрѣкъ. Я дѣлался вдругъ героемъ. Моего десяти-вершковаго поручика я-бы даже и съ визитомъ къ себѣ тогда не пустилъ. Я даже и представилъ его себѣ не могъ тогда. Что такое были мои мечты и какъ могъ я ими довольствоваться—объ этомъ трудно сказать теперь, но тогда я этимъ довольствовался. Впрочемъ я вѣдь и теперь этимъ отчасти довольствуюсь. Мечты особенно слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратка, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторгами. Бывали мгновѣнія такого положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей-Богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ нибудь вишнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно—я никогда не зналъ, но главное—совсѣмъ готовой) и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому что въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному дескать человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы «все-го прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время развратка, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными всплывающими, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляя однакожъ развратка своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто поджигали его контрастомъ, и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчій и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа и всѣ эти мученья и мученья и придавали какую-то пикантность, даже смыслъ моему разврату, — однимъ словомъ исполняли вполне должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ-ли бы я согласиться на простой, пошлый, непосредственный писарскій развратикъ и вывести на себѣ всю эту грязь! Что-жъ бы могло тогда въ ней прельстить меня и выманить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня была благородная лавка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ во все прекрасное и высокое»: хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того было ее много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя бѣ ужъ это роскошь была. Все впрочемъ благополучно всегда оканчивалось лѣнливымъ и упительнымъ переходомъ къ искусству, т. е. къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ и приспособленнымъ ко всевозможнымъ услугамъ и требованіямъ. Я, наприимѣръ, надъ всѣми торжествую; всѣ разумѣтся, во прахѣ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ; получаю несмѣтные милліоны и тотчасъ же жертвую ихъ на родъ человѣческій и тутъ же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые разумѣтся не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много «прекраснаго и высокаго», чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и целуютъ меня (иначе что-же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, что на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ: затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д. и т. д.—будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего-же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего-бы то ни было, въ вашей, господа, жизни? И къ тому-же повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все-же происходило на озерѣ Комо. А впрочемъ вы правы; дѣйствительно и пошло и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другаго подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ состояніи былъ сряду мечтать и начинать ощущать непреодолимую потребность ринуться въ общество. Ринуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антону Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный, мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужъ наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ чело-

вѣществомъ; а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антону Антонычу надо было впрочемъ являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антопъ Антонычъ у Пяти-Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и малъ-мала меньше, имѣвшихъ самый экономическій и жолтенькій видъ. Были у него двѣ дочери и ихъ тетка, разливавшая чай. Дочкамъ—одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, обѣ были курносинькія и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихикали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожаномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ нибудь сѣдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ посторонняго вѣдомства. Больше двухъ—трехъ гостей, и все тѣхъ-же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизы, про торги въ Сенатѣ, о жалованьи, о производствѣ, о его превосходительствѣ, о средствѣ нравиться и проч. и проч. Я имѣлъ терпѣніе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и не умѣя ни объ чемъ съ ними заговорить. Я тупѣлъ, по нѣскольку разъ принимался потѣть, надо мной носился параличъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обняться со всѣмъ человечествомъ.

Былъ впрочемъ у меня и еще какъ-будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывшій мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Петербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я можетъ быть и на службу-то въ другое вѣдомство перешелъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ же разошелся какъ вышелъ на волю. Оставались два-три человѣка, съ которыми я еще кланялся встрѣчаясь. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровень и тихъ, но въ немъ я отличилъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужъ ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но недолго продолжались и какъ-то вдругъ задержались туманомъ. Онъ видимо тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень противенъ, но все-таки ходилъ къ нему, неуверенный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества, и зная, что въ четвергъ у Антопа Антоныча дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно

думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится мною и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія какъ нарочно еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошелъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III.

Я засталъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали повидимому объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потому что я не видался съ ними ужъ годы. Очевидно меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третируютъ меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я конечно понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры, и за то, что я ужъ очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч. — что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моей неспособности и мелкаго значенія. Но я все-таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ-будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило; я сѣлъ въ нѣкоторой тоскѣ и началъ слушать о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра же, сообщая, отъѣзжавшему далеко въ губернію ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мосе Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ классовъ. Въ низшихъ классахъ онъ былъ только хорошенькой, рѣзвый мальчишкѣ, котораго всѣ любили. Я впрочемъ ненавидѣлъ его и въ низшихъ классахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькой и рѣзвый мальчишкѣ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однакожъ вышелъ изъ школы удачно, потому что имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наслѣдство, двѣсти душъ, а такъ какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однакожъ добрый малый, даже и тогда когда фанфаронилъ. У насъ же, не смотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ изъ-за того, что онъ фаворизированный дарами природы человѣкъ. Притомъ же какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова специалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Послѣднее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, несомнѣвающийся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе соб-

ственных своих остротъ, которые у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ; я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы впрочемъ промѣнялъ съ охотою свое *умное*) и развязно-офицерскіе приемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ рассказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ поминутно будетъ выходить на дуэли. Помню какъ я, всегда молчаливый, вдругъ сѣпился съ Звѣрковымъ, когда онъ, толкая разъ въ свободное время съ товарищами о будущей клубничкѣ, и разыгравшись наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставитъ безъ вниманія, что это — *droit de seigneur*, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересечетъ и всѣмъ имъ, бороатымъ канальямъ, вдвое наложитъ оброку. Наши хамы аплодировали; я же сѣпился, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отсмѣялся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣясь. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. По выпускѣ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ; я не очень противился, потому что мнѣ это полстѣило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слышалъ объ его казарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о томъ какъ онъ *кутитъ*. Потомъ пошли другіе слухи, — о томъ какъ онъ *устываетъ* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся и я подозрѣвалъ, что онъ боится компрометировать себя, раскланиваясь съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусь, уже въ аксельбантахъ. Онъ увивался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ по прежнему довольно красивъ и ловокъ; какъ-то отекалъ, сталъ жирѣть; видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему наконецъ Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренно, не считали себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ нѣмцевъ, — маленькій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ пересмѣивающій глупецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ низшихъ классовъ, — подлый, дерзкій, фанфарониска и игравшій въ самую шекотливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые загрызали съ нимъ изъ видовъ, и часто занимали у

него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность незамѣчательная, военный паренъ, высокаго роста, съ холодною фizioноміей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ успѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался же хоть не совсѣмъ вѣжливо, но свосно.

— Что жъ, коль по семи рублей, заговорилъ Трудолюбовъ, — насъ трое, двадцать одинъ *руль*, — можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ конечно не платилъ.

— Ужъ разумѣется, коль мы же его приглашаемъ, рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели-жъ вы думаете, — заносчиво и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахалъ лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барица, — неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пуститъ однихъ платить? Изъ деликатности приметъ, но за то отъ себя *полдюжины* выставитъ.

— Ну, куда намъ четвернымъ полдюжины, — замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на полдюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль, въ *Hôtel de Paris*, завтра въ пять часовъ, — окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ же двадцать одинъ? сказалъ я въ нѣкоторомъ волненіи, даже повидимому обидѣвшись; — если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ неожиданно предложить себя будетъ даже очень красиво и они всѣ будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— Почему-же-съ? Я вѣдь кажется тоже товарищъ и признаюсь мнѣ даже обидно, что меня обошли, — заклокоталъ было, я опять.

— А гдѣ васъ было искать? грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ, — прибавилъ Трудолюбовъ нахмурившись. Но я ужъ ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется объ этомъ никто не въ правѣ судить, возразилъ я, съ дрожью въ голосѣ, точно и Богъ знаетъ что случилось. — Именно потому-то я можетъ быть теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто васъ пойметъ... возвышенности-то эти... усмѣхнулся Трудолюбовъ.

— Васъ запишутъ, — рѣшилъ обращаясь ко мнѣ Симоновъ, завтра въ пять часовъ, въ *Hôtel de Paris*; не ошибитесь.

— Деньги-то! — началъ было Ферфичкинъ, впол-

голоса кивая на меня Симонову, но осёкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно, сказалъ Трудолюбовъ вставая. — Если ему такъ ужъ очень захотѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельскій,—злится Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу.— Это не официальное собраніе.

Мы васъ можетъ быть и совѣмъ не хотимъ...

Они ушли; Ферфичкинъ уходя мнѣ совѣмъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посматрѣлъ на меня. Онъ не сядилъ и меня не приглашалъ.

— Гм... да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать,—пробормоталъ онъ сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но вспыхивая вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего впрочемъ и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мнѣ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только, чтобъ знать... Вы пожалуйста...

Онъ осёкся и сталъ шагать по комнатѣ съ еще большей досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблукъ и при этомъ сплѣще топать.

— Я васъ не задерживаю-ли? спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанья.

— О нѣтъ! встрепнулся онъ вдругъ,—т. е. по правдѣ,—да. Видите-ли, мнѣ еще бы надо зайти... Тутъ недалеко... прибавилъ онъ, какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдась.

— Ахъ Боже мой! Что-же вы не ска-же-те! вскрикнулъ я, схвативъ фуражку, съ удивительно впрочемъ развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь недалеко... Тутъ два шага... повторялъ Симоновъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шель.— Такъ завтра въ пять часовъ ровно!—крикнулъ онъ мнѣ на лѣстницу: очень ужъ онъ былъ доволенъ что я ухожу. Я же былъ въ бѣшенствѣ.

— Вѣдь дернуло же, дернуло же выскочить!—скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ,—и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову! Разумѣется не надо ѣхать; разумѣется папсовать: что я связанъ, что-ли? Завтра же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...

Но потому то я и бѣсился, что навѣрно зналъ что поѣду; что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактнѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду.

И даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего на всего лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра же мѣсячнаго жалованья Аполлону мо-

ему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать же было невозможно, судя по характеру Аполлона. Но объ этой канальѣ, объ этой язвѣ моей я когда нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непременно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудрено: весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ домахъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ которыхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ ни какого понятія,—супули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго, и дико на все озираващагося. Товарищи встрѣтили меня злобными и безжалостными насмѣшками, за то, что я ни на кого изъ нихъ не былъ похожъ. Но я не могъ насмѣшекъ переносить; я не могъ такъ дешево уживаться, какъ они уживались другъ съ другомъ. Я возненавидѣлъ ихъ тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, уязвленную и непомѣрную гордость. Грубость ихъ меня возмущала. Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ моей мѣшковатой фигурой; а между тѣмъ какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, пгръ, разговоровъ. Они такихъ необходимыхъ вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предметами не интересовались, что поневолѣ я сталъ считать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе подбивало меня къ тому, и, ради Бога, не вылъзайте ко мнѣ съ пріѣвшимиися до тошноты казенными возраженіями: «что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣйствительную жизнь понимали». Ничего они не понимали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ, самую очевидную, рѣжущую глаза дѣйствительность они принимали фантастически глупо, и уже тогда привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестоко-сердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно много тутъ было отъ глупости, отъ дурнаго примѣра, непрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости. Разумѣется и тутъ было больше внѣшности, больше напускной циничности: разумѣется юность и нѣкоторая свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ-за разврата; но не привлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ерничествѣ. Я ненавидѣлъ ихъ ужасно, хотя пожалуй былъ ихъ же хуже. Они мнѣ тѣмъ

же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзения. Но я уже не желалъ ихъ любви; напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ униженія. Чтобы избавиться себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Къ тому же всѣ они начали по маленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціального курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась неприязнь и установились холодныя, натянутыя отношенія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развивалась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сближаться съ ними; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само-собою и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ; я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой; я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружавшей его средѣ: я потребовалъ отъ него высокомернаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моей страстной дружбой; я доводилъ его до слезъ, до судорогъ; онъ былъ наивная и отдающаяся душа; но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя,—точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить; мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать... И чортъ знаетъ зачѣмъ послѣ того я потащился къ этому Симонову!..

Утромъ я рано схватился съ постели, вскочилъ съ волненіемъ, точно все это сейчасъ же и начнется совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и непремѣнно наступитъ сегодня же, какой-то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ неприязни, что ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ внѣшнемъ, хотя бы мельчайшемъ событіи, все казалось что вотъ сейчасъ и наступитъ какой-нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я впрочемъ отпирался въ должность по обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобы приготовиться. Главное, думалъ я, надо прѣхвать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужъ очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всѣ они волновали меня до безспія. Я собственноручно еще разъ вычистилъ мои сапоги; Аполлонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ бы чистить ихъ два раза въ день, находя что это не порядокъ. Чистилъ же я, укравъ щетки изъ передней, чтобы онъ какъ нибудь не замѣтилъ и

не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нащелъ, что все старо, потерто, заносено. Слишкомъ я ужъ обнелюблился. Видмундиръ, пожалуй, былъ исправенъ, но не въ видмундирѣ же было ѣхать обѣдать. А главное, на панталонахъ, на самой колѣнѣ было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ, что одно уже это пятно отниметъ у меня девять десятыхъ собственнаго достоинства. Зналъ тоже я, что очень низко такъ думать. «Но теперь не до думанья; теперь наступаетъ дѣйствительность», думалъ я и падалъ духомъ. Зналъ я тоже отлично, тогда же, что всѣ эти факты чудовищно увеличиваю; но что же было дѣлать: совладать я съ собою ужъ не могъ и меня трясла лихорадка. Съ отчаяніемъ представлялъ я себѣ, какъ свысога и холодно встрѣтитъ меня этотъ «подлецъ» Звѣрковъ; съ какимъ тупымъ, ничѣмъ неотразимымъ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на меня тупица Трудолюбовъ; какъ скверно и дерзко будетъ подхихикивать на мой счетъ козявка Ферфинкинъ, чтобы подслужиться Звѣркову; какъ отлично пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ презирать меня за низость моего тщеславія и мало-душія, и, главное,—какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*, обиденно. Конечно всего бы лучше совсѣмъ не ѣхать. Но это-то ужъ было больше всего невозможно: ужъ когда меня начинало тянуть, такъ ужъ я такъ и втягивался весь, съ головой. Я бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ: «а что струсилъ, струсилъ *дѣйствительности*, струсилъ!» Напротивъ мнѣ страстно хотѣлось доказать всей этой «шушерѣ», что я вовсе не такой трусъ, какъ я самъ себѣ представляю. Мало того: въ самомъ сильнѣйшемъ пароксизмѣ трусливой лихорадки, мнѣ мечталось одержать верхъ, побѣдить, увлечь, заставить ихъ полюбить себя — ну хоть «за возвышенность мыслей и несомнѣнное остроуміе». Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть всторонѣ, молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. Потомъ пожалуй помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда же зналъ, зналъ вполне и навѣрно, что ничего мнѣ этого въ сущности не надо, что, въ сущности я вовсе не желаю ихъ раздавливать, покорять, привлекать и что за весь-то результатъ, еслибъ только я и достигъ его, я самъ, первый, гроша бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобы ужъ прошелъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и всматривался въ мутную мглу густо падающаго мокраго снѣга...

Наконецъ на моихъ дрянныхъ стѣнныхъ часахъ проишло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взглянуть на Аполлона, который еще съ утра все ждалъ отъ меня выдачи жалованья, но, по глупости своей, не хотѣлъ заговорить первый,—скользнулъ мимо него изъ дверей, и на лхачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ баринѣмъ къ Hôtel de Paris.

IV.

Я еще наканунѣ зналъ, что приѣду первый. Но ужь дѣло было не въ первенствѣ:

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще несовсѣмъ накрыто. Что же это значило? Послѣ многихъ разспросовъ я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдъ заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно стало разспрашивать. Было еще только двадцать пять минутъ шестаго. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны же были извѣстить; на то городская почта, а не подвергать меня «позору» и передъ собой и... и хоть передъ слугами. Я сѣлъ; слуга сталъ накрывать; при немъ стало какъ-то еще обиднѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однакожь внести ихъ тотчасъ же какъ я приѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчаливые. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно; даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей; слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдъ былъ съ дамами. Однимъ словомъ, было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе сверную минуту, такъ что, когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ, какъ какимъ-то освободителямъ и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ.

Звѣрковъ вошелъ впереди всѣхъ, видимо предводительствуя. И онъ и всѣ они смѣялись; но, увидя меня, Звѣрковъ приосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ талѣ, точно кокетничая, и подаль мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой-то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостію, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ тотчасъ же какъ войдетъ захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами, и съ первыхъ же словъ пойдутъ плоскія его шутки и остроты. Къ нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужь не ожидалъ я такого свысока, такой превосходительной ласки. Стало быть онъ ужь вполне считалъ себя теперь неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Еслибъ онъ только обидѣлъ меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я бы какънибудь тамъ отплевался. Но что если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанія обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идея, что онъ неизмѣримо выше меня и можетъ на меня смотрѣть не иначе, какъ только съ покровительствомъ? Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, — началъ онъ сюсюкая и прищенивая и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало. — Мнѣ съ вами какъ-то все не

встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны, какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ радъ во-зоб-но-вить...

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? спросилъ Трудолюбовъ.

— Я приѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили, — отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать, что перемѣнили часы? оборотился Трудолюбовъ къ Симонову.

— Не далъ. Забылъ, — отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянія и, даже не извинившись передо мной, пошелъ распорядиться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужь часъ, ахъ бѣдный! — вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что по его понятіямъ это дѣйствительно должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подленькимъ, звонкимъ, какъ у собаченки голоскомъ, закатился подлецъ Ферфичкинъ. Очень ужь и ему показалось смѣшно и конфузно мое положеніе.

— Это вовсе не смѣшно! закричалъ я Ферфичкину, раздражаясь все болѣе и болѣе; — виноваты другіе, а не я. Мнѣ пренебрегли дать знать. Это-это-это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще чтонибудь, — проворчалъ Трудолюбовъ, наивно за меня заступаясь. — Вы ужь слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно неумышленная. И какъ это Симоновъ... гм!

— Еслибъ со мной этакъ сыграли, замѣтилъ Ферфичкинъ, я-бы...

— Да вы бы велѣли себѣ чегонибудь подать, перебилъ Звѣрковъ, или просто спросили бы обѣдать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я бы могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенія, отрѣзалъ я. Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа, закричалъ внемеднѣйшій Симоновъ; все готово; за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не знаю, гдѣ-жъ васъ отыскивать? оборотился онъ вдругъ ко мнѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно онъ имѣлъ что-то противъ. Знать послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли; сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня пришеисъ Трудолюбовъ, по правую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ; Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудолюбовымъ.

— Ска-а-ажите, вы... въ департаментѣ? продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя, что я сконфуженъ, онъ серьезно вообразилъ, что мнѣ надо обласкать, и такъ сказать, ободрить. «Чтожъ онъ, хочетъ что ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ», подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ-то неестественно скоро.

— Въ... канцеляріи, отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И... ввамъ выгодно? Ска-ажите, что васъ напудило оставить прежнюю службу?

— То п па-а-анудило, что захотѣлось оставить претнюю службу, протянулъ я втрое больше, уже почти не владея собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посмотрѣлъ на меня; Трудолюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разсматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покорило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Ну-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То-есть, ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Впрочемъ я тутъ же и назвалъ сколько получаю жалованья. Я ужасно краснѣлъ.

— Небогато,—важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ обѣдать! нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По моему такъ даже просто бѣдно,—серьезно замѣтилъ Трудолюбовъ.

— И какъ вы похудѣли, какъ перемѣнились... съ тѣхъ поръ... прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ яду, съ какимъ-то нахальнымъ сожалѣніемъ, разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то—хихикая вскрикнулъ Ферфичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь,—прорвался я наконецъ,—слушайте-съ! Я обѣдаю здѣсь, «въ кафе-ресторанѣ» на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтите это m-r Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! кто жъ это здѣсь не на свои обѣдаетъ? Вы какъ будто... вѣцпился Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервененіемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ,—отвѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашелъ,—и полагаю, что лучше бы намъ заняться разговоромъ поумнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашъ умъ показывать?

— Не безпокойтесь, это было бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это, что, сударь вы мой, раскудахтались—а? вы не съ ума ли ужъ спятили, въ нашемъ департаментѣ?

— Довольно, господа, довольно! закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо! проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно глупо, мы собрались въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ вояжъ другаго пріятеля, а вы считаетесь, заговорилъ Трудолюбовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному. Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстройвайте же общей гармоніи...

— Довольно, довольно, кричалъ Звѣрковъ. — Перестаньте господа, это нейдетъ. А вотъ я вамъ, лучше расскажу, какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ какъ этотъ господинъ третьяго-дня чуть не женился. О женитбѣ въпрочемъ не было ни слова, но въ

разсказѣ все мелькали генералы, полковники и даже камеръ-юнкеры, а Звѣрковъ между ними чуть не въ главѣ. Начался одобрителный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили и я сидѣлъ раздавленный и уничтоженный.

— Господи, мое-ли это общество! думалъ я. И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я однакожъ много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ балбесы, что честь мнѣ сдѣлали давъ мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! «Похудѣлъ! Костюмъ!» О проклятые панталонны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчас-же, сію минуту встать изъ-за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хотъ на дуэль. Подлецы. Вѣдь не семи же рублей мнѣ жалтъ. Пожалуй подумаютъ.... Чортъ возьми! Не жалъ мнѣ семи рублей! Сію минуту ухожу!..

Разумѣется я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересь стаканами. Съ непривычки быстро хмѣлѣлъ, а съ хмѣлемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужъ уйти. Улучить минуту и показать себя: пусть-же скажутъ: хотъ и смѣшонъ, да уменъ... и... и... однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужъ меня позабыли совсѣмъ. У нихъ было шумно, криливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ разсказывалъ о какой-то пышной дамѣ, которую онъ довелъ таки, наконецъ, до признанья (разумѣется лгалъ какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему его интимный другъ, какой-то князекъ, гусаръ Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ—ввязался я вдругъ въ разговоръ. На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужъ о сю пору пьяны,—согласился наконецъ замѣтить меня Трудолюбовъ, презрительно наклонивъ въ мою сторону. Звѣрковъ молча разсматривалъ меня какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокалъ, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути!—крикнулъ онъ Звѣркову; — за старые годы, господа, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полезли цѣловаться съ Звѣрковымъ. Я не трогался; полный бокалъ стоялъ передо мной непочтатый.

— А вы развѣ не станете пить? заревѣлъ потерявшій терпѣніе Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичъ съ своей стороны, *мало...* и тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка! проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокалъ въ лихорадкѣ, готовая къ чему-то необыкновенному, и самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence! — крикнулъ Ферфичкинъ. — То-то ума-то будетъ! Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, *пошная* въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, началъ я, знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и талы съ перехватами... Это первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ!

— Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, продолжалъ я почти машинально, потому что самъ начиналъ ужъ леденѣть отъ ужаса, не понимая какъ это я такъ говорю...—Я люблю мысль, М-е Звѣрковъ; я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, а не... гм... Я люблю... А впрочемъ отчегожъ? И я выпью за ваше здоровье, М-е Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отчества и... и... За ваше здоровье М-е Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже поблѣднѣлъ.

— Чортъ возьми, заревѣлъ Трудолюбовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ! — взвизнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо! проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодование. Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ сумѣю доказать ему насколько цѣню его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра-же вы мнѣ дадите удовлетвореніе за ваши сейчаснія слова! громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То есть дуэль-съ? Извольте-съ, отвѣчалъ тотъ, но вѣрно я былъ такъ смѣшонъ вызывая, и такъ это не шло къ моей фигурѣ, что всѣ, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да конечно бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянъ! съ омерзениемъ проговорилъ Трудолюбовъ.

— Никогда не прощу себѣ, что его записалъ! проворчалъ опять Симоновъ.

— Вотъ теперь-бы и пустить бутылкой во всѣхъ подумалъ я, взявъ бутылку и... налилъ себѣ полный стаканъ.

...Нѣтъ, лучше досижу до конца! продолжалъ я думать, — вы были-бы рады, господа, чтобъ я ушелъ. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потому что здѣсь кабакъ, а я деньги за входъ заплатилъ.

Буду сидѣть и пить, потому что васъ за пѣшекъ считаю, за пѣшекъ не существующихъ. Буду сидѣть и пить... и пѣть если захочу, да-съ и пѣть, потому что право такое имѣю... чтобъ пѣть.. гм.

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы, и съ нетерпѣніемъ ждалъ когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но увы, они не заговорили. И какъ-бы, какъ-бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробыло восемь часовъ, наконецъ девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлеся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглой столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ дѣйствительно выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня разумѣется не пригласилъ. Всѣ обѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣніемъ. Видно было, что его любили. «За что? за что?» думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цаловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ; о томъ сколько доходу у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично и радовались, что у него много доходу; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Д-й которую тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ; наконецъ дошло до того, что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другую сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ показать, что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ савогами, становясь на каблуки. Но все было напрасно: *Они-то* и не обращали вниманія. Я имѣлъ терпѣніе проходить такъ, прямо передъ ними, съ восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому-же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу: «Такъ, хожу себѣ и никто не можетъ мнѣ запретить.» Вхидившій въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня; отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова; минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль: что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все-таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстиѣ и добровольнѣ унижать себя самому было ужъ невозможно, и я вполне, вполне понималъ это и все-таки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. «О еслибъ вы только знали на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развитъ!» думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ они обернулись ко мнѣ, именно когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ, презрительно

захоталъ. Я такъ выдѣлалъ и гадко фыркнулъ что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнѣ, отъ стола до печки и какъ я *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробыло одиннадцать.

— Господа, закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана,—теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно!—заговорили другіе.

Я круто поворотилъ къ Звѣркову. Я былъ до того измученъ, до того изломанъ, что хотъ зарѣзаться, а покончить! У меня была лихорадка; смоченныя потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! я прошу у васъ прощенья, сказалъ я рѣзко и рѣшительно; — Ферфичкинъ, и у васъ тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! дуэль-то не свой братъ!—ядовито прошипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я готовъ съ вами же завтра драться, уже послѣ примиренія. Я даже настаиваю на этомъ и вы не можете мнѣ отказать. Я хочу доказать вамъ, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшить,—замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрѣдиль! отозвался Трудолюбовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперегъ дороги стали! Ну чего вамъ надобно?—презрительно отвѣчалъ Звѣрковъ. Всѣ они были красивые; глаза у всѣхъ блистали: много пили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ обидѣлъ по...

— Обидѣли? В-вы! Мп-пя! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и не при какихъ обстоятельствахъ не можете *меня* обидѣть!

— И довольно съ васъ, прочь!—скрѣпилъ Трудолюбовъ.—Бѣдемъ!

— Олимпія моя, господа, уговоръ! крикнулъ Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! не оспариваемъ! отвѣчали ему, смѣясь.

Я стоялъ ошлепанный. Ватага шумно выходила изъ комнаты, Трудолюбовъ затащилъ какую-то глупую пѣсню. Симоновъ остался на крошечную минутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ пошелъ къ нему.

— Симоновъ! дайте мнѣ шесть рублей!—сказалъ я рѣшительно и отчаянно.

Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изумленіи, какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами?

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ!—отрѣзалъ онъ, презрительно усмѣхнулся и пошелъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шинель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь

мнѣ отказать: еслибъ вы знали, еслибъ вы знали для чего я прошу! Отъ этого зависить все, все мое будущее, всѣ мои планы..

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны!—безжалостно проговорилъ онъ и побѣждалъ догонять ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Безпорядокъ, обѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирсъ, хмѣль и бредъ въ головѣ мучительная тоска въ сердцѣ, и наконецъ лакей все видѣвшій и все слышавшій и любопытно заглядывавшій мнѣ въ глаза.

— *Туда!* вскрикнулъ я, «Или они всѣ на колѣнахъ, обнимая ноги мои будутъ вымаливать моей дружбы, или... или я дамъ Звѣркову пощочину!»

V.

— Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столкновение-то съ дѣйствительностью,—бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы.—Это знать ужъ не папа, остающійся Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это знать ужъ не балъ на озерѣ Комо!

— Подлецъ ты!—пропеслось въ моей головѣ, коли надъ этимъ теперь смѣешься.

— Пусть! крикнулъ я, отвѣчая себѣ.—Теперь вѣдь ужъ все погибло!

Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ; но все равно; я зналъ куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокій ванька, ночникъ, въ сермягѣ, весь запорошенный все еще валпвшимися мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было жарко и душно. Маленькая лохматая, пѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и капляла; я это очень помню. Я бросился въ лубочныя санки; но только было я занесъ ногу, чтобъ сѣсть, воспоминаніе о томъ какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я какъ мѣшокъ повалился въ санки.

— Нѣтъ! Надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! прокричалъ я; но я выкуплю, или, въ эту же ночь погибну на мѣстѣ. Пошелъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ:

— На колѣнахъ умолять о моей дружбѣ,—они не станутъ. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтический и фантастическій; тотъ же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощочину! Я обязанъ дать. Итакъ рѣшено; я лечу теперь дать ему пощочину—Погоняй!

Ванька задергалъ возжами.

— Какъ войду такъ и дамъ. Надобно-ли сказать передъ пощочиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ! Просто войду и дамъ. Они всѣ будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я отгасяю

Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ быть, всѣ начнутъ меня бить и вытолкаютъ. Это даже навѣрно. Пусть! Все-же я первый далъ пощочину: моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеименъ и никакими побоями ужъ не сможетъ съ себя пощочины, кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, благородные! Особенно будетъ бить Трудюловъ: онъ такой сильный, Ферфичкинъ прицѣпится съ боку и непремѣнно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошелъ. Ихъ бараньи башки при-нуждены же будутъ раскусить наконецъ во всемъ этомъ трагическомъ! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я крикну имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца. Погоняй извози-ковъ, погоняй! закричалъ я на Ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужъ дико я крикнулъ.

На разсвѣтѣ деремся, это ужъ рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента департаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пуль? Это дѣло секунданта. И какъ успѣтъ все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ... Вздоръ! крикнулъ я, взвизываясь еще больше, вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращаюсь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно также какъ вытаскивать изъ воды утопающаго. Самые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да еслибъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну!—Антонъ Антонычъ...

Дѣло въ томъ, что въ ту же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому-бы то ни было во всемъ мірѣ, представлялась вся гнуснѣйшая нелѣпость моихъ предположеній и весь оборотъ медали, по...

— Погоняй, извозику, погоняй шельмецъ, погоняй!

— Эхъ баринъ! проговорпла земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

А не лучше-ли... а не лучше-ли... прямо теперь-же домой? О Боже мой! зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвалъ-ся на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мною за эту прогулку! Они должны смыть это безчестіе! Погоняй!

— А что если они меня въ часть отдадутъ! Не посмѣютъ? Скандала побоятся. А что если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэли? Это даже навѣрно; но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за погу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзаетъ. Я зубами вцѣплюсь ему въ руку, я укушу его. «Смотрите всѣ, до чего можно довести отча-

яннаго человѣка!» Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ закричу: смотрите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевкомъ на лицѣ!

Разумѣется послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ, меня будутъ судить, меня выгонятъ изъ службы, посадятъ въ острогъ, поплотъ въ Сибирь, на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рубищѣ, пицимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ нибудь въ губернскомъ городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: смотри извергъ, смотри на мои ввалившіяся щеки и на мое рубище! Я потерялъ все, — карьеру, счастье, искусство, науку, *любимую женщину*, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришею разрядить свой пистолетъ п... и прещая тебя. Тутъ я выстрѣлю па воздухъ и обо мнѣ ни слуху, ни духу...

Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это же самое мгновеніе, что все это изъ Сильвіо и изъ Маскарада Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадей, вылезъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя — приходилъ вздоръ: и оставить дѣла нельзя, потому что ужъ тутъ выйдетъ... Господи! Какъ же это можно оставить! И послѣ такихъ обидъ! Нѣтъ! вскрикнулъ я, снова кидаясь въ сани: это пред-назначено, это рокъ! погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣніи я ударилъ кулакомъ извозника въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? закричалъ мужичонка, стегая однакомъ клычу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валплъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потому что окончательно рѣшился на пощочину и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужъ *непремѣнно, сейчасъ* теперь случится и *ужъ никакими силами остановить нельзя*. Пустынныя фонари угрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ куртку, подъ галстухъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужъ и безъ того все было потеряно! Наконецъ мы подъѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, взбѣжалъ по ступенькамъ и пачалъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили; точно знали о моемъ приѣздѣ. (Дѣйствительно Симоновъ предувѣдомилъ, что можетъ быть еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предувѣдомлять и вообще брать предосторожности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тогдашнихъ «молныхъ магазиновъ», которые давно уже теперь истреблены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это былъ магазинъ; а по вечерамъ, имѣющимъ рекомендацію,

можно было приѣзжать въ гости). Я прошелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка и оставился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ же они?—спросилъ я кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойтись....

Передо мной стояла одна личность, съ глухой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія я шагаль по комнатѣ и кажется говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ и всѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я бы далъ пощочину, я бы непременно, непременно далъ пощочину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось!.. Я оглядывался. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее, молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями, съ серьезнымъ и какъ бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ же понравилось; я бы возненавидѣлъ ее, еслибы она улыбалась. Я сталъ взглядываться пристальнѣе и какъ бы съ успѣемъ: мысли еще не всѣ собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала и изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня; я подошелъ прямо къ ней...

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Вздвигнутое лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. «Это пусть, этому я радъ, подумалъ я; я именно радъ, что покажусь ей отвратительнымъ; мнѣ это пріятно»...

VI.

...Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ-будто кто-то душилъ ихъ—захрипѣли часы. Послѣ неестественно долгого хрипѣнья послѣдовалъ топенькій, гаденькій и какъ-то неожиданно-частый звонъ,—точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробило два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытій.

Въ комнатѣ узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огромнымъ платянымъ шкапомъ и заброшенной картонками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ,—было почти совсѣмъ темно. Огарокъ, свѣтившій на столѣ въ концѣ комнаты, совсѣмъ потухалъ, изрѣдка чуть-чуть вспыхивая. Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, безъ

усилій, тотчасъ-же мнѣ вспомнилось, какъ будто такъ и сторожило меня, чтобъ опять накиннуться. Да и въ самомъ забытій все-таки въ памяти постоянно оставалась какъ будто какая-то точка, никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело ходили мои сонныя грезы. Но странно было: все, что случилось со мной въ этотъ день, показалось мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно выжилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угаръ. Что-то какъ будто носилось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и беспокоило. Тоска и жолчь снова накалились и искали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ два открытые глаза, любопытно и упорно меня разсматривавшіе. Взглядъ былъ холодно-безучастный, угрюмый, точно совсѣмъ чужой; тяжело отъ него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и прошла по всему тѣлу какимъ-то сквернымъ ощущеніемъ, похожимъ на то, когдаходишь въ подполье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно было, что именно только теперь, эти два глаза вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось мнѣ тоже, что въ продолженіе двухъ часовъ я не сказалъ съ этимъ существомъ ни одного слова и совершенно не счелъ этого нужнымъ; даже это мнѣ давеча почему-то нравилось. Теперь же, мнѣ вдругъ ярко представилась нелѣпая, отвратительная какъ паукъ, идея разврата, который безъ любви, грубо и безстыже, начинается прямо съ того, чѣмъ настоящая любовь вѣнчается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она, передъ моими, не опускала и взгляду своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало наконецъ отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣй кончить.

— Лизой, отвѣтила она почти шопотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... свѣтъ... гадко! проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ. Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка поворотивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.

— Откуда?

— Изъ Риги, — проговорила она нехотя.

— Нѣмка?

— Русская.

— Давно здѣсь?

— Гдѣ?

— Въ домѣ.

— Двѣ недѣли. Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно потухла; я не могъ уже различать ея лица.

— Отецъ и мать есть?

— Да... нѣтъ... есть.

— Гдѣ они?

— Тамъ... въ Ригѣ.

— Кто они?

— Такъ...

— Какъ: такъ? Кто, какого званія?

— Мѣщане.

— Ты все съ ними жила?

— Да.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать.

— Зачѣмъ-же ты отъ нихъ ушла?

— Такъ...

— Это такъ означало: отвязись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я не уходилъ. Мнѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, безпорядочно стали проходить въ моей памяти. Я другъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ и не желая начинать разговора, а такъ почти печально.

— Гробъ?

— Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.

— Изъ подвала?

— Не изъ подвала, а изъ подвального этажа... ну запасъ... тамъ, внизу... изъ дурнаго дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло... мерзко было.

Молчаніе.

— Скверно сегодня хоронить! началъ я опять, чтобы только не молчать.

— Чѣмъ скверно?

— Снѣгъ, мократъ... (Я зѣвнулъ).

— Все равно, вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья.

— Нѣтъ, гадко... (я опять зѣвнулъ). Могильщики вѣрно ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ вѣрно была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? спросила она съ какимъ-то любопытствомъ, но выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какъ же, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не вырешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болото. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ какъ рассказывали).

— Неужели тебѣ все равно, умирать-то?

— Да зачѣмъ я помру?—отвѣчала она какъ-бы защищаясь.

— Когданибудь да умрешь же и также точно

умрешь, какъ давешняя покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ бы померла... (Она ужъ объ этомъ знаетъ подумалъ я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка).

— Она хозяйкѣ должна была, возразилъ я все болѣе и болѣе подзадориваясь споромъ, — и до самаго почти конца ей служила, хоть и въ чахоткѣ была. Извозчики кругомъ говорили съ солдатами, рассказывали это. Вѣрно ея знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакѣ ее помянуть собирались. (Я и тутъ много привралъ.)

Молчаніе, глубокое молчаніе. Она даже не шевелилась.

— А въ больницѣ-то, лучше что-ль помирать?

— Не все-ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать? прибавила она раздражительно.

— Не теперь такъ потомъ?

— Ну и потомъ...

— Какъ-бы не такъ!—Ты вотъ теперь молода, хороша, свѣжа — тебя во столько и цѣнятъ. А черезъ годъ этой жизни ты не то ужъ будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ черезъ годъ тебѣ будетъ меньше цѣна, продолжалъ я съ злорадствомъ. Ты и перейдешь отсюда куда нибудь ниже, въ другой домъ. Еще черезъ годъ—въ третій домъ, все ниже и ниже, а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до подвала. Это еще хорошо бы. А вотъ бѣда коль у тебя кромѣ того объявится какая болѣзнь, ну тамъ слабость груди... аль сама простудишься, алп что нибудь. Въ такой жизни болѣзнь туго проходить. Привяжется, такъ пожалуй и не отвяжется. Вотъ и померешь.

— Ну и помру, — отвѣтила она, совсѣмъ ужъ злобно и быстро пошевелинулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчанье.

— У тебя былъ женихъ? а?

— Вамъ начто?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты сердиться? У тебя конечно могли быть свои непріятности. Чего мнѣ? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебя жаль.

— Нечего... шепнула она чуть слышно, и опять шевелинулась.

Меня это тотчасъ-же подозлипло. Какъ! я такъ было кротко съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дорогѣ, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо что не думаешь. Очнись пока время есть. А время то есть. Ты еще молода. собою хороша; могла бы полюбить, замузъ пойти, счастливой быть...

— Не всё замужемъ-то счастливыя, — отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Не всё, конечно, — а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Невпримѣръ лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жпзнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фу!

И повернулся съ омерзеньемъ; я уже нехолодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать что говорю и горячился. Я уже свои заветныя *идейки* въ углу выжитыя жаждалъ пзложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль «явилась».

— Ты не смотри на меня что я здѣсь, я тебѣ не примѣръ. Я можетъ еще тебя хуже. Я, впрочемъ пьяный сюда зашелъ, поспѣшилъ я все-таки оправдать себя. Къ тому жъ мужнина женщинѣ совсѣмъ не примѣръ. Дѣло розное; я хоть и гажу себя и мараю, да за то ни чей я не рабъ; былъ да пошелъ и нѣтъ меня. Стрихнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять-то, что ты съ перваго начала, раба. Да, раба! Ты все отдаешь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужъ нѣтъ: все крѣпче и крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужъ такая цѣнь проклятая. Я ее знаю. Ужъ о другомъ я и не говорю, ты и не поймешь, пожалуй, а вотъ скажи-ка: Вѣдь ты навѣрно ужъ хозяйкѣ должна? Ну вотъ видишь! прибавилъ я, хотя она мнѣ не отвѣтила, а только молча всѣмъ существомъ своимъ слушала; — вотъ тебѣ и цѣнь! Ужъ никогда не откупнись. Такъ сдѣлають. Все равно что чорту душу...

...И къ тому жъ я... можетъ быть тоже, такой же несчастный, почему ты знаешь, и нарочно въ грязь лѣзу, тоже съ тоски. Вѣдь пьютъ же съ горя: ну, а я вотъ здѣсь — съ горя. Ну скажи, ну что тутъ хорошаго: вотъ мы съ тобой... сошлись... давеча, и слова мы во все время другъ съ другомъ не молвили, и ты меня, какъ дикая, ужъ потомъ разсматривать стала; и я тебя также. Развѣ такъ любятъ? Развѣ такъ человѣкъ съ человѣкомъ сходятся должны? Это безобразіе одно, вотъ что!

— Да! — рѣзко и поспѣшно она мнѣ поддакнула. Меня даже удивила поспѣшность этого *да*. Значить и у ней можетъ быть та же самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значить и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно, это — *сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться!..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, подперлась рукой. Можетъ быть меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ея глубокое дыханье.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? — началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ...

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то бы домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

Въ тонѣ надо попасть, мелькнуло во мнѣ; саптиментальностью-то пожалуй не много возьмешь.

Впрочемъ это такъ только мелькнуло. Клянусь, она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Къ тому же я былъ какъ-то разслабленъ и настроенъ. Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говоритъ! поспѣшилъ я отвѣтить; — все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя ктонибудь обидѣлъ и скорѣй передъ тобой виноваты, чѣмъ ты передъ *ними*. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка какъ ты вѣрно не съ охоты своей сюда попадетъ...

— Какая такая я дѣвушка? прошптала она едва слышно; но я разслышалъ.

Чортъ возьми, да я лѣшу. Это гадко. А можетъ и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза, — я про себя скажу! Была бы у меня семья съ дѣтства, не такой бы я былъ какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ бы ни было въ семьѣ худо — все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хотя въ годъ разъ любовь тебѣ выкажутъ. Все-таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ; оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

Пожалуй и не понимаетъ, думалъ я; да и смѣшно: — мораль.

— Еслибъ я былъ отецъ и была-бъ у меня своя дочь, я бы кажется дочь больше чѣмъ сыновей любилъ, право; — началъ я сбоку, точно не объ томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я краснѣлъ.

— Это зачѣмъ? спросила она.

А, стало быть слушает!

— Такъ; не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгій, суровый человѣкъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простанвалъ, руки-ноги ей цаловалъ, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нее глазъ не спускаетъ. Помѣшался на ней; я это понимаю. Она ночью устанетъ — заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цаловать и крестить. Самъ въ сертучникѣ засаленомъ ходить, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣдняго покупаетъ, подарки дарить богатые, и ужъ радость ему коль подарокъ понравится. Отецъ всегда дочерей больше любитъ, чѣмъ мать. Весело иной дѣвущкѣ дома жить! А я-бы кажется свою дочь и замужь не выдавалъ.

— Да какъ же? спросила она, чуть-чуть смѣхнувшись.

— Ревновалъ-бы, ей Богу. Ну какъ это другого она станетъ цаловать? чужого больше отца любить? Тяжело это и вообразить. Конечно все это вздоръ; конечно всякой подъ конецъ образумится. Но я-бъ кажется, прежде чѣмъ отдать, ужъ одной заботой себя замучилъ: всѣхъ-бы жениховъ перебраковалъ.

А кончили-бы все-таки тѣмъ, что выдалъ бы за того, кого она сама любитъ. Вѣдь тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу кажется. Это ужъ такъ. Много изъ-за этого въ семьяхъ худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь, не то что честно отдать, проговорила она вдругъ.

А! вонъ оно что!

— Это Лиза, въ тѣхъ семьяхъ проклятыхъ, гдѣ ни Бога, ни любви не бываетъ, съ жаромъ подхватила я, а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ. Такія есть семьи, правда, да я не объ нихъ говорю. Ты видно въ своей семьѣ не видала добра, что такъ говоришь. Подлинно несчастная ты какая нибудь. Гм... Больше по бѣдности все это бываетъ.

— А у господъ-то лучше что-ль? И по бѣдности честные люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ быть. Опять и то, Лиза: человѣкъ только свое горе любить считать, а счастья своего не считаетъ. А счелъ-бы какъ должно, такъ и увидѣлъ-бы что на всякую долю его запасено. Ну а что коли въ семьѣ все удастся, Богъ благословитъ, мужъ выйдетъ хорошій, любить тебя, лелѣть тебя, не отходить отъ тебя! хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ пополамъ хорошо; да и гдѣ горя нѣтъ? Выйдешь, можетъ, замужъ, *сама узнаешь*. За то взять хоть первое-то время замужемъ за тѣмъ кого любишь: счастья-то, счастья-то сколько иной разъ придетъ! да и сплошь да рядомъ. Въ первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама, чѣмъ больше любить, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; я знала такую: «такъ-вотъ, люблю дескать очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй.» Знаешь-ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: «За то ужъ такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ теперь и помучить». И въ домѣ всѣ на насъ радуются, и хорошо, и весело, и мирно и честно... Вотъ другія тоже ревнивы бываютъ. Уйдетъ онъ куда, я знала одну, не стерпѣть, да въ самую ночь и выскочить, да и бѣжитъ потихоньку смотрѣть: не тамъ-ли, не въ томъ-ли домѣ, не съ той-ли? Это ужъ худо. И сама знаетъ, что худо, и сердце у ней замираетъ и казнится, да вѣдь любить; все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али простить! И такъ хорошо обоимъ, такъ хорошо вдругъ станетъ,—точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать что между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И кака-бы ни вышла у нихъ ссора, — мать родную, и ту, не должны себѣ въ судьи звать и одинъ про другого рассказывать. Сами они себѣ судьи. Любовь—тайна Божія и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна быть закрыта, чтобы тамъ ни произошло. Святѣе отъ этого, лучше.

Другъ друга больше уважаютъ, а на уваженіи много основано. И коль разъ ужъ была любовь, коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви проходить! Неужто нельзя ее поддержать? Рѣдко такой случай, что нельзя поддержать. Ну, а какъ мужъ человѣкъ добрый и честный удастся, такъ какъ тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь пройдетъ, правда, а тамъ прійдетъ любовь еще лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои обща положутъ; тайны другъ отъ друга не будутъ. А дѣти пойдутъ, такъ другъ каждое, хоть и самое трудное время счастьемъ покажется; только бы любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа весела, тутъ и въ хлѣбѣ себѣ иной разъ отказываешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они-жъ тебя будутъ за это потомъ любить; себѣ-же значить купишь:—дѣти растутъ,—чувствуешь, что ты имъ примѣръ, что ты имъ поддержка; что и умишь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили, твой образъ и подобіе примутъ. Значитъ это великой долгъ. Какъ тутъ не сойтись тѣснѣй отцу съ матерью? Говорятъ воть дѣтей пѣтъ тяжело? Кто это говоритъ? Это счастье небесное! Любишь ты маленькихъ дѣтей, Лиза? я ужасно люблю. Знаешь,—розовенькій такой мальчикъ, грудь тебѣ сосетъ, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя какъ она съ его ребенкомъ сидитъ! Ребеночекъ розовенькій, пухленькій, раскинется, нѣжится; ножки-ручки наливныя, ноготочки чистенькіе, маленькіе, такіе маленькіе что глядѣть смѣшно, глазки точно ужъ онъ все понимаетъ. А сосетъ—грудь тебѣ ручонкой теребитъ, играетъ. Отецъ подойдетъ,—оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется, — точно ужъ и Богъ знаетъ какъ смѣшно,—и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужъ зубки прорѣзываются, а самъ глазенками-то коситъ на нее: «впдѣшь прикусилъ!» Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ выѣстъ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужъ другихъ обвинять!

«Картинками, воть этими-то картинками тебя надо!»—подумалъ я про себя, хотя ей Богу съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покраснѣлъ: «А ну если она вдругъ расхохочется, куда я тогда полезу?»—Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбіе какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... начала она вдругъ, и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и несдающееся, какъ недавно, а что-то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Что-го вы... точно какъ по книгѣ, сказала она, и что-то, какъ-будто насмѣшливое, вдругъ опять слышалось въ ея голосѣ.

Больно ушибнуло меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понималъ, что она нарочно маскировалась въ насмѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стыдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лезутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаютъ отъ гордости и боязни передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ которой она приступала, въ нѣсколько пріемовъ, къ своей насмѣлкѣ и наконецъ только рѣшилась высказать, я-бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство обхватило меня.

— Пойди-же, подумалъ я.

VII.

— Э, полно Лиза, какая ужъ тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно много значить привычка! Чортъ знаетъ, что привычка можетъ изъ человѣка сдѣлать. Да неужели-жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состарѣешься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки-вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужъ про то, что и здѣсь пакость... А впрочемъ я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твоё житъе: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ; ну, а знаешь-ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда по-пасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ быть, не то что волочился-бъ за тобой, а просто влюбился-бъ въ тебя, радъ бы взгляду былъ твоему, не то что слову; у воротъ-бы тебя подстерегалъ, на колѣнкахъ-бы передъ тобой выстаивалъ; какъ на невѣсту-бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь почиталъ. Подумать про тебя что нибудь нечистое не осмѣлился-бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я только свисни и ты, хочешь не хочешь, иди за мной и ужъ не я съ твоей волей спрашиваюсь, а ты съ моей. Послѣдній мужикъ наймется въ работники,—все-таки не всего себя закабалить, да и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ? Подумай только: что ты здѣсь отдаешь? что кабелишь? Душу, душу, въ которой ты невластна, кабелишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на поруганіе всякому пьяницѣ отдаешь!—Любовь!—да вѣдь это все, да вѣдь это алмазъ, дѣвичье сокровище, любовь-то! Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь, иной готовъ душу положить, на смерть пойти. А

во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куплена, вся цѣликомъ и зачѣмъ ужъ тутъ любви добиваться, когда и безъ любви все возможно. Да вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понимаешь-ли ты? — Вотъ, слышалъ я, тѣшутъ насъ дурь,—позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть. Да вѣдь это одно баловство, одинъ обманъ, одинъ смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите. Что онъ въ самомъ дѣлѣ, что-ли, любить тебя, любовникъ-то? Не вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что тебя отъ него сейчасъ кликнуть. Пакостникъ онъ послѣ этого? Уважаетъ-ли онъ тебя хоть на каплю? Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ тобой, да тебя-же обкрадываетъ,—вотъ и вся его любовь! Хорошо еще что не бьетъ. А можетъ и бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя: женится ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза расхохочется, если только не наплюетъ или не прибьетъ,—а ему самому, можетъ всей-то цѣны—два сломанныхъ гроша. И за что, подумаешь, ты здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поятъ, да кормятъ сытно? Да вѣдь для чего кормятъ-то? У другой-бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошелъ, потому что знаетъ для чего кормятъ. — Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна и до конца-концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро прійдетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летитъ. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а за-долго сначала придираются начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ,—какъ-будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость и душу даромъ для нее загубила, а какъ-будто ты-то ее и разорила, по міру пустила, обокрала. И не жди поддержки: другія подружки-то твои, тоже на тебя нападутъ, чтобъ ей подслужиться, потому что здѣсь всё въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподились и ужъ гаже, подлѣе, обиднѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта,—и здоровье, и молодость и красоту и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцати-пяти лѣтняя, и хорошо еще коль не больная, моли Бога за это. Вѣдь ты теперь небось думаешь, что тебѣ и работы нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и никогда не бывало. Одно сердце кажется все-бы слезами изошло.—И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова когда тебя погонять отсюда, пойдешь какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куда нибудь и доберешься наконецъ до Сѣнной. А тамъ ужъ походя бить начнутъ; это любезность тамошняя; тамъ гость и приласкать не прибавъ не умѣетъ. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай, посмотри когда нибудь, можетъ своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ въ Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку свои-же, проморозить маленько, за то, что ужъ очень ревѣла, а дверь за ней при-

творплл. Въ девять-то часовъ утра она ужь была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ чернякахъ; изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ: извощикъ какой-то только что починилъ. Сѣла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у ней какая-то соленая рыба была; она ревѣла, что-то причитала про свою «учась», а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извощики, да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая же будешь? И я бы не хотѣлъ вѣрить, а почему ты знаешь, можетъ быть лѣтъ десять, восемь назадъ, эта же самая, съ соленой-то рыбой,—пріѣхала сюда откуда нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ быть такая же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевой смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастье того ожидаетъ кто бы ее полюбилъ и кого бы она полюбила. Видишь чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ, что всю жизнь ее любить будетъ, что судьбу свою ей положить, и когда они вмѣстѣ положили любить другъ друга на вѣки и обѣиваться только, что вырастутъ большіе! Нѣтъ Лиза, счастье, счастье тебѣ, если гдѣ нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чахоткѣ поскорѣе помрешь. Въ больницу говоришь ты? Хорошо све-зуть, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь; это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человѣкъ надѣется и говоритъ что здоровъ. Самъ себя тѣшитъ. А хозяйкѣ то и выгодно. Не безпокойся, это такъ; душу значить продала, а къ тому же деньги должна, значить и пикнуть не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросятъ, всѣ отвернутся, — потому, что съ тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнуть, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: «когда дескать ты, подлячка, издохнешь; спать мѣшаешь—стонешь, гости брезгаютъ». Это вѣрно; я самъ подслушалъ такія слова. Сунутъ тебя, издыхающую въ самый смрадный уголъ въ подвалѣ,—темень, сырость; что ты, лежато одна тогда передумаешь? Помрешь,—соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаньемъ, съ нетерпѣніемъ,—никто-то не благословить тебя, никто-то не вздохнетъ по тебѣ, только бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колоду, вынесутъ какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ, слякоть, мразь, свѣгъ мокрый,—не для тебя же церемониться? «Спускай-ка ее Ванюха ишь вѣдь «учась» и тутъ верхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострѣлъ». — Ладно и такъ. «Чего ладно? Ишь на боку лежитъ. Человѣкъ тоже

былъ, али нѣтъ? Ну да ладно, засыпай» И ругаться-то пзъ-за тебя долго не захотятъ. Засыплютъ поскорѣй мокрой синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ: къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя—ни слезы, ни вздоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то, никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ; пмя твое исчезнетъ съ лица земли—такъ какъ бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себѣ тамъ, по ночамъ, когда мертвецы встаютъ, въ гробовую крышу: «Пустите добрые люди на свѣтъ пожить! Я жила—жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее въ кабакъ на Сѣнной проплл, пустите добрые люди еще разъ на свѣтъ пожить!..»

Я вошелъ въ пафосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась п... вдругъ я остановился, приподнялся въ испугѣ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отчего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернуль всю ея душу и разбилъ ея сердце и, чѣмъ больше я удостоверился въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекла меня; впрочемъ не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ, я иначе и не умѣлъ, какъ «точно по книжкѣ». Но это не смущало меня; я вѣдь зналъ, предчувствовалъ, что меня поймутъ, и что самая эта книжность можетъ еще больше подспорить дѣлу. Но теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсиль. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе прикидала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось, чтобы кто нибудь здѣсь, хоть одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь (я видѣлъ это потомъ), или вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усилии, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, притягивать ее успокоиться, но почувствовалъ, что не смѣю и, вдругъ самъ, весь въ какомъ-то озлобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро собираться въ дорогу. Было темно, какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣльной непотаченой свѣчой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти бессмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки; она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но

не поспѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно... ты прости меня, — началъ было я, но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду... прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай... до свиданія.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся покраснѣлась, вздрогнула, схватила лежащій на стулѣ платокъ и набросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это, она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Мнѣ было больно; я спѣшилъ уйти, ступешаться.

— Подождите, сказала она вдругъ, уже въ сѣняхъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за шнуръ, поставила въ попыхахъ свѣчу и убѣждала, — видно вспомнила про что-то, или хотѣла мнѣ принести показать. Убѣгая она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, на губахъ показалась улыбка, — чтобы такое? я поневолѣ дождался; она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощанія за что-то. Вообще это уже было не то лицо, не тотъ взглядъ, какъ давеча, — угрюмый, недовѣрчивый и упорный. Взглядъ теперь ея былъ просящій, мягкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ доверчивый, ласковый, робкій. Такъ смотреть дѣти на тѣхъ, кого очень любятъ и у кого чего нибудь просятъ. Глаза у ней были свѣтло-каріе, прекрасные глаза, живые; умѣвшие отразить въ себѣ и любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя мнѣ ничего, — какъ будто я, какъ какое нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, — она протянула мнѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновеніе самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣніи ждала — что я скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, на скоро, но какъ-то радостно и, какъ будто гордась, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцевальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ «очень, очень хорошихъ людей, *семейныхъ людей* и гдѣ *ничего еще не знаютъ*, совсѣмъ ничего», — потому что она и здѣсь-то еще только вновь и только такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непременно уйдетъ, какъ только долгъ заплатитъ... — Ну и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцевалъ, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще

въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ, вмѣстѣ играли, только ужъ очень давно — и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего-ничего-ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ) онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила, это письмо... и... ну вотъ и все».

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкашіе глаза, когда кончила рассказывать.

Бѣдненькая, она хранила письмо этого студента, какъ драгоценность и сбѣгала за это единственной своей драгоценностью не желая, чтобы я ушелъ, не узнавъ о томъ, что и ее любятъ честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Навѣрно этому письму такъ и суждено было пролежать въ шкатулкѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ, что она всю жизнь его хранила бы какъ драгоценность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобы наивно погордиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобы я видѣлъ, чтобы и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ, не смотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, раздавленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII.

Я впрочемъ нескоро согласился признать эту истину. Проснувшись на утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна и тотчасъ же сообразивъ весь вчерашній день, я даже изумился моей вчерашней *сантиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ «вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ». «Вѣдь нападетъ же такое бабье разстройство нервовъ, тѣфу!» порѣшилъ я. — «И на что это мой адресъ всучилъ я ей? Что если она придетъ? А впрочемъ пожалуй пусть и придетъ; ничего»... Но очевидно главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: надо было спѣшить, и во что бы ни стало, скорѣе спасти мою репутацію въ глазахъ Звѣркова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захлопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: занять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоновича. Какъ нарочно онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая росписку, съ какимъ-то ухорскимъ видомъ, *небрежно* сообщилъ ему, что вчера «покутили съ пріятелями, въ Hôtel de Paris; провожали товарища, даже, можно сказать, друга дѣтства, и знаете, — кутила онъ

большой, избалованъ,—ну, разумеется хорошей фамиліи, значительное состояніе, блестящая карьера, остроуменъ, милъ, интригуесть съ этими дамами. понимаете: выпили лишннихъ «полдюжины» и... И вѣдь ничего; произошло все это очень легко, развязно и самодовольно.

Придя домой, я немедленно написалъ Симонову. До сихъ поръ люблюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма. Ловко и благородно, а главное совершенно безъ лишннихъ словъ,—я обвинилъ себя во всемъ. Оправдывался я, «если только позволительно мнѣ еще оправдываться» тѣмъ, что, по совершенной непривычкѣ къ вину, опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто-бы) выпилъ еще до нихъ, когда поджидалъ ихъ въ Hôtel de Paris, съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я преимущественно у Симонова; его же просилъ передать мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣркову, котораго, «помнится мнѣ какъ сквозь сонъ», я кажется оскорбилъ. Я прибавлялъ, что и самъ бы ко всѣмъ побѣхалъ, да голова болитъ, а пуще всего—совѣстно. Особенно доволенъ остался я этой «нѣкоторой легкостью», даже чуть не небрежностью (впрочемъ совершенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резонансовъ, сразу, давала имъ понять, что я смотрю «на всю эту вчерашнюю гадость» довольно независимо; совѣмъ-таки, все-таки не убитъ на повалъ, какъ вы, господа, вѣроятно думаете, а напротивъ, смотрю такъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на это спокойно уважающему себя джентльмену. «Быль дескать молодцу не укоръ».

— Даже вѣдь какая-то притворность маркизская? любовался я, перечитывая записку.—А все оттого, что развитой и образованный человѣкъ! Другіе бы на моемъ мѣстѣ не знали какъ и выпутаться, а я вотъ вывернулся и кучу себѣ вновь и все потому, что «образованный и развитой человѣкъ нашего времени». — Да и впрямь, пожалуй, это все отъ вина вчера произошло. Гм... ну нѣтъ, не отъ вина. Водки-то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда ихъ поджидалъ. Солгалъ Симонову; солгалъ безсовѣстно; да и теперь несовѣстно..

А впрочемъ наплевать!—Главное то, что отдѣлался.

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, запечаталъ и упросилъ Аполлона спести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатлѣнія, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, не хотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ люднымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой, у Юсупова сада. Осо-

бенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люду, съ озабоченными до злости лицами, расходящаяся по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошевая суетня, эта наглая прозябанность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концевъ найти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ непрерывно, съ болью и не хотѣло уgomониться. Совѣмъ разстроенный я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленіе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Странно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминаній, в споминаніе о ней какъ-то особенно, какъ-то совѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже совѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужъ не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. Что если она придетъ? думалъ я безпрерывно. Ну чтожъ, ничего, пусть и придетъ. Гм. Скверно ужъ одно то, что она увидитъ, напри-мѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался... героемъ... а теперь гм! Это впрочемъ скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеенчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ! А халатъ-то мой, которымъ нельзя закрыться! Какія ключья.. И она это все увидитъ; и Аполлона увидитъ. Эта скотина навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней, чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужъ разумеется, по обычаю струшу, сѣмепить передъ ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная-то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! да, подлѣе! И опять, опять надѣвать эту безчестную, лживую маску!..

Дойдя до этой мысли я такъ и вспыхнулъ:

— Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства... если она поплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, ужъ когда я и домой воротился, уже послѣ девяти часовъ, когда по расчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась все въ одномъ и томъ же положеніи. Именно одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко представлялся; это когда я освѣтилъ спичкой комнату и увидалъ ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая несчастственная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не зналъ тогда, что

и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное — *преувеличеніемъ*. Я всегда признавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: «все то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю,» повторялъ я себѣ ежечастно. Но впрочемъ, «впрочемъ все-таки Лиза, пожалуй, придетъ» — вотъ припѣвъ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До того я беспокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: «Придетъ! непременно придетъ!» восклицалъ я; бѣгая по комнатѣ; «не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужъ отыщется! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердецъ*! О мерзость, о глупость, о ограниченность этихъ «погашихъ сантиментальныхъ душъ!» Ну какъ не понять, какъ бы кажется не понять?.. Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большомъ смущеніи.

И какъ мало, мало, — думалъ я мимоходомъ — нужно было словъ, какъ мало нужно было идилліи (ла п идилли-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ же и повернуть всю человѣческую душу по своему. То-то дѣйственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!

Иногда мнѣ приходила мысль самому съѣздить къ ней, «разсказать ей все» и упросить ее не приходиться ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ подымалась такая злоба, что кажется я бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, еслибъ она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ бы ее, оплевалъ бы, выгналъ бы, ударилъ бы!

Прошелъ однакожъ день, другой, третій — она не приходила и я начиналъ успокаиваться. Особенно ободрился и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко: «И, напримѣръ, спасаю Лизу, именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образываю. Я, наконецъ, замѣчаю, что она меня любитъ, страстно любитъ. Я прикидываюсь что не понимаю (не знаю впрочемъ для чего прикидываюсь; такъ, для красы вѣроятно). Наконецъ она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говоритъ что я ея спаситель и что она меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но... — «Лиза, говорю я, неужели жъ ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потому что имѣлъ на тебя вліяніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставилъ себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго можетъ быть нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потому что это... деспотизмъ... Это не деликатно (ну однимъ словомъ я тутъ зарпортовывался въ какой нибудь этакой европейской, Жоржъ-Зандовской, незьясною благородной тон-

кости...) «Но теперь, теперь — ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты — прекрасная жена моя»

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д. и т. д. Однимъ словомъ самому подло становилось и я кончалъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

— Да и не пустять ее «мерзавку!» думалъ я. Ихъ вѣдь, кажется, гулять то не очень пускаютъ, тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему то непременно казалось, что она должна придти вечеромъ и именно въ семь часовъ). А впрочемъ она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ; значитъ, гм! Чортъ возьми, придетъ, непременно придетъ!

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣдняго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня провидѣньемъ. Мы съ нимъ пикировались постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще не считалъ такъ не ненавидѣлъ какъ его, особенно въ нѣжныя минуты. Человѣкъ онъ былъ похлой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но неизвѣстно почему онъ презиралъ меня, даже сверхъ всякой мѣры и смотрѣлъ на меня нестерпимо свысока. Впрочемъ онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбивалъ себѣ на лбу и подмасливалъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный въ пщпей, — и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ; и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Александру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой ноготь, — непременно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! — Относился онъ ко мнѣ вполне деспотически, чрезвычайно мало говорилъ со мной, а если случалось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ онъ почти ровно ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самаго послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если «держалъ меня при себѣ,» то единственно потому только, что отъ меня можно было получать каждый мѣсяцъ жалованье. Онъ соглашался «ничего не дѣлать» у меня за семь рублей въ мѣсяцъ. Мнѣ за него много простится грѣховъ. Доходило иногда до такой ненависти, что меня бросало чуть не въ

судороги отъ одной его походы. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и кажется этимъ ужасно гордился, воображая что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорилъ онъ тихо, размысленно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда бывало начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много бытъ вынесъ я изъ за этого чтенія. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ ровнымъ голосомъ, на распѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь занимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ ваку. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Къ тому же онъ бы и самъ не согласился отъ меня уйти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чортъ знаетъ почему, казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ и я цѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, напимѣръ, его жалованье хотъ два, хотъ три дня было невозможно. Онъ бы такую завелъ исторію, что я бы не зналъ куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился, почему то и для чего то, *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужъ, года два, собирался это сдѣлать, — единственно, чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужъ важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованья. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованьи. Тогда я вынулъ всѣ семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я «не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потому что *такъ хочу*,» потому что на это «моя воля господская,» потому что онъ непочтителенъ, потому что онъ грубиянъ; но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ; не то еще двѣ недѣли прождетъ, три прождетъ, цѣлый мѣсяцъ прождетъ...

Но какъ я ни былъ золъ, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранее, я зналъ наизусть его подлую тактику) именно: онъ начиналъ съ того, что устремить, бывало, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спускаетъ его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня, или провожая изъ дому. Если напимѣръ я выдерживалъ и дѣлалъ видъ, что не

замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, по прежнему молча, приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложитъ одну руку за спину, оставитъ ногу и устремитъ на меня свой взглядъ, ужъ не то, что строгій, а совсѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что ему надо? онъ не отвѣтитъ ничего, продолжастъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять также передо мной появится. — Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужъ и не спрашивалъ его: чего ему надо? а просто самъ, рѣзко и повелительно, подымалъ голову и тоже начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотримъ мы бывало другъ на друга минуты двѣ; наконецъ онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вдыхать на меня глядя, вдыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія и разумеется кончалось наконецъ тѣмъ, что онъ одолевалъ вполне: я бѣсился, кричалъ, но то объ чемъ дѣло шло все-таки принуждаемо былъ исполнить.

Въ этотъ же разъ, едва только начался обыкновенные маневры «строгихъ взглядовъ,» какъ я тотчасъ же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужъ я былъ и безъ того раздраженъ.

— Стой! закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча повертывался, съ одной рукой за спиною, чтобъ уйти въ свою комнату, — стой! воротись, воротись, говорю я тебѣ! и должно быть я такъ неестественно рывкнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ продолжалъ не говорить ни слова, а это то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ пол-минуты, онъ снова началъ повертываться.

— Стой! заревѣлъ я подбѣгая къ нему; ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперь: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если таперича вамъ есть что мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить, — отвѣчалъ онъ, опять-таки помолчавъ, тихо и размысленно сюсюкая, поднявъ брови и спокойно перегнуть голову съ одного плеча на другое — и все это съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ, я тебя спрашиваю, палачъ! закричалъ я трясаясь отъ злобы. Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованья, самъ не хочешь, по гордости, поклонить-

ся — попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ, какъ это, глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай, кричалъ я ему! Вотъ деньги, видишь, вотъ они! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не па-алу-чишь, до тѣхъ самыхъ поръ пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! отвѣчалъ онъ съ какою то неестественною самоувѣренностью.

— Будетъ! кричалъ я, даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить, — продолжалъ онъ какъ бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ, — потому вы же обозвали меня «палачемъ», на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! заревѣлъ я, иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты все-таки палачъ! палачъ! палачъ! — Но онъ только посмотрѣлъ на меня, затѣмъ повернулся и уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не оборачиваясь.

«Еслибъ не Лиза, не было-бъ ничего этого!» рѣшилъ я про себя. Затѣмъ постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и спльно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь: сходи тотчасъ же и ни мало не медля за квартальнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ усѣлся тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣлъ очки и взялъ что-то шить. Но услышавъ мое приказанье вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди! — иди, или ты и не воображаешь что будетъ!

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, замѣтилъ онъ даже не поднимая головы, также медленно сюсюкая и продолжая вдѣвать нитку. — И гдѣ это видано, чтобъ человѣкъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху, — напрасно только надсаждаетесь, потому — ничего не будетъ.

— Иди! визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я и не слыхалъ какъ въ это мгновение вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая то* васъ спрашиваетъ, — сказалъ онъ особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ — Лизу. Онъ не хотѣлъ уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! ступай! командывалъ я ему потерявшись. Въ эту минуту мои часы принатужились, прошипѣли и пробили семь.

IX.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

(Изъ той же поэзіи).

Я стоялъ передъ ней убитый, ошелмванный, омерзительно-сконфуженный и кажется улыбался, всѣми силами стараясь запахнуться полами моего лохматого, ватнаго халатишки, — ну точь въ точь какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже и не ожидалъ. На меня глядя разумѣется.

— Садись, сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и очевидно чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

— Тутъ-то бы и стараться ничего не замѣчать какъ будто все по обыкновенному, а она... — И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатитъ.

— Ты меня застала въ странномъ положеніи, Лиза — началъ я заикаясь и зная, что именно такъ-то и ненадо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чегонибудь! вскричалъ я, увидѣвъ что она вдругъ покраснѣла: — я не стыжусь моей бѣдности... Напротивъ я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, бормotalъ я. Впрочемъ... хочешь чаю?

— Нѣтъ... начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо же было куданибудь провалиться.

— Аполлонъ, зашепталъ я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, оставшіяся все время въ моемъ кулакѣ, — вотъ твое жалованье; видишь, я выдаю; но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойти, то ты сдѣлаешь несчастнымъ человѣка! Ты не знаешь какая это женщина... Это — все! Ты можешь быть чтонибудь думаешь... Но, ты не знаешь какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвши опять очки, сначала не покидая иглы, молча накопился на деньги; потомъ, не обращая на

меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжалъ возиться съ питкой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ, съ сложенными à la Napoleon руками. Виски мои были смочены потомъ; самъ я былъ блѣденъ, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей питкой, онъ медленно привсталъ съ мѣста медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращаюсь къ Лизѣ, мнѣ пришло на умъ дорогой: не убѣжать ли такъ какъ есть, въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! вскричалъ я вдругъ, крѣпко хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! вскричала она вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его! визжалъ я стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая въ то же время какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачъ для меня. Онъ мой палачъ... Онъ пошелъ теперь за сухарями; онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываній; но я ужъ ихъ не могъ удержать.

Она испугалась. — Что съ вами! что это съ вами! вскрикивала она, суетясь около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вонъ тамъ! бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, впрочемъ, про себя, что я очень бы могъ обойтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, *представлялся*, чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона даже съ испугомъ. Онъ вышелъ не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать, что она думаетъ.

Она сконфузилась и не сумѣла ничего отвѣтить.

— Пей чай! проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но разумѣется достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нее закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее кажется. Чтобъ отмстить ей я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она же всему причиною», думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ; мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ

начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей же самой начинать было тяжело. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ конечно я самъ, потому что вполне сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ то же время никакъ не могъ удержать себя.

— Я отсюда... хочу... совѣмъ выйти, — начала было она, чтобы какъ нибудь прервать молчанье, но, бѣдная! именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую, и безъ того глупую минуту, такому, и безъ того глупому какъ я человеку. Даже мое сердце запыло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямооту. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ же всю жалость; даже еще подзадорило меня еще болѣе: пропадай все на свѣтъ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала ли я вамъ? начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и задрожалъ отъ злости и тотчасъ же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ пожалуйста? началъ я, задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ; я даже не заботился съ чего начинать.

— Зачѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! — вскрикивалъ я, едва помня себя. — Я тебѣ скажу, матушка, за чѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну вотъ ты и разбѣжилась и опять тебѣ «жалкіе слова» захотѣлось. Такъ знай же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, за обѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ, офицера; но не удалось, не засталъ; надо же было обиду на комъ нибудь вымѣстить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и вылилъ зло и насмѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унижить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что было, а ты ужъ думала, что я тебя спасать нарочно тогда пріѣзжалъ, да? ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она можетъ быть запутается и не пойметъ подробностей; но я зналъ тоже, что она отлично хорошо пойметъ сущность. Такъ и случилось. Она поблѣднѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились; но какъ будто ее топоромъ подѣкли, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза, и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, — отъ чего спасать! Да я можетъ самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда же не кинула въ рожу, когда я тебѣ рачей-то читалъ: «А ты молъ самъ зачѣмъ

къ намъ зашелъ? Мораль что ли читать?»—Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей — вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что ядрень, перепугался и чортъ знаетъ, для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужъ тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужъ ненавидѣлъ тебя, потому что я тебѣ тогда глалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобъ вы провалплись, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копѣйку продамъ. Свѣту ли провалиться или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить. Знала-ль ты это, или нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлецъ, себялюбецъ, лѣнтяй. Я вотъ дрожалъ эти три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ передъ тобой представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ этомъ рваномъ халатишкѣ, нпцаго, гадкаго. Я тебѣ сказалъ давеча, что я не стыжусь своей бѣдности; такъ знай же, что стыжусь, больше всего стыжусь, пуще всего боюсь, пуще того, еслибъ я воровалъ, потому что я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели жъ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда не прошу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросался, какъ злая собаченка на Аполлона. Воскреситель-то, бывшій-то герой, бросается какъ паршивая, лохматая шавка на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давишнихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прошу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда *тебѣ* не прошу! Да,—ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потому что ты такъ повернулась, потому что я мерзавецъ, потому что я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся; а вотъ я такъ всю жизнь, отъ всякой гпиды буду щелчки получать и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну какое, какое дѣло мнѣ до тебя и до того погибашь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавиждѣть буду, за то, что ты тутъ была и слушала? Вѣдь человѣкъ разъ въ жизни только такъ высказывается да и то въ истерикѣ!.. Чего жъ тебѣ еще? Чего жъ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь? Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все

по книжкѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ, такъ какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страннаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любить, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы, (я проговорилъ всю эту тираду со слезами) все лицо ея передернулось какой-то судорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: «Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!» — а на то, что мнѣ должно быть очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня; гдѣ жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и вся стремясь ко мнѣ, по все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало...

— Мнѣ не даютъ... Я не могу быть... добрымъ! — едва проговорилъ я, затѣмъ дошелъ до дивана, упалъ на него пичкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу) лежа пичкомъ на диванѣ, накрѣпко, и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою, я началъ помаленьку, издадека, невольно, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотреть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно?—не знаю, но мнѣ было стыдно. Пришло мнѣ тоже въ возбужденную мою голову, что роли вѣдь теперь окончательно перемѣнились, что героиня теперь она, а я точно такое же униженное и раздавленное созданіе, какимъ она была передо мной въ ту ночь, — четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, когда я лежалъ пичкомъ на диванѣ!

Боже мой! да неужели жъ я тогда ей позавидовалъ?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда конечно еще меньше могъ это понять чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ нибудь, я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однакожъ преодолевалъ себя и приподнималъ голову; надобно жъ было когда нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому,

что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью и я крѣпко стиснулъ ея руки. Какъ я ненавидѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изобразилось сначала какъ будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня.

Х.

Черезъ четверть часа я бѣгалъ взадъ и впередъ въ бѣшенномъ петерпѣніи по комнатѣ, поминутно подходилъ къ ширмамъ и, въ щелочку поглядывалъ на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего рассказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ей униженіемъ, и что къ давшему моей почти безпредметной ненависти, прибавилась теперь уже *личная, завистливая* къ ней ненависть... А впрочемъ не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо; но за то она вполне поняла, что я человѣкъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно,—невѣроятно быть такимъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй еще прибавятъ что невѣроятно было не полюбить ее или по крайней мѣрѣ не оцѣнить этой любви. Отчего же невѣроятно? Во-первыхъ, я и полюбить ужъ не могъ, потому что, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходствовать. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимого предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненависти и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятнаго, когда я ужъ до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ «живой жизни» отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ «жалкія слова» слушать; а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потому что для женщины въ любви-то и заключается все воскресеніе, все спасеніе отъ какой бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ я не очень ужъ такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь.

Я хотѣлъ чтобъ она исчезла. «Спокойствія» я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. «Живая жизнь» съ непривычки придавила меня, до того, что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытій была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватила съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ-за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ насильно, *для приличія* и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте, — проговорила она направляясь къ двери.

Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. Затѣмъ тотчасъ-же отвернулся и отскочилъ поскорѣй въ другой уголъ, чтобъ не видѣть покрайней мѣрѣ...

Я хотѣлъ было сію минуту солгать,—написать, что я сдѣлалъ это нечаянно, не помня себя, потерявшись, съ дуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ея руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость, хоть и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *книжная*, что я самъ не выдержалъ даже минуты,—сначала отскочилъ въ уголъ, чтобъ не видѣть, а потомъ, со стыдомъ и отчаяніемъ бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться.

— Лиза! Лиза! крикнулъ я на лѣстницу, но не смѣло, вполголоса...

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту же минуту я услышалъ снизу какъ тяжело съ визгомъ отворилась тугая, наружная стеклянная дверь на улицу и туго захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ.

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла и бессмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была *та* бумажка; другой и быть не могло; другой и въ домѣ не было. Она стало быть успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголъ.

Что жъ? я могъ ожидать, что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ,

до того не уважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ, что и она эго сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинулъ на себя что успѣлъ въ поспѣхахъ, и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и падалъ почти перпендикулярно настилая подушку на тротуаръ и на пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился. — Куда пошла она? и зачѣмъ я бѣгу за ней?

Зачѣмъ? Упавъ передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цаловать ея ноги, молить о прощеніи! Я и хотѣлъ этого, вся грудь моя разрывалась на части и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но,—зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ быть завтра же, именно за то, что сегодня цаловалъ ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣны себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на снѣгу, всматриваясь въ мутную мглу и думалъ объ этомъ.

— И не лучше-ль, не лучше-ли будетъ, фантазировавъ я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль,—не лучше-ль будетъ если она на вѣки унесетъ теперь съ собой оскорбленіе? Оскорбленіе, да вѣдь это очищеніе; это самое чуждое и больное сознаніе! Завтра же я бы загрязнилъ собой ея душу и утопилъ ся сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ,—оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гнѣвомъ... можетъ и прощеніемъ... А впрочемъ легче-ль ей отъ всего этого будетъ?

А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужъ отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что лучше, — дешовое ли счастье, или возвышенныя страданія? Ну-ка, что лучше?

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое-либо сомнѣніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ полдороги домой? Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слышалъ о ней. Прибавлю тоже, что я надолго остался доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, не смотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *не хорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ теперь не хорошо припоминается, но... не кончить ли ужъ тутъ «Записки»? Мнѣ кажется

я сдѣлалъ ошибку, начавъ пхъ писать. По крайней мѣрѣ мнѣ было стыдно, во все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало быть это ужъ не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь разсказывать, напримѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я макировалъ свою жизнь нравственнымъ разстлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живаго и тщательной злобой въ подпольѣ,—ей Богу не интересно; въ романѣ надо героя а тутъ *нарочно* собраны всѣ черты для анти-героя, а главное все это произведетъ непріятное впечатлѣніе, потому что мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякой болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подъ-часть къ настоящей, «живой жизни» какое-то омерзѣніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажнмъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнять. Ну попробуйте, ну дайте намъ, напримѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся опять обратно въ опеку. Знаю, что вы можетъ быть на меня за это разсердитесь, закричите, ногами затопаете: «говорите, дескать про себя одного, и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: *«всѣ мы»*. Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь-же я этимъ *всѣмствомъ*. Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половини, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще живѣе васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже незнаемъ гдѣ и живое-то живетъ теперь и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся,—не будемъ знать куда примкнуть, чего придержиаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся,—человѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ, и нарочно быть какими-то небывалыми общечеловѣками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то, давно ужъ, не отъ живыхъ отцовъ и это намъ все болѣе и болѣе нравится. Во вкусъ входимъ. Скоро думаемъ рождаться какъ нибудь отъ иден. Но довольно;—не хочу я больше писать «изъ Подполья...»

Впрочемъ здѣсь еще не кончатся «записки» этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ

О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ.

ГЛАВА I

Вмѣсто предисловія.

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто въ тупикъ. Что я вамъ напишу? что расскажу новаго, еще неизвѣстнаго, не рассказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Къ тому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы специально знаете, что мнѣ то особенно нечего рассказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потому что я самъ ничего невидаль въ порядкѣ, а если что и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденѣ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ пныхъ мѣстахъ по два раза и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что нибудь порядочно разглядѣть проѣхавъ столько дорогъ въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу: рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ розняя ротъ и замирая отъ восторга и ужаса какъ родители читали на сонъ грядущій романы Раткливъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я наконецъ за границу сорока лѣтъ отъ роду и ужъ разумѣется мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непременно все, несмотря на срокъ. Къ тому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, думалъ я, за то я

все видѣлъ, вездѣ побывалъ; за то изъ всего видѣннаго составитъ что нибудь цѣлое, какая нибудь общая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета; какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ получится какое нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе. Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побывалъ, а въ Римѣ напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы можетъ быть пропустилъ папу... Однимъ словомъ на меня напала какая то неутолимая жажда новаго, перемѣны мѣстъ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ расскажу? что изображу? Панораму, перспективу? Что нибудь съ птичьяго полета? Но пожалуй вы же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непременно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напримѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе и пробылъ я въ немъ всего одни сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлинцемъ, что я не смѣю положительно утверждать будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужъ по крайней мѣрѣ хоть кислосладкое, а не просто кислое. А отчего произошло пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина, и пріѣхавъ въ него, невыспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣже кордонныя улицы, тѣже запахи, тѣже... (а впрочемъ не пересчитывать же всего того же)! Фу

ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать тоже самое, отъ чего усекалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинцы пожертвуютъ всемъ изъ самаго дорогаго, даже можетъ быть своей конституціей; а ужъ чего дороже берлинцы его конституціи? Къ тому же сами берлинцы, всѣ до единого, смотрѣли такими нѣмцами, что я, непосагнувъ даже и на фрески Каульбаха (о ужасъ!) поспѣе улѣзнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмцами провинился: мнѣ вдругъ вообразилось, только что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже можетъ быть усомнился бы въ своемъ призваніи. Я конечно въ ту же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротись въ свой номеръ въ гостиницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печени, подумалъ я,—что за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то есть мѣсяцъ спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точъ въ точъ какъ Карамзинъ съ такою же цѣлью становившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещица въ родѣ прессы-папье на письменный столъ, сажень въ семьдесятъ высотой. «Величественнаго мало» рѣшалъ я, точно такъ какъ встарину наши дѣды рѣшили про Пушкина: «легко дескать слишкомъ сочиняетъ, мало высокаго». Я подозреваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ-Маріа-Фарина находится тутъ же подлѣ собора и въ къ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Маріа-Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непременно и ужъ тутъ: «одеколонъ ou la vie», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать

слишкомъ навѣрно, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонъ ou la vie!» но кто знаетъ — можетъ быть и такъ. Помню мнѣ тогда все что то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ конечно превосходный и городъ справедливо гордится имъ, но мнѣ показалось, что ужъ слишкомъ гордится. Разумѣется я тотчасъ же на это разсердился. Притомъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благодарзвучную пошлину съ такимъ видомъ, какъ будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій», подумалъ я. По крайней мѣрѣ его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій,—ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всяки нѣмецки человекомъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ конечно этого вовсе не говорилъ, даже можетъ и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хотѣлъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы... у насъ дѣлаютъ офицерскія вещи... у насъ...» однимъ словомъ я разсердился и купивъ стѣкланку одеколону (отъ которой ужъ никакъ не могъ отвертѣться), немедленно усекалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнъ положите хоть три дня, ну хоть два и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ бы на тѣ же предметы другими глазами и составилъ бы объ нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой нибудь лучъ солнца, тутъ много значилъ: сіяя онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой пріѣздъ въ городъ Кельнъ, и зданье навѣрно бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленнаго патріотизма. Хотя изъ этого впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. И такъ вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому...

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что занужду вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что напротивъ было бы вовсе недурно, еслибъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достигъ онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искрен-

ностью; не боялся бы иногда не скрыть много личного своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выгоды. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И просто-душнымъ быть постараюсь на сколько могу. Прошу только помнить, что можетъ быть очень многое, что я вамъ напишу теперь, будетъ съ ошибками. Разумѣется не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться наиримѣрь въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ до того засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ то можетъ и я не ошибусь, а впрочемъ въ строгомъ смыслѣ и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то-есть я пожалуй и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвилъ, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьего полета (съ птичьего полета не значитъ *высоко*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну вотъ я вамъ и напишу что нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣть, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

ГЛАВА II.

Въ вагонѣ.

«Разсудка французъ не имѣетъ да и имѣть его почелъ бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтіи Фонъ-Визинъ и Боже-мой какъ должно быть весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ и всѣ то мы послѣ Фонъ-Визина, три-четыре поколѣнья сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣляющія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что то неотразимо пріятно. Разумѣется только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ са-

михъ себя втайнѣ. Тутъ слышится какое то мщеніе за что то прошедшее и нехорошее. Пожалуй это чувство и нехорошее, но я какъ то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы разумѣется бранимся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ я думаю самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ западомъ, т. е. передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція,— это было въ сорокъ шестомъ году. И не то, что наиримѣрь обожались такія имена какъ Жоржъ Зандъ, Прудонъ и проч. или уважались такія, какъ Лун-Блапъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе нибудь, самыя мизерныя фамильяшки, которыя тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шопотомъ благоговѣнія... И чтоже? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и по видимому презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть это слово Фонъ-Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень то нравится. О ради-Бога не считайте, что любить родину значитъ ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не намѣренъ думать и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то ясиѣ мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужъ не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и приготавлиюсь назавтра къ Эйдукунену, т. е. къ первому заграничному впечатлѣнію и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу наконецъ Европу, я, который безплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и серьезно, какъ Бѣлопятинъ у Некрасова:

«Вѣжать хотѣлъ въ Швейцарію»

по не бѣжалъ, и вотъ теперь и я вѣзжаю наконецъ въ «страну святыхъ чудесъ», въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованій. Господи, да какіе же мы русскіе? мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ? Дѣйстви-

тебя ли мы русские въ самомъ то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То-есть я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ милліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерььозно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не бръютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все что есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь это оттуда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ я думаю всѣ согласятся, одни съ радостію, другіе разумѣется со злобою за то, что мы не *доросли* до перерожденія. Это ужъ другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было бъ Арини Родіоновны, няньки Пушкина, такъ можетъ быть и не было бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ? Неужели же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ роспитываться во Францію; ну что, если туда увезли какого нибудь другаго Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротиться. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хоть оно и сформировалось впоследствии въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и можетъ быть гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то можетъ быть пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужъ какъ трудно съ перваго раза даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда

совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли по неволѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти впрочемъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно празднo въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точъ-въ-точъ также, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хотѣ и везутъ тебя, хотѣ и заботятся о тебѣ, хотѣ подчасъ даже такъ ублаживаютъ, что кажется бы и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потому что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди, да жди когда еще довезутъ. Право, иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да съ боку, подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашелъ и самъ его дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полегать вверхъ ногами, такъ ужъ не буду сложа руки запертый сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ что иногда на бездѣльи вздумается!

А между тѣмъ ужъ смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики и кажется хорошіе люди. Они спѣшили на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживающій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по коммерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли пріѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ и кажется совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родицѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ пробормомъ на головѣ и усиленно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ не отрываясь какую-то книжку, той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали; свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ и ужъ не знаю какъ додумался до того, что «разсудка французъ не имѣетъ», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете ли что: меня что-то подмываетъ, покамѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *мнѣній*. Вы-то

надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

ГЛАВА III

и совершенно лишняя.

Это впрочемъ были не размышленія, а такъ какія-то созерцанія, произвольныя представленія даже мечтанія «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Во-первыхъ, я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либераль. Но хотъ и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади, для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣмъ библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣть», да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе. Кстати ужъ не думаете ли вы, что я заговорилъ о шпажонкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа, чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ не надѣли-таки зипуна, а изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ ужъ по крайпей мѣрѣ французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барипа, дескать, видно, не въ зипунѣ жъ ходитъ барину». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ и говорятъ промежъ себя: «Чего къ намъ этотъ ряженный таскается?» Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ ужъ я, сказалъ мнѣ другой господинъ:— нѣтъ ужъ я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то я буду дѣлать, а и виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и разсчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду, если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чортъ! подумалъ я: — точно на ино-племенниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, сказалъ мнѣ третій, впрочемъ примлѣй-шій господинъ: — я вотъ куда нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ, мірскимъ приговоромъ, за что нибудъ высѣчь приговорятъ. Ну что тогда будетъ?

— А хошь бы и такъ, захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что струсилъ. — Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ инія наши мысли высказывать?—Хошь бы и такъ, думалось мнѣ про себя, хошь и высѣкли бы, чтожъ? Такіе обороты дѣла называются у профессоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели-жъ изъ-за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ ужъ коль всѣ, такъ ужъ совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужъ и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жены и дѣти.

— Да помилуйте, какія тутъ жены и дѣти! закричалъ бы мнѣ мой противникъ: — выдралъ бы міръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужъ это и общее дѣло.

— Ну да оно конечно смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марасть не хочется. Даже и говорить-то объ немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мірской приговоръ: ни одной таки розочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, еслибъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мірскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ бы міръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! закричалъ кто нибудъ прочтя это. За розги стоять! (Ей-Богу кто нибудъ изъ этого выведетъ, что я за розги стою).

— Да помилуйте, про что вы говорите, скажетъ другой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да что же это, прибавитъ третій:—обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, отвѣчаю я: — но позвольте: вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. Притомъ же подъѣзжая къ Эйдкунену, я помню, особенно раздумался я про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню что инія мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постоянно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все тутъ какъ бы лишнее.

Да я же васъ и предупѣдомплъ, что вся глава лишняя. А впрочемъ на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда «Бригадира». «Бригадиръ» былъ по тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. «Умри Денисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы спросонья зашевелились. Чтожъ, неужели-жъ и тогда, продолжалъ я свои произвольныя созерцанія, ужъ наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однихъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы напри- мѣръ всѣ безъ дѣла и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и нахнемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха къ тому же. Это у насъ чуть не раньше «Бригадира» еще началось, конечно тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ—и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и прорваться отъ восторга это у насъ самое первое дѣло; смотришь года черезъ два и расходимся врозь повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Чтоже касается до другихъ помочей, то въ фовизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя святыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно и теперь мало сомнѣвающихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до ярости стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно какъ это мы горы тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, парголовскія вершины, валдайскія пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещать

и что

Башни рукою за облака бросаетъ.

Но кажется это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное влияние Европы на наше отечество. То есть какія тогда (до «Бригадира» и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомерія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полного собранія своихъ сочиненій.

Ну такъ вотъ разъ напечатавъ онъ въ смѣси, въ «Современникѣ», очень давно уже «Записки моего дѣда». Вообразите, что могъ записать тогда этотъ добелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, выдавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившійся въ свою вотчину и принявшійся за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человекъ! Ну такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ.

«Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона». Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона въ присутствіи короля хладнокровно спрашивала: «Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собацѣ?» На что сей кавалеръ, будучи въ отно- вѣдѣхъ весьма искусенъ, нисколько не смятеннымъ, но напротивъ постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: «Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову взять невозбранно». Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался».

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моесъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой и прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть,—такъ онъ припоминалъ меня—и съ тѣхъ поръ не забывалъ:

«Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана. Извѣстно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: «Отстранитесь кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ.» На что сей кавалеръ помедленно отвѣтствовалъ: «Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только-что встаете съ постели».

То-есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и торжественно читаетъ по складамъ подобныя анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службѣ. И что за наивная, тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій: «Извѣстно-дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло...» Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно тогда намъ легко давалась Европа, физически разумѣется. Нравственно-то конечно обходилось не безъ плетей. Напаяли шелковые чулки, парики, привѣшивали шпажонки—вотъ и европеецъ. И не только не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ же все остава-

лось попрежнему: также отложивъ де-Рогана (о которомъ впрочемъ только всего и знали, что у него весьма дурно изо рта пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, также патриархально обходились съ семействомъ, также драли на копынѣ мелкопомѣстнаго сосѣда если сгубить, также подлщали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику были понятны: меньше его презирали, меньше его обичаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ же барину не поважничать, — на то баринъ. Хотя и до-смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то милѣ теперешнихъ, потому что были больше свои. Однимъ словомъ всѣ эти господа были народъ простой, кряжевой; до корней недопскивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умиленьемъ, и мирно и жирно проживали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ.» Мнѣ даже кажется, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и навны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже можетъ и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ влияніямъ сверху. Вся эта фантазмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ нѣмецкихъ парикахъ и штублетахъ, все это мнѣ кажется были ужасныя шутки, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно можно быть и подъячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ тоже время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый «судбительный суперфлю». Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловъ гвоздилъ по прежнему, пашихъ де-Рогановъ пашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живаго и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шелковыхъ чулкахъ давались подзатыльниками и подсиинниками, а маркизы валялись на куртагахъ.

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земнаго шара.

Ну теперь ужъ не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужъ мы вполне европейцы и выросли. Теперь ужъ самъ Гвоздиловъ сноровку держать, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и какъ сѣверо-американецъ южныхъ штатовъ текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ. Вотъ приѣду туда—самъ сво-

ими глазами увижу, думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому, что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софья, представительницъ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужъ онъ до того поддѣлывалъ душой, да еще не простой, а ретроградской душой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говорить, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой душой, даже и дурпой женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ-будто побоялся и даже художественно-невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной по оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрекла простая, глухая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, павши и даже можетъ-быть нечаянно. Бригадирша говорить Софья:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздильовъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ бывало онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хитрой; такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздить ее бывало въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну мы, паша сторона дѣло, а ино заплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ челоѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и *слушать* объ этомъ не хочешь, каково жъ было *терпѣть* капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендилъ благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть ли еще не съ большимъ комфортомъ чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ, прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того дескать и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились если ихъ не били: не бьетъ, значитъ не любитъ. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужъ и это подверглось развитію. Теперь ужъ Гвоздиловъ гвоздитъ чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, т. е. челоѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у

насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надобѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сыгъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и какъ капитанъ Копѣйкинъ «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужъ давно не «изрядная, изрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избороздили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, безсонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горячими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть! пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безгранично-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, неправда ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то-есть порѣже, прплчїе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтись не можетъ; онъ разсчитливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ стоскуется. Ну а вѣдь какъ хотите это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красиво; за то сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это какъ хотите прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныхъ, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это какъ хотите прогрессъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣрены въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность—это только извѣстная система податей, душа—*tabula rasa*, вошчикъ, изъ котораго можно сейчасъ же вылѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула — стоятъ только приложить плоды европейской цивилизаціи, да прочесть двѣ-три книжки. За то какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потому что ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствомъ мы отхлестали напимѣрь Тургенева за то, что онъ осмѣлился неуспокоиться съ нами и

не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеалъ, а искалъ чего-то получше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, Господи-помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной? Ну и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца) несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукушину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавили—что онъ идетъ противъ эманципаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите! Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими фельдфебелями цивилизаціи стоимъ надъ народомъ, что любовного посмотрѣть: руки въ боки, взгляды съ задоромъ, смотримъ фертромъ,—смотримъ да только поплевываемъ: «чему у тебя сипа-мужикъ намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности очно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!» Не спускать же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ, Боже-мой, кстатѣ теперь... Господа, положимъ на минутку, что я ужъ кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте разсказать анекдотъ: Разъ нынѣшней осенью беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только, что, теперь газеты передъ глазами нѣтъ). И вотъ разсказывается анекдотъ, какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ лентахъ и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только пьяна или нѣтъ? вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на-показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проводившихъ счастливую ночь. Въ узелкѣ разумѣется заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародьи обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невесты. Народъ смѣялся, смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплеывая, передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, «даже до сихъ поръ сохранившемся при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!» Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О пожалуйста не думайте, что я защищаю первобытное канибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это не цѣломудренно, это дико, это по-славянски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось конечно безъ худаго намѣренія, а напротивъ съ цѣлью торжества новобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но когда

напримѣръ придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ расчетомъ и званіемъ дѣла онѣ умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется для изящества, для эстетики, pour paraître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ; и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой то-есть именно цѣлью все это употребляется... Ну чтожь, подумалъ я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательная* заботы о ватныхъ приумноженіяхъ, — чтоже, чище, нравственнѣе, цѣломудреннѣе что-ли они несчастной легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно!..

Ради-Бога не думайте, друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація — не развитіе, а напротивъ, въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ! Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ западѣ и, что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быть собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не *tabula rasa*, не вошчикъ, изъ котораго можно слѣпнуть общечеловѣчка; что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, нестѣсненная и вѣра въ свои собственные, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не всѣ) вовсе не стоятъ за валу и также точно клеймятъ ее, какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь неспроста оуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали протонародное, національное, стихійное варварство въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то можетъ быть въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предразсудки и мерзости на другіе еще большіе предразсудки и мерзости. Статья какъ будто не замѣчала этихъ нашихъ-то, собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Къ чему же, къ чему же такимъ фертомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки, да поплывывая!.. Вѣдь смѣшна, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или наконецъ неразумяющее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Да что! вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А впрочемъ, чтожь я грѣшу. Вѣдь я грѣшу! это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертомъ стоящій и все порѣшавшій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, вызывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а между тѣмъ, все-таки уѣхавшій опять въ Европу, когда надо было сыскать

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ, типъ совершенно бесполезный теперь и бывшій ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ, и совѣстливо тоскующій о своей бесполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣніи переродился и, мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а можетъ быть подъ носомъ, и найдетъ, что дѣлать и станеть дѣлать. И знаете ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже народился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашелъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣнія сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить бы кажется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достичь того, чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все жъ лучше, все ближе къ цѣли, если къ цѣли идешь. И если хочешь, нешрѣнно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это по моему вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ шагомъ перелетѣть до цѣли или попасъ въ Регулы. Ну вотъ это-то и есть бѣлоручничество. Однакожь Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда опять за границу: промѣшкаль бы маленько и отправился бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну вотъ и я туда ѣду. «*Mais moi c'est autre chose*». И видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, т. е. очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь и всѣ-то они кажется щипутъ уголка для оскорбленнаго

чувства. По крайней мѣрѣ чего-то ищутъ. Поколѣніе Чацкихъ обоого пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножились тамъ подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они все поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитриевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надобла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома, онъ одинъ только и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ сказать родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе дескать сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются». Онъ при дѣлахъ и нашелъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь и Русь его знаетъ». Да, ужь сего-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ, только онъ и говорить. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ объ всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ и, право, я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ, на ихъ лицахъ такая тоска... Вѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Все они ходятъ съ гидами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости и право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропустить ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три грации, потому что такъ вѣльно вѣрить по гиду; бросаются на сикстинскую мадону и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто нибудь вылезетъ изъ-подъ пола и разсѣетъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ, чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ, ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко-жаждущее, а про себя заранее убѣжденное, что ничего никогда не случится, разумѣется до первой мухи: пролетѣла муха,—значитъ опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранилъ. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ про всю массу можно только вотъ что сказать:

какъ только все мы переваливаемъ за Эйдикунень, тотчасъ же становимся разпительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ потерявши своего хозяина. Да вы что думаете, что я съ насмѣшкой пишу, пишу кого нибудь, что вотъ-де «въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!» и т. д. и т. д. О ничуть и не сколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансія не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ». Вотъ и отговорка и вся недолга. Отговорку-то мы найдемъ знаемъ. Но что это? куда я заѣхалъ? Гдѣ жъ это я успѣлъ перевалить за границу русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдикунену подъѣзжаемъ... Ахъ ужь поѣхали. И въ правду, и Берлинъ, и Дрезденъ и Кельнъ, все поѣхали. И правда все еще въ вагонѣ, но ужь передъ нами не Эйдикунень, а Аркеллинъ и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я о немъ хотѣлъ говорить, да и забылъ! Ужь очень про нашу русскую Европу раздумался; простительное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А впрочемъ, что жъ ужь очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава лишняя.

ГЛАВА IV

И не липняя для путешественниковъ.

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно «разсудка французъ не имѣетъ?»

Но нѣтъ однако, почему же разсудка французъ не имѣетъ, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркеллинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро и я вошелъ въ вагонъ очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Францію. До Аркеллина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи наемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой, и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и къ удивленію моему, мой швейцарецъ, при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ, вдругъ сдѣлался чрезвычайно не словоохотливъ. Я было обратился къ нему съ предложеніемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замаять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ ка-

кой-то странный народъ. Ыхали они на-легкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько нибудь напоминало чловѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ шюртучкахъ, странно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе денщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шелкового платка изъ такихъ, которые вѣчно носятъ и пропитываются цѣлымъ фунтомъ жира, послѣ пятнадцатилѣтняго соприкосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брильянтами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцевато. Всѣ четверо казались однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати пяти или около, и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другаго. Лица ихъ были помѣтны, съ казенными французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозъ разныя трубы и усвоившій себѣ на вѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но не помню, сказали ль хоть одно слово между собою. На насъ, т. е. на меня и швейцарца они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна кареты. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня, правда, мелькалъ вопросъ: что жъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели жъ отставные военные, что нибудь à la demi-soldé или въ этомъ родѣ? Впрочемъ я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они всѣ четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждуть на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, т. е. чрезвычайно быстро.

Только что мы остались одинъ, швейцарецъ мгновенно захлопнулъ свой ядѣ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа не долго посидѣли, началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и сѣдлись.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?... но вѣдь это полицейскіе..

— Какъ? какіе полицейскіе? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы не догадываетесь

— И... неужель шпионы? (я все еще не хотѣлъ вѣрить).

— Ну да; для насъ и сѣдлись.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это бесъ сомнѣнія! Я ужъ нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможенѣ, когда читали наши паспорта, сообщили имъ наши имена и проч. Ну вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же однакожъ провожать, коль они насъ ужъ впдѣли? Вѣдь вы говорите имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-вожъ, однимъ словомъ все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете всякія мелочи, особенности, т. е. какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли бы потеряться, имя перемѣнить (т. е. если вы подозрительный). Ну такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Къ тому же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо, продолжалъ я спрашивать, все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно на этотъ разъ мало иностранцевъ, а еслибъ больше было они бы разбили по вагонамъ.

— Да помилуйте, они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не беспокойтесь, все рассмотрѣли... Для насъ и сѣдлись.

Ну-ну, подумалъ я, вотъ-те и «разсудка французъ не имѣетъ,» и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво накопился на швейцарца: «Да ужъ и ты, братъ, не того ли, а только такъ прикидываешься,» мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но что жъ будешь дѣлать; невольно подумается...

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ сказать всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ на первый разъ въ отелѣ меня лично не много беспокоили и описали меня въ тихомолку, кромѣ разумеется тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее же вы вписываете показанія ваши: кто, какъ, откуда, съ какими мыслями? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился, не найдя мѣста въ прежнемъ hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со

мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй *hôtel des Empéreur* смотрѣлъ вообще какъ-то патриархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ же день какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хозяйка очевидно заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, начала она очень вѣжливо:—надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... *votre état*?

Это: *votre état*? чрезвычайно сбивчивая вещь и нигдѣ мнѣ не правилось. Ну что тутъ написать? Путешественникъ,—слишкомъ отвлеченно. *Nomme de lettres*—никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше *propriétaire*, какъ вы думаете? спросила меня хозяйка. Это будетъ лучше всего.

— О да, это будетъ лучше всего, поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну теперь: причина вашего приѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм, да, *pour voir Paris*. Позвольте мсье: вашъ ростъ?

— То есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось бы знать подробнѣе... Я думаю, я думаю... продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это пужно? спросилъ я.

— Охъ, это необ-ходимо, отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ. Теперь мсье ваши волосы? блондинъ, гм... довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: — вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм, свѣтлые...

И она опять посовѣтовалась глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже озабоченнымъ видомъ. *Voilà*, мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень хорошо понялъ на что онъ указывалъ. У меня маленькій пирамъ на лбу и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте жъ теперь спросить, сказалъ я хо-

зяйкѣ, когда кончился весь экзаменъ: — неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-ходимо!..

— Мсье! поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно внушительнымъ видомъ.

— Но въ *hôtel Coquillière* меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, живо подхватила хозяйка. Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно они оглядѣли васъ молча, но только непременно, непременно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

— О, мсье!.. скрѣпилъ мужъ съ торжественностью и даже умилеіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, насколько по крайней мѣрѣ я ихъ узналъ потомъ. Но слово: необ-ходимо произносилось вовсе не въ какомъ нибудь извинительномъ, или умѣньшителномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ я въ Парижъ...

ГЛАВА V.

Ваалъ.

Итакъ я въ Парижъ... Но не думайте однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю вы столько уже перечитали, о немъ по-русски, что наконецъ ужъ и надобно читать. Къ тому же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по закону, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ нѣкихъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу, что именно просмотрѣлъ, но за то вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разливено; какъ всѣ довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ наконецъ до того достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, п... п... остановились на этомъ. Далѣе и дорогѣ итъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите что я преувеличиваю, что это все желчная патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но друзья мои: вѣдь предудомилъ же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что можетъ быть ужасно навру. Ну и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру будучи убѣжденъ, что не вру.

А по моему этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое такъ сказать *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще немного, и полутора-милліонный Парижъ обратится въ какойнибудь окаменѣлый въ затишьи и порядкѣ профессорскій нѣмецкій городокъ, въ родѣ на примѣръ какогонибудь Гейдельберга. Какъ-то тянется къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентація! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентація, которая ничтожна (сравнительно разумѣется), а колоссальная внутренняя, духовная, изъ души пропсшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно съ любовью умалится, съ умиленіемъ ежится. Куды въ этомъ отношеніи на примѣръ Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и по крайней мѣрѣ наружно,—какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными нерегулированными подъ одну мѣрку планами отгушавался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громоздко и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и повидимому никакъ не исключая другъ друга. Все это кажется упорно стоять за себя и живетъ по своему и повидимому не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ та же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобщее-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какънибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какънибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникѣ обратиться, да только устроиться, не побѣдая другъ друга—не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается тоже что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на statu quo, вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры можетъ быть у самихъ предводителей прогресса и поклонниковъ Ваала. Пожалуй-ста однакожь не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно, только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да безсознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленияхъ всей массы. Но буржуа на примѣръ въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибѣтъ даже васъ, если вы усумнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть прибѣтъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хоть и также, но за то какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разниа съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой ма-

шинъ, эти чугуники, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлости предпримчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпныя скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчанель, съ его полуголыми, дикими и голымъ населеніемъ. Сити съ своими милліонами и всемірною торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ одно стадо; вы сознаете исполнскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ ли тутъ? не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и запѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земнаго шара—людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какъ-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ апокалипсиса, въ очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующаго за свой идеалъ...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеалъ. Къ тому же голодъ и рабство не свой братъ, и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилеттанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно могутъ создавать картины изъ апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я: — положимъ, что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но еслибъ вы видѣли какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполнской гордости влаждествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданий этого духа, замираетъ перѣдко и голодная душа, смѣ-

рется, подчиняется, ищет спасения в джинс и в разврат и начинает вѣрять, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давить, масса деревенѣтъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасения въ чемъ нибудь въ родѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ напримѣръ, что ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтми, разливается какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все наработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и събстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознания.. Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго тоскался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, спрашивая почти знаками дорогу, потому что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощущали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознания, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ Господи». И они сами знаютъ это и покамѣстъ отмишакотъ за себя обществу какими то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ—отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людскаго, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ошущую стучатся хоть въ ка-

кія нибудь ворота и ищутъ выхода. чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбѣгъ въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть посвоему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами...

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорация въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины. Улицы освѣщены пучками газа, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагѣ. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаются всю улицу. Все это жаднѣе добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходить и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кинсековъ. Помню разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, или танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ будто по обязанности. Наверху, въ галереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобного такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человекомъ, кажется богатымъ джентльменомъ, и по всему видно непривычнымъ посѣтителемъ казино. Онъ можетъ быть отыскивалъ ее и наконецъ они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ то отрывисто, какъ будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ее были нѣжны, тонки, что то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе что же значить лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человекъ. Наконецъ онъ всталъ, пожалъ ей

руку и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Маркетъ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просиѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ-знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятій и отчаянія, было даже какъ то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ сплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла на мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги.—Вообще предметы игривые...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ почти закрывавшей ея лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то, что я не могъ разобрать ломаннымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я рассмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois tu cela?» На другой сторонѣ, по французски же: «Азъ есмь воскресеніе и животь...» и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльных выдержекъ изъ евангелія и библии. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагандаторъ бездна и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдеть онъ наприимѣръ больного, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми,

съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лечить больного. покупаетъ лекарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ уже послѣ излеченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда вытолкаютъ; онъ все снесетъ, но ужъ кого нибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконны, потому что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваются въ каминѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. По крайней-мѣрѣ въ газетѣ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчий и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подконецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жарѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-нравственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жарѣтъ и жить тутъ для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужъ безъ маски. По крайней-мѣрѣ—раціонально и безъ обмана. У этихъ убѣжденных до отупѣнія профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго и забываютъ миліонъ дикихъ въ Лондонѣ, за то, что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, освѣщенныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, блѣлыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый и мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполнискимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Вааль царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Вааль не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ наприимѣръ въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволя-

еть всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, наяву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ какъ птица страусъ любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужъ и невидать наступающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако чтожъ это я! Я опять не въ Парижѣ... Да когда жъ это, Господи, я приучусь къ порядку...

ГЛАВА VI.

Опытъ о буржуа.

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, стушеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите пожалуйста мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ какъ-будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, *le tiers état c'est tout*, а вы—ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспоминать и руками машетъ, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ и на языкѣ тревога, когда другіе чегонибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблагится и чегонибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться: «Господи! да что это я наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ, поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгую, можетъ и послѣ завтра, если будетъ великая милость Господня... Ну а тамъ, а тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и—*après moi le déluge*» Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпионовъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, прикащики какіе-то или худож-

ники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпюзы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, *rot-au-feu* варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? На счетъ прически ужъ это такъ неперемѣнно рѣшено, такъ ужъ условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными столами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпюзъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какже-съ: если не такъ, такъ вѣдь пожалуй подумаютъ, что идеаль не достигнуто, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно пожалуй чего-нибудь еще пожелать, что стало-быть буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы, Боже-сохрани чего не замѣтили! А эпюзы кушаютъ конфетки, гантируются, такъ что русскіе барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики. показываютъ свои пожки и преграціозно приподнимаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ напримѣръ «Жена, мужъ и любовникъ» уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ также много, какъ песку морскаго (а ихъ тамъ можетъ и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блестятъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестяло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Палероялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется неперемѣнно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпюзами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благонравныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струи напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ тоже самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьезенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю *gloire militaire*, процвѣтающую во Франціи и за которую Jacques Bonhomme такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но кажется и торгуя и облуливая васъ какъ линку въ своемъ

магазинѣ, онъ облуливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуны и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катихизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то такъ сказать священнѣйшій видъ. Прежде хоть чтонибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе рассчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстно, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяютъ удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Вѣдний Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Станный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любятъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлога французика, который за четвертакъ продастъ вамъ роднаго отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ тоже время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продаетъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній приказикъ раздавить, просто раздавить васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые приказики, которые служатъ моделью самаго судящегося суперфлюа для нашего михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ приказикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, и только такъ себѣ скромный путешественникъ а вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и какъ подумаешь тутъ же, сколько ему бѣдненькому придется, послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивиаду, Монморанси, да еще послѣ кого? послѣ васъ, имѣвшаго дер-

зость съ вашей пезавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительнымидесятью франками придти безискомтъ такого маркиза,—какъ подумаешь все это, то поневолѣ мигомъ, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаяваетесь и проклинаете судьбу зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы пропзвели въ магазинѣ и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе ступевайтесь. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громаднхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напуститъ сюда русскихъ барынь и... но о томъ что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ приказики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ напримѣръ въ англичанкахъ, которыя не только не смущаются, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переверотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, о ужась! торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужъ онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупить съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непременно безсребренниковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло,—за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не простить воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы стало-быть хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человечества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой цѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь куска хлѣба и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же наконецъ—опять-таки я все на прежнее — почему же наконецъ буржуа до сихъ поръ какъ будто чего-то труситъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему безпокоиться? Парле-

ровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвѣченная логика неприменима къ человечеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Густавовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеалъ ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками возвращено и вѣками воспитано. Национальность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучший и самый полный идеалъ собственника, какой только можно себя представить. Коммунистовъ? Соціалистовъ наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да; вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы кажется бояться? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сійесъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это все. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ.*» Ну, такъ и случилось какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣрить, не смотря на то, что все что было сказано послѣ словъ Сійеса сбродило и лопнуло какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласила скорѣй послѣ него: *liberté, égalité, fraternité*. Очень хорошо-съ. Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода?—Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь миллионъ. Даетъ ли свобода каждому по миллиону? Нѣтъ. Что такое человекъ безъ миллиона? Человекъ безъ миллиона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Чтожъ остается изъ формулы? братство. Ну, эта статья самая курьезная и надо признаться до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на западѣ. Западный человекъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человечества и недогадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительно-

сти. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его въ паличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особеннаго, усиленнаго самосохраненія, самопримиренія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самонаправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самоназначенія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равноцѣнности со всѣмъ остальнымъ, а все-то это *остальное* должно бы было само придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я* и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но напротивъ отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства. Конечно можно переродиться? Но перерожденіе это совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью. Чтожъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ непринужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть по моему признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самонаправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человека. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ

хоть какойнибудь самый малѣйшій разсчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну вотъ и надобно, чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все равно, что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ и увидите, что онъ проклятый будетъ помпунтно припоминаться. Какъ же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобъ оно *само собой соплалось, чтобъ оно было въ натурѣ*, безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало, — надо любить. Надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, не смотря на всѣ вѣковыя страданія націй, не смотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націю, не смотря на вѣковое рабство, на нашествія шоплеменниковъ, однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человека, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку псконн вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, еслибъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ. возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйтея располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось.» А братство напротивъ должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться помпунтно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неуспынно о тебѣ стараемся, потому что мы братья. мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны; будь же вполне спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ.»

Послѣ этого разумѣется ужъ нечего дѣлится. тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится.

Эка вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять-таки что же дѣлать социалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а напротивъ начало едпичное, личное, непрерывно обособляющееся, требующее съ мечемъ въ рукѣ своихъ правъ. Соціалистъ видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, т. е. не имѣется натуры, способной къ братству, натуры, вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на братство. Въ отчаяніи социалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, разсчитываетъ на вѣсь и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготеетъ и опредѣляетъ заранее разсчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ какое тутъ братство, когда заранее дѣлается и опредѣляютъ кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго.» Ужъ лучше этого разумѣется ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе что вся формула цѣлкомъ взята изъ одной всѣмъ известной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы говорятъ взяли свои послѣднія девятисотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, т. е. хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, общаются кормить, поить его, работу ему доставить и за это требуютъ съ него только самую капелку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капелку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ разсчетахъ, ему и капелка тяжела. Ему все кажется съ дуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ быть его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все такъ кажется чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей, какойнибудь бессловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ

разливовано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хотъ и возможенъ социализмъ, да только гдѣ нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи социализмъ провозглашаетъ наконецъ: *liberté, égalité, fraternité ou la mort*. Ну ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ стало быть и сбылась формула Сийеса буквально и въ послѣдней точности. И такъ буржуа все, отчего жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ сбрендили, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ напимѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлялся съ ними на іюньскихъ барикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидаль, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его и нѣтъ ничего, что онъ идеаль, и что ему осталось теперь, не то, чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеаль а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе какъ хотите конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогдашняя возможность. Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно, и всего боится, именно потому, что всего достигъ. Когда всего достигнешъ, тяжело становится все потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе боится, значитъ тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не смѣйтесъ пожалуйста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII.

Продолженіе предъидущаго.

И почему между буржуа столько лакеевъ, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевету, что во мнѣ говоритъ ненависть. Къ чему? къ кому? зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ и это такъ. Лакейство вѣздается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное — натура помогаетъ. Я ужъ не говорю напимѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпионства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоятъ, что необычайное развитіе шпионства во Франціи, и не простаго, а мастерскаго шпионства, шпионства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научные пріемы, про-

исходить у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально-благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не предоставитъ сейчасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ я и преувеличиваю это, но можетъ быть я говорю основываясь на какихъ нибудь фактахъ. Французъ любить ужасно забѣжать впередъ, какъ нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчасней награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣстъ напимѣръ при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3 іюля. Смотрю: письма изъ Виши. Въ Виши гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ разумѣется; были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинается:

«У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется вы тотчасъ же угадали самаго блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день, въ сопровожденіи своей свиты и т. д.»

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе и конечно» отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобъ зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ въ этомъ случаѣ, что можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужъ онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы кажется это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ навѣрно этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ писавшій «correspondence» газета ее помѣстившая у себя и редакція газеты, неужели-жъ всѣ они до того глупы, чтобъ не разобрать, что владыкъ вовсе не нужна слава перваго наѣздника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе и не рассчитываетъ на эту славу и конечно не повѣритъ если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи; говорятъ онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть самъ владыка посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но за то увидитъ слѣпую покорность, увидитъ безграничное паданіе до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но за то *падамъ до ногъ*, а это главное. Теперь разсудите: еслибъ это было не въ духѣ націи, еслибъ такая пошлая дѣсть не счита-

лась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей и даже приличной—возможно ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лѣсть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такіе же въ такомъ же точно родѣ, кромѣ двухъ-трехъ несовѣтмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльд'отомъ, это ужъ было не во Франціи, а въ Италіи, по за табльд'отомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется говорили загадочно; иные молчали и не хотѣли совѣмъ высказываться; другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоприятное; но конечно высказывали это мнѣніе съ предосторожностями, потому что Гарибальди—человѣкъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него пожалуй и выйдетъ благоразумно даже и то, что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало-по-малу перешли собственно къ личности Гарибальди. Стали перечислять его качества,—приговоръ былъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, громко проговорилъ одинъ французъ, пріятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французсахъ.—Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество открытое въ Гарибальди, должно было быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди конечно можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить пмѣ Гарибальди съ хантурками изъ казеннаго мѣшка, это разумѣется могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе разумѣется все прощается, даже утраченная способность понимать и чутія настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и зангравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно нечаянно подумалъ:

— А что, братъ, еслибъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣстѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно также происходитъ и что не могъ же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизбѣжное благородство, а у насъ можетъ быть даже и гораздо хуже бывало. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что? можно быть даже и подлецомъ, да чутія о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много частныхъ людей, но за то чутіе чести совершенно потеряли и потому подличаютъ, цевѣдая что творятъ, изъ добродѣтели. Первое разумѣется порочишь, но послѣднее какъ хотите презрительно. Такой катихизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а насчетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ однихъ только частныхъ случаевъ, не правда ли?

Даже я вотъ, что думаю: Я можетъ быть ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ дѣйствительно ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хотя онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ помпунтно, что все обстоитъ благополучно, но однакожъ это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ, — дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькой, какъ будто отрывками. У него ужасно много запасно готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ, что же тысячу лѣтъ: про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетныя, пустые интересы. Мнѣ случилось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время пребывало множество людей. Точно всѣ они какъ будто боются и заговорить о чемъ нибудь необыденномъ, о чемъ нибудь не такъ мелочнымъ, о какихъ нибудь всеобщихъ интересахъ, ну тамъ о какихъ бы то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могъ мнѣ казаться быть страхъ шпіоновъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ нибудь мыслить и говорить посерьезнѣе. Впрочемъ встрѣчались тутъ люди, которые ужасно интересовались какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, на сколько я благоговѣю, на сколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до сихъ поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожать. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилаго, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ

и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выпрашивая мое мнѣніе о Парижѣ и ужасно огорчался, когда я не изъявлялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его, — буквально страданіе, я не преувеличиваю. О милый m-r Le Me-re! Француза, т. е. парижанина (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ непервый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ, о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не хочетъ. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза — это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать, когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется, главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право такъ. Но всего замѣчательнѣе, что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взялъ этотъ король, — понять не могу! Вѣдь не особенно же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ l'Etat—c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда облетѣло. Я думаю однимъ этимъ-то словцомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, выполнѣ во французскомъ духѣ, такъ что я даже и не понимаю, какъ это во Франціи могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошлили и воротились къ прежнему духу; на то идетъ; но краснорѣчіе, краснорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчія, одного только краснорѣчія онъ до сихъ поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію; припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро. То-то краснорѣчія-то было тогда, говоритъ онъ иногда про себя и начинаетъ задумываться. Наполеонъ III это понять, тотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться и мало-помалу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, т. е. такихъ, что можетъ быть ихъ и не подкупилъ, если начать подкупать, и однако же ихъ все-таки только шесть, — шесть было, шесть есть, и шесть только и останется. Больше не прибудетъ, будьте покойны, да и не убудетъ тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однакожъ гораздо проще въ дѣйствительности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но побол-

тать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуживаются важнѣйшіе государственные вопросы и парижанинъ сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе и радъ. Разумѣется, онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего, что будутъ слова, слова и слова, и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ и этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, певинная игра, маскарадъ, а между тѣмъ говорить, нѣсколько лѣтъ сряду говорить, и прекрасно говорить, даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія: «Хорошо говорить человѣкъ!» и у президента и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и губернёръ сихъ милыхъ и благонравныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говоритъ онъ, его мыслямъ и благонравному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣмъ, всѣмъ... Но, хотя почтенный членъ и выполнѣ заслужилъ въ награду книжку съ надписью: «за благонравіе и успѣхи въ наукахъ», не смотря на то, господа, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь господа, что вы совершенно со мною согласны. — Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ и взглядъ его начинается сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ губернёру, а между тѣмъ, тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія губернёра и къ слѣдующему разу. Губернёръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанія на «Восходъ солнца» удаляется гордый своимъ успѣхомъ, представители удаляются, облизываясь въ нѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпизама въ Палероялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а губернёръ, отпрапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заводятъ и игру поважнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію къ совершенному испугу всѣхъ этихъ уча-

щихся юношей. Въ классѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію надо то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ, говорится то самое, что (предполагается) могли бы высказать эти же самыя милыя дѣти, еслибъ гувернеръ хоть на минутку вышелъ изъ класса. Разумѣется и тутъ въ мѣру; да и предположеніе пѣйное, потому что всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевелились, еслибъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благонавію всемілостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку, за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., т. е. все, что было сказано прежде; разумѣется весь классъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уведать домой, благонавіе ученики расходятся изъ класса, какъ настоящіе благонавіе паньки, а вечеромъ гуляютъ съ эпюзами въ Палероалѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д., и т. д., и т. д., однимъ словомъ, порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія гдѣ судятся уголовныя процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантии и въ шапкѣ говоритъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благовѣйшая тишина; мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и очень мало скандализируется, потому что отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благонавіе. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капиталчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго и что какъ поприкопши деньжонокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ на мой взглядъ немного ошибаются. Конечно капиталчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно слѣлать съ французомъ. Эпюзы по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ, даже теперь гораздо болѣе чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотить. Въ процессѣ изяснялось какъ пустынники долголѣтнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣньемъ отяготѣли надъ душой одвой прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ мона-

стырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до пстерики разными страхами и все съ разсчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ наконецъ довели ее до болѣзни, до пдіотства, представили ей наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ-Богомъ и мало-помалу удалили совершенно родственниковъ. «Даже ея племянница, эта дѣвственница, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ, и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызывать ея front virginale, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности...» Однимъ словомъ все въ этомъ ролѣ; было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцы-пустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они конечно не унываютъ. Проиграли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? спросилъ я одного молодого студента, бывшаго въ числѣ благоговѣвшихъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонавіе. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ наконецъ съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я конечно сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія. такъ-сказать въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣденъ до конца ногтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было неурочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковныя склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ человѣкъ, немного только шамкая, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запѣлъ, только-что подвелъ насъ къ первой гробницѣ:

— Ci-gît Voltaire.—Вольтеръ, сей великій гевій прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предразсудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтлильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля.—

Онъ говорилъ очевидно по заученому. Кто-нибудь, когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ рацию и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь: даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— Ci-gît Jean Jacques Rousseau, продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ:—Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!

Мнѣ стало вдругъ смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно опопилить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ nature и vérité рѣшительно не понималъ о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! сказалъ я ему.—Изъ этихъ двухъ великихъ людей, одинъ всю жизнь называлъ другаго дуномъ и дурнымъ человекомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! замѣтилъ было инвалидъ, желая что то возразить, но однакожъ не возразилъ и поскорѣй повелъ насъ еще въ гробницѣ.

— *Ci-gît Lannes*, маршалъ Ланнъ, запѣлъ онъ еще разъ:—одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, пскуснѣйшій предводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ-будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человека. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! позвольте же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ.—Вы можете-быть и знаете это все... Но позвольте и мнѣ рассказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому рассказать, хотя бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова:—на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришелъ къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой:—мсье! я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете можете-быть лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! бесполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія умершаго почти на глазахъ его полководца.—*C'est fini, monsieur*, прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошелъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну это... *quelques sénateurs*, прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ не подалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и мар-

шала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ сказать народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія, конвента и клубовъ, въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ,—любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VII.

Брибри и мабишь.

А чтожъ эпюзы? Эпюзы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпюзы вмѣсто жены? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: *mon épouse*. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ, *ma femme*—моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Къ тому же есть и другія наименованія. Когда буржуа разчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: *ma biche*. И обратно, любящая жена, въ принадлежн граціозной привности, называетъ своего милаго буржуа: *bribri*, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтаютъ, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужъ условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпныхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устроивай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и молчитъ разумѣется, покамѣстъ у него еще мало приколпено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потому что начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ уже и на Гюстава онъ начиняетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ въ добавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупляются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужъ въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если на примѣръ у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужъ и не отдадутъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри по лучше, Кромѣ того браки по любви становятся

все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и я думаю гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе женскими деньгами буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похищенія своей мабишъ и не замѣчать нпыхъ досадныхъ вещей, потому, что тогда т. е. при размоливкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Къ тому же если мабишъ и зашеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется: меньше съ него спросить жена на наряды. Мабишъ тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда нибудь отъ своей мабишъ на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишъ, раздается между супругами всего чаще и чаще. А наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комиссаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужъ такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flagrant délit, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишъ это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишъ, что она и не ропщетъ и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться на примѣръ въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и такъ сказать канареечномъ состояніи. Ее радятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ парицу и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ рыцарскія отношенія соблюдены и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д. и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталстка и копѣчница какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, т. е. дойдетъ до того, что ужъ никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительно нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда мабишъ вдругъ, быстро и скверно перерождается. Куды дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копить съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглядываетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, гру-

бые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется не все такъ, разумѣется бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется и вездѣ есть такія же социальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишъ—царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдѣтельность удивительная; доходитъ подчасъ до такой машиловщины, что пная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишъ сама большая плутовка и... ей только того и надо... Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплutowать, чѣмъ идти честно на прямикъ и вѣриѣ по ся мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига—въ этомъ все для мабишъ; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишъ манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазированныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишъ развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, за то она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штучекъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею какъ за пикантною новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего: это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ можетъ быть и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка можетъ быть больше нравиться. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, т. е. поддѣлай любовь» — вотъ что требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпизы, по крайней мѣрѣ довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяется. Къ тому же буржуа знаетъ, что мабишъ къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ правая рука, старшій приказчикъ. Какъ не простить тутъ какого нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ пе-

редъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина, мало-мальски не старая, двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ, безъ того, чтобъ какая нибудь воинственная или потаскливая фізіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ не смотря на возможность Гюстава, обиденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто наивна. Вообще заграничные люди—это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно наивнѣе русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе; нужно самому замѣтить. Le Russe est sceptique et moqueur, говорятъ про насъ французы и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, по крайней мѣрѣ не уважаемъ его въ высшей степени, не понимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, не принадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холоднѣе, какъ бы по обязанности, и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивны. Гуляя на примѣръ вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабишѣ отчего бьютъ фонтаны кверху, объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотою булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ les grandes eaux, усѣхами императора Наполеона и gloire militaire, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишѣ тоже довольно нѣжно относится къ супругу, т. е. не то, что поддѣлкой какой нибудь, а безкорыстно нѣжно, не смотря даже на прическу супруга. Разумѣется я не претендую, какъ лесажевъ бѣсъ, сипмать крыши съ домовъ. Я рассказываю, только что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «Mon mari n'a pas encore vu la mer, говоритъ вамъ плная мабишѣ и голосъ ея изображаетъ искреннее наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть на море. Нужно знать, что у буржуа есть нѣкоторыя пренапвныя и пресерьезныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа на примѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященные всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически. Первая потребность это voir la mer, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще тутъ даже много чувствительнаго и я уважаю это. Наконецъ ему удастся улучшить время и средства; онъ собираетъ-

ся и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море.» Возвратясь онъ рассказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ женѣ, родитѣ, пріятелямъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа и особенно парижскаго буржуа, это — se rouler dans l'herbe. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любить и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ avec la nature и особенно любить, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще парижанинъ за городомъ считаетъ немедленную свою обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, пргивѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ la nature человѣкомъ. L'homme de la nature et de la vérité! Ужъ не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ la nature? Впрочемъ обѣ эти потребности: voir la mer и se rouler dans l'herbe,—парижанинъ позволяетъ себѣ болѣею частью только тогда, когда уже накопитъ себѣ состояніе, однимъ словомъ когда самъ начинать уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя какъ на человѣка. Se rouler dans l'herbe бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любить купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, все равно—буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «mon arbre, mon mug», твердитъ онъ себѣ и всѣмъ кого зазоветъ къ себѣ поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего se rouler dans l'herbe. Чтобы исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непременно лужокъ передъ домомъ. Кто-то рассказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ сѣ-занный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на песокъ не выходило и не принималось. Такое ужъ мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣ обѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благопріобрѣтенной собственности пожалуй это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ конечно тоже самое, что и буржуа, т. е. прикащикъ, купецъ, чиновникъ, homme de lettres, офицеръ. Гюставъ—это неженатый, но тотъ же самый брибри.

Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рдится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какіе на немъ теперь перья. Идеаль Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевилъ, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скоромный и веселый водевилъ, — единственное произведеніе искусства, которое почти не пересажимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ, — водевилъ, хотъ и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполне. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умереть покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевилъ теперь перерождается. Онъ хотъ и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ по прежнему, но теперь уже сильно начинается примѣшиваться къ нему другой элементъ — правоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей маишѣ наставленія. Къ тому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила; а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда лѣстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ даже выставленный въ смѣшномъ видѣ и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобныя доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхъ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокаивать. Онъ даже начинаетъ вѣрять въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того, что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣ нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. Но Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ гениемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и началось всегда такъ, что виконтеса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, неизмѣнной нп копѣйки, но у которой вдругъ оказывались безчисленныя деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его

тотчасъ же врываются три смѣшныя милорда и предлагаютъ ему по сту тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святаго искусства на профанацію пигмеевъ, до сихъ поръ незамѣтившимъ какъ онъ великъ. Но врывается виконтеса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтеса, прежній врагъ его, черезъ которую нп одно изъ произведеній его до сихъ поръ не понадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея миллионъ, прощаетъ виконтесу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье и совокупившись законнымъ бракомъ начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, *bonnet de coton* и прогуливаться съ маишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй разумѣется напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земнаго счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не прикащикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются миллионы. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ миллионы. Зачѣмъ? Ужъ такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него, и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умереть отъ любви къ нему и чтобъ онъ шелъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ миллионы и обругавъ всѣхъ самыми скверными словами, за то что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же не изъяснимаго благородства какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша идетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати, эта ленточка ужасна. Посетель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только-что не плюетъ на васъ, онъ куражитъ

ся надъ вами безстыдно, онъ пытитъ, задыхаетъ отъ куражу, такъ что васъ наконецъ начинають тошнить, у васъ разливается желчь и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосе Бопре, по крайней мѣрѣ болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре разумѣется накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, не много смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и непзяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается разумѣется, что она чиста какъ голубь, что она только пошлала, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающий ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль разумѣется по прежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впоследствии жъ: у ней оказывается миллионъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью и «l'érès de mon père». Объ этой шпигѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, нестати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется у него ни гроша, это *sine qua non*. Мадамъ Бопре разумѣется влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кричитъ отъ любви въ продолженіи пяти актовъ. Идетъ наконецъ снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ оконкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ блѣдный, съ подвязанной рукой,

медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и обольститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это шутики мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его никогда не забудетъ. Она лннетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесили миллионъ и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться, Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непременно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на миллионъ, иначе буржуа не проститъ ему; неяснаго благородства будетъ мало, пожалуйста не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не беспокойтесь: миллионъ не мнуетъ счастливую чету, онъ неизбеженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ миллионъ, Сесиль и затѣмъ начинаются неизбежные фонтанчики, котовые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ и чувствительности выходить много и непзяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями и главное, главное миллионъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.